

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ТЕКСТЫ

ВВЕДЕНИЕ
ТОМ 1 / КНИГА 1

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тексты
В трех томах

Том 1

Введение

Книга 1

Редакторы-составители:

Ю. Б. Дормашев

С. А. Капустин

В. В. Петухов

Издание третье, исправленное и дополненное

---

*Рекомендовано УМО по классическому университетскому
образованию в качестве учебного пособия
для студентов высших учебных заведений, обучающихся
по направлению подготовки (специальностям)
ГОС ВПО 030300 «Психология», 030301 «Психология»,
030302 «Клиническая психология»; направлению
подготовки ФГОС ВПО 030300 «Психология»
и специальности 030401 «Клиническая психология»*

Москва
Когито-Центр
2013

УДК 159.9

ББК 88.3

О 28

Рецензенты:

Иванников В. А., член-корреспондент РАО, доктор психологических наук,
заслуженный профессор МГУ

Романов В. Я., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник,
заслуженный преподаватель МГУ

О 28 Общая психология. Тексты: В 3 т. Т. 1: Введение. Книга 1 / Ред.-сост.:
Ю. Б. Дормашев, С. А. Капустин, В. В. Петухов. М.: Когито-Центр, 2013. –
640 с.

УДК 159.9

ББК 88.3

ISBN 978-5-89353-377-4 (т. 1, кн. 1)

Курс общей психологии – фундаментальный для образования психологов всех специальностей, как исследователей, так и практиков. Трехтомное собрание оригинальных психологических текстов, дополняющее любой базовый учебник по темам и вопросам, определяющим структуру и содержание общей психологии, предназначено для проведения семинарских занятий по этому курсу и самообразования. Большинство текстов написано авторитетными философами, учеными и авторами учебников, имеющими мировое признание.

В первом томе представлен раздел «Введение», который закладывает основы для более глубокого изучения общей психологии и других психологических дисциплин. Он состоит из трех книг. В этой книге представлены тексты по теме «Общая характеристика психологии как науки».

Данное учебное пособие подготовлено сотрудниками факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова для студентов и преподавателей факультетов психологии университетов, а также других высших учебных заведений, в которых изучается психология. Многие тексты этой книги вызовут интерес и у широкого круга читателей.

*В оформлении обложки использована схема лабиринта из дерна,
расположенного в парке Боутона (Англия).*

ISBN 978-5-89353-377-4 (т. 1, кн. 1)

ISBN 978-5-89353-376-7

© Ю. Б. Дормашев, С. А. Капустин, В. В. Петухов,
ред.-сост., 2013

© Когито-Центр, 2013

Содержание

Предисловие ко второму изданию	7
Предисловие к третьему изданию	11

Пролог Как учить и научиться

<i>Кант И.</i> Ответ на вопрос: что такое просвещение?	15
<i>Вебер М.</i> Наука как призвание и профессия	18
<i>Рассел Б.</i> «Бесполезное» знание	33
<i>Селье Г.</i> [Наука и преподавание]	41
<i>Введенский Н.Е.</i> Условия продуктивности умственной работы	60
<i>Биггз Дж.</i> Подходы к учению	75
<i>Уэйнстайн К.Э.</i> [Типы стратегий учения]	78
<i>Валветни Л., Лефтон Л., Провензано Ф.</i> Метод активного участия	92
<i>Бернстайн Д.А.</i> Как справиться с преподавательской тревожностью: личная точка зрения	95
<i>Глейтман Г.</i> Введение в психологию	104

Тема 1 Общая характеристика психологии как науки

Вопрос 1. Архаичные, мифологические и религиозные представления о душе

<i>Мертлик Р.</i> Амур и Психея	122
<i>Тайлор Э.Б.</i> Анимизм	129
<i>Фрэзер Дж.</i> Опасности, угрожающие душе	132
<i>Леви-Брюль Л.</i> [Коллективные представления о душе]	147
<i>Уэллман Г.</i> [Начальное осознание мира психики]	160
<i>Феофан Затворник</i> [О душе и духе]	168

Вопрос 2. Представления о душе в философии Древней Греции

<i>Платон</i>	
[О душе]	181
<i>Аристотель</i>	
[О душе и ее добродетелях]	198

Вопрос 3. Представления о сознании в философии Нового времени

<i>Декарт Р.</i>	
[Исследование души]	212
<i>Локк Дж.</i>	
Опыт о человеческом разумении	224
<i>Лейбниц Г.В.</i>	
[О врожденных принципах и малых восприятиях]	236
<i>Фэнчер Р.</i>	
Рене Декарт и основы современной психологии	246
<i>Уилкс К.В.</i>	
[Древняя Греция: сопоставление с картезианством]	252

Вопрос 4. Что изучает психология

<i>Снегирев В.А.</i>	
[Общая характеристика душевных явлений]	266
<i>Челпанов Г.И.</i>	
Классификация душевных явлений	270
<i>Снегирев В.А.</i>	
[Волнения деятельности и скуки]	275
<i>Макдугалл У.</i>	
[Общая характеристика явлений поведения]	281
<i>Кантор Дж.Р.</i>	
[Специфика психологического поведения]	284
<i>Дуров В.Л.</i>	
[Психологические наблюдения за поведением животных]	291
<i>Конечный Р., Боухал М.</i>	
Психосоматические отношения	300
<i>Юнг К.</i>	
[Неосознаваемые психические процессы]	305
<i>Платон</i>	
Смерть Сократа	310

Вопрос 5. Специфика научного познания: психологические теории, объяснения и методы исследования

<i>Гросс Р.Д.</i>	
Является ли психология наукой?	314
<i>Валентайн Э.Р.</i>	
Теории и объяснения	343

<i>Кун Т.</i> [Нормальная наука и научные революции]	363
<i>Мадсен К.</i> [Метауровень научных текстов]	374
<i>Лоренц К.</i> [Научная теория и научная доктрина]	377
<i>Айлифф А.</i> Нейтралитет психологии	383
<i>Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.</i> Методы научного исследования	386
<i>Герриг Р., Зимбардо Ф.</i> Знакомство со статистикой: анализ данных и составление заключений	413
<i>Хок Р.</i> Что ожидаете, то и получите	431
<i>Банярд Ф., Грейсон А.</i> [Три облика Евы: анализ случая]	440
<i>Борхардт Д.Х., Францис Р.Д.</i> [Отчет об исследовании]	445

Вопрос 6. Пути познания. Житейская и научная психология

<i>Ройс Дж.Р.</i> Познание и знание: психологическая гносеология	451
<i>Олпорт Г.</i> Личность: проблема науки или искусства?	477
<i>Сэй-Сёнагон</i> Записки у изголовья	486
<i>Феофан Затворник</i> [Христианский подход к психологии личности]	492
<i>Петухов В.В., Столин В.В.</i> Сравнение житейской и научной психологии	516
<i>Никсон Г.</i> Популярные ответы на некоторые психологические вопросы	521
<i>Клацки Р.Л.</i> Личные модели памяти	525

Вопрос 7. Место психологии в системе наук. Редукционизм и его виды.

Психофизиологическая проблема

<i>Кедров Б.М.</i> [Место психологии в системе наук]	558
<i>Пиаже Ж.</i> Психология, междисциплинарные связи и система наук	560
<i>Гросс Р.</i> Редукционизм	563

<i>Шульц Д.П., Шульц С.Э.</i> [Механистический подход]	569
<i>Мадсен К.</i> [Психофизические теории]	573

Вопрос 8. Отрасли психологии. Профессиональная этика психолога

<i>Мадсен К.</i> Обзор психологических дисциплин	588
<i>Годфруа Ж.</i> Чем занимаются психологи?	590
<i>Хок Р.Р.</i> Этика проведения исследований с участием людей или животных	597

Вопрос 9. Наука и псевдонаука: научная психология и парапсихология

<i>Дауден Б.Г.</i> Как опознать псевдонауку	602
<i>Поулинг А., Шлингер Г., Старин С., Блейкли Э.</i> Наука и псевдонаука	605
<i>Крафтс Л., Шнейрла Т., Робинсон Э., Гилберт Р.</i> Изучение установок по отношению к мистицизму у студентов университета	616
<i>Болиш У.Р.</i> Проверка валидности астрологии в аудитории	629
<i>Бьёрк Р.А., Дракман Д.</i> Самоодурачивание вокруг самосовершенствования	637

Предисловие ко второму изданию

Курс общей психологии — фундаментальный для образования психологов любых специализаций, исследователей и практиков. Различный по объему, структуре и содержанию, он преподается на всех факультетах психологии университетов нашей страны и, разумеется, требует обеспечения полноценной учебной литературой. По давней традиции курс включает в себя характеристику предмета нашей науки, ее основных понятий, проблем и путей их решения, общее представление о человеке как личности, результаты исследований ее мотивационной и познавательной сфер. Однако при всем разнообразии тем — главное, что заботило в свое время основателей психологии, а сегодня необходимо для ее преподавателей: этот курс должен быть единым, целостным.

Конечно, для этого нужен учебник. Но тогда он уже есть: в нашей стране — это созданный С.Л. Рубинштейном еще в 1930—1940-е годы учебник «Основы общей психологии», не теряющий актуальности и служащий действительной основой многим более поздним учебникам, подготовленным обычно для педагогических институтов. Для студентов государственных университетов существует курс лекций Ю.Б. Гиппенрейтер «Введение в общую психологию», выдержавший уже два издания, а также ряд учебников по узким разделам курса. И все же создание единого университетского учебника по курсу общей психологии до сих пор остается проблемой.

Однако освоение курса по учебнику — не единственная возможность: путь университетского психологического образования может (а подчас и должен) быть иным. Ведь основные понятия, проблемы, направления общей психологии, методы их решения обсуждаются как на лекционных, так и на семинарских занятиях, взаимосвязанных, дополняющих друг друга. На семинарах, при подготовке к ним студенты могут изучать психологию по оригинальным работам, самостоятельно обращаясь к научной классике, значимым современным исследованиям, теориям, результатам. Так и возник в психологической практике особый жанр — книги для чтения (readings), названной сначала хрестоматией, а затем — просто сборником текстов для семинарских занятий.

На факультете психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова хрестоматии по общей психологии создавались под

руководством А.Н. Леонтьева, а затем Ю.Б. Гиппенрейтер в 1970-1980-е годы. При участии преподавателей, которые проводили тогда семинарские занятия на дневном отделении (и читали лекции на вечернем), получая тем самым в общем курсе свою специализацию, были подготовлены сборники текстов по психологии ощущений и восприятия, внимания, памяти, мышления, индивидуальных особенностей, личности, эмоций. Материалы из этой серии, переиздаваемой сегодня в значительно расширенных вариантах, используются в учебном процессе и по сей день, а значит входят, наряду с другими первоисточниками, и в настоящее издание.

Наше собрание текстов есть первая попытка обеспечить учебной литературой прохождение единого, целостного курса общей психологии. История этого курса, как и настоящего издания, тесно связана с появлением и развитием в нашей стране системы спецотделений для обучения специалистов с высшим образованием. Становление факультетского спецотделения, которым с начала 1990-х годов руководил доцент кафедры возрастной психологии Р.О. Орестов, а сегодня — доцент кафедры психологии личности С.Р. Пантилеев, было достаточно бурным. Сначала студентов было немного (меньше, чем на вечернем отделении факультета), и им вполне хватало скромного по объему годового курса общей психологии при фактическом отсутствии учебных программ. Однако к середине 1990-х годов положение радикально изменилось, и заинтересованные, взволнованные слушатели (количество которых нередко превышает число поступивших на дневное отделение) выступили с требованием обеспечить курс общей психологии в объеме трех полноценных семестров и устранить дефицит учебной литературы. Эта задача была решена вовремя, и первое издание наших хрестоматий уже вышло в свет, хотя и небольшим тиражом, по существу — для служебного пользования. Однако необходимость в учебной литературе по нашему курсу остается острой, и настала пора повторить издание, исправив и дополнив его.

Так случилось, что создание целостного курса общей психологии для спецотделения совпало с началом его становления и на дневном отделении факультета. Курс включает три крупных раздела (что, собственно, отвечает традициям), которые ранее именовались «Введение в психологию», «Психология личности», «Психология познания», причем бывали разными по объему, а два последних нередко менялись по очередности. Соответственно, наше собрание текстов разделено на три тома, в каждом из которых представлено по 7 основных тем.

Том 1 — «Введение» — это первое серьезное знакомство с психологической наукой, ее спецификой как естественной и гуманитарной дисциплины, базовыми понятиями, методологическими принципами, практическими приложениями. Здесь рассматриваются основные варианты предмета психологии и — главное — различаются представления о человеке как субъекте деятельности, реальной жизни, общественной практики и субъекте познания, исследования окружающей действительности. Том 2 — «Субъект деятельности» — суть рассказ о личности в широком и узком смысле: от индивидуальных особенностей человека и эмоционально-волевой регуляции поведения до анализа

потребностно-мотивационной сферы, определяющей строение личности и возможности ее развития. Том 3 — «Субъект познания» — содержит результаты исследований психических процессов, как раз и связанных для многих с общей психологией: в нашем курсе мы разделяем их на собственно познавательные — ощущение, восприятие, мышление — и универсальные, которые обеспечивают любую деятельность — память, внимание, воображение.

Перед вами — первый том нашего собрания текстов, пусть весомый и все же самый небольшой по объему, ведь его материалы слушатели спецотделения обычно проходят всего за три месяца. Каждая из 7 тем представлена кратким содержанием соответствующих лекций, а сами тексты распределены строго по вопросам семинарских занятий, что организует подготовку к ним. Содержание данного раздела курса можно условно разделить так: если материалы первых трех тем (1—3) необходимы сегодня, по нашему мнению, любому специалисту с высшим образованием, то остальные темы (4—7) суть введение уже в профессиональную общую психологию, построенное главным образом — и это принципиально для создателей курса — на научных традициях факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Ключевые слова для тем 1—3: наука (1) — предмет (2) — личность (3). Так, в теме 1 слушатели постепенно начинают отличать научные представления о психике и сознании от житейских, и это особенно важно для тех, кто уже получил иное высшее образование — естественное или гуманитарное: понимание специфики психологии может вызывать трудности, а то и возражения, подчас различные у представителей тех и других дисциплин. Тема 2 посвящена становлению предмета нашей науки — тех его вариантов, которые стали сегодня классическими: сознанию, поведению, неосознаваемым процессам, а также связанным с ними базовым понятиям, методам, проблемам, возможным принципам их решения. В теме 3 мы знакомимся с человеком как субъектом деятельности (и тем самым задаем основы второго раздела курса), пытаюсь увидеть его разным — природным, социальным, культурным, но и единым — активной, противоречивой, преобразующей себя личностью. Особое место занимает здесь сопоставление философских и психологических представлений о сущности человека. Заметим, что данная тема подкреплена материалами, представленными в курсе лекций.

Именно представление о человеке как природном, социальном, культурном субъекте определяет структуру следующих тем. Ключевые слова для них: психика и природа (тема 4) — человек и общество (5) — деятельность (6) — познание (7). В теме 4 раскрывается понятие психики, обсуждаются ее критерии, развитие в собственно природной среде, возникновение сознания в совместной деятельности людей, сравнительная характеристика психики животных и человека. В теме 5 выделяются принципы социокультурной регуляции поведения, ставшие, в частности, основой культурно-исторической концепции развития высших психических функций. Если в теме 4 специфика психологической науки определяется во взаимодействии (иногда — полемике) с биологией, этологией, то в теме 5 — с социологией, наукой об обществе. Тема 6

посвящена общепсихологической теории деятельности, знание которой необходимо нам хотя бы потому, что вместе с этой теорией (и шире — деятельностным подходом) отечественная наука вошла в психологический мир практически одновременно с гуманистической, когнитивной психологией и др. И наконец, в теме 7 человек предстает перед нами как субъект познания, хотя пока мы узнаем лишь основные определения и особенности собственно познавательных процессов (и это — введение в третий раздел курса).

Следует признать, что отбор и сама структура материалов данного тома едва ли имеет определенного автора, так как многое здесь входило когда-то в лекционные и семинарские курсы основателей факультета — А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперина — а затем — профессоров кафедры общей психологии О.К. Тихомирова, Ю.Б. Гиппенрейтер, В.А. Иванникова. Помимо ответственного редактора, читающего на спецотделении лекционный курс, и редакторов-составителей — Ю.Б. Дормашева и С.А. Капустина, в подготовке нашего собрания текстов фактически принимали участие Е.Е. Насиновская, А.А. Пузырей и другие преподаватели, ведущие семинары по общей психологии. Остается добавить, что наш целостный курс читается и на дневном отделении факультета, причем темы данного раздела — те же самые, поэтому настоящий том может быть полезен и для студентов этого отделения. Впрочем, во многом он интересен всем, кто всерьез увлекается психологией как наукой.

Возвращаясь к характеристике нашего собрания в целом, хотелось бы подчеркнуть, что оно не претендует на новизну и никак не конкурирует с другими хрестоматиями и сборниками текстов. Мы не стали обогащать тексты сведениями об авторах, а само издание, скажем, словарем основных терминов, развернутыми примечаниями, которые на данном этапе представляются нам излишними. Достаточно, что у слушателей есть необходимый для чтения текст, а у преподавателей — серьезный опыт работы по его обсуждению. Повторим: преимущество нашего издания — в другом. Если даже на дневном отделении узкие разделы общей психологии сочетаются подчас в любом порядке, то курс для лиц с высшим, но пока непсихологическим образованием должен сохранять внутреннее единство, целостность. Что же касается совершенствования подобных изданий, то нам представляется перспективным такое решение. Будущий университетский учебник по общей психологии, построенный на основе целостного курса, должен быть особым, включать в себя авторские лекции, сборники оригинальных текстов, подробные пособия к ним. Подготовка и издание такого учебника — трудная, долгая, но необходимая работа, в которой будет использовано и настоящее собрание, нужное нашему читателю уже сейчас.

Желаем интересных открытий и учебных успехов в освоении психологии — одной из самых трудных и увлекательных наук!

В.В. Петухов

*кандидат психологических наук, профессор
(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, факультет психологии)*

Предисловие к третьему изданию

Настоящая книга открывает третье издание текстов к целостному курсу общей психологии, разработанному профессором факультета психологии Московского государственного университета В.В. Петуховым (1950—2003). Данное учебное пособие представляет собой сборники текстов по наиболее важным темам и вопросам, определяющим основную структуру и содержание курса общей психологии. Большинство этих текстов написано влиятельными и авторитетными философами, учеными, а также авторами фундаментальных учебников по психологии. Настоящее издание планируется выпустить в трех томах: том 1 — «Введение» (три книги), том 2 — «Субъект деятельности» (три книги), том 3 — «Субъект познания» (четыре книги).

Этот курс отвечает традициям преподавания общей психологии на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, основы которых были заложены его организатором и первым деканом А.Н. Леонтьевым. Большое внимание и, соответственно, значительное место в программе курса уделено изучению классических психологических теорий. В нем также представлены важнейшие достижения современной отечественной и зарубежной психологии. И, наконец, сквозной нитью, проходящей через все разделы курса, остается общепсихологическая теория деятельности.

Структура и большинство вопросов программы курса остаются такими же, как во втором издании¹. Некоторые разделы были расширены, часть текстов заменена на новые, а в остальные внесены исправления и сокращения. Подчеркнем, что работа над третьим изданием проводилась на протяжении многих лет параллельно с подготовкой и «обкаткой» в учебном процессе материалов второго издания. В течение этого времени у нас росла уверенность в необходимости третьего издания — качественно другого, более высокого уровня. Дело не только в том, что в последние годы впервые на русском языке были опубликованы книги, по праву вошедшие в золотой фонд психологии. Наряду с этим

---

¹ См.: Общая психология: Тексты: В 3 т. Изд. 2-е, испр. и доп. / Отв. ред. В.В. Петухов. М.: УМК «Психология»; Московский психолого-социальный институт, 2001—2007.

обозначилась тенденция к замене оригинальных текстов, изучаемых студентами при подготовке к семинарским занятиям, «вторичными», написанными авторами разных учебников. В некоторых случаях, при изучении отдельных вопросов и тем, такая частичная замена представляется возможной и вполне оправданной, в других же, на наш взгляд, она идет в ущерб подготовке будущих психологов. Это в первую очередь касается курсов общей психологии, которые читаются в университетах России. Общая психология, независимо от объема отводимых на ее изучение учебных часов, служит реальным фундаментом любых психологических дисциплин, в том числе и имеющих явную прикладную направленность. И этот фундамент составляют работы отечественных и зарубежных классиков психологии, фрагменты из которых представлены в хрестоматиях, подготовленных на факультете психологии. Вторая тревожная тенденция — прагматически близорукая, преждевременная ориентация на практику. Курс общей психологии должен предшествовать курсам других психологических дисциплин, в то время как в реальности он нередко читается наряду с ними. В результате студенты, не изучившие основ психологических знаний, знакомятся с их приложением в практически ориентированных отраслях психологии. Как следствие, они недостаточно глубоко понимают содержание этих дисциплин.

В настоящем издании текстов существенно переработан и дополнен прежде всего первый том — теперь он состоит из трех книг вместо одной. Увеличение объема этого тома связано с тем, что в него включено много новых текстов по целому ряду принципиальных вопросов общей психологии, которые совсем не были представлены в предыдущем издании, либо не были освещены в должной мере. Кроме того, мы считаем, что помимо текстов основной, обязательной литературы, во всех книгах должны быть тексты для дополнительного, самостоятельного чтения, чтобы любознательные студенты могли получить более широкие и глубокие ответы на вопросы, вызвавшие у них особенный интерес. Поскольку вошедшие в первый том книги предназначены для студентов, только начинающих изучение психологии, мы снабдили тексты рядом примечаний справочного характера.

Первая книга первого тома начинается с пролога, в который включены тексты, не входящие в обязательную программу курса общей психологии. Тем не менее, первокурсникам необходимо с ними познакомиться, так как в них обсуждается ряд важных для предстоящего изучения этой дисциплины вопросов.

Поскольку общая психология является фундаментальной научной дисциплиной, то возникает вопрос о том, какое значение может иметь фундаментальная наука в жизни человека. То, что фундаментальная наука служит цели просвещения человечества, является прописной истиной. Но что такое просвещение и какова его цель? С нашей точки зрения, ответ И. Канта на этот вопрос, хотя, возможно, и покажется неожиданным, достоин того, чтобы привлечь внимание именно студентов-психологов, поскольку просвещение рассматри-

вается здесь как норма развития человека. М. Вебер пишет о роли фундаментальной науки в истории развития человечества и нравственной позиции ученого как преподавателя. В работе Б. Рассела указывается на воспитательную функцию фундаментальных наук (по его выражению, «бесполезного» знания), а Г. Селье подробно разбирает вопрос о том, почему люди занимаются наукой. Тексты этих авторов вводят читателей в мир научного познания и одновременно философского и научного мышления. Несмотря на то, что авторы представленных текстов жили в разное время и в различных условиях, они говорят, по сути, об одном и том же — о необходимости и мужестве рационального мышления и познания. По ходу чтения этих текстов у читателя могут возникнуть некоторые вопросы. Почему и ради чего я пришел учиться (или учить) психологии, адекватна ли моя мотивация? Мы считаем, что эти тексты могут вдохновить студентов (и преподавателей) к любой познавательной деятельности, в том числе направленной на общую психологию.

Добросовестное изучение общей психологии — это серьезная работа, требующая от студентов больших усилий и затрат времени. Эффективность этой работы, как и любой другой, во многом зависит от приобретения необходимых знаний, умений и навыков, а также от правильной ее организации. В тексте Н.Е. Введенского содержатся общие рекомендации о том, каковы должны быть условия для продуктивной умственной работы. Дж. Биггз указывает на существование у студентов трех основных подходов к учению, не все из которых являются в равной степени эффективными. К сожалению, той части студентов, которой свойственен крайне неэффективный, так называемый поверхностный подход к учению, помочь какими-либо советами очень трудно, но всем остальным будет, безусловно, полезно прочитать работы К. Уэйнстайн и Л. Валветни, Л. Лефтон и Ф. Провензано, в которых содержатся конкретные рекомендации к эффективному учению.

Последние два текста пролога адресованы студентам как будущим преподавателям психологии. В работе Д. Бернштейна обсуждается одна из общих психологических проблем, с которой сталкивается едва ли не каждый преподаватель, — это проблема преподавательской тревожности и способов ее преодоления, а известный американский профессор Г. Глейтман делится своим многолетним опытом чтения лекций по общей психологии. Надеемся, что познакомившись с этими текстами, студенты будут более реалистично, с большим пониманием относиться к своим преподавателям.

Введение в общую психологию может быть представлено различными способами. Оно может быть историческим, когда в нем в общих чертах рассматривается развитие психологических знаний, начиная с древности и до настоящего времени. Оно может быть эволюционным, когда основные понятия и проблемы психологии обсуждаются в связи с представлениями о возникновении и развитии психики в филогенезе. Наконец, оно может быть методологическим, если центр тяжести смещается в сторону основных подходов

и методов изучения психических явлений. Наше введение с самого начала задумывалось как пропедевтическое, т.е. как подготовительное, предваряющее более глубокое изучение общей психологии и других психологических дисциплин.

Основное содержание первой книги «Введения» составляют тексты по Теме 1 «Общая характеристика психологии как науки». Слово «психология», образованное из соединения двух слов древнегреческого языка ($\psi\upsilon\chi\eta$ — душа и $\lambda\acute{o}\gamma\omicron\varsigma$ — учение), дословно переводится как «учение о душе». Соответственно, центральным вопросом, которому посвящены все тексты первой темы, является вопрос о том, что такое психология как учение о душе с научной точки зрения.

В первых четырех вопросах этой темы студентам предлагаются для изучения тексты, в которых изложены представления о душе архаичного человека в мифологии, религии, античной философии Платона и Аристотеля, философии Нового времени, а также о том, как понимается душа в научной психологии и какого рода реальности она изучает.

В текстах по остальным пяти вопросам подробно раскрываются представления о научном психологическом знании. В них обсуждаются такие вопросы, как специфика научного познания, чем оно отличается от других путей познания, например, религиозного или через искусство, что такое научная теория и чем она отличается от научной доктрины, каковы критерии хорошей теории, какие существуют типы объяснений в научной психологии и какими методами она получает свои данные. В этом свете особое значение приобретает заключительный, девятый вопрос первой темы. К сожалению, психологию окружает и псевдонаучное знание, точнее незнание, которое нередко проникает в нее. Поэтому мы считаем необходимым сразу же поставить барьер такому «знанию».

Хотим выразить особую признательность директору издательства «Смысл», профессору Д.А. Леонтьеву за предоставленные возможности включения в это издание очень многих материалов. Мы также благодарны О.А. Захаровой и О.Н. Субботиной за всестороннюю техническую помощь. В переводах ряда текстов принимали участие наши студенты. К настоящему времени большинство из них успешно закончили обучение. Мы особенно благодарны им за то, что эта помощь была добровольной и бескорыстной. Вероятно, они, как и мы, чувствовали, что все вместе мы делаем большое дело. Однако мы не вправе судить о достигнутых результатах и можем только надеяться на высокую оценку этого труда другими студентами, преподавателями и всеми читателями, которые хотят познакомиться с основами психологии.

Ю.Б. Дормашев,

кандидат психологических наук, доцент;

С.А. Капустин,

кандидат психологических наук, доцент

*(Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, факультет психологии)*

Как учить и научиться

И. Кант

Ответ на вопрос: что такое просвещение?*

Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude!¹ — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения.

Леность и трусость — вот причины того, что столь большая часть людей, которых природа уже давно освободила от чужого руководства (*naturaliter maiorennnes*), все же охотно остаются на всю жизнь несовершеннолетними; по этим же причинам так легко другие присваивают себе право быть их опекунами. Ведь так удобно быть несовершеннолетним! Если у меня есть книга, мыслящая за меня, если у меня есть духовный пастырь, совесть которого может заменить мою, и врач, предписывающий мне такой-то образ жизни, и т.п., то мне нечего и утруждать себя. Мне нет надобности мыслить, если я в состоянии платить; этим скучным делом займутся вместо меня другие. То, что значительное большинство людей (и среди них весь прекрасный пол) считает не только трудным, но и весьма опасным переход к совершеннолетию, — это уже забота опекунов, столь любезно беруших на себя верховный надзор над этим большинством. После того как эти опекуны оглупили свой домашний скот и заботливо оберегли от того, чтобы эти покорные существа осмелились сделать хоть один шаг без помочей, на которых их водят, — после всего этого они указывают таким существам на грозящую им опасность, если они попытаются ходить самостоятельно. Правда, эта опасность не так уж велика, ведь после нескольких падений в конце концов они научились бы ходить; однако такое обстоятельство делает их нерешительными и отпугивает их, удерживая от дальнейших попыток.

* Кант И. Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 27—29, 33—35.

¹ *Sapere aude* (лат.) — дерзай мыслить, постигать; осмелюсь быть мудрым. — *Ред.-сост.*

Итак, каждому отдельному человеку трудно выбраться из состояния несовершенноголетия, ставшего для него почти естественным. Оно ему даже приятно, и первое время он действительно не способен пользоваться собственным умом, так как ему никогда не позволяли делать такую попытку. Положения и формулы — эти механические орудия разумного употребления или, вернее, злоупотребления своими природными дарованиями — представляют собой кандалы постоянного несовершенноголетия. Даже тот, кто сбросил бы их, сделал бы лишь неуверенный прыжок через небольшую канаву, так как он не приучен к такого рода свободному движению. Вот почему лишь немногим удалось благодаря совершенствованию своего духа выбраться из состояния несовершенноголетия и сделать твердые шаги.

Но более возможно, и даже почти неизбежно, что публика сама себя просветит, если только предоставить ей свободу. Ибо тогда даже среди поставленных над толпой опекунов найдутся самостоятельно мыслящие, которые, сбросив с себя иго несовершенноголетия, распространят вокруг дух разумной оценки собственного достоинства и призвания каждого человека мыслить самостоятельно. При этом следует иметь в виду, что публика, до этого поставленная ими под это иго, затем заставит их самих оставаться под ним, если ее будут подстрекать к этому некоторые ее опекуны, не способные ни к какому просвещению. Вот как вредно насаждать предрассудки, которые в конце концов мстят тем, кто породил их или кто был предшественником тех, кто породил их. По этой причине публика может достигнуть просвещения только постепенно. Посредством революции можно, пожалуй, добиться устранения личного деспотизма и угнетения со стороны корыстолюбцев или властолюбцев, но никогда нельзя посредством революции осуществить истинную реформу образа мыслей; новые предрассудки, так же как и старые, будут служить помочами для бездумной толпы.

Для этого просвещения требуется только *свобода*, и притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях *публично пользоваться* собственным разумом. Но вот я слышу голоса со всех сторон: *не рассуждайте!* Офицер говорит: не рассуждайте, а упражняйтесь! Советник министерства финансов: не рассуждайте, а платите! Духовное лицо: не рассуждайте, а верьте! (Лишь единственный повелитель² на свете говорит: *рассуждайте* сколько угодно и о чем угодно, но *повинуйтесь!*) Здесь всюду ограничение свободы. Какое, однако, ограничение препятствует просвещению? Какое же не препятствует, а даже содействует ему? — Я отвечаю: *публичное* пользование собственным разумом всегда должно быть свободным, и только оно может дать просвещение людям. Но *частное* пользование разумом нередко должно быть очень ограничено, но так, чтобы особенно не препятствовать развитию просвещения. Под публичным же применением собственного разума я понимаю такое, которое осуществляется кем-то *как ученым* перед всей *читающей* публикой. Частным приме-

---

² Кант имеет в виду Фридриха II, короля Пруссии, который любил изображать из себя «друга и покровителя» наук и искусств. — *Пер.*

нением разума я называю такое, которое осуществляется человеком на доверенном ему *гражданском* посту или службе. <...>

Если задать вопрос, живем ли мы теперь в *просвещенный* век, то ответ будет: нет, но мы живем в век *просвещения*. Еще многого недостает для того, чтобы люди при сложившихся в настоящее время обстоятельствах в целом были уже в состоянии или могли оказаться в состоянии надежно и хорошо пользоваться собственным рассудком в делах религии без руководства со стороны кого-то другого. Но имеются явные признаки того, что им теперь открыта дорога для совершенствования в этом, препятствий же на пути к просвещению или выходу из состояния несовершеннолетия, в котором люди находятся по собственной вине, становится все меньше и меньше. <...>

Люди сами в состоянии выбраться постепенно из невежества, если никто не стремится намеренно удержать их в этом невежестве. Я определил основной момент просвещения, состоявшего в выходе людей из состояния несовершеннолетия по собственной вине, преимущественно в *делах религиозных*, потому что в отношении искусств и наук наши правители не заинтересованы в том, чтобы играть роль опекунов над своими подданными. Кроме того, несовершеннолетие в делах религии не только наиболее вредное, но и наиболее позорное. Однако в своем образе мыслей глава государства, способствующий просвещению в делах религии, идет еще дальше; он понимает, что даже в отношении своего *законодательства* нет никакой опасности позволить подданным *публично* пользоваться своим разумом и открыто излагать свои мысли относительно лучшего составления законодательства и откровенно критиковать уже существующее законодательство; мы располагаем таким блистательным примером, и в этом отношении ни один монарх не превосходил того, кого мы почитаем в настоящее время³.

Однако только тот, кто, будучи сам просвещенным, не боится собственной тени, но вместе с тем содержит хорошо дисциплинированную и многочисленную армию для охраны общественного спокойствия, может сказать то, на что не отважится республика: *рассуждайте сколько угодно и о чем угодно, только повинуйтесь!* Так проявляется здесь странный, неожиданный оборот дел человеческих, да и вообще они кажутся парадоксальными, когда их рассматривают в целом. Большая степень гражданской свободы имеет, кажется, преимущество перед свободой *духа* народа, однако ставит этой последней непреодолимые преграды. Наоборот, меньшая степень гражданских свобод дает народному духу возможность развернуть все свои способности. И так как природа открыла под этой твердой оболочкой зародыш, о котором она самым нежным образом заботится, а именно склонность и призвание к свободе *мысли*, то этот зародыш сам воздействует на образ чувствования народа (благодаря чему народ становится постепенно более способным к *свободе действий*) и, наконец, даже на принципы *правительства*, считающего для самого себя полезным обращаться с человеком, который есть *нечто большее, чем машина*, сообразно его достоинству.

³ Кант здесь опять имеет в виду Фридриха II, короля Пруссии. — *Пер.*

М. Вебер

Наука как призвание и профессия*

Только благодаря строгой специализации человеку, работающему в науке, дано, может быть, один-единственный раз в жизни ощутить во всей полноте, что вот ему удалось нечто такое, что останется надолго. Действительно, завершенная и дельная работа — это в наши дни всегда специальная работа. И поэтому, кто не способен однажды надеть себе, так сказать, шоры на глаза и проникнуться мыслью, что вся его судьба зависит от того, правильно ли он делает это вот предположение в этом вот месте рукописи, тот пусть не касается науки. Он никогда не испытает того, что называют увлечением наукой. Без этого странного упоения, вызывающего улыбку у всякого постороннего человека, без этой страсти, без убежденности в том, что «должны были пройти тысячелетия, прежде чем появился ты, и другие тысячелетия молчаливо ждут», удастся ли тебе эта догадка, — без этого человек не имеет призвания к науке, и пусть он занимается чем-нибудь другим. Ибо для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью.

Однако даже при наличии страсти, какой бы глубокой и подлинной она ни была, еще долго может не получиться результатов. Правда, она является предварительным условием самого главного: «вдохновения». Сегодня среди молодежи очень распространено представление, что наука стала чем-то вроде арифметической задачи, что она создается в лабораториях или статистических картотеках одним только холодным рассудком, а не всей «душой», — так же как «на фабрике». При этом прежде всего следует заметить, что рассуждающие подобным образом по большей части не знают ни того, что происходит на фабрике, ни того, что делают в лаборатории. <...>

«Личность» в научной сфере есть только у того, кто служит одному лишь делу. И это так не только в области науки. Мы не знаем ни одного большого

---

* Самосознание европейской культуры XX века. М.: Политиздат, 1991. С. 130—149.

Доклад «Наука как призвание и профессия» («Wissenschaft als Beruf») был прочитан М. Вебером студентам зимой 1918 г. в Мюнхенском университете. — *Ред.-сост.*

художника, который делал бы что-либо другое, кроме как служил делу, и только ему. Ведь даже личности такого ранга, как Гёте, если говорить о его искусстве, нанесло ущерб то обстоятельство, что он посмел превратить в творение искусства свою «жизнь». Пусть даже это покажется сомнительным, — во всяком случае, нужно быть Гёте, чтобы позволить себе подобное, и каждый, по крайней мере, согласится, что даже и такому художнику, как Гёте, рождающемуся раз в тысячелетие, приходится за это расплачиваться. Точно так же дело обстоит в политике. Однако об этом сегодня мы не будем говорить. Но в науке совершенно определенно не является «личностью» тот, кто сам выходит на сцену как импрессарио того дела, которому он должен был бы посвятить себя, кто хочет узаконить себя через «переживание» и спрашивает: как доказать, что я не только специалист; как показать, что я — по форме или по существу — говорю такое, чего еще никто не сказал так, как я? — явление, ставшее сегодня массовым, делающее все ничтожно мелким, унижающее того, кто задает подобный вопрос, не будучи в силах подняться до высоты и достоинства дела, которому он должен был бы служить, и, значит, быть преданным только своей задаче. Так что и здесь нет отличия от художника. <...>

Научный прогресс является частью, и притом важнейшей частью, того процесса интеллектуализации, который происходит с нами на протяжении тысячелетий, и по отношению к которому в настоящее время обычно занимают крайне негативную позицию.

Прежде всего, уясним себе, что же, собственно, практически означает эта интеллектуалистическая рационализация, осуществляющаяся посредством науки и научной техники. Означает ли она, что сегодня каждый из нас, сидящих здесь в зале, лучше знает жизненные условия своего существования, чем какой-нибудь индеец или готтентот? Едва ли. Тот из нас, кто едет в трамвае, если он не физик по профессии, не имеет понятия о том, как этот трамвай приводится в движение. Ему и не нужно этого знать. Достаточно того, что он может «рассчитывать» на определенное «поведение» трамвая, в соответствии с этим он ориентирует свое поведение, но как привести трамвай в движение — этого он не знает. Дикарь несравненно лучше знает свои орудия. Хотя мы тратим деньги, держу пари, что даже присутствующие в зале коллеги — специалисты по политической экономии, если таковые здесь есть, каждый, вероятно, по-своему ответят на вопрос: как получается, что за деньги можно что-то купить? Дикарь знает, каким образом он обеспечивает себе ежедневное пропитание, и какие институты оказывают ему при этом услугу. Следовательно, возрастающая интеллектуализация и рационализация не означает роста знаний относительно жизненных условий, в которых приходится существовать. Она означает нечто иное: люди знают или верят в то, что стоит только захотеть, и в любое время все это можно узнать; что, следовательно, принципиально нет никаких таинственных, не поддающихся учету сил, которые здесь действуют, что, напротив, всеми вещами в принципе можно овладеть путем расчета. Это означает, что мир расколдован. Больше не

нужно прибегать к магическим средствам, чтобы склонить на свою сторону или подчинить себе духов, как это делал дикарь, для которого существовали подобные таинственные силы. Теперь все делается с помощью технических средств и расчета. Вот это и есть интеллектуализация.

Но этот процесс расколдования, происходящий в западной культуре в течение тысячелетий, и вообще этот «прогресс», в котором принимает участие и наука — в качестве звена и движущей силы, — имеет ли он смысл, выходящий за пределы чисто практической и технической сферы? <...>

Есть ли у «прогресса» как такового постижимый смысл, выходящий за пределы технической сферы, так, чтобы служение прогрессу могло стать призванием¹, имеющим действительно некоторый смысл? Такой вопрос следует поставить. Однако это уже будет не только вопрос о том, что означает наука как профессия и призвание для человека, посвятившего себя ей. Это и другой вопрос: каково призвание науки в жизни всего человечества? Какова ее ценность?

Здесь противоположность между прежним и современным пониманием науки разительная. Вспомните удивительный образ, приведенный Платоном² в начале седьмой книги «Государства», — образ людей, прикованных к пещере, чьи лица обращены к стене пещеры, а источник света находится позади них, так что они не могут его видеть; поэтому они заняты только тенями, отбрасываемыми на стену, и пытаются объяснить их смысл. Но вот одному из них удается освободиться от цепей, он оборачивается и видит солнце. Ослепленный, он ощупью находит себе путь и, заикаясь, рассказывает о том, что видел. Но другие утверждают, что он безумен. Однако постепенно он учится созерцать свет, и теперь его задача состоит в том, чтобы спуститься к людям в пещеру и вывести их к свету. Он — философ, а солнце — это истина науки, которая одна не гоняется за призраками и тенями, а стремится к истинному бытию.

Кто сегодня так относится к науке? Сегодня как раз у молодежи появилось скорее противоположное чувство, а именно, что мыслительные построения науки представляют собой лишенное реальности царство надуманных абстракций, пытающихся своими иссохшими пальцами ухватить плоть и кровь действительной жизни, но никогда не достигающих этого. И напротив, здесь, в жизни, в том, что для Платона было игрой теней на стенах пещеры, бьется пульс реальной действительности, все остальное лишь безжизненные, отвлеченные тени и ничего больше.

---

¹ Немецкое слово «Beruf» может быть переведено и как «профессия», и как «призвание». На основании анализа протестантизма Вебер пришел к выводу, что эта двусмысленность термина «Beruf» не случайна: она вырастает из понимания профессиональной деятельности как божественного призвания и приводит к весьма существенным последствиям для европейского общества и европейской культуры. Поэтому мы здесь для перевода «Beruf» используем оба указанных значения этого слова. — *Пер.*

² Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ, родоначальник платонизма; см. его тексты на с. 181—197 и 310—313 наст. изд. — *Ред.-сост.*

Как совершилось такое превращение? Страстное воодушевление Платона в «Государстве» объясняется, в конечном счете, тем, что в его время впервые был открыт для сознания смысл одного из величайших средств всякого научного познания — смысл понятий. Во всем своем значении понятие было открыто Сократом³. И не им одним. В Индии обнаруживаются начатки логики, похожие на ту логику, какая была у Аристотеля⁴. Но нигде нет осознания значения этого открытия, кроме как в Греции. Здесь, видимо, впервые в руках людей оказалось средство, с помощью которого можно заключить человека в логические тиски, откуда для него нет выхода, пока он не признает: или что он ничего не знает, или что это — именно вот это и ничто иное — есть истина, вечная, непреходящая истина, в отличие от действий и поступков слепых людей. Это было необычайное переживание, открывшееся ученикам Сократа. Из этого, казалось, вытекало следствие: стоит только найти правильное понятие прекрасного, доброго или, например, храбрости, души и чего бы то ни было еще, и будет постигнуто также их истинное бытие. А это опять-таки, казалось, открывало путь к тому, чтобы научиться самому и научить других, как надлежит человеку поступать в жизни, прежде всего в качестве гражданина государства. Ибо для греков, мысливших исключительно политически, от этого вопроса зависело все. Здесь и кроется причина их занятий наукой.

Рядом с этим открытием эллинского духа появился второй великий инструмент научной работы, детище эпохи Ренессанса⁵ — рациональный эксперимент как средство надежно контролируемого познания, без которого была бы невозможна современная эмпирическая наука. Экспериментировали, правда, и раньше: в области физиологии эксперимент существовал, например, в Индии, в аскетической технике йогов; в древней Греции был эксперимент математический, связанный с военной техникой; в средние века эксперимент применялся в горном деле. Но возведение эксперимента в принцип исследования как такового — заслуга Ренессанса. Великими новаторами были тогда пионеры в области искусства: Леонардо⁶ и другие, прежде всего экспериментаторы в музыке XVI в. с их экспериментальными темперациями клавиров. От них эксперимент перекочевал в науку, прежде всего благодаря Галилею⁷, а в теорию

³ Сократ (ок. 470—399 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

⁴ Аристотель (384—322 до н.э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист; см. его текст на с. 198—211 наст. изд. — *Ред.-сост.*

⁵ *Эпоха Ренессанса*, или Возрождения — период в культурном и идейном развитии ряда стран Европы (в Италии XIV—XVI вв., в других странах XV—XVI вв.), наступивший после эпохи Средневековья. — *Ред.-сост.*

⁶ Леонардо да Винчи (1452—1519) — итальянский художник, ученый и инженер, один из виднейших представителей искусства и науки эпохи Возрождения. — *Ред.-сост.*

⁷ Галилей Галилео (1564—1642) — итальянский физик, астроном, математик и мыслитель, один из основателей современного естествознания, заложивший основы классической механики. — *Ред.-сост.*

благодаря Бэкону⁸; затем его переняли отдельные точные науки в университетах континента, прежде всего в Италии и Нидерландах.

Что же означала наука для этих людей, живших на пороге Нового времени⁹? Для художников-экспериментаторов типа Леонардо и музыкальных новаторов она означала путь к истинному искусству, а это для них значило, прежде всего, — к истинной природе. Искусство тем самым возводилось в ранг особой науки, а художник в социальном отношении и по смыслу своей жизни — в ранг ученого. Именно такого рода честолюбие лежит в основе, например, «Книги о живописи» Леонардо да Винчи. <...>

Кто сегодня, кроме некоторых взрослых детей, которых можно встретить как раз среди естествоиспытателей, кто еще верит в то, что знание астрономии, биологии, физики или химии может — хоть в малейшей степени — объяснить нам смысл мира или хотя бы указать, на каком пути можно напасть на след этого «смысла», если он существует? Если наука и может что-нибудь сделать, то скорее убить веру в то, что вообще существует нечто такое, как «смысл» мира! И уж тем более нелепо рассматривать науку как путь «к Богу» — ее, эту особенно чуждую Богу силу. А что она именно такова — в этом сегодня в глубине души не сомневается никто, признается он себе в этом или нет. Избавление от рационализма и интеллектуализма науки есть основная предпосылка жизни в единстве с божественным — этот или по смыслу тождественный ему тезис стал основным лозунгом нашей религиозно настроенной или стремящейся обрести религиозное переживание молодежи. И не только религиозное, а даже переживание вообще. Однако при этом избирается странный путь: то единственное, чего до сих пор не коснулся интеллектуализм, а именно иррациональное, пытаются довести до сознания и рассмотреть в лупу. Ведь именно к этому практически приходит современная интеллектуалистическая романтика иррационального. Этот путь освобождения от интеллектуализма дает как раз противоположное тому, что надеялись на нем найти те, кто на него вступил. Наконец, тот факт, что науку, т.е. основанную на ней технику овладения жизнью, с наивным оптимизмом приветствовали как путь к счастью, я могу оставить в стороне после уничтожающей критики Ницше¹⁰ по адресу «последних людей, которые изобрели счастье». Кто верит в это, кроме некоторых взрослых детей на кафедрах или в редакторских кабинетах?

В чем же состоит смысл науки как профессии теперь, когда рассеялись все прежние иллюзии, благодаря которым наука выступала как «путь к истинному бытию», «путь к истинному искусству», «путь к истинной природе», «путь к истинному богу», «путь к истинному счастью»? Самый простой ответ на этот воп-

---

⁸ Бэкон (*Bacon*) Фрэнсис (1561—1626) — английский философ, родоначальник английского материализма и методологии опытной науки. — *Ред.-сост.*

⁹ *Новое время* — период от начала английской буржуазной революции (1640 г.) до начала французской буржуазной революции (1789 г.). — *Ред.-сост.*

¹⁰ Ницше (*Nietzsche*) Фридрих (1844—1900) — немецкий философ. — *Ред.-сост.*

рос дал Л.Н. Толстой: она лишена смысла, потому что не дает никакого ответа на единственно важный для нас вопрос: «Что нам делать? Как нам жить?» А тот факт, что она не дает ответа на этот вопрос, совершенно неоспорим. Вопрос лишь в том, в каком смысле она не дает «никакого» ответа. Может быть, вместо этого она в состоянии дать кое-что тому, кто правильно ставит вопрос?

Сегодня часто говорят о «беспредпосылочной» науке. Существует ли такая наука? Все зависит от того, что под этим понимают. Всякой научной работе всегда предпосылается определенная значимость правил логики и методики — этих всеобщих основ нашей ориентации в мире. Что касается этих предпосылок, то они, по крайней мере, с точки зрения нашего специального вопроса, наименее проблематичны. Но существует и еще одна предпосылка: важность результатов научной работы, их научная ценность. Очевидно, здесь-то и коренятся все наши проблемы. Ибо эта предпосылка сама уже недоказуема средствами науки. Можно только указать на ее конечный смысл, который затем или отклоняют или принимают в зависимости от собственной конечной жизненной установки.

Различной является, далее, связь научной работы с этими ее предпосылками: она зависит от структуры науки. Естественные науки, например физика, химия, астрономия, считают само собой разумеющимся, что конструируемые наукой высшие законы космических явлений стоят того, чтобы знать их. Не только потому, что с помощью этого знания можно достигнуть технических успехов, но и «ради него самого» — если наука есть «призвание». Сама эта предпосылка недоказуема. И точно так же недоказуемо, достоин ли существования мир, который описывают естественные науки, имеет ли он какой-нибудь «смысл» и есть ли смысл существовать в таком мире. Об этом вопрос не ставится.

Или возьмите такое высокоразвитое в научном отношении практическое искусство, как современная медицина. Всеобщая «предпосылка» медицинской деятельности, если ее выразить тривиально, состоит в утверждении, что необходимо сохранять жизнь просто как таковую и по возможности уменьшать страдания просто как таковые. А сама эта задача проблематична. Своими средствами медик поддерживает смертельно больного, даже если тот умоляет избавить его от жизни, даже если его родственники, для которых эта жизнь утратила ценность, хотят избавить его от страданий, которым не хватает средств для поддержания этой утратившей свою ценность жизни (речь может идти о каком-нибудь жалком помешанном), желают и должны желать его смерти, признаются они в этом или нет. Только предпосылки медицины и уголовный кодекс мешают врачу отказаться поддерживать жизнь смертельно больного. Является ли жизнь ценной и когда? Об этом медицина не спрашивает. Все естественные науки дают нам ответ на вопрос, что мы должны делать, *если* мы хотим *технически* овладеть жизнью. Но *хотим* ли мы этого, и *должны* ли мы это делать, и *имеет* ли это, в конечном счете, какой-нибудь смысл — эти вопросы они оставляют совершенно нерешенными или принимают это в качестве предпосылки для своих целей. <...>

Поговорим о наиболее близких мне дисциплинах — социологии, истории, политэкономии и теории государства, а также о тех видах философии культуры, которые ставят своей целью истолкование этих дисциплин. Есть такое мнение, — и я его поддерживаю, — что политика не должна иметь места в аудитории. Студенты в аудитории не должны заниматься политикой. <...>

Впрочем, политикой не должен заниматься в аудитории и преподаватель. И прежде всего в том случае, если он исследует сферу политики как ученый. Ибо практически-политическая установка и научный анализ политических образований и партийной позиции — это две разные вещи. Когда в народном собрании говорят о демократии, то из своей личной позиции не делают никакой тайны: ясно выразить свою позицию — здесь неприятная обязанность и долг. Слова, которые при этом употребляются, выступают в таком случае не как средство научного анализа, а как средство завербовать политических сторонников. Они здесь — не лемеха для взрыхления почвы созерцательного мышления, а мечи, направленные против противников, средство борьбы. Напротив, на лекции или в аудитории было бы преступлением пользоваться словами подобным образом. Здесь следует, если, например, речь идет о «демократии», представить ее различные формы, проанализировать, как они функционируют, установить, какие последствия для жизненных отношений имеет та или иная из них, затем противопоставить им другие, недемократические формы политического порядка и по возможности стремиться к тому, чтобы слушатель нашел такой пункт, исходя из которого он мог бы занять позицию в соответствии со *своими* высшими идеалами. Но подлинный наставник будет очень остерегаться навязывать с высоты кафедры слушателю ту или иную позицию — будь то откровенно или путем внушения, — потому что, конечно, это самый нечестный способ, когда «заставляют говорить сами факты».

Почему, собственно, мы не должны этого делать? Я допускаю, что некоторые весьма уважаемые коллеги придерживаются того мнения, что такое самоограничение вообще невозможно, а если бы оно и было возможно, то было бы просто капризом избегать всего этого. Конечно, никому нельзя научно доказать, в чем состоит его обязанность как академического преподавателя. Можно только требовать от него интеллектуальной честности — осознания того, что установление фактов, установление математического или логического положения вещей или внутренней структуры культурного достояния, с одной стороны, и, с другой стороны, ответ на вопрос о *ценности* культуры и ее отдельных образований и, соответственно, ответ на вопрос о том, как следует действовать в рамках культурной общности и политических союзов, — это две совершенно разные проблемы.

Если он после этого спросит, почему он не должен обсуждать обе эти проблемы в аудитории, то на это следует ответить: пророку и демагогу не место на кафедре в учебной аудитории. Пророку и демагогу сказано: «Иди на улицу и говори открыто». Это значит — иди туда, где возможна критика. В аудитории

преподаватель сидит напротив своих слушателей: они должны молчать, а он — говорить. И я считаю безответственным пользоваться тем, что студенты ради своего будущего должны посещать лекции преподавателей и что там нет никого, кто мог бы выступить против него с критикой; пользоваться своими знаниями и научным опытом не для того, чтобы принести пользу слушателям, — в чем состоит задача преподавателя, — а для того, чтобы привить им свои личные политические взгляды.

<...> Я отвергаю субъективное пристрастие именно в чисто научных интересах. Я готов найти в работах наших историков доказательство того, что там, где человек науки приходит со своим собственным ценностным суждением, там уже нет места полному пониманию фактов. Но это выходит за рамки сегодняшней темы и требует длительного обсуждения.

Я спрашиваю только об одном: как может, с одной стороны, верующий католик, с другой — масон, слушая лекцию о формах церкви и государства или об истории религии, как могут они когда-либо сойтись в своих оценках этих вещей? Это исключено. И тем не менее у академического преподавателя должно быть желание принести пользу своими знаниями и своим методом и тому, и другому. Такое требование он должен поставить перед собой. Вы справедливо возразите: верующий католик никогда не примет того понимания фактов, связанных с происхождением христианства, которое ему предложит преподаватель, свободный от его догматических предпосылок. Конечно! Однако отличие науки от веры заключается в следующем: «беспредпосылочная», в смысле свободы от всяких религиозных утеснений, наука в действительности не признает «чуда» и «откровения», в противном случае она не была бы верна своим собственным «предпосылкам». Верующий признает и чудо, и откровение. И эта «беспредпосылочная» наука требует от него только одного — не менее, но и не более: признать, что, если ход событий объяснить без допущения сверхъестественного вмешательства, исключаемого эмпирическим объяснением в качестве причинного момента, этот ход событий должен быть объяснен именно так, как это стремится сделать наука. Но это он может признать, не изменяя своей вере.

Однако имеют ли научные достижения какой-нибудь смысл для того, кому факты, как таковые, безразличны, а важна только практическая позиция? Пожалуй, все же имеют. Для начала хотя бы один аргумент. Если преподаватель способный, то его первая задача состоит в том, чтобы научить своих учеников признавать *неудобные* факты, я имею в виду такие, которые неудобны с точки зрения их партийной позиции; а для всякой партийной позиции, в том числе и моей, существуют такие крайне неудобные факты. Я думаю, в этом случае академический преподаватель заставит своих слушателей привыкнуть к тому, что он совершает нечто большее, чем только интеллектуальный акт, — я позволил бы себе быть нескромным и употребить здесь выражение «нравственный акт» — хотя это, пожалуй, может прозвучать слишком патетически для такого простого и само собой разумеющегося дела.

До сих пор я говорил только о *практических* основаниях, в силу которых следует избегать навязывания личной позиции. Но это еще не все. Невозможность «научного» оправдания практической позиции, — кроме того случая, когда обсуждаются средства достижения заранее *намеченной* цели, — вытекает из более глубоких оснований. Стремление к такому оправданию принципиально лишено смысла, потому что различные ценностные порядки мира находятся в непримиримой борьбе. Старик Милль¹¹ — философия его в целом я не похваляю, но здесь он был прав, — как-то сказал: если исходить из чистого опыта, то придешь к политеизму. Это сказано напрямик и звучит парадоксально, но это правда. Сегодня мы хорошо знаем, что священное может не быть прекрасным, более того — оно священно именно *потому и постольку, поскольку* не прекрасно. Мы найдем тому примеры в 53 главе Исайи и в 21 псалме¹². Мы знаем также, что прекрасное может не быть добрым и даже что оно прекрасно именно потому, что не добро, — это нам известно со времени Ницше, а еще ранее вы найдете это в «Цветях зла» — так Бодлер¹³ назвал томик своих стихов. И уже ходячей мудростью является то, что истинное может не быть прекрасным и что нечто истинно лишь постольку, поскольку оно не прекрасно, не священно и не добро.

Но это самые элементарные случаи борьбы богов, несовместимости ценностей. Как представляют себе возможность «научного» выбора между ценностью французской и немецкой культур, этого я не знаю. Тут тоже спор разных богов и демонов: точно так же как эллин приносил жертву Афродите¹⁴, затем Аполлону¹⁵ и прежде всего каждому из богов своего города, так это происходит и по сей день, — только без одеяний и волшебства этого мифического образа действий, внутренне, однако, исполненного истинной пластики. А этими богами и их борьбой правит судьба, а вовсе не «наука». Следует только понять, что представляет собой божественное для одного и что — для другого, или как оно выступает в одном и в другом порядке. Но тем самым кончается обсуждение предмета в аудитории профессором — это, разумеется, не означает, что вместе с тем кончается сама эта серьезнейшая жизненная проблема. Однако слово здесь уже не за уни-

¹¹ Милль (*Mill*) Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ и психолог, продолжавший классическую традицию английского эмпиризма. — *Пер.*

¹² «Ибо Он вззошел перед Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален перед людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его. Но Он взял на себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем и уничижен Богом» (Исайя, 53, 2-4). «Я же червь, а не человек, поношение у людей и презрение в народе. Все, видящие меня, ругаются надо мною...» (Псал., 21, 7—8). — *Пер.*

¹³ Бодлер (*Baudlaire*) Шарль (1822—1867) — французский поэт. — *Ред.-сост.*

¹⁴ *Афродита* — в греческой мифологии богиня любви и красоты. — *Ред.-сост.*

¹⁵ *Аполлон* — один из наиболее почитаемых богов греческой мифологии как могущественный бог света; изображение Аполлона в древнегреческом искусстве считалось идеалом мужской красоты. — *Ред.-сост.*

верситетскими кафедрами, а за иными силами. Какой человек отважится «научно опровергать» этику Нагорной проповеди¹⁶, например заповедь «непротивления злу» или притчу о человеке, подставляющем и левую, и правую щеку? И, тем не менее, ясно, что здесь, если взглянуть на это с мирской точки зрения, проповедуется этика, требующая отказа от чувства собственного достоинства: нужно выбирать между религиозным достоинством, которое дает эта этика, и мужским достоинством, этика которого проповедует нечто совсем иное: «Противься злу, иначе ты будешь нести свою долю ответственности, если оно пересилит». В зависимости от конечной установки индивида одна из этих этических позиций исходит от дьявола, другая — от бога, и индивид должен решить, кто для него бог и кто дьявол. И так обстоит дело со всеми порядками жизни.

Величественный рационализм методически-этического образа жизни, которым проникнуто всякое религиозное пророчество, низложил это многобожие в пользу «Единого на потребу», а затем перед лицом реальностей внешней и внутренней жизни был вынужден ввести релятивизм¹⁷ и пойти на те компромиссы, которые всем нам известны из истории христианства.

Но сегодня это стало религиозными «буднями». Многочисленные древние боги, лишённые своих чар и поэтому принявшие образ безличных сил, выходят из гробов, стремятся завладеть нашей жизнью и вновь начинают вести между собой свою вечную борьбу. Но что так трудно современному человеку и труднее всего молодому поколению, так это быть вровень с этими буднями. Всякая погоня за «переживаниями» вырастает из этой слабости. Ибо не иметь сил взглянуть в суровое лицо судьбы, судьбы времени — это слабость.

Однако судьба нашей культуры состоит в том, что мы все отчетливее снова сознаем эту судьбу, тогда как в течение тысячелетия, проникнутые величественным пафосом христианской этики, мы не замечали этих сил. Но довольно обсуждать эти вопросы, уводящие нас слишком далеко. Все же среди части нашей молодежи, той части, которая на все это ответила бы: «Да, но мы же идем на лекцию, чтобы пережить нечто большее, чем только анализ и констатацию фактов», ходячим является заблуждение, заставляющее искать в профессоре не то, что она видит перед собой: *вождя*, а не *учителя*. Однако мы поставлены на кафедру только как *учителя*. Это две разные вещи, в чем можно легко убедиться. В Америке такие вещи можно видеть часто в их грубой первобытности. Американский мальчик учится несравненно меньше нашего. Несмотря на невероятно большое число экзаменов, он по самому духу своей учебной жизни еще не стал тем абсолютным «человеком экзамена», как мальчик-немец. Ибо бюрократия, которой нужен диплом, фиксирующий результаты

¹⁶ *Нагорная проповедь* — моральное наставление, с которым, согласно двум Евангелиям — от Матфея (гл. 5—7) и от Луки (гл. 6), — Христос обратился к народу. — *Ред.-сост.*

¹⁷ *Релятивизм* — методологический принцип, состоящий в абсолютизации относительно-сти и условности знания и ведущий к отрицанию возможности познания объективной истины. — *Ред.-сост.*

экзамена и служащий входным билетом в мир человеческой карьеры, там еще только зарождается. Молодой американец не испытывает почтения ни перед чем и ни перед кем; ни перед традицией, ни перед службой; он уважает только собственную личную заслугу — вот это американец и называет «демократией». Как бы искаженно ни выступала реальность по отношению к этому идейному содержанию, идейное содержание именно таково, и об этом здесь идет речь. О своем учителе американский юноша имеет вполне определенное представление: за деньги моего отца он продает мне свои знания и методические принципы точно так же, как торговка овощами продает моей матери капусту. И точка. Впрочем, если учитель, например, футболист, то в этой области он выступает в качестве вождя. Но если он таковым (или чем-то подобным в другом виде спорта) не является, то он только учитель и ничего больше, и молодому американцу никогда не придет в голову покупать у него «мировоззрение» или правила, которыми следует руководствоваться в жизни. Конечно, в такой грубой форме мы это отвергаем. Но разве в этом намеренно заостренном мною способе чувствования не содержится зерно истины?

Студенты приходят к нам на лекции, требуя от нас качеств вождя, и не отдают себе отчета в том, что из сотни профессоров, по меньшей мере, девяносто девять не только не являются мастерами по футболу жизни, но вообще не претендуют и не могут претендовать на роль «вождей», указывающих, как надо жить. Ведь ценность человека не зависит от того, обладает ли он качествами вождя или нет. И уж во всяком случае, не те качества делают человека отличным ученым и академическим преподавателем, которые превращают его в вождя в сфере практической жизни или, специальное, в политике. Если кто-то обладает еще и этим качеством, то это чистая случайность, и очень опасно, если каждый, кто занимает кафедру, чувствует себя вынужденным притязать на обладание таковым. Еще опаснее, если всякий академический преподаватель задумает выступать в аудитории в роли вождя. Ибо те, кто считает себя наиболее способными в этом отношении, часто как раз наименее способны, а главное — ситуация на кафедре не представляет никаких возможностей *доказать*, способны они или нет. Профессор, чувствующий себя призванным быть руководителем юношества и пользующийся у него доверием, в личном общении с молодыми людьми может быть своим человеком. И если он чувствует себя призванным включиться в борьбу мировоззрений и партийных убеждений, то он может это делать вне учебной аудитории, на жизненной сцене: в печати, на собраниях, в кружке — где только ему угодно. Но было бы слишком удобно демонстрировать свое призвание там, где присутствующие — в том числе, возможно, инакомыслящие — вынуждены молчать.

Наконец, вы можете спросить: если так, то что же собственно позитивного дает наука для практической и личной «жизни»? И тем самым мы снова стоим перед проблемой «призвания» в науке. Прежде всего, наука, конечно, разрабатывает технику овладения жизнью, — как внешними вещами, так и поступками

людей — путем расчета. Однако это на уровне торговли овощами, скажете вы. Целиком с вами согласен. Во-вторых, — и этого уже обычно не делает торговка овощами — наука разрабатывает методы мышления, рабочие инструменты и вырабатывает навыки обращения с ними. Вы, может быть, скажете: ну, это не овощи, но это тоже не более как средство приобретения овощей. Хорошо, оставим сегодня этот вопрос открытым. Но на этом дело науки, к счастью, еще не кончается — мы в состоянии содействовать вам в чем-то третьем, а именно в обретении *ясности*. Разумеется, при условии, что она есть у нас самих.

Насколько это так, мы можем вам пояснить. По отношению к проблеме ценности, о которой каждый раз идет речь, можно занять практически разные позиции — для простоты я предлагаю вам взять в качестве примера социальные явления. *Если* занимают определенную позицию, то в соответствии с опытом науки следует применить соответствующие *средства*, чтобы эту позицию практически провести в жизнь. Эти средства, возможно, уже сами по себе таковы, что вы считаете необходимым их отвергнуть. В таком случае нужно выбирать между целью и неизбежными средствами ее. «Освящает» цель эти средства или нет? Учитель должен показать вам необходимость такого выбора. Большого он не может — пока остается учителем, а не становится демагогом. Он может вам, конечно, сказать: если вы хотите достигнуть такой-то цели, то вы должны принять также и соответствующие следствия, которые, как это показывает опыт, влечет за собой деятельность по достижению этой цели.

Все эти проблемы могут возникнуть и у каждого техника, ведь он тоже часто должен выбирать по принципу меньшего зла или относительно лучшего варианта. Для него важно, чтобы было дано одно главное: *цель*. Но именно она, поскольку речь идет о действительно «последних» проблемах, нам *не дана*. И тем самым мы подошли к последнему акту, который наука, как таковая, должна осуществить ради достижения ясности, и одновременно мы подошли к границам самой науки.

Мы можем и должны вам сказать: такие-то практические установки с внутренней последовательностью и, следовательно, честностью можно вывести — в соответствии с их духом — из такой-то последней мировоззренческой позиции (может быть, из одной, может быть, из разных), а из других — нельзя. Если вы выбираете эту установку, то вы служите, образно говоря, одному богу и *оскорбляете всех остальных богов*. Ибо если вы остаетесь верными себе, то вы необходимо приходите к определенным последним внутренним следствиям. Это можно сделать, по крайней мере, в принципе. Выявить связь последних установок с их следствиями — это задача философии как социальной дисциплины и как философской базы отдельных наук. Мы можем, если понимаем свое дело (что здесь должно предполагаться), заставить индивида — или, по крайней мере, помочь ему — *дать себе отчет в конечном смысле собственной деятельности*. Это мне представляется отнюдь не маловажным даже для чисто личной жизни. Если какому-нибудь учителю это удастся, то я бы сказал, что он

служит «нравственным» силам, поскольку вносит ясность; что он тем лучше выполняет свою задачу, чем добросовестнее будет избегать внушать слушателям свою позицию, свою точку зрения.

То, что я вам здесь излагаю, вытекает, конечно, из главного положения, а именно из того, что жизнь, основанная на самой себе и понимаемая из нее самой, знает только вечную борьбу богов, знает (если не прибегать к образу) только несовместимость наиболее принципиальных, вообще возможных жизненных позиций и непримиримость борьбы между ними, а, следовательно, необходимость между ними *выбирать*. Заслуживает ли наука при таких условиях того, чтобы стать чьим-то «призванием», и есть ли у нее самой какое-либо объективное ценное «призвание» — это опять-таки ценностное суждение, которое невозможно обсуждать в аудитории, ибо утвердительный ответ на этот вопрос является *предпосылкой* занятий в аудитории. Я лично решаю вопрос утвердительно уже моей собственной работой. И утвердительный ответ на этот вопрос является также предпосылкой той точки зрения, которая — как это делает сейчас или по большей части притворяется, что делает, молодежь — ненавидит интеллектуализм как злейшего дьявола. Ибо тут справедливы слова: «Дьявол стар, — состарьтесь, чтобы понять его». Это надо понимать не буквально, а в том смысле, что, желая покончить с этим дьяволом, при виде его надо не обращаться в бегство, как это предпочитают делать, а с начала до конца обозреть его пути, чтобы увидеть его силу и его границы.

Сегодня наука — это профессия, осуществляемая как специальная дисциплина и служащая делу самосознания и познания фактических связей, а вовсе не милостивый дар провидцев и пророков, приносящий спасение и откровение, и не составная часть размышления мудрецов и философов о *смысле* мира. Это, несомненно, неизбежная данность в нашей исторической ситуации, из которой мы не можем выйти, пока остаемся верными самим себе.

И если в нас вновь заговорит Толстой и спросит: «Если не наука, то кто ответит на вопрос: что нам делать, как устроить нам свою жизнь?» — или на том языке, на котором мы говорим сегодня: «Какому из борющихся друг с другом богов должны мы служить? Или, быть может, какому-то совсем иному богу, — и кто этот бог?» — то надо сказать: ответить на это может только пророк или Спаситель. Если его нет или если его благовествованию больше не верят, то вы совершенно определенно ничего не добьетесь тем, что тысячи профессоров в качестве оплачиваемых государством или привилегированных маленьких пророков в своих аудиториях попытаются взять на себя его роль. Тем самым вы лишь воспрепятствуете осознанию того, что нет пророка, по которому тоскуют столь многие представители нашего молодого поколения. Я думаю, что не пойдет на пользу действительно «музыкальному» в религиозном отношении человеку, если и от него, и от других будут скрывать тот основной факт, что его судьба — жить в богочуждую, лишенную пророка эпоху, если это будут скрывать с помощью суррогата, каким являются все эти пророчества с кафедры.

Мне кажется, против этого должна была бы восстать его религиозная честность. <...>

У кого нет веры или всего прочего, необходимого для религии, тому их не заменит никакая теология¹⁸. И уж тем более никакая другая наука. Напротив, во всякой «позитивной» теологии верующий достигает того пункта, где имеет силу положение Августина¹⁹: *credo non quid, sed quia absurdum est* («верую не в то, что, а потому что абсурдно»). Способность к этому виртуозному акту «принесения в жертву интеллекта» — есть главнейший признак позитивно-религиозного человека. И это как раз свидетельствует о том, что напряжение между ценностными сферами науки и религии непреодолимо, несмотря на существование теологии (а скорее даже благодаря ей).

«Жертву интеллекта» обычно приносят: юноша — пророку, верующий — церкви. Но еще никогда не возникало новое пророчество (я намеренно привожу здесь еще раз этот образ, который для многих был предосудительным) от того, что некоторые современные интеллектуалы испытывают потребность, так сказать, обставить свою душу антикварными вещами, подлинность которых была бы гарантирована, и при этом вспоминают, что среди них была и религия; ее у них, конечно, нет, но они сооружают себе в качестве эрзаца своеобразную домашнюю часовню, для забавы украшенную иконками святых, собранными со всех концов света, или создают суррогат из всякого рода переживаний, которым приписывают достоинство мистической святости и которыми торгуют вразнос на книжном рынке. Это или надувательство, или самообман. Напротив, отнюдь не надувательство, а нечто серьезное и настоящее (но, быть может, неправильно истолковывающее себя) имеет место тогда, когда некоторые молодежные союзы, выросшие в тиши последних лет, видят в своей человеческой общности общность религиозную, космическую или мистическую. Всякий акт подлинного братства вносит в надличное царство нечто такое, что останется навеки: но мне кажется сомнительным стремление возвысить достоинство чисто человеческих отношений и человеческой общности путем их религиозного истолкования. Однако здесь не место обсуждать этот вопрос.

Судьба нашей эпохи, с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и прежде всего расколдованием мира, заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу. Не случайно наше самое высокое искусство интимно, а не монументально; не случайно сегодня только внутри узких общественных кругов, в личном общении, крайне тихо, пианиссимо, пульсирует то, что

¹⁸ *Теология* (богословие) — совокупность религиозных доктрин о сущности и деяниях Бога, систематизированное изложение вероучения, обосновывающее его истинность и необходимость для человека. — *Пед.-соцт.*

¹⁹ Августин Блаженный (*Augustinus Sanctus*) Аврелий (354—430) — христианский теолог, представитель западной патристики. — *Пед.-соцт.*

раньше буйным пожаром, пророческим духом проходило через большие общины и спланивало их. Если мы попытаемся насильственно привить вкус к монументальному искусству и «изобретем» его, то появится нечто столь же жалкое и безобразное, как то, что мы видели во многих памятниках последнего десятилетия. Если попытаться ввести религиозные новообразования без нового, истинного пророчества, то возникнет нечто по своему внутреннему смыслу подобное — только еще хуже. И пророчество с кафедры создаст, в конце концов, только фанатические секты, но никогда не создаст подлинной общности. Кто не может мужественно вынести этой судьбы эпохи, тому надо сказать: пусть лучше он молча, без публичной рекламы, которую обычно создают ренегаты²⁰, а тихо и просто вернется в широко и милостиво открытые объятия древних церквей. Это ведь нетрудно. Он должен при этом так или иначе принести в «жертву» интеллект — это неизбежно. Мы не будем его порицать за это, если он действительно в состоянии это сделать. Ибо подобное принесение в жертву интеллекта ради безусловной преданности религии есть все же нечто в нравственном отношении иное, чем попытка уклониться от обязанности быть интеллектуально добросовестным, что бывает тогда, когда не имеют мужества дать себе ясный отчет относительно собственной конечной позиции, а облегчают себе выполнение этой обязанности с помощью дряблого релятивизма. Та позиция представляется мне более высокой, чем кафедральное пророчество, не дающее себе отчета в том, что в стенах аудитории не имеет значения никакая добродетель, кроме одной: простой интеллектуальной честности. Но эта честность требует от нас констатировать, что сегодня положение тех, кто ждет новых пророков и спасителей, подобно тому положению, о котором повествуется в одном из пророчеств Исайи, — речь идет здесь о прекрасной песне едомского сторожа времен изгнания евреев: «Кто мне кричат с Сеира: сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь. Если вы действительно спрашиваете, то обратитесь и приходите»²¹.

Народ, которому это было сказано, спрашивал и ждал более двух тысячелетий, и мы знаем его потрясающую судьбу. Из этого надо извлечь урок: одной только тоской и ожиданием ничего не сделаешь, и нужно действовать по-иному — нужно обратиться к своей работе и соответствовать «требованию дня» — как человечески, так и профессионально. А требование это будет простым и ясным, если каждый найдет своего демона²² и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни.

---

²⁰ *Ренегат* — человек, изменивший своим убеждениям и перешедший в лагерь противников; отступник, изменник. — *Ред.-сост.*

²¹ Исайя, 21, 11—12. — *Пер.*

²² Здесь *демон* — это низшее божество или дух, который служит посредником между богами и человеком и влияет на все события человеческой жизни. — *Ред.-сост.*

Б. Рассел

«Бесполезное» знание*

Фрэнсис Бэкон¹, человек, достигший знаменитости, предавая своих друзей, утверждал, без сомнения, основываясь на богатом опыте, что «знание — это сила». Но это не верно по отношению ко *всем* знаниям. Сэр Томас Браун желал узнать, какую песню пели сирены², но если бы он выяснил какую, это не позволило бы ему сменить место мирового судьи на место Верховного шерифа своей страны. Тот род знаний, который имел в виду Бэкон, был так называемым научным. Подчеркивая значение науки, он запоздало продолжал традиции арабов и раннего средневековья, согласно которым знание состояло в основном из астрологии³, алхимии⁴ и фармакологии⁵, являвшихся тогда отраслями науки. Ученым считался тот, кто, овладев этими предметами, приобретал магические силы. <...> Бэкон полагал, и, как мы сейчас знаем, правильно, что наука может быть куда более могучей волшебной палочкой, чем та, о которой мечтали чародеи минувших времен.

Ренессанс⁶, достигший своего пика в Англии во времена Бэкона, вызвал бунт против утилитарной [прикладной. — *Ред.-сост.*] концепции знания. Пре-

---

* Рассел Б. Искусство мыслить. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 98—109.

¹ Бэкон (*Vacon*) Фрэнсис (1561—1626) — английский философ, родоначальник английского материализма и методологии опытной науки. — *Ред.-сост.*

² *Сирены* — в древнегреческой мифологии — полуптицы-полуженщины, своим пением завлекавшие моряков в опасные, гибельные места. — *Ред.-сост.*

³ *Астрология* — учение о связи между движением небесных тел и земными событиями, основанном на этой связи методе предсказания судеб (индивидов, групп, социальных образований). — *Ред.-сост.*

⁴ *Алхимия* — средневековое донаучное направление в химии, ставившее задачей превращение простых металлов в драгоценные (серебро и золото) посредством особого вещества «философского камня» (на самом деле не существующего). — *Ред.-сост.*

⁵ *Фармакология* — наука, изучающая действие лекарственных веществ на организм. — *Ред.-сост.*

⁶ *Ренессанс*, или Возрождение — период в культурном и идейном развитии ряда стран Европы (в Италии XIV—XVI вв., в других странах XV—XVI вв.), в течение которого возникло жизнеутверждающее, гуманистическое мировоззрение и были сделаны великие открытия и изобретения. — *Ред.-сост.*

ки знали Гомера⁷ так же, как мы песни мюзик-холла, потому что они им просто наслаждались, без ощущения того, что при этом чему-то учатся. Но люди XVI в. не смогли бы понять его, не обладая достаточной лингвистической эрудицией. Они восхищались греками и желали приобщиться к их удовольствиям, поэтому они копировали их как в чтении классиков, так и в других, менее известных, вещах. Обучение во время Ренессанса было разновидностью *joie de vivre*⁸, наравне с вином или любовью. И это относилось не только к литературе, но и к точным наукам. Общеизвестна история о том, как Гоббс⁹ впервые открыл для себя Евклида¹⁰, случайно наткнувшись в книге на теорему Пифагора¹¹, он воскликнул: «Ей-богу, это невозможно», и стал читать доказательство с конца, пока, дойдя до аксиомы, не убедился в его правильности. Без сомнения, для него это был сладостный момент, не омраченный мыслью о полезности геометрии в практических областях.

<...> Основной движущей силой Возрождения было интеллектуальное наслаждение, реставрация того богатства и свободы в искусстве и мышлении, которые были потеряны во времена, когда невежество и суеверия были шорами на глазах разума. <...>

На протяжении последних ста пятидесяти лет люди все более и более энергично обсуждали ценность «бесполезного» знания и все более и более приходили к убеждению, что имеет смысл обладать только тем знанием, которое применимо в какой-либо области экономической жизни общества.

В странах с традиционной образовательной системой, таких как Франция и Англия, утилитарный взгляд на знание преобладал лишь частично. Здесь еще остались, например, профессора китайского языка в университетах, читающие китайскую классику, но незнакомые с работами Сунь Ятсена¹², который создал современный Китай. Еще существуют люди, которые знают древнюю историю настолько, насколько она связана с авторами, чей стиль был безупречным, т.е. до Александра¹³ в Греции и Нерона¹⁴ в Риме, но отказывающиеся знать куда более важную последующую историю из-за литературного несовершенства

⁷ Гомер — древнегреческий эпический поэт, которому со времен античности приписывают авторство «Илиады», «Одиссеи» и других произведений. — *Ред.-сост.*

⁸ Радость жизни (франц.) — *Пер.*

⁹ Гоббс (*Hobbes*) Томас (1588—1679) — английский философ-материалист. — *Ред.-сост.*

¹⁰ Евклид (V—IV вв. до н.э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа. — *Ред.-сост.*

¹¹ Пифагор Самосский (VI в. до н.э.) — древнегреческий философ, религиозный и политический деятель и математик. — *Ред.-сост.*

¹² Сунь Ятсен (1866—1925) — китайский политический деятель. — *Ред.-сост.*

¹³ Александр Афродисийский (кон. II — нач. III в.) — древнегреческий философ, комментатор Аристотеля. — *Ред.-сост.*

¹⁴ Нерон Клавдий Цезарь (*Claudius Caesar Nero*) (37—68) — римский император с 54 г., из династии Юлиев-Клавдиев. — *Ред.-сост.*

исторических текстов. Тем не менее, даже во Франции и Англии старые традиции умирают, а во многих современных странах, таких как Россия и Соединенные Штаты, они совершенно угасли. В Америке, например, образовательные комиссии отмечают, что в деловой переписке большинство людей используют всего пятнадцать сотен слов, и поэтому предлагают избегать все остальные в школьных программах. В Великобритании, в основном в Англии, пошли еще дальше и сократили необходимый словарь до восьми сотен слов. Концепция речи, как чего-то представляющего эстетическую ценность, вымирает, и это приводит к мысли, что единственное назначение слов — передавать практическую информацию. В России достижение практических целей даже более искреннее, чем в Америке: все, что преподается в образовательных учреждениях, призвано служить каким-либо очевидным целям в образовании или управлении. Единственная поправка сделана теологии: священные книги должны изучаться на оригинальном немецком языке, и несколько профессоров должны изучать философию, чтобы защищать диалектический материализм¹⁵ от критики буржуазных метафизиков. Но как только ортодоксальность окончательно возобладает, даже эта маленькая лазейка будет закрыта.

На знание повсюду постепенно начинают смотреть не просто как на самоценность или средство создания широкого и гуманного мировоззрения в целом, а как просто на составную часть технического мастерства. Это часть все увеличивающейся интеграции общества, которая была вызвана научно-техническим прогрессом и военной необходимостью. Экономика и политика стали более взаимозависимы, чем прежде, и поэтому существует больше рычагов социального давления, заставляющих человека жить так, как считают разумным его соседи. Образовательным учреждениям, кроме тех, которые доступны только очень богатым или (как в Англии) которые стали неуязвимы в силу многовекового существования, не позволено тратить деньги так, как им хочется, но они обязаны убедить Государство в том, что они преследуют полезную цель посредством передачи мастерства и внедрения лояльности. Это неотъемлемая часть того же движения, которое привело к обязательной военной службе, бойскаутам, организации политических партий и распространению политических страстей прессой. Мы более чем когда-либо осведомлены о жизни наших сограждан, более обеспокоены тем, если мы добродетельны, чтобы делать им добро, и еще более тем, чтобы заставить их делать добро нам. Мы осуждаем кого-либо, лениво наслаждающегося жизнью, каким бы утонченным ни было его наслаждение. Мы считаем, что все должны делать что-то, чтобы помочь великому делу (каким бы оно ни было), тем более, если много «плохих» людей работают против него <...>. У нас нет свободы ума, чтобы приобретать любые

---

¹⁵ *Диалектический материализм* — философия марксизма-ленинизма, отличительными чертами которой являются диалектика и материалистическое объяснение человека, общества и природы. — *Ред.-сост.*

знания, кроме тех, которые помогут нам в битве за что-нибудь, что мы считаем важным.

Можно много сказать об узко утилитарном взгляде на образование. Недостаточно времени изучить все, прежде чем начать зарабатывать на жизнь, и, несомненно, «полезное» знание *очень* полезно. На этом построен современный мир. Без этого у нас бы не было ни автомобилей, ни железных дорог, ни аэропланов; следует добавить, что у нас не было бы современной рекламы или современной пропаганды. Современное знание способствовало огромному улучшению здоровья людей и в то же время открытию того, как истреблять большие города с помощью отравляющего газа. Все, отличающее наш мир от прежних времен, имеет свой источник в «полезном» знании. Ни одно общество до сих пор не имело их в достаточном количестве, и, несомненно, образование должно продолжать обеспечивать их развитие. <...>

Тем не менее, помимо случаев, в которых культура и прямая выгода могут сочетаться, существуют непрямая выгода в овладении знаниями, которые не требуют технической подготовленности. Я думаю, некоторые из худших черт современного мира могли бы быть устранены за счет большей поддержки таких знаний и менее безжалостным стремлением к простой профессиональной компетентности.

Когда сознательная деятельность целиком сконцентрирована на какой-то одной определенной цели, конечным результатом для большинства людей будет дисбаланс, сопровождаемый какой-либо формой нервного расстройства. Люди, контролировавшие немецкую политику во время войны 1914—1918 гг., делали ошибки (например, что касается похода подводных лодок, который привел Америку на сторону союзников), которые любой человек со свежим подходом к предмету мог распознать <...> но о которых они не могли судить здраво по причине умственного перенапряжения и отсутствия отдыха. Такого же рода вещи можно увидеть везде, где группы людей пытаются достичь целей, поставленных на основании спонтанных импульсов, но требующих для своего достижения длительного напряжения сил. Японские империалисты, русские коммунисты и немецкие нацисты — все действуют на основании своего рода возбужденного фанатизма, который исходит из существования исключительно в вымышленном мире определенных задач, которые необходимо выполнить. Когда задачи так важны и так выполнимы, как полагают фанатики, результат может быть великолепным; но в большинстве случаев ограниченность их мировоззрения приводила в движение некие могущественные противодействующие силы, или встречала такие силы, кажущиеся работой дьявола, наказанием и террором. Людям, так же как и детям, необходима игра, т. е. им необходимы периоды деятельности, не имеющие никакой цели, кроме сиюминутного наслаждения. Но если игра выполняет эти свои функции, то становится возможным найти удовольствие и интерес в вопросах, не связанных с работой.

Развлечения современного городского населения имеют склонность быть все более и более пассивными и коллективными и состоять из неактивного наблюдения за искусными действиями других. Несомненно, такие развлечения гораздо лучше, чем никакие, но они не настолько хороши, как те, которые были бы у населения, обладающего, благодаря образованию, широким кругом интеллектуальных интересов, не связанных с работой. Лучшая экономическая организация, позволяющая человечеству получать выгоду от производительности машин, должна привести к очень большому увеличению времени для досуга, а продолжительный досуг не может быть утомительным только для тех, у кого есть значительные интеллектуальные занятия и интересы. Чтобы праздное население было счастливо, оно должно быть образованно, и оно должно быть обучено так, чтобы понимать как умственное удовольствие, так и непосредственную пользу технических знаний.

Культурный элемент в приобретении знаний, при условии успешного усвоения, формирует характер человеческих мыслей и желаний, побуждая людей, по меньшей мере частично, интересоваться различными имперсональными [безличными или внеличностными. — *Ред.-сост.*] ценностями, а не только вопросами, имеющими сиюминутную ценность для них лично. Слишком легко было сделано допущение того, что если человек развивает определенные способности посредством знаний, он будет использовать их социально полезным способом. Узкоутилитарная концепция образования игнорирует необходимость воспитания в человеке, наряду с развитием его способностей, каких-либо устремлений. В невоспитанной человеческой натуре есть очень значительный элемент жестокости, который проявляет себя во многих мелких и крупных вещах. Мальчики в школе стремятся вести себя плохо в отношении к новичку или к тому, чья одежда не совсем обычна. Многие женщины (и немало мужчин) причиняют так много, как только могут, боли злобными сплетнями. Испанцы наслаждаются боями быков, британцы — охотой и стрельбой. Те же жестокие импульсы принимают более серьезные формы в охоте на евреев в Германии и на кулаков в России. Империализм дает простор этим импульсам, и в войне они утверждаются в виде высшей формы общественного долга.

Здесь следует добавить, что и высокообразованные люди иногда жестоки, но я думаю, и в этом плане не может быть сомнений, что они встречаются не так часто, как люди, чье сознание не развито. Задиры в школе — это редко те мальчики, чьи способности в обучении выше средних. Когда происходит линчевание, зачинщики почти неизменно очень невежественные люди. Это происходит не потому, что умственное развитие порождает позитивные гуманные чувства, хотя это и возможно, а скорее потому, что оно порождает другие интересы, нежели дразни соседей, и другие источники самоуважения, чем утверждение власти. Две вещи составляют наиболее универсальные желания — это власть и восхищение. Невежественные люди могут, как прави-

ло, достигать и того и другого только грубыми методами, в том числе овладением физическим мастерством. Культура и образование дают человеку возможность обрести менее пагубные формы власти и более достойные пути достижения восхищения собой. Галилей¹⁶ сделал больше, чем любой монарх, чтобы изменить мир, и его сила неизмеримо превосходила силу его преследователей. Поэтому ему не нужно было ставить перед собой цель становиться, в свою очередь, преследователем.

Возможно, самое важное преимущество «бесполезного» знания в том, что оно способствует созерцательному складу ума. В мире существует слишком много готовности не только к действиям без надлежащего предварительного обдумывания, но также к случайным действиям, на которые мудрый человек не пошел бы. Люди демонстрируют такое свое пристрастие различными любопытными способами. Мефистофель¹⁷ говорил юному студенту: «Суша теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет», — и каждый цитирует это так, как будто это было мнение Гёте, хотя он просто предполагал, что мог бы сказать дьявол студенту-выпускнику. Гамлет¹⁸ представляется как ужасное предостережение против мысли без действия, но никто не представляет Отелло¹⁹ как предостережение против действия без мысли. Профессора, такие как Бергсон²⁰, из-за своего определенного снобизма²¹ по отношению к практичному человеку умаляют значение философии и говорят, что жизнь в своих лучших проявлениях должна быть похожа на кавалеристскую атаку. Со своей стороны, я думаю, что наилучшее действие — то, что осуществляется на основе глубокого понимания Вселенной и человеческой судьбы, а не только из необузданно страстного импульса романтического, но несоразмерного самоутверждения. Привычка находить удовольствие в мысли более, чем в действии, это гарантия

---

¹⁶ Галилей (*Galilei*) Галилео (1564—1642) — итальянский физик, астроном и математик, один из основателей современного естествознания, заложивший основы классической механики. — *Ред.-сост.*

¹⁷ *Мефистофель* — в христианской демонологии один из семи дьяволов, дух сомнения и насмешки; персонаж трагедии «Фауст» немецкого поэта, мыслителя и естествоиспытателя Иоганна Вольфганга Гёте. — *Ред.-сост.*

¹⁸ *Гамлет* — легендарное (по спорным данным историческое) лицо — сын ютландского короля Горденвиля и Геруты, который прикинулся безумным, чтобы отомстить брату отца — Фенге за убийство короля, незаконное овладение престолом и женитьбу на королеве. История о Гамлете получила мировую известность благодаря одноименной пьесе Уильяма Шекспира (1603). Впоследствии образ Гамлета и понятие гамлетизма стали нарицательными для обозначения сомнений, колебаний и раздвоения личности. — *Ред.-сост.*

¹⁹ *Отелло* — герой одноименной трагедии (1602) Уильяма Шекспира, в приступе безрассудной, беспочвенной ревности задушивший свою жену Дездемону. — *Ред.-сост.*

²⁰ Бергсон (*Bergson*) Анри (1859—1941) — французский философ. — *Ред.-сост.*

²¹ *Снобизм* — манеры, взгляды и поведение, присущие человеку, претендующему на изысканно-утонченный вкус, интеллектуальность и т.п. — *Ред.-сост.*

против неблагоразумия и чрезмерной любви к власти, средство сохранять спокойствие в несчастье и спокойствие духа среди волнений. Жизнь, ограниченная только личным, вероятно, рано или поздно становится непереносимо тягостной, только окно в больший мир делает многие трагические ситуации жизни переносимыми.

Созерцательный склад ума имеет ряд преимуществ, от самых тривиальных до самых основательных. Начиная с незначительных неприятностей, таких как резкие замечания, пропущенные поезда, придирчивые товарищи, такие затруднения, кажется, едва ли стоит встречать ответными проявлениями героизма, и раздражение, которое они вызывают, разрушает хорошее настроение и удовольствие от жизни у многих людей. В таких случаях большое утешение можно найти в малоизвестных знаниях, имеющих некую реальную или причудливую связь с конкретной проблемной ситуацией, или даже, если они не имеют никакой связи, то помогают устранить неприятности из мыслей. Будучи атакованным людьми, бледными от ярости, приятно вспомнить главу в декартовском «Трактате о страстях», озаглавленную так: «Почему тех, кто становится бледным от гнева, следует опасаться больше, чем тех, кто становится красным»²². <...>

Но в то время, как тривиальные удовольствия от культуры служат облегчению мелких забот практической жизни, более важные достоинства размышления проявляются в отношении к величайшим несчастьям жизни: смертью, болью, жестокостью или слепой устремленностью наций к ненужной катастрофе. Те, кого больше не успокаивает догматичная религия, нуждаются в некоей замене, если жизнь становится неинтересной, суровой, наполненной ежедневным самоутверждением. Теперешний мир полон озлобленных эгоцентричных групп, каждая из которых неспособна увидеть человеческую жизнь в целом и предпочтет разрушить цивилизацию, чем уступить хоть на дюйм. Никакое количество технических инструкций не обеспечит противоядия от этой ограниченности. Противоядие, в том, что касается индивидуальной психологии, должно быть найдено в истории, биологии, астрономии и во всех тех предметах, которые, не разрушая чувства собственного достоинства, дают возможность личности видеть себя в истинном свете. Что необходимо, так это не та или иная конкретная информация, а такие знания, которые тайно внушают понятие целей человеческой жизни в целом: искусство и история, знакомство с жизнью героических личностей, и понимание удивительно случайного и эфемерного положения человека во Вселенной — все это касается чувств в высшей степени отличительно человеческих, силы видеть и знать, проявлять вели-

---

²² В издании «Страстей души» Рене Декарта на русском языке (см.: *Декарт Р. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1*) упомянутый Б. Расселом заголовок § 200 переведен как «Почему надо меньше бояться тех, кого гнев заставляет краснеть, чем тех, кого он заставляет бледнеть» (с. 566). — *Ред.-сост.*

кодушие, думать и понимать. Мудрость берет начало из глубокого понимания, соединенного с бескорыстным чувством.

Жизнь, во все времена полная боли, в наше время тяжела более, чем в предыдущие два века. Попытка избежать боли приводит простого человека к обыденности, самообману, к измышлению многочисленных массовых мифов. Но это временное облегчение в конечном счете только увеличивает источники страданий. Как с личными, так и с общественными неудачами можно справиться только при помощи процесса, в котором воля и разум взаимодействуют: воля для того, чтобы отказаться от искушений дьявола или не принимать нереальных решений, тогда как дело разума понять неудачу, найти выход, если проблема решается, а если нет, сделать ее переносимой, рассмотрев ее в различных взаимосвязях, приняв ее как неизбежную, и вспомнив о том, что существует, помимо этой неудачи, в других странах, других веках и глубинах космического пространства.

Г. Селье

[Наука и преподавание]*

Почему люди занимаются наукой?

Нелегко объяснить, почему люди хотят заниматься научной работой, руководствуясь при этом различными мотивами. Есть «ученые», работающие ради денег, власти и общественного положения, но для достижения всего этого существуют гораздо более надежные пути. Подлинными учеными редко движут подобные мотивы.

В наши дни научные достижения приносят немалое признание, а ученые нуждаются в периодическом одобрительном «похлопывании по плечу», точно так же как и все простые смертные, хотя они, по тем или иным причинам, не очень-то склонны в этом сознаваться. Разумеется, значение имеет не шумовой уровень аплодисментов, а кто и за что вам аплодирует. Мало кто желает остаться анонимным, зато многие вступают в ожесточенную борьбу за свой приоритет, стремясь получить признание со стороны компетентных коллег, и, что любопытно, за достижения совсем особого свойства. Они хотят быть уверенными в том, что в самом деле поняли некие скрытые законы Природы. Они хотят иметь право повторить слова прорицателя из «Антония и Клеопатры» Шекспира¹: «Порой в великой Книге Тайн Природы мне удастся кое-что прочесть». И, осознавая это, многие из них, в особенности медики, получают наивысшее удовлетворение от облегчения человеческих страданий. И адвокат, как известно, может предотвратить страдания клиента с помощью искусной защиты, и политический деятель может сделать то же самое в еще большем масштабе, проводя в жизнь полезный закон, и, наконец, полководец удачным стратегическим маневром может спасти жизнь тысячам и тысячам людей. Но все эти люди защищают одного человека от другого и, как правило, за счет этого другого. Выигрыш при этом всегда

---

* Селье Г. От мечты к открытию: Как стать ученым. М.: Прогресс, 1987. С. 18—32, 342—349. (Здесь и далее заголовки в квадратных скобках даны редакторами-составителями.)

¹ Шекспир (*Shakspeare*) Уильям (1564—1616) — английский драматург и поэт. — *Ред.-сост.*

временный и касается лишь определенных людей. Тайна же Природы, открытая однажды, постоянно обогащает человечество в целом.

И все же ни слава, которую может принести наука, ни ее потенциальная польза — во всяком случае, в ее общепринятом понимании — не являются единственными притягательными сторонами науки. Главная «польза» фундаментального исследования та же, что и у розы, песни или прекрасного пейзажа,— они доставляют нам удовольствие. Каждое научное открытие выявляет новую грань в гармонии Природы для нашего пассивного наслаждения. Но наука не только «зрелищный вид спорта» — ученый активно участвует в раскрытии прекрасного. Этот тип деятельности — единственный из всех, доступных человеческому разуму,— наиболее близок к процессу творчества.

Разумеется, если вы еще не испытали этого чувства, мое описание лишено смысла; если же вы с ним знакомы, такое описание, в общем-то, не нужно. Словесное описание радости поцелуя мало что даст тому, кто никогда его не испытывал, а остальным оно навряд ли нужно. Но инстинктивное предвкушение удовольствия предшествует и поцелую, и научному открытию, и каждый, кто в конечном счете стал ученым, должен был ранее это смутно предчувствовать, иначе ему не пришло бы в голову посвятить себя науке. <...>

Для новичка мои заметки не могут быть наполнены тем же смыслом, что и для меня, однако именно таким образом лучше всего объяснить, почему я занимаюсь наукой. И если вы рождены исследователем, вы меня поймете.

Итак, мотивы, побуждающие ученых заниматься наукой, весьма разнообразны. Теперь попытаемся детально разобрать их, ибо одна из основных целей этих заметок — призвать вас максимально откровенно проанализировать мотивы, которыми вы руководствовались при выборе специальности, и решить, действительно ли вы хотели этим заниматься. Нет ничего более печального, чем неудачник в науке. Большинство из них — это просто мало приспособленные к чему-либо люди, попавшие в науку случайно.

Некоторые мотивы для избрания научной деятельности заслуживают одобрения обществом, другие оно воспринимает с отвращением. Позвольте мне не оценивать их с этих позиций, а просто перечислить отдельные мотивы — независимо от того, покажутся они вам прекрасными или безобразными, — под воздействием которых человек, обладающий достаточной квалификацией, добился успеха и процветания на научном поприще.

Бескорыстная любовь к Природе и Правде;

Восхищение красотой закономерности;

Простое любопытство;

Желание приносить пользу;

Потребность в одобрении;

Ореол успеха.

И наконец, последнее по порядку, но не по важности:

Боязнь скуки.

Бескорыстная любовь к Природе и Правде

Стремление к собственности больше, чем что-либо другое, мешает людям жить свободно и достойно. (Б. Рассел²)

Наверное, для каждого ученого, кем бы он ни был — историком, математиком, химиком, астрономом или физиком, — характерно отсутствие стремления получить от своей работы практическую выгоду. (Ш. Рише³)

Может показаться странным, что люди должны столь упорно трудиться над раскрытием тайн Природы, не имея в виду никакой практической пользы. Однако вопрос в том, что считать таковой. Как говорил Бенджамин Франклин⁴: «Какова польза от новорожденного младенца?» Далеко не все полезное, с нашей точки зрения, является таковым в общепринятом смысле слова. Обычные символы успеха — деньги, власть или даже условия труда — это только средства в достижении счастья и приносят подчас лишь жалкое его подобие. Ребенок как таковой не потенциальный «талон» или денежный знак, на который можно приобрести нечто, делающее нас счастливыми, — ребенок приносит нам счастье сам по себе. Все общепринятые знаки практической ценности являются просто средствами обеспечения счастья. Так почему же не пропустить промежуточные стадии и не шагнуть сразу к цели? Настоящее искусство — великое произведение живописи или музыкальный шедевр — полезно потому, что оно возвышает нас над заботами повседневной жизни, приносит нам умиротворение, безмятежность и счастье. Фундаментальные исследования, т.е. изучение законов Природы, нередко предпринимаются по тем же побудительным мотивам.

Одни вещи хороши в каких-то определенных целях, другие — сами по себе, а третьи — и сами по себе, и для чего-то еще. Деньги полезны только потому, что на них можно что-то купить, сами же они как таковые ценности не представляют. Удовольствие слушать прекрасную музыку или дегустировать отменное вино замечательно само по себе, но купить что-нибудь в обмен на такое удовольствие мы не можем. В то же время большинство вещей, которые хороши сами по себе, хороши также и для чего-то: приятно вкусно поесть и при этом получить пользу для здоровья. Природа хитроумно устроила так, что большинство полезных вещей вызывают у нас субъективное чувство приятности.

---

² Рассел (*Russell*) Бертран (1872—1970) — английский философ, логик и математик; см. его текст на с. 33—40 наст. изд. — *Ред.-сост.*

³ Рише Ш. (1850—1935) — выдающийся французский физиолог и бактериолог, лауреат Нобелевской премии (1913) — *Пер.*

⁴ Франклин (*Franklin*) Бенджамин (1706—1790) — американский просветитель, государственный деятель, ученый, один из авторов Декларации независимости (1776) и Конституции США (1787). — *Ред.-сост.*

И это касается не только питания и размножения, но и познания. Открытие в области фундаментальных исследований, например, доставляет радость вне зависимости от его возможного практического применения. Но любое приобретенное таким образом знание рано или поздно становится полезным тем, что увеличивает нашу власть над Природой.

Характерно, что хорошие вещи столь часто играют роль ценностных символов, на которые можно купить другие хорошие вещи, что становится довольно трудно отличить цель от средства. Скупец любит перебирать свои сокровища, и, как ни странно, некоторые (хотя и немногие) ученые получают настоящее наслаждение от создания своих научных работ, ибо сам процесс «перебирания» средств убеждения вызывает приятное ощущение достижения цели. Быть может, я говорю малоприятные вещи, но для ученого даже самая непривлекательная правда прекраснее самой приятной подделки.

Красота закономерности

Я кажусь самому себе мальчиком, играющим у моря, которому удалось найти более красивый камешек, чем другим, но океан неизведанного лежит передо мной.
(Исаак Ньютон⁵)

Трудно объяснить красоту перехода от тайны к закономерности. Собираатель марок, спичечных этикеток, бабочек или человек, решающий кроссворды, наслаждаются чувством завершения закономерных последовательностей и процессом нахождения признака, в соответствии с которым большое количество очевидно разнородных объектов могут быть расположены неким логическим образом. Чем более разнообразны, необычны и загадочны объекты, тем большее удовлетворение доставляет нам обнаружение закономерностей, в соответствии с которыми их можно размещать в удобном и гармоничном порядке, делающем их доступнее для понимания.

В детстве мы радуемся, встречаясь с чудесными и загадочными вещами. Когда ребенок указывает на что-то необычное, никогда не виденное им ранее — яркую бабочку, слона или морскую ракушку, — сколько радости светится в его глазах, когда он кричит: «Смотри, папа!»

Всякий, кто способен чувствовать, глядя на небо в ясную ночь, не может не спрашивать себя, откуда берутся звезды, куда они исчезают и что поддерживает порядок во Вселенной. Такого же рода вопросы мы задаем, изучая самоорганизующийся бесконечный мир человеческого организма и заглядывая в восприимчивые и испытующие человеческие глаза, постоянно стремящиеся преодолеть разрыв между двумя этими мирами.

---

⁵ Ньютон (*Newton*) Исаак (1643—1727) — английский математик, астроном и физик, создатель классической механики. — *Ред.-сост.*

Созерцать красоту и гармонию Вселенной, хоть в какой-то степени их постигая,— одна из основных человеческих способностей, доставляющих ему наивысшее удовлетворение. Это достойное и благородное занятие вне зависимости от тех материальных благ, которые оно может принести. Но оно и на самом деле помогает нам в повседневной жизни, подобно тому как верующему помогает глубокая религиозная вера, а мыслителю — сложившееся философское мировоззрение. Созерцание чего-то бесконечно более великого, нежели наша собственная персона, заставляет все наши повседневные заботы как бы уменьшаться в размерах. Существует некий душевный мир и спокойствие, достичь которого можно лишь через соприкосновение с возвышенным.

Но с течением времени большинство из нас (но не все) теряют этот дар чистого наслаждения. По мере нашего дальнейшего знакомства с повседневным миром вещей привычное начинает приедаться. Мелочная череда каждодневных проблем имеет свойство притуплять нашу чувствительность к бескорыстному наслаждению чудесным и величественным. К сожалению, в наше время большинство людей стали столь практичными, настроенными на «продвижение в жизни», что они уже больше не в состоянии задуматься над тем, к чему же они все-таки стремятся. С течением времени преуспевающий бизнесмен или умелый администратор начинает испытывать чувство потерянности и бесцельного «дрейфования» по реке времени — навстречу пенсии и смерти.

Сколько людей упорно и вдохновенно трудятся ради осуществления некоторой цели, обещающей завтра обеспечить досуг и возможность наслаждаться жизнью! Но «завтра» так никогда и не становится «сегодня». Всегда появляется другая цель, которая обещает еще больше и требует еще чуть-чуть больше усилий. Вот почему столь немногим людям, чей жизненный путь ничем не примечателен, удается сохранить этот чудесный дар, которым все мы обладали в детстве,— способность по-настоящему радоваться бытию. Болезненно осознавая эту потерю, взрослые люди подбадривают себя еще более интенсивной работой (либо алкоголем), с тем чтобы не задумываться над этим. Вдохновенный художник, поэт, композитор, астроном или биолог в данном отношении так никогда и не взрослеют, они не теряют абстрактных сокровищ своей наивности, как бы стары или бедны они ни были. Они сохраняют детскую способность незаинтересованного удовольствия. Ибо удовольствие всегда не заинтересовано, ведь за него не следует никакого вознаграждения — оно является вознаграждением само по себе.

Подлинный стяжатель так занят все новыми вложениями своих капиталов, что никогда не научается пользоваться ими. «Реально мыслящие люди», преследующие «практические цели», в долгосрочной жизненной перспективе редко оказываются столь же реалистичными и практичными, как мечтатели, стремящиеся лишь к своей мечте. Подлинные ученые даже в глубокой старости сохраняют определенный романтизм, мечтательный и исполненный воображения склад ума; они продолжают жить в мире увлекательного, при-

чудливого, необычного; они никогда не перестают изумляться грандиозности и непогрешимому постоянству законов, правящих гармонией Природы внутри и вне человека.

Любопытство

Если любопытство ассоциируется с чем-то дурным, то лишь потому, что люди склонны смешивать любознательность с пронырливостью. Любознательный человек хочет узнать то, что его как-то касается, а проныра сует нос в личные дела других. Любопытство одолевает настоящего ученого, он не может без него жить. Когда исследователь теряет эту побудительную силу — потому ли, что его усилия слишком часто заканчиваются неудачей, или потому, что он самодовольно удовлетворяется «практическими достижениями», — он удаляется от науки и находит прибежище в самооплакивании или чванной гордости своим благополучием. Однако не будем касаться научной любознательности как таковой, ибо она перекрещивается с массой других побудительных мотивов.

Желание приносить пользу

Они знают, что, быть может, именно благодаря их усилиям на гребнях волн того темного океана, в недрах которого человечество ведет свою неистовую борьбу, мелькают проблески света. И все ученые, все без исключения, поддерживают себя в своих тяжких трудах этой величественной мечтой — принести пользу своим человеческим собратьям. (Ш. Рише)

Первый шаг — создание из обыденной жизни картины мира — дело чистой науки. Второй шаг — использование картины мира в практических целях — дело техники. Обе эти задачи одинаково важны, и каждая из них целиком поглощает человека, поэтому отдельный исследователь, если он действительно хочет продвинуть вперед свое дело, вынужден сосредоточить свои силы на одном-единственном вопросе и оставить на время мысли о всех других связях и интересах. Вот почему не следует осуждать ученого за его отчужденность от жизни, за его индифферентность к важным вопросам общественной жизни. Без такой односторонней установки Герц никогда не открыл бы беспроводные волны, а Кох — туберкулезную бактерию. (М. Планк⁶)

Бывший министр обороны США Чарльз Вильсон сказал, что фундаментальные исследования — это «то, что вы делаете, когда не знаете, что вы делаете». Я не могу полностью согласиться с этим определением.

---

⁶ Планк (*Planck*) Макс (1858—1947) — немецкий физик, один из основоположников квантовой теории. — *Ред.-сост.*

Чаще всего фундаментальная наука противопоставляется «практическим» исследованиям, имеющим непосредственное применение, и предполагает отвлечение от повседневных проблем человечества. Разработки систем вооружений, новых марок телевизоров или видов вакцин, очевидно, являются практическими. Изучение внутренней температуры далеких звезд, повадок крохотнейших живых существ или законов, определяющих наследственную окраску лепестков цветка гороха, — все это выглядело поначалу чрезвычайно непрактичным. На занятия такого рода смотрели как на пустое времяпрепровождение интеллигентных, но несколько эксцентричных и неприспособленных людей, чьи необычайно блестящие умы отвлечены бесполезными абстракциями.

Конечно же, фундаментальные исследования редко предпринимаются с ориентацией на практическое приложение; они, по существу, никогда не бывают предсказуемыми. Помню свою собственную реакцию на сообщение моих школьных преподавателей о том, что астрофизики определяют внутреннюю температуру далеких звезд. «Здорово, — думал я, — но зачем это кому-нибудь может понадобиться?» Когда Луи Пастер⁷ сообщил, что болезни могут переноситься микробами, его высмеяли. Забавно видеть взрослого человека, обеспокоенного тем, что он подвержен нападению крошечных существ, которых и увидеть-то нельзя! Когда австрийский монах Грегор Мендель⁸ развлекался наблюдением результатов скрещивания красно- и белоцветущего гороха в монастырском саду, даже наиболее дальновидные его современники не могли вообразить себе всех последствий его находок.

И тем не менее без фундаментальных знаний о поведении далеких звезд сегодня мы не могли бы запускать на орбиту спутники. Без знаний о бактериях не было бы вакцин, сывороток и антибиотиков. И без тех самых наблюдений за наследуемостью окраски цветков гороха никогда не развилась бы современная генетика, столь важная для сельского хозяйства, селекционного дела и медицины.

Чем в большей степени исследование понятно и практично, тем ближе оно к уже известной нам обыденности. Таким образом, как ни парадоксально, знания о самых отвлеченных и самых непрактичных явлениях оказываются самыми перспективными для получения новых фундаментальных данных и ведут нас к новым вершинам науки. Но на это нужно время и, как правило, немалое. Фундаментальные исследования становятся полезными и остаются таковыми на более длительное время, чем прикладные.

Ряд ученых настаивают на том, что фундаментальные исследования должны вестись в духе «искусство ради искусства» и их практическая применимость

---

⁷ Пастер (*Pasteur*) Луи (1822—1895) — французский ученый, основоположник современной микробиологии и иммунологии. — *Ред.-сост.*

⁸ Мендель (*Mendel*) Грегор Иоанн (1822—1884) — австрийский естествоиспытатель, основоположник учения о наследственности. — *Ред.-сост.*

не должна подлежать оценке. Отстаивая эту точку зрения, они ссылаются на то, что даже наиболее недоступное для понимания исследование может в конце концов дать практические результаты. Довольно странно, что изучение чего-либо не связанного с практикой нуждается в оправдании его потенциальной полезностью!

Каковы бы ни были наши мотивы проведения фундаментальных исследований, они, несомненно, могут стать практически полезными. Но насколько важно для ученого приносить пользу людям? Человек по своей природе эгоцентрик⁹ и эгоист¹⁰. В мою задачу не входит задаваться вопросом, почему он таким создан или что именно — сила или слабость — лишает некоторых людей интереса к самим себе. В любом случае такие абсолютные альтруисты чрезвычайно редки в общей массе и, насколько я мог установить, не встречаются среди ученых. Человек, занимающийся фундаментальной наукой, высоко держит голову: он верит в несомненную ценность своих исследований и готов ради них понести немалые жертвы и вынудить к ним других. Если это эготизм¹¹, он должен признаться в том, что он эготист. Убеждать самого себя в том, что он и не помышляет о собственных интересах, было бы несовместимо с представлением ученого о чести и даже с объективностью.

Эгоизм и эготизм являются наиболее характерным, наиболее древним и наиболее неотъемлемым свойством всего живого. Все живые существа, от простейшей амебы до человека, по необходимости ближе всего к самим себе и являются наиболее естественными защитниками своих интересов. Я не вижу причин, по которым нам следует ожидать, что кто-то другой станет заботиться о нас более добросовестно, нежели о самом себе. Эгоизм естествен, хотя и неприятен; он выглядит столь омерзительно, что мы пытаемся отрицать его наличие у самих себя. Он опасен также и для общества. Мы боимся его, ибо он несет в себе зерна раздора и мести. И все же, несмотря на свой эгоизм, многие ученые, особенно медики, в очень сильной степени руководствуются гуманными побуждениями.

Я не считаю, что эти два явно противоположных мотива отражают некоторую шизоидную черту — что-то вроде раздвоения личности, при котором инстинкт самосохранения постоянно борется с желанием помочь другим. С моей точки зрения, даже альтруизм¹² представляет собой видоизмененную форму эготизма, разновидность эгоизма коллективного, призванного помочь

---

⁹ *Эгоцентризм* — воззрение, ставящее в центр всего мироздания индивидуальное *Я* человека, крайняя форма индивидуализма и эгоизма. — *Ред.-сост.*

¹⁰ *Эгоизм* — себялюбие, предпочтение своих личных интересов интересам других людей. — *Ред.-сост.*

¹¹ *Эготизм* — преувеличенное мнение о значении своей личности. — *Пер.*

¹² *Альтруизм* — бескорыстная забота о благе других людей, готовность жертвовать для других своими личными интересами. — *Ред.-сост.*

обществу. Подсознательно мы чувствуем, что альтруизм порождает благодарность. Благодарность, к которой мы побуждаем другого человека за оказанные ему услуги, является, возможно, наиболее характерным для человека способом обеспечить свою безопасность и стабильность (гомеостаз). Тем самым устраняется мотив столкновения эгоистических и альтруистических тенденций. Вызывая чувство благодарности, мы побуждаем других разделить с нами наше естественное желание собственного благополучия. Чем менее человек знаком с экологией живых существ, тем более отталкивающим выглядит для него такой ход рассуждений. Но биолог не призван ставить под вопрос мудрость творения, он только анализирует его структуру.

Каковы бы ни были их сознательные мотивы, многие ученые обладают искренним желанием быть полезными обществу. Вот почему даже среди тех, кто занимается фундаментальными исследованиями, не ожидая от них никакого практического выхода, лишь немногие полностью лишены надежды, что их открытия смогут помочь людям избавиться от страданий и достичь счастья. Одной из наиболее важных причин такого желания является потребность в одобрении.

Потребность в одобрении — жажда авторитета — тщеславие

Однажды один из друзей сказал Катону Старшему: «Какое безобразие, что в Риме тебе до сих пор не воздвигли памятника! Я обязательно позабочусь об этом». «Не надо, — ответил Катон, — я предпочитаю, чтобы люди спрашивали, почему нет памятника Катону, чем почему он есть». (Т. Мессон¹³)

Реальный мир в абсолютном смысле не зависит от отдельных личностей и даже от всего человеческого мышления, и поэтому любое открытие, сделанное отдельным человеком, приобретает всеобщее значение. Это дает исследователю, работающему в тихом уединении над своей проблемой, уверенность в том, что каждый найденный им результат получит прямое признание у всех компетентных людей. Сознание значимости своей работы является счастьем для исследователя. Оно является полноценной наградой за те различные жертвы, которые он постоянно приносит в повседневной жизни. (М. Планк)

Я крайне редко встречал ученых — если встречал вообще, — которые не были бы заинтересованы в одобрении своих коллег и не были бы обеспокоены тем, получают они приоритет на свои открытия или нет. Редко кто берет в руки книгу или статью по своей тематике без желания немедленно увидеть в перечне литературы или авторском индексе свое имя. Почему же многие так ужасно стыдятся этого чувства?

¹³ Томас Мессон (1856—1934) — американский издатель и писатель. — *Пер.*

Иногда мы приглашаем на временную работу в наш институт наиболее выдающихся современных медиков. Стало традицией устраивать для этих почетных гостей неофициальный обед, за которым идет непринужденная беседа. Это дает нам возможность лучше узнать этих людей с неформальной стороны; чем руководствуются они в своей деятельности, что приносит им удовлетворение. Один из наиболее распространенных вопросов касается мотивов исследовательской работы. Наиболее частый ответ — «любопытность». Если на ученого «поднажать», то в качестве дополнительных мотивов он может упомянуть желание принести пользу.

Я никогда не забуду, как мой самый молодой аспирант невинно спросил уважаемого гостя: «В таком случае, сэр, вы не будете против, если я опубликую данные эксперимента, который вы показывали нам сегодня? Я ведь вам ассистировал, да и раньше делал похожую работу — правда, не очень успешно. Это было бы неплохим дополнением к моей диссертации, сэр... Конечно, если вы не против, сэр». Такая просьба была не выполнима, но вопрос был задан хороший.

Научная любопытность гораздо легче может быть удовлетворена чтением публикаций других исследований, чем работой в лаборатории. Могут потребоваться годы для экспериментального доказательства того, что можно узнать за несколько минут, прочтя опубликованный конечный результат. Так что давайте не будем себя обманывать: вряд ли побудительной силой творчества является чистая любопытность. Быть может, это желание делать добро? Мало кого из ученых удовлетворила бы возможность делать добро на поприще политической или благотворительной деятельности.

Правда заключается в том, что мы тщеславны, очень тщеславны. Мы горим желанием осознавать, что открыли некий важный закон Природы с помощью нашей собственной изобретательности. Почему же мы так стыдимся этого? Ведь, по словам Уильяма Вудворда, «тщеславие, без сомнения, принесло гораздо больше пользы цивилизации, чем скромность».

Тщеславие становится предосудительным только тогда, когда законная гордость общепризнанными достижениями превращается в неразборчивую погоню за славой ради нее самой. Ни один ученый, достойный этого звания, не измеряет свой успех количеством похваливших его людей. Ни один ученый не желает приоритета на открытие, ошибочно приписанное ему, и не хотел бы поменяться местами с самыми известными политиками, миллионерами или генералами. Ни один из известных мне ученых наверняка не испытывает чувства зависти к славе чревоушателя, на которого с обожанием смотрят по телевидению миллионы людей. Ученые тщеславны, им нравится признание, они не безразличны к известности, которую приносит слава, но очень разборчивы в отношении того, чье признание им хотелось бы добиться и за что им хотелось бы стать знаменитыми.

На этот счет ученые обладают предельной шепетильностью. Чем более велик ученый, тем меньше число людей, мнением которых он дорожит. Но тому, кто прилежно трудится в одиночестве своей лаборатории над какой-нибудь разгадкой чрезвычайно запутанного механизма Природы, очень согревает сердце сознание, что где-то в мире есть несколько человек — быть может, всего полдюжины, — действительно понимающих важность его работы и те трудности, которые ему приходится преодолевать. Этих коллег он принимает как равных себе и чувствует глубокое удовлетворение от того, что благодаря своей работе приобрел духовное родство с ними. Он заслужил себе место в кругу этой интеллектуальной элиты. Он может общаться с этими людьми, минув огромные расстояния, языковые и социальные барьеры и всю ту мелочную ненависть и зависть, которые разделяют других. Думаю, что в этот век «холодных» и «горячих» войн, ожесточенной расовой, политической и религиозной нетерпимости или просто пошлой банальности людских устремлений ученому не стоит стыдиться своего тщеславия.

Ореол успеха; преклонение перед героями и желание им подражать

Сам я — страстный почитатель героев; мои великие идеалы — Клод Бернар, Луи Пастер, Роберт Кох, Пауль Эрлих и Уолтер Кеннон¹⁴. Но более всего я обязан д-ру Кеннону, которого знал лично. Это был настоящий человек и истинный ученый. Он оказал на меня огромное влияние, и на всю свою жизнь я сохранил к нему большую привязанность. Моя работа по стрессу была в значительной степени написана под влиянием его открытия реакций экстренного выброса адреналина. Даже эти записки несут на себе отпечаток этого влияния. Очевидно, я связан с д-ром Кенноном какими-то неразрывными связями. Надеюсь, он ничего не имел бы против подобных заявлений, будь он жив. Ведь говорил же он: «Я сын Боудича, который ввел меня в физиологические исследования. Боудич в свою очередь был сыном Карла Людвига, в лаборатории которого в Лейпциге он контактировал с другими людьми из многих стран. Через моего деда Людвигу я связан со многими его последователями, среди них — итальянский физиолог Моссо, английский фармаколог Бринтон и русский физиолог Павлов. Я имею детей и внуков — молодых докторов, которые вернулись из Гарвардской физиологической лаборатории в свои страны, чтобы продолжить исследования».

---

¹⁴ Бернар Клод (1813—1878) — выдающийся французский естествоиспытатель, физиолог и патолог; Пауль Эрлих (1854—1915) — известный немецкий врач, биолог и химик, один из основоположников теории иммунитета, лауреат Нобелевской премии за 1908 г.; Кеннон Уолтер (1871—1945) — крупнейший американский физиолог, автор теории гомеостаза. — *Пер.*

Как много идей Кеннона я воспринял! Ничего не могу с этим поделать, могу испытывать только благодарность за это. Ведь сыновья не могут не походить на своих отцов, а со стороны потомства было бы непочтительным стараться быть иными только ради того, чтобы избежать обвинения в подражании. Кроме того, переданные по наследству характеристики в последующих поколениях видоизменяются. Ни один ученый не появляется спонтанно, без предшественников, но в отличие от сына по крови сын по разуму может по крайней мере выбрать себе родителя.

Достижению подлинного совершенства мышления и гениальности в огромной степени препятствует неправильное понимание лозунга «все люди равны», с которым Линкольн¹⁵ обратился к своему народу после битвы под Геттисбергом. В буквальном смысле слова это утверждение явно неверно: одни люди маленького роста, другие высокого; одни толстые, другие худые; одни умные, другие глупые. Линкольн имел в виду только то, что все люди обладают равными правами развивать те качества, которыми наделены от рождения.

Однако на практике даже и это невозможно, поэтому нам советуют поступать наилучшим образом и относиться к каждому с точки зрения большинства. Поскольку мы не в состоянии приспособить процесс обучения к каждому ученику, постольку будет «демократично» подогнать ученика под средний уровень процесса обучения.

В нынешних условиях вполне разумно решать основные общественные проблемы голосованием, но при решении научных, художественных и иных культурных проблем должны быть справедливы слова Генри Торо¹⁶: «Всякий человек, который более прав, чем его соседи, составляет большинство в один голос».

Боязнь скуки

Сколько было написано о мотивах, которыми руководствуется творческий человек на пути к славе, но как мало я слышал о скуке — одном из наимоощнейших мотивов, который действует, беспощадно отсекая все пути к отступлению!

Все живые существа должны или действовать, или погибнуть. Мышь должна находиться в постоянном движении, птица летать, рыба плавать и даже растение должно расти.

Минимальные требования к активности меняются от вида к виду, от индивида к индивиду, от времени к времени. Они опускаются до весьма низкого уровня, когда жизнь замедляется во время сна или зимней спячки, в старости

---

¹⁵ Линкольн (*Lincoln*) Авраам (1809—1865) — 16-й президент США в 1861—1865 гг., один из организаторов Республиканской партии, выступившей против рабства. — *Ред.-сост.*

¹⁶ Торо (*Thoreau*) Генри Дейвид (1817—1862) — американский писатель, мыслитель, представитель трансцендентализма. — *Пер.*

и при серьезном заболевании, и поднимаются весьма высоко в период молодости, когда тело и разум интенсивно развиваются.

Нужда в физических упражнениях имеет тенденцию с возрастом уменьшаться быстрее, чем потребность в умственной деятельности. Тело обычно стареет быстрее разума. Но если мы не находим выхода своей энергии, она начинает устремляться внутрь организма, уничтожая свои истоки, которые становятся жертвами болезненного саморазрушения. Вынужденное бездействие — будь оно следствием лени или отстранения от дел не по своей воле — порождает чувство неуверенности в себе, депрессию, ипохондрическую озабоченность состоянием своего тела и разума. Занятый человек не имеет времени решать даже самые серьезные проблемы, а бездействующий — изводит себя, чтобы как-то убить время.

Творческие люди заняты интенсивным поиском «духовных отдушин», и если они уже приобрели вкус к серьезным умственным упражнениям, все другое в сравнении с этим представляется им не стоящим внимания. Мало кто из ученых увлекается чем-то еще, кроме науки, и я думаю, что именно ужасная боязнь скуки с такой же силой не дает им заняться «мирскими» делами, с какой страсть к науке влечет их к исследованиям. <...>

Как говорить?

Искусство убедительно излагать свои мысли имеет для ученого огромную ценность. Оно необходимо не только для чтения лекций студентам и коллегам или в тех практически неизбежных случаях, когда требуется выступить перед более широкой аудиторией (клубы, радио, телевидение), но и в качестве могучего оружия в научных дискуссиях. Мало кто из ученых любит выступать перед публикой, во-первых, потому, что нередко эти выступления расцениваются как попытка саморекламы, а во-вторых, они оборачиваются чем-то вроде обязанности, налагаемой на представителя науки организаторами всякого рода пропагандистских кампаний или лекционных курсов по дежурной тематике. И все же в качестве инструмента достижения взаимопонимания ораторское искусство по меньшей мере так же важно для ученого, как и сочинительское, а овладеть им, быть может, даже сложнее. Написанный текст можно переделать и довести до уровня, удовлетворяющего если не читателя, то хотя бы самого автора. А вот устное слово, раз сказанное, уже не сотрешь, даже если оно не удовлетворяет ни слушателя, ни выступающего. Искусство говорить в гораздо большей степени связано с импровизацией, чем искусство писать; оно в значительной мере зависит от врожденной способности к свободному владению речью и даже от таких личных качеств, как самообладание, приятная дикция и обаяние. Выступающий должен также уметь улавливать настроение аудитории, подчинять ее себе, парировать неожиданные вопросы, незаметно отклоняться от темы выступления, если это диктуется ситуацией.

Многое из того, что говорилось выше об искусстве письма, справедливо и в отношении ораторского искусства, хотя, к сожалению, это последнее в значительной степени зависит от врожденных качеств, которым невозможно научиться, но которые можно усовершенствовать с помощью опыта. Поэтому мой первый совет начинающему оратору — использовать каждую возможность выступить на публике. Упражнения перед зеркалом помогают следить за своим внешним видом и способствуют раскованности, однако в целом они мало что дают. Стоя на трибуне, вы видите перед собой аудиторию, которой вы нравитесь или не нравитесь, она выражает интерес или скуку, понимание или растерянность; искусство состоит в том, чтобы, сообразуясь с этим, строить свое выступление. Прямо скажем, задача не из легких. Необходимо научиться поддерживать контакт со своими слушателями, хотя, как правило, вы ничего о них не знаете, а их вопросы нисколько вам не помогают. Вот они сидят перед вами в загадочном молчании — и вы должны не просто читать по их лицам, вы должны читать по их глазам, о чем они думают. Таким искусством можно и нужно овладеть. Читатель написанной вами книги не в силах задать вам вопрос, но он может обдумать каждое положение, выдвинутое вами, подстроиться к темпу вашего изложения и даже заставить вас повторить трудный абзац, перечитав его. Кроме того, аудитория печатного текста не ограничивается людьми, находящимися в одном помещении и, как это обычно бывает, принадлежащими к определенной общественной группе или научному коллективу; печатный текст обязательно найдет свою аудиторию, пусть даже самую небольшую.

Я читаю очень много лекций (иногда до восьмидесяти в год) в ходе специально организованных лекционных турне, которые приводят меня практически в каждую страну, где ведутся активные медицинские исследования. По причинам, о которых речь пойдет ниже, я никогда не пользуюсь заранее подготовленным текстом. В своих путешествиях мне приходилось экспромтом выступать на десяти языках (некоторыми из них я владею очень слабо) и приспособливаться к самой разнообразной аудитории. Не без гордости могу заявить, что стал крупным специалистом по части промахов на лекционной трибуне. Поскольку основная цель этих заметок — дать вам возможность извлечь какую-то пользу из моих ошибок, начнем с того, что мне представляется самым худшим.

Пять «смертных грехов» при чтении лекций

1. *Неподготовленность.* Напутствуя меня на мое первое публичное выступление, мой учитель профессор Бидль сказал: «Никогда не используйте в лекции более трех процентов ваших познаний».

Этот совет сослужил мне добрую службу. Новичкам свойственно рассказывать обо всем, что им известно, и они неизбежно путают слушателей,

упоминая о вещах, с которыми сам выступающий не очень хорошо знаком. «Хорошо бы повторить последний эксперимент с “предварительными результатами” — думает он — а эту последнюю работу по адреналину (или это был адреналон?..) вот бы хорошо еще раз рассмотреть!» Между тем, даже тщательно проверенные факты не обязательно приводить, если они мало что добавляют к вашим рассуждениям.

Но существует и такая вещь, как переподготовленность. Разумеется, ни один опытный лектор не станет дословно зачитывать написанный текст (если только это не биография докладчика, которого он должен представить аудитории, или особенно важное краткое заявление, которое ему нужно сделать, скажем, на пресс-конференции). Но излишне подробные тезисы могут сковывающе действовать как на вас, так и на аудиторию; я уже не говорю о полном тексте выступления, даже если его не зачитывать, а просто держать перед глазами для ориентировки.

И хотя делать какие-либо обобщения в связи с различной манерой чтения лекций нельзя, я предпочитаю пользоваться пометками, включающими не более дюжины ключевых слов. Этого достаточно, чтобы напомнить об основных положениях, которые я намерен высказать в лекции, и о порядке, в котором я собираюсь их излагать. К примеру, если мне пришлось бы читать лекцию о «смертных грехах» лекторов, я бы взял маленькую каталожную карточку и очень разборчиво, большими буквами написал бы следующие пять слов:

- 1) неподготовленность;
- 2) многословие;
- 3) невнятность;
- 4) углубленность в себя (интроверсия);
- 5) манерность.

Если по поводу какого-либо из этих пяти пунктов можно сказать что-нибудь особенно любопытное, я бы добавил к соответствующему заголовку одно-два слова, не больше. Если бы я написал целые фразы, то, несомненно, забыл бы их прочесть, увлекшись своей речью. А может, и не увлекся бы ею и прочел их. Из этих двух зол, кстати, меньшим является первое.

Даже самый опытный лектор не может читать текст, сохраняя при этом свежесть, прямоту и колорит свободной речи, как если бы она еще «тепленькой» сходила с «жаровни» вашего разума. Случайная оговорка, жаргонное словечко или грамматическая ошибка, встречающиеся в обыденной речи образованного человека, не повредят лекции, а, напротив, придадут ей живость и непосредственность. Чтобы отшлифовать письменный текст до последней буквы, требуется уйма времени, в то время как ведя свободную и откровенную беседу, мы никогда не пользуемся абсолютно безупречным языком. Вот почему зачитывание даже самого прекрасного текста и даже самым естественным тоном всегда выглядит искусственно и нарочито, что явно настораживает аудиторию и препятствует установлению тесного контакта с ней.

Короче, я рекомендую:

— включайте в лекцию лишь «сливки» своих познаний, оставляя себе для маневра широкое и безопасное поле накопленных знаний — тот резерв, куда вы могли бы отступить либо под воздействием собственной речи, либо руководствуясь реакцией аудитории;

— никогда не читайте заранее подготовленный текст (хотя бы даже заглядывая в него краешком глаза), в качестве ориентира вполне достаточно нескольких хорошо читаемых ключевых слов;

— помните, что лучше тщательно подготовиться к лекции, чем потом раскаиваться в своей непредусмотрительности; всем нам, грешившим плохо подготовленными лекциями, знакомы многочасовые, а иногда и многодневные (или, что хуже, ночные) терзания после важной лекции, когда без конца повторяешь себе, что мог бы сказать лучше.

Лекция должна быть хорошо подготовлена не только лектором, но и ее организаторами. Много лекций было испорчено неудачным выбором времени, плохим оповещением потенциальной аудитории, неподготовленностью помещения и технических средств. Важно также должным образом представить лектора слушателям: куда вероятнее, что они будут слушать его с напряженным вниманием, если им гарантируют компетентность выступающего в той области, о которой он собирается говорить. Представить выступающего — не пустая формальность, но и не пышный панегирик в стиле надгробной речи. Цель вступительной речи — помочь оратору установить контакт с аудиторией.

2. *Многословие*. Боюсь, что это главный «смертный грех» лектора. Как бы ни был велик ваш опыт, возможность улучшить соотношение между количеством слов и сутью вашего выступления всегда имеется.

Искусство быть кратким приобрести сложно, особенно если вы выступаете без подготовленных тезисов. Начинаящий лектор считает, как правило, тему своей речи настолько сложной, что ее практически невозможно изложить в сжатой форме. Нет сомнения, что чем большим временем вы располагаете, тем о большем вы можете сказать, но даже самый сложный предмет можно объяснить просто, понятно и правильно. К примеру, взятое из словаря определение кортизона не в состоянии заменить монографию о нем, но оно вполне удовлетворит тех, кто никогда о нем не слышал. Как я уже говорил, ни одна написанная статья не может быть совершенна. В лучшем случае она может быть таковой для определенного типа читателей. То же касается лекции или объяснения, которое вы даете своему помощнику; любые сообщения должны быть адаптированы и к слушателю, и ко времени, которым мы располагаем. Рассказывают, что когда некая студентка попросила Эйнштейна¹⁷ дать простое определение относительности, он сказал: «Целый час в объятиях твоего друж-

---

¹⁷ Эйнштейн (*Einstein*) Альберт (1879—1955) — физик-теоретик и мыслитель, один из основателей современной физики. — *Ред.-сост.*

ка кажется тебе минутой, одна минута в горячей печке — целым часом. Вот это и есть относительность».

Чтобы уберечься от многословия при чтении лекции, для начала обдумайте, к кому вы будете обращаться и в какое время вы должны уложиться. Потом против каждого ключевого слова в своей «шпаргалке» проставьте отведенное для него время и просто придерживайтесь этого графика.

Одно из худших бедствий научного совещания — это «сорвавшийся с привязи» докладчик. Его слова несутся наподобие лавины: каждая невесомая снежинка мысли, будучи пущена в движение, собирает вокруг себя все больше и больше бесформенного пуха, пока не превратится в могучее чудище, в конце концов разлетающееся на огромное количество «чепушинок».

3. *Невнятность*. Как едко заметил один бывший вундеркинд, большинство наших учебных курсов совершенно непригодны для языкового образования среднего студента: «Они знакомят его с английским языком наподобие того, как где-нибудь на званом вечере знакомят с хорошенькой девушкой: студент не вполне расслышал ее имя и в следующий раз уже ее не узнает» (Норберт Винер¹⁸).

Случайная грамматическая или синтаксическая ошибка, необычный и образный оборот или, смею надеяться, легкий иностранный либо местный акцент вполне допустимы; такие мелкие погрешности даже придают лекции индивидуальность. Однако, если у оратора, как говорится, «каша во рту», ему следует учиться дикции, а если у него слабый голос, ему нужно держаться поближе к микрофону. Нечленораздельная речь является, как правило, следствием эмоционального состояния выступающего, связанного с чувством напряженности и застенчивости. Это чувство особенно обострено в первые минуты выступления. Тут можно посоветовать выучить первые несколько фраз наизусть или даже прочесть их, поскольку, начав говорить, оратор уже думает не о себе, а о теме выступления, и страх перед публикой пропадает.

Другой формой невнятной речи является злоупотребление профессионализмами и даже обычным жаргоном. Оратор подсознательно пытается снискать себе расположение публики, как бы говоря: «Смотрите, несмотря на ученость, я, в общем-то, такой же простой, как и вы, ребята!» И тем не менее жаргон неуместен на научной лекции, делайте это только в крайних случаях.

Наконец, небрежно сделанные слайды, диаграммы и фотографии, а также переполненные информацией таблицы и диаграммы создают такие же сложности для понимания, как и неразборчивая речь.

4. *Углубленность в себя* (интроверсия). Хороший оратор должен проецировать себя вовне, на аудиторию, избегая театральности. Ему следует учиться держать себя раскованно и свободно. Скромность — это прекрасное качество, но, когда она выливается в излишнюю застенчивость на кафедре, она изолирует

---

¹⁸ Винер (*Wiener*) Норберт (1894—1964) — американский математик, основоположник кибернетики. — *Ред.-сост.*

оратора от слушателей. Боясь уловить тень критики на лицах собравшихся, он старается глядеть в сторону, обращаясь в поисках спасения к знакомым строчкам своего текста. Из предыдущего опыта ему известно, что, подняв глаза, он рискует увидеть то, что наверняка собьет его с толку: зевающую физиономию здоровяка-студента, даму, занятую вязанием и слушающую его рассказ о находках, стоивших ему многих лет тяжелого труда, с полным равнодушием, смешную яркую шляпку с торчащим пером, кокетливый вид которой столь неуместен в этой обстановке... Он может обнаружить мальчишку, читающего газету за спиной сидящего впереди него типа, и, что хуже всего, он может заметить неодобрительную, а порой и саркастическую усмешку. Все эти опасения парализующе действуют на нервную систему. Но чем лучше лектор, тем меньше опасность увидеть нечто подобное. В любом случае самый простой способ побороть безразличие и невниманье — это смотреть прямо в лица слушателей. Выберите в разных местах аудитории одно-два приятных вам лица и обращайтесь сперва к одному, потом к другому — точно так же, как если бы вы находились в спокойной обстановке своего кабинета, а эти люди пришли побеседовать с вами.

Интроверсия — едва ли не самая тяжелая болезнь лектора — связана со всеми другими перечисленными здесь «смертными грехами». Ее причиной может быть неподготовленность, она ведет к многословию, невнятному изложению, манерности — основным «баррикадам» между оратором и слушателем. Интроверсия губит главное преимущество лекции перед написанной статьей: она устраняет живой контакт между учителем и учеником, столь необходимый в непрерывном процессе приспособления устного слова к постоянно меняющейся аудитории.

5. *Манерность*. У нервных лекторов вырабатывается поразительное разнообразие ужимок и гримас. Подергивание уголка рта, преувеличенно театральная жестикация, напыщенность выражений, многократное повторение одних и тех же банальностей, обязательное взирание на пол или на потолок невидящим пустым взглядом — все эти повадки проистекают из чувства напряженности и страха перед публикой. Как и некоторые из упомянутых выше проявлений интроверсии, они изолируют оратора от аудитории. Слушателю неловко за лектора, за его слабость и неуверенность в себе, проявляющуюся в его ужимках, и он не в состоянии воспринимать содержание выступления. Облегчение наступает, когда гасится свет для показа слайдов и все смотрят на экран. И внезапно манерность докладчика исчезает, ибо темнота спасла его от ужасающей необходимости видеть своих слушателей и быть увиденным ими. Если плохому лектору такая защита нужна, как шоры пугливой лошади, то для начинающего идея использования большого количества слайдов в качестве частичной замены написанного текста и «дымовой завесы» против приводящей его в трепет аудитории представляется плодотворной.

Немало ораторов, чье аффектированное и претенциозное поведение на кафедре являет собой уже не манерность, а просто невоспитанность. Существу-

ет тип агрессивного лектора, который впустую растрчивает время своих слушателей, пространно и злобно обличая тех, кто не согласен с его взглядами. Бывают обороняющиеся лекторы, постоянно отстаивающие свой приоритет или подчеркивающие важность своих самых тривиальных наблюдений с помощью хитроумных, но вполне прозрачных аргументов. Характерно, что неумеренная краснота речи также является недостатком научной лекции, поскольку отвлекает внимание слушателей от сути объясняемого. Эта опасность усиливается, когда лекция читается на языке, обладающем особенной музыкальностью, например на французском или итальянском.

Анализ дурных привычек поведения на кафедре помогает с ними справиться. Лично я обнаружил, что те способы поведения, которые могли бы отдалить меня от аудитории, легче всего преодолеть, призвав на помощь способы поведения, имеющие противоположный эффект. Ничто так не способствует теплоту контакту со слушателями, как манера поведения, совершенно не свойственная для официального выступления, но приемлемая для неформальной беседы с друзьями. Просто облокотившись на край стола, вы уже сняли напряжение, но самое важное — следить за тоном своего голоса и выбором слов. Расслабьтесь. Представьте себе, что вы рассказываете о своей работе коллегам, которые заглянули к вам в лабораторию...¹⁹

Существует такая манера публичного выступления, которую мы привыкли ассоциировать с церковной кафедрой или амвоном. Она создает атмосферу торжественности и почтения авторитету, предполагает скорее безоговорочное согласие, нежели критический анализ, способствует не пониманию, а запоминанию. Избегайте этого стиля. Ученому лучше намеренно сбросить с себя академическую спесь, заменив ее простотой и отсутствием претензий. Его личный авторитет отнюдь не помогает слушателям независимо и объективно судить о каждом новом факте.

---

¹⁹ У русскоязычного читателя, быть может, возникнет ассоциация с системой Станиславского. — *Пер.*

Н.Е. Введенский

Условия продуктивности умственной работы*

<...> Интересно остановиться над практическим вопросом, какие условия надлежит соблюдать для производительности умственной работы. Опираясь на физиологические сведения о центральной нервной системе, мы можем почерпнуть в этом отношении несколько существенных указаний, которые окажутся полезными и, пожалуй, в особенности для русского интеллигентного общества, где так часто слышатся жалобы на умственное переутомление, нервные расстройства от напряженной духовной работы и т.п. Конечно, чрезмерным умственным трудом можно довести себя до крайних пределов усталости, граничащих с болезненным состоянием; но, присматриваясь, в частности, к нашей русской общественной жизни, часто видишь, что, — рядом с несомненными признаками психического утомления от работы, — действительно производительной работы оказывается очень мало; и возникает немного парадоксальная мысль, — не от того ли именно у нас так сильно и утомляются люди, что они *мало работают* в истинном смысле слова, — не умеют *работать продуктивно*. Ведь пока человек не научился работать продуктивно, он естественно принужден затрачивать гораздо более и времени и энергии на выполнение того дела, которое легко и быстро спорится в руках привычного и экономного мастера! Множество данных говорит нам за то, что при умелом распределении умственного труда можно не только развить громадную по своей продуктивности работу, но, притом, сохранить на долгие годы, быть может, на всю жизнь, умственную работоспособность и общий тонус своей жизнедеятельности. Устают и изнемогают не столько от того, что много работают, а от того, что плохо работают!

Каковы же нормальные условия производительности труда?

Первое условие, необходимое для обеспечения духовной работоспособности, заключается в том, что во всякий труд надо входить *постепенно*. Это

---

* Сеченов И.М., Павлов И.П., Введенский Н.Е. Физиология нервной системы: Избранные труды. М.: Гос. изд-во медицинской литературы, 1952. Вып. 3. Кн. 2. С. 865—876.

общее и в высшей степени важное правило при всевозможных видах работы и физической и нервно-психической. В области мышечной работы значение его сказывается в очень выразительной форме. Человек, который в течение долгого времени не занимался тяжелым физическим трудом, принявшись сразу за работу, очень скоро теряет силы, утомляется и истощается; это испытывает на себе всякий работник, возвращающийся с зимних городских заработков домой в деревню, на летние полевые работы; то же испытывает волжский крючник в первые дни своего труда весной, когда он только что пришел на караван после относительно бездеятельной зимы в деревне. Первые дни труда отзываются очень болезненно: во всем теле развивается своеобразное, неприятное ощущение утомления, появляется дрожание мышц, иногда нарушается заметным образом общее питание организма, дело доходит до явно патологических явлений. В последующие дни человек постепенно втягивается в труд, он становится для него уже не таким утомительным и, в то же время, ежедневная производительность труда возрастает. Точно так же и в сфере умственного труда успех обеспечивается только в том случае, если работник входит в дело, не налегая слишком сильно сразу, а развивая свои силы постепенно.

Второе условие плодотворности умственного труда заключается в *мерности и ритме* работы. Значение этих моментов уясняется тоже нагляднее всего на мышечной работе. Известно, что она оказывается наиболее продуктивной при вполне определенном ритме мускульных возбуждений: слишком быстро идущий человек быстро утомляется; с другой стороны, и слишком медленное движение, — например, когда взрослый, гуляя с детьми, приспосабливается к детскому шагу, — также вызывает сравнительно быстрое утомление. Порывистость в работе, внезапные усиления ее оказываются неблагоприятным признаком для ее производительности: период форсированного напряжения сменяется по необходимости продолжительным периодом бездеятельности. Для мышечной работы это превосходно демонстрируется в опытах с эргографом¹. При не слишком большой нагрузке и при целесообразно подобранном умеренном темпе мышечных сокращений, высоты отдельных сокращений, установившись на некоторой величине, удерживают ее часами (*Z. Treves*). Но то же правило остается и для высших видов нервно-психической и умственной деятельности. Поэтому-то еще в сознании древних труд, терпение в деле и дисциплинированная мерность работы почитались за добродетели, почти тождественные, как единственно надежное основание здравого мышления. «Дело — якорь для мысли и только оно дает мысли надежное направление», ибо «покой тела дает мысли свободу кружиться», т.е. делает ее рассеянной и разбросанной; всякое же дело красится своим темпом и мерой: «всякую вещь красит мера, а без меры обращается во вред и то, что почитается прекрасным».

¹ *Эргограф* — прибор для графической регистрации работы мышц. — *Ред.-сост.*

По-видимому, разным людям присущ более или менее различный ритм работы. С этим приходится считаться в войсках на походе: когда переход длинен и труден, солдатам предоставляется идти вольным шагом, — так что один может шагать чаще, другой реже, — так как маршировка в ногу и строгое подчинение общему темпу движений утомляет отдельных индивидуумов скорее. Подобно тому непривычно быстрое чтение быстро утомляет внимание слушателей и притом в различной степени, так что и для умственной работы следует допустить некоторый, более или менее определенный для каждого индивидуума, темп нормальной деятельности.

Третьим условием успешности работы является *привычная последовательность и систематичность* деятельности. Зависит это от объективных условий работы и от степени приспособленности работника к данному делу. При ходьбе по песку, по снежным сугробам, по обледенелой дороге мы скоро утомляемся, потому что при этом наши мышцы сокращаются необычным порядком: становясь на зыбкую или скользкую почву, наши ноги постоянно должны приспособляться к неожиданным положениям, чтобы поддерживать тело в равновесии, и, следовательно, в деятельность аппарата, координирующего локомоцию, вносятся внезапные и разнообразные моменты, путающие и затрудняющие простой и привычный, сложившийся в центрах, акт ходьбы.

В умственном труде, равным образом, играет огромную роль последовательность и систематичность работы. При чтении не систематично изложенной книги, где мысли разбросаны, недостаточно связаны между собой, или же, где они связаны логически правильно, но неясно выражены, приходится делать большие усилия мысли для того, чтобы следить за смыслом, — и это действует очень утомительно на читающего. Неожиданные толчки и препятствия, которые испытывает при этом мысль читателя, доверчиво идущего по следам автора, сильно затрудняют ее течение и оказывают на нее действие, подобное тому, как шатающаяся походка идущего впереди пьяного человека влияет на наш шаг, требуя постоянного внимания, заставляя делать неожиданные уклоны в стороны или не менее неожиданные остановки и «оборонительные движения».

Четвертое условие, весьма важное для плодотворности умственной работы, заключается в правильном *чередовании труда и отдыха*. Из мышечной физиологии известно, что для сохранения большей работоспособности полезно прерывать физическую работу на известное время уже в первые стадии утомления. При несоблюдении этого условия, — т.е., когда человек, чувствуя утомление, не обращает на это никакого внимания и продолжает работать по-прежнему, — впоследствии уже и очень продолжительный отдых не будет способен восстановить нормальную мускульную работоспособность. То же наблюдается и в умственной сфере. По мере утомления мысли вяжутся в нашем сознании все вялее и вялее, внимание не удерживается с прежним напряжением на идеях, которые нас занимали, дело доходит до болезненного ощущения. Необхо-

димо в самом начале такого состояния дать себе отдых, — в начале будет достаточно совсем незначительного отдыха для полного восстановления умственных сил, — тогда как, если вовремя не будут приняты соответствующие меры, потом придется оставить работу надолго.

Говоря вообще, в нормальных условиях работоспособность человека в каждый последующий день не ниже, чем в предыдущий. Если этого нет, это значит, что либо есть посторонние патологические условия, либо человек переработал и не дал себе вовремя отдыха, не обратив внимания на начальные стадии утомления. Люди, привыкшие к правильной и регулярной умственной работе, сознательным или бессознательным путем всегда улавливают этот момент. Лица же, работающие под влиянием аффекта или увлечения, легко могут не заметить первых фаз утомления, что не замедлит отразиться затем на их умственной работоспособности. Среди нашей учащейся молодежи часто приходится наблюдать нервное переутомление после экзаменов, так как обыкновенно, мало работая в течение года, наши студенты сосредоточивают всю громадную работу перед самыми сроками экзаменов. Нервные заболевания на почве переутомления в особенности часто наблюдаются у биржевых дельцов, работа которых носит чрезвычайно лихорадочный характер, так как им приходится действовать в условиях ажитации и аффекта, бдительно следя за календарно-доскопически меняющимися новостями по части изменения курсовых ценностей. Нет ничего удивительного, если и в ученом мире встречаются лица, очень рано прекратившие свою деятельность, ограничившись защитой магистерской или докторской диссертации. В большинстве случаев это объясняется тем, что человек в продолжение небольшого срока, чрезмерно напрягая свои силы, трудился над подготовкой диссертации, не обращая внимания на необходимость в своевременном отдыхе, и, таким образом, довел себя до умственного переутомления.

Можно привести немало примеров того, как выдающиеся работники мысли умеют распределять свою умственную работу. Известна поразительная работоспособность *Наполеона I*² в пору его наиболее кипучей деятельности. Он начинал рабочий день с обзора ближайших дел момента, например, с обдумывания военных вопросов; затем он переходил к вопросам международной политики; потом к вопросам финансовым, экономическим, юридическим и т.д. Обладая выносливой организацией, Наполеон, кроме того, экономизировал свои силы, методически чередуя предметы внимания в течение целого дня; благодаря этому он не испытывал утомления и развивал громадную и поразительно плодотворную деятельность. По его собственным словам, занимаясь поочередно всеми этими вопросами, он как бы выдвигал последовательно один за другим ящики своего стола и, наконец, задвинув последний ящик, спокой-

---

² Наполеон I (*Napoléon*) (Наполеон Бонапарт) (1769—1821) — французский император в 1804—1814 гг. и в марте — июне 1825 г. — *Ред.-сост.*

но засыпал. Отдых, таким образом, не предполагает обязательно полного бездействия со стороны человека, он может быть достигнут простой переменой дела, — переносом внимания в новую сферу деятельности.

Образцом педантического распределения рабочего времени и огромной умственной трудоспособности по праву считается знаменитый кенигсбергский философ *Иммануил Кант*³: еще семидесятилетним старцем он был способен творить гениальные образцы мысли. Насколько точно распределен был его день, можно судить по тому, что кенигсбергские жители определяли время по его возвращению домой, или по выходу его из дома: «семи часов еще нет, — говорили они, — потому что профессор Кант еще не проходил домой». Он вставал всегда в пять часов утра и никогда не отступал от этого правила, ложась также всегда в десять вечера. До семи часов утра он работал в своем кабинете, а затем отправлялся на лекции в университет. После лекций — снова работа в кабинете до трех четвертей первого. Затем обед, являвшийся, в то же время, временем беседы с гостями. После обеда — прогулка, большей частью уединенная, во время которой обдумывались текущие работы; в эти же часы иногда — посещение знакомых. С семи часов вечера опять работа дома.

Лев Толстой сохранял свою трудоспособность также почти до последних дней жизни и еще на смертном одре составлял планы новых работ. Из его биографии видно, с какой правильностью и систематичностью он распределял свое время и как умело чередовал труд с отдыхом.

То же можно сказать про *Сеченова*⁴, *Менделеева*⁵, *Пфлюгера*⁶, *Вундта*⁷ и других крупных ученых, которые, достигнув преклонного возраста, сохранили ясность мысли, духовную трудоспособность и физическое здоровье.

По-видимому, правильная деятельность нервных центров отражается благотворно и на общем здоровье организма, на общем тоне жизненного процесса. Наоборот, у таких типов, как *Обломов*, умственная работа которых прекращается рано, очень скоро развивается общая расслабленность организма, апатичность, тупое безразличие. Конечно, к старости общая пластичность мозговых процессов, во всяком случае, ослабевает; тем не менее у людей, не прекращающих правильного и систематического духовного труда, работоспособ-

---

³ Кант (*Kant*) Иммануил (1724—1804) — немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии; см. его текст на с. 15—17 наст. изд. — *Ред.-сост.*

⁴ Сеченов Иван Михайлович (1829—1905) — русский физиолог, создатель физиологической школы. — *Ред.-сост.*

⁵ Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — русский ученый-энциклопедист и педагог, открывший один из основных законов естествознания — закон периодической зависимости свойств химических элементов от их атомных масс. — *Ред.-сост.*

⁶ Пфлюгер (*Pflüger*) Эдуард Фридрих (1829—1910) — немецкий физиолог. — *Ред.-сост.*

⁷ Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ, основатель экспериментальной психологии. — *Ред.-сост.*

ность сохраняется прекрасно, у людей же, работающих беспорядочно, нервные центры начинают дряхлеть значительно раньше и умственный аппарат как бы изнашивается преждевременно.

У нас в России, к сожалению, очень распространено мнение, будто это особенность собственно тупиц — усидчиво и методически работать над делом, людям же действительно способным приличествует работать только экспромтом, по вдохновению. Это, без сомнения, в высшей степени вредный и ложный взгляд. Только по первому впечатлению может казаться, будто то или другое решение вопроса приходит внезапно, как бы невзначай, по наитию, независимо от усилий мыслящего человека; на самом деле и то решение вопроса, которое возникает «по вдохновению», — есть результат, может быть, скрытой в прошлом, но все же упорной и систематической работы; и гениям мысль никогда не приходит без предварительной подготовки, ибо «из ничего ничего не бывает». Отсюда понятно то определение, которое дал *Ньютон*⁸, когда его спросили, что такое, по его мнению, гений: «гений это труд». Гений это, прежде всего, гениальный труженик! Затем, это человек, обладающий в высшей мере способностью произвольного внимания. И, если для того же Ньютона, — как говорит предание, — принцип тяготения открылся вдруг, когда он сидел в саду и увидел падающее с дерева яблоко, а закон образования коэффициентов в ряде, в который развертываются степени двучлена, предстал его умственному взору неожиданно, когда он сидел на званом обеде, — то и тот и другой случай был во всяком случае только завершением упорной скрытой работы, происшедшей в уме Ньютона в предшествующее время в области проблем, намеченных Галилеем⁹, Кеплером¹⁰ и Паскалем¹¹. О том, как упорно и настойчиво работал Ньютон, сохранились достоверные сведения: отдаваясь идеям, которые его захватывали, он изолировался от людей на целые недели.

Классический пример того, что называют внезапным «озарением» при научном открытии, известен из рассказа Витрувия¹² о том, как *Архимед*¹³ пришел к идее о потере веса телом, погруженным в жидкость. «Опустившись в ванну, он заметил, что вода выливается из ванны по мере того, как он в нее опускает-

---

⁸ Ньютон (*Newton*) Исаак (1643—1727) — английский математик, астроном и физик, создатель классической механики. — *Пед.-сост.*

⁹ Галилей (*Galilei*) Галилео (1564—1642) — итальянский физик, астроном, математик и мыслитель, один из основателей современного естествознания, заложивший основы классической механики. — *Пед.-сост.*

¹⁰ Кеплер (*Kepler*) Иоганн (1571—1630) — немецкий астроном, один из создателей астрономии нового времени. — *Пед.-сост.*

¹¹ Паскаль (*Pascal*) Блез (1623—1662) — французский математик, физик, христианский философ и писатель. — *Пед.-сост.*

¹² Витрувий (*Vitruvius*) (2-я половина I в. до н.э.) — римский архитектор и инженер. — *Пед.-сост.*

¹³ Архимед (ок. 287—212 до н.э.) — древнегреческий ученый. — *Пед.-сост.*

ся. Догадавшись о причине этого явления, он, не теряя ни минуты, выпрыгнул из ванны и голый побежал домой, громко крича, что нашел то, что искал. Он кричал *εὕρηκα, εὕρηκα* [«эврика» (греч.) — «я нашел». — *Ред.-сост.*]...» Архимед внезапно догадался, что его тело и вытесняемая им вода находятся в таком же отношении, как грузы, действующие на две чашки весов. Само собой понятно, что наблюдение Архимеда над водой в ванне могло навести его на новую идею только потому, что великим ученым древности были уже выработаны представления сначала о рычаге и затем о равновесии тяжестей. Образ Архимеда, как напряженного работника, всецело уходящего вниманием в предмет своей мысли, ярко выступает в известном рассказе о его смерти при взятии Сиракуз римлянами. Он, по-видимому, не отдавал себе отчета, что город взят, и ворвавшихся солдат просил только об одном, — чтобы они не испортили его чертежей.

О Канте известно, что он очень подолгу, целыми годами обдумывал свои труды по вечерам, всячески ограждая при этом свое внимание от внешних рассеивающих впечатлений и педантически охраняя свою привычную обстановку; только после продолжительного и напряженного мыслительного труда он приступал к писанию, которое шло сравнительно быстро. По его собственным словам, труд обдумывания «Критики чистого разума» потребовал у него двенадцати лет, написано же это сочинение было в пять месяцев.

Наш *Тургенев* также подолгу готовился к своим работам; обыкновенно, лежа на диване, который он называл «самосон», он отдавался мысли, комбинировал образы, занимавшие его сознание, пробовал различные сочетания, словом — производил громадную умственную работу, и нет ничего удивительного, если после такой подготовки из-под его пера выливались почти сразу его новые сочинения, почти не требуя переработки.

О громадном труде, который развивал *Л. Н. Толстой* в процессе творчества, говорят многочисленные живые свидетели его деятельности. Некоторые свои работы он вынашивал в себе по несколько лет, как бы подготавливая для них благоприятную почву. Например, трактат «Что такое искусство?» был начат еще в 70-х годах. «Но взявшись тогда за работу, Л. Н. увидел, что многие краеугольные вопросы искусства еще недостаточно укреплены в нем. И только по истечении семнадцати лет, когда все перебрало в его сознании и улеглось, он взялся, наконец, за начатую работу...». Л. Н. постоянно и много писал, пускал же в печать далеко не большую часть из написанного. В 1896 г. он закончил «Воскресенье» и уже читал его тогда некоторым знакомым; но затем совершенно отложил эту работу. Потом он вернулся к ней из филантропических побуждений, в голодный год, и теперь всю ее переработал заново, — изучал для нее тюремный вопрос, юридическую практику.

Своей манерой работать Лев Николаевич напоминает прежних живописцев. Установив план работы и собрав большое количество этюдов, он сначала как бы набрасывает эскиз углем и пишет быстро, не думая о частностях. Написанное

таким образом он отдает переписать начисто <...> Пишет Л.Н. обыкновенно на четвертушках простой бумаги <...> исписывая иногда в день по 20 страниц, что составляет более половины печатного листа <...> Работает он преимущественно утром, между девятью и тремя часами, считая этот промежуток времени наилучшим для работы <...> Когда новое произведение Льва Николаевича, начисто переписанное, появляется на его рабочем столе, оно подвергается немедленной переработке. Но это опять все еще нечто в роде эскиза углем. Рукопись быстро испещряется пометками и вставками между строками, сбоку, снизу и с переносом на другую страницу. Целые фразы заменяются другими, которые, как молнией, освещают иногда выводимый образ с новой стороны <...> Второй раз переписанная начисто работа подвергается той же участи. В третий раз то же самое. Некоторые главы переписываются Л.Н. более десяти раз. Между тем он почти вовсе не заботится о внешней отделке и питает даже некоторого рода отвращение ко всему подстриженному в искусстве <...> Все более и более вооружаясь, по мере писания, своими воспоминаниями и новыми сведениями по вопросу, который он затрагивает, Л.Н. упорно, пылливо и настойчиво работает над каждой главой, делая лишь небольшие перерывы для отдыха и прибегая обыкновенно к раскладыванию пасьянса в затруднительные минуты <...> Напряженное доискивание рельефа и ясности в каждом изображаемом им лице составляет в это время самую главную заботу для Льва Николаевича, и он любит говорить по этому поводу, что золото добывается усиленным просеиванием и промыванием <...> (П. Сергеевко).

Новый и тоже громадный труд для Льва Николаевича наступал тогда, когда работа появлялась набранной в корректурах.

Л.Н. превращал корректурные листы в сплошную сеть поправок. Со второй корректурой происходило то же самое. И можно сказать не преувеличивая, что если бы Льву Николаевичу пришлось держать девятью девятью корректур какого-нибудь из своих произведений, то и девятью девятой корректура была бы испещрена поправками. В корректуре умственная зоркость его еще более изощряется, и иные главы выходят до неузнаваемости изменившимися <...> (П. Сергеевко).

Вот, стало быть, каким огромным и методическим трудом Льва Толстого рождались его творения!

Может показаться, что, по крайней мере, вдохновение поэта дается ему даром, как внезапное осенение, и не предполагает в нем труда над собой и над своими идеями. Можно подумать, что так и понимал творчество поэта *Пушкин*, когда он писал:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен,
Молчит его святая лира,
Душа вкушает хладный сон

И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта вострепетает
Как пробудившийся орел...

Но Пушкин, может быть, лучше, чем кто-либо другой различал творческое вдохновение, опирающееся на глубокий труд мысли, и минутную, более или менее случайную вспышку поэтической восторженности. «Критика смешивает, — писал он, — вдохновение с восторгом... Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии. Восторг исключает спокойствие, — необходимое условие прекрасного. Восторг не предполагает силы ума, располагающего частями в отношении к целому. Восторг непродолжителен, непонятен, следовательно, не в силах произвести истинное, великое совершенство. Гомер¹⁴ неизмеримо выше Пиндара¹⁵. Ода стоит на низших степенях творчества. Она исключает постоянный труд, без коего нет истинно великого...».

И мы узнаем из биографических данных о Пушкине, как он глубоко и настойчиво работал над изучением эпох, исторических материалов, русской речи и письменности. Достаточно посмотреть оставшиеся после него записки, заметки, исторические отрывки, чтобы понять, какой сильный и бодрый работник был он.

В настоящее время все более утверждается убеждение, как у нас, так и, в особенности, в Западной Европе, что поэту необходимо правильно и систематически работать над выразительностью и стилем языка, над рифмой, над созданием образов и пр. Подчас дело доходит почти до ремесленного труда. Золя¹⁶, например, считал своим ежедневным долгом, — дневным уроком, — написать не менее восьми страниц. На первый взгляд может показаться даже уничижительным для поэта и великого ума такое почти ремесленное отношение к делу; но в действительности в нем кроется глубокий смысл: это наилучший способ для приобретения большой работоспособности.

В русском обществе найдется очень немного людей, работающих систематически — правильно. У нас глубоко укоренился обычай работать отдельными приступами труда с большими, и подчас очень большими, перерывами. По мнению такого тонкого наблюдателя и знатока русской жизни, каким был проф. *Ключевский*¹⁷, в этой склонности работать отдельными энергическими порывами сказывается, быть может, то обстоятельство, что самый коренной труд русского человека искони был труд земледельческий с необходимостью

¹⁴ Гомер — древнегреческий эпический поэт. — *Ред.-сост.*

¹⁵ Пиндар (ок. 518—442 или 438 до н.э.) — древнегреческий поэт-лирик. — *Ред.-сост.*

¹⁶ Золя (*Zola*) Эмиль (1840—1902) — французский писатель. — *Ред.-сост.*

¹⁷ Ключевский Василий Осипович (1841—1911) — русский историк. — *Ред.-сост.*

развить необыкновенную энергию работы наспех в короткое лето и с продолжительным, вынужденным полубездействием в долгую суровую зиму. Но если и можно найти историческое извинение тому, что мы мало работаем методически, то это не изменяет того, что в современных условиях жизни интеллигентного общества мы непроизводительно и рано переутомляемся, не выполнив далеко того, что должны были выполнить, и чрезвычайно много теряем главным образом из-за отсутствия правильного и систематического труда; и, стало быть, выработка и воспитание привычки к нему в наших новых поколениях есть дело необходимости.

К рассмотренным нами четырем условиям производительности умственной работы следует прибавить еще *пятое условие*, — именно более или менее благоприятное *отношение общества* к данной форме умственного труда. Когда читаешь жизнеописание *Ломоносова*¹⁸, становится необыкновенно обидно, что этот выдающийся мировой гений оставил в сущности такой ничтожный для него след во всемирной науке и это при всем том, что он предвосхитил задолго до общепризнанных творцов европейской науки основоположения современного нам знания. Насколько велик был Ломоносов как ученый, можно видеть из следующего. Он еще в середине XVIII столетия предложил механическую теорию тепла, рассматривая тепло как молекулярное движение и подрывая своей критикой теорию «теплорода», которая тогда господствовала и которая, как известно, продолжала признаваться еще до 60-х годов XIX века. Исходя из механического представления о тепле, Ломоносов пришел к учению о непрерывности твердого, жидкого и газообразного состояния веществ, как различной степени подвижности молекул. Отсюда, далее, вытекло представление его об упругости газа как прямом следствии теплового движения частичек. Затем Ломоносов решительно восстал против учения о «световой материи», служащей, будто бы, основой световых явлений, и развил представления о свете, как о волнообразном движении, — колебательном движении эфира. Наконец, в письме к Леонарду Эйлеру¹⁹ от 5 июля 1748 г., Ломоносов высказывает, что «все изменения, случающиеся в природе, так происходят, что если к одному телу что-нибудь прибавится, то столько же отнимется от другого... Тело, передающее свое движение другому, теряет ровно столько движения, сколько сообщает другому». Таким образом он оказывается автором принципов сохранения вещества и количества движения задолго до Лавуазье²⁰, Ю.Р. Майера²¹ и

¹⁸ Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — русский ученый-естествоиспытатель и поэт, по инициативе которого в 1755 г. был открыт Московский университет. — *Ред.-сост.*

¹⁹ Эйлер (*Euler*) Леонард (1707—1783) — математик, механик, физик и астроном; швейцарец по происхождению. — *Ред.-сост.*

²⁰ Лавуазье (*Lavoisier*) Антуан Лоран (1743—1794) — французский химик, один из основоположников современной химии. — *Ред.-сост.*

²¹ Майер (*Mayer*) Юлиус Роберт (1814—1878) — немецкий врач и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

Гельмгольца²²; и он вполне отдавал отчет в том, что эти принципы представляют из себя «всеобщий закон природы». Руководясь этими принципами, Ломоносов выступил решительным противником теории «флогистона» и в учении о горении встал на точку зрения Лавуазье за 17 лет до начала исследований последнего. Вспомним, что, вместе с такой удивительной по гению деятельностью в области физики и химии, Ломоносов занимался астрономией, метеорологией, навигацией, географией, минералогией, металлургией... Затем он был историк, филолог, поэт, художник-мозаист. В истории русской словесности он по праву считается реформатором литературного русского языка.

Как же могло случиться, что такой человек, далеко опередивший своею мыслью современную ему европейскую науку, остался в сущности так мало известен в истории человеческого знания? Ведь, в сущности, мы теперь только постепенно «открываем» его и необычайную силу его научной мысли. Очевидно, что общественная среда, окружавшая Ломоносова, хотя и чувствовала смутно, что это перед ней очень большой человек, слишком далека была от того, чтобы понять и оценить его значение. Может быть, из современников понимал его по достоинству один только знаменитый Эйлер! Остальное русское общество не имело никаких данных, чтобы оценить его, как следует. Ведь даже такой передовой человек XVIII столетия, как *Радищев*²³, полагал о Ломоносове, что он «не достиг великости в испытаниях природы, но действия ее великолепные описал нам слогом чистым и внятным... Он скитался путями, проложенными и в нечисленном богатстве природы не нашел он ни малейшие былинки, которой бы не зрели лучшие его очи...» Огромное же большинство нашего общества еще и в XIX столетии видело в Ломоносове оригинального мужика с похвальной склонностью к просвещению, который писал стихи, по случаю чего и был, ради примера, сделан генералом. При жизни Ломоносову приходилось тратить очень много сил непроизводительно, чтобы добиться возможности работать над теми проблемами, которые занимали его мысль. С лишком семь лет хлопотал он о том, чтобы дали ему какое-либо подобие лаборатории для химических опытов, и после семи лет он добился лишь жалкой комнаты со слишком незначительным научным инвентарем. При таких условиях он не мог довести до конца многих своих великих планов. Много энергии приходилось ему расходовать и на борьбу с враждебными ему силами. Когда-то Шувалов²⁴, в общем покровительствовавший ему, пригрозил ему за строптивость против враждебной немецкой партии в академии: «Мы отставим тебя от ака-

---

²² Гельмгольц (*Helmholtz*) Герман Людвиг Фердинанд фон (1821—1894) — немецкий физик и физик, основатель физиологии восприятия. — *Ред.-сост.*

²³ Радищев Александр Николаевич (1749—1802) — русский мыслитель и писатель. — *Ред.-сост.*

²⁴ Шувалов Иван Иванович (1710—1797) — государственный деятель, меценат, первый куратор Московского университета. — *Ред.-сост.*

демии» — сказал он ему. «Нет, — отвечал Ломоносов, — разве академию отставите от меня». Он понимал свои силы и то, что он мог сделать. Но русское общество было виновато в том, что при жизни Ломоносов сделал значительно меньше, чем мог он сделать по силе своих дарований. Оно виновато и в том, что, после смерти его, его имя не стоит на той высоте, — в первом ряду признанных творцов европейской науки, — где по праву ему подобает быть.

Необходимо, чтобы общественная среда обеспечивала достаточно проторенные пути существования и экономического применения сил для научных работников; только при этом условии способности и внимание работника могут всецело отдаться задачам, стоящим на очереди, и развитие знания пойдет успешно. В настоящее время в культурных странах сложились своего рода шаблоны, руководясь которыми научный работник может пойти по избранной им дороге с наименьшей затратой своего внимания на посторонние и чисто житейские дела. Именно потому, что таких шаблонов у нас почти еще не выработалось, мы, русские, так сильно разбрасываемся в своей деятельности и, вследствие разбрасывания, делаем в общем гораздо меньше, чем могли бы сделать, несмотря на природную одаренность нашего народа и очень разностороннюю образованность интеллигенции, отмечаемые иностранцами. При отсутствии спокойного, хорошо направленного систематического труда, высоко одаренный наш соотечественник делает подчас меньше, чем довольно ограниченный иностранец, спокойно идущий той колеей, которая проторена ему доброй традицией и школой.

Громадное, совершенно исключительное значение для успешности умственного труда и для воспитания производительного работника мысли имеет *школа* в широком смысле слова, т.е. вся та духовно-культурная атмосфера, которая окружает человека, и совокупность приемов и правил деятельности, которые даются ему по преданию от прежних поколений работников. Культурные страны сильны именно школами и преданиями работы. Совершенно ложен тот взгляд, по которому едва ли не каждое поколение «детей» должно создавать все сначала по сравнению с тем, что делали «отцы». Условия действительного прогресса работы в конце концов те же самые, что и условия для преемственности добрых преданий работы. Там, где все непрестанно переделывается заново и все непрестанно меняется, прогресс может быть только эфемерный. В действительно передовых странах прогресс и традиции связаны неразрывно, происходит из поколения в поколение накопление духовных сокровищ, все новое в жизни прикладывается к старому накопившемуся опыту, и предания прежних поколений работников ставят сразу на надежный и экономический путь новые рабочие силы.

С другой стороны, общественная среда не должна, конечно, стеснять и подавлять *личную инициативу* работника. Там, где люди слишком полагаются на школу, на общественную помощь, на внешнюю организацию деятельности, это может повлечь за собой ослабление самостоятельности и личной инициати-

вы в работе. Справедливо говорят, что большое преимущество англо-саксонской культуры Британии и Америки по сравнению с континентальными культурами Европы заключается в том, что там открыто более широкое поле личной самостоятельности человека, личная инициатива всячески поощряется, человеку внушается с детства, что он должен работать сам за себя, не полагаясь на поддержку, — родовую или социальную. Все воспитание молодых поколений ведется в этом направлении: ребенку предоставляется путем личного опыта узнать опасности и научиться собственными силами предотвращать их. Слишком большое рвение к общественному опеканию личного труда и инициативы может быть, без сомнения, так же вредно, как и намеренное препятствование работе. Это относится одинаково и к промышленной деятельности человека, и к его умственному труду.

Каждый молодой организм в нормальных условиях носит в себе громадный запас сил и задатков. Обыкновенно лишь часть этих сил и задатков действительно осуществляется и утилизируется в дальнейшей жизни человека и, в большинстве случаев, лишь часть незначительная. Насущный вопрос заключается в том, как использовать, по возможности полнее, тот богатый запас сил, который заложен в нашу организацию. В практическом разрешении этого вопроса и лежит задача школы. Путем *упражнения* она должна воспитать в организме определенные *привычки и приемы деятельности*, чтобы помочь развитию и осуществлению в нем его природных задатков. Школа — это, прежде всего, правильная дисциплина деятельности.

Исходные склонности и свойства человека как деятеля слагаются еще в то время, когда нервно-психическая организация обладает наибольшей пластичностью, в детстве и юности; личная же самостоятельность человека начинается, в сущности, тогда, когда пластичность нервно-психических процессов уже ослабела и дальнейшие приспособления и сознательная работа отправляются от более или менее определившихся уже особенностей личности. Но и в период сознательной, личной работы направление и общий характер нервно-психической деятельности могут быть в значительной степени изменены сознательным формированием в себе, путем упражнения, определенных навыков и привычек. То, что приобретается путем сознательно намеренного упражнения и труда, опускается затем ниже порога сознания и становится бессознательным, укрепившись *навыком*, который действует затем без участия сознания и подчас даже еще лучше, чем при вмешательствах со стороны сознания. [Это можно видеть. — *Ред.-сост.*] на примере человека, обучающегося ездить на велосипеде. Но то, что опустилось ниже порога сознания и укрепилось как новое свойство организма, в свою очередь влияет определяющим образом на дальнейшую деятельность сознания, — на то, как и куда направится затем сознательная работа, обогащенная новым навыком. Это справедливо как для более элементарных форм деятельности, так и для высших форм умственного труда. Ведь и в умственной, и в высшей эмоциональной своей деятельности мы

продолжаем теснейшим образом зависеть от тех навыков, привычек и склонностей, которые оказываются заложенными в нашей организации под влиянием то более или менее случайных условий прошедшей жизни, то сознательного упражнения и самовоспитания в прошлом периоде нашей деятельности. В <...> картинах <...> гипнотических явлений и так называемых «раздвоений личности» видно с особенной выразительностью, как человек, находясь в определенном потоке воспоминаний из прошлого, чувствует, и мыслит, и действует совершенно особенным образом, — не так, как он же думает и действует под влиянием другого потока своих воспоминаний и образов прошлого. И в эмоциональной, и в интеллектуальной, и в волевой сфере человек зависит от своей организации, от навыков, от приобретений и упущений в прошлой своей деятельности. Свобода из-под этой зависимости не может быть создана вдруг, — из ничего. Если человек хочет освободиться из-под ига прошлых навыков и влияний, он должен идти путем трудной, постепенной и методической выработки новых навыков и обычаев, которые, сделавшись привычными свойствами его организации, смогут потом вытеснить противоположные влияния. *Постепенное и систематическое упражнение и как его результат укрепляющийся навык* — вот, вообще говоря, самый надежный способ успешной и производительной работы.

В самых высших сферах умственной деятельности человек также не является каким-нибудь свободно парящим орлом, и там его деятельность, общий характер и направление идей определяются произвольно его организацией и содержанием подсознательной сферы. Сознательная работа мысли и заключается подчас в том, чтобы уловить и выяснить то, что зародилось и бродит в подсознательном. И мы знаем из жизнеописания наиболее гениальных мыслителей, что они были способны впадать в особое состояние глубокой сосредоточенности, при котором воля их не участвовала, и в котором они как бы рассуждали мысленно сами с собой, оставаясь многими часами в этом погружении внимания в самих себя, — своего рода самогипнозе. Сократ²⁵ однажды впал в такое состояние на городской площади, не заметив, как разошлись его ученики и как наступила ночь; проходила ночная стража, — первая, вторая и третья, а Сократ все стоял; и только тогда, когда настало утро и солнце озарило его первым лучом, он очнулся от задумчивости и пошел домой. Трудно сказать с определенностью, в чем заключалось подобное состояние, но вероятно, что лишь вначале Сократ сознательно работал над определенной идеей, а затем, по мере углубления ума в интенсивную деятельность, внимание все более и более изолировалось от внешних впечатлений и работа мысли складывалась затем уже произвольно. Великий афинский мудрец говорил, что он беседует в таких состояниях со своим «Демоном», — руководителем и советником, — и черпал из них темы для бесед с учениками.

²⁵ Сократ (ок. 470—399 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

Важно отметить следующую особенность в нашей организации. Высшие духовные приобретения человека оказываются обыкновенно, в истории его развития, и позднейшими; это понятно, так как они оказываются результатом наибольшего труда со стороны человека, значит — требуют наиболее богатого предварительного развития сил и способностей. Оказывается, что эти позднейшие и наиболее дорогие приобретения сознательной деятельности человека в то же время наименее прочны, наименее закрепляются навыком и привычкой и поэтому наиболее легко утрачиваются при отсутствии упражнения. Что приобретения сознательной деятельности менее прочно и глубоко лежат в нашей организации, чем инстинктивно и бессознательно приобретаемые навыки детского возраста, это происходит от того, что пластичность нашей нервно-психической организации имеет свой предел и, как мы сказали выше, именно там, где кончается детская и юношеская пластичность организма, начинается сфера собственно-сознательного и намеренного труда. И вот оказывается, что для поддержания на определенной высоте какой-нибудь высшей формы духовной деятельности, например, музыкальной, даже первоклассный талант нуждается в постоянной тренировке и упражнении. *Рубинштейн*²⁶ считал нужным играть на рояле ежедневно по восьми часов. То же самое правило остается в силе и для высших форм умственной деятельности: в сфере высших и наиболее дорогих для нас навыков требуется постоянное поддержание известного напряжения, *постоянное упражнение*.

---

²⁶ Рубинштейн Антон Григорьевич (1829—1894) — пианист, композитор и дирижер. — *Ред.-сост.*

Дж. Биггз

Подходы к учению*

Термины *стили учения* и *стратегии учения* следует, на наш взгляд, соотнести с двумя различными аспектами учебной деятельности студентов. Стили — это устойчивые способы подхода к заданиям, характеризующие индивидов, тогда как стратегии — это способы оперирования с конкретными заданиями. Стили относятся к человеку, а стратегии — к заданию.

При обсуждении выполнения любого конкретного задания возникает интересный и важный вопрос, существует ли какое-либо взаимодействие между стилями и стратегиями: будут ли студенты с определенными личностными особенностями более готовы к принятию и применению оптимальных стратегий по сравнению с другими? Такое взаимодействие автор обозначил термином *подход*, имея в виду процессы учения, которые порождаются спецификой восприятия студентами учебного задания, обусловленной их личностными особенностями¹. Тем самым, понятие подхода включает в себя как ситуативные, так и личностные компоненты. <...>

Выделяются три главных подхода: *поверхностный, глубокий и ориентированный на достижение*.

Студенты, которым свойственен поверхностный подход, мотивированы прагматично; например, они учатся в университете, чтобы получить диплом, не прилагая для этого особых усилий. Задание, например контрольную работу, они воспринимают как навязываемое им требование, которое нужно выполнить для достижения конечной цели. Подобным устремлениям нередко сопутствуют, с одной стороны, досада, что на подготовку к занятиям тратит-

---

* Biggs J. Approaches to learning and essay writing // Learning Strategies and Learning Styles / R.R. Schmeck (Ed.). N.Y.; L.: Plenum Press, 1988. P. 185—187. (Перевод Ю.Б. Дормашева.)

¹ См.: Biggs J.B. Student Approaches to Learning and Studying. Victoria: Australian Council for Educational Research, 1987.

ся время, а с другой — страх провала, поскольку этого времени явно недостаточно. Общая стратегия, порождаемая такой направленностью, заключается в сосредоточении на самом «существенном» — обычно на фактических данных и формах их представления для того, чтобы затем воспроизвести их как можно точнее. Мартон и Сэлье утверждают, что при чтении текстов эта стратегия ориентирует студента на сбор формальных свидетельств учения, т.е. на слова и высказывания автора, а не на значения или смыслы, которые он хотел передать². Следовательно, при поверхностной стратегии, по существу репродуктивной, студент не замечает или даже разрушает возможные связи между компонентами задания, и не в состоянии воспринять его как единое целое.

Направленность студентов с глубоким подходом обусловлена внутренним интересом к заданию и предвкушением удовольствия, которое будет получено во время его подготовки и выполнения. Поэтому они применяют такие стратегии, которые с большей вероятностью помогут им удовлетворить свою любознательность путем раскрытия смыслов данного задания. При этом может оказаться, что задание либо будет связано с собственными интересами, либо объединится с уже имеющимся знанием, либо побуждает к размышлениям и к порождению новых гипотез. Согласно Мартону и Сэлье, такие студенты сосредоточены на значениях, смыслах текста, которые хотел передать автор, и это необходимо для того, чтобы части задания воспринимались как составляющие единого целого³.

Направленность студентов, ориентированных на достижения, заключается в демонстрации своего превосходства над другими студентами, прежде всего путем получения самых высоких оценок. Отвечающая этому стилю стратегия отличается от стратегий поверхностного и глубокого подходов не столько работой с содержанием задания, сколько самоорганизацией, например планированием времени занятий, т.е. строгим распределением сроков подготовки, постоянным графиком выполнения домашних заданий и т.д. Ориентация на достижения может совмещаться с одним из двух других подходов. Для большинства студентов-отличников характерно сочетание глубокого подхода и подхода, ориентированного на достижение.

Сознательный и планомерный подход к учению обязательно предполагает, чтобы студенты, во-первых, осознавали свои мотивы, намерения, требования учебных заданий и познавательные ресурсы и, во-вторых, умели *управлять* этими ресурсами и контролировать продуктивность их использования. Осознание особенностей своей познавательной сферы и

---

² См.: Marton F., Saljo R. On qualitative differences in learning I. Outcome and process // British Journal of Educational Psychology. 1976. Vol. 46. P. 4—11.

³ См.: Там же.

эмоциональных состояний, контроль процессов познания и управление ими являются существенными характеристиками *метапознания*⁴, а конкретное приложение метапознания к учебной деятельности студентов называют *метаучением*⁵. Метаучение может быть реализовано в описанных выше подходах в разной степени: наиболее явно при глубоком подходе и наименее — при поверхностном.

---

⁴ См.: *Brown A.L., Bransford W.F., Ferrara R., Campione J.* Learning, remembering, and understanding // *Handbook of Child Psychology* / J. Flavell, E. Markman (Eds.). N.Y.: Wiley, 1983. Vol. 3. P. 77—166.

⁵ См.: *Biggs J.B.* Student Approaches to Learning and Studying. Victoria: Australian Council for Educational Research, 1987; ср.: *Das J.P.* Simultaneous-successive processing and planning: Implications for school learning // *Learning strategies and learning styles* / R. Schmeck (Ed.). N.Y.; L.: Plenum Press, 1988; *Kirby J.R.* Style, strategy, and skills in reading // *Learning strategies and learning styles* / R. Schmeck (Ed.). N.Y.: Plenum Press, 1988. P. 229—274.

К.Э. Уэйнстайн

[Типы стратегий учения]*

В связи с тем, что данная область исследований возникла недавно и находится в сравнительно неопределенном состоянии, в ней пока отсутствует единая общепринятая схема способов классификации стратегий учения. Тем не менее, Уэйнстайн и Мейер попытались разработать классификацию, отражающую современное состояние этой сферы исследований и практики¹. В каждую ячейку этой классификации включаются методы, которые может использовать учащийся для воздействия на те или иные аспекты процесса переработки информации. Конечная цель этих воздействий состоит в повышении результатов учения, его продуктивности.

Стратегии повторения для простых учебных заданий

Примером стратегий этого класса может быть повторение названий цветов спектра в виде правильно упорядоченной последовательности. Многие учебные задания требуют простого воспроизведения. Прежде всего это касается начального, среднего и вводных курсов высшего образования. Главное отличие специалистов от новичков во многих сферах деятельности состоит в имеющейся у них базе элементарных знаний². Поскольку структура, организация и ин-

---

* Weinstein C.E. Assessment and training of student learning strategies // Learning Strategies and Learning Styles / R.R. Schmeck (Ed.). N.Y.; L.: Plenum Press, 1988. P. 292—296, 307—313. (Перевод Ю.Б. Дормашева.)

¹ См.: Weinstein C.E., Mayer R.E. The teaching of learning strategies // Handbook of Research on Teaching / M.C. Wittrock (Ed.). 3 rd ed. N.Y.: McMillan, 1985.

² См.: Chi M.T.H., Feltovich P.J., Glaser R. Categorization and representation of physics problems by experts and novices // Cognitive Science. 1981. Vol. 5. P. 121—152; Gagne E.D. The Cognitive Psychology of School Learning. Boston: Little, Brown, 1985; Larkin J.H. Cognition of learning physics // American Journal of Physics. 1981. Vol. 49. P. 534—541.

теграция этой базы знаний играет у специалистов основную роль в принятии решений, то ее присвоение является первостепенной задачей. Как отмечает Шмек, без этой базы даже способные студенты не смогут заниматься более глубокой переработкой информации³.

Стратегии повторения для сложных учебных заданий

Учебные задания этой категории предполагают выход за рамки поверхностного заучивания рядов или отдельных фрагментов информации. Стратегии выполнения этих заданий требуют записи и разметки материалов, представленных на лекции. Обычно они включают в себя повторение с целью дословного воспроизведения. Подобно методам, о которых говорилось выше, эти деятельности особенно эффективны в том случае, когда обеспечивают дополнительные возможности для более существенных видов переработки информации, таких, как разработка, организация и контроль понимания материала.

Стратегии разработки для простых учебных заданий

Разработка включает в себя построение некоторой символической конструкции, добавляемой к материалу, который студент пытается заучить, и используемой для повышения осмысленности заучивания. Эти конструкции могут быть как словесными, так и образными. Примерами разработки будут, скажем, умственные образы, помогающие запомнить последовательность ролевых действий, и предложения, связывающие название страны с основными продуктами ее промышленности. Построение эффективных разработок требует от студента активного участия в процессах переработки заучиваемой информации. А это, в отличие от поверхностной переработки с целью воспроизведения, является, как показывает ряд исследований, важной предпосылкой осмысленного учения⁴.

---

³ См.: *Schmeck R.R.* Learning styles of college students // *Individual Differences in Cognition* / R.F. Dillon, R.R. Schmeck (Eds.). N.Y.: Academic Press, 1983. Vol. 1.

⁴ См.: *Cermak L.S., Craik F.I.M.* Levels of Processing in Human Memory. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum, 1979; *Entwistle N.* Motivational factors in student's approaches to learning // *Learning Strategies and Learning Styles* / R.R. Schmeck (Ed.). N.Y.; L.: Plenum Press, 1988. P. 21—51; *Rigney J.W.* On Cognitive Strategies for Facilitating Acquisition Retention, and Retrieval in Teaching and Education. Los Angeles: University of Southern California, Department of Psychology, 1976 (Teach. Rep. № 78); *Weinstein C.E.* Training students to use elaboration learning strategies // *Contemporary Educational Psychology*. 1982. Vol. 7. P. 301—311.

Стратегии разработки для сложных учебных заданий

Эти стратегии включают в себя создание аналогий, переформулировку и использование прежних знаний, прошлого опыта, установок и мнений для лучшего осмысления новой информации. Опять-таки, главная цель каждого из этих видов активности заключается в наведении мостов между тем, что студент уже знает (в широком смысле этого слова), и тем, в чем старается разобраться. Попытки применения изучаемой закономерности к повседневной жизни, установления связи содержания одного курса обучения с другим, включения того, о чем говорилось на лекции раньше, в обсуждаемое сейчас, использования известной стратегии решения задач в новой ситуации и краткого изложения доказательства — все это различные способы разработки.

Стратегии организации для простых учебных заданий

В стратегиях этого класса основное внимание уделяется методам преобразования информации в более легкую для понимания форму. Облегчающий эффект связывают с процессами преобразования и структурирования материала. Возможными примерами методов этого класса являются группировка сражений Второй мировой войны по критерию их географического положения, составление списка названий животных согласно их видовой классификации и перечисление иностранных слов как частей речи. В каждом из этих примеров для организации неупорядоченного набора элементов используется уже известная или специально созданная схема. Заметим, что стратегии организации, подобно стратегиям разработки, требуют от учащегося большей активности, чем стратегии простого повторения.

Стратегии организации для сложных учебных заданий

Стратегии организации могут быть очень полезны и для более сложных заданий. Обычными примерами применения этого метода для сложных задач являются: краткое изложение содержания главы учебника, построение концептуальной схемы причинно-следственных взаимосвязей, иерархическое упорядочивание источников литературы, используемой в курсовой работе. Эффективность этого метода связывается как с процессами организации материала, так и с их продуктами.

Стратегии контроля понимания

Термин *метапознание* используется для обозначения знания индивида о своих познавательных процессах, а также его умений управлять этими процессами путем их организации, контроля и изменения в зависимости от текущих (по механизму обратной связи) и конечных результатов учения⁵. Особую область внутри метапознания, соответствующую теме настоящего обсуждения, называют *контролем понимания* (comprehension monitoring). Операционально контроль понимания включает в себя определение целей учения, оценку степени приближения к ним и, если понадобится, изменение используемых стратегий для облегчения достижения цели. Контроль понимания требует от учащегося нескольких видов знания. Во-первых, ему надо что-то знать о себе как учащемся. Например, какие стили учения он предпочитает? Какие предметы ему даются легко и какие с трудом? Какое время дня наиболее или наименее благоприятно для его занятий? Это знание о себе помогает учащемуся составить план своих занятий, наметить, когда и какие ресурсы или виды помощи понадобятся ему для того, чтобы учиться рационально и эффективно.

Кроме того, учащимся необходимо некоторое знание сути учебных заданий, а также знание об ожидаемых или желательных результатах их выполнения. Нелегко достичь цели, если вы не знаете, в чем она состоит⁶. Например, многие студенты, читая учебную литературу, испытывают большие трудности в ее понимании, несмотря на значительные затраты усилий и времени. В нашем исследовании, проведенном в курсе обучения тому, как учиться, разработанном в университете штата Техас, была выявлена основная причина этой проблемы: студенты не знают, как надо читать учебную литературу. Большинство студентов не знали, как отобрать главные идеи и важные детали, заслуживающие дополнительного изучения. Каждое высказывание они рассматривали так, как будто оно столь же важно, как и любое другое. Если студент не знает структуру

---

⁵ См.: Brown A.L. The development of memory: Knowing, knowing about knowing, and knowing how to know // *Advances in Child Development and Behavior* / H.W. Reese (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1975. Vol. 10. P. 103—152; Brown A.L. Knowing when, where, and how to remember: A problem of metacognition // *Advances in Instructional Psychology* / R.V. Glaser (Ed.). Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum, 1978. P. 77—163; Brown A.L., Bransford W.F., Ferrara R., Campione J. Learning, remembering, and understanding // *Handbook of Child Psychology* / J. Flavell, E. Markman (Eds.). N.Y.: Wiley, 1983. Vol. 3. P. 77—166; Cavanaugh J.C., Perlmutter M. Metamemory: A critical examination // *Child Development*. 1982. Vol. 53, № 1. P. 11—28; Flavell J.H. Developmental studies of mediated memory // *Advances in Child Development and Behavior* / H.W. Reese, L.P. Lippit (Eds.). N.Y.; L.: Academic Press, 1970. Vol. 5. P. 181—211; Flavell J.H. Cognitive monitoring // *Children's Oral Communication Skills* / P. Dickson (Ed.). N.Y.; L.: Academic Press, 1981.

⁶ См.: Entwistle N. Motivational factors in student's approaches to learning // *Learning Strategies and Learning Styles* / R.R. Schmeck (Ed.). N.Y.; L.: Plenum Press, 1988. P. 21—51; Marton F. Describing and improving learning // *Learning Strategies and Learning Styles* / R.R. Schmeck (Ed.). N.Y.; L.: Plenum Press, 1988. P. 53—82.

учебного текста и какая информация является существенной, то чтение учебника становится для него невыполнимой задачей. Поэтому необходимо, чтобы студенты с самого начала понимали, что требуется от них при выполнении различных учебных заданий.

Не менее важно использование соответствующего уже имеющегося знания. Это знание может выполнять две функции. Прежде всего, оно облегчает понимание нового материала, а кроме того, помогает подготовиться к усвоению нового знания благодаря актуализации соответствующих схем и предоставлению определенных путей проверки его обоснованности.

Наконец, студентам надо знать стратегии, которые можно использовать для организации учебной деятельности, и стратегии, помогающие при возникновении затруднений в понимании материала. Это знание включает в себя знание о методах, входящих в состав каждого из вышеописанных классов стратегий. Кроме того, сюда же относится умение использовать эти методы на практике и знание того, в каких случаях их следует применять. Таким образом, в любой учебной деятельности контроль понимания во многом зависит от выбора и использования других стратегий.

Одна из центральных задач контроля понимания заключается в оценке степени приближения к учебным целям. Обычно эта задача решается посредством самовопрошания (задания вопросов самому себе), в широком смысле этого слова. Существует множество разнообразных методов, которые можно использовать для оценки уровня своего понимания. Попытка применить изучаемое теоретическое положение на практике, использование краткого изложения содержания главы учебника для составления вопросов, ответы на которые можно найти по ходу ее прочтения, самопроверка во время просмотра конспекта лекций, попытка кому-то объяснить новый материал, выступая в роли преподавателя (или только претендуя на эту роль) — все это примеры методов, с помощью которых мы можем оценить уровень своего понимания. Важно отметить, что многие из этих методов частично пересекаются со стратегиями вышеописанных классов. Наша классификация не подразумевает жесткого разграничения между методами, относящимися к разным классам. В действительности эти классы в значительной степени перекрывают друг друга. Например, попытка применения общей закономерности к новой ситуации может быть видом разработки, закрепляя тем самым ее усвоение, и в то же время методом, помогающим проконтролировать свое понимание этой закономерности и осознать необходимость более глубокого ее осмысления. Эта взаимосвязь стратегий приводит к значительным трудностям в их изучении, особенно в том случае, когда исследователь пытается выделить эффекты, относящиеся только к какому-то одному виду стратегий. С подобной проблемой сталкиваются при обучении вождению автомобиля. Хотя ознакомление с системами зажигания, торможения, управления и т.д. проводится отдельно, мы знаем, что вождение автомобиля представляет собой целостную деятельность, состоящую из множества умений и требующую разно-

образных знаний. Однако очень трудно рассказать о том, что возникает при объединении этих составляющих в целостную систему — вождение автомобиля. Это справедливо в отношении как стратегий учения, так и в отношении их исследования. Целое оказывается слишком сложным как для преподавания, так и для использования в качестве руководства при проведении исследований. Поэтому для пользы дела мы упрощаем его, но в результате немало теряем в точности.

Эмоциональные стратегии

Эмоциональные стратегии помогают создать и поддерживать внутреннюю и внешнюю атмосферу, благоприятную для учения⁷. Хотя эти стратегии не имеют прямого отношения к приобретению знаний и выработке умений, они помогают создать ситуацию, в которой может происходить эффективное учение. В качестве примеров эмоциональных стратегий можно привести техники расслабления и положительного самовнушения (*self-talk*), используемые для уменьшения тревожности; нахождение спокойного места для занятий, чтобы не отвлекаться на окружение; определение приоритетов и построение графика своих занятий как способ предотвращения откладывания учебных дел со дня на день. Все эти методы предназначены для того, чтобы помочь сфокусировать ограниченную мощность системы переработки информации на задачу учения. Устранение как внешних, так и внутренних отвлекающих факторов способствует усилению внимания и концентрации.

Приложение. Содержание курса

Раздел «Успешное учение»

Часть I. *Как стать преуспевающим студентом*

Часть II. *Тренировка своей психики*

1. Существуют определенные умения, виды поведения и установки, которые отличают преуспевающих учащихся от тех, кто учится не столь успешно. В первой

---

⁷ См.: *Dansereau D.F., Collins K.W., McDonald B.A. et al.* Development and evaluation of a learning strategy training program // *Journal of Educational Psychology*. 1979. Vol. 71. P. 64—73; *McCombs B.L.* Motivational skills training: combining metacognitive, cognitive, and effective learning strategies // *Issues in Assessment, Instruction, and Evaluation* / C.E. Weinstein, E.T. Goetz, P.A. Alexander (Eds.). N.Y.: Academic Press (in press); *Palmer D.J., Goetz E.T.* Selection and use of study strategies: The role of the studier's beliefs about self and strategies // *Issues in Assessment, Instruction, and Evaluation* / C.E. Weinstein, E.T. Goetz, P.A. Alexander (Eds.). N.Y.: Academic Press (in press); *Weinstein C.E., Underwood V.L.* Learning strategies: The how of learning // *Relating Instruction to Basic Research* / J. Segal, S. Chipman, R. Glaser (Eds.). Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum, 1985.

части данного раздела описываются особенности преуспевающего учащегося и рассматривается модель, которая может помочь студентам эффективно справиться с учебными неприятностями. Модель преуспевающего студента включает в себя следующие переменные: мотивацию, внимание, понимание, способность воспроизведения и стрессоустойчивость (см. проспект, помещенный ниже).

2. Усвоение и воспроизведение информации является умением, которое можно развивать и совершенствовать. Во второй части этого раздела студентов знакомят с фундаментальными закономерностями учения и познания и затем переходят к обсуждению различий между механическим и осмысленным учением. Здесь рассматриваются: способы создания интереса (у самого себя) к изучаемой области; важность распределения во времени подготовки к учебным занятиям и повторения материала; пути принятия решения о целях учения; увязывание новой информации с уже имеющимся знанием; применение, насколько это возможно, новой информации к опыту повседневной жизни; прикладное использование новой информации. Эти советы служат опорой в становлении учащегося как активно обучающегося студента, использующего познавательные стратегии учения, которые вытекают из теорий переработки информации.

Проспект

Как стать преуспевающим студентом

Характеристики преуспевающего студента

Есть определенные умения, виды поведения и установки, которые отличают преуспевающих учащихся от тех, кто учится не столь успешно. Если вы приобретете эти умения, виды поведения и установки и будете их использовать, то тоже можете стать преуспевающим студентом.

Что же собой представляют указанные на рисунке характеристики преуспевающего учащегося?

1. *Мотивация.* У преуспевающего студента есть внутреннее побуждение учиться хорошо. Он берет на себя ответственность за то, как он учится, а когда добивается успеха, знает, что это произошло благодаря его собственным усилиям. Он добивается успеха, потому что стремится к нему, старается учиться «на полную катушку», и *удача* здесь вовсе *ни при чем*.

2. *Внимание.* Преуспевающий студент может уделять внимание тому, что он делает в настоящий момент. Вместо грез и размышлений о вчерашнем дне или о том, что произойдет завтра, он сосредоточивает все свое внимание на учебных задачах. Он игнорирует или устраняет внешние отвлекающие факторы. Например, когда сосед включает на всю мощность магнитофон, он идет в читальный зал библиотеки или куда-то еще, где никто не помешает ему готовиться к семинару.

3. *Понимание.* Преуспевающий студент старается понять идеи, которые излагаются на лекции или в учебной литературе. Если он чувствует, что сам не может разобраться в теме занятий, то обращается за помощью либо к преподавателю, либо к другим студентам, либо к дополнительной специальной литературе.

4. *Воспроизведение.* Преуспевающий студент может запомнить и воспроизвести определенные знания, главные идеи и закономерности, которые он должен знать. Он это делает, используя стратегии учения, которые освоил самостоятельно или в курсе обучения, подобном нашему.

5. *Относительная устойчивость к стрессу.* Вдобавок преуспевающий студент может все это делать относительно спокойно, с оптимизмом, без излишней озабоченности и тревог.

Раздел «Управление временем»

Часть I. *Планирование*

Часть II. *Откладывание со дня на день*

I. Время, которым располагает студент, разбивается на части самыми разными требованиями. Основная задача этой части заключается в помощи студенту организовать свое время так, чтобы полностью выполнялись все виды учебной деятельности, необходимые для успешного учения, и оставалось время на личную жизнь и развлечения. В связи с этим обсуждается важность планирования и его роль в уменьшении стресса. Даются рекомендации для постановки целей, упорядочивания своих дел, создания режима занятий и учебной работы «на ходу». Затем студентам демонстрируют несколько различных видов планирования, а именно: 1) дневник личных дел, 2) формы еженедельного и ежемесячного расписания учебных занятий, 3) перечни «что надо сделать» и 4) система *COPE*⁸.

⁸ См.: Barr M.R. Center for Teaching Effectiveness, University of Texas, Austin, Texas, undated xerox copy.

II. Откладывание со дня на день — главное препятствие на пути успешного управления временем. Рассматриваются факторы, побуждающие и поддерживающие откладывание (например, неуместные обязательства, стремление во всем добиваться совершенства и самообман). Но акцент ставится на методах и средствах преодоления этой привычки. Обсуждается ряд соответствующих техник, как поведенческих (например, организация системы вознаграждений и наказаний), так и познавательных (например, практика положительного самовнушения)⁹. Список дополнительных процедур включает в себя письменные напоминания, планирование с точностью до пяти минут и постановку реальных целей. Студентов настраивают на борьбу с теми видами поведения, эмоций и мыслей, которые располагают к откладыванию.

Раздел «Решение проблем»

Проблемы, связанные с обучением в университете, сбивают с толку многих студентов и кажутся им непреодолимыми. В этом разделе студентов знакомят с моделью решения проблем, которая поможет им справиться с ними более эффективно. В этой модели процесс решения разбивается на семь шагов: 1) принятие на себя всей ответственности за рассмотрение данной проблемы и за действия, предпринимаемые для ее решения; 2) сбор и изучение информации по данной проблеме; 3) определение сути проблемы; 4) поиск и нахождение идей ее решения; 5) разработка плана действий; 6) его реализация; 7) оценка эффективности действий, предпринятых для решения данной проблемы. На претворение этого процесса в жизнь студентам отводится семь недель. В этот период они пишут отчеты последовательно по каждому шагу.

Раздел «Познавательные стратегии учения»

В большинстве современных теорий переработки информации говорится о том, что правильное понимание, сохранение и воспроизведение информации происходит при условии ее переработки на «глубоком», т.е. «семантическом» уровне. Это положение поясняется таким образом, чтобы студенты убедились в обоснованности следующих познавательных стратегий учения: разработка в образах, словесная разработка, организация (например, группировка). После обсуждения особенностей каждой из этих стратегий студенты выполняют соответствующие упражнения. Кроме того, этот материал связывают с современными концепциями усвоения знания, например, с теорией схем.

Дополнительно проводится различение основных и вспомогательных стратегий. Основные стратегии — это действия, направленные на материал, который необходимо заучить. Они могут быть как чисто познавательными (на-

⁹ См.: *Ellis A., Knaus W.J. Overcoming Procrastination*. N.Y.: New American Library, 1979.

пример, образная и словесная разработка), так и сравнительно механическими (например, конспектирование и выделение важнейших мест текста). Вспомогательные стратегии — это действия, помогающие учащемуся поддерживать благоприятный для учебной деятельности психологический климат или способствующие созданию у него установки на учение. Сюда относятся, например, техники борьбы с рассеянностью и методики физического расслабления. Кроме того, студентам дают задание продумать, какими способами эти два типа стратегий могут быть использованы в сочетании друг с другом для создания максимально эффективной системы учения.

Раздел «Концентрация»

Обсуждать эту тему нелегко, так как концентрация представляет собой побочный продукт [деятельности. — *Ред.-сост.*] и появляется, когда мы о ней не думаем. Тем не менее, навык концентрации может быть выработан путем самодисциплины и практики активного вовлечения в процессы учения. Здесь подробно обсуждаются такие стратегии сосредоточения внимания, как выделение, конспектирование и реферирование, а также ряд познавательных стратегий повышения степени вовлеченности, например, связывание заучиваемого материала с уже усвоенной информацией, его организация и создание интереса с помощью стратегий самовопрошания.

Кроме того, подчеркивается значение взаимосвязей между концентрацией и метапознанием, а также между концентрацией и активностью учащегося в процессе переработки информации.

Раздел «Слушание»

Центральное место в этом разделе отводится слушанию как необходимому условию выделения существенной информации и понимания того, о чем говорится на занятиях. Студенты должны стать активными слушателями, что обеспечивается путем совершенствования навыков слушания: научения обращать внимание на главное, налаживания внутреннего диалога с говорящим. Подчеркиваются различия между слышанием и слушанием. Студенты должны понять, что слушание — это активный процесс. Обсуждается ряд проблем слушания, таких, как узость сознания, мнимое внимание, витание в облаках. Предоставляются соответствующие «лекарства» против этих болезней. Список этих лекарств включает в себя: обучение подготовке к слушанию; осознание того, что говорящий делится со слушателями своими знаниями; запись и задавание вопросов; опережающее размышление; умение сосредотачиваться, т.е. уделять внимание содержанию сообщения, игнорируя особенности внешнего вида и манер говорящего.

Раздел «Отбор важных идей»

Этот раздел посвящен различению основной и вспомогательной информации. В результате обсуждения схем организации текстов студенты узнают о том, как использовать контекст и специальные указания авторов, а также определять ключевые идеи читаемых фрагментов. Кроме того, делается акцент на умении различать стили письменных текстов, на том, где и как можно найти различные рубрики текста, а также на важности гибкости мышления для выявления главных идей. Показывается связь этих умений с активным слушанием.

Раздел «Конспектирование»

Почти все студенты пишут конспекты. В этом разделе знания студентов об умениях правильного слушания и отборе важных идей соединяются с приемами и техниками эффективного конспектирования (см. примеры ниже).

Кроме того, серьезно обсуждается работа с конспектами. Акцент делается на обдумывании ключевых идей, их систематизации, а также на безотлагательном и периодическом прочтении конспектов.

Конспектирование

1. Заметки и конспекты делайте на каждом занятии.
2. Перед занятиями читайте соответствующую учебную литературу.
3. Используйте систему конспектирования (например, модифицированную Корнельскую модель).
4. Используйте форму модифицированного очерка.
5. Отслеживайте «сигналы важности» (например, жесты и ключевые слова).
6. Записывайте примеры.
7. Записывайте связи между идеями.
8. Оставляйте пустые места там, где вы что-то прослушали или пропустили.
9. Не прекращайте конспектирование до окончания занятий.
10. Через какое-то, по возможности минимальное, время после занятия прочитайте сделанный конспект.

Раздел «Заметки и подчеркивания в текстах»

Концентрация, отбор и воспроизведение улучшаются только в том случае, когда заметкам и подчеркиваниям в учебной литературе предшествует обдумывание. В начале этого раздела повторно рассматриваются методы отбора важных идей и описывается процедура активного выделения участков текста. В этой процедуре акцент делается на важности обдумывания перед выделением, на представлении краткого содержания в графической форме, и на определении связей между главными идеями.

Затем проводится краткий обзор системы подчеркивания. Подробно обсуждаются основные приемы, которые может использовать автор для увязывания деталей с главными положениями, а также система типичных условных обозначений выделений в текстах.

Раздел «Стратегии предварительного, текущего и повторного чтения»

Правильное понимание прочитанного играет решающую роль в успешном обучении студентов. В этом разделе описан процесс развития правильного понимания прочитанного, а также техники гибкого и ускоренного чтения. Система обучения чтению с полным пониманием включает в себя три стадии: 1) предварительный просмотр, задающий основу для понимания того, о чем пишет автор; 2) активное чтение, при котором учащийся погружается в сознательное, целенаправленное, разрабатывающее изучение текста; 3) повторное чтение (вторичный просмотр), при котором учащийся оценивает качество приобретенного знания и выявляет, есть ли в этом знании пробелы.

Важно подчеркнуть значение формирования умений быстрого и гибкого чтения, поскольку большинство студентов никогда не учились использовать разные способы чтения в зависимости от содержания текста. Здесь обсуждаются схемы организации текста, используемые авторами, а также упражнения на беглый и поисковый просмотр. Затем для развития гибкости чтения студентам предоставляется возможность соответствующей практики.

Отметим, что в этот раздел активно включается материал, уже пройденный в данном курсе.

Раздел «Понимание прочитанного и его контроль»

Слабые учащиеся, как правило, не признают, что не поняли изучаемый материал. Но даже если они и соглашаются с этим, то не знают, как исправить ситуацию. В этом разделе студентов специально учат анализировать свое понимание материала и, если оно оказывается неполным, переходить к более эффективной стратегии переработки информации.

Студентам дается несколько полезных стратегий контроля понимания и активной переработки информации. Это может быть: 1) переформулирование или толкование трудных мест своими словами; 2) формулировка вопросов и ответов по данному материалу; 3) изложение своего понимания материала товарищу по занятиям; 4) применение стратегий, помогающих пониманию (например, зрительного представления всей информации в виде целостной картины).

Отметим, что в этом разделе используется большая часть предшествующего материала курса.

Раздел «Стресс, душевное равновесие и “выживание” в университете»

Оценки на экзаменах далеко не всегда отражают действительный уровень знаний студентов, и главной причиной этого часто является стресс. Студенты испытывают тревогу во время экзамена, теряются перед заданным объемом работы или впадают в панику, когда понимают, что не могут выполнить многие задания на должном уровне. В данном разделе в основном говорится о том, как справиться со стрессом в условиях университетской жизни. Рассматривается модель управления стрессом. Согласно этой модели, стресс представляет собой состояние, возникающее в результате нашего восприятия определенных событий и/или мнения о них. Отсюда следует, что стрессом можно как-то управлять, выбирая такие ответы на ситуации, которые уменьшают его степень и продолжительность.

К возможным способам уменьшения стресса относятся: изменение внешней ситуации; ослабление связи между стрессогенным событием и физиологическим или эмоциональным возбуждением; замена иррациональных мнений, предположений и неэффективных способов мышления на те, которые более соответствуют реальности. Кроме того, рассматриваются техники усиления направленности на задание и смены отрицательного самовнушения на положительное.

Раздел «Умение сдавать зачеты и экзамены»

Экзамены — неотъемлемая часть университетской жизни. Многие студенты относятся к ним, как к смертельной опасности и считают, что в преодолении этого страха им никто и ничто не поможет. В этом разделе представлены техники успешной подготовки и сдачи как объективных, так и письменных зачетов и экзаменов¹⁰.

Сначала поясняется в общем, как повторять пройденный материал для сдачи экзамена. Затем подробно обсуждается, как готовиться к компьютерным и письменным экзаменам, как их сдавать. Во второй части раздела раскрываются несколько родственных тем: «аргументация при ответе на вопрос», «основные правила разумного поведения на экзамене», «факторы провала на экзаменах», «натаскивание к экзамену» и «как составить план подготовки к экзамену».

---

¹⁰ Под объективными зачетами здесь имеется в виду проверка знаний с помощью простых тестов (например, из четырех ответов на заданный вопрос надо выбрать один правильный) с компьютерной обработкой и оценкой результатов этого тестирования. — *Ред.-сост.*

Раздел «Уменьшение экзаменационной тревожности»

В начале этого раздела студентам предлагают написать заранее не объявленную, а значит совершенно неожиданную для них контрольную работу по данному курсу. Тем самым в аудитории провоцируется бурное обсуждение возникающей неприязни и недовольства зачетами и экзаменами. Преподаватель, опираясь на реплики студентов, приводит примеры того, как отрицательное самовнушение и негативное отношение к зачетам и экзаменам сужает возможность их успешной сдачи и подготовки к ним.

Заключительная часть раздела посвящена обсуждению компонентов экзаменационной тревожности, а также некоторых познавательных и поведенческих техник, которые можно использовать накануне и в ситуации проверочных испытаний для уменьшения тревожности до того уровня, при котором она не будет помехой. К этим техникам относятся: активное устранение иррациональных и безрезультатных способов мышления, практика задержки мысли, способ преодоления блокировки, использование приемов физического и психического расслабления, а также возможные решения бытовых проблем успешной подготовки к любому экзамену.

**Л. Валветни,
Л. Лефтон,
Ф. Провензано**

Метод активного участия*

Исследования показывают, что пассивные способы изучения академических дисциплин в целом оказываются неэффективными. Эффективное изучение требует от студента собственной активности. Одним из способов ее повышения в процессе учения является метод *SQ3R*. Его название состоит из начальных букв слов: *survey* (составить общее представление), *question* (задать вопросы), *read* (прочитать), *recite* (пересказать), *review* (проверить). Давайте познакомимся с этим методом.

Составить общее представление

Во-первых, прочтите в вашем учебном руководстве цели задания и бегло просмотрите рекомендуемые страницы текста. Ознакомьтесь с иллюстрациями и таблицами, включая все подписи к ним. Кроме того, прочитайте заголовки к различным разделам текста. Общее знакомство с текстом до того, как вы начнете его читать, поможет вам понять его структуру и общий замысел, решить вопрос об объеме материала, который вы собираетесь изучить в течение данного занятия, и направить ваши размышления в определенное русло.

Задать вопросы

Во-вторых, во время предварительного общего знакомства с текстом задайте несколько вопросов, связанных с его содержанием, и запишите их. Постарайтесь найти ответы на них в тексте. Если вы не найдете ответа, то обратитесь к

---

* *Valvatne L., Lefton L., Provencano F.* Keeping pace: an active reading study guide for Lefton «Psychology». Boston etc.: Allyn and Bacon, 1991. P. 4—5. (Перевод С.А. Канустина.)

библиотечным фондам или к вашему преподавателю. Постановка своих вопросов и ответы на них будут вовлекать вас в процесс учения и помогут установить осмысленные связи, позволяющие вспомнить изучаемый материал. Вы можете формулировать вопросы, просматривая заголовки и подзаголовки в тексте, спрашивая себя, что они означают. Например, заголовок «Кто такой психолог?» может вызвать у вас вопрос: «Психологи интересуются только ненормальными людьми?». А заголовок «Как психологи изучают поведение?» может привести к вопросу: «Изучают ли психологи что-то еще, кроме поведения?». Подзаголовок «Наблюдение в естественных условиях» побуждает уточнить: «Что значит “естественных”?». Кроме того, вы можете спрашивать: «Как применять подкрепление к самому себе?» или: «Что психологи знают о сновидениях?» и так далее. И, разумеется, если вы чего-то не понимаете или понимаете, но хотите знать больше, запишите ваш вопрос.

Прочитать

Чтение без цели понять или лишь для того, чтобы сказать себе: «домашнее задание выполнено», — это пассивные подходы, которые могут подменить учение порождением грез. Оба они неэффективны и являются пустой тратой времени. Знакомство с учебным руководством способствует повышению активности чтения. Выделите сначала учебную цель и прочтите все вопросы, относящиеся к данной теме. Они помогут вам найти самые важные пункты текста, что позволит достичь поставленной цели. Начните читать. Когда вы найдете ответы на вопросы, подумайте о том, почему был задан каждый из них, осмыслите эти ответы и запишите их. Запись ответов поможет вам сосредоточиться на ключевых словах. Если во время чтения вы встретите непонятные слова, посмотрите их определения в словаре и выпишите их на полях своего конспекта. Когда вы закончите с вопросами, относящимися к первой учебной цели, переходите к следующей. Продолжайте работать так же, пока задание не будет выполнено полностью. <...>

Пересказать

Когда вы закончите чтение нужных страниц, вновь обратитесь к учебным целям руководства и повторите вслух или запишите все, что вы запомнили по каждой из них. На этом этапе существуют, по крайней мере, три способа повысить свою учебную активность.

А. Самый верный и наиболее эффективный способ предполагает помощь друга или подруги, члена семьи или другого студента. Попросите, например, вашего друга последовательно прочесть цели задания. После того, как он прочтет очередную цель, перескажите *вслух* все, что вы запомнили. Пусть он по-

метит те вопросы, на которые вы не смогли ответить полностью или ответили с ошибками. (Позже, во время проверочного просмотра, вам следует обратить особое внимание на соответствующие этим пометкам пункты текста.)

Б. Если друг отсутствует или вы предпочитаете заниматься самостоятельно, то можете воспользоваться следующим методом. Закройте изучаемый раздел текста листком бумаги. Прочтите учебную цель и перескажите *вслух* или *запишите* все, что вы можете вспомнить по данному вопросу. Такой разговор с *самим собой* может показаться вам глупым или, возможно, вам не захочется писать, но это очень важно для процесса обучения: вы применяете один из способов *активного повторения*. Если вы пересказываете про себя и без записи, то очень легко подумать, будто вы запомнили больше, чем на самом деле. Безмолвное повторение — *пассивно*. Формулирование идей в громкой речи или в письменной форме является *активным* процессом и поможет вам обнаружить свои слабые места.

В. Если в качестве способа активного повторения вы выбрали запись, постарайтесь наглядно выделить информацию, которую вы воспроизвели правильно. Этот прием включает вас в процесс учения и способствует подготовке к зачету, экзамену, обсуждению на семинаре.

Проверить

Наконец, вновь обратитесь к учебному руководству, к заданному тексту и перечитайте свои ответы. Ответьте на все вопросы, которые вы задавали сами. Сосредоточьтесь на тех пунктах, где были обнаружены пробелы или ошибки при воспроизведении материала вслух или письменно. Цель проверки состоит в усилении самоконтроля вашей подготовки. Результатом проверки станет уверенность в том, что вы уделили внимание всем важным пунктам задания.

Надеемся, вы поняли, что метод *SQ3R* — это не способ скоростного чтения учебных текстов. Быстрая работа не обязательно приводит к научению. Чтобы стать активным студентом, вы должны сами включиться в учебный процесс, и данный метод поможет вам в этом. Кроме того, освоив метод *SQ3R*, вы убедитесь, что он не занимает так много времени, как кажется на первый взгляд.

Д.А. Бернстайн

Как справиться с преподавательской тревожностью: личная точка зрения*

Когда я мысленно возвращаюсь в пору своего обучения, то неожиданно понимаю, что в первую очередь мы вспоминаем не самых любимых, вдохновлявших нас учителей, а тех, кто был поистине ужасен. Без малейшего труда припоминаю миссис Крэйн, библиотекаря моей начальной школы, от которой всегда несло ликером, но она пыталась это скрыть непрерывным сосанием леденцов, украдкой отправляя их в рот во время притворного кашля. Я хорошо помню мисс Макуильямс, преподавательницу геометрии в старших классах, которая то неистово кричала на учеников, то спорила с некими голосами — собственными слуховыми галлюцинациями (а один раз ее просто «унесло»). Мой учитель рисования мистер Фаррис привлекал внимание учеников, кидая в них ластиками, кусками мела, а однажды даже бросил стул (его уволили). Позже появилась мисс Диллон, преподаватель естествознания, надменная особа, награждавшая рассеянных учеников увесистым шлепком или, хуже того, больно их щипавшая. Учительница музыки мисс Уилсон обычно держала себя в руках, но в день рождения кого-нибудь из учеников издевалась над ним буквально до полусмерти. Мой университетский преподаватель экономической географии входил в аудиторию, смотря себе под ноги, взгромождался на кафедру, открывал записи, заглядывал в зал — есть ли здесь студенты, и затем слово в слово зачитывал гранки своего учебника, ни разу не подняв глаз. Он не отвечал на вопросы ни на занятии, ни после него. Приемных часов для индивидуальных консультаций у него тоже не было. Когда курс лекций закончился, никто из студентов не мог разобраться в его содержании.

В течение ряда лет я думал, что все эти люди были лишь «плохими учителями» — немотивированными, глупыми, черствыми или просто не в своем уме.

---

* Goss S.A., Bernstein D.A. Instructors Resours Manual. Psychology. Second Edition. Boston etc.: Houghton Mifflin, 1991. P. 623—629. (Перевод М.В. Фаликман.)

В целом, это предположение было, наверное, правильным, но аспирантура по клинической психологии и пятнадцать лет преподавания в университете помогли мне понять, сколь значительна в появлении подобных «отщепенцев» роль тревожности и стресса.

Преподавательская тревожность

Тема преподавательской тревожности вызывает у меня особый интерес. Обычно меня признают хорошим учителем, однако вначале я страдал от гнетущей тревожности, связанной с преподаванием и полностью не избавился от нее до сих пор. Данных о распространенности преподавательской тревожности не так уж много, но боюсь, что мой ранний опыт является довольно обычным. <...> Обоснование этого предположения заключается в следующем.

1. Тревожность по поводу публичных выступлений и оценки со стороны — вот две проблемы, о которых студенты университетов сообщают чаще всего. В исследовании 1976 г. было показано, что тревожность, связанная с выступлением, занимает второе место, уступая лишь экзаменационной тревоге¹, и вообще у нее довольно высокий «рейтинг» среди различных страхов².

2. Большинство преподавателей — это бывшие студенты университетов.

3. Как правило, полученный в университете опыт публичных выступлений и самостоятельного преподавания скорее усиливает, чем ослабляет чувствительность к ним. Это происходит главным образом потому, что лишь ничтожное число студентов получает хотя бы какую-то формальную подготовку к преподаванию, в частности, в том, как сделать его менее травмирующим.

Итак, многие преподаватели всякий раз, приходя в свою группу, испытывают физиологическое возбуждение, эмоциональную напряженность и совершают ошибочные действия — все это обычно называют тревожностью. Некоторые из них это ясно осознают. Я встречал коллег, которые прямо говорили, что с преподаванием у них проблемы: оно «пугает их до смерти». Этот страх, как правило, настолько заметен, что и коллеги, и студенты сочувствуют такому преподавателю и хотят ему помочь. Больше всего проблем возникает у тех, кто пытается скрыть свою тревожность. Прежде всего, это характерно для «сильных» мужчин, убежденных в том, что их компетентность и высокий статус должны всегда опираться на холодное и сдержанное рациональное поведение, а также для женщин, которые не показывают своих проблем и слабостей, пытаясь быть более «мужественными», чем мужчины. Обычно у таких людей напряженность проявляется косвенно и, как правило, не вызывает сочувствия окружающих.

---

¹ См.: *Janisse M.P., Palys T.S.* Frequency and intensity of anxiety in university students // *Journal of Personality Assessment*. 1976. Vol. 40. P. 502—515.

² См. напр.: *Bernstein D.A., Allen G.* Fear survey schedule (II): Normative data and factor analyses based upon a large college sample // *Behavior Research and Therapy*. 1969. Vol. 7. P. 403—407.

Например, уже известные данные о проявлениях тревожности в различных сферах деятельности позволяют предположить, что она *может* стать причиной (хотя бы отчасти) следующих проблем преподавания.

1. Невозможность «соображать на ходу» (что проявляется, например, в запутанных или слишком затянутых ответах на вопросы студентов).

2. Устойчиво недоброжелательное общение со студентами (враждебное и саркастическое отношение к их вопросам и комментариям, неоправданно отрицательные отзывы об их способностях, интересах и мотивах).

3. Выработка стереотипов и тактик ухода от общения со студентами или избегания его (например, назначение индивидуальных консультаций в неудобное студентам время, ссылки на «чрезмерную занятость», не позволяющую побеседовать с ними после занятий или в особо назначенный срок, или на недостаточную подготовленность аудитории, излишняя демонстрация слайдов, приглашение других лекторов или расчет на студенческие доклады).

4. Выработка крайне жестких или, напротив, панибратских отношений со студентами (например, фанатичное следование правилам и нормам поведения в аудитории и в учебном заведении, требование от студентов внешних знаков уважения или, наоборот, попытки явного заискивания перед ними: проведение слишком легких экзаменов, предъявление заниженных требований, использование причудливых критериев оценки, сообщение ответов к контрольным работам, демонстрация своего безразличия к значимости оценок).

5. Проявление «раздвоения личности» (типичным примером служит преподаватель, обычно спокойный, тихий и деликатный, но обороняющийся, враждебный и жесткий в учебной аудитории).

6. Возникновение навязчивых идей (например, «студентам нравится выставлять меня на посмешище»).

Подобно тревожности, возникающей в других ситуациях, тяжелые случаи хронической преподавательской тревожности могут, в качестве побочных эффектов, вызвать соматические заболевания (например, язву, колит, сердечную аритмию, головные боли, гипертонус), пристрастие к алкоголю или наркотикам, сексуальные расстройства, распад семьи и конфликты на работе. В совокупности, все эти проблемы могут привести к известному синдрому³ хронического стресса или, проще говоря, к «срыву», т.е. к депрессии⁴, апатии⁵, утомлению, стремлению «выйти из игры» и к уходу от реальности. Обычно этот синдром развивается постепенно по нарастающей, начиная с кратковременных

---

³ *Синдром* — сочетание симптомов (признаков), имеющих общий механизм возникновения и характеризующих определенное болезненное состояние организма. — *Ред.-сост.*

⁴ *Депрессия* — подавленное, угнетенное психическое состояние. — *Ред.-сост.*

⁵ *Апатия* — состояние полного безразличия и безволия, т.е. отсутствия интереса и активности в отношении окружающего. — *Ред.-сост.*

эпизодов, за которыми следуют более продолжительные приступы и, наконец, наступает устойчивое состояние, включающее в себя как поведенческие, так и соматические расстройства.

Как справиться с преподавательской тревожностью

Существует множество способов, помогающих уменьшить преподавательскую тревожность. Их эффективность для данного человека обычно зависит от конкретных причин его проблем. Преподаватель может испытывать тревожность потому, что недостаточно подготовился к занятиям или не имеет опыта чтения лекций. В этом случае аудитория действительно может стать для него крайне неприятным местом, и тревожность оказывается вполне понятной реакцией. Наиболее эффективные средства уменьшения тревожности данного вида — это помощь и советы более опытных коллег или посещение специального курса подготовки преподавателей. В зависимости от степени этой непроизвольной «условной реакции тревоги» на аудиторию, связанной, возможно, с прошлым негативным опытом преподавания, можно применить несколько стандартных психотерапевтических методик (например, систематическую десенсиитизацию⁶).⁷ Если же преподавательская тревожность является следствием общего напряженного стиля жизни, то могут оказаться полезными релаксационный тренинг, детальное планирование распорядка дня, регулярные физические упражнения.

Данные методы можно использовать в большинстве случаев преподавательской тревожности. Кроме того, справиться с этой сложной проблемой может помочь изменение нашего стиля мышления. Здесь я присоединяюсь к тем психологам, например, к Альберту Эллису⁸, которые подчеркивают, что на степень переживаемых нами тревоги и стресса могут в значительной степени повлиять наши представления о преподавании вообще и о себе как преподавателях.

Возьмем конкретный пример: студент пишет вам письмо после итогового экзамена по вашему курсу. Он студент старшего курса, отличник, очень сообразительный, всегда задает хорошие вопросы, у него явно блестящее будущее. Он пишет: «Курс закончился и я хочу, чтобы вы знали, что вы худший преподаватель, с каким мне только приходилось сталкиваться. Вы не умеете читать

---

⁶ *Систематическая десенсиитизация* — процедура поведенческой психотерапии, используемая для уменьшения реактивности или чувствительности по отношению к определенному угрожающему объекту или ситуации. Базовая методика состоит из серии приближений в условиях расслабления к вызывающей тревогу стимуляции, каждый раз до тех пор, пока реакция тревоги не угаснет полностью. — *Ред.-сост.*

⁷ См.: Bernstein D.A., Paul G. Some comments on psychotherapy analogue research on small animal «phobia» // *Journal of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry*. 1971. Vol. 2. P. 225—237.

⁸ См.: Ellis A. *Humanistic Psychotherapy*. N.Y.: McGraw-Hill, 1973.

лекции, ваши экзамены попросту смехотворны, очевидно, что вы знаете материал лишь поверхностно, вы зануда, и даже одеваетесь как разгильдяй. Почему бы вам не уйти и не освободить место для кого-то, кто действительно знает свое дело?»

Очевидно, что в списке добродетелей автора этого письма полностью отсутствует чувство такта, но все же вам придется задуматься над его посланием. И тут возможны как минимум два альтернативных варианта. Вы можете встревожиться, прийти в отчаяние от высказанной критики, ужасно расстроиться из-за того, что студент видит ситуацию именно таким образом, и позволить всему этому бурлить внутри вас в виде смеси злости, сомнений в себе, враждебности, навязчивых мыслей и страха. Или вы можете посмотреть на письмо объективно и сделать выводы: 1) это всего лишь одна точка зрения, которую следует рассматривать с учетом мнений других студентов, коллег и себя самого; 2) реакция данного студента, по-видимому, относится к разряду крайностей и, скорее всего, является злобным выпадом по какому-то другому поводу; 3) возможно, в его критике есть доля истины, и тогда надо попытаться улучшить свое преподавание, но едва ли вы действительно несостоятельны по всем статьям и в такой степени, как это представляется автору письма; 4) даже если все изложенное верно, вы, как человек, все же чего-то стоите, вполне компетентны в других областях и, наконец, сами можете решить, работать ли над поставленными в письме проблемами или игнорировать их.

К сожалению, большинство из нас более склонны реагировать первым, а не вторым способом. Думаю, это связано с тем, что, как отметил Эллис относительно жизни вообще, у многих из нас есть специфические, очень сильные *когнитивные установки*, благодаря которым преподавание становится особенно стрессогенным. Их проявления в аудитории я называю «преподавательскими мифами».

Десять преподавательских мифов

Большинство из нас придерживается в разное время, сознательно или не отдавая себе отчета, хотя бы одного из этих мифов. Для того, кто преподает, опираясь сразу на несколько мифов, аудитория станет, скорее всего, весьма неприятным местом. Какие из следующих мифов являются вашими?

1. «Во время преподавания я должен играть роль преподавателя, несмотря на то, что она подразумевает подавление спонтанного поведения». Зачастую формирование этого мифа связано с желанием подражать нашим собственным учителям, в результате чего напряженность усиливается еще больше. Он рассеивается в той степени, в какой мы позволим себе не скрывать перед студентами свою личность. Но это может оказаться трудным в связи со вторым мифом.

2. «Если я выйду из роли преподавателя, то потеряю уважение своих студентов». Это один из вариантов расхожего мнения, согласно которому, если вы кому-то позволите лучше вас узнать, то он увидит, что вы на самом деле хуже, чем кажетесь. Он предполагает, что студенты постоянно ищут ваши слабые места, чтобы перейти в наступление. Свойственная человеку склонность возводить вокруг себя «крепостные стены» для защиты от эмоциональных потрясений порождает в аудиториях, как и в других сферах жизни, проблемы. Проявление своего подлинного *Я* можно начинать, сражаясь с третьим мифом.

3. «Я ни в коем случае не могу позволить себе выглядеть неуверенным, признать, что я не прав, недостаточно осведомлен, слаб, уязвим или смешон. Я никогда не должен говорить: “Не знаю”». Однако никто не может знать о своем предмете все. Преподаватель, который не скрывает, что он может ошибаться, как и другие люди, скорее всего, вызовет у студентов симпатию и уважение. А тот, кто продолжает вещать с кафедры и темнить в тех случаях, когда сомневается, или хитрит как-то еще, вначале, возможно, позабавит студентов, но впоследствии они будут относиться к такому притворству враждебно.

4. «Мои студенты *должны* уважать меня, потому что я их преподаватель». Вековой родительский опыт опровергает это представление, но некоторые преподаватели продолжают его придерживаться, и малейшее проявление неуважения со стороны студентов вызывает у них возмущение. На самом деле студенты далеко *не всегда* относятся к преподавателю с уважением. Конечно, это нежелательно, но возмущением здесь ничего не добьешься. Лучше всего откровенно обсудить эту проблему с некоторыми студентами в частном разговоре.

5. «Я должен включить в свой курс все, имеющее отношение к данному предмету; при любом упущении грош мне цена как преподавателю». Это убеждение нередко приводит к чрезмерному удлинению списка обязательной литературы и к перегрузке лекций, что не радует ни лектора, ни студентов. Ни один курс не в состоянии охватить все, что *можно* к нему отнести. Поэтому лучше без особого напряжения дать слушателям разумное количество материала на таком уровне его понимания, чтобы у них появился интерес.

6. «То, что я говорю, моим студентам непременно должно быть интересным». Отсюда следует, что когда студенты на лекции засыпают, смотрят в окно, пишут записки или вяжут, надо бить тревогу, т.е. сразу же обратить на них внимание и постараться исправить ситуацию. Каждому преподавателю следует иметь в виду, что в действительности невнимательное поведение учащихся встречается в любой аудитории. Если на занятиях присутствуют студенты, которым курс неинтересен, им можно посоветовать бросить этот курс или хотя бы не ходить на лекции. С другой стороны, откровенное обсуждение курса со студентами (особенно с лучшими из них) может оказаться полезным для улучшения стиля или структуры своих лекций. Невнимательность студентов может вызвать как тревогу, так и попытки лучше понять и решить какую-то проблему.

7. «Мои студенты *обязаны* знать все, что я преподаю». Этот миф вытекает из предыдущего и не оставляет шанса на прощение тем студентам, которые забывают большую часть, а то и весь материал, рассмотренный на занятиях. Опять-таки, данная проблема может вызвать у преподавателя тревогу и гнев (так или иначе приводящие к стрессу) или же подтолкнуть его к попыткам проанализировать ситуацию. Может быть, ему следует яснее излагать материал. Возможно также, что для целого ряда студентов данный курс — факультативный (т.е. слушается по выбору и предполагает всего лишь зачет), и потому волнует их столь же мало, как и знания, которые они получают. Но если взвешенный анализ ситуации приводит к выводу, что следует улучшить методику преподавания, почему бы не сделать для этого все возможное? Будет очень хорошо, если в результате этого усовершенствования у равнодушных студентов появится интерес, и они чему-то научатся. Но даже если этого и не произойдет, то все равно эта работа принесет пользу тем, кому этот курс интересен.

8. «Студенты по своей сути ленивы, не заслуживают доверия и плохо соображают». Хотя в некоторых случаях это действительно так, все же данное убеждение является следствием узкого взгляда на мир, и чем более явно оно выражено, тем хуже как студентам, так и преподавателю. Действительно ленивые студенты средних способностей могут реализовать это пророчество, т.е. они поведут себя так, как ожидает преподаватель, делая все по минимуму и не пытаясь улучшить ситуацию. Для более способных и заинтересованных студентов преподаватель с таким мифом будет источником беспокойства и унижения, не говоря уже о том, что он может их использовать в качестве мишени для угроз и оскорблений. А преподавателю теперь придется иметь дело с оскорбленными (как по поводу, так и без повода) людьми, которые, скорее всего, будут вести себя так, что аудитория станет для него крайне напряженным и неприятным местом. В качестве альтернативы следовало бы признать, что только *некоторые* студенты ленивы, только *некоторые* не заслуживают доверия, только *некоторые* не очень сообразительны, и лишь *некоторые* сочетают в себе все эти черты. Но ко всем остальным неприменима ни одна из этих характеристик. В любом случае, за один семестр преподавателю едва ли удастся кардинально изменить свои представления о студентах. Однако процесс преподавания станет менее стрессогенным, если свести к минимуму противостояние в процессе обучения, постараться дать каждой новой группе шанс, придерживаться принципа «презумпции невиновности» в отношении каждого студента до тех пор, пока его «вина» не будет доказана.

9. «Мой курс является единственно важным или, по меньшей мере, самым важным для студентов». Каждый преподаватель склонен переоценивать значимость и ценность своего предмета по сравнению с остальными дисциплинами. Однако студенты должны читать литературу и выполнять письменные работы по четырем-шести курсам каждый семестр. Об этом не следует забывать при составлении программ, списков обязательной литературы, домашних за-

даний и т.п. Если причиной вашего стресса является слабая подготовка студентов к занятиям, игнорирование или требование переноса сроков сдачи отчетностей, то возможное решение проблемы отчасти состоит в переоценке реалистичности ваших ожиданий. Речь не идет о снижении планки требований или о том, чтобы «разбавить водой» содержание курса. Просто я считаю, что требования, нереалистичные на фоне общей студенческой загрузки, могут вызвать состояние стресса как у студента, так и у преподавателя. Более того, эта ситуация подталкивает студента к тому, чтобы он делал все по минимуму, «промыливался» через курс (т.е. не прикладывал особых усилий по ходу обучения) и даже списывал для получения хорошей оценки⁹.

10. «По всей вероятности, мои коллеги преподают лучше», и «Я должен преподавать лучше, чем мои коллеги». Эти мифы являются, пожалуй, главным источником тревоги. По сравнению со всеми остальными мифами они самые разрушительные, поскольку угрожают ядру нашей идентичности как ученых и преподавателей. Зараженные этими мифами преподаватели будут, скорее всего, утаивать свои приемы преподавания, уклоняться от любого контроля и оценки своей работы и закрывать двери своих аудиторий для посторонних посетителей. Чрезмерная озабоченность вопросом, что делают другие преподаватели, а также мысли о неадекватности оценок их деятельности студентами (прежде всего, положительных!) поглощают изрядное количество энергии, которую можно было бы использовать на подготовку и проведение занятий. Это особенно печальная ситуация, поскольку, во-первых, на всем протяжении нашей педагогической карьеры большинство из нас не получает никакой или почти никакой подготовки как преподаватели; поэтому мы становимся хорошими преподавателями стихийно и, разумеется, некоторые из наших коллег работают лучше, а другие хуже (иногда значительно хуже). Во-вторых, было бы замечательно стать действительно выдающимся преподавателем, но таковых, по определению, не может быть много. Соревновательный подход к преподаванию и беспокойство относительно собственного профессионального уровня едва ли будут продуктивными как для улучшения навыков преподавания, так и для уменьшения преподавательской тревожности. В действительности такое соревновательное отношение даже закрепляет тревожность, мешая преподавателю обращаться к коллегам за помощью или советом и обмениваться с ними полезными идеями о том, как преподавать.

Решение

Наиболее вероятным решением проблемы преподавательской тревожности в рассмотренном аспекте является общение. Если преподавателю удастся пре-

---

⁹ См.: *Barnett D.C., Dalton J.C. Why college students cheat // Journal of College Student Personnel. 1981. Vol. 22. P. 545—551.*

одолеть страх перед тем, что другие осудят его, когда узнают о его затруднениях в преподавании (см. второй миф), то могут произойти две вещи. Во-первых, в результате общения с коллегами и студентами он поймет, что действует в основном правильно; некоторые из его идей и методов они считают превосходными и даже уникальными и лишь немногие (деликатно) оценивают как непригодные или недостаточные. Во-вторых, по ходу открытого обсуждения с коллегами процесса и методов преподавания обязательно возникнет множество новых идей — не только полезных, но и оживляющих атмосферу в аудитории, воодушевляющих как студентов, так и преподавателя. Когда излагаемый материал (и способ его подачи) интересен самому преподавателю, не будут скучать и студенты. Посещение занятий коллег, ответные визиты с их стороны и постоянное обсуждение общих и специфических ситуаций преподавания могут существенно уменьшить тревожность, истоки которой лежат в изоляции и соперничестве.

Какие-то из высказанных мною соображений о преподавательской тревожности и способах ее преодоления, возможно, имеют прямое отношение к вам или к вашим знакомым, а другие — нет. Дело в том, что преподавательская тревожность, как и любая другая, зависит от опыта. Причины этой проблемы мы начинаем обнаруживать, когда задаем себе вопросы о том, что мы делаем и о чем мы думаем в ситуациях преподавания, и что делают в этих ситуациях студенты. Если эти причины осознаны ясно и отчетливо, то очевидно и решение проблемы. В большинстве случаев решение проблемы преподавательской тревожности состоит главным образом в постоянном совершенствовании своего преподавания и в тщательной подготовке к каждому занятию. Кроме того, эти решения предполагают, что в борьбе с преподавательскими мифами вы будете относиться к ситуации не слишком серьезно, а к себе более снисходительно.

Г. Глейтман

Введение в психологию*

Я хочу поделиться некоторыми своими идеями о преподавании курса введения в психологию, который читаю на протяжении многих лет. Но, пожалуйста, не поймите меня превратно: я не собираюсь кого-либо учить тому, как надо преподавать. Преподавание — дело сугубо индивидуальное и тот, кто позволяет себе давать советы в этой области, должен понимать, что делает это на свой страх и риск. Одним из первых, кто предпринимал подобные попытки, был Сократ¹, и, как известно, они закончились для него далеко не лучшим образом. (Хотя, скорее всего, жизнь Сократа оборвалась столь трагически не по этой причине, а потому что он не публиковал свои речи, но это уже другая история.)

Я всего лишь хочу рассказать, что я думаю о курсе введения в психологию и как я пришел к определенным выводам о том, каким должно быть его содержание, для какой аудитории он предназначен (или, по крайней мере, кому адресую его я), что, как мне кажется, мои слушатели должны вынести из него, и, наконец, что преподавание этого курса дает мне самому.

Начну с кратких заметок биографического характера. Как вообще случилось, что я стал профессиональным лектором, читающим курс «Введение в психологию»? Я учился в Суотморском университете. Тогда я был очень молод, крайне самонадеян и считал, что знаю все обо всем (даже в большей степени, чем Кёлер², Уоллах³,

---

* *Gleitman H. Introducing Psychology // American Psychologist. 1984. Vol. 39. № 4. P. 421—427. (Перевод А.Г. Макалатия.)*

¹ Сократ (ок. 470—399 до н.э.) — древнегреческий философ, излагавший свое учение устно; приговорен к смерти за «поклонение новым божествам» и «развращение молодежи» (умер, приняв яд цикуты). — *Ред.-сост.*

² Кёлер (*Köhler*) Вольфганг (1887—1967) — немецкий психолог, один из основателей гештальтпсихологии. С 1935 г. жил и работал в США. — *Ред.-сост.*

³ Уоллах (*Wallach*) Ганс (1904—1998) — американский психолог, в 1936 г. эмигрировавший из Германии. — *Ред.-сост.*

Аш⁴ и Кратчфилд⁵, которые в то время работали в этом университете). Лектор, преподававший вводный курс психологии в течение ряда лет, уехал, и его надо было заменить. Один из преподавателей, а именно Ганс Уоллах, сказал: «Давайте поручим это Генри. У него громкий голос, так что проблем с акустикой не будет. Он достаточно, а на самом деле даже чересчур, говорлив и не полезет за словом в карман. И даже то, что он актер-любитель, в данном случае пойдет на пользу — студенты не будут дремать на его лекциях». Я беспечно согласился: «Ладно, берусь за это», — думая, что без особого труда прочитаю весь курс.

И вот я пришел на свою первую лекцию. Я растерянно обвел взором аудиторию и ужаснулся. Студентов было так много, а меня так мало. Тогда до меня дошло, что первое, что нужно сделать, — это как-то *начать*. Но как начать правильно?

Начало этой первой кошмарной лекции сейчас я называю *растерянным*. Студенты смотрели на меня недружелюбно. После некоторых колебаний и довольно длительной паузы я сказал: «Психология изучает поведение». Атмосфера в аудитории стала еще более напряженной. Я почему-то улыбнулся и добавил: «А еще она изучает сознание», и атмосфера накалилась еще больше.

С тех пор я испробовал множество разных вариантов начала. Во второй раз я использовал *серьезное начало*. Когда я вошел, то сразу сказал: «Психология — это наука», и вызывающе посмотрел на аудиторию. Удивительно, но это сработало. К следующему учебному году я придумал *историческое начало*, но у меня никогда не хватало смелости использовать его. Оно звучит примерно так: «В 1879 г. Вундт⁶ провозгласил: “Да будет психология!” — и наступила тьма!»

В конце концов, я нашел приемлемое для меня начало и остановился на нем. Этот вариант хорош тем, что сводит к минимуму тревожность и страх перед аудиторией, которые всегда возникают у меня в самом начале курса. Я называю его *бюрократическим началом*: «Этот курс называется “Введение в психологию”. Меня зовут Генри Глейтман. Отчетность по курсу включает два зачета по ходу семестра и заключительный экзамен». Бюрократическое начало я считаю одним из моих серьезнейших вкладов в теорию и практику преподавания вводного курса психологии. Я зазубрил его до того, что могу повторить, даже если меня разбудят ночью. Для меня оно служит хорошим стартом и помогает справиться с тревожностью.

Итак, начало было найдено. Но затем я понял, что есть несколько вопросов, на которые я должен ответить прежде всего самому себе, а именно: «Что изучает психология?» и «Как начинать рассказывать об этом студентам?» Эти

---

⁴ Аш (Asch) Соломон (1907—1996) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁵ Кратчфилд (Crutchfield) Ричард Стэнли (1912—1977) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁶ Вундт (Wundt) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ, основатель экспериментальной психологии. — *Ред.-сост.*

вопросы занимали меня в течение последних тридцати лет. Может показаться странным, но я обнаружил, что ответы на эти вопросы связаны с моими личностными особенностями, в том числе и с моим увлечением театром.

Кто мои слушатели?

Первый вопрос, который я задал самому себе, был: «А кто мои слушатели?». Прежде всего я попытался определить, кем они не являются. Теперь мне понятно, что в начале своего преподавания я обращался к воображаемой аудитории, состоящей из моих учителей. Я как будто хотел произвести впечатление на Эдуарда Чейса Толмена⁷ и Уорнера Брауна⁸, моих великих наставников, которых на самом деле в аудитории не было, и поэтому они не могли меня слышать. Кроме того, я хотел продемонстрировать свой ум и проницательность тем, что с равным успехом могу опровергнуть любые аргументы, как «за» так и «против». Это была катастрофа. Сейчас я готов просить прощения у всех моих тогдашних студентов, которым пришлось стать свидетелями всей этой глупости и тщеславной суеты. Вместо преподавания я старался произвести впечатление, и потерпел неудачу и в том, и в другом.

В итоге я понял, что аудитория состоит *не* из тех людей, которые учили меня. Хорошо, но из кого же? Широко распространенной является точка зрения, что большую часть аудитории составляют студенты, которые хотят учиться дальше по данной специальности. То есть это множество людей, которые действительно хотят стать квалифицированными специалистами-психологами, получив соответствующее образование в высшей школе. Но я придерживаюсь иного мнения: по-моему, преподаватель должен принимать в расчет и тех студентов, которые *не* собираются в дальнейшем изучать психологию. В конце концов, студентов, изучающих введение в психологию, должно быть любит сам Господь Бог, раз их так много в аудитории⁹. Большинство из них не планирует стать профессиональными психологами. По моим наблюдениям, от половины до двух третей студентов в дальнейшем не посещают какие-то другие занятия по этому предмету. Вправе ли мы игнорировать этих студентов, рассматривая их как своеобразный балласт нашей системы образования? Быть может, все усилия следует направить только на тех студентов, которые будут проходить все психологические курсы, получают диплом психолога, а впоследствии ученую

---

⁷ Толмен (*Tolman*) Эдуард Чейс (1886—1959) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁸ Браун (*Brown*) Уорнер (1882—1956) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁹ В крупных американских университетах читается единый, факультативный или обязательный, вводный курс психологии для всех специальностей, в том числе для будущих профессиональных психологов; поэтому общее число слушателей доходит до нескольких тысяч человек. — *Ред.-сост.*

степень и, возможно, когда-нибудь сами будут читать курс введения в психологию, в свою очередь концентрируясь на тех студентах, которые собираются стать учеными-психологами и тоже будут читать курс введения в психологию, в свою очередь, концентрируясь... и так далее до скончания веков. Едва в ли этом есть какой-нибудь смысл.

Есть еще одна причина моего особого внимания к людям, которые не собираются стать профессиональными психологами. Любая ошибка, допущенная преподавателем во время их обучения, останется с ними навсегда. Ее уже не исправишь. Напротив, если преподаватель научил чему-то не так тех людей, которые хотят стать специалистами в данной области, то коллеги, которые будут читать последующие курсы, могут исправить эти ошибки. Я нарочно преувеличиваю значимость данной части аудитории. Естественно, что аудитория не сводится к ней. Студентам, которые продолжают психологическое образование, конечно же, необходима соответствующая фундаментальная подготовка. Важно подчеркнуть, что таких студентов меньшинство, а большую часть аудитории преподаватели, как правило, игнорируют.

Что же делать с теми людьми, которые больше никогда не переступят порог психологической аудитории? Мои попытки ответить на этот вопрос основаны на убеждении, что обучение психологии является частью подготовки в области гуманитарных дисциплин. Но в данном случае надо уточнить, что означает слово *подготовка*. Например, подготовкой занимается тренер по гольфу. Он не преподает, а делает то, что должен делать, т.е. тренирует. Я не хочу, чтобы мой тренер по гольфу рассказывал мне о своей жизненной философии или о связи гольфа с демократией, редукционизмом¹⁰ или работой спинного мозга. Я хочу, чтобы он показал мне, как правильно бить клюшкой. Короче говоря, я хочу, чтобы он не преподавал мне, а *тренировал* меня. Но в курсе введения в психологию я вижу себя в роли преподавателя, а не тренера. Я хочу, чтобы студенты, прослушавшие этот курс, увидели, что психологию стоит преподавать в колледже или в университете. Я считаю, что курс введения в психологию следует преподавать так, чтобы он соответствовал тем достижениям в науке и искусстве, которые являются частью нашего культурного наследия. Для тех студентов, которые не собираются изучать психологию дальше, он сможет стать действительно ценным только при этом условии. Но он будет полезным и для тех, кто продолжит обучение в этой области. Прежде чем стать профессионалами и начать работать в более узкой области, они получают знания о психологии как части культуры человечества, которая включает в себя и химию, и английские романы, и церковные песнопения.

---

¹⁰ *Редукционизм* — сведение более сложного (здесь психического) процесса к более простому (здесь физиологическому) процессу. — *Ред.-сост.*

Чего я стараюсь избегать в преподавании

Я говорил о том, кому предназначается этот курс. Но чему и как следует учить первокурсников? Вначале поделюсь своими мнениями о том, чего не следует делать.

Придавать большее значение тому, что находится за кулисами

После множества ошибок, допущенных в первые годы преподавания, я пришел к определенному выводу. Говоря театральным языком, я решил не пускать студентов за кулисы. Дело в том, что в психологии очень много закулисных механизмов. Фактически, можно утверждать, что за кулисами происходит гораздо больше событий, чем на сцене — одна методология накладывается на другую, не прекращаются споры об определениях, философско-методологические дискуссии и так далее. Я стараюсь избегать этих вопросов насколько это возможно. Например, я не рассматриваю методологию эмпирических исследований как таковую и не рассказываю на первых лекциях о зависимых и независимых переменных, статистических методах и природе причинности. Об этом студенты узнают позже, если решат стать психологами-профессионалами, но для начинающих это неподходящие темы. Другое дело, если методология непосредственно связана с предметным содержанием лекции и имеет прямое отношение к сути обсуждаемого вопроса. В этом случае надо сделать соответствующие разъяснения, но при этом студенты должны понимать, для чего они даются. Когда преподаватель рассказывает о показателе умственного развития¹¹, роли наследственности и среды в этом развитии, то он, конечно, не может обойтись без коэффициентов корреляции¹² и должен объяснить, что это такое. Но даже и в этом случае преподавателю следует честно признать: «Если вы хотите понять только что сказанное до конца, то сначала вам нужно разобраться с некоторыми другими вопросами».

Сходные чувства я испытываю в отношении утомительных дискуссий о том, является ли психология наукой. Как уже упоминалось, когда-то я начинал курс с утверждения «психология — это наука», после чего чувствовал себя обязанным, стоя у доски, подробно объяснить слушателям, что такое наука, не

---

¹¹ *Показатель умственного развития*, или *коэффициент интеллекта* (*intelligence quotient — IQ*) — отношение (выраженное в процентах) умственного возраста человека, определяемого с помощью тестов, к его хронологическому возрасту, которое характеризует продуктивность выполнения теста данным индивидом по сравнению с средней продуктивностью выполнения этого теста группой его сверстников. — *Ред.-сост.*

¹² *Коэффициент корреляции* — число (в диапазоне от -1 до $+1$), выражающее степень и направление взаимосвязи между двумя (или более) переменными. — *Ред.-сост.*

будучи специалистом в области философии науки. После прослушивания соответствующего курса у меня возникло огромное уважение к философии науки. Но нужно ли включать этот вопрос в курс введения? Ведь я не философ. Оглядываясь назад, я не вижу никакой реальной пользы от произносившейся мною в те годы фразы: «Наука — это система синтетических высказываний». Верно это положение или нет, не имеет значения, поскольку для студентов оно совершенно непонятно. А главное то, что они не понимали, зачем вообще я привожу это определение.

К настоящему времени я пришел к выводу, что психологов, вообще-то, не очень волнует, является психология наукой или нет. Сейчас я просто говорю, что психология — это наука и тут же добавляю, что она не делается в белых перчатках. И все. Свою задачу я вижу как раз в том, чтобы на протяжении всего курса показывать студентам, что психология — это наука, а не морочить им голову непонятными рассуждениями. Им следует рассказать о самых надежных достижениях психологии, например в исследованиях зрительного восприятия и речи; о красивых исследованиях (например поиска в кратковременной памяти); или о работах, имеющих в перспективе большое практическое значение (например о попытках связать психопатологию с нейрохимией и теорией научения). При этом любое утверждение должно подкрепляться фактами. Физику вполне достаточно сказать, что физика — это наука, а психолог должен это продемонстрировать на ярких примерах. Я так и делаю, но не уделяю при этом излишнего внимания методам психологических исследований. В психологии, как известно, существует немало областей, в которых методологические горы рождают мышей.

Подчеркивать ошибочное, а не то, что правильно

Я стараюсь, особенно в курсе введения, делать все, чтобы у слушателей не сформировалось неуважительное отношение к тем концепциям, с которыми я не согласен. Я не хочу, чтобы студенты глумились над чем-либо или кем-либо. И потому я прилагаю массу усилий (опять-таки, искупая прошлые грехи), чтобы представить все точки зрения как осмысленные позиции, которые занимают люди с безусловно добрыми намерениями и прекрасным интеллектом, несмотря на то, что лично я могу быть с ними не согласен. Нередко студентов (как и меня в свое время) поощряют к доказательству чьей-то неправоты или заблуждений, но я никогда этого не делаю в аудитории. Думаю, что лектору довольно легко выставить на посмеище даже величайших мыслителей прошлого и настоящего, потому что *они* не могут прийти в аудиторию и защитить себя. На самом деле проигрывают в этом случае не они, а студенты.

По этим же причинам я не провожу продолжительный и подробный анализ какой-то концепции для того, чтобы в итоге разгромить ее. Это вызывает у

студентов чувство «облома» и разочарования. Например, что можно сделать с таким автором как Фрейд?¹³ Я уверен, что девяносто процентов теоретических положений Фрейда могут быть раскритикованы по причине их недостаточной обоснованности, циркулярности¹⁴, методической наивности или просто потому, что они ошибочны. Если кто-то захочет доказать, что работы Фрейда всего лишь грандиозная мистификация, он, несомненно, сможет это сделать. Но в чем тут загвоздка? Фрейд — одна из тех фигур, о ком студенты *хотят* знать. Кроме того, он является одним из тех, о ком они *должны* знать, хотя бы потому, что это действительно выдающаяся личность. Обычно я говорю, что Фрейд представляет собой удивительный феномен. Быть может, его не следует считать великим ученым, но он был действительно великим человеком, одним из тех, кто повлиял на умы нескольких поколений. Я считаю, что о нем, равно как и о многих других, надо рассказывать с уважением, чтобы студенты могли понять его позицию и оценить, насколько важен его вклад в развитие научной мысли XIX и XX столетий.

Чего я стараюсь достичь в преподавании

До сих пор я говорил о том, чего стараюсь не делать. То же, что я стараюсь делать, имеет два аспекта: интеллектуальный и эмоциональный.

Интеллектуальный аспект

Одна из важнейших целей, которых я хочу достичь, — это связать курс воедино так, чтобы его предметное содержание было целостным, а не набором бессвязных тем, когда в головах студентов складывается мозаика из множества исследовательских направлений, каждое из которых составлено из еще более мелких кусочков. Для примера рассмотрим психологию развития. Следует ли ее преподавать как отдельную область? Я не имею в виду, должна ли она *разрабатываться* как самостоятельная дисциплина — это совершенно другой вопрос. Я спрашиваю, следует ли ее преподавать как отдельную дисциплину в курсе введения? Это спорно. Должен ли преподаватель навязывать свои представления о разграничении психологических дисциплин первокурсникам, абсолютно не интересующимся принадлежностью психологов к той или иной профессиональной специализации? Следует ли преподавателю

---

¹³ Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр. — *Ред.-сост.*

¹⁴ *Циркулярность* (циркулярное доказательство) — рассуждение, заключение которого основано на предположении, правильность которого подразумевает истинность выводимого заключения. — *Ред.-сост.*

рассказывать о константности¹⁵ величины и формы на лекции по восприятию, или недель позже, когда на лекции, посвященной развитию, будет обсуждаться возникновение представления о сохранении объекта¹⁶? Преподаватель должен связать эти две темы, потому что студенты едва ли смогут сделать это самостоятельно.

Главная трудность в том, чтобы создать органические связи внутри преподаваемого предмета. Я стараюсь их устанавливать, но это удастся лишь до определенного предела. Проблема в том, что психологическое знание не имеет четкой структуры, психология скорее напоминает Габсбургскую империю наук, которые все время норовят отделиться. Я стараюсь выстроить определенные связи, представляя различные темы как связующие концептуальные категории, которые помогают студентам организовать учебный материал. В настоящее время я пытаюсь раскрыть свой предмет через основные подходы к пониманию «психики» (*mind*). Первая обширная тема — «психика как машина рефлексов» — это общая категория, позволяющая мне рассказать о Декарте¹⁷, нейрофизиологии и научении так, чтобы студенты увидели связь теорий поведения с предметом в целом и не думали, будто они существуют сами по себе. Другая широкая тема — «психика как субъект познания»: она позволяет мне связать исследования ощущений, восприятия, памяти, мышления и языка единым всеохватывающим понятийным каркасом, состоящим из группы общих вопросов, проблемы врожденного и приобретенного, которые объединяют все эти области, несмотря на значительные различия в существенных деталях. Еще одна большая тема — «психика во множественном числе», несколько вычурный заголовок в моей программе, под которым я сгруппировал вопросы о социальном поведении. Вопрос о том, какова основа социального поведения людей и животных, задает понятийное пространство для обсуждения этологии¹⁸ и исследования врожденных способов социального поведения. Еще один вопрос — о соотношении влияний собственного опыта индивида и его генетического наследия — приводит к обсуждению социализации и теории Зигмунда Фрейда. Последний вопрос — о ситуативных социальных воздействиях — наводит на ряд тем, актуальных для современной социальной психологии.

До сих пор я говорил о построении связей внутри предмета, но не менее важно показать связи психологии с другими науками. Как преподаватель, я

---

¹⁵ *Константность* восприятия — постоянство свойств перцептивного образа объекта при изменении условий наблюдения этого объекта. — *Ред.-сост.*

¹⁶ *Сохранение объекта* — термин швейцарского психолога Жана Пиаже (1896—1980), обозначающий осознание ребенком или взрослым того, что основные количественные свойства объектов не меняются при изменении их вида. Например, количество жидкости в банке не изменится при переливании ее в сосуд другой формы. — *Ред.-сост.*

¹⁷ Декарт (*Descartes*) Рене (1596—1650) — французский философ и математик. — *Ред.-сост.*

¹⁸ *Этология* — наука о биологических основах поведения животных. — *Ред.-сост.*

хочу, чтобы студенты увидели взаимоотношения различных дисциплин, входящих в программу университетского образования. Они могут находиться в разных разделах учебного плана, читаться преподавателями других факультетов, но если в голове студента они оказываются изолированными, то его образование не вполне полноценно. Я думаю, что психология дает нам противоположный пример. Здесь связующие звенья обнаруживаются в самой сути предмета и преподавателю достаточно только указать на них. Предположим, я обсуждаю ощущение или восприятие. Тогда, естественно, я начинаю с вопросов, заданных Джоном Локком¹⁹ и его последователями: «Каковы источники знаний человека? Какова их природа? Как они оказываются в его голове?». Без этого невозможно приступить к теме «врожденное—приобретенное». Между определенными философскими проблемами и теми вопросами, которые исследуют в лабораториях специалисты по восприятию, существует тесная связь. Разумеется, студенты очень довольны, когда им удастся связать прослушанное в одной дисциплине с тем, чему их учили в другой. Они говорят мне: «Вот теперь-то я понял, что мы проходили в курсе философии». Я почти уверен, что своему преподавателю философии они говорят: «Вот теперь-то я понял, что мы изучали в курсе психологии». Это не значит, что преподаватель психологии может объяснить философские вопросы лучше, чем его коллега-философ, просто психологи рассматривают эти вопросы в новом, ином контексте.

То же справедливо и для других учебных предметов: биологии, общественных наук, лингвистики, искусствоведения. Рассмотрим восприятие. Студент гораздо глубже осознает этот предмет, если поймет, что изучение восприятия имеет не только философские корни, но и восходит к искусству эпохи Возрождения²⁰, когда художники пытались изобразить трехмерное пространство на двухмерном холсте. Такие связи помогают студентам запомнить изучаемый материал, задают рамки, внутри которых можно структурировать свои знания. Однако я считаю, что эти связи полезны и сами по себе, поскольку соответствуют общей цели гуманитарного образования. Допустим, мне пришлось бы доказывать необходимость курса введения в психологию ректору университета, хотя и преданному идее гуманитарного образования, но вынужденному сократить бюджет и уверенному в том, что чтение «Братьев Карамазовых»²¹ даст

---

¹⁹ Локк (Locke) Джон (1632—1704) — английский философ; см. его текст на с. 224—235 наст. изд. — *Ред.-сост.*

²⁰ Эпоха Возрождения, или Ренессанс — период в культурном и идейном развитии ряда стран Европы (в Италии XIV—XVI вв., в других странах XV—XVI вв.), в течение которого утверждалось жизнеутверждающее, гуманистическое мировоззрение и были созданы замечательные образцы реалистического искусства. — *Ред.-сост.*

²¹ «Братья Карамазовы» — последний роман (1879—1880) русского писателя Федора Михайловича Достоевского (1821—1881), считающийся одним из величайших образцов так называемой психологической прозы. — *Ред.-сост.*

студентам более глубокий и достоверный психологический опыт, чем любой из психологических курсов. Единственный довод, который я смогу в данном случае привести, заключается в том, что научная психология устанавливает целый ряд связей с другими областями знания. Психологи работают на перекрестке множества наук и потому могут прояснить (как, впрочем, и затемнить) практически любой вопрос.

Кроме того, я уделяю особое внимание связям между различными аспектами психологии и общественно-экономической историей. Возьмем, к примеру, Джона Локка с его идеей, что источником всех знаний являются органы чувств, которая стала отправным пунктом для психологов, изучающих ощущение и восприятие. По моему мнению, студенты должны знать, что Джон Локк выражал взгляды купеческого сословия Англии, которое в то время свергло с трона последнего представителя королевской династии Стюартов²² и разрушило абсолютную монархию. Студенты должны понимать, почему локковское отрицание теории врожденных идей было одновременно аргументом против врожденной идеи божественных прав королей и, в конечном счете, против наследуемых привилегий. Если все люди рождаются как *tabula rasa* [гладкая доска, чистый лист (лат.). — *Ред.-сост.*], то, значит, все различия между ними возникают только в результате разных окружающих условий. Я хочу, чтобы студенты увидели, как эта идея вошла в Декларацию независимости²³ в качестве самоочевидной истины: «все люди созданы равными», почему она легла в основу убежденности американцев, что мужчины и женщины способны к практически безграничному совершенствованию при условии надлежащих изменений в их окружении, в особенности в сфере образования; и как эта идея нашла современное выражение в американском бихевиоризме²⁴ и в его настойчивом утверждении чрезвычайной важности научения и практически безграничной пластичности поведения животных и человека. Узнав об этом, студенты начинают понимать, что взгляды на природу человеческой психики могут иметь социальные и политические следствия.

До сих пор я обсуждал мои попытки связать содержание преподаваемого предмета (сенсорные механизмы, процессы научения у животных, социальное поведение и т.д.) с другими областями психологии и с другими научными дисциплинами, а также с общественно-экономической историей и развитием идей. Однако здесь есть опасность не увидеть за лесом отдельных деревьев. Конечно, мы должны преподавать специальные психологические

---

²² Стюарты (*Stuart*) — королевская династия, правившая в Шотландии (с 1371 г.) и в Англии (в 1603—1649 гг. и в 1660—1714 гг.). — *Ред.-сост.*

²³ Декларация независимости — декларация, принятая 4 июля 1776 г. вторым континентальным конгрессом представителей английских колоний в Северной Америке. — *Ред.-сост.*

²⁴ Бихевиоризм (от англ. *behaviour* — поведение) — одно из направлений психологии, считающее предметом психологии не сознание, а поведение. — *Ред.-сост.*

знания. Существует множество конкретных вещей, которые обязан знать каждый студент: латеральное торможение, схемы подкрепления с варьируемыми интервалами, теория атрибуции и многое, многое другое. (В конце концов, иначе я не смогу принимать у них экзамены, предлагая тесты с ответами на выбор.) Фактически, получается так, что все эти конкретные знания студенты лучше понимают и запоминают, если они вписываются в более широкий контекст, который я пытаюсь дать. Быть может, это происходит потому, что данный контекст помогает в создании структур памяти, облегчающих припоминание, или повышает мотивацию студентов, открывая дополнительную перспективу видения интересующего их материала. Возможно и то, что в более широком контексте я нахожу новый подход к предмету преподавания, мотивируя тем самым *самого себя*. Как бы то ни было, я обнаружил, что создание таких общих контекстов помогает студентам запоминать конкретные детали изучаемой дисциплины.

Однако попытка представить содержание предмета в виде целостной системы таит в себе еще одну опасность. Установленные связи могут оказаться хрупкими, а связующие концептуальные категории недостаточными. Насколько это серьезно? Думаю, что как преподаватель я должен сделать свой выбор. В любой науке, особенно в психологии, теоретические формулировки организуют только часть данных. Противоречия и опровергающие примеры будут всегда, так что с полной уверенностью можно сказать, что какую бы схему я не выбрал, она все равно не подойдет ко всем известным фактам. Но я считаю, что без таких схем студенты вообще ничего не поймут. Допустим, я попытаюсь представить действительное положение дел в какой-то области в том объеме, в каком я ее знаю (разумеется, я знаю далеко не все факты, так как невозможно прочесть хотя бы одну десятую всей соответствующей литературы и при этом успевать, хотя бы изредка, поесть и поспать). Предположим, я излагаю весь известный мне материал до 1983 г., — всю правду и ничего, кроме правды. Тогда мне ничего не остается сделать, как привести голый перечень полученных данных, возможно, с рядом ссылок на множество не подтвердившихся теорий. В результате мои студенты, при условии достаточной мотивации, продемонстрируют, в лучшем случае, свою способность заучить этот перечень так, как если бы они запоминали множество бессмысленных слогов.

Итак, я решил использовать связи, концептуальные категории и схемы, несмотря на их несовершенство. Предположим, я обсуждаю проблему языка. Я знаю, что так называемая классическая теория синтаксиса сталкивается с множеством трудностей. Могут ли я, учитывая их полностью, представить студентам единую связную картину? Думаю, что нет. Поэтому я привожу предельно упрощенную версию этой известной теории и радуюсь, если студенты смогут понять хотя бы ее. Возьмем, к примеру, память, о которой я обычно рассказываю с позиций классической теории стадий переработки информа-

ции. Я знаю, что в этой теории трудности и вопросы встречаются на каждом шагу, например в связи с уровнями процессов переработки, или с рассмотрением кратковременной памяти как активированной части долговременной, кроме того, существуют противоречивые данные, полученные на пациентах с амнезиями²⁵, и многое другое. Но и здесь я сделал выбор и преподаю этот материал как упорядоченный с позиций данной теории. Эти теории уходят в прошлое, но я искренне считаю, что лучше уж такие теории, чем вообще никакие.

Насколько приемлем этот подход? Я уже говорил, что все употребляемые мною схемы, конечно, несовершенны, но у меня просто нет иного способа представить психологические знания как приближающиеся к истине (даже если бы я знал ее). Однако предположим, что я выбрал полностью ложную схему, например, решил структурировать учебный материал с позиций некоего психологического эквивалента теории флогистона²⁶. Что тогда будет? Надеюсь, я все-таки неплохой специалист и смогу избежать ошибок такого рода, но можно ли быть уверенным в этом на все сто процентов? Преподавание — это всегда хождение по туго натянутому канату. Чтобы научить, преподаватель должен упростить материал, показать его согласованность там, где ее в действительности нет. Преподаватель делает грубый набросок и надеется, что в нем схвачена суть. Но даже если найденные им связи не будут истинными, они все равно полезны, по меньшей мере, для тех студентов, которые продолжают изучение психологии. Такие связи служат как бы строительными лесами для дальнейшего приобретения знаний, даже если позже их придется убрать.

Короче говоря, вся психологическая наука представляет собой островки упорядоченных знаний в море хаоса. Как преподаватель, я хочу, чтобы мои студенты закрепились на этих островах, но не забывали о море.

Эмоциональный аспект

До сих пор мы обсуждали в основном интеллектуальный аспект преподавания курса введения в психологию. Я считаю, что преподавание — это не только интеллектуальный, но и эмоциональный процесс. Это утверждение возвращает меня к связи между психологией преподавателя и актера. Задача лектора не ограничивается объяснением материала, как и задача актера заключается

---

²⁵ *Амнезия* — любая потеря памяти (т.е. нарушение запоминания или припоминания какого-то материала), по своим масштабам и степени значительно превосходящая обычное забывание. — *Ред.-сост.*

²⁶ *Флогистон* — по господствовавшим в химии XVIII в. представлениям, «огненная материя», содержащаяся во всех горючих веществах; в конце XVIII в. ошибочную флогистонную теорию сменила кислородная теория горения. — *Ред.-сост.*

не только в том, чтобы донести до зрителей сюжет пьесы. На протяжении всего спектакля актер вносит свой личностный вклад в исполняемую роль. Мне кажется, чтобы внести такой вклад, преподаватель должен показать свою личностную вовлеченность. Я читаю лекцию, и вот триста первокурсников и второкурсников сидят на неудобных стульях в душной, плохо освещенной аудитории. Они сидят здесь потому, что введение в психологию включено как обязательный или факультативный курс в учебный план. В солнечный и даже в пасмурный день эти молодые люди могли бы заняться чем-нибудь более привлекательным, чем конспектирование лекции по теории когнитивного диссонанса. Как сделать так, чтобы они слушали лекцию? Я уверен в одном: им будет интересно, если они почувствуют мой интерес. Моя заинтересованность каким-то образом становится частью преподавания, и ее невозможно сфабриковать. Она должна быть подлинной. Хуже всего то, что она должна быть неподдельной каждый раз, когда я читаю один и тот же курс. Интерес к предмету, о котором я рассказываю в первый раз, возникает у меня легко и естественно. Но как быть в следующем семестре и так далее? Я обнаружил, что прием, с помощью которого я пытаюсь сохранить свежесть чувств, напоминает тот, который используют актеры во время многократно повторяемых спектаклей. Чтобы не утратить впечатление новизны, они стараются оживить чувства, которые испытывали во время репетиций и в день премьеры. Думаю, передо мной стоит точно такая же задача. Я должен воссоздать свое волнение и интерес первых лекций. Единственный способ, с помощью которого мне удастся это сделать, хотя боюсь, что не всегда успешно, состоит в том, чтобы накануне лекции еще раз обдумать ее содержание, независимо от того, сколько лекций на эту тему я прочитал раньше. В настоящее время я читаю свой курс введения в психологию пятьдесят четвертый раз, но даже сейчас мне не придет в голову, что уж теперь-то можно *не* готовиться к лекции. Не имеет значения, что незадолго перед этим я уже прочел эту же лекцию. Все равно, мне необходимо два часа, чтобы освежить материал в памяти и придать ему новый эмоциональный заряд.

Вообще говоря, я считаю, что преподавание является отчасти делом либидо²⁷ (*libidinal enterprise*). Оно передает какую-то страсть, что и помогает увлечь студентов. Здесь опять уместна аналогия с актером. Актеру хочет увлечь публику. Но хороший актер не должен быть чересчур нарциссичным [самовлюбленным. — *Ред.-сост.*]. Он постарается, чтобы публика через него заинтересовалась не им самим, а пьесой и персонажем, которого он играет. Я думаю, что то же самое можно сказать о преподавании. В известной степени преподаватель должен заинтересовать студентов самим собой. Но и здесь нужно подавлять соблазны нарциссизма. Весь «фокус» в том (но как именно он выполняется, я

---

²⁷ *Либидо* — в психоанализе: энергия сексуального инстинкта в любых его проявлениях. — *Ред.-сост.*

не знаю), чтобы каким-то образом отойти в сторону и тогда эмоции, направленные на преподавателя, сцепятся с областью, к которой они принадлежат, т.е. с психологией.

Я говорил о своем желании увлечь студентов психологией, теперь же добавлю к сказанному некоторое уточнение. В действительности я хочу, чтобы студенты погрузились в интеллектуальную жизнь, в процесс учебы. На самом деле меня не очень волнует, на чем в итоге зафиксирована их увлеченность — на психологии, философии или биологии. Я хочу, чтобы им нравилось учиться. Если получится так, что их заинтересует психология — прекрасно, если же какая-то другая наука — тоже хорошо.

Что дает преподавание этого курса мне самому?

Я изложил некоторые свои идеи о преподавании курса введения в психологию: кому он адресован, и что я хочу дать студентам. Но есть и другое, о чем я до сих пор не говорил, — что я получаю от преподавания этого курса? Почему я продолжаю преподавать введение в психологию все эти годы? Есть несколько причин.

Первая состоит в том, что это занятие постоянно подталкивает к работе мой интеллект. Для того, чтобы обучать людей, впервые изучающих психологию, я должен работать на пределе своих профессиональных возможностей. Как ни странно, но ввести в заблуждение своих коллег гораздо легче, чем новичков. Всегда можно напустить туман и увести разговор в сторону от необоснованных предположений, поскольку коллеги обычно не настаивают на прояснении вопроса — они, как правило, деликатны или поглощены собственными мыслями.

Но студенты, посещающие вводный курс, не такие. Они ведут себя как мальчик в сказке про голого короля и говорят: «Я не понимаю, почему». Преподаватель не может ответить: «Потому что это более объективно» или: «Потому что это — наука», так как они снова зададут тот же вопрос. Они могут спросить: «Зачем мне разбираться в механизмах цветового зрения, если я хочу знать, как люди думают и переживают?» или: «На кой мне изучать крыс и голубей?». В таких случаях преподаватель должен вновь обратиться к основам психологических знаний и задать эти же вопросы самому себе, честно и без уверток. За годы преподавания мне задали много превосходных вопросов. Однажды одна студентка спросила: «Я не понимаю. Только что вы сказали, что между психогенными и соматогенными психическими расстройствами есть разница. Но раньше вы говорили, что, в конечном счете, все зависит от мозга. Но если это так, то откуда берется эта разница?» — и невинным вопрошающим взглядом уставилась на меня. После минутного замешательства я вынужден

был серьезно задуматься о том, что же в действительности представляет собой редукционизм.

Кроме того, преподавая этот курс, я выигрываю как социальный индивид. То, что я чувствую после удачной лекции, напоминает чувства актера после успешного выступления. Я испытываю эмоциональный подъем, пиковое переживание²⁸. С эти сравнимы лишь немногие переживания, которые, как правило, случаются в частной жизни. Отсюда не следует, что в работе лектора нет неприятных сторон. Если лекция не получилась, я впадаю в депрессию и пилую себя, по меньшей мере, целый час. Когда это случается, я хочу только одного — переделать и прочитать лекцию повторно.

В определенный период моей деятельности мне приходилось читать два курса введения в психологию параллельно — две лекции на одну и ту же тему по полтора часа, одна за другой. Читать лекции три часа подряд очень тяжело физически, но вместе с тем здесь появляется и определенное преимущество. Если первая из двух лекций получилась не очень хорошей, меня утешает то, что вторая удалась гораздо лучше. (Но если плохо прочитаны *обе* лекции, то, конечно, мне хочется застрелиться.)

Итак, преподавание вводного курса оказывается полезным для меня как психолога, — я все лучше и лучше понимаю свой предмет. Кроме того, как социальный индивид, я удовлетворяю свое тщеславие. Но помимо и сверх того, преподавание дает мне нечто большее — способ бесхитростного существования в качестве морального индивида. Каждый раз я испытываю чувство реализации своих потенциальных возможностей. Работая как психолог-исследователь, я не получаю этого. Успех научной работы определяется, в итоге, не благими намерениями, настойчивостью и трудолюбием исследователя, а тем, *прав* он или *ошибается*. К сожалению, это зависит не от человека, а от природы или, если хотите, от Бога. Думаю, Господь Бог не любит психологов, так как почти всегда доказывает им, что они ошибаются. Поэтому исследование само по себе может быть захватывающим, но как основное, ежедневное занятие оно, как правило, приносит разочарование. Когда же я обучаю юных студентов основам психологии, то испытываю чувство немедленной реализации своих возможностей, а также чувство, что в какой-то степени оказываю влияние на жизнь других людей и зарабатываю свой хлеб заслуженно. В эмоциональном аспекте преподавание — это мой хлеб с маслом каждый день, а исследование — это торт по праздникам.

Преподавать — значит влиять на разную молодежь. Мне посчастливилось учить прекрасных студентов и часть из тех, кому я преподавал вводный курс,

---

²⁸ *Пиковое переживание* — термин А. Маслоу, обозначающий выдающийся момент жизни человека, когда тот испытывает чувство гармонии со всем окружающим, ясное, бодрое осознание своей спонтанности и относительной независимости от обстоятельств, полноты, вневременности и ценности своего существования. — *Ред.-сост.*

находятся в настоящее время в первых рядах наших лучших ученых. Некоторые из них первоначально хотели выбрать другую сферу деятельности — например, физику или социологию, но после моего курса решили заниматься психологией. Могу ли я в таком случае поздравить себя и, похлопав себя по плечу, сказать: «Как здорово, что я подтолкнул этих чудесных ребят к занятиям психологией»? Не уверен. Конечно, я доволен и горд — кто бы не испытывал то же самое на моем месте? Но давайте посмотрим правде в глаза: с тем же основанием можно сказать, что я обокрал физику или социологию, потому что эти выдающиеся студенты, вне всякого сомнения, достигли бы замечательных успехов в любой избранной ими области. Действительно хорошему студенту ничто не помешает, — он станет лучшим в своем деле, независимо от избранного пути. Так что я не уверен, что не обокрал человечество, хотя и надеюсь, что внес определенный вклад в психологию.

Но что сказать о слабых студентах? Был у меня один студент, которого я запомнил на всю жизнь. Я поставил ему двойку за плагиат. В те времена я был еще довольно молод и полон сил, чтобы действовать соответственно педагогическим рекомендациям, и проводил контрольные письменные работы (на курсе в двести человек). Я читал работу этого студента и находил в ней блестяще написанные и побуждающие к размышлению фрагменты. Вдруг у меня возникло подозрение, что этот прекрасный текст принадлежит перу Эдны Хейдбридер²⁹. Я проверил — и действительно, эти страницы были дословно списаны с ее учебника «Семь психологий». В назначенное время этот студент пришел ко мне. Он выглядел как вечный неудачник, — весь красный, срывающимся голосом он в конце концов убедил меня, что не занимался плагиатом. Он просто цитировал и действительно не знал, что цитаты нужно выделять в текстах специальным образом, т.е. кавычками, ссылаясь при этом на определенные источники. Он был глуповат и меня не обманывал. Я сказал ему: «Ладно, получи свою тройку и уходи с миром». Я неоднократно встречался и занимался с ним на различных последующих курсах, потому что он решил стать профессиональным психологом, неважно, со степенью или без. По всем предметам он старался учиться изо всех сил, но результаты его усилий всегда оставались посредственными. В конце концов, на последнем курсе он достиг вершины своих интеллектуальных возможностей и заслуженно получил оценку четыре с минусом.

На торжественной церемонии выпускников университета он подошел ко мне в своей шапочке и мантии, робко пожал мне руку и поблагодарил за то, что именно я показал ему, как это здорово — читать научную литературу. Отныне, по меньшей мере для меня, он уже больше никогда не будет выглядеть неудачником. Я почувствовал, что для этого человека я действительно что-то сделал,

---

²⁹ Хейдбридер (*Heidreder*) Эдна (1890—1985) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

и, по большому счету, это было не менее важно, чем убедить потенциально хороших физиков стать хорошими психологами.

В конечном итоге, я думаю, что преподаватель — это не просто профессия или должность, а призвание. Призвание сохранять и приумножать знания, любить их и передавать другим людям. А преподавание курса введения в психологию — это только один из способов следовать этому призванию.

Вот почему в любое время я могу сказать себе: «Мое экспериментальное исследование идет из рук вон плохо, я не получил очередной грант³⁰, редакция журнала завернула мою статью, дочка заболела корью, я поссорился с женой. Но! Сегодня я прочитал превосходную лекцию по введению в психологию, и поэтому все хорошо».

---

³⁰ *Грант* — денежное пособие, предоставляемое для проведения исследований государством за счет средств государственного или местного бюджетов, а также специальных фондов. — *Ред.-сост.*

Общая характеристика психологии как науки

Различные значения термина «психология». Общее представление о психике и сознании. Из истории «донаучной» психологии. Психологическое знание в обыденной жизни. Примеры описаний индивидуальных психологических различий, способов поведения. Возможности обобщения типовых психических черт на примере классификаций темперамента. Психология и философия. Представления о душе в античной философии, их значение для современной психологии. Практическая и исследовательская психология. Становление научной психологии, общая характеристика ее предмета и методов. Сравнительные особенности житейского и научного познания в психологии. Психология как естественно-научная и гуманитарная дисциплина. Уникальность психологической науки: человек как субъект познания. Взаимосвязь научной и житейской психологии, формы их сотрудничества. Отрасли психологии и критерии их выделения.

Вопросы к семинарским занятиям

1. *Архаичные, мифологические и религиозные представления о душе.*
2. *Представления о душе в философии Древней Греции.*
3. *Представления о сознании в философии Нового времени.*
4. *Что изучает психология.*
5. *Специфика научного познания: психологические теории, объяснения и методы исследования.*
6. *Пути познания. Житейская и научная психология.*
7. *Место психологии в системе наук. Редукционизм и его виды. Психофизиологическая проблема.*
8. *Отрасли психологии. Профессиональная этика психолога.*
9. *Наука и псевдонаука: научная психология и парapsихология.*

1 *Архаичные, мифологические и религиозные представления о душе*

Р. Мертлик

Амур и Психея*

Жили однажды царь и царица и было у них три дочери. Красивыми уродились старшие дочери, но с младшей, по имени Психея, никто не мог сравниться красотой. Прекраснее всех на земле была она, со всех стран стекались в город люди, чтобы полюбоваться на нее. Каждый восхищался ее очарованием и прелестью и находил ее похожей на Венеру¹. Люди даже стали забывать настоящую богиню Венеру, зато стали боготворить царевну Психею.

Это разгневало богиню. Она призвала своего сына Амура² и приказала ему: «Строго накажи красавицу, которую стали почитать больше, чем меня. Пусть она влюбится в самого обыкновенного мужчину на свете и будет всю жизнь страдать от любви!»

Эрот отправился выполнять приказ своей божественной матери. Однако, когда увидел Психею, наказ матери вылетел у него из головы. Прелесть девушки покорила его. Сердце Амура замерло, потом забилося часто-часто, и он захотел, чтобы Психея стала его женой.

Из-за своей неземной красоты Психея была очень несчастной. Все почитали ее, восхищались ею, но никто ее не любил. Ее старшие сестры давно вышли замуж за отпрысков царских фамилий из других стран, руки же Психеи еще никто не просил. Это очень огорчало саму Психею, беспокоило ее родителей. Царь догадывался, что боги разгневались на его младшую дочь и потому обратился к оракулу³ с просьбой предсказать ее судьбу.

---

* *Мертлик Р.* Античные легенды и сказания. М.: Республика, 1992. С. 277—283.

¹ *Венера* — первоначально в римской мифологии богиня садов, затем отождествлена с богиней любви и красоты в греческой мифологии — Афродитой; у писателей Венера — прежде всего богиня любовной страсти, мать Амура. — *Ред.-сост.*

² *Амур* — в римской мифологии божество любви; соответствует богу любви в греческой мифологии — Эроту. — *Ред.-сост.*

³ *Оракул* — у народов Древнего Востока, древних греков и римлян — жрец, который прорицает волю божества и дает ответы на любые вопросы. — *Ред.-сост.*

Жрец велел одеть Психею в свадебный наряд и отвести на вершину высокой горы. Там ее схватит и унесет жестокое чудовище.

Долго горевали родители по поводу судьбы своей младшей дочери, которую очень любили. Но несчастная Психея должна подчиниться тому, что предначертано. Царь и царица нарядили ее в свадебное платье и грустная процессия проводила ее до вершины горы. Там оставили девушку одну и, печальные, вернулись домой.

Покинутая всеми, Психея едва дышала от страха. Сердце сжимала тревога, что вот-вот появится чудовище. Как вдруг легкий ласковый ветер подхватил ее, поднял в воздух и осторожно опустил с вершины скалы в долину и положил на мягкую траву. Увидев, что ничего плохого с ней не случилось, Психея перестала бояться. Она увидела перед собой рощу, а в ней дворец. Психея приблизилась к нему и замерла от удивления и восхищения. Ничего красивее и богаче она не видела. Повсюду золото и серебро. Она робко вошла внутрь и увидела, что потолок и пол выложены слоновой костью и драгоценными камнями. Вдруг, как ей показалось, сзади прозвучал чей-то голос. Психея оглянулась, но никого не увидела. Кто-то невидимый вновь сказал приветливо: «Почему ты так робеешь? Не бойся, смело входи во дворец и распоряжайся в нем. Отдохни, ты ведь устала».

Психея заглянула в другие комнаты дворца, но никого не увидела. Она лишь слышала голоса невидимых существ, обслуживающих ее.

Вечером, когда она собралась лечь в постель, возле нее вновь раздался голос: «Ничего и никого не бойся, дорогая Психея, с сегодняшнего дня я твой муж. Живи спокойно, ты ни в чем не будешь нуждаться. Я буду о тебе заботиться».

Обрадовалась Психея и стала жить в этом дворце. День она проводила одна, только ночью к ней приходил ее таинственный незримый муж. Он был ласков и добр, уверял ее в своей бесконечной любви к ней. Но Психее ни разу не удалось увидеть его, узнать, кто это.

Тем временем родители Психеи оплакивали любимую дочь, полагая, что она стала жертвой чудовища. Обе старшие дочери, прослышав о постигшем родителей несчастье, поспешили приехать к ним, чтобы утешить их в горе. В ту самую ночь, когда они прибыли в родной дом, в находящемся далеко отсюда прекрасном дворце муж сказал Психее, своей жене: «Дорогая жена! Ты должна быть очень осторожна, ибо жестокая судьба грозит нам гибелью. В отличие от твоих родителей, твои сестры считают, что ты жива. Они пойдут искать тебя. Когда услышишь, что они зовут тебя, не откликайся. Иначе ты причинишь мне горе, а сама погибнешь».

Психея обещала слушаться советов мужа. Но когда на рассвете он покинул ее, она почувствовала себя одинокой и горько расплакалась. Целый день она расстраивалась из-за того, что не сможет повидаться с сестрами. Вечером, когда она легла спать, ей было очень грустно. Муж заметил это и тотчас догадался о причине этого. Огорченный, он сказал ей: «Поступай, как хочешь, но

помни о моем предостережении. Пусть сестры навещают тебя тут. Можешь одарить их, но не слушай их советов и никогда не старайся увидеть меня. Иначе разрушишь наше счастье и себя обречешь на гибель».

Психея снова пообещала слушаться его советов, и перед рассветом муж исчез.

Тем временем старшие сестры взобрались на вершину скалы, где родители оставили Психею, и жалобными голосами стали звать свою пропавшую сестру. Голоса сестер долетали до дворца. Услышав их, Психея позвала Зефира⁴. Тот обнял своими крыльями-ветрами испуганных сестер, взлетел с ними и опустил перед дворцом. Радостно встретила их Психея, обняла и пригласила в свой дворец. Увидели сестры всю эту красоту и богатство, и черная зависть охватила их. Принялись выпрашивать они Психею, кто ее муж, да каков он собой. Памятуя о своем обещании, Психея сказала, что ее муж — прелестный юноша, который все свое время посвящает охоте. Целые дни он проводит в полях, лесах и горах. Затем она щедро одарила сестер и велела Зефиру снова отнести их на скалу.

Оказавшись одни, сестры дали полную волю своей зависти. Они стали сетовать на судьбу, роптать на то, что их сестра живет счастливо с молодым мужем, тогда как их мужья старые и некрасивые. И сестры решили нарушить счастье Психеи. Даже родителям они не сказали, что Психея жива и счастлива. Не хотелось им, чтобы кто-нибудь знал о ее богатстве и благополучии.

Ночью Психея снова услышала рядом голос своего мужа. Он советовал ей не искушать судьбу и никогда больше не приглашать к себе сестер.

«Не верь им, — говорил он. — Они будут заставлять тебя сделать что-нибудь, чтобы увидеть меня. Но хорошенько запомни: если ты хотя бы раз увидишь меня, то больше не увидишь и не услышишь никогда. Радуйся: у нас скоро родится малыш, и ты не будешь одна. Но ты должна беречь нашу тайну».

Обрадовалась этому известию Психея и некоторое время жила спокойно, ни о чем не беспокоясь.

Между тем сестры снова отправились к Психее. Сердца их были полны злобы и ненависти. Легкий ветерок доставил сестер к дворцу, они вошли в него, стали обнимать Психею, делая вид, что очень рады видеть ее. Через некоторое время они приступили к ней с расспросами о муже. Доверчивая Психея думала, что сестры искренне любят ее. Забыла она, что в первый раз сказала им, будто муж ее молодой и красивый. На сей раз сказала, что он из соседнего царства, занимается торговлей и виски его уже покрылись сединой. На прощание она снова богато одарила сестер и вверила объятиям Зефира, который отнес их на скалу.

Оставшись одни, они стали думать, как им известить Психею. Теперь они не сомневались, что младшая сестра не говорит им правды о своем муже. «Возможно, она сама не знает, как он выглядит. Вдруг она вышла замуж за кого-

---

⁴ Зефир — в греческой мифологии бог западного ветра. — *Ред.-сост.*

нибудь из богов и ее будут почитать как богиню? Мы не можем этого так оставить».

Вернувшись к родителям, они и на этот раз ничего им не рассказали. Всю ночь сестры советовались, что предпринять, а рано утром уже были на скале. Ветерок спустил их в долину. Вбежав во дворец, они с плачем бросились обнимать Психею, приговаривая: «Мы так за тебя переживаем. Ты тут наслаждаешься счастьем и даже не подозреваешь, какая опасность тебе угрожает. Мы узнали, что тот, с кем ты проводишь ночи, — огромный змей. Его видят многие сельские жители и охотники, когда он вечером направляется к тебе. Когда-нибудь он тебя задушит, и мы потеряем нашу любимую сестру». И они зарыдали так жалобно, словно Психея уже умерла. Психею охватил ужас. Она забыла, что муж заклинал ее не верить сестрам, забыла свое обещание слушаться его советов. И со слезами на глазах обратилась к сестрам: «Дорогие мои, вы наверняка говорите правду. Я и в самом деле никогда не видела своего мужа. Мне пришлось обещать ему, что не буду пытаться его увидеть. Прошу вас, не покидайте меня, посоветуйте, что мне делать».

Так злые сестры убедились, что Психея действительно не знает, кто ее муж. И они принялись нашептывать ей коварные советы.

«Прежде чем лечь спать, спрячь в своей постели острый нож. Не забудь приготовить и фонарь. Когда твой муж уснет, зажги фонарь и убей его. Мы будем ждать и переживать за тебя. Когда твой муж будет мертв, вынесем из дворца все сокровища, а тебя выдадим замуж за кого пожелаешь».

Уговорив Психею совершить злодеяние, они поспешили покинуть ее дворец, так как не были уверены, что все пройдет так, как задумано. Испуганная и расстроенная, Психея сделала все так, как уговорились с сестрами. Приготовила фонарь и нож, а когда муж уснул крепким сном, осторожно зажгла свет и склонилась над ним. Сердце ее чуть не выпрыгнуло из груди от неожиданной радости: рядом с ней лежал и спокойно спал сам бог Амур. Она глядела во все глаза, не веря, что это не сон. Исполненная нежности и любви, она, не удержавшись, несколько раз его поцеловала. И в этот миг горячая капля масла из фонаря упала на плечо Амура. Он вскочил и, убедившись, что Психея коварно обманула его, не сказав ей ни слова, улетел. Пытаясь задержать его, Психея схватилась обеими руками за его ногу и поднялась вместе с ним к облакам. Но тут силы покинули ее, руки разжались, и она упала на землю. Заметив это, Амур опустился на ближайший к ней кипарис и молвил: «Вот видишь, Психея, я не послушался своей матери Венеры, когда она велела, чтобы за твою красоту я впустил тебе любовь к самому обездоленному, самому бедному мужчине на свете. Вместо этого я сам влюбился в тебя и скрывал нашу любовь от моей матери. Я сделал тебя своей женой, а ты за это хотела меня убить. Разве я не предупреждал тебя, чтобы ты не слушала своих сестер? Но ты пренебрегла моим предупреждением. Я жестоко отомщу им за то, что они подбили тебя на убийство. Я люблю тебя, однако вынужден расстаться с тобой. Но и ты будешь страдать». С этими словами Амур поднялся в небо и исчез.

Психея лежала на земле и горько плакала. Поняв, что Амур уже не вернется к ней, она встала с земли и пошла по белу свету в поисках своего любимого.

Амур же в это время лежал в комнате матери и стонал от боли, причиняемой раной на плече. Узнав, что произошло, Венера поспешила домой. Разгневанная, она подошла к Амуру, который лежал на ее постели, и закричала: «Хорошо же ты выполняешь мои приказы! Разве я не велела тебе покарать девушку, красота которой чуть было не превзошла мою, так что ею стали восхищаться больше, чем мной, богиней красоты. Ты же взял ее в жены, за это я накажу теперь тебя! И ее тоже, она меня до смерти не забудет!»

Рассерженная Венера выбежала из дворца и пошла на поиски Психеи, чтобы покарать ее.

Между тем Психея бродила по свету в поисках Амура. Однажды ей повстречались богини Деметра⁵ и Гера⁶. Психея простерла к ним руки, умоляя о помощи. Но богини боялись гнева Венеры и прошли мимо, даже не взглянув на нее.

Психея поняла, что никто ей не поможет. И она решилась отдать себя на милость Венеры, матери Амура. Надеясь найти у нее своего горячо любимого мужа.

Как раз в это время полная гнева Венера явилась на Олимп⁷ и предстала перед высшим богом Зевсом⁸.

«Прошу тебя, отец богов и людей,— сказала она,— повелеть крылатому Гермесу⁹ помочь мне в поисках Психеи. Я хочу строго наказать ее за то, что она очаровала моего сына Амура и стала его женой, не спросив меня».

Зевс велел Гермесу отыскать Психею, и тот быстро нашел ее. Узнав, что Венера ищет ее, Психея немедленно отправилась во дворец богини.

При виде ее Венера сердито закричала: «Что, отважилась, наконец, навстить свою свекровь, скверная жительница Земли! Или ты явилась ко мне в поисках мужа, которого так опасно ранила? Сейчас я отплачу тебе за это».

Венера кликнула своих подруг, Заботу и Печаль, и отдала им Психею на растерзание. Те сразу же принялись за дело. Потом истерзанная и измученная Психея предстала перед Венерой, которая тоже била и таскала ее за волосы. Утомившись, богиня ссыпала в одну кучу просо, мак, чечевицу и бобы и сказала девушке: «Вот тебе работа. Проверю твою сноровку. Должна ты до вечера всю эту кучу перебрать и разложить все зернышки по отдельности: пшеничные

---

⁵ *Деметра* — в греческой мифологии богиня плодородия и земледелия. — *Ред.-сост.*

⁶ *Гера* — в греческой мифологии супруга и сестра Зевса, верховная олимпийская богиня. — *Ред.-сост.*

⁷ *Олимп* — в греческой мифологии гора в Фессалии, на которой обитают боги. — *Ред.-сост.*

⁸ *Зевс* — в греческой мифологии верховное божество, отец богов и людей, глава олимпийской семьи богов, хранитель закона и правопорядка. — *Ред.-сост.*

⁹ *Гермес* — в греческой мифологии вестник богов, покровитель путников, проводник душ умерших. — *Ред.-сост.*

зерна — к пшеничным, ячмень — к ячменю и так далее. Не справишься, плохо тебе будет».

Венера ушла. Психея стояла в отчаянии, не зная, что делать. Неожиданно перед ней возник муравьишка. Когда он узнал, какое тяжелое дело поручено Психее, он проникся к ней сочувствием. Муравей быстро позвал своих товарищей, и они взялись за работу. Трудились так споро и дружно, что все зерна были разложены по кучкам еще до наступления вечера.

Возвратившись, Венера увидела, что ее задание исполнено. Богиня ничего не сказала, бросила Психее кусок черствого хлеба и пошла спать.

Утром она снова позвала Психею и сказала: «Видишь ту рошу за рекой? В ней пасутся златорунные овцы. Отправляйся туда и принеси мне клоч золотой шерсти. Мне давно хочется ее иметь».

Психея отправилась в путь, но не для того, чтобы принести Венере золотую шерсть. Несчастливая девушка решила утопиться, чтобы покончить со своими мучениями. Но зеленый тростник, растущий у реки, сказал ей: «Несчастливая Психея, не бросайся в речные волны, не губи свою жизнь молодую. Я скажу тебе, что надо делать. Не ходи за золотой шерстью в жару, в это время дикие овцы бесятся и могут растерзать тебя. Дождись, когда начнет дуть легкий прохладный ветерок и овцы отправятся на отдых. Пока укройся под большим платаном на берегу, а потом аккуратно собери все золотые шерстинки, которые овцы оставляют на ветках кустарников».

Психея так и поступила. Когда овцы улеглись отдыхать, собрала большой комоч золотой шерсти и принесла его Венере. Лицо богини омрачилось.

«Не знаю, помогает тебе кто-то или советует, но с заданиями ты справляешься,— сказала Венера.— Я, пожалуй, испытаю тебя еще раз. Видишь вершину той крутой горы? С нее стекают темные воды черного источника, бегут в ближайшую долину и там питают воды подземного царства. Набери и принеси мне кувшин ледяной воды из этого источника!» Подала Психее сосуд и ушла.

Психея отправилась выполнять приказ Венеры. Подойдя к подножию горы, она сразу же поняла, что на этот раз ей не справиться. Гора была неприступной, а вода стекала в долину по закрытым узким желобам. В расщелинах на горных склонах обитали змеи, охранявшие воды. Психея стояла неподвижно, подобно каменному изваянию. Даже плакать она была не в состоянии, ибо слезы иссякли.

Вдруг над ней раздался шум могучих крыльев. С высоты к ней спустился хищный орел и сказал: «Разве в состоянии ты, безрассудная девушка, справиться с этой трудной-претрудной задачей? Воды подземного царства вселяют ужас даже богам. Но дай мне свой кувшин, я помогу тебе».

Орел схватил когтями кувшин, взмахнул несколько раз крыльями и поднялся к самому началу потока. Быстро набрал воды и принес Психее. Девушка радостно поблагодарила его и поспешила к Венере.

Но и на сей раз не смирила свой гнев богиня, напротив, еще больше рассвирепела. Вне себя от злости закричала на Психею: «Ты, наверное, волшебни-

ца, раз справилась и с этим делом. Но это было не последнее задание. Вот тебе шкатулка. Отправляйся в преисподнюю и попроси у Персефоны¹⁰ для меня немного румян, а то я свои потратила, ухаживая за больным Амуром. И возвращайся побыстрее!»

Психея поняла, что жизнь ее близится к концу. Но не колебалась ни минуты. Увидев впереди башню, решила броситься с нее, чтобы прекратить свои мучения. Но башня заговорила с ней человеческим голосом и дала совет, как поступить, чтобы благополучно вернуться из преисподней. Психея послушно выполнила все, что посоветовала башня. Когда с полной до краев шкатулкой она поднялась из преисподней и снова увидела над собой солнечный свет, то горячо поблагодарила богов за то, что они сохранили ей жизнь. Потом задумалась и сказала: «Я справилась с таким трудным делом, а не знаю, что несу в шкатулке. Что если взять немного этих румян для себя? Как бы мне хотелось снова понравиться моему мужу Амуру!»

Она осторожно открыла коробочку, но в ней не было ничего, кроме вечного сна. Он сразу охватил ее, и Психея, словно мертвая, упала на землю.

Тем временем рана на плече Амура зажила. В наказание мать держала его взаперти в своей спальне. Стосковавшись по любимой Психее, Амур не выдержал, вылетел через окно и пустился искать ее. Он нашел ее погруженной в глубокий сон у самого входа в преисподнюю. Поняв, что случилось, Амур быстро собрал с ее век вечный сон и положил его обратно в шкатулку. Затем уколом стрелы разбудил Психею и сказал: «Видишь, как дорого обходится тебе твое любопытство. Если бы я не прилетел вовремя, ты уже никогда бы не проснулась. Теперь торопись, отнеси моей матери эту шкатулку. Об остальном я позабочусь».

Психея направилась к Венере, а Амур улетел. Он вознесся на Олимп и попросил Зевса, своего отца, помочь ему. Повелитель богов сжалился над ним и созвал всех богов на совет. Боги решили, что Психея заслуживает быть женой Амура. Пришлось Венере смирить свой гнев и дать согласие на их брак. После этого перед Зевсом предстала и Психея. Зевс преподнес ей кубок с нектаром. Она выпила его и стала бессмертной.

Отпраздновав свадьбу, Амур и Психея жили счастливо и никогда больше не разлучались.

---

¹⁰ *Персефона* — в греческой мифологии богиня царства мертвых. — *Ред.-сост.*

Э.Б. Тайлор

Анимизм*

<...> Я намерен проследить здесь под именем анимизма глубоко присущее человеку учение о духовных существах, которое служит воплощением сущности спиритуалистической философии в противоположность материалистической. Анимизм не представляет нового технического термина, хотя и употребляется теперь очень редко¹. Вследствие его особого отношения к учению о душе он будет чрезвычайно удобен для выяснения принятого здесь воззрения на процесс развития религиозных идей в человеческом роде. Слово «спиритуализм», хотя оно может употребляться и употреблялось во многих случаях в очень широком смысле, имеет для нас тот недостаток, что оно служит для обозначения особой современной секты, придерживающейся самых крайних спиритуалистических воззрений, которые, однако, не могут быть приняты за типическое выражение этих взглядов в целом мире. Слово «спиритуализм» в самом широком его значении, т.е. общее учение о духовных существах, заменено у нас словом «анимизм».

Анимизм характеризует племена, стоящие на весьма низких ступенях развития человечества, он поднимается отсюда без перерывов, но глубоко видоизменяется при переходе к высокой современной культуре. Там, где отдельные личности или целые школы придерживаются противных мнений, последние можно обыкновенно объяснить не низкой степенью цивилизации, а позднейшими изменениями в ходе интеллектуального развития, как отклонения от веры предков или как отрицание ее. Такие позднейшие отклонения, однако, вовсе не

---

* Тайлор Э. Б. Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. С. 205, 211—213.

Первое, двухтомное английское издание основного труда Э.Б. Тайлора «Первобытная культура», небольшой фрагмент русского перевода которого приведен здесь, вышло в свет в 1871 г. — *Ред.-сост.*

¹ Это название употреблялось для обозначения учения Штала, который основал в то же время теорию флогистона. Анимизм Штала представляет возрождение и развитие в соответствующей времени научной форме древнеклассической теории, которая отождествляла жизненное начало с душой.

мешают изучению основного религиозного состояния человечества. Анимизм составляет в самом деле основу философии как у дикарей, так и у цивилизованных народов. И хотя на первый взгляд он представляет как бы сухое и бедное определение минимума религии, мы найдем его на практике вполне достаточным, потому что, где есть корни, там обыкновенно развиваются и ветви.

Обыкновенно находят, что теория анимизма распадается на два главных догмата, составляющих части одного цельного учения. Первый из них касается души отдельных существ, способной продолжать существование после смерти или уничтожения тела. Другой — остальных духов, поднимаясь до высоты могущественных богов. Анимист признает, что духовные существа управляют явлениями материального мира и жизнью человека или влияют на них здесь и за гробом. Так как, далее, анимисты думают, что духи сообщаются с людьми и что поступки последних доставляют им радость или неудовольствие, то рано или поздно вера в их существование должна привести естественно и, можно даже сказать, неизбежно к действительному почитанию их или желанию их умиловить. Таким образом, анимизм в его полном развитии включает верования в управляющие божества и подчиненных им духов, в душу и в будущую жизнь, верования, которые переходят на практике в действительное поклонение. <...>

Характер учения о душе у примитивных обществ можно выяснить из рассмотрения его развития. По-видимому, мыслящих людей, стоящих на низкой ступени культуры, всего более занимали две группы биологических вопросов. Они старались понять, во-первых, что составляет разницу между живущим и мертвым телом, что составляет причину бодрствования, сна, экстаза², болезни и смерти? Они задавались вопросом, во-вторых, что такое человеческие образы, появляющиеся в снах и видениях? Видя эти две группы явлений, древние дикари-философы, вероятно, прежде всего сделали само собой напрашивавшееся заключение, что у каждого человека есть жизнь и есть призрак. То и другое, видимо, находится в тесной связи с телом: жизнь дает ему возможность чувствовать, мыслить и действовать, а призрак составляет его образ, или второе Я. И то и другое, таким образом, отделимо от тела: жизнь может уйти из него и оставить его бесчувственным или мертвым, а призрак показывается людям вдали от него.

Дикарям-философам нетрудно было сделать и второй шаг. Мы это видим из того, как крайне трудно было цивилизованным людям уничтожить это представление. Дело заключалось просто в том, чтобы соединить жизнь и призрак. Если то и другое присуще телу, почему бы им не быть присущими друг другу, почему бы им не быть проявлениями одной и той же души? Следовательно, их

---

² *Экстаз* — состояние аффекта, проявляющееся в сильном нервном возбуждении, утрате контроля над своими действиями, стирании грани между реальным и вымышленным, зрительных и слуховых галлюцинациях; в этом состоянии нарушается чувство времени, ориентировка в пространстве, а также теряется болевая чувствительность. — *Ред.-сост.*

можно рассматривать как связанные между собой. В результате и появляется общеизвестное понятие, которое может быть названо призрачной душой, духом-душой. Понятие о личной душе, или духе, у примитивных обществ может быть определено следующим образом. Душа есть тонкий, невещественный человеческий образ, по своей природе нечто вроде пара, воздуха или тени. Она составляет причину жизни и мысли в том существе, которое она одушевляет. Она независимо и нераздельно владеет личным сознанием и волей своего телесного обладателя в прошлом и в настоящем. Она способна покидать тело и переноситься быстро с места на место. Большей частью неосязаемая и невидимая, она обнаруживает также физическую силу и является людям спящим и бодрствующим, преимущественно как фантом, как призрак, отделенный от тела, но сходный с ним. Она способна входить в тела других людей, животных и даже вещей, овладевать ими и влиять на них.

Дж. Фрэзер

Опасности, угрожающие душе*

Душа как маленький человек

Дикарь объясняет стихийные силы природы действиями живых существ, присутствующих в них или стоящих за ними; так же он объясняет и явления самой жизни. Если животное живет и движется, это, полагает он, происходит только потому, что внутри его сидит человек или зверек, который им движет. Этот зверек в животном, этот человек внутри человека есть душа. Деятельность животного или человека объясняется присутствием этой души, а его успокоение во сне или в смерти объясняется ее отсутствием; сон или транс¹ представляют собой временное, а смерть — постоянное отсутствие души. Так как смерть является постоянным отсутствием души, предохраниться от нее можно, либо закрыв душе выход из тела, либо, если она его покинула, добившись ее возвращения. Меры предосторожности, принимаемые дикарями для достижения одной из этих целей, выступают в виде запретов, или табу, являющихся не чем иным, как правилами, предназначенными достигнуть постоянного присутствия или возвращения души. Короче говоря, они стоят на страже жизни. Проиллюстрируем эти общие положения конкретными примерами.

Обращаясь к австралийским аборигенам, один европейский миссионер² сказал: «Я не один, как вы думаете, а двое». На это они рассмеялись. «Вы можете смеяться сколько вам угодно, — продолжал миссионер, — я говорю, что яв-

---

* Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. С. 205—215, 217—221.

Первое издание «Золотой ветви» вышло в Лондоне в 1890 г. — *Ред.-сост.*

¹ Здесь имеется в виду религиозный транс как состояние сознания, измененное ревностной молитвой, религиозными обрядами, танцами и т.п. В отличие от других видов транса, например, гипнотического, характеризуется одержимостью, энергичной двигательной активностью, доходящей до степени неистовства и исступления; более правильно называть религиозный транс состоянием экстаза. — *Ред.-сост.*

² Миссионер — человек, занимающийся распространением христианской религии среди населения с иным вероисповеданием. — *Ред.-сост.*

ляюсь двумя в одном. Одно — это большое тело, которое вы видите; а внутри его есть другое, невидимое маленькое тело. Большое тело умирает, и его хоронят, а маленькое тело после его смерти улетает». На это один из аборигенов ответил: «О, и нас тоже двое, и в нашей груди есть маленькое тело». На вопрос, куда маленькое тело ушло после смерти, некоторые ответили: оно ушло за кусты, другие — оно ушло в море, а третьи сказали, что не знают. Индейцы-гуроны считают, что у души есть голова, тело, руки и ноги, короче, что она является уменьшенным подобием самого человека. У эскимосов бытует верование, согласно которому «душа обладает такой же формой, как и тело, частью которого она является, только более тонкой и воздушной природы». Согласно верованиям индейцев-нутка, душа имеет вид крошечного человечка; его местонахождением служит макушка; пока она держится прямо, владелец его крепок и здоров; когда же она по какой-то причине выходит из вертикального положения, тот теряет сознание. Племена индейцев, живущие в нижнем течении реки Фрейзер, считают, что у человека есть четыре души; главная из них имеет форму человечка, а три другие являются ее тенями. Малайцы рассматривают человеческую душу как маленького человечка, величиной с большой палец, большей частью невидимого; по форме и по сложению он является копией человека, в чьем теле обитает. Человечек этот сделан из очень тонкой материи, не настолько, впрочем, неощутимой, чтобы при вхождении в материальный предмет не вызвать сдвига; он может быстро перелетать с места на место; во время сна, транса и в случае болезни он временно, а в случае смерти навсегда уходит из тела.

Сходство этого человечка с человеком, т.е. души с телом, является полным; как есть полные и худые тела, так есть полные и худые души; как бывают тяжелые и легкие, длинные и короткие тела, так и души бывают тяжелыми и легкими, длинными и короткими. Обитатели острова Нияс верят, что каждого человека до рождения спрашивают, какой длины и какого веса душу ему хотелось бы иметь, и отмеривают ему душу подходящего веса и длины. Самая тяжелая из когда-либо выданных душ весит примерно 10 г. Длина человеческого тела соразмерна длине его души; умершие в детстве люди имеют низкорослые души. На островах Фиджи представление о душе как о крошечном человечке находит выражение в обычаях, соблюдаемых на похоронах вождя племени накело. Когда вождь умирает, наследственные плакальщики-мужчины обращаются к смазанному маслом и покрытому татуировкой телу со словами: «Поднимись, вождь, и пойдем. Над страной уже взошел день». Потом они несут тело к реке, откуда дух-паромщик переправляет через поток души накело. Провожая вождя в последний путь, они прикрывают его тело огромными веерами, объясняя это тем, что «душа его пока еще только младенец». Народности Пенджаба, покрывающие свое тело татуировкой, верят, что после смерти их души — «миниатюрный мужчина или женщина» в телесной оболочке, покрытой татуировкой с тем же рисунком, который украшал тело при жизни, — вознесутся на небо. Но в дальнейшем мы убедимся, что иногда душа облачается не только в человеческую, но и в животную форму.

Уход и вызывание души

Как правило, считается, что душа покидает тело через отверстия, чаще всего через рот или через ноздри. Поэтому на острове Целебес к носу, пупку и ногам больного иногда прицепляют рыболовные крючки, чтобы душа его при попытке бегства попадала на крючок и осталась с человеком. Один член племени турик с реки Барам (остров Борнео) не желал расстаться с крючковидными камнями, так как, по его утверждению, они прицепляли его душу к телу и таким образом не давали духовной его части отделиться от телесной. Приморские даяки считают, что пальцы колдуна или шамана должны быть снабжены рыболовными крючками, которыми он в момент отлета человеческой души будет захватывать и возвращать ее в тело больного. Крючки могут быть использованы для ловли душ как друзей, так и врагов. Руководствуясь этим принципом, охотники за головами на острове Борнео вешают рядом с черепами убитых ими врагов деревянные крючья в уверенности, что это поможет им в предстоящих набегах добыть новые головы. Одним из инструментов, которыми пользуется знахарь племени гайда, является полая кость, в которую он закупоривает отлетающие души, с тем чтобы потом возвратить их владельцам. Когда в присутствии индуса кто-нибудь зеваает, тот щелкает пальцами, чтобы помешать душе выйти через открытый рот. Жители Маркизских островов зажимают рот и нос умирающего, чтобы сохранить его в живых и не дать ускользнуть его душе; сообщают, что так же поступают жители Новой Каледонии. С той же целью багобо на Филиппинских островах надевают на кисти и лодыжки больных латунные кольца. Индейцы-итонама из Южной Америки запечатывают глаза, рот и нос умирающего, чтобы его душа не вышла наружу и не увлекла за собой другие души. По той же причине островитяне Ниаса, которым внушают страх души недавно умерших людей — они отождествляют душу с дыханием, — стремятся заточить дух в его земной оболочке; для этого они, например, затыкают нос и связывают челюсти трупа. Прежде чем оставить труп, австралийские аборигены племени вакельбура закладывали ему в уши горячие уголья, чтобы удержать дух в теле до тех пор, пока живые не удалятся на достаточное расстояние и их нельзя будет настичь. Чтобы душа женщины не выскользнула во время родов, сиделка на юге острова Целебес возможно туже завязывает вокруг тела роженицы повязку. Тот же обычай соблюдают минангкабау на острове Суматра: моток ниток или веревку обматывают вокруг талии роженицы, так что душа, которая во время родов стремится выскочить, находит выход закрытым. Альфуры на Целебесе перед началом родов, чтобы душа младенца при рождении не выскользнула и не потерялась, стараются заткнуть все отверстия в доме, даже замочную скважину, трещины и щели в стенах. В то же время затыкают рты всем животным внутри и вне дома из опасения, чтобы ни одно из них не проглотило душу ребенка. По той же причине все присутствующие в доме люди, включая роженицу, обязаны во время родов держать свои рты закрытыми. На вопрос,

почему они не закрывают и свои носы, альфуры ответили, что через ноздри воздух втягивается и выпускается и душа будет вытолкнута наружу до того, как успеет там поселиться. Простонародные выражения в языках цивилизованных наций, такие, как «держат сердце во рту» или «иметь душу на губах или в носу», показывают, насколько естественной является мысль о том, что жизнь (или душа) может выскользнуть через рот или через ноздри.

Часто душа представляется птицей, готовой улететь. Такое представление, вероятно, оставило следы в большинстве языков и продолжает сохраняться в качестве поэтической метафоры. Множеством странных способов это представление о душе-птице проявляется у малайцев. Если душа готова взлететь птицей, можно воспользоваться рисом как приманкой, чтобы либо помешать ей улететь, либо возвратит из опасного полета. Например, на острове Ява, когда ребенка впервые ставят на землю — этот момент кажется первобытным людям особенно опасным, — его помещают в клетку для кур, и мать начинает кудахтаньем созывать цыплят. Когда в Синтанге (округ на острове Борнео) кто-либо — будь то мужчина, женщина или ребенок — падает с дерева и его приносят домой, жена или другая родственница с максимальной поспешностью прибегает на место происшествия и, разбрасывая там выкрашенный в желтый цвет рис, приговаривает: «Кудах, кудах, душа! Такой-то снова у себя в доме. Кудах, кудах, душа!» После этого она собирает рис в корзинку, приносит ее пострадавшему и, роняя зерна ему на голову, повторяет: «Кудах! Кудах! Кудах! Душа!» Делается это, очевидно, с целью вернуть птичку-душу на свое место в голову владельца.

Считается, что душа погруженного в сон человека на самом деле вылетает из тела и посещает те места, видит тех людей и совершает те действия, которые видит спящий. Например, когда бразильский или гвианский индеец пробуждается от глубокого сна, он твердо убежден, что душа его взаправду охотилась, ловила рыбу, рубила деревья или делала еще что-то привидевшееся ему, в то время как тело в неподвижности лежало в гамаке. Целое селение индейцев-бороро пришло в панику и чуть не покинуло место своего обитания из-за того, что кому-то приснилось, будто к ним украдкой приближаются враги. Один индеец племени макуши был слаб здоровьем, и ему привиделось во сне, что хозяин заставил его волоком поднять каноэ через каскад крутых водопадов. Следующим утром индеец горько упрекал хозяина в бессердечии к бедному больному, которому всю ночь пришлось тяжело работать. Индейцы Гран-Чако часто рассказывают самые невероятные истории и выдают их за сущую правду. Поэтому несведущие европейцы утверждают, что эти индейцы — лгуны. На самом же деле индейцы глубоко убеждены в правдивости рассказываемого: ведь они не отличают сна от яви.

Отсутствие души во время сна чревато опасностями, поэтому если по какой-либо причине душа надолго оторвется от тела, человек, лишившись своего жизненного начала, умрет. У немцев бытует верование, согласно которому душа выскальзывает изо рта спящего в виде белой мыши или птички; прегра-

доть птице или животному путь к возвращению — значит вызвать смерть спящего. Поэтому жители Трансильвании утверждают, что не следует позволять ребенку спать с открытым ртом; в противном случае душа его выскользнет в виде мыши, и ребенок никогда не проснется. Задержаться душа спящего человека может по ряду причин. Она может, к примеру, встретить душу другого спящего, и они подерутся. Если гвинейский негр утром просыпается с ломотой в костях, ему кажется, что душа другого человека во сне поколотила его душу. Кроме того, душа может встретить душу недавно умершего человека, и та увлечет ее за собой. Поэтому туземцы на островах Ару не останутся в доме на ночь после того, как кому-то случится в нем умереть, так как считается, что душа умершего еще пребывает в доме, и они опасаются повстречаться с ней во сне. Далее, возвратиться в тело спящего человека душе может помешать несчастный случай или прямое насилие. Если во сне даяку привидится, что он упал в воду, ему кажется, что случай этот действительно приключился с его душой; он посылает за колдуном, который сеткой ловит душу в водоеме до тех пор, пока не поймает и не возвратит ее владельцу. Санталы рассказывают такой случай. Одному уснувшему человеку очень захотелось пить, и душа его в виде ящерицы покинула тело и вошла в кувшин с водой. Как раз в этот момент владелец кувшина прикрыл его крышкой; поэтому душа не смогла вернуться в тело, и человек умер. Пока друзья усопшего готовили его тело к сожжению, кто-то открыл кувшин, чтобы набрать в него воды. Тут ящерица выскользнула и возвратилась в тело, которое тотчас же ожило. Человек встал и спросил друзей, почему они плакали. Те сказали, что считали его мертвым и готовились сжечь его тело. Человек объяснил друзьям, что спустился в колодец за водой, но выбраться оттуда оказалось делом трудным и он только что вернулся. Тогда они все поняли.

Все первобытные народы соблюдают запрещение будить спящего; ведь душа его отсутствует и может не успеть возвратиться, и человек, если он проснется без души, заболеет. Если разбудить спящего абсолютно необходимо, делать это следует постепенно, чтобы у души было время вернуться. Житель одного из островов Фиджи (Матуку), на которого кто-то наступил во время сна, поднял истошный крик, умоляя свою душу вернуться. Ему как раз снилось, что он был далеко, на острове Тонга, и он пришел в большое беспокойство после неожиданного пробуждения на острове Матуку. Если бы ему не удалось побудить душу быстро пересечь море и вернуться в покинутое обиталище, ему грозила смерть. Туземец, вероятно, умер бы от страха, если бы его не успокоил оказавшийся под рукой миссионер.

Еще более опасно, по мнению примитивного человека, передвигать спящего или изменять его внешний облик: в таком случае по возвращении душа не сможет узнать тело, и человек умрет. У минангкабау строго запрещается пачкать лицо спящего черной краской или грязью; в противном случае отсутствующая душа может не пожелать войти в изменившееся до неузнаваемости тело. Малайцы-патани воображают, что, если разрисовать лицо человека во время

сна, отошедшая душа его не узнает и сон будет продолжаться до тех пор, пока с лица не смоют краску. В Бомбее изменить вид спящего, например раскрасить лицо в причудливые цвета или пририсовать усы женщине, считается равносильным убийству.

Но душа покидает тело не только во сне. Она может покинуть его и во время бодрствования, и тогда последует болезнь, безумие или смерть. Один австралийский абориген племени вурунджерри лежал при последнем издыхании из-за того, что его дух отделился от него. Знахарь пустился на поиски и поймал душу как раз в тот момент, когда она готовилась погрузиться в пурпур заката, место, где души входят в подземное царство и выходят из него. Знахарь возвратил пойманную душу, прикрыв ее полостью из меха опоссума, лег на умирающего и вложил в него душу; по прошествии некоторого времени тот ожил. Живущие в Бирме карены пребывают в постоянной тревоге за свои души; ведь если они выйдут из тел на волю, владельцы душ умрут. Когда у кого-то есть основания опасаться, что душа его готова совершить этот роковой шаг, для ее удержания или возвращения совершается обряд, в котором принимает участие вся семья. Приготавливается блюдо из мяса петуха и курицы, особого сорта риса и связки бананов. После этого глава семьи берет в руки сосуд, в котором толкут рис, и, трижды стукнув им по верху домашней лестницы, говорит: «Пррроо! Вернись, душа, не задерживайся там снаружи! На дожде ты вымокнешь. На солнце тебе будет жарко. Комары и пиявки будут кусать тебя, тигры — пожирать тебя, гром — сокрушать тебя. Пррроо! Вернись, душа! Тебе будет хорошо с нами. Ты ни в чем не будешь знать нужды. Приди и поешь под кровом, защищенная от ветра и бури». После этих слов семья приступает к принятию пищи. Обряд кончается тем, что все обматывают запястье правой руки веревкой, которую заговорил колдун. Лоло в юго-западной части Китая³ также верят, что душа при хронической болезни покидает тело. В этом случае они устраивают нечто вроде сложного молебствия; при этом душу называют по имени и заклинают вернуться с холмов, долин, рек, лесов, полей и вообще отовсюду, где она может скитаться. Для того чтобы освежить уставшую от странствий душу, у двери выставляют чаши с водой, вином и рисом. По окончании обряда лоло обвязывают вокруг груди больного красную бечевку, чтобы привязать душу, и носят ее до тех пор, пока она не сгниет и не отпадет.

У некоторых конголезских племен бытует поверье, что, когда человек заболевает, его душа покидает тело и блуждает на просторе. Для поимки бродячего духа и его возвращения больному прибегают к услугам знахаря. Обычно знахарь объявляет, что успешно загнал душу на ветку дерева. После этого все жители собираются и в сопровождении знахаря отправляются к дереву, где сильнейшим мужчинам поручают сломать ветку, на которой, как предполагается, поселился дух больного. Они вносят ветку обратно в селение, показывая жестами, что ноша очень тяжела. Когда ветку приносят в хижину больного, он

³ Лоло — устаревшее название народа ицзу. — *Ред. источника.*

встает с ней рядом, и знахарь произносит заклинания, с помощью которых душа возвращается ее владельцу.

Батаки Суматры считают отлучение души из тела причиной иссыхания, болезни, великого ужаса и смерти. Сначала они пытаются заманить беглянку назад разбрасыванием рисовых зерен, как будто душа — курица. Затем обычно повторяют следующие фразы: «Вернись, душа, где бы ты ни замешкалась: в горах, в лесу, или в долине. Смотри, я призываю тебя силой *toemba bras*, яйцом курицы — раджи *moelija*, одиннадцатью целебными листьями. Не задерживайте ее, пусть идет она прямо сюда, не задерживайте ее ни в лесу, ни на горе, ни в долине. Чтобы этого не было! О, иди прямо домой!» Когда однажды известный путешественник покидал селение кайанов, матери из боязни, как бы за ним не последовали души их детей, принесли ему доски, на которых они носили своих младенцев, и просили его помолиться о том, чтобы души детей возвратились на свои обычные доски, а не пошли за ним в далекую страну. К каждой доске была прикреплена веревка в виде петли, чтобы зацеплять бродячие души; каждый ребенок должен был продеть в петлю большой палец, чтобы появилась уверенность, что крошечная душа не проскочит наружу.

В одной индийской сказке душа раджи входит в труп брахмана, а душа горбуна-брахмана — в покинутое тело раджи. Горбун становится раджей, а раджа — брахманом. Но горбуна удалось уговорить продемонстрировать свое искусство, переселившись в тело мертвого попугая, а раджа воспользовался этим для того, чтобы снова овладеть своим телом. Аналогичная малайская легенда отличается лишь деталями. Правитель по неосмотрительности перенес свою душу в обезьяну, после чего визирь хитростью поместил свою душу в царственное тело и овладел женой правителя и царством, в то время как настоящий правитель томился при дворе в обличье обезьяны. Но однажды лжеправитель, бывший завзятым игроком, присутствовал на бое баранов, и случилось так, что баран, на которого он поставил деньги, пал мертвым. Все усилия оживить его оканчивались неудачей до тех пор, пока лжеправитель, влекомый инстинктом истинного спортсмена, не перенес свою душу в тело павшего барана и не возобновил схватку. Настоящий правитель в обличье обезьяны воспользовался случаем и, сохраняя присутствие духа, стрелой влетел в собственное тело, которое опрометчиво освободил визирь. Так он снова стал самим собой, а самозванец в образе барана получил по заслугам. Греки также рассказывали, как душа некоего Гермотима из Клазомен нередко покидала пределы тела и блуждала вдалеке, а потом делилась с друзьями воспоминаниями об увиденном во время своих странствий. Но когда однажды душа путешествовала, враги Гермотима схватили покинутое тело и предали его огню.

Душа не всегда отлетает добровольно. С помощью привидений, демонов или колдунов душу можно извлечь из тела и против ее воли. Поэтому, когда похоронная процессия проходит мимо дома, карены привязывают детей к определенной части дома специальной веревкой; иначе души детей выйдут из своих тел и войдут в труп. Детей держат на привязи до тех пор, пока процессия

не исчезнет из виду. Когда тело опущено в могилу, но еще не засыпано землей, каждый из стоящих рядом с могилой плакальщиков и друзей держит в одной руке расщепленный во всю длину ствол бамбука, а в другой — небольшую палку. Бамбуковые стволы опускают в могилу и, проводя палкой по желобам, указывают душе путь, которым та легко может выбраться. После того как могилу засыпают, бамбуковые трости вытаскивают, чтобы оказавшиеся в них души не были по оплошности засыпаны землей; уходя, люди уносят с собой бамбуковые трости, умоляя души последовать за ними. При возвращении с погребения каждый карен запасается тремя маленькими деревянными крючками и, приглашая душу последовать за ним, с небольшими перерывами совершает зацепляющее движение, а затем втыкает крючок в землю. Делается это с целью помешать душе живого остаться с душой мертвеца. У каро-батаков во время погребения колдунья размахивает палкой, чтобы отгонять души живых, потому что, если одной из них случится проскользнуть в могилу и быть погребенной, умрет и ее владелец.

На одном из островов Лойялти, острове Уса, душам умерших, видимо, приписывается способность похищать души живых. Когда кто-либо заболел, знахарь в сопровождении большой толпы мужчин и женщин отправлялся на кладбище. Там мужчины принимались наигрывать на флейтах, а женщины — нежно насвистывать, чтобы приманить душу обратно. Через некоторое время они выстраивались и двигались по направлению к дому; игра на флейтах и насвистывание продолжались в течение всего пути: с их помощью увлекали назад заблудшую душу, нежно подталкивая ее раскрытыми ладонями. По приходе в жилище больного они громким голосом приказывали душе войти в тело.

Похищение души часто считается делом рук демонов. Китайцы, например, обыкновенно приписывают припадки и судороги действию неких злобных духов, которым доставляет удовольствие извлекать душу из человеческого тела. Духи, таким образом обходящиеся с детьми и младенцами, носят в Амое титулы «воинства небесного, галопом несущегося на конях» и «ученых, обитающих на полпути к небу». Когда ребенок корчится в судорогах, испуганная мать спешит взобраться на крышу дома и, размахивая бамбуковым шестом, к которому прикреплен одежда ребенка, выкрикивает несколько раз: «Ребенок мой по имени такой-то, вернись, возвратись домой!» В то же время другой обитатель дома колотит в гонг в надежде привлечь внимание заблудшего духа, который якобы узнает свою одежду и войдет в нее. Содержащую душу одежду надевают на ребенка (или кладут рядом с ним): если душу удалось заманить, ребенок непременно выздоровеет. Некоторые индейцы ловят потерянную душу человека в башмаки и, надевая их на ноги, возвращают душу в тело.

На Молуккских островах в случае болезни считается, что какой-то злой дух унес душу человека на дерево, в гору или на холм, где он обитает. После того как колдун обнаружил пристанище злого духа, друзья больного приносят туда приготовленный рис, фрукты, сырые яйца, курицу, цыпленка, одежду из шелка, золотые браслеты и пр. Выставив по порядку эти припасы, они обращают-

ся к нему со следующей молитвой: «Мы пришли к тебе, о злой дух, и принесли в подарок эту пищу, одежду, золото и т.д. Возьми их и выпусти на волю душу больного, за которого мы молим. Пусть она возвратится в его тело и он выздоровеет». Затем они съедают немного пищи и в качестве выкупа за душу больного отпускают на волю курицу. Оставляют они также сырые яйца, а шелковую одежду, золото и браслеты забирают с собой. Сразу же по возвращении домой они ставят плоскую чашу с подарками, которые они принесли обратно, в изголовье больного и говорят: «Теперь душа твоя свободна, ты будешь чувствовать себя хорошо и проживешь до седых волос».

Особенно опасаются демонов те, кто только что переселился в новое жилище. Поэтому на праздновании новоселья у альфуров из Минагасы на острове Целебес жрец, чтобы обезопасить души новоселов, совершает особый обряд: он вывешивает мешок на месте жертвоприношений, а затем зачитывает весь список богов. Список этот так велик, что его непрерывное чтение занимает всю ночь. Наутро он приносит в жертву богам яйцо и немного риса. Считается, что к этому времени все души собрались в мешок. Жрец берет мешок и, держа его над головой хозяина дома, говорит: «Вот здесь твоя душа. Завтра душа выходи вновь». То же самое проделывается с женой и другими домочадцами. У тех же альфуров есть такой способ возвращения души больного: они на ремне спускают чашу из окна и, как на удочку, ловят душу до тех пор, пока она не попадет в чашу и не будет поднята наверх. Когда жрец того же племени возвращает завернутую в кусок материи душу больному, впереди него идет девушка, держа в руках широкий лист определенной пальмы, и, как зонтиком, прикрывает им жреца и душу, чтобы в случае дождя они не намокли; за жрецом следует мужчина, размахивающий мечом для того, чтобы удерживать другие души от попыток спасти плененный дух.

Иногда потерявшуюся душу возвращают в тело в видимой форме. Индейцы-селиш (штат Орегон) верят, что временное отделение души человека от тела не влечет за собой смерть и может даже пройти незамеченным для самого человека. Но потерявшуюся душу нужно быстро отыскать и вернуть владельцу, иначе он умрет. Имя потерявшего душу человека открывается во сне знахарю, и тот спешит сообщить больному об этой потере. Как правило, душу одновременно теряли несколько людей; все они обращались к знахарю с просьбой вернуть душу. На протяжении всей ночи потерявшие душу люди с пением и танцами бродят по деревне от хижины к хижине. На рассвете они входят в отдельную закрытую хижину, в которой совершенно темно. В крыше проделывается дырочка, и через нее знахарь пучком перьев сметает души — в виде обломков костей и тому подобного хлама — и складывает их в кусок циновки. Потом зажигают огонь, и при его свете знахарь рассортировывает души. Во-первых, он откладывает в сторону души умерших: таких обычно оказывается несколько штук. Стоит дать живому человеку душу мертвого, и он тут же умрет. Во-вторых, он отбирает души всех присутствующих и, рассадив их перед собой, берет душу каждого в виде обломка кости, дерева или раковины, кладет ее на голову

владельца и с молитвами и судорогами хлопает по ней до тех пор, пока она не опустится в сердце и не займет свое место.

Извлекать души из тел или препятствовать их возвращению могут не только привидения и демоны, но и люди, в особенности колдуны. Если на островах Фиджи преступник отказывается признаться, вождь посылает за тюрбаном, который «захватывает душу мошенника». При виде этого тюрбана (даже при упоминании о нем) преступник обычно чистосердечно все выкладывает. В противном случае тюрбан обвивают вокруг его головы до тех пор, пока он не захватит душу; затем его аккуратно складывают и прибивают к корме каноэ вождя. Лишившись души, преступник зачахнет и умрет. Колдуны с острова Дэнжер обычно ставили на души ловушки. Делались ловушки из крепких веревок от 15 до 30 футов длиной; к ним со всех сторон приделывались петли разной величины, пригодные для душ разных размеров. Длинные петли ставились на толстые души, короткие — на тонкие. Когда человек, против которого колдуны имели зуб, заболел, те устанавливали ловушки на душу рядом с его домом и подстерегали вылет его души. Если душа в виде птицы или насекомого попала в ловушку, человек неизбежно умирал. В некоторых частях Западной Африки колдуны ставят западни на души, которые покидают тело во время сна. Если удастся поймать душу, они привязывают ее над огнем: по мере того как она сморщивается под действием огня, ее владелец чахнет. Делается это не из недоброжелательства по отношению к больному, колдун не интересуется то, чей дух попался в ловушку, и он охотно возвращает его владельцу за соответствующее вознаграждение. Некоторые колдуны содержат настоящие приюты для заблудших душ, и всякий, у кого потерялась или заблудилась душа, может за обычное вознаграждение получить в приюте душу. Никто не порицает содержателей таких частных приютов и ловцов проходящих душ; ведь это их ремесло, заниматься которым их побуждает отнюдь не грубая недоброжелательность. Но есть негодяи, которые из чистой злобы или ради выгоды ставят западни на души людей. Наживка скрывает ножи и острые крючья, находящиеся на дне горшка, которые либо тут же разрывают несчастную душу на части, либо, если ей удастся сбежать и возвратиться к владельцу, истерзают ее и наносят вред ее здоровью. Мисс Кингсли знала одного крумана, который стал очень беспокоиться о своей душе, потому что на протяжении нескольких ночей обонял во сне приятный запах копченых раков, приправленных красным перцем. Очевидно, какой-то недоброжелатель, вознамерившись нанести серьезный вред его телу или, скорее, его душе, поставил на его душу наживленную этим лакомством западню. В течение нескольких ночей он принимал величайшие предосторожности, чтобы во время сна его душа не вышла наружу. В знойные тропические ночи, обливаясь потом и сопя, он лежал под одеялом, заткнув платком нос и рот, чтобы не дать драгоценной душе выскользнуть наружу. На Гавайских островах были колдуны, которые ловили души живых людей, запирали их в тыквенные бутылки и отдавали людям на съедение. Сжимая плененные души в руках, они узнавали места, в которых тайком были похоронены люди. <...>

Душа как тень или отражение

Но не только перечисленные опасности тревожат дикаря. Часто он видит свою душу — или другую важную часть своего существа — в тени или в отражении, которые с необходимостью становятся для него источниками опасности. Ведь если тень растоптали, ударили или укололи, наносится ущерб личности ее владельца, а если ее отделили от него вовсе (в возможность чего он верит), человек умирает. На острове Ветар есть колдуны, которые могут сделать человека больным, пронзив его тень копьем или разрубив мечом. После того как Шанкара⁴ разгромил буддистов в Индии, он, по преданию, предпринял путешествие в Непал, где вступил в спор с Великим ламой⁵. В доказательство своих сверхъестественных способностей Шанкара взмыл в воздух. Но пока тот парил, Великий лама, заметив, что тень его извивается и колеблется на земле, пронзил ее ножом. Шанкара упал и свернул себе шею.

Некоторые камни на Банковских островах имеют поразительную форму; они известны под названием пожирающих привидений, потому что в них якобы обитают могущественные и опасные привидения. Если на один из этих камней упадет человеческая тень, привидение вытянет из него душу, и человек умрет. Поэтому такие камни устанавливают перед домами для охраны. Гонец, которого посылает домой отсутствующий хозяин, должен назвать имя посланного, чтобы сторожевой дух в камне не вообразил, что он пришел со злым намерением, и не причинил ему вреда. Когда на похоронах в Китае наступает время закрывать крышку гроба, большинство присутствующих, за исключением ближайших родственников, отступают на несколько шагов или даже выходят в другую комнату, так как бытует поверье, согласно которому человек, если его тень забили в гроб, подвергает опасности свое здоровье. А когда приходит срок опускать гроб в могилу, большая часть присутствующих удаляется на некоторое расстояние, чтобы тени не попали в могилу и это не нанесло их владельцам вред. Гадатель-геомант со своими помощниками стоит на той стороне могилы, которая защищена от солнца, а могильщики и носильщики гроба крепко держат свои тени, обвязываясь вокруг талии матерчатой лентой. С помощью поражения тени ущерб может быть нанесен не только людям, но и животным. Есть верование, согласно которому маленькая улитка в известняковых горах Перака через тень всасывает кровь скота; поэтому скот теряет в весе и нередко падает от потери крови. Древние полагали, что, если на тень человека наступит аравийская гиена, он лишится дара речи и движения; если собака, стоя в лунную ночь на крыше, отбросит на землю тень и на нее наступит гиена, собака упадет на землю.

---

⁴ Шанкара (предположительно 788—820) — индийский религиозный мыслитель, ведущий представитель веданты, создатель системы религиозно-философского индуизма, мистик и поэт. — *Ред.-сост.*

⁵ Великий лама, или далай-лама — титул главы ламаистской церкви в Тибете. — *Ред.-сост.*

Если тень является жизненно важной частью человека или животного, то ее прикосновение при некоторых обстоятельствах может быть столь же опасно, как и соприкосновение с телом того или другого. Поэтому дикарь берет себе за правило избегать тени определенного рода лиц, которых он почему-либо считает опасными. К последним он, как правило, причисляет плакальщиков вообще, женщин и свою тещу в особенности. Индейцы-шусвап верят, что стоит тени плакальщика упасть на человека, и тот заболевает. При инициации⁶ в племени австралийских аборигенов курнаи (Виктория) юношей предостерегают от того, чтобы на них не попала тень женщины, так как от этого они станут тощими, ленивыми и глупыми. Рассказывают, что один австралийский абориген едва не умер от страха, когда узнал, что во время сна под деревом на его ноги упала тень тещи. Суеверный страх, с которым дикарь относится к теще, — один из наиболее известных антропологических фактов. У племен юин (Новый Южный Уэльс) на всякое общение мужчины с матерью жены накладывался строгий запрет. Он не смел посмотреть на нее и даже в ее сторону. Если тень мужа случайно падала на его тещу, это служило основанием для развода. В таком случае муж должен был оставить жену, и она возвращалась к своим родителям. Воображение жителей Новой Британии не может даже представить себе размах бедствий, которые не замедлят обрушиться, если мужчина случайно заговорит с матерью своей жены; такому человеку, вероятно, не останется ничего лучшего, как покончить жизнь самоубийством. Самая торжественная клятва у туземцев Новой Британии звучит так: «Если я лгу, сэр, пусть мне доведется пожать руку собственной теще».

Там, где тень считается столь тесно связанной с жизнью человека, утрата ее влечет за собой болезнь или смерть. К ее убыванию относятся со страхом и опасением; ведь это предвещает упадок жизненной силы ее владельца. На двух экваториальных островах: Амбоине и Улиасе, где в полдень предметы очень мало или совсем не отбрасывают тени, жители придерживаются правила в полдень не выходить из дому, так как воображают, что в противном случае они потеряют тень своей души. Островитяне Мангаиа рассказывают о могучем воине Тукайтаве, чья мощь слабела и таяла вместе с длиной его тени. Утром, когда он отбрасывал самую длинную тень, наибольшей была и его сила, но по мере уменьшения тени к полудню шла на убыль и сила, пока в полдень не достигала своей низшей точки; затем сила возвращалась по мере того, как после полудня удлинялась тень. Некий герой раскрыл секрет силы Тукайтавы и в полдень убил его. Дикари-бесиси (Малайский полуостров) опасаются хоронить мертвых в полдень, потому что им кажется, что укороченность их тени в это время дня соответственно сократит их жизнь.

Эквивалентность тени жизни души нигде, вероятно, не находит более явного проявления, нежели в обычаях, которые до настоящего времени соблю-

---

⁶ *Инициация* — обряд посвящения, связанный с переходом юношей и девушек в возрастную категорию мужчин и женщин. — *Ред.-сост.*

даются в Юго-Восточной Европе. Когда в современной Греции закладывается фундамент нового здания, обычай предписывает зарезать петуха, барана или ягненка и окропить их кровью краеугольный камень, под которым затем и хоронят животное. Цель этого жертвоприношения — придать зданию крепость и устойчивость. Иногда вместо того, чтобы убить животное, строитель подманивает к краеугольному камню человека, тайком снимает мерку с его тела, какой-нибудь части тела или с его тени и зарывает ее под камнем; или он кладет краеугольный камень на тень человека. Считается, что такой человек на протяжении года умрет. Румыны, жители Трансильвании, полагают, что тот, чью тень замуровали подобным образом, умрет в течение сорока дней. Так что люди, проходящие мимо строящегося здания, могут услышать предостерегающий окрик: «Берегись, чтобы они не взяли твоей тени!» Существовали даже торговцы тенями, чье ремесло заключалось в поставке архитекторам теней, необходимых для придания прочности стенам. В таких случаях снятая с тени мерка рассматривалась как эквивалент самой тени, и зарыть ее значило зарыть жизнь или душу человека, который, лишившись ее, должен умереть. Этот обычай пришел, таким образом, на смену древней практике замуровывания живого человека в стену или под краеугольным камнем нового строения с целью придать ему прочность и долговечность, точнее, для того, чтобы разгневанный дух посещал это место и охранял его от вторжения врагов.

Одни народы верят, что душа человека пребывает в его тени, другие считают, что она пребывает в его отражении в воде или в зеркале. Например, «андаманцы считают душами не тени, а отражение (в любом зеркале)». Когда туземцы моту-моту (Новая Гвинея) впервые увидели свое отражение в зеркале, они решили, что это отражение и есть их душа. В Новой Каледонии старики верят, что отражение человека в воде или в зеркале является его душой, а люди помоложе, обученные католическими священниками, утверждают, что отражение является не более как отражением, вроде отражения пальмы в воде. Душа-отражение, будучи внешней по отношению к человеку, подвержена почти тем же опасностям, что и душа-тень. Зулус не станет смотреть в глубокую заводь, потому что, как ему чудится, в ней скрывается чудище, которое может унести его отражение, и тогда он пропал. Басуто утверждают, что крокодилы обладают способностью умерщвлять человека, увлекая под воду его отражение. Когда кто-то из басутов скоропостижно и без видимой причины умирает, его родственники заявляют, что это, должно быть, крокодил взял его отражение, когда он переходил через реку. На острове Сэддл в Меланезии есть заводь, «посмотрев в которую человек умирает; через отражение в воде его жизнью завладевает злобный дух».

Теперь мы понимаем, почему в Древней Индии и в Древней Греции существовало правило не смотреть на свое отражение в воде и почему, если человек увидел во сне свое отражение, греки считали это предзнаменованием смерти. Они боялись, что водные духи утащат отражение или душу под воду, оставив человека погибать. Таково же, возможно, было происхождение классического

мифа о прекрасном Нарциссе, который зачах и умер из-за того, что увидел в воде свое отражение.

Теперь мы, кроме того, можем объяснить широко распространенный обычай закрывать зеркала и поворачивать их к стене после того, как в доме кто-то умер. Опасаются, что душа человека в виде отражения в зеркале может быть унесена духом покойного, который, как обычно верят, остается в доме вплоть до захоронения. Этот обычай совпадает с обычаем островитян Ару⁷ не спать в доме, где кто-то умер, из страха, что душа, выходящая из тела во сне, встретится с духом и будет им увлечена. Столь же ясна причина, по которой больные не должны смотреть в зеркало; во время болезни, когда душа может легко улететь, ее особенно опасно выпускать из тела через отражение в зеркале. Точно так же поступают те народы, которые не позволяют больным спать: ведь душа во сне уносится из тела, и всегда есть риск, что она не вернется.

С портретами дело обстоит так же, как с тенями и отражениями. Часто считают, что они содержат в себе душу изображенного лица. Верящие в это люди, естественно, неохотно позволяют снимать с себя изображение. Ведь если портрет является душой или, по крайней мере, жизненно важной частью изображенного, владелец портрета сможет оказать на оригинал роковое воздействие. Например, эскимосы Берингова пролива верят, что сведущие в колдовстве люди обладают способностью выкрадывать тень человека, а без нее тот чахнет и умрет. Однажды исследователь установил камеру в деревне в нижнем течении реки Юкон, чтобы сфотографировать эскимосов среди их хижин. Пока он наводил аппарат, к нему подошел староста и настойчиво потребовал разрешить заглянуть под покрывало. Получив согласие, он с минуту внимательно смотрел на движущиеся в матовом стекле фигуры, а затем вдруг отдернул голову и что есть мочи крикнул своим людям: «Он собрал в коробку все ваши тени!» Началась паника, и в одно мгновение эскимосы исчезли в хижинах. Смертельный страх перед фотоаппаратом испытывали тепехуаны Мексики; чтобы уговорить их позировать, потребовалось пять дней. Когда они наконец согласились, у них был вид осужденных перед казнью. Они были уверены, что с помощью снимков фотограф может унести их души и на досуге проглотить их. Тепехуаны утверждали, что, когда он привезет их фотографии в свою страну, они умрут или с ними приключится какое-нибудь несчастье. Когда доктор Ката со своими сотрудниками исследовал область Бара на западном берегу острова Мадагаскар, туземцы вдруг стали относиться к ним враждебно. За день до этого путешественникам не без трудностей удалось сфотографировать семью вождя, и теперь их обвиняли в умыкании душ туземцев для того, чтобы по возвращении во Францию продать их. Все уговоры ни к чему не привели. Тогда в соответствии с существовавшим в этой области обычаем исследователям пришлось «поймать» души, «сложить» их в корзину и, по приказанию доктора Ката, «возвратить» владельцам.

---

⁷ Остров Ару, расположенный к западу от Новой Гвинеи, населен папуасами. — *Ред. источника.*

Деревенские жители в Сиккиме испытывали неподдельный ужас и скрывались, когда на них направляли объектив фотоаппарата, «дурной глаз коробки», как они его называли. Им казалось, что вместе со снимками фотограф унесет их души и сможет воздействовать на них магическими средствами. Они утверждали, что даже снимки пейзажа причинят вред ландшафту. Вплоть до времени правления последнего владыки Сиам⁸ ни на одной монете не чеканилось его изображение, «потому что в то время существовало сильное предубеждение против изготовления любых изображений. Даже в настоящее время достаточно путешествующим в джунглях европейцам направить на толпу фотоаппарат, чтобы она вмиг рассеялась. Когда с лица снимается копия и уносится от владельца, вместе со снимком от него уходит часть жизни. Поэтому суверен⁹ — если он не был наделен долголетием Мафусаила¹⁰ — едва ли мог допустить, чтобы его жизнь вместе с монетами мелкими кусочками расплылась по его владениям».

Такие верования сохраняются и в разных частях Европы — старухи с греческого острова Карпатос очень сердились, когда их рисовали, полагая, что вследствие этого они зачахнут и умрут. На западе Шотландии живут люди, которые, «чтобы не навлечь на себя несчастья, отказываются отдавать свои изображения, и приводят в пример своих друзей, которые не знали ни одного светлого дня после того, как их сфотографировали».

---

⁸ Сиам — прежнее название Таиланда. — *Ред. источника.*

⁹ Суверен — носитель верховной власти. — *Ред.-сост.*

¹⁰ Мафусаил — согласно ветхозаветным преданиям, один из праотцев человечества, прославившийся своим долголетием: он прожил 969 лет. — *Ред.-сост.*

Л. Леви-Брюль

[Коллективные представления о душе]*

Представления, называемые коллективными, если их определять только в общих чертах, не углубляя вопроса об их сущности, могут распознаваться по следующим признакам, присущим всем членам данной социальной группы: они передаются в ней из поколения в поколение; они навязываются в ней отдельным личностям, пробуждая в них, сообразно обстоятельствам, чувства уважения, страха, поклонения и т.д. в отношении своих объектов. Они не зависят в своем бытии от отдельной личности. Это происходит не потому, что эти представления предполагают некий коллективный субъект, отличный от индивидов, составляющих социальную группу, а потому, что они проявляют черты, которые невозможно осмыслить и понять путем одного только рассмотрения индивида, как такового. Так, например, язык, хоть он и существует, собственно говоря, лишь в сознании личностей, которые на нем говорят, является, тем не менее, несомненной социальной реальностью, базирующейся на совокупности коллективных представлений. Язык навязывает себя каждой из этих личностей, он предсуществует ей и переживает ее.

Отсюда непосредственно вытекает весьма важное последствие, которое вполне основательно подчеркивалось социологами, но которое ускользало от антропологов. Для того, чтобы понять механизм социальных институтов, особенно в низших обществах, следует предварительно отделаться от предрассудка, заключающегося в вере, будто коллективные представления вообще, а представления в низших обществах в частности, повинуются законам психологии, базирующейся на анализе индивидуального субъекта. Коллективные представления имеют свои собственные законы, которые не могут быть обнаружены, особенно если дело идет о первобытных людях, изучением белого взрослого и цивилизо-

---

* *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930. С. 5, 19—20, 48—49, 50—52, 56—57, 65—67, 302—303, 318—319, 320.

Настоящий текст составлен из фрагментов русского перевода основного труда Л. Леви-Брюля «*Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures*» (Первобытное мышление. М., 1930), первое издание которого на языке оригинала вышло в 1910 г. В соответствии с требованиями современной орфографии в текст внесены незначительные исправления. — *Ред.-сост.*

ванного индивида. Напротив, лишь изучение коллективных представлений и их связей и сочетаний в низших обществах сможет, несомненно, пролить некоторый свет на генезис наших категорий и наших логических принципов. Уже Дюркгейм¹ и его сотрудники дали несколько примеров того, чего можно достигнуть на этом пути. Путь этот, несомненно, приведет к новой и позитивной теории познания, основанной на сравнительном методе. <...>

В общепринятом психологическом языке, который разделяет факты на эмоциональные, моторные (волевые) и интеллектуальные, «представление» отнесено к последней категории. Под представлением разумеют факт познания, поскольку сознание наше просто имеет образ или идею какого-нибудь объекта. Обычно отнюдь не отвергается то обстоятельство, что в реальной жизни сознания каждое представление более или менее касается влечений человека, стремится вызвать или затормозить какое-нибудь движение. Но при помощи отвлечения, в котором нет ничего незаконного для огромного числа случаев, мы пренебрегаем этими элементами представления и имеем в виду лишь основную связь его с познаваемым объектом. Представление является, по преимуществу, явлением интеллектуального или познавательного порядка.

Совсем не так следует разумеать коллективные представления первобытных людей. Деятельность их сознания является слишком мало дифференцированной для того, чтобы можно было в нем самостоятельно рассматривать идеи или образы объектов, независимо от чувств, от эмоций, страстей, которые вызывают эти идеи и образы или вызываются ими. Именно потому, что деятельность нашего сознания является более дифференцированной, а также потому, что анализ его функций нам более свойственен и привычен, нам очень трудно реализовать одним усилием воображения более сложное состояние, в котором эмоциональные и моторные элементы являются *составными частями представления*. Нам кажется, что эти состояния не являются действительно представлениями. И действительно, для того, чтобы сохранить этот термин, нам следует изменить его значение. Под этой формой деятельности сознания следует разумеать у первобытных людей не интеллектуальный или познавательный феномен в его чистом или почти чистом виде, но гораздо более сложное явление, в котором то, что собственно считается у нас «представлением», смешано еще с другими элементами эмоционального или волевого порядка, окрашено и пропитано ими, предполагая, таким образом, иную установку сознания в отношении представляемых объектов. <...>

<...> За неимением лучшего термина, я назову «законом партиципации» характерный принцип «первобытного» мышления, который управляет ассоциацией² и связями представлений в первобытном сознании.

---

¹ Дюркгейм (*Durkheim*) Эмиль (1858—1917) — основатель французской социологической школы. — *Ред.-сост.*

² Ассоциация — предполагаемая связь между психологическими явлениями, которая образуется по ходу индивидуального опыта и обнаруживается в том, что наличие одного из них вызывает другое. — *Ред.-сост.*

Было бы трудно дать сейчас же отвлеченную формулировку этого закона. Дальнейшее изложение <...> достаточно выявит существо этого закона, хотя то, что выражается этим законом, лишь с большим трудом вмещается в обычные рамки нашего мышления. Все же, за отсутствием удовлетворительной формулы, можно попытаться дать приближенное определение. Я сказал бы, что в коллективных представлениях первобытного мышления предметы, существа, явления могут быть, непостижимым для нас образом, одновременно и самими собой и чем-то иным. Не менее непостижимым образом они излучают и воспринимают силы, способности, качества, мистические действия, которые ощущаются вне их, не переставая пребывать в них.

Другими словами, для первобытного мышления противоположность между единицей и множеством, между тождественным и другим и т.д. не диктует обязательного отрицания одного из указанных терминов при утверждении противоположного, и наоборот. Эта противоположность имеет для первобытного сознания лишь второстепенный интерес. Иногда первобытное сознание улавливает эту противоположность, очень часто, однако, не схватывая ее. Часто она скрадывается перед мистической общностью бытия тех существ, которые нельзя отождествлять, не впадая в нелепость. Так, например, «трумаи (племя северной Бразилии) говорят, что они — водяные животные. Бороро (соседнее племя) хвастают, что они — красные арара (попугаи)». Это вовсе не значит, что только после смерти они превращаются в арара, или что арара являются превращенными в бороро и поэтому достойны соответствующего обращения. Нет, дело обстоит совершенно иначе. «Бороро, — говорит фон ден Штейнен, который никак не хотел поверить этой нелепице, но который должен был уступить перед их настойчивыми утверждениями, — бороро совершенно спокойно говорят, что они уже *сейчас* являются настоящими арара, как если бы гусеница заявила, что она бабочка»³. Значит, это не имя, которое они себе дают, это также не провозглашение своего родства с арара, нет, на чем они настаивают, это то, что между ними и арара существует тождество по существу. Фон ден Штейнен считает непостижимым, как они могут считать себя одновременно человеческими существами и птицами с красным оперением. Однако, для мышления, подчиненного «закону партиципации», в этом нет никакой трудности. Все общества и союзы тотемического характера обладают коллективными представлениями подобного рода, предполагающими подобное тождество между членами тотемической группы и их тотемом. <...>

Сам материал, которым орудует эта умственная деятельность, уже подвергся действию «закона партиципации»: коллективные представления первобытных людей являются совершенно иной вещью, чем наши понятия. Последние, являющиеся материалом наших логических операций, служат уже, как известно, результатом предшествующих операций того же рода. Простое высказывание общего отвлеченного термина: человек, животное, организм, заклю-

³ Steinen K. von den. Unter den Naturvolkern Zentralbrasiliens. Berlin, 1894. S. 305.

чает в себе в подразумеваемом виде большое количество суждений, которые предполагают определенные отношения между многими понятиями. А коллективные представления первобытных людей не являются, подобно нашим понятиям, продуктом интеллектуальной обработки в собственном смысле этого слова. Они заключают в себе, в качестве составных частей, эмоциональные и моторные элементы, и, что особенно важно, они вместо логических отношений (включений и исключений) подразумевают более или менее четко определенные, обычно живо ощущаемые, «партиципации» (сопричастия).

Почему, например, какое-нибудь изображение, портрет являются для первобытных людей совсем иной вещью, чем для нас? Чем объясняется то, что они приписывают им, как мы видели выше, мистические свойства? Очевидно, дело в том, что всякое изображение, всякая репродукция «сопричастны» природе, свойствам, жизни оригинала. Это «сопричастие» не должно быть понимаемо в смысле какого-то дробления, как если бы, например, портрет заимствовал у оригинала некоторую часть той суммы свойств или жизни, которую он обладает. Первобытное мышление не видит никакой трудности в том, чтобы эта жизнь и эти свойства были присущи одновременно и оригиналу и изображению. В силу мистической связи между оригиналом и изображением, связи, подчиненной «закону партиципации», изображение одновременно и оригинал, подобно тому, как бороро суть в то же время араара. Значит, от изображения можно получить то же, что и от оригинала, на оригинал можно действовать через изображение. Точно так же, если бы вожди манданов позволили Кэтлину сфотографировать их, то они не смогли бы спать спокойно последним сном, когда они окажутся в могиле. Почему? Потому, что, в силу неизбежного «сопричастия», все то, что произойдет с их изображением, отданным в руки чужеземцев, отразится на них самих после их смерти. А почему племя так беспокоится из-за того, что будет смущен покой их вождей? Очевидно, потому, что (хотя Кэтлин этого и не говорит), благополучие племени, его процветание, даже самое его существование зависят, опять-таки в силу мистической «партиципации», от состояния живых или мертвых вождей.

Подобные же соображения действительны и для других коллективных представлений, мистический характер которых мы выявили, для представлений, например, об имени и тени. Есть одно представление, на котором мы должны остановиться особо, ибо оно служит опорным пунктом для целой теории первобытного мышления. Мы разумеем представление о «душе», служащее отправной точкой для учения, известного под именем теории анимизма, принцип которой излагается у Тайлора⁴ так: «По-видимому, люди, способные мыслить, но находящиеся еще на низшей ступени культуры, были глубоко заинтересованы двумя группами биологических проблем. Прежде всего, чем вызывается различие между живым телом и мертвым, какова причина сна,

---

⁴ Тайлор (*Tylor*) Эдуард Бернетт (1832—1917) — английский этнограф, исследователь первобытной культуры; см. его текст на с. 129—131 наст. изд. — *Ред.-сост.*

бодрствования, обморока, болезни, смерти? Во-вторых, что представляют собою человеческие образы, которые являются нам в снах и видениях? Первым шагом древних “философов-дикарей”, рассматривающих эти две группы явлений, было, несомненно, заключение, что каждый человек, имеет, очевидно, две принадлежащих ему вещи, свою жизнь и свой призрак. И то и другое находится, очевидно, в тесной связи с телом: жизнь делает тело способным чувствовать, мыслить и действовать, призрак является образом тела или его вторым Я. И жизнь и призрак представлялись также, как нечто отделимое от тела: жизнь представлялась способной уходить из бесчувственного или мертвого тела, призрак представлялся способным являться людям, находящимся далеко от тела. Второй шаг <...> заключался просто в соединении жизни и призрака. Раз они одинаково принадлежат телу, то почему не считать их принадлежащими друг другу, разве не являются они проявлениями одной и той же души? Это, во всяком случае, соответствует действительному представлению о личной душе или духе у низших рас, которое может быть выражено таким образом: душа, это человеческий образ, лишенный объема, тела, по своей природе похожий на пар, на пленку, на тень. Душа — это причина жизни и сознания в одушевляемом ею индивиде, это владычица личного сознания и воли ее прежнего или нынешнего телесного обладателя: она способна покинуть его тело и вместе с тем появиться внезапно в разных местах; чаще всего, она неосознаема и невидима и, тем не менее, она проявляет физическую силу, особенно показываясь заснувшим или бодрствующим людям в качестве призрака, отделенного от тела, на которое она по облику похожа, продолжая существовать и являться людям после смерти этого тела; она способна проникнуть в тела других людей, овладеть ими и действовать в них, она способна входить в тела животных и даже неодушевленных предметов <...> Вот учения, которые лучше всего соответствуют очевидному свидетельству человеческих чувств, истолкованному первобытной, но по-своему логической и рациональной философией⁵.

Действительно, излюбленная идея Тайлора состоит в том, что анимизм является учением, тем более последовательным, тем более удовлетворительным с логической точки зрения, чем ближе к источнику та его форма, которую мы рассматриваем, т.е. чем она первобытнее. Впоследствии это учение, осложнившись новыми элементами, принявши более общий характер, попытавшись решить самые сложные проблемы, приняло более смутный и путанный характер. Первоначально анимистическая философия отличалась совершенной прозрачностью, ибо она, так сказать, навязывалась наивному мышлению «философа-дикаря» самыми фактами, и то удовлетворение, которое должен был этот философ находить в своей гипотезе, современный ученый испытывает в свою очередь констатируя, что гипотеза эта была произвольным продуктом умственной деятельности, неизменно тождественной в своей основе и побуждаемой так же,

⁵ Tylor E. Primitive Culture. L., 1903. Vol. I. P. 428. [Другой перевод большей части этой цитаты см. в тексте Тайлора «Анимизм» на с. 130—131 наст. изд. — *Ред.-сост.*]

как и у нашего ученого, логической потребностью дать ответ на проблемы, которые ставятся фактами перед человеческим разумом.

Эта теория является весьма заманчивой. И действительно, нам кажется, что, если бы мы были на месте «философа-дикаря», мы рассуждали бы подобно ему, т.е. так, как мы его представляем себе рассуждающим. Но существовали ли когда-нибудь такие «философы-дикари»? Представляют ли коллективные представления о душе в низших обществах своего рода учение, родившееся из потребности разрешать биологические проблемы? Нет ничего сомнительнее, нет ничего менее правдоподобного, если считать установленным, что мышление этих обществ ориентировано иначе, чем наше, что их коллективные представления имеют, прежде всего, мистический характер, что первобытные люди вообще обнаруживают гораздо больше интереса к мистическим свойствам существ, чем к логической стройности их собственного мышления. Поэтому, чем более рациональной и последовательной оказывается первобытная «философия» души, тем больше у нас оснований бояться того, что, несмотря на все количество собранных фактов и талант тех, которые ее излагают, она оказывается очень далекой от тех явлений, которые она берется объяснять.

И действительно, почти везде, где наблюдение было достаточно длительным и тщательным, приходится отказываться от счастливой простоты «одной и той же души, одновременно проявляющейся в качестве жизненного начала, с одной стороны, и призрака, с другой». Коллективные представления рисуют нам нечто гораздо более сложное и, по крайней мере, менее легко «объяснимое». <...>

Мы не находим у первобытных людей ничего, что точно соответствовало бы представлению о единой душе, которая, согласно Тайлору, представляется в двойном облике, в облике призрака и жизненного начала. Несомненно, первобытные люди повсюду верят в объективную реальность того, что они видят во сне, несомненно, они убеждены, что духи покойников возвращаются, по крайней мере в течение некоторого времени, в те места, где когда-то жили эти покойники. Однако все то, что мы видели, ясно свидетельствует о том, что коллективные представления на этот счет обязаны своим происхождением не потребности объяснить себе эти появления покойников во сне при помощи однообразного понятия о «душе». Я скажу, напротив, что первоначально (в той мере, в какой позволительно применение этого выражения) идея души отсутствует у первобытных людей. Ее заменяет представление, в общем весьма эмоциональное, об одной или нескольких «партиципациях», которые сосуществуют и перекрещиваются, не сливаясь еще в ясное сознание подлинно единой индивидуальности. Член племени, тотема, клана чувствует свое мистическое единство со своей социальной группой, свое мистическое единство с животным или растительным видом, который является его тотемом, свое мистическое единство с душой сна, свое мистическое единство с лесной душой и т.д.

Эти ощущения «сопричастности» и единства, которые обновляются и усиливаются в определенные моменты (во время священных церемоний, обрядов

посвящения и т.д.) нисколько не парализуют друг друга. Они не нуждаются в выражении при помощи определенных понятий для того, чтобы быть предметом глубокого переживания у всех членов группы. Впоследствии, когда эти церемонии и обряды мало-помалу перестанут быть понятными, а потом и перестанут соблюдаться, эти «партиципации», сохраненные в обычаях и мифах, выкристаллизуются, так сказать, в виде «множественных душ», как это произошло у негров Калабара, столь хорошо изученных мисс Кингсли. И, наконец, еще позже, совсем уже близко к нам, как это показывает пример греков, эти множественные души, в свою очередь, выкристаллизуются в единую душу, причем останется еще заметным различие между жизненным началом и духовным гостем тела. Одним словом, «душа» в собственном смысле слова, служащая отправным пунктом для теории Тайлора и являющаяся, согласно ему, объектом первобытного учения дикаря, на мой взгляд, появляется только в обществах сравнительно уже высокого типа. Если Тайлор относил представление о душе в столь далекое прошлое, то это произошло не потому, что он не знал фактов (Тайлор сам приводит известное число фактов, где множественность «душ» показана ясно). Дело, однако, в том, что его интерпретация этих фактов была ему, так сказать, навязана его постулатом, согласно которому мышление в низших обществах повинуетея тем же логическим законам, что и наше. Отбросим этот постулат, и тотчас же пред нами выявится мистический и пралогический характер первобытного мышления, а с ним и «закон партиципации», который управляет коллективными представлениями. Но в таком случае понятие души может рассматриваться только как продукт уже довольно развитого мышления, как нечто еще неизвестное первобытным обществам. <...>

Ориентированное по-иному, чем наше, озабоченное прежде всего мистическими отношениями и свойствами, имеющее в качестве основного закона закон сопричастности, мышление первобытных людей неизбежно истолковывает совершенно иначе, чем мы, то, что мы называем природой и опытом. Оно всюду видит самые разнообразные формы передачи свойств путем переноса, соприкосновения, передачи на расстояние путем заражения, осквернения, овладения, словом, при помощи множества действий, которые приобщают мгновенно или по истечении более или менее долгого времени какой-нибудь предмет или какое-нибудь существо к данному свойству; действий, которые, например, сакрализуют (делают его священным) или десакрализуют его (лишают его этого качества) в начале и в конце какой-нибудь церемонии⁶. Дальше я рассмотрю лишь с формальной точки зрения известное количество магических и религиозных обрядов в целях показать в них игру механизма пралогического мышления; эти обряды вытекают из указанных представлений: они окажутся вдохновляемыми верой в наличие сопричастия и опирающимися на нее. Тако-

⁶ См.: *Hubert H., Mauss M. Melanges d'histoire des religions. Paris, 1909; Butterworth G. Review letter ... // Wesleyan Missionary Notices. 1851. Vol. 9; Gason S. The manners, and customs of the Dieyerie tribe of Australian aborigines // The Native Tribes of South Australia / Wood (Ed.). Adelaida, 1879. P. 253—307.*

вы, например, верования, относящиеся к разным видам *табу*⁷. Когда австралиец или новозеландец, уstraшенный мыслью о том, что он, не ведая того, поел запретной пищи, умирает от нарушения табу, то это происходит потому, что он чувствует в себе неизлечимое смертельное влияние, проникшее в него вместе с пищей. Самим влиянием этим пища также обязана «сопричастию», будь то, например, остатки трапезы вождя, которые по неосторожности доел обыкновенный человек.

Такие же представления лежат в основе общераспространенного верования, согласно которому известные люди превращаются в животных каждый раз, когда они надевают шкуру этих животных (например, тигра, волка, медведя и т.д.). В этом представлении для первобытных людей все является мистическим. Их не занимает вопрос, перестает ли человек быть человеком, превращаясь в тигра, или тигром, делаясь снова человеком. Их интересует, прежде всего и главным образом, мистическая способность, которая делает этих лиц при известных условиях «сопричастными», по выражению философа Мальбранша⁸, одновременно и тигру, и человеку, а следовательно и более страшными, чем люди, которые только люди, или чем тигры, которые только тигры.

«Как же это так, — спрашивал добрый Добрицгоффер у абипонов, — вы всегда без всякого страха убиваете тигров на равнине; откуда же у вас этот трусливый страх пред мнимым тигром внутри селения?» На это абипоны отвечали, улыбаясь: «Вы, отцы, ничего не смыслите в этом. Мы не боимся тигров на равнине, мы их убиваем, потому что мы их можем видеть, но вот искусственных тигров мы боимся, да, мы боимся их потому, что мы их не можем ни видеть, ни убить»⁹. Точно так же гуичол, который надевает на голову перья орла, имеет целью не только украсить себя и не это главным образом. Он помышляет о том, чтобы при помощи этих перьев приобщиться к зоркости, прозорливости, силе и мудрости птицы. Сопричастие, лежащее в основе коллективного представления, вот что заставляет его действовать таким образом.

Вообще приемы, которыми пользуются первобытные люди, чтобы добиться желаемых результатов, проливают свет на то представление, которое существует у них относительно естественных сил, возникновения существ и явлений вокруг них: с равным правом можно сказать, что они воспроизводят этот процесс происхождения в том виде, в каком они его представляют, или что они представляют себе его в таком виде, в каком они его воспроизводят в своих обрядах. Эти приемы, однако, как мы увидим во всех подробностях, являются мистическими по своей сущности и почти всегда подразумевают отношения сопричастности. Их представление о силах окружающей природы носит, таким

---

⁷ *Табу* — религиозный запрет, налагаемый на какой-либо предмет, действие, слово и т.д., нарушение которого карается сверхъестественными силами. — *Ред.-сост.*

⁸ Мальбранш (*Malebranche*) Никола (1638—1715) — французский религиозный философ. — *Ред.-сост.*

⁹ *Dobrizhofer M. An Account of the Abipones. L., 1822. Vol. 2. P. 77.*

образом, тот же характер. Это дает новое основание для отказа от правдоподобной и заманчивой, но совершенно неточной теории, согласно которой первобытные люди, в силу произвольного и неизбежного применения антропоморфической аналогии (т.е. сходства с природой человека), усматривали всюду в природе воли, души и духов, которые подобны их собственной воле и душе. Факты не только не позволяют нам приписывать первобытным людям предварительное самоуглубление в свою собственную деятельность и обобщение, основанное на результатах этого самосознания, факты эти запрещают нам приписывать первобытному человеку ту совершенно логичную и последовательную (по крайней мере первоначально) «философию» природы, какой должен был быть анимизм.

Несомненно, следует считаться с огромной массой фактов, собранных и классифицированных Тайлором, Фрэзером¹⁰ и их учениками и сотрудниками, следует согласиться с тем, что, согласно этим фактам, ничто в коллективных представлениях первобытных людей не дано как нечто мертвое, инертное, безжизненное. С достаточной убедительностью доказано, что все существа и все предметы, даже неодушевленные, даже неорганические, даже изготовленные рукой человека, мыслятся первобытным человеком как способные совершить самые разнообразные действия и подвергаться им. Малайский рудокоп верит, что оловянная руда в земле может быть открыта некоторыми определенными лицами, и что она никогда не покажет себя определенным другим лицам¹¹. Мы видели также, какое значение для зуньи, согласно Кэшингу, имеют мельчайшие детали формы привычных предметов. Отсюда, однако, вовсе не следует, что оловянная руда или домашняя утварь имеют душу, представляемую по аналогии с человеческой душой. Мы вправе только заключить, что представления о существах, предметах и их взаимоотношениях, свойственные первобытному мышлению, мистичны, что они управляются законом сопричастия. Возможно, что на известной стадии развития этого мышления индивиды данной социальной группы обнаруживают одновременную тенденцию к более отчетливому осознанию своей собственной личности и к предложению о наличии вне их самих, в животных, деревьях, скалах и т.д. или у богов, духов личностей, сходных с собой. Однако ни это представление, ни эта обобщенная аналогия не являются первоначальным естественным продуктом первобытного мышления. <...>

В обществах, принадлежащих к типу, наиболее удаленному от нашего, коллективные представления, в которых находит свое выражение мышление группы, не всегда являются, строго говоря, представлениями. Представление в том смысле, какой мы привыкли придавать этому слову, представление даже интуитивное, предполагает двойственность в единстве. Объект дан субъекту,

¹⁰ Фрэзер (*Frazer*) Джеймс Джордж (1854—1941) — английский этнограф, фольклорист, филолог-классик, историк религии; см. его текст на с. 132—146 наст. изд. — *Ред.-сост.*

¹¹ См.: *Skeat W.W. Malay Magic*. L., 1900. P. 259.

значит, он в известном смысле отличен от него: исключением являются такие состояния, как экстаз¹², т.е. те крайние состояния, при которых, в силу полного слияния между субъектом и объектом, представление в собственном смысле слова исчезает. Но ведь мы видели из анализа наиболее характерных институтов (тотемистического родства, церемоний интихиума, посвящения и т.д.), что мышление первобытных людей характеризуется чем-то большим, чем представление об объекте: оно владеет им и оно им одержимо. Оно сопричастно ему не только в репрезентативном, но одновременно и в физическом и мистическом смысле слова. Оно не только мыслит его, оно его переживает. Церемонии и обряды имеют своей целью и своим следствием в огромном числе случаев осуществление настоящего симбиоза¹³, например, между тотемистической группой и ее тотемом. Следовательно, в отношении этой стадии следовало бы говорить не столько о коллективных представлениях, сколько о коллективных психических состояниях, отличающихся крайней эмоциональной интенсивностью, в которых представление еще не дифференцировано от движений и действий, осуществляющих для группы ту сопричастность, к которой она стремится. Сопричастность столь реально переживается, что она еще не мыслится в собственном смысле слова. <...>

Черты, свойственные логическому мышлению, столь резко различны от свойств пралогического мышления, что прогресс одного как будто тем самым предполагает регресс другого. У нас появляется искушение заключить, что на грани этого развития, т.е. когда логическое мышление навязет свой закон всем операциям сознания, пралогическое мышление должно будет совершенно исчезнуть. Такое заключение является поспешным и незаконным. Несомненно, чем более привычной и сильной становится логическая дисциплина, тем меньше она терпит противоречия и нелепости, вскрываемые опытом, способные быть доказанными. В этом смысле будет правильно сказать, что, чем больше прогрессирует логическая мысль, тем более грозной становится она для представлений, которые, будучи образованы по закону сопричастности, содержат в себе противоречия или выражают предассоциации, несовместимые с опытом. Раньше или позже эти представления должны погибнуть, т.е. распасться. Такая нетерпимость, однако, не является взаимной. Если логическое мышление не терпит противоречия, борется за его уничтожение, едва оно только его заметило, то пралогическое и мистическое мышление, напротив, безразлично к логической дисциплине. Оно не разыскивает противоречия, оно и не избегает его. Самое соседство системы понятий, строго упорядоченной по логическим зако-

---

¹² *Экстаз* — состояние аффекта, проявляющееся в сильном нервном возбуждении, утрате контроля над своими действиями, стирании грани между реальным и вымышленным, зрительных и слуховых галлюцинациях; в этом состоянии может нарушаться чувство времени, ориентировка в пространстве, а также болевая чувствительность. — *Ред.-сост.*

¹³ *Симбиоз* — биологический термин, означающий длительное сожительство организмов разных видов, обычно приносящее им взаимную пользу; здесь используется в переносном смысле. — *Ред.-сост.*

нам, не оказывает на него никакого действия или действует на него лишь очень мало. Следовательно, логическое мышление никогда не смогло бы сделаться универсальным наследником пралогического мышления. Всегда будут сохраняться коллективные представления, которые выражают интенсивно переживаемую и ощущаемую сопричастность, в которых нельзя будет вскрыть ни логическую противоречивость, ни физическую невозможность. Больше того, в большом числе случаев они будут сохраняться, и иногда очень долго, *вопреки* этому обнаружению. Живого внутреннего чувства сопричастности может быть достаточно и даже больше для уравнивания силы логической дисциплины. Таковы суть во всех известных обществах коллективные представления, на которых покоится множество институтов, в особенности многие из этих представлений, которые включают в себя наши моральные и религиозные обряды и обычаи, наши верования.

Устойчивость этих коллективных представлений и мышления, выражением которого они как бы являются, в обществах, где логическое мышление ушло вперед наиболее далеко, позволяет понять, почему удовлетворение, которое дается мышлению самым законченным знанием, за исключением того знания, которое является чисто отвлеченным, остается всегда неполным. По сравнению с невежеством, по крайней мере с невежеством сознательным, знание является, несомненно, обладанием объекта. Однако, будучи сравнено с сопричастностью, которая реализуется пралогическим мышлением, это обладание всегда является несовершенным, неудовлетворительным и как бы внешним. Знать — это вообще объективировать; объективировать — это проецировать вне себя, как нечто чужое, то, что подлежит познанию. А между тем, какую интимную сопричастность, какую тесную общность обеспечивают коллективные представления пралогического мышления между существами, сопричастными друг другу! Сущность сопричастности заключается как раз в том, что всякая двойственность в ней стирается, сглаживается, что, вопреки принципу противоречия, субъект является одновременно самим собой и существом, которому он сопричастен. Для того, чтобы уловить, до какой степени это интимное обладание отличается от объективирующего восприятия, в котором заключается познание в собственном смысле слова, нет даже нужды сравнивать коллективные представления низших обществ с содержанием наших положительных наук. Достаточно рассмотреть один объект, Бога, например, как его рассматривает и исследует логическое мышление и как он дан в коллективных представлениях иного строя. Рациональная попытка познать Бога одновременно как будто и соединяет мыслящего субъекта с Богом и отдаляет от него. Необходимость подчиняться логической дисциплине противопоставляет себя партиципациям между человеком и Богом, не могущим быть представленными без противоречия. Таким образом, познание Бога приводит к нулю. А между тем, какая нужда в этом рациональном познании у верующего, чувствующего себя соединенным со своим Богом? Разве сознание сопричастности своего существа с божественной сущностью не дает ему такой уверенности, по

сравнению с которой логическая достоверность остается всегда чем-то бледным, холодным и почти безразличным?

Этот опыт полного внутреннего обладания объектом, обладания более глубокого, чем может дать интеллектуальная деятельность, образует несомненно главный источник доктрин, учений, называемых антиинтеллектуалистическими. Эти учения периодически возрождаются, и при каждом возрождении, при каждом новом появлении они встречают некоторый успех: они ведь обещают то, на достижение чего не могут претендовать ни чистая положительная наука, ни другие философские учения, они обещают внутреннее и непосредственное общение с существом через интуицию, через взаимопроникновение, через взаимоприобщенность субъекта и объекта, через полную сопричастность, одним словом, через то, что Плотин¹⁴ описал под названием экстаза. Они показывают, что познание, подчиненное логическим формам, бессильно преодолеть двойственность, что оно не является настоящим обладанием, что оно не идет дальше внешней поверхности вещей. Но ведь потребность в сопричастности остается несомненно даже в наших обществах более властной и интенсивной, чем потребность в познании или в сообразовании с требованиями логической дисциплины. Потребность в сопричастности более глубока, она идет из более далеких глубин. Она была несомненно всемогущей в человеческих обществах в течение долгих веков праистории, когда логическая дисциплина едва давала себя чувствовать. И ныне еще умственная деятельность, которая считает себя обладающей, в силу внутренней сопричастности, своим объектом, живет этим объектом и оживляет его собой, не стремится больше ни к чему и находит в этом обладании полное удовлетворение. А между тем, простое знание, сообразное с логическими требованиями, является всегда незаконченным. Оно всегда вызывает новый процесс познания, который продолжает первый, и получается впечатление, что душа стремится к чему-то более глубокому, чем знание, к чему-то такому, что округлило и завершило бы его. <...>

<...> Сравнительное исследование освещает нам также и нашу собственную умственную деятельность. Оно приводит нас к познанию того, что логическое единство мыслящего субъекта, которое признается, как данное, большинством философов, является лишь *desideratum* (чем-то желаемым), но не фактом. Даже в нашем обществе далеко не исчезли еще представления и ассоциации представлений, подчиненные закону сопричастности. Они сохраняются, более или менее независимые, более или менее ущербные, но неискоренимые, бок о бок с теми представлениями, которые подчиняются логическим законам. Разумение в собственном смысле стремится к логическому единству, оно провозглашает необходимость такого единства. В действительности, однако, наша умственная деятельность является одновременно рациональной и иррациональной. Пралогический и мистический элементы сосуществуют в нем с логическим.

¹⁴ Плотин (205—270) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

С одной стороны, логическая дисциплина стремится навязать себя всему, что представляется и мыслится. С другой стороны, коллективные представления социальной группы, даже когда они носят чисто пралогический и мистический характер, стремятся сохраниться возможно дольше, подобно религиозным, политическим и т.д. институтам, выражением которых, а в другом смысле, и основанием которых они являются. Отсюда и проистекают конфликты мышления, столь же трагические, как и конфликты совести. Источником этих конфликтов является борьба между коллективными привычками, более древними и более новыми, различно направленными, которые так же оспаривают друг у друга руководство сознанием, как различные по своему происхождению требования морали раздирают совесть. Именно этим, несомненно, и следовало бы объяснить мнимые битвы разума с самим собой, а также то, что есть реального в антиномиях¹⁵ разума. И если только верно, что наша умственная деятельность является одновременно логической и пралогической, то история религиозных догматов и философских систем может впредь оказаться озаренной новым светом.

---

¹⁵ *Антиномия* — противоречие между положениями, каждое из которых признается логически доказуемым. — *Ред.-сост.*

Г. Уэллман

[Начальное осознание мира психики]*

Представьте себе гипотетическое живое существо, которое ничего не знает о внутренних психических состояниях и процессах; существо, не обладающее никакими представлениями, например, о памяти, научении или внимании, помогающими ему в понимании поведения других людей. Это существо могло бы запоминать, познавать и чему-то учиться, но не имело бы никакого представления об этих видах деятельности. Для такого существа социальный мир, собственный мир и миры других людей лишились бы своих важнейших качеств. С его точки зрения у поведения отсутствовали бы все те аспекты, которые мы приписываем психике. Такие особи могли бы видеть и слышать, но не имели бы никакого понятия о том запасе идей и мнений, который организует их действия и личности. В самом деле, относительно такого существа никто бы и не смог составить представление, как о имеющем свою личность, а его публично демонстрируемое поведение не имело бы глубокого смысла. Понятие лжи стало бы непостижимым, как и любые другие понятия, которые возникают благодаря осознанию независимого или как бы детерминированного (*quasi-determinate*) отношения между внутренними состояниями и внешними событиями (например, понятия иллюзии, мнения, подозрения, ошибки, догадки и обмана). Вообразить себе нечто, подобное такой точке зрения, и то, как для этого существа выглядел бы внешний мир, практически невозможно. Однако именно эти представления должны отсутствовать у младенца или маленького ребенка вплоть до какого-то пункта его развития: понимание человеческого познания должно приобретаться и возвращаться. Итак, как

---

* Wellman H.M. The child's theory of mind: the development of conceptions of cognition // The Growth of Reflection in Children / S.R. Yussen (Ed.). Orlando etc.: Academic Press, 1985. P. 169—170, 172—176. (Перевод Ю.Б. Дормашева.)

происходит развитие детских представлений о человеческом познании? Как развивается детская теория психики (*the child's theory of mind*)?

Попытки понимания этого развития в возрастной психологии опираются на классическую традицию. Пиаже¹ в одной из своих ранних работ исследовал детские представления о мыслях и грезах². Однако вплоть до недавнего времени исследования в этой области проводились нерегулярно и без особого воодушевления. Надежное описание развития представлений о познании все еще остается делом будущего, но благодаря современным исследованиям метапознания, т.е. познания о познании, в настоящее время открывается возможность осветить эту старую тему по-новому и более информативно. <...>

Сначала и прежде всего дети должны узнать о существовании психических процессов — т.е. то, что они сами и другие люди обладают только им принадлежащими внутренними мирами и состояниями, которые не зависят от внешних событий или воздействий. Дети должны понять, что люди имеют психику. <...>

Существование психики: начальное осознание мира психики

Любая теория психики должна, в первую очередь, опираться на различие между психическими и непсихическими процессами, состояниями и деятельностями. Человек должен уловить какую-то разницу между внутренними, психическими, символическими актами и внешним, физическим, материальным поведением. Традиционно считается, что именно это различие дети-дошкольники игнорируют. Для описания этого начального разграничения субъективного и объективного миров Пиаже провел исследование детских представлений о мыслях и грезах³. Согласно этому исследованию, дети 5—6 лет отождествляют мысли с доступными наблюдению действиями (в частности с говорением), а грезы — с реальными событиями, происходящими в помещении. Только в 9—10 лет грезы рассматриваются ими как субъективные психические процессы, а мысли как абстрактные. Короче говоря, в этом исследовании Пиаже характеризует маленьких детей как выносящих вон мир психики, как существ, неспособных отличить собственно психические свойства познания от доступных наблюдению свойств внешнего поведения.

Сходную картину дают традиционные исследования понимания детьми других людей. Утверждается, что дети-дошкольники обращают внимание на

---

¹ Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ; см. его текст на с. 560—562 наст. изд. — *Ред.-сост.*

² См.: *Piaget J. The Child's Conception of the World*. N.Y.: Harcourt, 1929.

³ См.: Там же.

внешние характеристики человека и игнорируют или не могут определить его намерения и мотивы⁴, чувства⁵, психологические состояния и мысли⁶, которые опосредствуют внешнее поведение.

Это описание дополняют результаты исследования, проведенного сравнительно недавно Гордоном и Флейвеллом⁷. Авторы изучали знание детьми познавательного наведения (*cognitive cueing*), а именно того факта, что какой-то один элемент зачастую может вызвать в психике человека другие, связанные с ним элементы. Когда ребенок узнает, что какое-то событие (идея, слово, предъявление и т.д.) может послужить в качестве психической связи, или наводки, для другого события? Гордон и Флейвелл описывают три гипотетических уровня понимания познавательного наведения и предполагают, что дошкольники используют два первых уровня. Оба начальных уровня отражают то, что они называют пониманием поведенческого, а не познавательного наведения.

Ясно, что дети на этом <...> уровне что-то знают о *поведенческом* наведении, но не совсем ясно, что они знают, если вообще знают, о *познавательном* наведении. Они действуют так, как будто осознают, что вид чего-то связанного с вещью, которую человек ищет, является причиной того, что он будет *искать* эту вещь в том же месте, но осознают ли они также и то, что этот вид будет причиной того, что человек *подумает* о том, что он ищет? Приписывать им эту последнюю осведомленность кажется излишним⁸.

Конечно, о как бы психических переживаниях дети начинают говорить значительно раньше, чем в пять или шесть лет. *Думать* и *припоминать* — это два слова, которые дети начинают использовать уже в возрасте двух с половиной лет и раньше других глаголов, обозначающих умственные действия⁹. Объяснение этих достижений, которое согласуется с приведенными выше, состоит в том, что дети первоначально понимают значения психических терминов чисто поведенчески. И действительно, в двух недавних исследованиях развития детского понимания глаголов, обозначающих умственные действия, получены данные, говорящие о том, что на самом деле дошкольники

---

⁴ См.: Piaget J. The Moral Judgement of the Child. N.Y.: Harcourt, 1932.

⁵ См.: Flapan D. Children's Understanding of Social Interactions. N.Y.: Teachers College Press, 1968.

⁶ См.: Livesly W.J., Bromley D.B. Person Perception in Childhood and Adolescence. L.: Wiley, 1973; Whiteman M. Children's conception of psychological causality // Child Development. 1967. Vol. 38. P. 143—155.

⁷ См.: Gordon F.R., Flavell J.H. The development of intuitions about cognitive cueing // Child Development. 1977. Vol. 48. P. 1027—1033.

⁸ Там же

⁹ См.: Limber J. The genesis of complex sentences // Cognitive Development and the Acquisition of Language / T.E. Moore (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1973. P. 169—186.

нередко подразумевают под ними определенные особенности поведения, доступные наблюдению. В этих исследованиях детей просили высказать свое мнение о психических состояниях актеров. При этом в одном случае изучали понимание слов *знать* и *угадывать*¹⁰, а в другом — *припоминать* и *забывать*¹¹. Например, экспериментатор прятал какой-то предмет. Актер либо это видел, либо нет. Затем актер указывал на одно из мест, где, по его мнению, спрятан этот предмет, а ребенка спрашивали о психологическом состоянии актера, предшествующем его указанию (помнил ли он, куда спрятали вещь, или забыл, знал точно или угадывал?). Условия предъявления предмета варьировались так, что иногда актер не знал, куда спрятана вещь, а иногда знал (он видел, как ее прятали). Кроме того, иногда его выбор был правильным (он указывал то место, куда действительно прятали объект), а иногда — ошибочным. Понимание глаголов, обозначающих эти умственные действия, можно определить в терминах этих переменных. *Припоминание* означает обладание предварительным знанием и правильное восстановление этого знания в настоящем (правильный выбор); *забывание* означает наличие предварительного знания, но ошибочный выбор; *угадывание* означает отсутствие предварительного знания независимо от выбора (в этом случае правильный выбор подтверждает догадку, а ошибочный — ее опровергает). В обоих исследованиях, хотя они проводились независимо, было показано, что дети-дошкольники интерпретируют состояния психики на основании особенностей поведения, доступных наблюдению. В одном исследовании было обнаружено, что независимо от наличия или отсутствия предварительного знания [т.е. от того, видел или не видел актер, куда спрятан предмет. — *Ред.-сост.*], при любом правильном выборе дети говорили, что актер знал, где спрятан предмет, а при любом ошибочном — что он угадывал¹². Следовательно, дети считали *знанием* как правильное угадывание, так и действительное знание; *знание* обозначало поведение правильного выбора, а не лежащее в его основе знание как таковое.

В другом исследовании было обнаружено, что независимо от предварительного знания при любом правильном выборе дети говорят о припоминании, а при любом ошибочном выборе — о забывании¹³. Следовательно, правильное

---

¹⁰ См.: *Misciones J.L., Marwin R.S., O'Brien R.G., Greenburg M.T.* A developmental study of preschool children's understanding of words «know» and «guess» // *Child Development*. 1978. Vol. 49. P. 1107—1113.

¹¹ См.: *Wellman H.M., Johnson C.N.* Understanding of mental processes: A developmental study of *remember* and *forget* // *Child Development*. 1979. Vol. 50. P. 780—787.

¹² См.: *Misciones J.L., Marwin R.S., O'Brien R.G., Greenburg M.T.* A developmental study of preschool children's understanding of words «know» and «guess» // *Child Development*. 1978. Vol. 49. P. 1107—1113.

¹³ См.: *Wellman H.M., Johnson C.N.* Understanding of mental processes: A developmental study of *remember* and *forget* // *Child Development*. 1979. Vol. 50. P. 780—787.

угадывание и верное припоминание одинаково назывались *припоминанием*, а ошибочное угадывание и действительное забывание одинаково назывались *забыванием*.

В обоих исследованиях эта тенденция привязки умственных терминов исключительно к актуальному поведению была особенно выражена у детей четырехлетнего возраста.

Замыкая круг этих исследований, отметим, что их результаты напоминают ранние находки Пиаже в области представлений детей о лжи¹⁴. Для детей дошкольного возраста в качестве лживых выступали как ошибочные, так и действительно лживые утверждения. При этом для детей имело значение актуальное состояние другого человека, доступное их наблюдению <...>.

На основании фактов, приведенных выше, можно сделать вывод — дошкольники не отграничивают независимый, внутренний мир психики [от внешнего. — *Ред.-сост.*]. Поэтому они интерпретируют слова, обозначающие умственные действия и психические состояния, в терминах актуальных, доступных наблюдению аспектов поведения. Однако в такой формулировке этот вывод может оказаться ошибочным. Ключевая проблема заключается здесь в том, чтобы не смешивать концептуальное разграничение с явно наблюдаемым и последовательным выражением этого разграничения. По-видимому, у дошкольников есть понимание независимости внутреннего мира психики, но это понимание время от времени уходит в тень. Это происходит потому, что личные, внутренние, не доступные наблюдению состояния нередко в силу необходимости оказываются для них менее заметными, чем внешние события, доступные наблюдению. Способность детей отграничивать внутренний мир от внешнего была показана в исследовании, проведенном Джонсоном и Уэллманом¹⁵. Авторы предположили, что непосредственно переживаемый контраст между внутренними и внешними состояниями должен максимально подчеркивать разницу между внутренним состоянием и внешним актом. Для того, чтобы для маленьких детей эта разница стала очевидной, с ними проводили эксперимент, важным условием которого был обман. Ребенку показывали предмет, затем прятали его у него на глазах в один из двух ящиков и спрашивали, где лежит спрятанный предмет. Ребенок, разумеется, выдвигал именно тот ящик, в который, как он и видел, положили этот предмет. Однако ящики были устроены так, что предмет, спрятанный в одном ящике, незаметно перекладывался в другой. Подчеркнем, что в этой ситуации ребенок видел, куда положили вещь, но факт его поведения свидетельствовал о том, что он ошибается. Однако в этой ситуации, несмотря на очевидную ошибку в определении местонахождения предмета, дети утверждали, что они *знают и помнят*, куда он был спрятан. Короче говоря, они не смешива-

¹⁴ См.: *Piaget J. The Moral Judgement of the Child. N.Y.: Harcourt, 1932.*

¹⁵ См.: *Johnson C.N., Wellman H.M. Children's developing understanding of mental verbs: Remember, know, and guess // Child Development. 1980. Vol. 51. P. 1095—1102.*

ли ошибочное действие ни с знанием, ни с забыванием, как это можно было бы ожидать, если бы они соотносили термины умственных действий и состояний с внешней деятельностью. На самом деле в этом исследовании было восемь условий с различными сочетаниями предварительного знания и наблюдаемых фактов поведения. В большинстве случаев в этих условиях были получены данные, согласующиеся с выводами исследований, о которых говорилось выше¹⁶. Однако в условиях обмана дети в возрасте от четырех до девяти лет независимо от результатов своего поведения настойчиво утверждали, что *знают и помнят*, где спрятан предмет. Для обозначения состояния своей психики в условиях обмана эти термины использовали даже четырехлетние дети.

Результаты исследования, проведенного Джонсоном и Уэллманом, говорят о том, что дети четырех и более лет понимают, что происходящее в их психике может не зависеть от внешних событий¹⁷. Отметим, что данный результат оказался возможным только благодаря раннему и, тем не менее, правильному пониманию детьми некоторых терминов, обозначающих умственные действия и психические состояния. В свете этого эксперимента другие исследования, специально не направленные на изучение понимания детьми глаголов, обозначающих умственные действия, и существования у них мира психики, также можно рассматривать как подтверждающие этот более оптимистичный взгляд на маленького ребенка. В одном из таких исследований уже четырехлетние дети, по-видимому, имели какое-то представление о существовании мира психики, так как понимали разницу между способностью что-то сделать и действительной деятельностью, которая требует усилия¹⁸, а также между преднамеренным и непреднамеренным поведением¹⁹.

Можем ли мы еще что-то добавить к тому, что уже сказали о маленьких детях? Несмотря на недостаток экспериментальных данных в этой области, весьма вероятно предположить, что какое-то представление об отдельном [от внешнего мира. — *Ред.-сост.*] существовании событий в психике есть уже у трехлетних детей. Например, они гораздо чаще связывают умственный акт припоминания с фантазированием (*dreaming*) и забыванием, чем с каким-то видом действий²⁰. Кроме того дошкольники, иногда без всякой подсказки со сторо-

---

¹⁶ См.: *Misciones J.L., Marwin R.S., O'Brien R.G., Greenburg M.T.* A developmental study of preschool children's understanding of words «know» and «guess» // *Child Development*. 1978. Vol. 49. P. 1107—1113; *Wellman H.M., Johnson C.N.* Understanding of mental processes: A developmental study of *remember* and *forget* // *Child Development*. 1979. Vol. 50. P. 780—787.

¹⁷ См.: *Johnson C.N., Wellman H.M.* Children's developing understanding of mental verbs: *Remember, know, and guess* // *Child Development*. 1980. Vol. 51. P. 1095—1102.

¹⁸ См., напр.: *Kun A., Parsons J.E., Ruble D.N.* Development of integration processes using ability and effort information to predict outcome // *Developmental Psychology*. 1974. Vol. 10. P. 721—732.

¹⁹ См.: *Berndt T., Berndt E.* Children's use of motives and intentionality in person perception and moral judgment // *Child Development*. 1975. Vol. 46. P. 904—912.

²⁰ См.: *Johnson C.N., Wellman H.M.* Children's developing conceptions of the mind and brain // *Child Development*. 1982. Vol. 53. P. 222—234.

ны, приводят довольно убедительные объяснения умственных явлений. Так, один ребенок описал забывание как фокус (который с ним проделала его психика)²¹. В работе Уэллмана, Риттер и Флейвелла представлены доказательства того, что трехлетние дети не смешивают припоминание с определенными, явно наблюдаемыми и возможными, хотя и ошибочными, результатами поведения²². Наконец, обычное наблюдение говорит о том, что совсем маленькие дети что-то знают о возможной независимости друг от друга мотива и действия («Я не хотел этого делать»), а также знания и действия («Я позабыл»). В действительности, хотя обычно это не замечают, Пиаже приводит доказательство (основанное на исследовании использования детьми языка) того, что осознание различия между воображаемыми и реальными событиями появляется уже в трехлетнем возрасте²³. Согласно Пиаже, вовсе не случайно, что в речи ребенка этого возраста можно впервые услышать такие слова как *возможно*, *думать* и *верить*, и что в это время ребенок начинает обманывать²⁴. К сожалению, это исследование Пиаже не исключает возможность другой интерпретации, согласно которой раннее использование маленькими детьми этих терминов опирается на поведение, а не на события в психике.

Шатц, Уэллман и Силбер в недавно проведенном цикле исследований изучали использование слов, обозначающих умственные действия, детьми двух и трех лет. А именно, они записывали и анализировали естественное использование этими детьми глаголов *думать*, *грезить*, *припоминать* и *притворяться*. Впервые дети начинают использовать эти слова уже в начале третьего года жизни. Однако для обозначения именно умственных состояний и действий они используют эти глаголы позднее, начиная только с двух с половиной лет. Наиболее сильное доказательство того, что столь маленькие дети отличают внутренние умственные состояния от внешних физических событий и актов поведения, дает анализ их противопоставительных (*contrastive*) высказываний. В этих высказываниях они отчетливо разводят миры психики и внешней реальности. Например, они говорят: «Это понарошку, я просто притворялся» или «Я думаю, что носки в комод, больше им негде быть». Подобные высказывания появляются в речи детей приблизительно в два года и восемь месяцев. Этот анализ противопоставительных высказываний показал, что у детей от двух с половиной до трех лет есть какое-то понимание психического, поскольку они иногда проводят точное различие того, что обозначается намеренно в умственном плане, от того, что

---

²¹ См.: Wellman H.M., Johnson C.N. Understanding of mental processes: A developmental study of *remember* and *forget* // Child Development. 1979. Vol. 50. P. 780—787.

²² См.: Wellman H.M., Ritter K., Flavell J.H. Deliberate memory behavior in the delayed reactions of very young children // Developmental Psychology. 1975. Vol. 11. P. 780—787.

²³ См.: Piaget J. The Language and Thought of the Child. N.Y.: Harcourt, 1926.

²⁴ См.: Там же. P. 233—235.

наблюдается в поведении. Короче говоря, даже очень маленькие дети не всегда выносят вовне психику и уже осознают существование внутреннего психического мира грез, верований, мыслей и идей.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать два вывода. Первый состоит в том, что самое раннее осознание различия и независимости внутреннего и внешнего мира происходит в возрасте около двух с половиной лет. Второй вывод заключается в том, что, несмотря на наличие у этих детей и дошкольников зачатков осознания мира психики, участие этого осознания в их жизни безусловно незначительно. В большинстве обычных ситуаций разграничение внутреннего и внешнего дети игнорируют. Следовательно, традиционная точка зрения, согласно которой дошкольники нечувствительны к внутренним состояниям, хотя и преувеличена, тем не менее, указывает на существенную особенность сознания маленьких детей в повседневной жизни. Результаты большинства исследований говорят о том, что маленький ребенок, как правило, не готов перешагнуть границы доступных наблюдению событий и явлений поведения и прийти к пониманию внутреннего мира других людей.

Феофан Затворник

[О душе и духе]*

Различие души и духа — самое сильное противоядие Дарвину

Я писал афонцам... Их испугала фраза, что если различать во внутренней жизни нашей дух и душу, то душу надо признать однородною с душою животных, возвышенною, однако ж, под действием духа. Им полез при этом в голову Дарвин с обезьяною. А между тем против Дарвина самое сильное противоядие есть установление различия души и духа. Духу от обезьяны никак нельзя зародиться. Он от Бога и первоначально, и теперь. Душа рождается обычным путем — и дух вдыхается Богом¹.

Происхождение души человека

Очень жалею, что вы смутились, и тем паче, что никакого нет основания к смущению. — Если б я говорил, что у нас внутри душа, да и только, и потом прибавил, что она одинакового происхождения с душою животных, то следовало бы смутиться. А я говорю, что у нас внутри душа составляет низшую сторону тамошней внутренней жизни, а высшую составляет дух, иже от Бога, богоподобная, равноангельская сила, — которая и составляет характеристическую черту человека. Следовательно, тут нечем смущаться, опасаясь низвести человека в ряд животных. Обычно мы говорим: душа-душа. А по существу дела следовало бы говорить: душа-дух или дух-душа. Принимая слово душа — яко *дух-душа*, я никак не скажу, что она одного происхождения с душою животных: ибо дух от Бога, а принимая ее отдельно от духа, говорю так. Когда Бог творил че-

---

* *Святитель Феофан Затворник. Православие и наука: Руководственная книга изречений и поучений / Сост. игумен Феофан (Крюков). М.: Даниловский Благовестник, 2005. С. 331—334, 338, 354—355, 371—387.*

¹ Собрание писем. Из неопубликованного. М., 2001. С. 234—235.

ловека, то образовал прежде тело из персти. Это тело — что было? Глиняная тетерька или живое тело? — Оно было живое тело — было животное в образе человека, с душою животною. Потом Бог вдунул в него дух Свой, — и из животного стал человек — Ангел в образе человека. Как тогда было, так и теперь происходят люди. Души отражаются от родителей, или влагаются путем естественного рождения, а дух вдыхается Богом, Который везде есть. И не понимаю, чем тут смущаться?! Да вы когда говорите, что человек есть животное, мясо ли одно разумеете или всю животную жизнь? — Конечно, всю животную жизнь, и с душою животною... А прибавляя к сему: *разумное*, — что означаете? То, что хотя человек то же с одной стороны, что животное с душою животною; но с другой — он несравненно выше животного, ибо имеет разум — *vous*, — что совершенно соответствует слову — дух. Сказать: животное разумное есть то же, что сказать: животное одуховленное.

Святые отцы различают — дух, душу и тело: Антоний Великий, Исаак Сириан, Ефрем Сириан и другие. Они не говорят, какого свойства суть души наши. Но сопоставляя то, что пишет святой Антоний о родах живых тварей, навожу, что по его разуму душа наша одной природы с душою животных...

Отчего производят человека от животных — обезьяны? — Оттого, что не различают в человеке души от духа. — Замечая, что душа наша схожа с душою животных, они и бредят: «Но — душа одна, стало, и весь человек от них же выродился». А когда мы настоем на различии духа от души и характеристику человека перенесем в дух, тогда вся теория Дарвина — падает сама собою. Ибо в происхождении человека надо объяснить не то одно, как происходит его животная жизнь, — но то паче, как происходит он, яко духовное лицо в животном теле с его животною жизнью и душою². <...>

Тайна Пресвятой Троицы запечатлена в творении

Творение есть дело Бога, в Троице поклоняемого, нераздельное. Сын и Дух Святой не содействователи Отца в творении, а единосущные с Ним нераздельные. Единым актом Отца и Сына и Святого Духа совершилось творение всего. Посему в творении нет следов, которые отражали бы особые действия Ипостасей, но есть резкий след, указывающий на триипостасность. — Это повсюдная, чрез все степени тварей проходящая тройственность. Три мировые силы: свет, теплота, тяжесть; три планетные: электричество, магнетизм, химизм; три стихийные седалища этих сил: воздух, вода, земля, и три отдела тел неорганического царства; три отправления в растениях и три их главные отдела; три отправления в животных организмах, поверх трех растительных; три

² Собрание писем. Вып. I. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. С. 97—100.

части в человеке: дух, душа и тело, и по три отправления в каждой; и об Ангелах ведомо, что у них есть три главные степени, из которых каждая опять делится на три. Эта тройственность не есть ли свидетельство триипостасности Бога Творца?³ <...>

Естество человека — двухсоставно или трехсоставно?

Это предмет спорный, хотя весь только о словах. Тем, кои не хотят различать духа и души, можно предложить, чтоб под словом — *дух* они понимали высшую сторону нашей нетелесной стороны, а словом — *душа* означали низшие ее действия и направления. У Антония Великого (см. Добротолюбия том первый, изречение его 166-е) говорится, что есть существа, одаренные только жизнью (растения), есть другие, одаренные жизнью и душою (животные), и есть еще одаренные жизнью, душою и умом. — Это человек. Что здесь означается словом *ум*, то мы выражаем словом — *дух*. У Исаака Сирианина тоже полагается три части, также и у Ефрема Сирианина, и многие из святых отцов допускали дух, душу и тело... В слове Божиим понимаются три части: *всесовершен ваш дух и душа и тело непорочно в пришествие Господа Иисуса Христа да сохранится* (1 Сол. 5, 23). В другом месте резко различается в нас дух и душа, когда говорится, что слово Божие, живое и действенное, проходит до разделения *души и духа* (см.: Евр. 4, 12)⁴. <...>

Жизнь духовная

Душа вся обращена исключительно на устройство нашего временного быта — земного. И познания ее все строятся только на основании того, что дает опыт, и деятельность ее обращена на удовлетворение потребностей временной жизни, и чувства ее порождаются и держатся только из ее состояний и положений видимых. Что выше сего, то не ее дело. Хоть и бывает в ней нечто выше сказанного, но то гости суть, заходящие к ней из другой высшей области, именно — области духа.

Что же это за *дух*? — *Это та сила, которую вдохнул Бог в лицо человека, завершая сотворение его.* Все роды существ наземных изводила, по повелению Божию, земля (см.: Быт. 1, 11, 24). Из земли изошла и всякая душа живых тварей. Душа человеческая, хотя и сходна с душою животных в низшей своей части, но в высшей она несравненно превосходнее ее. Что она является такою в человеке, это зависит от сочетания ее с духом. Дух, вдохнутый Богом, сочетав-

³ Уроки из деяний и словес Спасителя // Письма о духовной жизни. М., 1996. С. 298—299.

⁴ Начертание христианского нравоучения. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Т. 1, 2. С. 188—189.

шись с нею, столько возвысил ее над всякою нечеловеческою душою. Вот почему внутри себя мы замечаем, кроме того, что видится у животных, — и то, что свойственно душе человека одуховленной, а выше еще — то, что свойственно собственно духу.

Дух, как сила, от Бога исшедшая, ведаёт Бога, ищет Бога и в Нем одном находит покой. Неким духовным сокровенным чутьем удостоверяясь в своем исхождении от Бога, он чувствует свою полную от Него зависимость и сознает себя обязанным всячески угождать Ему и жить только для Него и Им.

Более осязательные проявления сих движений жизни духа суть: 1) *Страх Божий*. Все люди, на каких бы они степенях развития ни стояли, знают, что есть верховное существо, Бог, Который все сотворил, все содержит и всем управляет, что и они во всем от Него зависят, и Ему угождать должны, что Он есть Судия и Мздовоздатель всякому по делам его. Таков естественный символ веры, в духе написанный. Исповедуя его, дух благоговеинствует пред Богом и исполнен страха Божия. 2) *Совесть*. Сознывая себя обязанным угождать Богу, дух не знал бы, как удовлетворить сей обязанности, если бы не руководила его в сем совесть. Сообщив духу частичку своего всеведения в указанном естественном символе веры, Бог начертал в нем и требования Своей святости, правды и благости, поручив ему же самому наблюдать за исполнением их и судить себя в исправности или неисправности. Сия сторона духа и есть совесть, которая указывает, что право и что неправо, что угодно Богу и что не угодно, что должно и что не должно делать, — указав, властно понуждает исполнить то, а потом за исполнение награждает утешением, а за неисполнение наказывает угрызением. Совесть есть законодатель, блюститель закона, судия и воздатель. Она есть — естественные скрижали завета Божия, простирающегося на всех людей. И видим у всех людей вместе со страхом Божиим и действия совести. 3) *Жажда Бога*. Она выражается во всеобщем стремлении ко всесовершенному благу и яснее видна тоже во всеобщем недовольстве ничем тварным. Что означает это недовольство? — То, что ничто тварное удовлетворить духа нашего не может. От Бога исшедши, Бога он ищет, Его вкусить желает и, в живом с Ним пребывая союзе и сочетании, в Нем успокоивается. Когда достигает сего, покоен бывает, а пока не достигнет, покоя иметь не может. Сколько бы ни имел кто тварных вещей и благ, все ему мало. И все, как и вы уже замечали, ищут и ищут. Ищут и находят; но, нашедши, бросают и снова начинают искать, чтоб и то, нашедши, также бросить. Так без конца. Это значит, что не того и не там ищут, что и где искать следует. Не осязательно ли это показывает, что в нас есть сила, от земли и земного влекущая нас горé — к небесному!

Не разъясняю вам подробно всех этих проявлений духа, навожу только мысль вашу на его присутствие в нас и прошу вас побольше подумать об этом и довести себя до полного убеждения, что точно есть в нас дух. Ибо в нем отличительная черта человека. Душа человеческая делает нас малым нечим выше животных, а дух являет нас малым нечим умаленными от Ангелов. Вы, конечно, знаете смысл ходящих у нас фраз — дух писателя, дух народа. Это совокуп-

ность отличительных черт, — действительных, но некоторым образом идеальных, умом познаваемых, неуловимых и неосязаемых. То же самое есть и дух человека; только дух писателя, например, видится идеально, а дух человека присущ в нем как живая сила, живыми и осязаемыми движениями свидетельствующая о своем присутствии.

Из сказанного мне желательно было бы, чтоб вы вывели такое заключение: в ком нет движений и действий духа, тот не стоит в уровне с человеческим достоинством⁵.

Ведая Бога, все и совесть имеют, и чтут Бога, и молятся Ему, и чают будущей жизни, в коей каждому воздано будет по делам его. Сила, содержащая все такие верования и убеждения, есть дух. Положим же мы с вами, что в каждом человеке есть дух — высшая сторона человеческой жизни, сила, влекущая его от видимого к невидимому, от временного к вечному, от твари к Творцу, характеризующая человека и отличающая его от всех других живых тварей наземных. Можно сию силу ослаблять в разных степенях, можно криво истолковывать ее требования, но совсем ее заглушить или истребить нельзя. Она — неотъемлемая принадлежность нашего человеческого естества и у всякого проявляет себя своим образом⁶.

Дух человека падший, или греху работающий, все же есть дух. — Что-то неземное отражает он в себе, хотя определить нельзя, что такое, — как разбитое на мелкие части зеркало отражает что-то, но ничего целого⁷.

Я же, сверх того, держусь той мысли, что тогда как душа расстроивается, по причине расстройства ее органа — тела, — дух остается цел, — и он зреет там — глубже сознания, все более и более, в том направлении, в каком застало его расстройство то⁸.

Три рода потребностей: телесные, душевные и духовные

Человек имеет не тело только, но и душу, и в душе самой, или в своей внутренней жизни, не душу только, но и дух, который несравненно выше души.

Каждая из этих частей существа человеческого: дух, душа и тело — имеет свои потребности. Чувство потребности есть жажда. Стало быть, у нас есть три рода жажданий: жажда телесная — плотская, чувственная, жажда душевная и жажда духовная. Первое, плотское, ищет земных и чувственных удовольствий; второе, душевное, ищет благ житейских, или благ мира; третье, духовное, ищет благ духовных, небесных, или Бога и божественного.

⁵ Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л., 1991. С. 31—34.

⁶ Там же. С. 36.

⁷ Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни. М., 1883. С. 200.

⁸ Собрание писем. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Вып. IV. С. 251.

[Рис. 1.] Трехсоставный образ лица и девятая иерархия сил
по Феофану Затворнику⁹

Лице человека (я) есть единство духа, души и тела...¹⁰ Внутри нас есть три рода действий: *мысли*, представления, соображения; *желания*, склонности, предприятия, и *чувства* всякого рода. Но как в составе существа нашего нельзя не различать трех частей: тела, души и духа, то и те три рода действий являются в нас на трех степенях, или в трех состояниях, именно: животном, душевном и духовном. Полагая теперь в основание каждому из сих кругу действий особую силу, мы должны сознать девятую иерархию сил, во внутреннем нашем мире качествующих и действующих под прикрытием тела¹¹.

Таким образом, в теле нашем есть потребность самосохранения — есть, пить, спать; есть потребность движения — ходить, работать, трудиться, которая превращена в потребность чувств, танцевать и тому подобное; есть потребность употребления чувств — смотреть, слышать, осязать, обонять. Три класса потребностей плотских: три рода и жажда чувственных, которые удовлетворяются окружающими нас чувственными вещами. Кто занят преимуществен-

⁹ Толкование посланий апостола Павла. Послание к Солунянам, к Филимону, к Евреям. М., 1998. С. 234—236; Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л., 1991. С. 15—34.

¹⁰ См. с. 177—179 наст. изд. — *Ред.-сост.*

¹¹ См.: Начертание христианского нравоучения. Т. 1, 2. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. С. 213.

но удовлетворением этих потребностей, тот стоит на степени животного: встал, походил, поговорил, помечтал, почитал, поел и потом опять соснул, прогулялся, повертелся, позевал, послушал речей пустых и сам поболтал, и снова спать. Вот и вся программа жизни чувственной! Пусто, но, к сожалению, очень-очень большой круг людей принадлежит сюда. Жаждание утоляется тут только на несколько часов, а потом снова оживает и точит человека, как червь.

В душе есть потребность знания; хочется человеку все разведать, разузнать научно, или через чтение, или понаслышке. Поминутно слышишь: что это, отчего, как и для чего это? Эта пытливость присуща всякому. Есть потребность предприятий, или дел, по домохозяйству, по торговой части, по военной, ученой, судебной, гражданской, городской или сельской жизни: минуты не проходит, чтобы кто не загадывал что-нибудь делать, и делает; сделавши одно, берется за другое. Это — предприимчивость, забота и многопопечение.

Есть потребность украшать себя, свое жилище, обставлять себя с комфортом: нужна хорошая мебель, приличная одежда, хорошие картины, дорогие изваяния, музыка, пение и тому подобное — рай, видите, *хочется* человеку насадить вокруг себя в замену потерянного <...> Это так называемые невинные удовольствия. Вот и в душе три потребности: потребность знания, предприимчивость, или попечительность, и искание эстетических наслаждений. По числу их столько в ней и жажданий. Тут жажда никогда не удовлетворяется, а постоянно снедает человека, несмотря на то что он и минуты не дает себе покоя.

В духе есть потребность созерцания Бога и вещей божественных, удовлетворяемая познаниями мира духовного; есть потребность покоя в Боге, или покоя совести, удовлетворяемая исполнением воли Божией; есть потребность богообщения, или вкушения Бога, удовлетворяемая молитвенным исчезновением в Боге. Стало быть, и тут три вида потребностей; по числу их столько же и жажданий в духе, т.е. жажда молитвенного отрешения от всего, жажда покоя в Боге и жажда богосозерцания, которые, не будучи удовлетворены, оставляют тоску, а удовлетворенные надлежащим образом и дух успокоивают, и низводят покой в душу и тело, восполняя их недостатки своею полнотою, или заменяя их способы своими; например, эстетические удовольствия — молитвенным возношением к Богу, многопопечительность — покоем совести, бесплодное искание истины путем науки — созерцанием Бога и вещей божественных.

Таким образом, у нас три класса жажданий, и в каждом классе по три вида; всех, значит, девять, и все они как бы девятью устами непрестанно вопиют человеку: «Жажду!» Иной человек всю жизнь бьется, чтобы как-нибудь заглушить этот вопль, и все-таки не успевает. Почему? Потому, прежде всего, что неправильно распределяет эти жаждания. Посмотрите, как это бывает. Наперед стоят чувственные потребности — о них и заботы больше; затем душевные, удовлетворяемые уже в меньшей мере, а духовные отодвигаются на задний план, и выходит так, что у человека наверху то, чему следует быть внизу, и обратно. А в таком виде стараться о том, чтобы насытить человека, есть то же, что трудиться наполнить сосуд водою, перевернув его вверх дном.

Вот отчего человек и не имеет довольства, не насыщается, а все жаждет и жаждет, несмотря на то, что непрестанно хлопочет о довольстве и успевает иногда окружить себя многими вещественными благами. Поэтому кто желает покоя, тому надо поправить такую ошибку, и найдется покой и мир, превосходящий всякий разум; надо, т.е., прежде всего удовлетворить дух, возведши его в богообщение, боговкушение и богосозерцание; далее силою духа и по его указанию и руководству удовлетворять и потребностям душевным и телесным. Бог — полнота всех благ, наполнив дух, низольет чрез него пополнительные удовлетворения на потребности души, на ее знания, предприятия и наслаждения и на потребности тела, дав им меру, вес и цель¹².

Воздействие духа на душу

Что привзошло в душу вследствие соединения ее с духом, иже от Бога? От этого вся душа преобразилась и из животной, какова она по природе, стала человеческою, с теми силами и действиями, какие указаны выше. Но не об этом теперь речь. Пребывая такою, как описано, она обнаруживает сверх того высшие стремления и восходит на одну степень выше, являясь душою одуховленною. Такие одуховления души видны во всех сторонах ее жизни — мысленной, деятельной и чувствующей.

В *мысленной* части от действия духа является в душе *стремление к идеальности*. Собственно душевная мысленность вся опирается на опыте и наблюдении. Из того, что узнается сим путем раздробленно и без связи, она строит обобщения, делает наведения и добывает таким образом основные положения об известном круге вещей. На этом бы и стоять ей. Между тем она никогда не бывает этим довольна, но стремится выше, ища определить *значение каждого круга вещей* в общей совокупности творений. Например, что есть человек, — это познается посредством наблюдений над ним, обобщений и наведений. Но, не довольствуясь этим, мы задаемся вопросом: «Что значит человек в общей совокупности творений?» Доискиваясь этого, иной решит: он есть возглавление и венец тварей; иной: он есть жрец — в той мысли, что голоса всех тварей, хвалящих Бога безсознательно, он собирает и возносит хвалу Всевышнему Творцу разумною песнью.

Такого рода мысли и о всяком другом роде тварей и о всей их совокупности порождать имеет позыв душа. И порождает. Отвечают ли они делу или нет — это другой вопрос, но несомненно, что она имеет позыв искать их, ищет и порождает. Это и есть стремление к идеальности: ибо значение вещи есть ее идея.

Это стремление обще всем. И те, которые не дают цены никаким познаниям, кроме опытных, — и они не могут удержаться от того, чтоб не поидеальничать против воли, сами не замечая того. Языком отвергают идеи, а на деле их строят. Догадки, какие они принимают и без которых ни один круг познаний не обходится, суть низший класс идей...

¹² Созерцание и размышление. М., 1998. С. 171—176.

В *деятельной* части от действия духа является *желание и производство безкорыстных дел*, или добродетелей, или даже и выше — стремление стать добродетельною. Собственно дело души в этой ее части (воле) есть устройство временного быта человека, да благо будет ему. Исполняя это назначение, она все делает по тому убеждению, что делаемое или приятно, или полезно, или нужно для устрояемого ею быта. Между тем она этим не довольствуется, но выходит из этого круга и совершает дела и начинания совсем не потому, что они нужны, полезны и приятны, но потому, что они хороши, добры и справедливы, стремясь к ним со всею ревностью, несмотря на то что они ничего не дают для временного быта, и даже неблагоприятны ему, и ведены бывают на счет его. У иного такие стремления проявляются с такою силою, что он жертвует для них всем своим бытом, чтоб жить отрешенно от всего.

Проявления такого рода стремлений повсюдны, даже и вне христианства. Откуда они? Из духа. В совести начертана норма святой — доброй и праведной — жизни. Получив ведение о ней чрез сочетание с духом, душа увлекается ее незримой красотою и величием и решается ввесть ее в круг своих дел и своей жизни, преобразуя и ее по ее требованиям. И все сочувствуют такого рода стремлениям, хотя не все всецело предаются им; но ни одного нет человека, который бы по временам не посвящал своих трудов и своего достояния на дела в таком духе.

В *чувствующей* части от действия духа является в душе *стремление и любовь к красоте*, или, — как обычно говорят, — к изящному. Собственное дело сей части в душе воспринимать чувством благоприятные или неблагоприятные свои состояния и воздействия совне, по мерке удовлетворения или неудовлетворения душевно-телесных потребностей. Но видим в кругу чувств вместе с этими корыстными, — назовем так, — чувствами ряд чувств безкорыстных, возникающих совсем помимо удовлетворения или неудовлетворения потребностей, — чувств от услаждения красотою. Глаз не хочется оторвать от цветка и слуха отвратить от пения потому только, что то и другое — прекрасно. Всякий упорядочивает и украшает свое жилище так или так, потому что — так красивее. Идем в прогулку и избираем место для того по тому одному, что оно прекрасно. Выше всего этого — наслаждение, доставляемое картинами живописи, произведениями ваяния, музыкою и пением, а и этого всего выше — наслаждение творениями поэтическими. Изящные произведения искусства услаждают не одною красотою внешней формы, но особенно красотою внутреннего содержания, красотою умно-созерцаемою, идеальною. Откуда такие явления в душе? Это гости из другой области, из области духа. Дух, Бога ведущий, естественно постигает красоту божью и ею единою ищет наслаждаться. Хотя не может он определенно указать, что она есть, но, сокровенно нося в себе предначертание ее, определенно указывает, что она *не есть*, выражая сие показание тем, что не довольствуется ничем тварным. Красоту божью созерцать, вкушать и ею наслаждаться есть потребность духа, есть его жизнь, и жизнь райская. Получив ведение о ней чрез сочетание с духом, и душа увлекается вслед ее и, постигая ее своим душевным образом, то в радости бросается на то, что в ее круге представляется ей отраже-

нием ее (дилетанты), то сама придумывает и производит вещи, в которых чаёт отразить ее, как она ей представилась (художники и артисты). Вот откуда эти гости, — сладостные, отрешенные от всего чувственного, чувства, возвышающие душу до духа и одуховляющие ее! Замечу, что из искусственных произведений я отношу к сему классу только те, которых содержанием служит божественная красота незримых божественных вещей, а не те, которые хоть и красивы, но представляют тот же обычный душевно-телесный быт, или те же наземные вещи, которые составляют всегдашнюю обстановку того быта. Не красивости только ищет душа, духом водимая, но выражения в прекрасных формах невидимого прекрасного мира, куда манит ее своим воздействием дух.

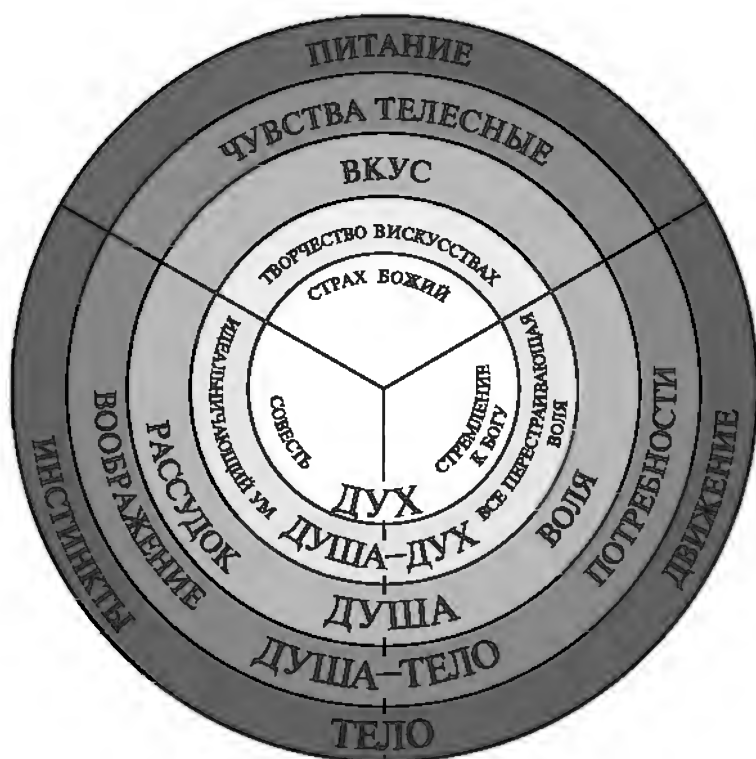
Так вот что дал душе дух, сочетан будучи с нею, и вот как душа является одуховленной!¹³

Пять ярусов жизни и переходы между ними

Давайте теперь с вами сведем счеты или сделаем выводы из всего наговоренного. Видите, сколько у нас сторон, или, лучше, степеней жизни! Есть сторона и степень жизни духовная, есть — духовно-душевная, есть — собственно душевная, есть — душевно-телесная (кажется, я не оттенил ее как следует; сюда принадлежат — наблюдения с воображением и памятью, желания из потребностей тела и чувства телесных состояний и впечатлений), есть — телесная. **Пять ярусов, но лицо человека одно, и это одно лицо живет то тою, то другою, то третью жизнью и, судя по тому, какою жизнью живет, получает особый характер, отражающийся и в его воззрениях, и в его правилах, и в его чувствах, т.е. оно бывает или духовным, — с духовными воззрениями, правилами и чувствами, или душевным — с душевными понятиями, правилами и чувствами, или плотским — с плотскими мыслями, делами и чувствами (серединных состояний — душевно-духовного и душевно-телесного — не беру в счет, чтоб не дробиться слишком).** Не то сие означает, чтоб когда человек бывает духовен, душевность и телесность не имели уже в нем места, но то, что тогда духовность у него бывает господствующею, подчиняя себе и проникая собою душевность и телесность; равно — не то, чтоб когда человек бывает душевен, его духовность и телесность не существовали более, но то, что тогда душевность бывает господствующею, всем заправляет и всему дает свой тон и самую духовность облекает покровом душевности; также не то, чтоб когда человек бывает плотян, его духовность и душевность исчезали, но то, что тогда все у него оплотняется, и духовность и душевность плотяны бывают, подчинены плоти, и ею попораны, и в рабстве у нее содержимы.

Так как, на какой бы степени ни находился человек, другие стороны его жизни остаются присущими в нем, то ни на одной степени он не бывает закабален так, чтобы уж и высвободиться не мог из сей кабалы, но всегда имеет возможность переходить с одной степени на другую, ослабив одну сторону сво-

¹³ Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л., 1991. С. 37—41.

[Рис. 2.] Пятиярусная схема лица по Феофану Затворнику¹⁴

Пять ярусов, но лицо человека одно, и это одно лицо живет то тою, то другою, то третью жизнью, и, судя по тому, какою жизнью живет... оно бывает или духовным... или душевным... или плотским... Человек имеет свободу двигаться вверх и вниз по степеням жизни своей... есть виновник своего состояния внутреннего... По естественному назначению человек должен жить в духе, духу подчинять и духом проникать все душевное, а тем паче телесное... Се — норма!.. А душевный... а тем паче плотяный, — не есть настоящий человек... Он — безголов¹⁵

ей жизни и усилив другую. Так и духовный человек может ниспасть в душевность и телесность, и плотяный — подняться до духовности, когда тот возлюбит душевное и плотское, а этот взыщет духовного. Человек всегда свободен. Свобода дана ему вместе с самосознанием и вместе с ним составляет существо духа и норму человечности. Погасите самосознание и свободу, — вы погасите дух, и человек стал не человек <...>.

Но утверждая, что человек имеет свободу двигаться вверх и вниз по степеням жизни своей, я не утверждаю вместе с сим, что ему одинаково легко и удобно двигаться, сверху ли вниз идет он или снизу вверх, или что эти движения могут совершаться в нем так же быстро и часто, как переходы из одной комна-

¹⁴ Собрание писем. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Вып. II. С. 108—109.

¹⁵ См. с. 172—174 наст. изд. — *Ред.-сост.*

ты в другую, бывающие по несколько раз в день. Я хотел этим только сказать, что человек, себя сознающий и свободный, **есть виновник своего состояния внутреннего** и что если он, попав в такое состояние, которое одобрить нельзя, остается в нем, то сам виноват в том и ответен пред Богом и людьми¹⁶.

Господство душевности и телесности — греховно

Всякая из показанных степеней, или проявлений нашей жизни, натуральна в нас и, следовательно, не может быть неодобряема сама по себе. Ненатурально и, следовательно, само по себе неодобрительно то состояние, в котором мысли блуждают, парят и бурлят, желания непостоянствуют, возбуждаемы будучи страстями, — не натуральными нам, а пришлыми, — и чувства сердца волнуются и мнутся по причине сих же страстей. Я нарочно оттенял эти неестественности внутри нас, говоря о душевной жизни, чтоб остановить на них ваше внимание. Нарочно и теперь поминаю об этом, чтоб тоже заставить вас лучше вникнуть в это дело и отнестись к нему по его достоинству. Блуждание помыслов, непостоянство желаний страстных и тревоги сердца непрестанно беспокоят нас, не давая ни одного дела сделать как должно и всегда почти сбивая нас с пути. Это болезнь, хотя всеобщая и повсюдная, но не естественная, а нажитая нами произвольно. Враг знает, сколько она подручна ему, и, покушаясь искусить кого, прежде всего старается столкнуть его в этот омут, именно, сначала вводит в поток помыслов, под ними потом зажигает страстные пожелания, а этими взволновывает сердце.

Кто доведен до этого, у того искушение созрело. Если не опомнится, падает и, падши, увлекается в водоворот бурливых движений помыслов, пожеланий и чувств, иногда не надолго, иногда надолго, а нередко и навсегда. Та жизнь, частичку которой, помните, вы испытали, вся проходит в этом водовороте и бывает, судя по кружкам, где бурливее, где потише, где поскромнее, где нараспашку — во всей своей наготе и срамоте. Но и помимо этого редко кто бывает свободен от тех бурлений внутри. Нет-нет — и прорвется. От блуждания же мыслей и представлений не знаю, есть ли кто свободный? — Так вот эту болезнь нашу извольте заметить (да вы уж ее и заметили отчасти, жалуясь на неудержимость мыслей), — и, заметив, взяться за труд врачевания. Всяко не выпускайте из мысли, что внутри вас постоянно присуще нечто недоброе, что всегда готово сбить вас с должного и направить на недолжное.

Что касается до душевности и телесности, то они сами по себе, как замечено уже, безгрешны, как естественные нам; но человек, сформировавшийся по душевности, или, еще хуже, по плотяности, не безгрешен. Он виновен в том, что дал в себе господство тому, что не предназначено к господству и должно

---

¹⁶ Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л., 1991. С. 41—43.

занимать подчиненное положение. И выходит, что хотя душевность естественна, быть душевным человеку — неестественно; также и плотянность естественна, но быть плотяным человеку — неестественно. Погрешность здесь в исключительном преобладании того, что должно состоять в подчинении¹⁷.

Господство духовности — норма

Когда у кого господствует духовность, тогда хоть это будет его исключительным характером и настроением, он не погрешает, во-первых, потому, что духовность есть норма человеческой жизни и что, следовательно, бывая духовным, он есть настоящий человек, между тем как душевный и плотяный человек не есть настоящий человек; а во-вторых, потому, что как ни будь кто духовен, он не может не давать должного душевности и плотяности, только держит их не жирно и в подчинении духу. Пусть не широка у него душевность (в научных познаниях, искусствах и делах прочих) и крепко стеснена плотянность, — все он настоящий полный человек. **А душевный (многознающий, искусник, делец), а тем паче плотяный, — не есть настоящий человек, как бы красным ни являлся он вовне. Он — безголов.** Отсюда простой человек, Бога боящийся, выше многообразованного и элегантного, но не имеющего в целях своих и стремлениях угождения Богу. По сему же судите и о произведениях литературы и искусств. Произведения, в коих все плотяно, из рук вон нехороши; но и те, в коих господствует душевность, не отвечают своему назначению, хотя они выше плотяных. Таков суд — только о тех произведениях, кои чужды духовных элементов; те же, кои прямо относятся враждебно о всем духовном, т.е. о Боге и вещах божественных, — прямо суть вражеские внушения и терпимы быть не должны.

Из сего вы видите, что по естественному назначению человек должен жить в духе, духу подчинять и духом проникать все душевное, а тем паче телесное, а за ними и все свое внешнее, т.е. жизнь семейную и общественную. Се — норма!¹⁸

Духовные потребности выше всех, и когда они удовлетворяются, то другие хоть и не будут удовлетворяемы, покой бывает, а когда они не удовлетворяются, то будь все другие удовлетворяемы богато, покоя не бывает. Почему удовлетворение их и называется *единым на потребу*. Когда удовлетворяются духовные потребности, то они научают человека поставлять в согласие с ними удовлетворение и прочих потребностей, так что ни то, чем удовлетворяется душа, ни то, чем удовлетворяется тело, не противоречит духовной жизни, а ей пособствует — и в человеке водворяется полная гармония всех движений и обнаружений его жизни — гармония мыслей, чувств, желаний, предприятий, отношений, наслаждений¹⁹.

¹⁷ Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л., 1991. С. 43—45.

¹⁸ Там же. С. 45—46.

¹⁹ Там же. С. 65.

2 Представления о душе в философии Древней Греции

Платон

[О душе]*

Сократ. Что же это такое — человек?

Алкивиад. Не умею сказать.

Сократ. Но во всяком случае ты уже знаешь: человек — это то, что пользуется своим телом.

Алкивиад. Да.

Сократ. А что иное пользуется телом, как не душа?

Алкивиад. Да, это так.

Сократ. Значит, она им управляет?

Алкивиад. Да.

Сократ. Полагаю, что никто не думает иначе вот о чем...

Алкивиад. О чем же?

Сократ. Человек — не является ли он одной из трех вещей?

Алкивиад. Какие же это вещи?

Сократ. Душа, тело и целое, состоящее из того и другого.

Алкивиад. Это само собой разумеется.

Сократ. Но ведь мы признали человеком то самое, что управляет телом?

Алкивиад. Да.

Сократ. Что же, разве тело само управляет собой?

Алкивиад. Ни в коем случае.

---

* См.: Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1990—1994. Т. 1. С. 258—259; 261—263; Т. 2. С. 35—39, 42—43, 49—53, 66—68, 154—155, 162; Т. 3. С. 202, 360—361, 409—410.

Данный текст составлен из фрагментов четырех произведений Платона: диалогов «Алкивиад I», «Федон», «Федр» и «Государство». Время действия диалога «Алкивиад I» историки философии относят к 434 г. до н.э. Здесь Сократ беседует с восемнадцатилетним юношей Алкивиадом. В диалоге «Федон» (399 г. до н.э.) участвуют Кебет и Симмий, фиванцы, ученики пифагорейца Филолая. В диалоге «Федр» (около 416 г. до н.э.) Сократ беседует с двадцатилетним юношей Федром. Время действия диалога «Государство» — 410—411 гг. до н.э. В приведенных двух отрывках из него Сократ беседует с Главконом и Адимантом. Соответствующие этим фрагментам примечания, составленные А.Ф. Лосевым и А.А. Тахо-Годи, приведены с небольшими сокращениями. — *Ред.-сост.*

Сократ. Мы ведь сказали, что оно управляемо.

Алкивиад. Да.

Сократ. Вряд ли поэтому оно то, что мы ищем.

Алкивиад. Видимо, да.

Сократ. Но значит, телом управляют совместно душа и тело, и это и есть человек?

Алкивиад. Возможно, конечно.

Сократ. На самом же деле менее всего: если одно из двух, составляющих целое, не участвует в управлении, никоим образом не могут управлять оба вместе.

Алкивиад. Это верно.

Сократ. Ну а если ни тело, ни целое, состоящее из тела и души, не есть человек, остается, думаю я, либо считать его ничем, либо, если он все же является чем-то, заключить, что человек — это душа.

Алкивиад. Безусловно, так.

Сократ. Нужно ли мне с большей ясностью доказать тебе, что именно душа — это человек?¹

Алкивиад. Нет, клянусь Зевсом, мне кажется, что сказанного достаточно.
<...>

Алкивиад. Мне кажется, ты прав, Сократ. Но попытайся объяснить мне, каким именно образом следует нам о себе заботиться.

Сократ. Быть может, мы уже сделали к этому первый шаг: мы пришли к надлежащему согласию относительно того, что мы собой представляем. Ведь было опасение, как бы, обманываясь на этот счет, мы нечаянно не стали заботиться о чем-то другом, а не о себе.

Алкивиад. Это так.

Сократ. А затем мы поняли, что надо заботиться о душе и именно на нее обращать внимание.

Алкивиад. Это ясно.

Сократ. Ну а заботу о наших телах и имуществе следует предоставить другим.

Алкивиад. Само собой разумеется.

Сократ. Каким же образом мы все это яснее познаём? Ведь, познав это, мы, очевидно, познаем себя самих. Но во имя богов, постигли ли мы значение прекрасной дельфийской надписи², о которой мы вспоминали недавно?

---

¹ О роли души см.: «Горгий» 465d. Тело как могила души — идея орфико-пифагорейская, которую можно найти у пифагорейца Филолая (Южная Италия). Именно у него Платон покупал через Диона пифагорейские книги и ездил к нему в Италию. Сам же Филолай жил одно время в Фивах, где его слушал ученик Сократа Кебет. ... В «Кратиле» душа — причина жизни тела (399e), а тело — могила, или знак души (400c).

² Сократ вспоминает надпись [«Познай самого себя». — *Ред.-сост.*], начертанную на храме Аполлона в «Дельфах» (храм принято также называть Дельфийским, или Пифийским, — в память о подвиге Аполлона, убившего чудовищного змея Пифона). Это же самое изречение приписывают одному из семи мудрецов — спартанцу Хилону. Оно стало одним из принципов бесед Сократа.

Алкивиад. Что ты имеешь в виду, мой Сократ?

Сократ. Я скажу тебе, о чем, как я подозреваю, говорит нам и что советует эта надпись. Правда, боюсь, что не подберу достаточного количества примеров, разве вот только пример зрения.

Алкивиад. Как ты это понимаешь?

Сократ. Посмотри и ты: предположим, что изречение это советовало бы нашему глазу, как человеку: «Увидь самого себя!» Как восприняли бы мы подобный совет? Не так ли, что глаз должен смотреть на то, что позволит ему увидеть самого себя?

Алкивиад. Это понятно.

Сократ. Представим же себе ту вещь, глядя на которую мы одновременно увидим и ее и себя самих.

Алкивиад. Ясно ведь, Сократ, что это зеркало или нечто подобное.

Сократ. Ты прав. Но значит, и в глазу, которым мы смотрим, также содержится нечто подобное?

Алкивиад. Несомненно.

Сократ. Ты ведь заметил, что, когда мы смотрим кому-то в глаза, наше лицо, как в зеркале, отражается в глазах лица, находящегося напротив? В так называемом зрачке появляется изображение того, кто в него смотрит.

Алкивиад. Да, это правда.

Сократ. Следовательно, когда глаз смотрит в глаз и вглядывается в лучшую его часть — ту, которой глаз видит, — он видит самого себя.

Алкивиад. Это очевидно.

Сократ. Если же он будет смотреть на какую-либо другую часть человека или на любую из вещей, кроме тех, которым подобен глаз, он себя не увидит.

Алкивиад. Ты прав.

Сократ. Следовательно, если глаз желает увидеть себя, он должен смотреть в [другой] глаз, а именно в ту его часть, в которой заключено все достоинство глаза; достоинство это — зрение.

Алкивиад. Так.

Сократ. Значит, мой милый Алкивиад, и душа, если она хочет познать самое себя, должна заглянуть в душу, особенно же в ту ее часть, в которой заключено достоинство души — мудрость, или же в любой другой предмет, коему душа подобна.

Алкивиад. Я согласен с тобой, Сократ.

Сократ. Можем ли мы назвать более божественную часть души, чем ту, к которой относится познание и разумение?

Алкивиад. Нет, не можем.

Сократ. Значит, эта ее часть подобна божеству, и тот, кто всматривается в нее и познает все божественное — бога и разум, таким образом лучше всего познает самого себя.

Алкивиад. Это очевидно. <...>

* * *

[Сократ]: Взгляни теперь еще вот с какой стороны. Когда душа и тело соединены³, природа велит телу подчиняться и быть рабом, а душе — властвовать и быть госпожою. Приняв это в соображение, скажи, что из них, по-твоему, ближе божественному и что смертному? Не кажется ли тебе, что божественное создано для власти и руководства, а смертное — для подчинения и рабства?

— Да, кажется.

— Так с чем же схожа душа?

— Ясно, Сократ: душа схожа с божественным, а тело со смертным.

— Теперь подумай, Кебет, согласен ли ты, что из всего сказанного следует такой вывод: божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному самому по себе в высшей степени подобна наша душа, а человеческому, смертному, постигаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою подобно — и тоже в высшей степени — наше тело. Можем мы сказать что-нибудь вопреки этому, друг Кебет?

— Нет, не можем.

— А если так, то не подобает ли телу быстро разрушаться, а душе быть вовсе неразрушимой или почти неразрушимой?

— Как же иначе?

— Но ведь ты замечаешь, что, когда человек умирает, видимая его часть — тело, принадлежащая к видимому [миру], или труп, как мы его называем, которому свойственно разрушаться, распадаться, развеиваться, подвергается этой участи не вдруг, не сразу, но сохраняется довольно долгое время, если смерть застигнет тело в удачном состоянии и в удачное время года. К тому же тело усохшее и набальзамированное, как бальзамируют в Египте, может сохраняться чуть ли не без конца. Но если даже тело и сгниет, некоторые его части — кости, сухожилия и прочие им подобные, можно сказать, бессмертны. Верно?

— Да.

— А душа, сама безвидная и удаляющаяся в места славные, чистые и безвидные — поистине в Аид⁴, к благому и разумному богу, куда — если бог по-

³ Разные учения о соотношении души и тела находим у досократиков. По Гераклиту, душа «прочно и соразмерно связана с телом», причем душу он сравнивает с пауком, а тело с паутиной. Гераклитовец Гиппократ считает, что душа как высшая жизненная сила устраивает «душу человека и равным образом тело». По Эмпедоклу, «определение судьбы» и «природа» «переменяют одеяние душ», «облачая людей» «чужою одеждой плоти». По Демокриту «первоначала» тела и души, «чередуюсь» друг с другом, связуют «все члены». Однако, «[тело] приводится в движение душою». Иная, дуалистическая, концепция у пифагорейца Филолая.

⁴ Понимание Аида как «незримого мира» связано <...> со старинным этимологическим толкованием слова «айд» <...> («невидимый»). Отсюда миф о шапке-невидимке бога смерти Аида. <...> Однако современная этимология предпочитает связь слова «Аид» с греч. <...> «ужасный» (ср. лат. <...> — «жестокий»).

желает — вскорости предстоит отойти и моей душе, — неужели душа, чьи свойства и природу мы сейчас определили, немедленно, едва расставшись с телом, рассеивается и погибает, как судит большинство людей? Нет, друзья мои, Кебет и Симмий, ничего похожего, но скорее всего вот как. Допустим, что душа разлучается с телом чистою и не влачит за собою ничего телесного, ибо в течение всей жизни умышленно избегала любой связи с телом, остерегалась его и сосредоточивалась в самой себе, постоянно в этом упражнялась, иными словами, посвящала себя истинной философии и, по сути дела, готовилась умереть легко и спокойно. Или же это нельзя назвать подготовкою к смерти?

— Бесспорно, можно.

— Такая душа уходит в подобное ей самой безвидное место, божественное, бессмертное, разумное, и, достигши его, обретает блаженство, отныне избавленная от блужданий, безрассудства, страхов, диких вожделений и всех прочих человеческих зол, и — как говорят о посвященных в таинства — впредь навеки поселяется среди богов. Так мы должны сказать, Кебет, или как-нибудь по-иному?

— Так, клянусь Зевсом, — ответил Кебет.

— Но, думаю, если душа разлучается с телом оскверненная и замаранная, ибо всегда была в связи с телом, угождала ему и любила его, зачарованная им, его страстями и наслаждениями настолько, что уже ничего не считала истинным, кроме телесного, — того, что можно осязать, увидеть, выпить, съесть или использовать для любовной утехы, а все смутное для глаза и незримое, но постигаемое разумом и философским рассуждением, приучилась ненавидеть, бояться и избегать, — как, по-твоему, такая душа расстанется с телом чистою и обособленною в себе самой?

— Никогда!

— Я думаю, что она вся проникнута чем-то телесным: ее срастили с ним постоянное общение и связь и долгие заботы о нем.

— Совершенно верно.

— Но ведь телесное, друг, надо представлять себе плотным, тяжелым, землеобразным, видимым. Ясно, что душа, смешанная с телесным, тяжелеет, и эта тяжесть снова тянет ее в видимый мир. В страхе перед безвидным, перед тем, что называют Аидом, она бродит среди надгробий и могил — там иной раз и замечают похожие на тени призраки душ. Это призраки как раз таких душ, которые расстались с телом нечистыми; они причастны зримому и потому открываются глазу.

— Да, Сократ, похоже на то.

— Очень похоже, Кебет. И конечно же это души не добрых, но дурных людей: они принуждены блуждать среди могил, неся наказание за дурной образ жизни в прошлом, и так блуждают до той поры, пока пристрастием к бывшему своему спутнику — к телесному — не будут вновь заключены в оковы

тела. Оковы эти, вероятно, всякий раз соответствуют тем навыкам, какие были приобретены в прошлой жизни.

— О каких же навыках ты говоришь, Сократ?

— Ну, вот, например, кто предавался чревоугодию, беспутству и пьянству, вместо того чтобы всячески их остерегаться, перейдет, вероятно, в породу ослов или иных подобных животных. Как тебе кажется?

— Это вполне вероятно.

— А те, кто отдавал предпочтение несправедливости, властолюбию и хищничеству, перейдут в волков, ястребов или коршунов. Или же мы с тобою решим, что такие души перейдут в иные какие-нибудь тела?

— Что ты! — сказал Кебет. — Конечно, в эти, которые ты назвал.

— Тогда, по-моему, уже ясно, что и всем остальным предназначены места, соответствующие их главной в жизни заботе.

— Да уж куда яснее!

— А самые счастливые среди них, уходящие в самое лучшее место, — это те, кто преуспел в гражданской, полезной для всего народа добродетели: имя ей рассудительность и справедливость, она рождается из повседневных обычаев и занятий, без участия философии и ума.

— Чем же они такие счастливые?

— Да они, вероятно, снова окажутся в общительной и смирной породе, среди пчел, или, может быть, ос, или муравьев, а не то и вернутся к человеческому роду, и из них произойдут воздержные люди.

— Да, похоже на то.

— Но в род богов не позволено перейти никому, кто не был философом и не очистился до конца, — никому, кто не стремился к познанию. Потому-то, милые мои Симмий и Кебет, истинные философы гонят от себя все желания тела, крепятся и ни за что им не уступают, не боясь разорения и бедности в отличие от большинства, которое корыстолюбиво, и, хотя они в отличие от властолюбивых и честолюбивых не страшатся бесчестия и бесславия, доставляемых дурною жизнью, они от желаний воздерживаются.

— Так ведь иное было бы и недостойно их, Сократ! — воскликнул Кебет.

— Да, недостойно, клянусь Зевсом. Кто заботится о своей душе, а не холит тело, тот расстается со всеми этими желаниями. Остальные идут, сами не зная куда, а они следуют своим путем: в уверенности, что нельзя перечить философии и противиться освобождению и очищению, которые она несет, они идут за ней, куда бы она ни повела. <...>

— Что ж, прекрасно, — начал Симмий, — в таком случае и я объясню тебе, в чем мои затруднения, и Кебет не скроет, что из сказанного сегодня кажется ему неприемлемым. Мне думается, Сократ, — как, впрочем, может быть, и тебе самому, — что приобрести точное знание о подобных вещах в этой жизни либо невозможно, либо до крайности трудно, но в то же время было бы позорным малодушием не испытать и не проверить всеми способа-

ми существующие на этот счет взгляды и отступить, пока возможности для исследования не исчерпаны до конца. Значит, нужно достигнуть одного из двух: узнать истину от других или отыскать ее самому либо же, если ни первое, ни второе невозможно, принять самое лучшее и самое надежное из человеческих учений и на нем, точно на плоту, попытаться переплыть через жизнь, если уже не удастся переправиться на более устойчивом и надежном судне — на каком-нибудь божественном учении. Поэтому я теперь наберусь смелости и задам свой вопрос, тем более что ты и сам велишь: я не хочу потом укорять себя за то, что теперь промолчал. Да, Сократ, я и сам размышляю над твоими словами, и вместе с ним, с Кебетом, и мне кажется, они не вполне убедительны.

А Сократ на это:

— Может быть, тебе и правильно кажется, друг, но только скажи, в чем именно «не вполне»?

— А вот в чем, на мой взгляд: то же самое рассуждение можно применить к лире, к ее струнам и гармонии⁵. И верно, в настроенной лире гармония — это нечто невидимое, бестелесное, прекрасное и божественное, а сама лира и струны — тела, т.е. нечто телесное, сложное, земное и сродное смертному. Представь себе теперь, что лиру разбили или же порезали и порвали струны, — приводя те же доводы, какие приводишь ты, кто-нибудь будет упорно доказывать, что гармония не разрушилась и должна по-прежнему существовать. Быть того не может, скажет такой человек, чтобы лира с разорванными струнами и сами струны — вещи смертной природы — все еще существовали, а гармония, сродная и близкая божественному и бессмертному, погибла, уничтожившись раньше, чем смертное. Нет, гармония непременно должна существовать, и прежде истлеют без остатка дерево и жилы струн, чем претерпит что-нибудь худое гармония. И право же, Сократ, я думаю, ты и сам отлично сознаешь, что наиболее частый взгляд на душу таков⁶: если наше тело связывают и держат в натяжении тепло, холод, сухость, влажность и некоторые иные, подобные им, [начала], то

---

⁵ Определение гармоничности, или гармонии, находим в «Филебе» (17c-e), «Софисте» (253b), «Законах» (II 615a). Античные мыслители придавали огромное значение гармонии, исследуя ее различные проявления в искусстве, в жизни человека, в космосе, причем их представление о гармонии отнюдь не исключало, а предполагало наличие диалектического единства противоположностей. Еще Гераклит (VI в.) говорил о гармонии лука и лиры, когда «расходящееся согласуется с собой». Подчеркнем, что даже по чисто музыкальным трактатам видно, что греки применяли представление о гармонии как о созвучии, согласии, единомыслии к сфере философии, этики и политических учений. <...>

⁶ Сократ, излагая ниже взгляд на *душу* как на *гармонию*, возникающую в результате различного натяжения телесных начал, возможно, имеет в виду пифагорейцев, учениками которых были Симмий и Кебет. Макробий сообщает: «Пифагор и Филолай сказали, что душа есть гармония»; «Говорят, что она есть некая гармония, ибо гармония есть смесь и соединение противоположностей, и тело состоит из противоположностей» <...>

душа наша есть сочетание и гармония этих [начал], когда они хорошо и соразмерно смешаны друг с другом. И если душа — это действительно своего рода гармония, значит, когда тело чрезмерно слабеет или, напротив, чрезмерно напрягается — из-за болезни или иной какой напасти, — душа при всей своей божественности должна немедленно разрушиться, как разрушается любая гармония, будь то звуков или же любых творений художников; а телесные останки могут сохраняться долгое время, пока их не уничтожит огонь или тление. Пожалуйста, подумай, как нам отвечать на этот довод, если кто будет настаивать, что душа есть сочетание телесных качеств и потому в том, что мы называем смертью, гибнет первую.

Сократ, по всегдашней своей привычке, обвел собравшихся взглядом, улыбнулся и сказал:

— Симмий говорит дело. <...>

— Скажите, — продолжал Сократ, — вы отвергаете все прежние доводы целиком или же одни отвергаете, а другие нет?

— Одни отвергаем, — отвечали они, — другие нет.

— А как насчет того утверждения, что знание — это припоминание и что, если так, душа наша непременно должна была где-то существовать, прежде чем попала в оковы тела?

— Я, — промолвил Кебет, — и тогда нашел это утверждение на редкость убедительным, и сейчас ни в коем случае не хочу от него отказываться.

— И я так считаю, — сказал Симмий, — и был бы очень изумлен, если бы мое мнение вдруг переменилось.

Тогда Сократ:

— А между тем, друг-фиванец, тебе придется его переменить, если ты останешься при мысли, что гармония — это нечто составное, а душа — своего рода гармония, слагающаяся из натяжения телесных начал. Ведь ты едва ли и сам допустишь, что гармония сложилась и существовала прежде, нежели то, из чего ей предстояло сложиться. Или все-таки допустишь?

— Никогда, Сократ! — воскликнул Симмий.

— Но ты видишь, что именно это ты нечаянно и утверждаешь? Ведь ты говоришь, что душа существует до того, как воплотится в человеческом образе, а значит, она существует, сложившись из того, что еще не существует. Ведь гармония совсем непохожа на то, чему ты уподобляешь ее сейчас: наоборот, сперва рождается лира, и струны, и звуки, пока еще негармоничные, и лишь последней возникает гармония и первой разрушается. Как же этот новый твой довод будет звучать в лад с прежним?

— Никак не будет, — отвечал Симмий.

— А ведь если какому доводу и следует звучать стройно и в лад, так уж тому, который касается гармонии.

— Да, конечно, — согласился Симмий.

— А у тебя не выходит в лад, — сказал Сократ. — Так что гляди, какой из двух доводов ты выбираешь: что знание — это припоминание⁷ или что душа — гармония.

— Первый, Сократ, несомненно, первый. Второй я усвоил без доказательства, соблазненный его правдоподобием и изяществом, т.е. так же, как обычно принимает его большинство людей. Но я прекрасно знаю, что доводы, доказывающие свою правоту через правдоподобие, — это пустохвалы, и, если не быть настороже, они обманут тебя самым жестоким образом. Так случается и в геометрии, и во всем прочем. Иное дело — довод о припоминании и знании: он строится на таком основании, которое заслуживает доверия. Сколько я помню, мы говорили, что душа существует до перехода своего в тело с такой же необходимостью, с какою ей принадлежит сущность, именуемая бытием. Это основание я принимаю как верное и достаточное и нимало в нем не сомневаюсь. А если так, я, по-видимому, не должен признавать, что душа есть гармония, кем бы этот взгляд ни высказывался — мною или еще кем-нибудь.

— Ну, так и что же, Симмий? Как тебе кажется, может ли гармония или любое другое сочетание проявить себя как-то иначе, чем составные части, из которых оно складывается?

— Никак не может.

— Стало быть, как я думаю, ни действовать само, ни испытывать воздействие как-нибудь иначе, чем они?

Симмий согласился.

— И значит, гармония не может руководить своими составными частями, наоборот, она должна следовать за ними?

Симмий подтвердил.

— И уж подавно ей и не двинуться, и не прозвучать вопреки составным частям, одним словом, никакого противодействия им не оказать?

— Да, ни малейшего.

— Пойдем дальше. Всякая гармония по природе своей такова, какова на-стройка?

---

⁷ О знании как воспоминании прежнего жизненного опыта, заложенного в душе до ее нового воплощения, Платон говорит не раз. В «Федре» (249bc) человек понимает истину на основании единого общего понятия (идеи), которое есть воспоминание о том, что «некогда видела наша душа, когда она сопутствовала богу». В «Федоне» (72e—76e) есть целое рассуждение на эту тему, причем Сократ полагает, что человек, рождаясь, теряет то, чем он владел до рождения, а потом с помощью чувств восстанавливает прежнее знание. Отсюда познавать означает восстанавливать знание, уже тебе принадлежащее. «И называя это воспоминанием, — говорит Сократ, — мы бы, пожалуй, правильно употребили это слово» (75e). Однако «анамнесис», т.е. воспоминание, Платон отличает от памяти. В «Филебе» (34bc) душа вспоминает, как она «без участия тела отчетливым образом воспроизводит то, что она испытала когда-то совместно с телом». Памятью же называется тот процесс, «когда душа, утратив память об ощущении или о знании, снова вызовет ее в самой себе». Таким образом, память связана с чувственными ощущениями и знаниями, а воспоминание — с чисто духовным ощущением и знанием. <...>

— Не понимаю тебя.

— Ну, а если настройка лучше, полнее — допустим, что такое возможно, — то и гармония была бы гармонией в большей мере, а если хуже и менее полно, то в меньшей мере.

— Совершенно верно.

— А к душе это приложимо, так чтобы хоть ненамного одна душа была лучше, полнее другой или хуже, слабее именно как душа?

— Никак не приложимо!

— Продолжим, ради Зевса. Про душу говорят, что одна обладает умом и добродетелью и потому хороша, а другая безрассудна, порочна и потому дурна. Верно так говорится или неверно?

— Да, верно.

— А если душу считать гармонией, как нам обозначить то, что содержится в душах — добродетель и порочность? Назовем первую еще одной гармонией, а вторую дисгармонией? И про хорошую душу скажем, что она гармонична и, будучи сама гармонией, несет в себе еще одну гармонию, а про другую — что она и сама негармонична, и другой гармонии не содержит?

— Я, право, не знаю, как отвечать,— промолвил Симмий.— Однако же ясно: раз мы так предположили, то и скажем что-нибудь вроде этого.

— Но ведь мы уже признали,— продолжал Сократ,— что ни одна душа не может быть более или менее душою, чем другая, а это означает признать, что одна гармония не может быть более, полнее или же менее, слабее гармонией, чем другая. Так?

— Именно так.

— А что не есть гармония более или менее, то не должно быть и настроено более или менее. Верно?

— Верно.

— А что не настроено более или менее, будет ли это причастно гармонии в большей или меньшей степени, нежели что-то иное, или одинаково?

— Одинаково.

— Значит, душа, раз она всегда остается самой собою и не бывает ни более ни менее душою, чем другая душа, не бывает и настроенной в большей или меньшей степени?

— Да, не бывает.

— И если так, [одна душа] не может быть причастна гармонии или дисгармонии более полно, [чем другая]?

— Выходит, что нет.

— Но повторяю, если так, может ли одна душа оказаться причастной порочности или добродетели более полно, чем другая? Ведь мы признали, что порочность — это дисгармония, добродетель же — гармония.

— Никак не может.

— А еще вернее, пожалуй, — если быть последовательными — ни одна душа, Симмий, порочности не причастна: ведь душа — это гармония, а гармо-

ния, вполне оставаясь самой собою, т.е. гармонией, никогда не будет причастна дисгармонии.

— Да, конечно.

— И душа не будет причастна порочности, поскольку она остается доподлинно душою.

— Можно ли сделать такой вывод из всего, что было сказано?

— Из нашего рассуждения следует, что все души всех живых существ одинаково хороши, коль скоро душам свойственно оставаться тем, что они есть, — душами.

— Мне кажется, что так, Сократ.

— Но кажется ли тебе это верным? Кажется ли тебе, что мы пришли бы к такому выводу, будь наше исходное положение — что душа это гармония — верно?

— Ни в коем случае!

— Пойдем дальше, — продолжал Сократ. — Что правит всем в человеке — душа, в особенности если она разумна, или что иное, как, по-твоему?

— По-моему, душа.

— А правит она, уступая состоянию тела или противясь ему? Я говорю вот о чем: если, например, у тебя жар и жажда, душа влечет тебя в другую сторону и не велит пить, если ты голоден — не велит есть, и в тысяче других случаев мы видим, как она действует вопреки телу. Так или не так?

— Именно так.

— Но разве мы не согласились раньше, что душа, если это гармония, всегда поет в лад с тем, как натянуты, или отпущены, или звучат, или как-то еще размещены и расположены составные части? Разве мы не согласились, что душа следует за ними и никогда не властвует?

— Да, — отвечал Симмий, — согласились.

— Что же получается? Ведь мы убеждаемся, что она действует как раз наоборот — властвует над всем тем, из чего, как уверяют, она состоит, противится ему чуть ли не во всем и в течение всей жизни всеми средствами подчиняет своей власти и то сурово и больно наказывает, заставляя исполнять предписания врача или учителя гимнастики, то обнаруживает некоторую снисходительность, то грозит, то увещевает, обращаясь к страстям, гневным порывам и страхам словно бы со стороны. Это несколько напоминает те стихи Гомера, где он говорит об Одиссее:

В грудь он ударил себя и сказал раздраженному сердцу:

Сердце, смирись; ты гнуснейшее вытерпеть силу имело...⁸

Разве, по-твоему, у него сложились бы такие стихи, если бы он думал, что душа — это гармония, что ею руководят состояния тела, а не наоборот — что

---

⁸ Од. XX 17 сл.

она сама руководит и властвует и что она гораздо божественнее любой гармонии? Как тебе кажется?

— Клянусь Зевсом, Сократ, мне кажется, что ты прав!

— Тогда, дорогой мой, нам никак не годится утверждать, будто душа — своего рода гармония: так мы, пожалуй, разойдемся и с божественным Гомером, и с самими собою.

— Верно,— подтвердил он. <...>

[Сократ]: Тогда вернемся к началу. Только теперь, пожалуйста, отвечай мне не так, как я спрашиваю, но подражая мне. Дело в том, что помимо прежнего надежного ответа я усмотрел по ходу нашего рассуждения еще и другую надежность. Если бы ты спросил меня, что должно появиться в теле, чтобы оно стало теплым, я бы уже не дал того надежного, но невежественного ответа, не сказал бы, что теплота, но, наученный нашим рассуждением, ответил бы потоньше — что огонь. И если ты спросишь, от чего тело становится недужным, не скажу, что от недуга, но — от горячки. Подобным же образом, если ты спросишь меня, что должно появиться в числе, чтобы оно сделалось нечетным, я отвечу, что не нечетность, но единица. Ну и так далее. Теперь ты достаточно ясно понимаешь, что я имею в виду?

— Вполне достаточно.

— Тогда отвечай: что должно появиться в теле, чтобы оно было живым?

— Душа,— сказал Кебет.

— И так бывает всегда?

— А как может быть иначе? — спросил тот.

— Значит, чем бы душа ни овладела, она всегда привносит в это жизнь?

— Да, верно.

— А есть ли что-нибудь противоположное жизни или нет?

— Есть.

— Что же это?

— Смерть.

— Но — в этом мы уже согласились — душа никогда не примет противоположного тому, что всегда привносит сама?

— Без всякого сомнения! — отвечал Кебет.

— Что же выходит? Как мы сейчас назвали то, что не принимает идеи четного?

— Нечетным.

— А не принимающее справедливости и то, что никогда не примет искусности?

— Одно — неискусным, другое — несправедливым.

— Прекрасно. А то, что не примет смерти, как мы назовем?

— Бессмертным.

— Но ведь душа не принимает смерти?

— Нет.

— Значит, душа бессмертна?

— Бессмертна,— сказал Кебет.

— Прекрасно. Будем считать, что это доказано? Или как по-твоему?

— Доказано, Сократ, и к тому же вполне достаточно.

— Пойдем дальше, Кебет. Если бы нечетное должно было быть неуничтожимым, то, вероятно, было бы неуничтожимо и три.

— Разумеется.

— Ну, а если бы и холодному непременно следовало быть неуничтожимым, то, когда к снегу приблизили бы тепло, он отступил бы целый и нарастающий, не так ли? Ведь погибнуть он бы не мог, но не мог бы и принять теплоту, оставаясь самим собой.

— Правильно, — сказал Кебет.

— Точно так же, я думаю, если бы неуничтожимым было горячее, то, когда к огню приблизилось бы что-нибудь холодное, он бы не гаснул, не погибал, но отступал бы невредимым.

— Непременно.

— Но не должны ли мы таким же образом рассуждать и о бессмертном? Если бессмертное неуничтожимо, душа не может погибнуть, когда к ней приблизится смерть: ведь из всего сказанного следует, что она не примет смерти и не будет мертвой! Точно так же, как не будет четным ни три, ни [само] нечетное, как не будет холодным ни огонь, ни теплота в огне! «Что, однако же, препятствует нечетному, — скажет кто-нибудь, — не становясь четным, когда четное приблизится, — так мы договорились — погибнуть и уступить свое место четному?» И мы не были бы вправе решительно настаивать, что нечетное не погибнет, — ведь нечетное не обладает неуничтожимостью. Зато если бы было признано, что оно неуничтожимо, мы без труда отстаивали бы свой взгляд, что под натиском четного нечетное и три спасаются бегством. То же самое мы могли бы решительно утверждать об огне и горячем, а равно и обо всем остальном. Верно?

— Совершенно верно.

— Теперь о бессмертном. Если признано, что оно неуничтожимо, то душа не только бессмертна, но и неуничтожима. Если же нет, потребуется какое-то новое рассуждение.

— Нет, нет, — сказал Кебет, — ради этого нам нового рассуждения не нужно. Едва ли что избегнет гибели, если даже бессмертное, будучи вечным, ее примет.

— Я полагаю, — продолжал Сократ, — что ни бог, ни сама идея жизни, ни все иное бессмертное никогда не гибнет, — это, видимо, признано у всех.

— Да, у всех людей, клянусь Зевсом, и еще больше, мне думается, у богов.

— Итак, поскольку бессмертное неуничтожимо, душа, если она бессмертна, должна быть в то же время и неуничтожимой.

— Бесспорно, должна.

— И когда к человеку подступает смерть, то смертная его часть, по-видимому, умирает, а бессмертная отходит целой и невредимой, сторонясь смерти.

— По-видимому, так.

— Значит, не остается ни малейших сомнений, Кебет, что душа бессмертна и неуничтожима. И поистине, наши души будут существовать в Аиде. <...>

* * *

Раз выяснилось, что бессмертно все движимое самим собою, всякий без колебания скажет то же самое о сущности и понятии души. Ведь каждое тело, движимое извне, — неодушевлено, а движимое изнутри, из самого себя, — одушевлено, потому что такова природа души. Если это так, и то, что движет само себя, есть не что иное, как душа, из этого необходимо следует, что душа непорождаема и бессмертна.

О ее бессмертии достаточно этого. А об ее идее надо сказать вот что: какова она — это всячески требует божественного и пространного изложения, а чему она подобна — это поддается и человеческому, более сжато; так мы и будем говорить.

Уподобим душу соединенной силе крылатой парной упряжки и возникшего. У богов и кони и возникшие все благородны и происходят от благородных, а у остальных они смешанного происхождения. Во-первых, это наш повелитель правит упряжкой, а затем, и кони-то у него — один прекрасен, благороден и рожден от таких же коней, а другой конь — его противоположность и предки его — иные. Неизбежно, что править нами — дело тяжелое и докучное.

Попробуем сказать и о том, как произошло название смертного и бессмертного существа. Всякая душа ведает всем неодушевленным, распространяется же она по всему небу, принимая порой разные образы. Будучи совершенной и окрыленной, она парит в вышине и правит миром, если же она теряет крылья, то носится, пока не натолкнется на что-нибудь твердое, — тогда она вселяется туда, получив земное тело, которое благодаря ее силе кажется движущимся само собой; а что зовется живым существом, — все вместе, т.е. сопряжение души и тела, получило прозвание смертного. <...>

В начале этой речи мы каждую душу разделили на три вида: две части ее мы уподобили коням по виду, третью — возникшему. Пусть и сейчас это будет так. Из коней, говорим мы, один хорош, а другой нет. А чем хорош один и плох другой, мы не говорили, и об этом надо сказать сейчас. Так вот, один из них прекрасных статей, стройный на вид, шея у него высокая, храп с горбинкой, масть белая, он черноокий, любит почет, но при этом рассудителен и совестлив; он друг истинного мнения, его не надо погонять бичом, можно направлять его одним лишь приказанием и словом. А другой — горбатый, тучный, дурно сложен, шея у него мощная, да короткая, он курносый, черной масти, а глаза светлые, полнокровный, друг наглости и похвальбы, от косм вокруг ушей он глухой и еле повинуется бичу и стрекалам. <...>

* * *

[Сократ]: Рассудительность, с нашей точки зрения, более, чем те, предшествовавшие, свойства походит на некое созвучие и гармонию.

— Как это?

— Нечто вроде порядка⁹ — вот что такое рассудительность; это власть над определенными удовольствиями и вожделениями — так ведь утверждают, приводя выражение «преодолеть самого себя», уж не знаю каким это образом. И про многое другое в этом же роде говорят, что это — следы рассудительности. Не так ли?

— Именно так.

— Разве это не смешно: «преодолеть самого себя»? Выходит, что человек преодолевает того, кто совершенно очевидно сам себе уступает, так что тот, кто уступает, и будет тем, кто преодолевает: ведь при всем этом речь идет об одном и том же человеке.

— Конечно.

— Но мне кажется, этим выражением желают сказать, что в самом человеке, в его душе есть некая лучшая часть и некая худшая, и, когда-то, что по своей природе лучше, обуздывает худшее, тогда говорят, что оно «преодолевает само себя»: значит, это похвала; когда же из-за дурного воспитания или окружения верх берет худшее (ведь его так много, а лучшего гораздо меньше), тогда, в порицание и с упреком, называют это «уступкой самому себе», а человека, испытывающего такое состояние, — невоздержным.

— Обычно так и говорят. <...>

[Сократ] По-моему, мы недостаточно разобрали вожделения — в чем они состоят и сколько их. А раз этого не хватает, не будет полной ясности и в том исследовании, которое мы предпринимаем.

— Стало быть, уместно разобрать это сейчас.

— Конечно. Посмотри, что мне хочется здесь выяснить: из тех удовольствий и вожделений, которые лишены необходимости, некоторые представляются мне противозаконными. Они, пожалуй, присущи всякому человеку, но, обуздываемые законами и лучшими вожделениями, либо вовсе исчезают у некоторых людей, либо ослабевают, и их остается мало. Однако есть и такие люди, у которых они становятся и сильнее, и многочисленнее.

— О каких вожделениях ты говоришь?

— О тех, что пробуждаются во время сна, когда дремлет главное, разумное и кроткое, начало души, зато начало дикое, звероподобное под влиянием сытости и хмеля вздымается на дыбы, отгоняет от себя сон и ищет, как бы удовлетворить свой нор. Тебе известно, что в таком состоянии оно отваживается на все, откинув всякий стыд и разум. Если ему вздумается, оно не остановится даже перед попыткой сойтись со своей собственной матерью, да и с кем попало из людей, богов или зверей; оно осквернит себя каким угодно кровопролитием и не воздержится ни от какой пищи. Одним словом, ему все нипочем в его бесстыдстве и безрассудстве.

— Сущая правда.

---

⁹ Здесь — характерное употребление музыкальной терминологии для нравственной характеристики человека. *Созвучие* и *гармония* его души родственны *порядку*, т.е. космосу. <...>

— Когда же человек соблюдает себя в здоровой воздержности, он, отходя ко сну, пробуждает свое разумное начало, потчует его прекрасными доводами и рассуждениями и таким образом воздействует на свою совесть. Вожделирующее же начало он хоть и не морит голодом, но и не удовлетворяет его до пресыщения: пусть оно успокоится и не тревожит своими радостями и скорбями благороднейшее в человеке; пусть это последнее без помехи, само по себе, в совершенной своей чистоте стремится к исследованию и ощущению того, что ему еще не известно, будь то прошлое, настоящее или будущее. Точно так же человек укротит и яростное свое начало, для того чтобы не отходить ко сну взволнованным и разгневанным. Успокоив эти два вида свойственных ему начал и приведя в действие третий вид — тот, которому присуща разумность, — человек предается отдыху. Ты знаешь, что при таких условиях он скорее всего соприкоснется с истиной и меньше всего будут ему мерещиться во сне всякие незаконные видения.

— Я совершенно с тобой согласен.

— Но мы слишком отклонились в сторону, говоря об этом. Мы хотели убедиться лишь вот в чем: какой-то страшный, дикий и незаконный вид желаний таится внутри каждого человека, даже в тех из нас, что кажутся вполне умеренными; это-то и обнаруживается в сновидениях¹⁰. Суди сам, дело ли я говорю и допускаешь ли ты это.

— Конечно, допускаю. <...>

[Сократ]: <...> Раз даже собственные порочность и зло не способны убить и погубить душу, то от зла, назначение которого — губить другие вещи, вряд ли погибнет душа или что-нибудь иное, кроме того, для чего это зло предназначено.

— Вряд ли; да оно и естественно.

— Но раз что-то не гибнет ни от одного из этих зол — ни от собственного, ни от постороннего, — то ясно, что это непременно должно быть чем-то вечно существующим, а раз оно вечно существует, оно бессмертно.

— Непременно.

— Пусть же и будет сделан такой вывод, а из него, как ты понимаешь следует, что души всегда самотождественны¹¹. И раз ни одна из них не погибает, то количество их не уменьшается и не увеличивается. Ведь если бы увеличилось количество того, что бессмертно, это могло бы произойти, как тебе известно, только за счет того, что смертно, и в конце концов бессмертным стало бы все.

— Ты прав.

---

¹⁰ Аристотель в «Никомаховой этике» исследует вопрос о разумной и неразумной частях души. Оказывается, что растительная часть неразумной души «более всего деятельна во время сна», и поэтому даже сновидения порядочных людей «становятся худшими», т.е. жизнь людей хороших во сне «ничем не отличается от жизни несчастных», т.е. дурных людей (I 132, 1102b 3—11).

¹¹ Здесь повторяется третий аргумент о бессмертии души, данный в «Федоне» (78b—81a) при установлении самотождества идеи души.

— Но мы не признаем ни этого — ведь рассуждение наше этого не допускает, — ни того, будто истинная природа души такова, что она полна всевозможного разнообразия, нетождественности и различия.

— Что ты имеешь в виду?

— Нелегко быть вечным тому, что состоит из многих начал да к тому же еще составлено не наилучшим образом, между тем как раз такой оказалась теперь у нас душа.

— Понятно, это нелегко.

— А что душа бессмертна, необходимо следует как из нашего недавнего рассуждения, так и из многих других. Чтобы узнать, какова душа на самом деле, надо рассматривать ее не в состоянии растления, в котором она пребывает из-за общения с телом и разным иным злом, как наблюдаем мы это теперь, а такой, какой она бывает в своем чистом виде. Именно это надо как следует рассмотреть с помощью размышления, и тогда ты найдешь ее значительно более прекрасной, и к тому же можно будет отчетливее разглядеть различные степени справедливости и несправедливости и вообще все то, что мы теперь разбирали. Пока что мы верно говорили о душе — о том, какой она оказывается в настоящее время; однако мы рассматривали лишь нынешнее ее состояние, подобно тому как при виде морского божества Главка¹² трудно разглядеть его древнюю природу, потому что прежние части его тела либо отломились, либо стерлись, либо изуродованы волнами, а вдобавок он еще оброс раковинами, водорослями и камешками, так что гораздо больше походит на чудовище, чем на то, чем он был по своей природе. Так и душа от несчетного множества различного зла находится в сходном состоянии, когда мы ее наблюдаем¹³. Между тем, Главкон, надо обратить внимание вот на что...

— На что?

— На стремление души к мудрости <...>. Надо посмотреть, каких предметов она касается, какого общения она ищет, коль скоро она сродни божественному, бессмертному и вечно сущему, и какой она стала бы, если бы, всецело следуя подобному началу, вынырнула бы в этом своем порыве из омута, в котором теперь обретається, и стряхнула бы с себя те камешки и ракушки, которые к ней прилипли. Так как она вкушает земное, то от этих праздничных пиршеств, в которых, как говорят, заключается счастье, к ней много пристало землистого, каменистого, дикого; если бы она это стряхнула, можно было бы увидеть ее подлинную природу — многообразна она или единообразна и как она устроена в прочих отношениях. А пока что, я думаю, мы надлежащим образом разобрали ее состояния, возможные в человеческой жизни, и ее виды.

— Да, разобрали полностью.

---

¹² *Морское божество Главк*, согласно мифам, был некогда рыбаком, а затем, отведав волшебной травы, получил бессмертие и бросился в море, где Океан и Тетис сделали его богом.

¹³ По Платону, душа, отягченная злом, теряет свои крылья и получает земное тело («Федр» 246с—е). В «Федоне» такая душа также отличается от справедливой души, как истинное небо и небесная Земля от нашей Земли (109b — 111c).

Аристотель

[О душе и ее добродетелях]*

Признавая познание делом прекрасным и достойным, но ставя одно знание выше другого либо по степени совершенства, либо потому, что оно знание о более возвышенном и удивительном, было бы правильно по той и другой причине отвести исследованию о душе одно из первых мест. Думается, что познание души много способствует познанию всякой истины, особенно же познанию природы. <...>

Быть может, прежде всего необходимо определить, к какому роду [сущего] относится душа и что она такое; я имею в виду, есть ли она определенное нечто (*tode ti*)¹, т.е. сущность, или же качество, или количество, или какой-нибудь другой из различных нами родов сущего (*kategoriai*); далее, относится ли она к тому, что существует в возможности, или, скорее, есть некоторая энтелехия: ведь это имеет немаловажное значение.

Следует также выяснить, состоит ли душа из частей или нет. И однородны ли все души или нет. И если не однородны, то отличаются ли они друг от друга по виду или по роду. Это нужно выяснить потому (*нун*), что те, кто говорит о душе и исследует ее, рассматривают, по-видимому, лишь человеческую душу². Не должно ускользать от нас и то, одно ли определение души, как, например, определение живого существа одно, или душа каждого рода имеет особое опре-

---

* Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 371—374, 385—386, 392—399, 402, 445—447; 1984. Т. 4. С. 74—77, 84, 172—174.

Данный текст представляет собой подборку ряда фрагментов из двух произведений Аристотеля: «О душе» и «Никомахова этика». Трактат «О душе» состоит из трех книг, третью из которых историки философии относят к первому афинскому периоду жизни автора (367—347 гг. до н.э.), а первую и вторую — ко второму (335—322 гг. до н.э.). В настоящий текст включены три отрывка из первой книги, три отрывка из второй книги, и один отрывок из третьей книги с примечаниями А.В. Сагадеева. Три фрагмента из «Никомаховой этики» (из первой, второй и шестой книг), с примечаниями пер. Н.В. Брагинской, завершают текст. Эту работу относят к зрелому периоду (347—330 гг. до н.э.) творчества Аристотеля. — *Ред.-сост.*

¹ *Определенным нечто* (*tode ti*) Аристотель называет нечто конкретное, на что можно указать как на «вот это».

² Но не души животных. Речь идет о платониках.

деление, как, например, душа лошади, собаки, человека, бога (живое же существо как общее есть либо ничто, либо нечто последующее³. Подобным же образом обстоит дело и со всякой другой высказываемой общностью). Далее, если имеется не множество душ, а только части души, то возникает вопрос: нужно ли сначала исследовать всю душу или ее части? Трудно также относительно частей определить, какие из них различаются между собой по природе и нужно ли сначала исследовать части или же виды их деятельности (например, мышление или ум, ощущение или способность ощущения). И точно так же относительно других способностей души. Если же нужно сначала исследовать виды ее деятельности, то опять-таки можно было бы поставить вопрос, не следует ли сначала рассмотреть то, что им противостоит, например: ощущаемое прежде способности ощущения, мыслимое — прежде мыслительной способности. <...>

Вызывает затруднение и [изучение] состояний души: все ли они принадлежат также и тому, что обладает ею, или есть среди них нечто присущее лишь самой душе. Это, конечно, необходимо выяснить, хотя и не легко. В большинстве случаев, очевидно, душа ничего не испытывает без тела и не действует без него, например: при гневе, отваге, желании, вообще при ощущениях. Но больше всего, по-видимому, присуще одной только душе мышление. Если мышление есть некая деятельность представления или не может происходить без представления, то и мышление не может быть без тела. Если же имеется какая-нибудь деятельность или состояние, свойственные одной лишь душе, то она могла бы существовать отдельно от тела. <...> По-видимому, все состояния души связаны с телом: негодование, кротость, страх, сострадание, отвага, а также радость, любовь и отвращение; вместе с этими состояниями души испытывает нечто и тело. Иногда бывает так, что человека постигает большое и очевидное горе, а он не испытывает ни возбуждения, ни страха; иногда же маловажные и незначительные поводы вызывают волнение, а именно когда тело приходит в возбуждение и оказывается в таком состоянии, как при гневе. Это еще более очевидно в тех случаях, когда не происходит ничего такого, что должно было бы возбудить страх, и тем не менее приходят в состояние человека, испытывающего страх. Если дело обстоит так, то ясно, что состояния души имеют свою основу в материи (*logoi enyloi*). Поэтому их определения должны быть именно такого рода, например: гнев — это некоторое движение такого-то тела (или его части, или его способности), вызванное тем-то ради того-то. Вот почему изучение всей души или такого рода состояний ее есть дело рассуждающего о природе. Однако рассуждающий о природе и диалектик по-разному определили бы каждое из этих состояний души, например, что такое гнев. А именно: диалектик определил бы гнев как стремление отомстить за оскорбление или что-нибудь в этом роде; рассуждающий же о природе — как кипение крови или жара около сердца. Последний

---

³ «Живого существа» как общего (универсалии) нет, если его понимать как самосушущую платоновскую идею; но оно существует, если мыслится как нечто последующее по отношению к единичным живым существам, ибо, согласно Аристотелю, без индивидуального нет и универсального, с упразднением единичного упраздняется и общее.

приводит в объяснение материю, первый — форму и сущность, выраженную в определении (*logos*). Ведь сущность вещи, выраженная в определении, есть ее форма, и если вещь имеется, то форма необходимо должна находиться в определенной материи; например, сущность дома, выраженная в определении, такова: дом есть укрытие, защищающее от разрушительных действий ветров, дождей и жары; другой же скажет, что дом состоит из камней, кирпичей и бревен, а третий будет говорить о форме в них, имеющей такие-то цели. <...>

Душа не может ни быть гармонией, ни совершать круговращение. Но, как мы сказали, душа может двигаться привходящим образом и приводить в движение самое себя, подобно тому как может двигаться тело, в котором она находится, а тело — приводиться в движение душой; по-другому совершать пространственные движения ей невозможно.

Имеется еще больше оснований усомниться в том, что душа движется, если обратить внимание на следующее. А именно: мы говорим, что душа скорбит, радуется, дерзает, испытывает страх, далее, что она гневается, ощущает, размышляет. Все это кажется движениями. И потому можно было бы подумать, что и сама душа движется. Но это вовсе не необходимо. Ведь если и скорбеть, радоваться, размышлять — это именно движения, и все это означает быть приведенным в движение, то такое движение вызывается душой (например, гнев или страх — оттого, что сердце вот так-то приходит в движение; размышление, быть может, означает такое вот движение сердца или чего-то иного; причем в одних случаях происходят перемещения, в других — превращения; какие и как — об этом особый разговор). Между тем сказать, что душа гневается, — это то же, что сказать — душа ткет или строит дом. Ведь лучше, пожалуй, не говорить, что душа сочувствует, или учится, или размышляет, а говорить, что человек делает это душою, сочувствует, учится или размышляет. И это не означает, что движение находится в душе, а означает, что оно то доходит до нее, то исходит от нее; так, восприятие от таких-то вещей доходит до нее, а воспоминание — от души к движениям или их остаткам в органах чувств. <...>

Очевидно, что душе свойственно познавать не потому, что она состоит из элементов, а также ясно, что не подобает и неправильно говорить, будто она движется. А так как душе свойственно познавать, ощущать, думать, а также желать и хотеть и вообще ей свойственны стремления, пространственное же движение возникает у живых существ под действием души, и от нее зависят также рост, зрелость и упадок, то спрашивается: следует ли приписывать каждое такое состояние всей душе и мыслим ли мы, ощущаем, движемся, действуем или претерпеваем все остальное всей душой или одно — одной ее частью, другое — другой? И присуща ли жизнь какой-нибудь одной из этих частей, или нескольким, или всем, или же есть какая-нибудь другая причина жизни?

Некоторые говорят, что душа имеет части⁴, и одной частью она мыслит, другой желает. Но что же тогда скрепляет душу, если она по природе имеет час-

---

⁴ Речь идет о Платоне, выделявшем в душе три части: разумную (в голове), аффективную, или движимую страстями (в груди), и воделеющую (под диафрагмой).

ти? Во всяком случае не тело. Ибо, думается, скорее наоборот, душа скрепляет тело: ведь когда душа покидает тело, оно распадается и гнивает. Следовательно, если душу делает единой нечто другое, то это другое скорее всего и было бы душой. Но тогда в свою очередь необходимо возникает вопрос о нем: едино ли оно или состоит из многих частей? Ведь если оно едино, то почему не допустить сразу, что и душа едина? Если же оно имеет части, то опять необходимо доискиваться, что такое то, что скрепляет его, и так далее до бесконечности.

Можно было бы поставить вопрос и о частях души: какое значение имеет каждая часть в теле? Ведь если душа в целом скрепляет все тело, то и каждой ее части надлежит скреплять какую-то часть тела. Но это представляется невозможным, ибо, какую часть и каким образом ум будет скреплять, трудно и вообразить.

Известно также, что растения, будучи разрезаны, продолжают жить, равно и некоторые насекомые, словно каждая такая часть имеет ту же душу если не по числу, то по виду. В самом деле, каждая из этих частей некоторое время имеет ощущения и движется в пространстве. Если эти части и не живут долго, то в этом нет ничего странного: ведь они не имеют органов, чтобы сохранять свою природу. Тем не менее в каждой рассеченной части имеются все части души, и эти части души однородны: друг с другом, поскольку они не существуют отдельно друг от друга; с душой в целом, поскольку она делима⁵. По-видимому, начало [жизни] в растениях также есть некая душа: ведь оно единственное, что обще животным и растениям. И начало это отделимо от начала ощущения, но без него ничто не может иметь ощущения.

<...> Итак, под сущностью мы разумеем один из родов сущего; к сущности относится, во-первых, материя, которая сама по себе не есть определенное нечто; во-вторых, форма или образ, благодаря которым она уже называется определенным нечто, и, в-третьих, то, что состоит из материи и формы. Материя есть возможность, форма же — энтелехия⁶, и именно в двояком смысле — в таком, как знание, и в таком, как деятельность созерцания⁷.

По-видимому, главным образом тела, и притом естественные, суть сущности, ибо они начала всех остальных⁸ тел. Из естественных тел одни наделе-

---

⁵ В некоторых рукописях *ou diairetes* («не делима»).

⁶ *Энтелехия* (*entelecheia*) — Аристотель сближает оба термина — *energeia* и *entelecheia* — как обозначающие действительность, но указывает, что первый из них первоначально подразумевал некое движение или деятельность, в то время как второй обозначает фактическую данность или осуществленность чего-то.

⁷ Т.е. как простое обладание и обладание, обнаруживающее себя в действии. Используя тот же пример со знанием, Аристотель так разъясняет различные значения «потенциального»: потенциально знающим является тот, кто учится, и тот, кто уже овладел знанием, но не использует его в рассуждении и исследовании («созерцании»); обучающийся из одного потенциального состояния переходит в другое постольку, поскольку, уже обладая знанием, но еще не применяя его в рассуждении и исследовании, он потенциально знающий, однако не в том смысле, в каком его называют «потенциально знающим» до обучения (см. «Физика» VIII 4, 255 a33–b5).

⁸ Т.е. созданных искусством.

ны жизнью, другие — нет. Жизнью мы называем всякое питание, рост и упадок тела, имеющие основание в нем самом (*di'aytoy*). Таким образом, всякое естественное тело, причастное жизни, есть сущность, притом сущность составная.

Но хотя оно есть такое тело, т.е. наделенное жизнью, оно не может быть душой. Ведь тело не есть нечто принадлежащее субстрату (*hypokeimenon*), а скорее само есть субстрат и материя. Таким образом, душа необходимо есть сущность в смысле формы естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Сущность же [как форма] есть энтелехия; стало быть, душа есть энтелехия такого тела. Энтелехия же имеет двоякий смысл: или такой, как знание, или такой, как деятельность созерцания; совершенно очевидно, что душа есть энтелехия в таком смысле, как знание. Ведь в силу наличия души имеются и сон, и бодрствование, причем бодрствование сходно с деятельностью созерцания, сон же — с обладанием, но без действования⁹. У одного и того же человека знание по своему происхождению предшествует деятельности созерцания.

Именно поэтому душа есть первая энтелехия естественного тела, обладающего в возможности жизнью. А таким телом может быть лишь тело, обладающее органами. Между тем части растений также суть органы, правда совершенно простые, как, например, лист есть покров для скорлупы, а скорлупа — покров для плода, корни же сходны с ртом: ведь и то и другое вбирает пищу. Итак, если нужно обозначить то, что обще всякой душе, то это следующее: душа есть первая энтелехия естественного тела, обладающего органами. Потому и не следует спрашивать, есть ли душа и тело нечто единое, как не следует это спрашивать ни относительно воска и отпечатка на нем, ни вообще относительно любой материи и того, материя чего она есть. Ведь хотя единое и бытие имеют разные значения, но энтелехия есть единое и бытие в собственном смысле.

Итак, сказано, что такое душа вообще. А именно: она есть сущность как форма (*logos*), а это — суть бытия такого-то тела, подобно тому как если бы естественным телом было какое-нибудь орудие¹⁰, например топор. А именно: сущностью его было бы бытие топором, и оно было бы его душой. И если ее отделить, то топор уже перестал бы быть топором и был бы таковым лишь по имени. Однако же это только топор. Душа же есть суть бытия и форма (*logos*) не такого тела, как топор, а такого естественного тела, которое в самом себе имеет начало движения и покоя. Сказанное нужно рассмотреть и в отношении частей тела. Если бы глаз был живым существом, то душой его было бы зре-

---

⁹ Аристотель рассматривает сон как состояние животного, промежуточного между нежизнью и жизнью (см. «О возникновении животных» V 1, 778b 29-30).

¹⁰ Следует иметь в виду, что греческое *organon* обозначало и инструмент, т.е. искусственно созданное орудие, и орган, т.е. «естественное орудие». «Обладающее органом», или органическое, тело называлось так именно потому, что в отличие от неорганического оно не конгломерат частей, лишенных определенных функций, а целокупность, каждая часть которой выполняет отведенную ей функцию, составляющую сущность ее.

ние. Ведь зрение и есть сущность глаза как его форма (глаз же есть материя зрения); с утратой зрения глаз уже не глаз, разве только по имени, так же как глаз из камня или нарисованный глаз. Сказанное же о части тела нужно приложить ко всему живому телу. А именно: как часть относится к части¹¹, так сходным образом совокупность ощущений относится ко всему ощущающему телу как ощущающему.

<...> Итак, отправляясь в своем рассмотрении от исходной точки, мы утверждаем, что одушевленное отличается от неодушевленного наличием жизни. Но о жизни говорится в разных значениях, и мы утверждаем, что нечто живет и тогда, когда у него наличествует хотя бы один из следующих признаков: ум, ощущение, движение и покой в пространстве, а также движение в смысле питания, упадка и роста. Поэтому, как полагают, и все растения наделены жизнью. Очевидно, что они обладают такой силой и таким началом, благодаря которым они могут расти и разрушаться в противоположных пространственных направлениях, а именно: не так, что вверх растут, а вниз — нет, но одинаково в обоих направлениях и во все стороны растут все растения, которые постоянно питаются и живут до тех пор, пока способны принимать пищу.

Эту способность можно отделить от других, другие же способности смертных существ от нее отделить нельзя. Это очевидно у растений: ведь у них нет никакой другой способности души.

Таким образом, благодаря этому началу жизнь присуща живым существам, но животное впервые появляется благодаря ощущению; в самом деле, и такое существо, которое не движется и не меняет места, но обладает ощущением, мы называем животным, а не только говорим, что оно живет.

Из чувств всем животным присуще прежде всего осязание. Подобно тому как способность к питанию возможна отдельно от осязания и всякого [другого] чувства, так и осязание возможно отдельно от других чувств (растительной, или способной к питанию, мы называем ту часть души, которой обладают также растения, а все животные, как известно, обладают чувством осязания. Какова причина этого, мы скажем позже).

Теперь же пусть будет сказано лишь то, что душа есть начало указанных способностей и отличается растительной способностью, способностью ощущения, способностью размышления и движением. А есть ли каждая из этих способностей душа или часть души и если часть души, то так ли, что каждая часть делима лишь мысленно (*logo*) или также пространственно, — на одни из этих вопросов нетрудно ответить, другие же вызывают затруднения. Так же как у некоторых растений, если их рассечь, части продолжают жить отдельно друг от друга, как будто в каждом таком растении имеется одна душа в действительности (*entelecheia*), а в возможности — много, точно так же мы видим, что нечто

---

¹¹ Т.е. как выполняемая каждым органом функция, составляющая тот или иной элемент жизнедеятельности организма в целом, относится к самому органу, являющемуся частью данного организма.

подобное происходит у рассеченных на части насекомых и в отношении других отличительных свойств души. А именно: каждая из частей обладает ощущением и способностью двигаться в пространстве; а если есть ощущение, то имеется и стремление. Ведь где есть ощущение, там и печаль, и радость, а где они, там необходимо есть и желание.

Относительно же ума и способности к умозрению еще нет очевидности, но кажется, что они иной род души и что только эти способности могут существовать отдельно, как вечное — отдельно от преходящего. А относительно прочих частей души из сказанного очевидно, что их нельзя отделить друг от друга вопреки утверждению некоторых¹². Что по своему смыслу (*logos*) они различны — это очевидно. А именно: способность ощущения отлична от способности составлять мнения, если ощущать — одно, а другое — иметь мнения. То же можно сказать и о каждой из других способностей, о которых шла речь.

Далее, одним животным присущи все способности, другим лишь некоторые, иным — только одна (а это и составляет видовое отличие у животных). По какой же причине — это следует рассмотреть в дальнейшем. То же самое и с чувствами. Одни животные обладают всеми чувствами, другие — некоторыми, третьи имеют только одно, самое необходимое — осязание. <...>

Так вот, то, благодаря чему мы прежде всего живем, ощущаем и размышляем, — это душа, так что она есть некий смысл и форма, а не материя или субстрат. Как уже было сказано, о сущности мы говорим в трех значениях: во-первых, она форма, во-вторых, — материя, в-третьих, — то, что состоит из того и другого; из них материя есть возможность, форма — энтелехия. Так как одушевленное существо состоит из материи и формы, то не тело есть энтелехия души, а душа есть энтелехия некоторого тела. Поэтому правы те, кто полагает, что душа не может существовать без тела и не есть какое-либо тело. <...>

Итак, душа есть причина и начало живого тела. О причине говорится в различных значениях. Подобным же образом душа есть причина в трех смыслах, которые мы разобрали. А именно: душа есть причина как то, откуда движение, как цель и как сущность одушевленных тел¹³.

Что душа есть причина в смысле сущности — это ясно, так как сущность есть причина бытия каждой вещи, а у живых существ быть означает жить, причина же и начало этого — душа; кроме того, основание (*logos*) сущего в возможности — энтелехия.

Очевидно также, что душа есть причина и в значении цели. Ибо так же как ум действует ради чего-то, так и природа, а то, ради чего она действует, есть ее цель. А такая цель у живых существ по самой их природе есть душа. Ведь все естественные тела суть орудия души — как у животных, так и у растений, и существуют они ради души. Цель же понимается двояко: как то, ради чего, и как то, для кого.

¹² Имеется в виду Платон.

¹³ Четвертой, материальной, причиной выступает субстрат, относящийся к душе, как материя к форме.

Но и то первое, откуда пространственное движение, также есть душа. Впрочем, эта способность присуща не всем живым существам. Превращение и рост также происходят благодаря душе. Ведь ощущение есть, по-видимому, некоего рода превращение, а то, что не имеет души, не ощущает. Так же обстоит дело с ростом и упадком. Ведь не разрушается и не растет естественным образом то, что не питается, а не питается то, что не причастно жизни. <...>

Итак, всему, что живет и обладает душой, необходимо иметь растительную душу от рождения до смерти: ведь необходимо, чтобы родившееся росло, достигало зрелости и приходило в упадок, а это невозможно без пищи; таким образом, необходимо, чтобы растительная способность была у всего того, что растет и приходит в упадок.

Ощущение же не необходимо свойственно всем живым существам. Ведь те, у которых тело простое, не могут иметь осязание (но ни одно животное не может существовать без осязания), не имеют его и те, которые не способны воспринимать формы без материи¹⁴. Животное же необходимо имеет ощущение, если верно, что природа ничего не делает напрасно. Ведь все в природе существует ради чего-то или должно быть чем-то сопутствующим тому, что существует ради чего-то. Так вот, если бы тело, способное к передвижению, не обладало ощущением, оно бы погибло и не достигло цели, назначенной ему природой. В самом деле, как могло бы оно питаться? Конечно, у тех, которые прикованы к своему месту, питание имеется на той почве, откуда они произошли. Однако невозможно, чтобы подвижное и рожденное тело имело душу и различающий ум, а способности ощущения не имело. (Впрочем, это также невозможно для нерожденного тела¹⁵. Почему бы ему не иметь [способность ощущения]?¹⁶ Разве отсутствие этой способности было бы лучше для души или для тела? Но ни то ни другое не имеет места. Ведь от отсутствия ощущений ни душа не будет больше мыслить, ни тело не будет существовать дольше.) Таким образом, каждое подвижное тело без ощущения не будет иметь души.

Тело, обладающее ощущением, должно быть или простым, или сложным. Но простым оно не может быть. Ведь в таком случае оно не имело бы осязания, а осязание иметь необходимо. Это ясно из следующего. А именно: так как животное есть одушевленное тело и всякое тело есть нечто осязаемое, осязаемое же есть то, что воспринимается осязанием, то необходимо, чтобы и тело животного было способно к осязанию, если животное должно сохраняться.

---

¹⁴ В первом случае подразумеваются по-видимому, «те части тела живого существа, которые состоят просто из земли», вроде костей, жил и волос, неспособных к ощущению <...>, во втором — растения, которые лишены чувствующего «средоточия» и потому неспособны воспринимать формы предметов без их материи. <...>

¹⁵ Речь здесь может идти только о небесном теле. Впрочем, существует мнение, что данное рассуждение представляет собой позднейшую вставку.

¹⁶ В настоящем переводе фразе придана отрицательная форма согласно ряду рукописей. Если принимать вопрос в утвердительной форме, то по существу он выглядел бы так: почему тело, лишённое ощущения, будет обладать умом?

Ибо остальные чувства воспринимают через иное; таковы обоняние, зрение, слух. Если же непосредственно соприкасающееся с чем-то существо не будет обладать ощущением, то оно не сможет одного избегать, а другое приобретать. В таком случае животному невозможно будет сохраняться. Поэтому-то и вкус есть некоторого рода осязание: ведь он возбуждается пищей, пища же есть осязаемое тело. Ни звук, ни цвет, ни запах не питают и не содействуют ни росту, ни упадку. Таким образом, вкус необходимо есть некоторого рода осязание, потому что он есть ощущение осязаемого и пригодного для питания.

Итак, оба этих чувства необходимы всякому животному, и очевидно, что животное не может существовать без осязания. Остальные же чувства существуют ради блага и встречаются уже не во всяком роде животных, а у некоторых; так, они необходимо присущи животным, способным передвигаться. Для своего сохранения такое животное должно воспринимать не только путем соприкосновения, но и на расстоянии. А это возможно, если животное способно ощущать через среду — таким образом, чтобы среда испытывала воздействие от ощущаемого и приводилась им в движение, а ощущающее существо испытывало бы воздействие от среды. <...>

* * *

Поскольку счастье — это некая деятельность души в полноте добродетели, нужно, пожалуй, подробно рассмотреть добродетели; так мы, вероятно лучше сможем уразуметь (*theoresaimen*) все связанное со счастьем.

Настоящий государственный муж (*politikos*) тоже, кажется, больше всего старается о добродетели, ибо он хочет делать граждан добродетельными и законопослушными. Образец таких [государственных людей] мы имеем в законодателях критян и лакедемонян и других, им подобных, если таковые были. Коль скоро рассмотрение этого вопроса относится к науке о государстве, [т.е. к политике], то, очевидно, наши поиски идут [путем], избранным в самом начале. Ясно, что добродетель, которую мы должны рассматривать, человеческая, ведь и благо мы исследовали человеческое, и счастье — человеческое.

Между тем человеческой добродетелью мы называем добродетель не тела, но души, и счастьем мы называем [тоже] деятельность души. Если это так, ясно, что государственному человеку нужно в известном смысле знать то, что относится к душе, точно так, как, вознамерившись лечить глаза, [нужно знать] все тело, причем в первом случае это настолько же важнее, насколько политика, [или наука о государстве], ценнее и выше врачевания. А выдающиеся врачи много занимаются познанием тела¹⁷. Так что и государственному мужу следует изучать связанное с душой, причем изучать ради своих собственных [целей] и в той мере, в какой это потребно для исследуемых вопросов, ибо с точки

¹⁷ Речь идет о врачах-ученых в отличие от врачей-практиков.

зрения [задач], стоящих перед ним, далеко идущие уточнения, вероятно, слишком трудоемки.

Кое-что о душе удовлетворительно излагается также и в сочинениях вне нашего круга¹⁸, так что ими следует воспользоваться, скажем, [содержащейся там мыслью, что] одна часть души не обладает суждением (*alogon*), а другая им обладает (*logon ekhon*). Разграничены ли они, подобно частям тела и всему, что имеет части, или же их две только понятийно (*toi logoi*), а по природе они нераздельны, как выпуклость и вогнутость окружности, — для настоящего исследования это не имеет никакого значения. Одна часть того, что лишено суждения, видимо, общая [для всего живого], т.е. растительная (*to phytikon*), — под этим я имею в виду причину усвоения пищи и роста — такую способность (*dynamis*) души можно полагать во всем, что усваивает пищу, в том числе в зародышах, причем это та же самая способность, что и во взрослых [существах]; это ведь более разумно, чем полагать в последнем случае какую-то иную [способность к тому же самому].

Итак, «добродетель» этой способности кажется общей, а не только человеческой; в самом деле, принято считать, что эта часть души и эта способность действуют главным образом во время сна, между тем именно во сне менее всего можно выявить добродетельного и порочного человека (потому и говорят, мол, полжизни счастливые не отличимы от злосчастных, и это вполне понятно, ибо сон — бездеятельность души в том смысле, в каком ее можно называть «добропорядочной» и «дурной»), если только не принимать в расчет каких-то движений, которые могут слегка затрагивать душу, отчего сновидения у добрых людей бывают лучше, чем у обычных. Однако и об этом довольно, часть души, усваивающую пищу (*to threptikon*), следует оставить в стороне, поскольку по своей природе она не имеет доли в человеческой добродетели.

Но, должно быть, существует и какое-то иное естество (*physis*) души, которое, будучи лишено суждения, все же как-то ему причастно (*metekhoysa logoy*). Мы хвалим суждение (*logos*), т.е. часть души, обладающую суждением (*to logon ekhon*), применительно к воздержному и невоздержному за правильные побуждения, [обращенные] к наилучшим [целям]. Но в этих, [т.е. в воздержных и невоздержных людях] обнаруживается и какая-то другая часть души,

¹⁸ Учение о двух частях души, вероятно, было широко распространено. <...> Платон говорил и о трех- и о двухчастной душе. На платоновское трехчастное деление Аристотель опирается в «Топике» <...>, но в «О душе» сводит деление к двум частям. <...> Здесь Аристотель предлагает два способа выделения частей души: (1) Душа делится на части: не обладающую суждением-логосом и обладающую, причем первая часть состоит из (а) растительной и питательной и (б) причастной суждению, которая при этом называется повинующейся, подвластной влечению, стремящейся и послушной. Если же считать, что (б) причастная суждению-логосу часть души — это то же самое, что обладающая логосом, тогда (2) часть, не обладающая суждением, состоит только (!) из растительной и питательной части, а обладающая суждением помимо (а) собственно рационального элемента включает еще (б) часть, слушающуюся логоса-суждения. При том и другом делении частей три. <...>

существующая по своей природе вопреки суждению (*para logon*), которая борется с суждением и тянет в другую сторону. Так же как при намерении сдвинуть парализованные члены вправо, они повертываются, наоборот, влево, точно так и с душой, ибо устремления невоздержных противоположны [суждению], но, когда рука или нога промахиваются, мы это видим, а что происходит с душой — не видим. Вероятно, точно так же нужно признать, что и в душе есть нечто противное суждению, противоположное ему и идущее ему наперекор. В каком смысле это другая часть — здесь нам не важно. Но, как мы уже сказали, и эта часть души, очевидно, тоже причастна суждению; во всяком случае, у воздержного человека она повинуется суждению, а у благоразумного и у мужественного она, вероятно, еще более послушна, потому что у них все согласуется с суждением.

Таким образом, часть души, лишенная суждения, тоже представляется двусложной. Одна часть — растительная — ни в каком отношении не участвует в суждении, другая — подвластная влечению и вообще стремящаяся (*epithymetikon kai holos orektikon*) — в каком-то смысле ему причастна постольку, поскольку она послушна суждению и повинуется ему. Так, когда мы говорим: «имеется суждение отца и друзей», мы подразумеваем отношение, но не то, какое бывает в математике¹⁹. Что лишенная суждения часть души в каком-то смысле подчиняется суждению, нам дают понять вразумление и всякого рода обвинения и поощрения. А если нужно признать, что эта часть души обладает суждением, тогда двусложной будет часть, обладающая суждением, т.е., с одной стороны, она [обладает им] в собственном смысле и сама по себе, а с другой — это нечто, слушающееся [суждения, как ребенок] отца.

Учитывая это различие, подразделяют и добродетели, ибо одни добродетели мы называем мыслительными (*dianoetikai*), а другие — нравственными (*ethikai*); мудрость, сообразительность и рассудительность — это мыслительные добродетели, а щедрость и благоразумие — нравственные, ибо, рассуждая о нраве, мы не говорим, что человек мудр или сообразителен, но говорим, что он ровен или благоразумен. В то же время и мудрого мы хвалим за [его душевный] склад, а те склады [души], которые заслуживают похвалы, мы называем добродетелями. <...>

Теперь надо рассмотреть, что такое добродетель. Поскольку в душе бывают три [вещи] — страсти, способности и устои, то добродетель, видимо, соотносится с одной из этих трех вещей. Страстями, [или переживаниями], я назы-

---

¹⁹ Среди значений слова «логос» у перипатетиков Теон Смирнский упоминает и логос в смысле *отношения* почитаемого и почитающего: когда кто-то почитает кого-то и подчиняется ему, то о нем говорят, что он *имеет логос* почитаемого; «иметь суждение (логос)» означает тем самым не только «быть разумным, рациональным», но и «подчиняться чужому разуму», «слушаться». Таким образом, «сам язык» подсказывает Аристотелю: «стремящееся» — это часть души, «имеющая суждение» в том смысле, что она подчиняется суждению обладающего суждением в собственном смысле.

ваю влечение, гнев, страх, отвагу, злобу, радость, любовь (*philia*), ненависть, тоску, зависть, жалость — вообще [все], чему сопутствуют удовольствия или страдания²⁰. Способности — это то, благодаря чему мы считаемся подвластными этим страстям, благодаря чему нас можно, например, разгневать, заставить страдать или разжалобить. Нравственные устои, [или склад души], — это то, в силу чего мы хорошо или дурно владеем [своими] страстями, например гневом: если [гневаемся] бурно или вяло, то владеем дурно, если держимся середины, то хорошо. Точно так и со всеми остальными страстями.

Итак, ни добродетели, ни пороки не суть страсти, потому что за страсти нас не почитают ни добропорядочными, ни дурными, за добродетели же и пороки почитают, а также потому, что за страсти мы не заслуживаем ни похвалы, ни осуждения — не хвалят же за страх и не порицают за гнев вообще, но за какой-то [определенный]. А вот за добродетели и пороки мы достойны и похвалы, и осуждения.

Кроме того, гневаемся и страшимся мы не преднамеренно (*aproairetos*), а добродетели — это, напротив, своего рода сознательный выбор (*proairesis*), или, [во всяком случае], они его предполагают. И наконец, в связи со страстями говорят о движениях [души], а в связи с добродетелями и пороками — не о движениях, а об известных наклонностях²¹. Поэтому добродетели — это не способности: нас ведь не считают ни добродетельными, ни порочными за способности вообще что-нибудь испытывать (и нас не хвалят за это и не осуждают). Кроме того, способности в нас от природы, а добродетельными или порочными от природы мы не бываем. Раньше мы уже сказали об этом. Поскольку же добродетели — это не страсти и не способности, выходит, что это устои. <...>

Разделив добродетели души, мы утверждали, что одни относятся к нраву, а другие к мысли. Мы уже разобрали нравственные добродетели, об остальных будем говорить — прежде сказав о душе — следующим способом.

Ранее уже было сказано, что существуют две части души: наделенная суждением и лишенная его²²; теперь нужно таким же образом предпринять разделение в той, что обладает суждением. Предположим, что частей, наделенных суждением, тоже две: одна — та, с помощью которой мы созерцаем такие сущности, чьи начала не могут быть иными, [то есть меняться]; другая — та, с

---

²⁰ Аристотель редко говорит «я», а не «мы». ... «я» не означает подчеркивания особой собственной точки зрения. *Philia* рассматривается в книгах VIII—IX; здесь принимается во внимание только любовная филія, филія-*pathos* (скорее «дружеское чувство» — *philesis* ...), а не филія как подобие добродетели.

²¹ ... «Наклонность» — почти то же, что «склад», «устои», но последнее отличается большим постоянством, т.е. отличается от наклонности, как устойчивое свойство от преходящего состояния.

²² ...Разделение таким же образом (ниже) подразумевает чисто понятийное, а не реальное деление, как и в книге I.

помощью которой [понимаем] те, [чьи начала] могут [быть и такими, и инакими]. Дело в том, что для вещей разного рода существуют разного рода части души, предназначенные для каждой отдельной вещи по самой своей природе, коль скоро познание возможно здесь в соответствии с каким-то подобием и сродством [этих частей души и предметов познания]²³. Пусть тогда одна часть называется научной, а другая рассчитывающей (*to logistikon*), ибо принимать решения (*boyleyesthai*) и рассчитывать (*logidzesthai*) — это одно и то же, причем никто не принимает решений о том, что не может быть иначе. Следовательно, рассчитывающая часть — это [только] какая-то одна часть [части], наделенной суждением²⁴.

Нужно теперь рассмотреть, каков наилучший склад для той и для другой части души, ибо для той и для другой именно он является добродетелью, а добродетель проявляется в свойственном ей деле.

Есть три [силы] души, главные для поступка и для истины: чувство, ум (*noys*), стремление (*orexis*)²⁵. Из них чувство не является началом какого бы то ни было поступка; это ясно потому, что чувство имеют и звери, но они не причастны к поступку. Далее, что для мысли утверждение и отрицание, то для стремления преследование и бегство. Таким образом, если нравственная добродетель — это устои, которые избираются нами сознательно (*hexis proairetike*), а сознательный выбор — это стремление, при котором принимают решения (*orexis boyleytike*), то суждение должно быть поэтому истинным, а стремление правильным, коль скоро и сознательный выбор добропорядочен и [суждение] утверждает то же, что преследует стремление²⁶.

Итак, мысль и истина, о которых идет речь, имеют дело с поступками (*praktike*), а для созерцательной (*theoretike*) мысли, не предполагающей ни поступков, ни созидания-творчества (*poietike*), добро (*to eu*) и зло (*to kakos*) — это соответственно истина и ложь; ибо это — дело всего мыслящего, дело же час-

²³ Аристотель не придерживается известного, начиная с Эмпедокла, принципа «подобное познается подобным» в его физиологическом варианте. Если у досократиков материальные «истечения» предметов воспринимаются соответствующими им частицами души, то у Аристотеля одна часть души воспринимает вечное и неизменное, другая — изменчивое и бренное. <...>

²⁴ Обычно Аристотель употребляет термин *logistikon* в платоновском смысле и при обсуждении платоновской психологии <...> У Платона *logistikon* — вся высшая рациональная часть души, а здесь у Аристотеля это только часть данной части, так как в рациональную часть души входит еще и научная часть (*to epistemonikon*). ...

²⁵ *Поступок и истина* — это практическая деятельность и познание. *Главное для познания* — пара «чувство и ум» <...>; *главное для практической деятельности* — пара «ум и стремление». *Orexis* может переводиться также «воля». Ниже *мысль* — синоним для *ума*.

²⁶ ... Здесь Аристотель показывает связь всякого действия с интеллектуальным моментом. Истинное суждение, если оно обращено к поступкам, а не к познанию, называется «верным суждением»; стремление, если оно руководствуется истинным суждением, именуется «правильным стремлением» (*orthē orexis*). «Верное» (правильное) в практике соответствует «истинному» в познании. <...>

ти, предполагающей поступки и мыслительной, — истина, которая согласуется с правильным стремлением.

Начало, [источник], поступка — сознательный выбор, но как движущая причина, а не как целевая, [в то время как источник] сознательного выбора — стремление и суждение, имеющее что-то целью. Вот почему сознательный выбор невозможен ни помимо ума и мысли, ни помимо [нравственных] устоев; в самом деле благополучие [как получение блага] в поступках (*eupraxia*), так же как его противоположность, не существует в поступке помимо мысли и нрава²⁷. Однако сама мысль ничего не приводит в движение, [это делает только мысль], предполагающая какую-то цель, т.е. поступок, ибо у этой [мысли] под началом находится творческая [мысль]²⁸. Дело в том, что всякий, кто творит, творит ради чего-то и творчество (*to poieton*) — это не безотносительная цель, но чья-то [цель] и относительная. Между тем свершение поступка (*to prakton*) — [цель безотносительная], а именно: благо-получение в поступке (*eupraxia*) само есть цель, стремление же направлено к цели. Именно поэтому сознательный выбор — это стремящийся ум, [то есть ум, движимый стремлением], или же осмысленное стремление, [то есть стремление, движимое мыслью], а именно такое начало есть человек²⁹.

Предметом сознательного выбора (*proaireton*) может быть нечто в прошлом; так, никто не собирается (*proaireitai*) разрушить Илион, ибо о прошедшем не принимают решений, [их принимают только] о будущем и о том, что может быть, а прошедшее не может стать не бывшим, и потому прав Агафон:

Ведь только одного и богу не дано:
Не бывшим сделать то, что было сделано.

Таким образом, дело обеих умственных частей души — истина. А это значит, что для обеих частей добродетелями являются те складки [души], благодаря которым та и другая [часть] достигнет истины наиболее полно.

²⁷ *Целевая причина поступка* — это то, что кажется благом <...>; *суждение, имеющее что-то целью* (*logos ho heneka tinos*), — это та или иная формулировка правила поведения. «Благополучие» выше использовалось как обиходный синоним к «счастью» и «благоденствию». Но, считая счастье деятельностью, Аристотель наделяет слово *eupraxia* (благополучие) активным смыслом: «получение блага через поступки». Фразеологизм *eu pratto* — «у меня все идет хорошо» Аристотель разлагает на составные части: *eu* — «хорошо», *pratto* — «поступаю», внушая тем самым, что все идет хорошо, когда человек совершает хорошие поступки. <...> Поскольку цель — это *eupraxia* (благополучие), она есть своего рода *praxis* (деятельность).

²⁸ *Сама созерцательная мысль* не может ничего *приводить в движение*, так как ее предметы — неподвижное и неизменное или имеющее начало движения в себе. *Мысль, предполагающая поступок* («практическая мысль») включает в себя стремление, т.е. движущую причину. Ниже *творчество* означает не процесс, а результат творчества, произведение.

²⁹ *Сознательный выбор*, и соответственно *человек* определен как *ум* и одновременно как *стремление*. В сравнении с животным в выборе человека преобладает ум, в сравнении с мудрецом стремление преобладает над умом.

3 *Представления о сознании в философии Нового времени*

Р. Декарт

[Исследование души]*

**Доводы, доказывающие
существование Бога и бессмертие души,
или основания метафизики**

С давних пор я заметил, что в вопросах нравственности иногда необходимо мнениям, заведомо сомнительным, следовать так, как если бы они были бесспорны. <...> Но так как в это время я желал заняться исключительно разысканием истины, то считал, что должен поступить совсем наоборот, т.е. отбросить как безусловно ложное все, в чем мог вообразить малейший повод к сомнению, и посмотреть, не останется ли после этого в моих воззрениях чего-либо уже вполне несомненного. Таким образом, поскольку чувства нас иногда обманывают, я счел нужным допустить, что нет ни одной вещи, которая была бы такова, какой она нам представляется; и поскольку есть люди, которые ошибаются даже в простейших вопросах геометрии и допускают в них паралогизмы, то я, считая и себя способным ошибаться не менее других, отбросил как ложные все доводы, которые прежде принимал за доказательства. Наконец, принимая во внимание, что любое представление, которое мы имеем в бодрствующем состоянии, может явиться нам и во сне, не будучи действительностью, я решился представить себе, что все когда-либо приходившее мне на ум не более истинно, чем видения моих снов. Но я тотчас обратил внимание

---

* *Декарт Р.* Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 154, 174—175, 268—269, 316—318, 327, 329, 331—333, 424—425, 472, 474, 482, 494, 495, 497, 501—503, 545—547; 1994. Т. 2. С. 279, 281.

Данный текст состоит из фрагментов разных произведений Р. Декарта: «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках»; «Разыскание истины посредством естественного света»; «Первоначала философии»; «Замечания на некую программу»; «Возражения некоторых ученых мужей против изложенных выше “Размышлений” с ответами автора»; «Описание человеческого тела. Об образовании животного»; «Страсти души». — *Ред.-сост.*

на то, что в это самое время, когда я склонялся к мысли об иллюзорности всего на свете, было необходимо, чтобы я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал. И заметив, что истина *Я мыслю, следовательно, я существую* столь тверда и верна, что самые сумасбродные предположения скептиков не могут ее поколебать, я заключил, что могу без опасений принять ее за первый принцип искомой мною философии.

Затем, внимательно исследуя, что такое я сам, я мог вообразить себе, что у меня нет тела, что нет ни мира, ни места, где я находился бы, но я никак не мог представить себе, что вследствие этого я не существую; напротив, из того, что я сомневался в истине других предметов, ясно и несомненно следовало, что я существую. А если бы я перестал мыслить, то, хотя бы все остальное, что я когда-либо себе представлял, и было истинным, все же не было основания для заключения о том, что я существую. Из этого я узнал, что я — субстанция, вся сущность, или природа, которой состоит в мышлении и которая для своего бытия не нуждается ни в каком месте и не зависит ни от какой материальной вещи. Таким образом, мое *Я*, душа, которая делает меня тем, что я есмь, совершенно отлична от тела и ее легче познать, чем тело; и если бы его даже вовсе не было, она не перестала бы быть тем, что она есть.

Затем я рассмотрел, что вообще требуется для того, чтобы то или иное положение было истинно и достоверно; ибо, найдя одно положение достоверно истинным, я должен был также знать, в чем заключается эта достоверность. И, заметив, что в истине положения *Я мыслю, следовательно, я существую* меня убеждает единственно ясное представление, что для мышления надо существовать, я заключил, что можно взять за общее правило следующее: все представляемое нами вполне ясно и отчетливо — истинно. Однако некоторая трудность заключается в правильном различении того, что именно мы способны представлять себе вполне отчетливо. <...>

* * *

[Поиски истины]¹

<...> *Евдокс*¹ <...> Я, конечно, согласен с тобой, Эпистемон, что, прежде чем мы полностью убедимся в истинности умозаключения *Я сомневаюсь, следовательно, я существую*, или, что то же самое, *Я мыслю, следовательно, я существую*, мы должны знать, что такое сомнение, мышление и существование. Однако не воображай, что для познания этих вещей необходимо насилловать свой ум в поисках ближайшего рода и существенного видового отличия и что это станет для нас крестной мукой. Такое занятие достойно того, кто желает выступать в роли классного наставника или вести диспуты в школах: тот же,

---

¹ Данный фрагмент написан Декартом в диалогической форме. Позицию автора выражает Евдокс. Его собеседник Эпистемон — эрудит, человек ученый и начитанный. — *Ред.-сост.*

кто хочет исследовать вещи сам, судя по тому, как он их воспринимает, не может обладать столь ничтожным умом, чтобы не понять, внимательно исследуя вопрос, что такое сомнение, мышление и существование; для этого у него достаточно разума, и ему нет нужды выучивать все эти различия. Кроме того, желая определить некоторые вещи, мы затемняем их смысл, ибо они сами по себе весьма просты и ясны, и я утверждаю, что мы не можем таким образом познать их лучше, чем через самих себя. Более того, быть может, к тем главным ошибкам, кои могут быть допущены в науке, следует причислить и ту, которая происходит от стремления определять вещи, доступные простому восприятию; те, кто эту ошибку совершает, не могут отделить ясное от неясного и различить вещи, требующие и заслуживающие определения, и вещи, превосходно познаваемые сами по себе. Однако сомнение, мышление и существование могут быть причислены именно к этим последним.

Я не допускаю, чтобы существовали настолько тупые люди, что им необходимо выучивать, что такое существование, прежде чем они сумеют сделать вывод и станут утверждать, что они существуют. То же самое относится к сомнению и мышлению. Добавлю к этому, что нельзя изучить эти вещи иначе как на себе самом и убедиться в них помимо собственного своего опыта, а также и того сознания, или внутреннего свидетельства, кое каждый ощущает в себе, когда взвешивает в уме различные вещи. Подобно тому как было бы пустым делом определять, что такое белизна, дабы сделать это понятие доступным слепому, и достаточно лишь открыть глаза, для того чтобы увидеть и узнать белое, точно так же для познания, что такое сомнение и мышление, надо только усомниться или помыслить. Это и показывает нам все, что мы можем об этом знать, и даже объясняет нам больше, чем самые точные определения. <...>

* * *

Что такое мышление?

Под словом «мышление» я понимаю все то, что совершается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем. Таким образом, не только понимать, хотеть, воображать, но также и чувствовать есть то же самое, что мыслить.

Ибо если я скажу: «Я вижу...» или «Я хожу, следовательно, я существую» — и буду подразумевать при этом зрение или ходьбу, выполняемую телом, мое заключение не будет вполне достоверным; ведь я могу, как это часто бывает во сне, думать, будто я вижу или хожу, хотя я и не открываю глаз, и не двигаюсь с места, и даже, возможно, думать так в случае, если бы у меня вовсе не было тела. Но если я буду разуметь само чувство или осознание зрения или ходьбы, то, поскольку в этом случае они будут сопряжены с мыслью, коя одна только чувствует или осознает, что она видит или ходит, заключение мое окажется вполне верным. <...>

Каким образом наш ум² нам более ведом, чем тело

Однако, чтобы понять, что наш ум познается не только раньше и достовернее, но также и с большей очевидностью, чем тело, следует заметить, что естественный свет делает весьма ясным отсутствие каких бы то ни было качеств или состояний у небытия; в силу этого, когда мы где-то замечаем таковые, там же должна обнаружиться вещь, или субстанция, коей они присущи; при этом, чем большее их число мы наблюдаем у какой-либо вещи, тем яснее мы эту вещь познаем. Однако у ума мы наблюдаем гораздо большее их число, чем у какой-либо другой вещи: из этого с очевидностью следует, что равным счетом ничто не приводит нас к познанию какой-то другой вещи, не давая нам при этом много более достоверного познания нашего ума. К примеру, если я сужу о том, что существует земля, на основании того, что я ее касаюсь или же ее вижу, то, несомненно, на том же самом основании мне еще вернее надлежит судить о том, что существует мой ум: ведь может статься, что я решу, будто касаюсь земли, хотя никакой земли не существует; однако я никоим образом не могу решить, что моя мысль, которая это решает, — ничто; то же самое относится и ко всему остальному. <...>

Нам присущи два модуса мышления — восприятие разума (*perceptio intellectus*) и действие воли (*operatio voluntatis*)

Разумеется, все имеющиеся у нас модусы мышления сводятся к двум основным: один из них — восприятие, или действие разума, другой — воление, или действие воли. Ведь чувство, воображение и чистое разумение — все это лишь различные модусы восприятия, подобно тому как желать, испытывать отвращение, утверждать, отрицать, сомневаться — это различные модусы воления. <...>

Свобода выбора (*libertas arbitrii*) понятна сама собою

Нам присуща свобода воли (*libertas voluntatis*), и мы по собственному своему выбору можем со многим соглашаться либо не соглашаться; положение это настолько ясно, что его следует отнести к нашим первичным и наиболее общим врожденным понятиям. Это было вполне ясно и несколько выше, когда мы, пытаясь во всем усомниться, дошли до того, что вообразили, будто некий могущественнейший наш создатель пытается нас всеми способами обмануть; тем не

---

² Латинское слово «mens», переводимое здесь и в дальнейшем как «ум», в переводе Пико повсюду передается словом «âme» (душа). — *Ред. источника.*

менее мы при этом ощущали в себе такую свободу, что сумели воздержаться от веры в те вещи, кои не представлялись вполне достоверными и исследованными. Но ведь ничто не может быть более само собой разумеющимся, чем вещи, не представляющиеся сомнительными при таком отношении к ним. <...>

Что такое ясное и отчетливое восприятие

Более того, существует весьма много людей, за всю свою жизнь не воспринявших ничего настолько верно, чтобы вынести об этом достоверное суждение. Ведь для такого восприятия, на которое может опираться достоверное и несомненное суждение, требуется не только ясность, но и отчетливость. Ясным восприятием я именую такое, которое с очевидностью раскрывается внимающему уму, подобно тому как мы говорим, что ясно видим предметы, кои достаточно заметны для нашего взора и воздействуют на наш глаз. Отчетливым же я называю то восприятие, кое, являясь ясным, настолько четко отделено от всех других восприятий, что не содержит в себе решительно никакой примеси неясного. <...>

Все, что подпадает под наше восприятие, следует рассматривать как вещи, как впечатления от вещей или как вечные истины. Перечень этих вещей

Что бы ни подпадало под наше восприятие, мы рассматриваем это как вещи или как некие впечатления от вещей: наконец, это как бы вечные истины, не имеющие никакого бытия за пределами нашего сознания. Из того, что мы считаем вещами, наиболее общее значение имеют *субстанция, длительность, порядок, число* и другие понятия того же рода, распространяющиеся на все роды вещей. При этом я признаю лишь два высших рода вещей: одни из них — вещи умопостигаемые, или относящиеся к мыслящей субстанции; другие — вещи материальные, или относящиеся к протяженной субстанции, т.е. к телу. Восприятие, воление и все модусы как восприятия, так и воления относятся к мыслящей субстанции; к протяженной же относятся величина, или сама протяженность в длину, ширину и глубину, фигура, движение, положение, делимость этих вещей на части и тому подобное. Но мы испытываем в себе и нечто иное, не относящееся исключительно к мысли или исключительно к телу и проистекающее от тесного и глубинного единения нашей мысли с телом: таковы чувство голода, жажды и так далее; сюда же относятся побуждения, или страсти души, заключающиеся не в одном только мышлении: таковы побуждения к гневу, к радости, к печали, любви и тому подобное; наконец, таковы все ощущения боли, щекотки, света и цветов, звуков, запахов, вкусов, тепла, твердости и прочих осязаемых качеств. <...>

* * *

<...> Я никогда не писал и не считал, будто ум нуждается во врожденных идеях, являющихся чем-то отличным от его способности мышления; но когда я отмечал, что обладаю некоторыми мыслями, кои я получил не от внешних объектов и не благодаря самоопределению моей воли, но исключительно благодаря присущей мне способности мышления, то, поскольку я отличал идеи, или понятия, кои являются формами этих мыслей, от других, внешних, или образованных, я назвал первые из этих идей врожденными. Делаю я это в том же смысле, в каком мы считаем породистость у каких-то семейств врожденным качеством; у иных же в роду бывает подагра, камни и некоторые другие болезни, при этом младенцы таких семейств вовсе не страдают от этих болезней во чреве своих матерей, но они рождаются с определенной предрасположенностью к подобным заболеваниям. <...>

И конечно, поскольку зрение само по себе не улавливает ничего, кроме рисунка, а слух — ничего, кроме слов или звуков, каждому ясно: все то, что мы мыслим помимо этих слов и рисунков в качестве их значений, являет нам идеи, исходящие не из иного какого источника, но исключительно от нашей способности мыслить: таким образом, идеи эти зарождаются в нас вместе с этой способностью и потенциально существуют в нас всегда: ведь быть присущим способности означает не актуальное, но лишь потенциальное бытие, поскольку само имя «способность» (*facultas*) означает всего лишь возможность (*potentia*). <...>

* * *

Ты³ выискиваешь здесь неясность, основанную на двусмысленности слова *душа* (*anima*); однако я в стольких местах и так тщательно разъяснил этот термин, что было бы совестно здесь это повторять. Итак, я лишь скажу, что, как правило, вещам дают имена невежды, а посему имена эти далеко не всегда подобающим образом соответствуют сути; нам же дозволено не изменять эти имена (после того как они уже вошли в обиход), но лишь вносить поправки в их смысл, когда мы замечаем, что другие неверно их понимают. Так, поскольку древние люди, возможно, не отличали в нас то начало, благодаря которому мы питаемся, растем и выполняем все прочие функции, общие у нас с животными (без всякого участия мысли), от того, благодаря которому мы мыслим, они нарекли то и другое общим именем *души*; позднее, приметив, что мышление отлично от питания, они мыслящее начало назвали *умом* и решили, что это — главная часть души. Я же, обратив внимание на то, что начало, способствующее питанию, во всех отношениях отлично от мыслящего, заявил, что слово «душа» двусмысленно, поскольку его понимают в обоих значениях. Поэтому, дабы его понимали только в смысле *пер-*

---

³ Этот и последующий отрывки представляют собой фрагменты ответов Декарта на возражения французского философа, математика и астронома Пьера Гассенди (1592—1655). — *Ред.-сост.*

вичного акта или в смысле *основной человеческой формы*, оно должно применяться исключительно к мыслящему первоначалу, и во избежание двусмысленности я, как правило, именую это умом; притом я рассматриваю ум не как часть души, но как мыслящую душу в целом.<...>

И я решительно должен отвергнуть все твои ссылки на мои якобы нелепые речи, ибо мне довольно лишь раз поставить тебе на вид, что ты не все мои слова приводишь с достаточной добросовестностью. Тем не менее я часто указывал на критерий, позволяющий установить отличие ума от тела; критерий этот состоит в том, что вся природа ума заключена в мышлении, что же до тела, то вся его природа заключается в протяженности, причем между мышлением и протяженностью нет решительно ничего общего. Я также не раз ясно отмечал, что ум способен функционировать независимо от мозга, поскольку мозг никак не может быть использован для чистого понимания, но лишь для воображения либо для ощущения. <...>

* * *

Чтобы дать сначала общее представление обо всем механизме, который я буду описывать, я прежде всего скажу о том, что как бы главной пружиной и основанием всех его движений является теплота, имеющаяся в сердце, что вены — это трубки, проводящие кровь из всех частей тела к сердцу, чтобы поддерживать его теплоту. Желудок и кишки являются другими, более крупными трубками, имеющими большое количество мелких отверстий, по которым сок, образованный из пищи, входит в вены, проводящие его непосредственно в сердце. Артерии — это тоже трубки, по которым нагретая и разжиженная в сердце кровь проходит во все остальные части тела, сообщая им теплоту и питая их. Самые подвижные и быстрые частицы этой крови, поступившие в мозг по артериям, выходящим из сердца по наиболее прямым линиям, образуют как бы тончайший воздух, или ветер, называемый *животными духами*. Эти животные духи расширяют мозг и готовят его к приему впечатлений как от внешних предметов, так и от души; иначе говоря, они делают его органом, илиместилищем, *общего чувства* (*Sens commun*), *воображения* и *памяти*. Затем этот же самый воздух, или духи, расходится из мозга по нервам во все мышцы, благодаря чему нервы служат органами внешних чувств, и, наполняя различным образом мышцы, вызывает движение во всех членах тела.

* * *

Определение страстей души

Установив, чем страсти души отличаются от всех других мыслей, я думаю, их можно в общем определить как восприятия, или ощущения, или душевные движения, которые относят в особенности к ней и которые вызываются, поддерживаются и усиливаются некоторым движением духов.

Объяснение первой части этого определения

Страсти можно назвать восприятиями, если применить это слово для обозначения всех тех мыслей, которые не являются ни действиями души, ни ее желаниями. Но слово «восприятие» совершенно не подходит, если им обозначается ясно познаваемое, так как опыт показывает, что лучше всего познают страсти не те люди, которые волнуемы страстями больше всех, и что страсти относятся к числу тех восприятий, которые вследствие тесной связи души с телом становятся смутными и темными. Их можно также назвать чувствами, потому что они воспринимаются душой таким же образом, как и объекты внешних чувств, и так же познаются ею. Но еще лучше назвать их волнениями души — не только потому, что так можно назвать все изменения, происходящие в душе, т.е. все ее различные мысли, но главным образом потому, что из всех видов присущих ей мыслей нет других, которые бы так же сильно волновали и потрясали ее, как страсти.

Объяснение второй части определения

Я добавлю также, что страсти относятся в особенности к душе, чтобы отличить их от других ощущений, из которых одни относят к внешним предметам, как, например, запахи, звуки, цвета, другие — к нашему телу, как, например, голод, жажда, боль. Я добавлю еще, что страсти вызываются, поддерживаются и усиливаются некоторым движением духов, затем чтобы отличить их от наших желаний, которые можно назвать также волнениями души, относящимися к ней и ею самой порожденными, а также затем, чтобы объяснить последнюю и ближайшую причину страстей, которая опять-таки отличает их от других ощущений. <...>

Как душа и тело действуют друг на друга

Итак, будем считать, что душа имеет свое местонахождение преимущественно в маленькой железе, расположенной в центре мозга, откуда она излучается (*rayonne*) во все остальное тело посредством духов, нервов и даже крови, которая, принимая участие в действии духов, может разнести их по артериям во все члены. Вспомним то, что было сказано выше о машине нашего тела, именно, что маленькие ниточки наших нервов так распределены по всем его частям, что в случае различных движений, возбуждаемых объектами чувств, они различно открывают поры мозга; благодаря этому животные духи, содержащиеся в полостях, различным образом расходятся по мышцам, поэтому они могут двигать частями тела самым различным образом. Все же остальные условия, необходимые для разнообразного движения духов, достаточны для того, чтобы провести их в различные мышцы. Прибавим здесь еще, что

маленькая железа — главное местопребывание души — так расположена между полостями, содержащими эти духи, что они могут двигать ее столькими различными способами, сколько есть ощутимых различий в предметах. Но и душа может вызвать в ней различные движения; природа души такова, что она получает столько различных впечатлений, т.е. у нее бывает столько различных восприятий, что она производит различные движения в этой железе. И соответственно машина нашего тела устроена так, что в зависимости от различных движений этой железы, вызванных душой или какой-либо другой причиной, она действует на духи, окружающие ее, и направляет их в поры мозга, через которые они по нервам проходят в мышцы; таким образом железа приводит в движение части тела. <...>

Какова власть души над ее страстями

Наши страсти также не могут быть вызваны непосредственно нашей волей. Равным образом от них нельзя освободиться просто усилием воли. То и другое можно сделать только косвенно, представляя вещи, обычно связанные со страстями, которые желательны, и исключаящие нежелательные страсти. Так, чтобы вызвать в себе отвагу и избавиться от страха, недостаточно только желать этого, а следует познакомиться с доводами, событиями или примерами, убеждающими, что опасность невелика, что всегда гораздо безопаснее защищаться, чем бежать, что победа приносит славу и радость, а бегство — только раскаяние, позор и тому подобное.

Что мешает душе полностью располагать своими страстями

Особое обстоятельство, мешающее душе быстро изменять или сдерживать страсти, дало мне основание указать в данном выше определении страстей, что они не только вызываются, но и усиливаются особыми движениями духов. Обстоятельство это сводится к тому, что страсти почти все сопровождаются каким-то волнением в сердце, а поэтому и во всей крови и в духах. До прекращения этого волнения страсти представлены в нашем сознании так же, как и объекты чувств, когда последние действуют на органы наших чувств. И так же как душа, обращая особое внимание на что-либо другое, может не замечать небольшого шума или не чувствовать слабой боли, но не может не слышать гром и не чувствовать огонь, жгущий руку, точно так же она может легко преодолеть незначительные страсти, но не самые бурные и сильные — разве только после того, как утихнет волнение крови и духов. Самое большое, что может сделать воля, когда душевное волнение в полной силе, — это не допустить его следствий и сдержать многие движения, к которым страсть располагает тело. Если, напри-

мер, гнев заставляет поднять руку для того, чтобы ударить, воля обычно может ее удержать; если ноги готовы бежать, когда мы испытываем страх, воля может их удержать и так далее.

В чем заключается борьба, которую обычно предполагают между низшей и высшей частями души

Только в несовместимости движений, которые одновременно стремятся вызвать в железе тело посредством духов и душа при помощи воли, заключается вся борьба между низшей частью души, называемой чувствующей, и высшей ее частью, разумной, или же между естественными вожделениями и волей. Ибо в нас только одна душа, и эта душа не имеет частей: чувствующая часть является и разумной, а все вожделения являются и желаниями. Ошибка, которую делали, приписывая ей различные и обычно противоположные роли, происходит только от того, что ее функции не отличали как следует от функций тела. Только последнему следует приписывать все то, что противно нашему разуму. В сущности между этими частями души нет другой борьбы, кроме той, что маленькая железа, находящаяся в центре мозга, может, с одной стороны, приводиться в движение душой, а с другой — животными духами, которые, как я уже сказал выше, представляют собой только тела; и часто случается, что эти два воздействия бывают противоположны, причем более сильное мешает проявлению более слабого. Можно различать два вида движений, вызванных в железе духами. Одни движения представляют душе предметы, влияющие на чувства, или впечатления, находящиеся в мозгу, и не оказывают на волю никакого воздействия. Другие движения воздействуют на нее: это как раз те движения, которые вызывают страсти или сопровождающие их движения тела. Что касается первых из этих вызванных в железе движений, то, хотя они часто мешают деятельности души и сами задерживаются ею, они не являются прямо противоположными друг другу, и поэтому здесь нельзя заметить никакой борьбы. Борьба происходит лишь между последними из указанных движений и противоположными им желаниями, например между усилием, с которым духи действуют на железу, чтобы вызвать в душе желание какой-либо вещи, и усилием, с которым душа действует на нее в противоположном направлении, желая избежать этой вещи. Эта борьба происходит главным образом потому, что воля, не имея возможности прямо вызывать страсти, принуждена, как уже говорилось, проявлять ловкость и последовательно принимать во внимание различные вещи, из которых одна, может случиться, способна на мгновение изменить направление движения духов, а другая — нет и которые сохраняют эти свойства и в следующее мгновение, так как состояние нервов, сердца и крови не изменилось. Поэтому душе почти одновременно приходится желать и не желать

одного и того же. Отсюда и возникло представление, что в душе есть две борющиеся друг с другом силы. Некоторую борьбу можно заметить лишь в том, что часто одна и та же причина, вызывая в душе какую-нибудь страсть, вызывает известные движения тела, которым душа не содействует и которые она сдерживает или старается сдержать, как только она их замечает. Это испытывают, например, при страхе, когда духи направляются в мышцы, служащие для движения ног при беге, но задерживаются от желания быть храбрыми. <...>

О внутренних волнениях души

Я прибавлю здесь только одно соображение, которое, как мне кажется, должно помочь нам предотвратить любую неприятность, идущую от страстей. Как наше благо, так и наше зло зависят главным образом от внутренних волнений, вызываемых в душе ею же самою. Этим последние отличаются от страстей, зависящих всегда от какого-нибудь движения духов. И хотя волнения души часто связаны со страстями, имеющими с ними сходство, они часто могут встречаться и вместе с другими страстями и даже возникать из противоположных им страстей. Например, иногда бывает, что супруг, оплакивающий смерть своей жены, почувствовал бы досаду, если бы она воскресла; может быть, его сердце сжимается от печали, вызванной похоронами, отсутствием человека, к общению с которым он привык; может быть, некоторые проблески бывшей любви или жалости вызывают у него искренние слезы, но все-таки он чувствует тайную радость в самой глубине своей души, волнение которой так сильно, что сопровождающие его печаль и слезы его не уменьшают. Когда мы читаем о необыкновенных приключениях или видим их на сцене, это может вызвать у нас печаль, радость, любовь или ненависть и вообще любые страсти в зависимости от того, какие предметы представляются нашему воображению. Но мы вместе с тем испытываем удовольствие от возбужденного в нас чувства, и это удовольствие есть интеллектуальная радость, рождающаяся из печали точно так же, как и из всех других страстей.

Следовать добродетели — главное средство против всех страстей

Внутренние волнения затрагивают нас сильнее, чем страсти, и имеют значительно больше власти над нами, чем последние, которые обнаруживаются вместе с ними, но от них отличаются. Для того чтобы душа нашла в себе силу бороться со всеми внешними тревогами, ей всегда необходимо иметь внутреннее удовлетворение, тогда они ей не только не повредят, но, наоборот, умножат радость жизни, и, преодолев тревоги, душа будет чувствовать свое совершенство. А для того чтобы наша душа была удовлетворена, она должна

лишь неуклонно следовать стезей добродетели. Всякий, кто живет так, что его совесть не может ни в чем его упрекнуть, делает то, что считает наилучшим; это и значит следовать стезей добродетели. Удовлетворение от сознания этого столь велико и каждый считает себя благодаря этому столь счастливым, что самый бурный натиск страстей не в состоянии возмутить его душевного покоя. <...>

По какой причине можно себя уважать

Одно из основных требований мудрости предписывает каждому отдавать себе отчет, почему он должен уважать себя или пренебрегать собой. Я постараюсь привести здесь свои соображения. Я вижу лишь одно основание, на котором покоится уважение к себе, — это наша свободная воля и наша власть над собственными желаниями. Ибо только действия, зависящие от нашей свободной воли, дают основание хвалить нас или порицать. Свободная воля позволяет нам властвовать над собой и тем уподобляет нас до известной степени Богу, если только мы из-за собственного малодушия не потеряем прав, какие он нам дарует.

Дж. Локк

Опыт о человеческом разумении*

Введение

Исследование о разумении, приятное и полезное. Так как *разум* ставит человека выше остальных чувствующих существ и дает ему все то превосходство и господство, которое он имеет над ними, то он, без сомнения, является предметом, заслуживающим изучения уже по одному своему благородству. Разумение, подобно глазу, давая нам возможность видеть и воспринимать все остальные вещи, не воспринимает само себя: необходимы искусство и труд, чтобы поставить его на некотором отдалении и сделать его собственным объектом. Но каковы бы ни были трудности, лежащие на пути к этому исследованию, что бы ни держало нас в таком неведении о нас самих, я уверен, что всякий свет, который мы сможем бросить на свои собственные умственные силы, всякое знакомство со своим собственным разумом будет не только очень приятно, но и весьма полезно, помогая направить наше мышление на исследование других вещей. <...>

Что означает слово «идея». <...> Я должен здесь, во вступлении, попросить у читателя прощения за частое употребление слова «идея» в последующем изложении. Так как этот термин, на мой взгляд, лучше других обозначает все, что является объектом мышления человека, то я употреблял его для выражения того, что подразумевают под словами «фантом», «понятие», «вид», или всего, чем может быть занята душа во время мышления. И я не мог избежать частого употребления его.

Я думаю, со мною легко согласятся в том, что такие *идеи* есть в человеческой душе. Каждый познает их в себе, а слова и действия других убеждают его в том, что они есть и у других.

Наше первое исследование и будет посвящено вопросу, как они приходят в душу.

---

* Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 91, 95, 154—156, 157—158, 169—170, 171, 177—178, 183—185, 189—190, 212—215, 415—416, 88—89.

Об идеях вообще и их происхождении

Все идеи приходят от ощущения или рефлексии. Предположим, что ум есть, так сказать, белая бумага без всяких знаков и идей. Но каким же образом он получает их? Откуда он приобретает тот [их] обширный запас, который деятельное и беспредельное человеческое воображение нарисовало с почти бесконечным разнообразием? Откуда получает он весь материал рассуждения и знания? На это я отвечаю одним словом: из *опыта*. На опыте основывается все наше знание, от него в конце концов оно происходит¹. Наше наблюдение, направленное или *на внешние ощущаемые предметы, или на внутренние действия нашего ума, которые мы сами воспринимаем и о которых мы сами размышляем, доставляет нашему разуму весь материал мышления*. Вот два источника знания, откуда происходят все идеи, которые мы имеем или естественным образом можем иметь.

Объекты ощущения — один источник идей. Во-первых, *наши чувства*, будучи обращены к отдельным чувственно воспринимаемым предметам, *доставляют уму* разные, отличные друг от друга *восприятия* вещей в соответствии с разнообразными путями, которыми эти предметы действуют на них. Таким образом мы получаем идеи *желтого, белого, горячего, холодного, мягкого, твердого, горького, сладкого* и все те идеи, которые мы называем чувственными качествами. Когда я говорю, что чувства доставляют их уму, я хочу сказать, что от внешних предметов они доставляют уму то, что вызывает в нем эти *восприятия*. Этот богатый источник большинства наших идей, зависящих всецело от наших чувств и через них входящих в разум, я и называю *ощущением*.

Деятельность нашего ума — другой их источник. Во-вторых, другой источник, из которого опыт снабжает разум идеями, есть внутреннее *восприятие действий* (operations) *нашего ума*, когда он занимается приобретенными им идеями. Как только душа начинает размышлять и рассматривать эти действия, они доставляют нашему разуму (*understanding*) идеи другого рода, которые мы не могли бы получить от внешних вещей. Таковы «восприятие», «мышление», «сомнение», «вера», «рассуждение», «познание», «желание» и все различные действия нашего ума (*mind*). Когда мы сознаем и замечаем их в себе, то получаем от них в своем разуме такие же отличные друг от друга идеи, как и те, которые мы приобретаем от тел, действующих на наши чувства. Этот источник идей каждый человек целиком имеет внутри себя, и, хотя этот источник не есть чувство, поскольку не имеет никакого дела с внешними предметами, тем не менее он очень сходен с ним и может быть довольно точно назван внутренним чувством. Но, называя первый источник *ощущением*, я называю второй *рефлексией*, потому что он доставляет только такие *идеи*, которые приобретаются умом при помощи размышления о своей собственной деятельности внутри себя.

---

¹ Это принципиальное положение Локк вслед за П. Гассенди начал развивать уже в «Наброске А» («*An Early Draft ...*», § 43, р. 67 и сл.). — *Ред. источника*.

Итак, мне бы хотелось, чтобы поняли, что под *рефлексией* в последующем изложении я подразумеваю то наблюдение, которому ум подвергает свою деятельность и способы ее проявления, вследствие чего в разуме возникают *идеи* этой деятельности. Эти два источника, повторяю я, т.е. внешние материальные вещи как объекты *ощущения* и внутренняя деятельность нашего собственного ума как объект *рефлексии*, по-моему, представляют собой единственное, откуда берут начало все наши идеи. Термин «деятельность» я употребляю здесь в широком смысле, подразумевая не только действия ума по отношению к своим идеям, но и возбуждаемые иногда идеями своего рода аффекты, каковы, например, удовлетворение или неудовольствие, возникающие от какой-нибудь мысли. <...>

Люди различным образом снабжаются идеями соответственно различию встречающихся им объектов. Люди снабжаются большим или меньшим числом простых идей извне, смотря по тому, больше или меньше по количеству различных *объектов* им встречается, а от внутренней деятельности их ума — соответственно тому, больше или меньше *размышляют* они о ней. Ибо хотя всякий созерцающий деятельность своего ума не может не иметь простых и ясных идей этой деятельности, но кто не направит своих мыслей на этот путь и не будет *внимательно* ее рассматривать, тот так же не будет иметь ясные, отличные друг от друга идеи всей *деятельности своего ума* и всего, что там можно заметить, как не будет обладать всеми отдельными идеями пейзажа или частей и движений часов тот, кто не обратит на них своего взора и не изучит *внимательно* всех их частей. Картина или часы могут быть поставлены так, что каждый день будут попадаться ему на глаза, но он будет иметь только смутную идею всех их составных частей до тех пор, пока *сам внимательно* не изучит каждую в отдельности.

Идеи рефлексии [возникают] позднее, потому что требуют внимания. Отсюда мы видим причину, почему большинство детей довольно поздно приобретают идеи деятельности своего ума, а некоторые даже всю жизнь не имеют очень ясных и совершенных идей большей части этой деятельности. Ибо, хотя она протекает постоянно, но, подобно блуждающим призракам, не производит впечатления достаточно глубокого, чтобы оставить в уме ясные, отличные друг от друга, прочные идеи, пока разум не обратит свой взор внутрь себя, не начнет *размышлять* о своей собственной *деятельности* и не сделает ее объектом своего созерцания. Новорожденные, появившись на свет, окружены миром новых вещей, которые постоянным возбуждением их чувств привлекают к себе ум, охотно обращающий внимание на новое и склонный наслаждаться разнообразием изменчивых объектов. И вот первые годы занимают и забавляются обыкновенно рассматриванием окружающего. Задача человека в этом возрасте — знакомиться с внешним миром. Но, вырастая в постоянном внимании к внешним ощущениям, люди до наступления более зрелого возраста редко размышляют серьезно о том, что происходит внутри их, а некоторые вообще почти никогда не размышляют. <...>

О простых идеях

Несложные представления. Чтобы лучше понять природу, характер и объем нашего знания, нужно тщательно соблюдать одно положение, касающееся наших идей, — то, что *одни* из них — *простые*, а *другие* — *сложные*².

Хотя в самих вещах действующие на наши чувства качества так тесно соединены и смешаны, что они не отделены друг от друга и между ними нет никакого расстояния, однако производимые ими в душе идеи входят через посредство чувств несомненно простыми и несмешанными. Ибо хотя зрение и осязание часто принимают различные идеи от одного и того же объекта в одно и то же время (человек, например, видит сразу движение и цвет, рука ощущает мягкость и теплоту в одном и том же куске воска), однако соединенные таким образом в одном и том же предмете простые идеи в такой же степени совершенно отличны друг от друга, как и доставляемые различными чувствами. Холод и твердость, которые человек ощущает в куске льда, — такие же отличные друг от друга в уме идеи, как запах и белизна лилии или вкус сахара и запах розы. Для человека ничто не может быть очевиднее ясного и четкого восприятия таких простых идей. Каждая такая идея, будучи сама по себе несложной, содержит в себе только *одно единообразное представление* или восприятие в уме, не распадающееся на различные идеи.

Душа не может ни создавать, ни разрушать их. Эти простые идеи, материал всего нашего знания, предлагаются и доставляются душе только двумя вышеупомянутыми путями, а именно *ощущением* и *рефлексией*. Раз разум снабжен этими простыми идеями, в его власти повторять, сравнивать и соединять их в почти бесконечном разнообразии и, таким образом, по желанию создавать новые, сложные идеи. Но и самая изощренная проницательность (*wit*) и самое широкое разумение не властны ни при какой живости или гибкости мышления *изобрести* или *составить* в душе хотя бы *одну новую простую* идею, не проникающую туда вышеупомянутыми путями; точно так же никакая сила разума не может *разрушить* уже находящиеся в душе идеи. Господство человека в небольшом мире его собственного разума почти таково же, как в обширном мире видимых вещей, где его власть, как бы искусно и ловко ее ни применяли, простирается не далее того, чтобы соединять и разделять имеющиеся под рукой мате-

---

² О делении *идей на простые и сложные* до Локка писал Гассенди в «*Syntagma Philosophicum*» («Система философии», 1658), ч. I. По сути дела здесь и далее (напр., в гл. XII кн. II «Опыта...») у Локка речь идет не только о собственно сложных, но вообще о производных идеях, так как идеи, образованные посредством сопоставления и сравнения имевшихся до этого идей, не обязательно оказываются по своей структуре сложными в буквальном смысле слова, хотя по определению они производны. Локк, не сразу придя к зрелой точке зрения, изложил ее только в четвертом издании «Опыта...» (Кн. II, гл. XII, § 1): здесь идеи отношений поставлены в один ряд с собственно сложными идеями как особый вид производных идей. Однако Локк не привел в полное соответствие с данной точкой зрения свою прежнюю терминологию, которая имела место в первом издании «Опыта...», где образование идей отношений квалифицировалось всего лишь как один из случаев «сложения» идей. — *Ред. источника.*

риалы, но не может создать ни малейшей частицы новой материи или уничтожить хотя бы один уже существующий атом. Таким же бессильным увидит себя всякий, кто попытается составить в своем разуме какую-нибудь простую идею, не полученную при посредстве его чувств от внешних объектов или при посредстве рефлексии от деятельности собственной души. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь попробовал представить себе вкус, который никогда не щекотал его нёба, или составить идею запаха, которого он никогда не обонял. Если кто сможет сделать это, я соглашусь с тем, что и слепой имеет идеи цветов, а глухой — верные, отчетливые понятия о звуках. <...>

Об идеях одного чувства

Деление простых идей. Чтобы лучше понять идеи, получаемые нами от ощущения, было бы неплохо рассмотреть их с точки зрения различия путей, которыми они приближаются к нашей душе и делаются для нас заметными.

Во-первых, одни приходят в душу *при посредстве* только *одного чувства*.

Во-вторых, другие доставляются душе *при посредстве нескольких чувств*.

В-третьих, иные получаются только *при посредстве рефлексии*.

В-четвертых, некоторые пролагают себе дорогу в душу и представляются ей *всеми видами ощущения и рефлексии*.

Под этими-то разными рубриками мы и рассмотрим идеи каждую в отдельности.

Во-первых, *некоторые идеи приходят только при посредстве одного [органа] чувств*, который специально приспособлен к их восприятию. Так, свет и цвета (например, белый, красный, желтый, синий с их различными степенями или оттенками и смесями, например зеленый, алый, пурпуровый, цвет морской воды и др.) воспринимаются только глазами; все виды шума, звуков и тонов воспринимаются только ушами; различные вкусы и запахи — только носом и нёбом. И если эти органы или нервы, которые являются проводниками для доставки их извне на аудиенцию в мозг, в приемную ума (если можно так выразиться), так расстроены, что не выполняют своих функций, то идеи не имеют никакой лазейки, никакого иного пути сделать себя заметными и быть воспринятыми разумом. <...>

О простых идеях от разных чувств

Идеи, приобретаемые более чем одним чувством, — это идеи *пространства* или *протяженности, формы, покоя и движения*, ибо они производят впечатления, воспринимаемые и глазами и осязанием. И мы можем как зрением, так и осязанием воспринимать и вводить в свою душу *идеи протяженности, формы, движения и покоя тел*. <...>

О простых идеях рефлексии

Простые идеи рефлексии — это действия ума в отношении его других идей. Получая извне упомянутые в предыдущих главах идеи, душа, обращая свой взор вовнутрь, на себя, и наблюдая свои действия в отношении этих приобретенных ею идей, получает отсюда другие идеи, которые так же способны быть объектами ее созерцания, как и идеи, воспринимаемые от внешних вещей.

Идею восприятия и идею воли мы получаем от рефлексии. Два основных главных вида деятельности души, которые чаще всего исследуются и настолько часто встречаются, что каждый, кто желает, может заметить их в себе, — это *восприятие*, или *мышление*, и *желание*, или *хотение*. Сила мышления называется *разумом*, а сила желания называется *волею*; обе эти силы ума именуются *способностями*. О некоторых модусах данных простых идей рефлексии, таких, как *вспоминание*, *различение*, *рассуждение*, *суждение*, *познавание*, *вера* и т. д., я буду иметь случай поговорить позже.

О простых идеях как ощущения, так и рефлексии

Удовольствие и страдание. Имеются другие простые идеи, проникающие в душу всеми путями как ощущения, так и рефлексии, а именно *удовольствие*, или *наслаждение*, и его противоположность — *страдание*, или *неудовольствие*, а также *сила*, *существование*, *единство*. <... >

Дальнейшие размышления о наших простых идеях

Идеи в уме, качества в телах. Чтобы лучше раскрыть природу наших идей и толковать о них понятно, будет удобно провести в них различие, поскольку они являются идеями, или восприятиями, в нашем уме и поскольку они — видоизменения материи в телах, возбуждающих в нас такие восприятия. Это нужно для того, чтобы мы *не могли* думать (как, быть может, это обыкновенно делают), будто идеи — точные образы и *подобия* чего-то внутренне присущего предмету. Большинство находящихся в уме идей ощущения так же мало похожи на нечто находящееся вне нас, как мало похожи на наши идеи обозначающие их названия, хотя последние и способны, как только мы их услышим, вызывать в нас эти идеи.

Все, что ум воспринимает в себе и что есть непосредственный объект восприятия, мышления или понимания, я называю *идеею*; силу, вызывающую в нашем уме какую-нибудь идею, я называю *качеством* предмета, которому эта сила присуща. Так, снежный ком способен порождать в нас *идеи белого, холодного и круглого*. Поэтому силы, вызывающие эти идеи в нас, поскольку они находятся в снежном коме, я называю *качествами*, а поскольку они суть ощу-

щения, или восприятия, в наших умах (*understandings*), я называю их *идеями*. Если я говорю иногда об идеях, как бы находящихся в самих вещах, это следует понимать таким образом, что под ними имеются в виду те качества в предметах, которые вызывают в нас идеи.

Первичные качества. Среди рассматриваемых таким образом качеств в телах есть, во-первых, такие, которые совершенно неотделимы от тела, в каком бы оно ни было состоянии; такие, которые оно постоянно сохраняет при всех переменах и изменениях, каким оно подвергается, какую бы силу ни применить к нему; такие, которые чувства постоянно находят в каждой частице материи, обладающей достаточным для восприятия объемом, а ум находит, что они неотделимы ни от какой частицы материи, хотя бы она была меньше той, которая может быть воспринята нашими чувствами. Возьмите, например, зерно пшеницы и разделите его пополам — каждая половина все еще обладает *плотностью, протяженностью, формой и подвижностью*; разделите его снова — оно все еще сохраняет эти самые качества; разделяйте его дальше так до тех пор, пока части не станут незаметными, и все-таки каждая часть будет сохранять все эти качества. Ибо разделение (а это все, что производит с другими телами мельничный жернов, или пестик [в ступке], или какое-нибудь другое орудие, сводя тело к незаметным частям) ни у какого тела никогда не может отнять плотность, протяженность, форму или подвижность, а только образует две или больше различных и отделенных друг от друга масс материи из того, что прежде было одною массою. Все эти отдельные массы, принимаемые за такое-то количество отдельных тел, после раздробления образуют [их] определенное число. Названные *качества* тела я называю *первоначальными* или *первичными*. Мне кажется, мы можем заметить, что они порождают в нас простые идеи, т.е. плотность, протяженность, форму, движение или покой и число.

Вторичные качества. Во-вторых, такие *качества*, как цвета, звуки, вкусы и т.д., которые на деле не играют никакой роли в самих вещах, но представляют собой силы, вызывающие в нас различные ощущения *первичными качествами* вещей, т.е. объемом, формой, строением и движением их незаметных частиц, я называю *вторичными качествами*. К ним можно бы присоединить третий вид, признаваемый лишь за силы, хотя это реальные качества в предмете в такой же степени, как и те, которые я, приравливаясь к обычному способу выражения, называю *качествами*, но для различения — *вторичными качествами*. Ибо способность огня производить новую окраску или густоту в воске или глине через свои первичные качества — такое же качество огня, как и его способность порождать во мне новую идею, или ощущение, теплоты или горения, которого я раньше не испытывал, через те же самые первичные качества, т.е. объем, строение и движение своих незаметных частиц. <...>

Три вида качеств в телах. При правильном рассмотрении, стало быть, в телах имеется *три вида качеств*.

Во-первых, *объем, форма, число, расположение и движение или покой их плотных частиц*. Эти качества находятся в телах, воспринимаем мы их или нет.

Если они такого размера, что мы можем обнаружить их, мы получаем через них идею вещи, как она есть сама по себе, что очевидно для искусственно сделанных вещей. Эти *качества* я называю *первичными*.

Во-вторых, содержащаяся во всяком теле *способность* воздействовать особым образом на какое-либо из наших чувств *благодаря* незаметным *первичным качествам* тела и в силу этого *вызывать в нас различные идеи* разных цветов, звуков, запахов, вкусов и т. д. Эти качества называются обыкновенно чувственными.

В-третьих, содержащаяся во всяком теле *способность благодаря* особому строению *первичных его качеств* производить такое *изменение в объеме, форме, строении и движении другого тела*, чтобы оно действовало на наши чувства не так, как прежде. Так, солнце способно делать воск белым, а огонь способен делать свинец жидким. Эти качества называются обыкновенно [способностями, или] *силами* (powers).

Как я говорил уже, качества первого вида могут быть точно названы *реальными, первоначальными* или *первичными качествами*, потому что они находятся в самих вещах, все равно, воспринимаются они или нет, и потому что от различных их видоизменений зависят вторичные качества.

Качества второго и третьего вида есть только способность воздействовать различным образом на другие вещи, силы, которые возникают вследствие различных видоизменений упомянутых первичных качеств. <...>

О сложных идеях

Их образует ум из простых идей. До сих пор мы рассматривали идеи, при восприятии которых ум бывает только пассивным. Это простые идеи, получаемые от вышеуказанных *ощущения* или *рефлексии*. Ум не может создать себе ни одной из таких идей и не может иметь ни одной идеи, которая бы не состояла всецело из них. Но ум, будучи совершенно пассивным при восприятии всех своих простых идей, производит некоторые собственные действия, при помощи которых из его простых идей как материала и основания для остального строятся другие. Действия, в которых ум проявляет свои способности в отношении своих простых идей, суть главным образом следующие три: 1) соединение нескольких простых идей в одну сложную; так образуются все сложные идеи; 2) сведение вместе двух идей, все равно, простых или сложных, и сопоставление их друг с другом так, чтобы обозревать их сразу, но не соединять в одну; так ум приобретает все свои идеи отношений; 3) обособление идей от всех других идей, сопутствующих им в их реальной действительности; это действие называется *абстрагированием*, и при его помощи образованы все общие идеи в уме. Это показывает, что способности человека и образ их действия почти одинаковы в материальном и интеллектуальном мире. Так как материалы в том и другом мире таковы, что не во власти человека их создавать или уничтожить, все, что он может делать, — это или соединять их вместе, или сопоставлять их друг с другом, или совершенно отделять их.

При рассмотрении сложных идей я начну здесь с первого из этих действий и на должном месте перейду к двум другим. Так как простые идеи, как показывают наблюдения, существуют соединенными в различных сочетаниях, ум обладает способностью рассматривать несколько соединенных вместе идей как одну идею, и не только как они соединены во внешних объектах, но и как он сам связывает их. Идеи, образованные таким образом из соединения нескольких простых идей, я называю *сложными*; таковы *красота, благодарность, человек, войско, вселенная*. Хотя эти идеи сложены из различных простых идей или из *сложных идей*, составленных из простых, ум при желании может рассматривать каждую отдельно как нечто совершенно целое и обозначать одним именем.

Они образованы произвольно. Благодаря этой способности повторения и соединения своих идей ум имеет большие возможности разнообразить и умножать объекты своего мышления, бесконечно увеличивая то, что ему доставили *ощущение* или *рефлексия*. И тем не менее все это не выходит за пределы тех простых идей, которые ум получил из этих двух источников и которые представляют собой первичные материалы всех его соединений, ибо все простые идеи получены от самих вещей; и от них ум *может* иметь не больше того и только то, что ему навязывают. Он не может иметь других идей чувственных качеств, кроме тех, которые доставляются извне чувствами, или каких-либо идей другого рода действий мыслящей субстанции, кроме тех, которые находит в самом себе; но, однажды приобретя эти простые идеи, он уже не ограничивается больше простым наблюдением и тем, что предоставляется ему извне, а может собственной силой соединять свои идеи и *образовывать новые, сложные*, которые он никогда не получал соединенными таким именно образом.

Они есть или модусы, или субстанции, или отношения. Сколько бы ни складывали и ни разъединяли *сложные идеи*, как бы ни было бесконечно их число и беспредельно то разнообразие, с которым они заполняют и занимают человеческую мысль, я все-таки считаю возможным свести их к следующим трем разрядам: 1) *модусы*; 2) *субстанции*; 3) *отношения*.

Модусы. Во-первых, *модусами* я называю такие сложные идеи, которые, как бы они ни были соединены, не имеют в себе предпосылки самостоятельности их существования, а считаются либо зависимыми от субстанций, либо свойствами последних. Таковы идеи, обозначаемые словами «треугольник», «благодарность», «убийство» и др. Если я употребляю здесь слово «модус» в несколько необычном значении, я прошу прощения. Но в рассуждениях, расходящихся с общепринятыми взглядами, неизбежно или образование новых слов, или употребление старых в несколько новом значении; последний прием в данном случае, быть может, более подходящий.

Простые и смешанные модусы. Два вида этих *модусов* заслуживают особого рассмотрения. Во-первых, некоторые модусы суть только разновидности или различные сочетания одной и той же простой идеи, без примеси другой какой-нибудь идеи, например дюжина или двадцатка, которые представляют

собой не что иное, как идеи стольких-то отдельных единиц, соединенных вместе; я называю [такие идеи] *простыми модусами*, потому что они содержатся в пределах одной только простой идеи. Во-вторых, другие составлены из простых идей разных видов, соединенных для образования одной сложной идеи; например, *красота*, которая состоит в известном сочетании окраски и формы, вызывающем восхищение у зрителя, или *воровство*, которое состоит в тайной перемене владения вещью без согласия владельца и представляет, очевидно, сочетание нескольких идей различных видов; такие модусы я называю *смешанными модусами*.

Субстанции единичные и собирательные. Во-вторых, идеи *субстанций* есть такие сочетания простых идей, относительно которых считают, что они представляют собой различные отдельные вещи, существующие самостоятельно, и в которых всегда первой и главной бывает предполагаемая или неясная идея субстанции как таковой. Таким образом, если к субстанции присоединится простая идея некоего беловатого цвета, а также определенного веса, твердости, ковкости и плавкости, то мы получаем *идею свинца*; присоединенное к субстанции сочетание идей определенной формы вместе со способностью движения, мышления и рассуждения образует обычную *идею человека*. А идей субстанции также бывает два вида: идеи простых субстанций, существующих отдельно, например идеи *человека* или *овцы*, и идеи нескольких таких субстанций, соединенных вместе, например *армия* людей или *стадо* овец; при соединении таких *собирательных* идей нескольких *субстанций* каждая из них такая же единичная идея, как и идея человека или единицы.

Отношение. В-третьих, последний разряд сложных идей составляет то, что мы называем *отношением*, которое состоит в рассмотрении и сопоставлении одной идеи с другой. О различных видах идей [отношения] мы поговорим, когда до них дойдет очередь.

Самые трудные для понимания идеи происходят от двух указанных источников. Если мы проследим развитие нашего ума и посмотрим внимательно, как он повторяет, складывает и соединяет свои простые идеи, полученные от ощущения или рефлексии, то это заведет нас дальше, чем может нам казаться с первого взгляда. Я полагаю, если внимательно наблюдать за происхождением наших понятий, то мы обнаружим, что даже *самые темные* идеи, какими бы далекими от чувства или от какого-нибудь действия нашего ума они ни казались, являются только такими, какими их строит для себя разум посредством повторения и соединения идей, полученных им или от объектов чувства, или от своих собственных действий в отношении их; так что даже самые широкие и *отвлеченные* идеи *происходят от ощущения или рефлексии*, будучи только тем, что ум может достигать и достигает обычным применением своих способностей в отношении идей, полученных от объектов чувства или от наблюдаемых в себе действий в отношении их. Я постараюсь показать это на наших *идеях пространства, времени, бесконечности* и некоторых других, как будто всего дальше отстоящих от указанных источников. <...>

О ясных и смутных, отчетливых и путаных идеях

Одни идеи ясны и отчетливы, другие неясны и путаны. Мы показали происхождение наших идей, рассмотрели различные их виды, разобрали разницу между идеями простыми и сложными и заметили, что сложные идеи разделяются на идеи модусов, субстанций и отношений. На мой взгляд, все это необходимо проделать каждому, кто хотел бы основательно познакомиться с развитием ума, [с тем, как ум] понимает и познает вещи. Быть может, подумают, что я уже достаточно долго занимался рассмотрением идей. Тем не менее я должен просить позволения предложить несколько новых соображений относительно их. Прежде всего о том, что одни идеи ясны, а другие *смутны*, одни *отчетливы*, а другие *путаны*.

«Ясность» и «смутность» объясняются примером зрения. Так как восприятие ума всего удобнее объяснять словами, относящимися к зрению, то смысл того, что мы подразумеваем под *ясностью* и *смутностью* в своих идеях, мы поймем всего лучше при размышлении о том, что мы называем *ясным* и *смутным* в объектах зрения. Так как свет обнаруживает нам видимые объекты, то мы называем *смутным* то, на что не падает света, достаточного для обнаружения точной формы и цвета, которые наблюдаются в предмете и были бы различимы при лучшем освещении. Соответственно наши *простые идеи ясны*, когда они таковы, как сами объекты, от которых они получены и представляются (*present*) или могут представляться через (*in*) хорошо упорядоченное ощущение, или восприятие. Они являются *ясными идеями*, пока память удерживает их такими и может представить (*produce*) их уму всякий раз, как последнему случается рассматривать их. В той мере, в какой идеям или не хватает этой первоначальной точности, или они потеряли часть своей прежней свежести и, так сказать, поблекли или потускнели от времени, они *смутны*. *Сложные идеи*, состоящие из простых идей, бывают *ясны* тогда, когда ясны образующие их идеи и когда определено и известно количество и расположение тех простых идей, которые входят в состав какой-либо сложной идеи.

Причины неясности. *Причины неясности* в простых идеях заключаются, по видимому, или в притупленности органов, или в большой слабости и беглости впечатления от объекта, или же в слабости памяти, неспособной удерживать идеи такими, какими они были получены. Чтобы помочь себе в уяснении этого вопроса, вернемся снова к видимым объектам. Если органы или способности восприятия, подобно затвердевшему от холода воску, не будут принимать оттиска печати при обычном давлении, необходимом для отпечатка; или если они, подобно слишком мягкому воску, будут плохо удерживать хорошо оттиснутую печать; или если воск будет надлежащей консистенции, но печать не будет прилагаться с силой, достаточной для образования ясного отпечатка, — то во всех этих случаях оставленный печатью оттиск будет *неясным*. Это, я полагаю, не нуждается в дальнейших пояснениях.

Что такое отчетливые и путаные идеи? Так же как *ясной идеей* бывает такая, от которой ум получает такое же полное и очевидное восприятие, какое хоро-

шо устроенный орган получает от надлежащего воздействия внешнего объекта, так *отчетливой идеей* бывает такая, в которой ум воспринимает ее отличие от всех других идей, а *путаной* — такая, которая не в достаточной мере отличима от какой-либо другой идеи, от которой она должна отличаться. <...>

«Ясные и отчетливые идеи» — это термины, которые, несмотря на их обычность и частоту употребления в живой речи, я имею основание считать не вполне понятными для всякого, кто их употребляет. И возможно, что только немногие дают себе труд вдуматься в них настолько, чтобы узнать, что именно они сами или другие под ними подразумевают. Поэтому я в большинстве случаев предпочел поставить «определенный» вместо «ясный» и «отчетливый» как выражение, более способное привести человеческие мысли к моему пониманию в этом вопросе. Этим названием я обозначаю некоторый объект в уме и, следовательно, объект *определенный*, т.е. такой, каким он там замечен и воспринят. Мне думается, *определенной* идеей можно справедливо назвать такую, которая, находясь в данное время объективно в уме³ и тем самым *определенная* там, соединена и неизменно *связывается* с некоторым названием или членораздельным звуком, который должен быть устойчивым знаком этого самого объекта ума, или *определенной* идеи.

Объясню это немного подробнее. Под термином «определенный» в приложении его к *простой идее* я разумею то простое представление, которое ум имеет в своем поле зрения или воспринимает в себе, когда говорят, что эта идея находится в нем. Под термином «определенный» в приложении его к *сложной идее* я разумею такую идею, которая состоит из определенного числа известных простых или менее сложных идей, соединенных в таком взаимоотношении и расположении, какое ум имеет перед собой и видит в себе, когда эта идея присутствует в нем или должна была бы присутствовать в нем, если кто произносит название этой идеи. Я говорю «должна была бы быть», потому что не всякий, а быть может, и никто не обращает на свою речь такого внимания, чтобы он решал не употреблять ни одного слова до тех пор, пока не увидит в своем уме точной, *определенной* идеи, знаком которой он решает сделать его. Недостаток этого причина большой неясности и путаницы в человеческих мыслях и рассуждениях.

Я знаю, что ни в одном языке нет достаточного числа слов для обозначения всего многообразия идей, составляющих предмет разговоров и рассуждений людей. Но это не мешает тому, чтобы всякий, употребляющий какое-нибудь слово, имел в своем уме *определенную* идею, знаком которой он его делает и с которой он должен прочно связывать его во все время рассуждения. Кто этого не делает или не может делать, напрасно считает, что обладает идеями *ясными*, или *отчетливыми*: очевидно, что его идеи не таковы. И поэтому нельзя ожидать ничего, кроме неясности или путаницы, там, где употребляются слова, не имеющие такого точного определения.

---

³ Здесь Локк использует схоластический оборот «быть в душе (уме) объективно» (*esse obiective in anima*). — Ред. источника.

Г.В. Лейбниц

[О врожденных принципах и малых восприятиях]*

Хотя автор «Опыта...»¹ высказывает множество прекрасных вещей, которые я вполне одобряю, тем не менее наши системы сильно отличаются друг от друга. Его система ближе к Аристотелю², а моя — к Платону³, хотя каждый из нас во многих вопросах отклоняется от учений этих двух древних мыслителей. Он пишет более популярно, я же вынужден выражаться более научно и абстрактно, что не является для меня преимуществом, особенно ввиду того, что я пишу на живом языке. <...>

Наши разногласия касаются довольно важных вопросов. Речь идет о том, действительно ли душа сама по себе совершенно чиста, подобно доске, на которой еще ничего не написали (*tabula rasa*), как это думают Аристотель и наш автор, и действительно ли все то, что начертано на ней, происходит исключительно из чувств и опыта или же душа содержит изначально принципы различных понятий и теорий, для пробуждения которых внешние предметы являются только поводом, как это думаю я вместе с Платоном, а также со схоластиками⁴ и со всеми теми, которые толкуют соответствующим образом известное

---

* Лейбниц Г.В. Сочинения: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 2. С. 48—56; 1984. Т. 3. С. 392—394.

В данный текст включены фрагменты из двух произведений Г.В. Лейбница: «Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии» и «Письмо королеве Софии-Шарлотте (8 мая 1704 г.)». — *Ред.-сост.*

¹ Локк Джон (1632—1704) — автор «Опытов о человеческом разумении»; см. фрагменты из этого произведения на с. 224—235 наст. изд. — *Ред.-сост.*

² Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист; см. его текст на с. 198—211 наст. изд. — *Ред.-сост.*

³ Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ; см. его тексты на с. 181—197, 310—313 наст. изд. — *Ред.-сост.*

⁴ Это место «...et tunc avec l'école...» может быть понято двояко: как «...а также со схоластиками...» и как «...а также с теми, кто преподает [философию теперь] в школах...». — *Ред. источника.*

место в послании св. Павла к римлянам (II 15), где он говорит, что закон божий написан в сердцах. Стоики называли эти принципы *prolepseis*⁵, т.е. основными допущениями, или тем, что принимают за заранее признанное. Математики называют их общими понятиями <...>. Современные философы дают им другие красивые названия, а Юлий Скалигер⁶, в частности, называл их *semina aeternitatis* или же *Zopyra*⁷, как бы желая сказать, что это живые огни, вспышки света, которые скрыты внутри нас и обнаруживаются при столкновении с чувствами, подобно⁸ искрам, появляющимся при защелкивании ружья. Не без основания думают, что эти искры означают нечто божественное и вечное, обнаруживающееся особенно в необходимых истинах. Это приводит к другому вопросу, а именно к вопросу о том, все ли истины зависят от опыта, т.е. от индукции и примеров, или же имеются истины, покоящиеся на другой основе. Действительно, если некоторые явления можно предвидеть до всякого опыта по отношению к ним, то ясно, что мы привносим сюда нечто от себя. Хотя чувства необходимы для всех наших действительных знаний, но они недостаточны для того, чтобы сообщить их нам полностью, так как чувства дают всегда лишь примеры, т.е. частные или индивидуальные истины. Но как бы многочисленны ни были примеры, подтверждающие какую-нибудь общую истину, их недостаточно, чтобы установить всеобщую необходимость этой самой истины; ведь из того, что нечто произошло, не следует вовсе, что оно всегда будет происходить таким же образом. Например, греки и римляне и все другие народы, известные древности, всегда замечали⁹, что до истечения 24 часов день сменяется ночью, а ночь — днем, но было бы ошибочно думать, что это же правило наблюдается повсюду, так как во время пребывания на Новой Земле наблюдали как раз обратное. Ошибся бы и тот, кто решил бы, что это является необходимой и вечной истиной, по крайней мере под нашими широтами, так как мы должны допустить, что Земля и даже Солнце не существуют необходимым образом и что, может быть, настанет когда-нибудь время, когда этого прекрасного светила и всей его системы не будет, по крайней мере в их теперешнем виде. Отсюда следует, что необходимые истины — вроде тех, которые встречаются в чистой математике, и в особенности в арифметике и геометрии, — должны покоиться на принципах, доказательство которых не за-

⁵ *Prolepseis* — термин в теории познания стоиков, означавший «естественные» общие понятия. Некоторые стоики считали их врожденными. — *Ред. источника.*

⁶ Скалигер (*Scaliger*) Юлий Цезарь (1484—1558) — французский филолог, критик, поэт Возрождения. — *Ред.-сост.*

⁷ *Semina aeternitatis* (лат.) — семена вечности. *Zopyra* — жар, таящийся в пепле, из которого можно снова раздуть огонь. — *Ред. источника.*

⁸ В изд. Распе: «...при столкновении чувств с внешними предметами (*des objets externes*)». — *Ред. источника.*

⁹ В изд. Распе: «...греки и римляне и все другие народы всегда замечали...». — *Ред. источника.*

висит от примеров, а следовательно, и от свидетельства чувств, хотя, не будь чувств, нам никогда не пришло бы в голову задумываться над ними. Эти вещи следует тщательно отличать друг от друга, и Евклид¹⁰ отлично понял это, доказывая с помощью разума то, что достаточно ясно на основании опыта и чувственных образов. Точно так же логика вместе с метафизикой и моралью, из которых одна дает начало естественному богословию, а другая — естественной науке о праве, полны подобных истин; следовательно, их доказательство можно получить лишь с помощью внутренних принципов, называемых врожденными. Правда, не следует думать, будто эти вечные законы разума можно прочесть в душе прямо, без всякого труда, подобно тому как читается эдикт претора¹¹ на его таблице, но достаточно, если их можно открыть в нас, направив на это свое внимание, поводы к чему доставляют нам чувства. Успех опыта служит для нас подтверждением разума примерно так, как в арифметике мы пользуемся проверкой, чтобы лучше избежать ошибок при длинных выкладках. В этом заключается также различие между человеческим знанием и знанием у животных. Животные — чистые эмпирики и руководствуются только примерами, так как, насколько можно судить об этом, никогда не доходят до образования необходимых предложений; люди же способны к наукам, покаящимся на логических доказательствах. Способность животных делать выводы есть нечто низшее по сравнению с человеческим разумом. Выводы, делаемые животными, в точности такие же, как выводы чистых эмпириков, уверяющих, будто то, что произошло несколько раз, произойдет снова в случае, представляющем сходные — как им кажется — обстоятельства, хотя они не могут судить, имеются ли налицо те же самые условия. Благодаря этому люди так легко ловят животных, а чистые эмпирики так легко впадают в ошибки. От этого не избавлены даже лица, умудренные возрастом и опытом, когда они слишком полагаются на свой прошлый опыт, как это не раз случалось в гражданских и военных делах, поскольку не обращают достаточно внимания на то, что мир изменяется и что люди становятся более искусными, находя тысячи новых уловок, между тем как олени или зайцы нашего времени не более хитры, чем олени или зайцы прошлых времен. Выводы, делаемые животными, всего лишь тень рассуждения, т.е. это лишь продиктованная воображением связь и переход от одного образа к другому, так как при некоторой новой комбинации, кажущейся похожей на предыдущую, они снова ожидают встретить то, что они нашли здесь раньше, словно вещи связаны между собой в действительности, коль скоро их образы связаны памятью. Правда, и основываясь на разуме, мы обыкновенно ожидаем встретить в будущем то, что соответствует длительному

---

¹⁰ Евклид — древнегреческий математик; работал в Александрии в III в. до н.э. — *Ред.-сост.*

¹¹ *Эдикт претора* — в Древнем Риме извещение претора (высшего должностного лица, осуществлявшего судебные и правовые функции) о том, каких правовых норм он будет придерживаться при отправлении правосудия. — *Ред.-сост.*

опыту прошлого, но это вовсе не необходимая и непогрешимая истина, и мы можем обмануться в своих расчетах, когда мы меньше всего этого ожидаем, если изменятся условия, приведшие раньше к успеху. Поэтому более умные люди не полагаются только на факт успеха, а пытаются, если это возможно, проникнуть хоть отчасти в причины его, чтобы узнать, когда придется сделать исключение. Ведь только разум способен установить надежные правила и дополнить то, чего недостает правилам ненадежным, внося в них исключения, и найти наконец достоверные связи в силу необходимых выводов. Часто это дает возможность предвидеть известное событие, не обращаясь к опыту по отношению к чувственным связям образов, как это вынуждены делать животные. Таким образом, то, что оправдывает внутренние принципы необходимых истин, отличается вместе с тем человека от животного.

Возможно, что наш ученый автор не совсем расходится с моими взглядами. В самом деле, если вся его первая книга посвящена опровержению врожденных знаний, понимаемых в определенном смысле, то в начале второй книги и в дальнейшем он признает, однако, что идеи, которые происходят не из ощущения, берут свое начало в рефлексии. Но рефлексия есть не что иное, как внимание, направленное на то, что заключается в нас, и чувства не дают нам вовсе того, что мы приносим уже с собой. Если это так, то можно ли отрицать, что в нашем духе имеется много врожденного, мы, так сказать, врождены самим себе, и что в нас имеются бытие, единство, субстанция, длительность, изменение, деятельность, восприятие, удовольствие и тысячи других предметов наших интеллектуальных идей? Так как эти предметы непосредственно и всегда имеются в нашем разуме (хотя мы, отвлеченные своими делами и поглощенные своими нуждами, не всегда сознаем их), то нечего удивляться, если мы говорим, что эти идеи вместе со всем тем, что зависит от них, врождены нам. Я предпочел бы поэтому сравнение с глыбой мрамора с прожилками сравнению с гладким куском мрамора или с чистой доской — тем, что философы называют *tabula rasa*. В самом деле, если бы душа походила на такую чистую доску, то и истины заключались бы в нас так, как фигура Геркулеса¹² заключается в глыбе мрамора, когда она абсолютно безразлична к тому, чтобы принять форму данной фигуры или какой-нибудь иной. Но если бы в этой глыбе имелись прожилки, которые намечали бы фигуру Геркулеса предпочтительно перед другими фигурами, то она была бы более предопределена к этому и Геркулес был бы некоторым образом как бы врожден ей, хотя потребовался бы труд, чтобы открыть эти прожилки и отполировать их, удалив все то, что мешает им выступить наружу. Таким же образом идеи и истины врождены нам подобно склонностям, предрасположениям, привычкам или естественным потенциям, а не подобно действиям, хотя эти потенции всегда сопровождаются соответствующими, часто незаметными действиями.

---

¹² Геркулес — в римской мифологии бог и герой; соответствует греческому Гераклу. — Ред.-сост.

Наш ученый автор, по-видимому, убежден, что в нас нет ничего потенциального и даже нет ничего такого, чего бы мы всегда не сознавали актуально. Но он не может строго придерживаться этого, в противном случае его суждение было бы парадоксальным. В самом деле, приобретенные привычки и накопленные в памяти впечатления не всегда осознаются нами и даже не всегда являются нам на помощь при нужде, хотя часто они легко приходят нам в голову по какому-нибудь ничтожному поводу, вызывающему их в памяти, подобно тому как для нас достаточно начала песни, чтобы вспомнить ее продолжение. В других местах он также ограничивает¹³ свой тезис, утверждая, что в нас нет ничего такого, чего бы мы не осознавали по крайней мере когда-либо прежде. Но независимо от того, что никто не может сказать на основании одного только разума, как далеко может простираться наше прошлое сознание (*aperceptions*), о котором мы могли забыть, особенно если следовать учению платоников о воспоминании¹⁴, которое при всей своей фантастичности вовсе не противоречит, хотя бы отчасти, чистому разуму¹⁵, — независимо от этого, говорю я, почему мы должны приобретать все лишь с помощью восприятий внешних вещей и не можем добыть ничего в самих себе? Неужели наша душа сама по себе столь пуста, что без заимствованных извне образов не представляет ровно ничего? Не думаю, чтобы наш рассудительный автор мог одобрить подобный взгляд. И где мы найдем доску, которая сама по себе не представляла бы некоторого разнообразия? Никто никогда не видел совершенно однородной и однообразной плоскости¹⁶. Почему же и мы не могли бы добыть себе каких-нибудь объектов мышления из своего собственного существа, если бы захотели углубиться в него? Поэтому я склонен думать, что по существу взгляд нашего автора на этот вопрос не отличается от моих взглядов, или, вернее, от общепринятых взглядов, коль скоро он признает два источника наших знаний — чувства и рефлексию.

Не знаю, так ли легко будет примирить с нашими взглядами и со взглядами картезианцев утверждение этого автора, что дух не всегда мыслит и, в частности, что он лишен восприятий во сне без сновидений. Он говорит, что раз тела могут быть без движения, то и души могут быть без мыслей. На это я даю несколько необычный ответ. Я утверждаю, что ни одна субстанция не может естественным образом быть в бездействии и что тела также никогда не могут

---

¹³ В изд. Распе: «...в самом деле, хотя приобретенные привычки и содержание нашей памяти не всегда сознаются и даже не всегда являются нам на помощь при нужде, однако мы часто с легкостью вызываем их в мысли по какому-нибудь ничтожному поводу, который напоминает нам о них. Так, например, часто бывает достаточно начала песни, чтобы вспомнить остальную ее часть. В других местах он также ограничивает...». — *Ред. источника.*

¹⁴ Речь идет о диалоге Платона «Менон» (81b—86b). — *Ред. источника.*

¹⁵ У Распе: «...не противоречит чистому разуму...». — *Ред. источника.*

¹⁶ В изд. Распе: «И разве кто видел когда-либо совершенно однородную и однообразную плоскость?» — *Ред. источника.*

быть без движения. Уже опыт говорит в мою пользу, и достаточно обратиться к книге знаменитого Бойля¹⁷, направленной против учения об абсолютном покое, чтобы убедиться в этом. Но я думаю, что на моей стороне и разум, и это один из моих аргументов против атомистики.

Впрочем, есть тысячи признаков, говорящих за то, что в каждый момент в нас имеется бесконечное множество восприятий, но без сознания¹⁸ и рефлексии, т.е. имеются в самой душе изменения, которых мы не сознаем, так как эти впечатления либо слишком слабы и многочисленны, либо слишком однородны, так что в них нет ничего отличающего их друг от друга; но в соединении с другими восприятиями они оказывают свое действие и ощущаются — по крайней мере неотчетливо — в своей совокупности. Так, под влиянием привычки мы не обращаем внимания на движение какой-нибудь мельницы или водопада, если мы некоторое время прожили совсем близко около них. Не следует думать, будто это движение не действует постоянно на наши органы чувств и что в душе не происходит ничего соответствующего этому благодаря гармонии души и тела; но находящиеся в душе и в теле впечатления, лишённые прелести новизны, недостаточно сильны, чтобы привлечь к себе наше внимание и нашу память, устремляющиеся на более занимательные предметы. Всякое внимание требует памяти, и если мы не получаем, так сказать, предупреждения обратить внимание¹⁹ на некоторые из наших наличных восприятий, то мы их часто пропускаем, не задумываясь над ними и даже не замечая их; но если кто-нибудь немедленно укажет нам на них и обратит, например, наше внимание на только что пронесшийся шум, то мы вспоминаем об этом и сознаем, что испытали тогда некоторое ощущение. Таким образом, то были восприятия, которых мы не осознали немедленно; осознание их появилось лишь тогда, когда на них обратили наше внимание через некоторый, пусть совсем ничтожный, промежуток времени. Чтобы еще лучше пояснить мою мысль о малых восприятиях, которых мы не можем различить в массе, я обычно пользуюсь примером шума моря, который мы слышим, находясь на берегу. Шум этот можно услышать, лишь услышав составляющие это целое части, т.е. услышав шум каждой волны, хотя каждый из этих малых шумов воспринимается лишь неотчетливо в совокупности всех прочих шумов, т.е. в самом этом рокоте, хотя каждый из них не был бы замечен, если бы издающая его волна была одна. В самом деле, если бы на нас не действовало слабое движение этой волны и если бы мы не имели какого-то восприятия каждого из этих шумов,

---

¹⁷ Бойль (Boyle) Роберт (1627—1691) — английский физик и химик. — *Ред.-сост.*

¹⁸ ... без сознания. Здесь в подлиннике стоит: «...*mais sans aperception*...» Под апперцепцией Лейбниц чаще всего понимает осознанное восприятие, или сознание (иногда «осознание»), в отличие от бессознательных и смутных состояний спящих и полуспящих монад. — *Ред. источника.*

¹⁹ В изд. Распе: «...требует памяти, а если, так сказать, мы не предупреждены, что должны обратить внимание...». — *Ред. источника.*

как бы малы они ни были, то мы не имели бы восприятия шума ста тысяч волн, так как сто тысяч ничто не могут составить нечто. Точно так же нет столь глубокого сна, при котором не было бы некоторого слабого и неотчетливого ощущения; и никогда нельзя было бы проснуться от самого страшного шума в мире, если бы мы не имели некоторого восприятия начала его, хотя бы самого незначительного, подобно тому как нельзя было бы никогда разорвать веревки при помощи величайшего в мире усилия, если бы меньшие усилия не удлиняли ее немного, хотя это производимое ими небольшое растяжение и незаметно.

Таким образом, действие этих малых восприятий гораздо более значительно, чем это думают. Именно они образуют те не поддающиеся определению вкусы, те образы чувственных качеств, ясных в совокупности, но неотчетливых в своих частях, те впечатления, которые производят на нас окружающие нас тела и которые заключают в себе бесконечность, — ту связь, в которой находится каждое существо со всей остальной вселенной. Можно даже сказать, что в силу этих малых восприятий настоящее чревато будущим и обременено прошедшим, что все находится во взаимном согласии (<...> как говорил Гиппократ²⁰) и что в ничтожнейшей из субстанций взор, столь же проницательный, как взор божества, мог бы прочесть всю историю вселенной, *quae sint, quae fuerint, quae mox future trahantur*²¹.

Эти же незаметные восприятия отмечают и составляют тождество индивида, характеризуемое следами, или впечатлениями, которые сохраняются от предыдущих состояний этого индивида, связывая их с его теперешним состоянием. Какой-нибудь высший дух мог бы познать их, хотя бы даже сам индивид их не ощущал, т.е. хотя бы и не было определенного воспоминания о них. Но они, эти восприятия, дают возможность восстановить при нужде данное воспоминание путем периодических преобразований, могущих некогда произойти. Благодаря этим восприятиям смерть может быть лишь сном, однако не может всегда оставаться им, так как восприятия перестают быть только достаточно отчетливыми и у животных переходят в смутное состояние, не допускающее сознания, но такое состояние не может длиться постоянно, не говоря уже о человеке, который в этом отношении должен обладать большими преимуществами, чтобы сохранить свою индивидуальность.

Именно с помощью незаметных восприятий²² объясняется изумительная предустановленная гармония души и тела и даже всех монад, или простых субстанций, — учение, которое заменяет несостоятельную теорию об их взаимо-

---

²⁰ Гиппократ (ок. 460—ок. 370 до н.э.) — древнегреческий врач, реформатор античной медицины. — *Ред.-сост.*

²¹ «Те, которые есть, которые были и которых принесет будущее» (*Вергилий*. Георгики, кн. IV, 399). — *Ред. источника.*

²² В изд. Распе часть текста отсутствует: «...не может длиться постоянно. Именно с помощью этих же незаметных восприятий...». — *Ред. источника.*

действию и которое, по мнению автора лучшего из словарей²³, превозносит величие божественного совершенства выше всего, что люди когда-нибудь себе представляли. После этого я вряд ли скажу что-либо новое, добавив, что эти же малые восприятия определяют наши поступки во многих случаях без нашего размышления, обманывая толпу мнимым равновесием безразличия, как если бы нам было совершенно все равно, пойти ли направо или налево. Нет необходимости, чтобы я, кроме того, отметил здесь (как я это сделал в самой книге), что они вызывают то беспокойство, которое, как я показываю, отличается от страдания так, как малое отличается от большого, и составляет, однако, часто наше желание и даже наше удовольствие, придавая им своеобразную остроту. Благодаря этим же незаметным частям наших чувственных восприятий существует связь (*rapport*) между восприятием цвета, теплоты и других чувственных качеств и соответствующими им движениями в телах; картезианцы же, равно как и наш автор, при всей своей проницательности признают наши восприятия этих качеств чем-то произвольным, точно Бог сообщил их душе, как ему заблагорассудилось, без всякого существенного отношения между восприятиями и их предметами, — поразительное учение, кажущееся мне мало достойным мудрости творца, не делающего ничего лишнего гармонии и разумного основания.

Одним словом, незаметные восприятия имеют такое же большое значение в пневматике²⁴, какое незаметные корпускулы имеют в физике, и одинаково неразумно отвергать как те, так и другие под тем предлогом, что они недоступны нашим чувствам. Ничто не происходит сразу, и одно из моих основных и достоверных положений — это то, что природа никогда не делает скачков.

* * *

Но, скажут мне, каким же образом материя может влиять на душу, или на существо, способное к восприятию, а душа в свою очередь на материю? Ибо мы убеждаемся на собственном примере, что нередко тело подчиняется велениям души, а душа внимает действиям тела, и все же мы не находим между ними никакого взаимодействия. Философы древности отступились от этой проблемы, считая ее неразрешимой; и в самом деле, они не говорят ничего [дельно-

---

²³ Имеется в виду статья «Рорарий» в «Историческом и критическом словаре» П. Бейля. Иероним Рорарий (1485—1556), папский нунций в Венгрии, был автором сочинения (1547) о разуме животных. В статье о нем Бейль полемизировал по вопросу об отношении тела и души и о предустановленной гармонии со статьями Лейбница, опубликованными в 1695 г. в «Journal de Scavants». Полемика продолжалась почти вплоть до написания «Новых опытов...». — *Ред. источника.*

²⁴ Пневматикой вплоть до конца XVII в. называли науку о душе. Термин «психология» появился уже в XVI в. у Меланхтона, но только Х. Вольф обеспечил его широкое распространение. — *Ред. источника.*

го] по этому поводу. Новейшие мыслители²⁵ пожелали разрубить гордиев узел мечом Александра и заставили вмешаться в естественное течение вещей чудо, подобно тому как театральный «бог из машины» дает развязку представлению. Они утверждают, что Бог постоянно приспосабливает душу к требованиям тела, а тело — к требованиям души и принужден так поступать в силу некоего обязательства или всеобщей воли. Но это прямо противоречит принципу единообразия природы. Обыкновенно тела оказывают действие друг на друга по вполне понятным законам механики, и вдруг оказывается, что стоит душе захотеть чего-то, как Божество тотчас вмешается в естественное поведение вещей и нарушит его! Как вам это понравится?

Между тем именно такова точка зрения отца Мальбранша²⁶ и современных картезианцев, и недаром г-н Бейль²⁷ при всей его изобретательности так и не сумел ее отстоять; впрочем, мне кажется, что я заставил его поколебаться. Но где же выход?

Ответ на этот вопрос дает нам сформулированный выше принцип. Коль скоро мы видим, что тела, взаимодействуя в любой машине, подчиняются механическим законам удара, а души при принятии любого решения — моральным законам добра и зла, то и о других случаях, которых мы не видим или в которых мы недостаточно разбираемся, мы скажем, что они таковы же, т.е. что *все обстоит так же, как здесь*. Иначе говоря, будем объяснять вещи, о которых мы имеем лишь смутное представление, исходя из тех вещей, которые нам хорошо известны, и скажем, что в теле все происходит механически, или сообразно законам движения, а в душе все происходит морально, или сообразно установлениям добра и зла, так что даже в наших инстинктах или произвольных действиях, по видимости осуществляемых одним лишь телом, душа стремится к добру и отвращается от зла, хотя бы наш разум и не мог отличить их друг от друга. Но если таким образом душа и тело следуют отдельно друг от друга разным законам, то как же они встречаются и почему тело подчиняется душе, а душа испытывает на себе влияние тела? Чтобы объяснить эту тайну природы, надлежит прибегнуть к Богу, точно так же, как это приходится делать для изыскания первопричины порядка и красоты в вещах. Однако эта причина действует лишь однажды и навсегда: нельзя думать, что Бог нарушает законы тел, чтобы заставить их подчиняться душе, и наоборот; напротив, он с самого начала создал тела такими, чтобы, следуя своим собственным, естественным законам и тенденциям движения, они были готовы совершить то, что потребует душа, когда это понадобится; а души в свою очередь создал такими, что, следуя своим естественным стремлениям, они тоже всегда готовы отражать

²⁵ Имеются в виду окказионалисты — последователи Н. Мальбранша. — *Ред. источника.*

²⁶ Мальбранш (*Malebranche*) Никола (1638—1715) — французский религиозный философ. — *Ред.-сост.*

²⁷ Бейль (*Bayle*) Пьер (1647—1706) — французский публицист и философ, представитель раннего Просвещения. — *Ред.-сост.*

состояние тел. Ибо как движение преобразует материю из одной формы в другую, так и стремление приводит душу от одного образа к другому. Таким образом, душа изначально создана господствовать над телами и ее стремление сопровождается отчетливыми восприятиями, которые заставляют ее выбирать подходящие средства, когда она чего-либо захочет. Но, с другой стороны, она и подчинена изначально телу в той мере, в какой она склонна к смутным восприятиям. Ибо мы знаем по опыту, что все вещи склонны к изменению: тело — под действием движущей силы, а душа — вследствие стремления, которое влечет ее к отчетливым или смутным восприятиям, в зависимости от степени ее совершенства. И вовсе не следует поражаться этому исконному согласию душ и тел, потому что все тела устроены по предначертаниям вселенского духа, а все души являются по существу отражениями, или живыми зеркалами, вселенной в меру возможностей каждой души и в зависимости от ее точки зрения и, значит, так же вечны, как сам мир. Бог как бы создает столько вариантов мира, сколько в мире есть душ, или творит как бы уменьшенные копии мира, на вид разные, а по существу сходные. Нет ничего богаче этой единообразной простоты с ее совершенным порядком. Следовательно, и о каждой отдельной душе можно судить, сколь совершенно она приспособлена к этому порядку, постольку, поскольку она выражает некоторым образом весь мир и является как бы средоточием мира; подтверждением этому служит и то, что каждое тело, в том числе наше, в какой-то мере испытывает влияние всех прочих, а значит, и душа принимает в этом участие.

Р. Фэнчер

Рене Декарт и основы современной психологии*

10 ноября 1619 г., канун праздника дня Святого Мартина, жители северогерманского города Ульма отмечали возлияниями и разгульным весельем. Заметным исключением среди них был двадцатитрехлетний французский офицер-наемник Рене Декарт. Весь этот день он провел в жарко натопленной комнате, целиком погруженный в глубокие размышления. Он вновь и вновь обдумывал странные мысли, недавно пришедшие ему в голову, впервые с надеждой чувствуя, что именно они помогут разрешить ему тот мучительный личностный конфликт, который преследовал его долгие годы.

Наконец, когда наступила предгрозовая ночная тьма, он, обессиленный, лег на кровать и задремал. В первое время его знобило, трясло; он был в смятении. Со всех сторон подступали призраки, прогнать которых не удавалось. Затем он оказался на улице, и, подхваченный страшным ветром, трижды повернулся на левой ноге. Идти как обычно он не мог, но в конце концов оказался перед открытыми воротами университета. Декарт решил пойти в университетскую церковь и помолиться. По пути туда он встретил людей, которые спокойно прогуливались, говорили о ком-то отсутствующем и о какой-то дыне из заморских стран. Войти в церковь, несмотря на сильный ветер, подталкивающий его туда, он не смог. Затем ветер стих, и тут Декарт проснулся.

Помолившись об изгнании злого гения¹, которым он только что был одержим, Декарт задремал снова. Ему померещилась ошеломляющая вспышка молнии, искры от которой рассыпались по всей комнате. Декарт встал, чтобы вы-

---

* *Fancher R.E. Pioneers of Psychology. N.Y.: Norton, 1979. P. 3—6, 37—42. (Перевод В.В. Петухова.)*

¹ *Злой гений* — согласно представлениям, уходящим своими корнями в древнеримскую мифологию, это самостоятельное божество, которое руководит действиями человека, рождается вместе с ним и персонифицирует его внутренние отрицательные свойства. — *Ред.-сост.*

яснить, произошло ли это на самом деле или во сне. Убедившись, что это было только сновидение, он заснул опять и на этот раз увидел другой, более спокойный сон. Казалось, что он раскрывает книгу стихов, лежавшую на столе, и читает следующую строку: «Какой тропой в жизни мне идти?» Затем появился какой-то незнакомец и завел разговор о другом стихотворении, которое начиналось словами: «Да или нет». Человек и книга исчезли, но затем книга появилась вновь, теперь украшенная гравюрами. Наступил рассвет, и Декарт стал постепенно приходить в себя, обдумывая свои сны. Вскоре ему на ум пришла личностная интерпретация этих сновидений, из которой следовало, что его долгий кризис преодолен.

Он понял, что первый сон, по-видимому, говорит о том, что его привычные пути ошибочны. Ранее в своих мыслях и действиях он следовал авторитетам. Сильный ветер представлял собою гения зла, который пытался насильно, то есть путем только авторитетного мнения — вести его в то место (церковь), куда Декарту лучше было бы прийти по собственной воле. Молния с искрами из второго сна означала сошествие духа истины, который изгнал гения зла и вызвал спокойный третий сон. В этом сне с явной темой выбора своего призвания («Какой тропой в жизни мне идти...» ; «Да или нет») было отчетливо представлено благословение новым идеям. Если Декарт посвятит свою жизнь их развитию — самостоятельно и не опираясь на авторитеты, — то ему удастся существенно усовершенствовать прежние способы мышления. Иллюстрированная книга в конце сна символизирует это совершенство.

Насколько верными были эти толкования Декартом своих сновидений в действительности, не имело значения. Важно, что *он* в эти интерпретации верил, и что они послужили завершением продолжительного кризиса нерешительности и сомнений. До сих пор Декарт был робким, замкнутым молодым человеком, возможно с психическими расстройствами, бесцельно плывущим по течению жизни. Теперь же он стал человеком с призванием, вставшим на путь, в конце которого его признали величайшим философом своего времени. Кроме множества других заслуг, он выработал общее представление о сущности человека, которое определило западный образ мышления о душе и теле на предстоящие столетия и посеяло семена новой науки — психологии. <...>

Место Декарта в современной психологии

Свои теории Декарт разрабатывал вплоть до смерти, происшедшей в 1650 г. при трагических и в то же время комических обстоятельствах. Вслед за получившим высокую оценку «Рассуждением о методе» (1637) он написал еще два философских произведения — «Метафизические размышления» (1641) и «Начала философии» (1644). Эти работы принесли ему заслуженное признание, хотя и вызвали, к его собственному неудовольствию, публичные дискуссии. После того,

как он попытался сделать свои сочинения приемлемыми для католической церкви, его внезапно атаковали представители протестантского духовенства в Голландии². Они утверждали, что его сочинения ведут к атеизму, и в результате через некоторое время двери голландских университетов перед ним закрылись. Для Декарта, в действительности религиозно терпимого человека, который признавал как протестантов, так и католиков и стоял в стороне от их изнурительной тридцатилетней войны³, выдержать все это было слишком трудно.

Декарт не стал подливать масла в огонь этой критики, а просто стал меньше публиковать свои работы. Единственной новой работой, опубликованной при его жизни, стали «Страсти души» (1649). Тем не менее, он продолжал высказывать свои идеи частным образом, в неопубликованных в то время рукописях и в обширной переписке с верными друзьям и несколькими высокопоставленными лицами, искавшими руководства к жизни в его философии.

В конце 1640-х гг. он начинает переписываться со шведской королевой Кристиной. К несчастью, Кристина немедленно развернула кампанию с целью склонить Декарта к тому, чтобы переехать в Швецию и занять место домашнего философа при ее дворе. По непонятным причинам он поддался этому искушению и в 1649 г. расстался со своей благодатной анонимностью в Голландии ради светской жизни придворного в Швеции.

Шведская авантюра оказалась неудачной с самого начала, поскольку вольно или невольно Декарт попал в круговорот дворцовых развлечений. Среди положенных по его должности поручений было, например, сочинение стихов для комедий и балетов, прославляющих достоинства Кристины. Его собственные, гораздо более важные проекты были заброшены. Но самым мучительным для него стало выполнение желания королевы обучаться философии с пяти часов утра. Вынужденный посещать дворец на рассвете в течение одной из самых суровых шведских зим, Декарт заболел пневмонией. 11 февраля 1650 г., менее полугода спустя после приезда в Швецию, Декарт умирает в возрасте 53 лет.

Немногие люди когда-либо оставляли после себя столь огромное интеллектуальное наследство. Кроме предложенного им философского понимания человека, которое продолжает очаровывать студентов уже свыше трех столетий, и не менее знаменитого надежного математического инструментария аналитической геометрии, он выдвинул множество идей, которые способствовали формированию основ новой науки — психологии.

Если обратиться к вкладу Декарта в психологию, то сразу же становится очевидным, что то, с чего он начал, имеет более важное значение, чем то, к

---

² С 1629 по 1649 г. Декарт жил в Голландии, самой передовой в то время стране мира, где и написал вышеуказанные основные работы. — *Ред.-сост.*

³ *Тридцатилетняя война* (1618—1648) — первая общеевропейская война, в которую были втянуты почти все государства Европы, распавшиеся на два лагеря, один из которых выступал под знаменем католицизма, а другой — протестантизма. — *Ред.-сост.*

чему он в итоге пришел. В его психологических теориях, как и в физических, есть немало ошибок, позже исправленных его последователями. Например, Декартова концепция телесной механики была во многом плодом воображения и вскоре была пересмотрена. Нервы — это не полые трубки, которые содержат волокна, передающие рывки и натяжения клапанам мозга. Спинномозговая жидкость не участвует в передаче нервного импульса и не вызывает движения мышц, заполняя и расширяя их, а изменения ее течения не порождают чувств (страстей). В целом, на декартову концепцию тела повлияли, главным образом, схоластическая традиция рассматривать телесные функции как результаты действия «жидкостей» и «духов», распространяющихся по всему телу, а также когда-то им увиденные гидравлические статуи в Сен-Жермене. Кроме того, он ошибался, когда говорил о функции шишковидной железы⁴, которая, в действительности, есть не только у человека и вовсе не играет ведущей роли в разумном управлении поведением.

Однако эти и подобные им просчеты и ошибки Декарта не умаляют значения его идей. Ошибочные в частностях, эти идеи все же оказались продуктивными в том смысле, что побудили ученых к их проверке и к дальнейшим исследованиям. Влияние, которое они позже оказали на психологию, можно проиллюстрировать несколькими примерами.

Важным вкладом Декарта стало его положение о том, что в управлении поведением наиболее существенным органом является головной мозг. До Декарта мнение ученых о мозге основывалось на соединении двух любопытных фактов. Во-первых, сразу после смерти кровь быстро покидает головной мозг, так что при посмертном исследовании он выглядит бескровным. Во-вторых, физическое повреждение живого мозга копьем или шпагой зачастую не вызывало никакой боли или других ощущений у раненых солдат. Большинству ученых казалось маловероятным, чтобы столь «бескровный» и «нечувствительный» орган имел большое значение для управления поведением. Декарт же, как мы видели, опирался в своих выводах на другие факты и соотносил определенные психические функции с особыми участками головного мозга. Эта идея в основном была правильной, хотя на самом деле мозг гораздо сложнее, чем представлялось Декарту, и эти функции не локализуются именно в тех местах, о которых он говорил. Любой современный учебник нейropsychологии должен признать «Трактат о человеке» своим прямым предшественником, в котором описано то, как различные части головного мозга и нервной системы влияют на разные психические функции.

Еще одной чрезвычайно продуктивной идеей стало представление о рефлексе как элементарной единице поведения. Механизм рефлекса не состоит из

---

⁴ *Шишковидная железа*, или эпифиз — орган позвоночных животных и человека, который расположен в области зрительных бугров головного мозга и вырабатывает гормональные вещества; по Декарту, он обеспечивает взаимодействие души и тела. — *Ред.-сост.*

волокон и жидкостей, о которых говорил Декарт, но главная идея стимульно-ответной последовательности, опосредствованной нервной системой, остается базовым понятием психологии. Анализ поведения в терминах врожденных и приобретенных рефлексов провел на высоком научном уровне русский физиолог Иван Павлов, и этот анализ стал краеугольным камнем американского бихевиоризма⁵.

Декартово понимание тех сил, которые приводят в движение механизм поведения человека, также послужило основой для многих последующих способов психологического анализа. Он понимал, что органы чувств — это физические системы, которые закономерным, механистичным образом отвечают на внешние физические воздействия, например, на свет, тепло или звук, и что сенсорные нервы как-то передают сигналы от органов чувств в головной мозг, где и вызывают осознаваемые ощущения света, тепла или звука. Процесс, посредством которого нервная система человека преобразует внешние физические стимулы в осознаваемые ощущения, вызывает у психологов непреходящий интерес. Анализ ощущений и восприятия, проведенный немецким ученым Германом Гельмгольцем⁶ в XIX в., впервые позволил психологам по-настоящему ясно представить себе то, как может выглядеть полностью механистичная «психика».

Декарт, разумеется, не думал, что реакции человеческого тела всецело определяются внешней стимуляцией, воздействующей на органы чувств. Он также ввел важные допущения относительно внутренних детерминант поведения, таких как эмоции или страсти. Поэтому Декарта считают предшественником «динамических психологов», которые подчеркивают значимость мотивационных, изменяющихся во времени факторов мышления и поведения. Предложенная Зигмундом Фрейдом⁷ психоаналитическая точка зрения на конфликтную природу человека, движимого внутренними инстинктами в одном направлении и требованиями внешней реальности — в другом, явно напоминает декартово представление о теле как о машине, управляемой одновременными воздействиями внешней стимуляции, животных духов и разумной души, которые зачастую противоречат друг другу.

Нативизм⁸ и рационализм Декарта также оказали значительное влияние на психологию, привлекая как сторонников, так и критиков. Учение о врожденных идеях первоначально вызвало резкий протест со стороны английских

---

⁵ *Бихевиоризм* — одно из основных течений психологии, объектом исследования которого является только поведение (англ. *behaviour*) человека и животных. — *Ред.-сост.*

⁶ Гельмгольц (*Helmholtz*) Герман Людвиг Фердинанд фон (1821—1894) — немецкий физиолог и физик, основатель физиологии восприятия. — *Ред.-сост.*

⁷ Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр. — *Ред.-сост.*

⁸ *Нативизм* — любое направление в психологии и философии, которое отводит в восприятии, поведении и мышлении человека более важную роль генетическим или врожденным факторам, а не влияниям его прошлого опыта; противоположная позиция называется *эмпиризмом*. — *Ред.-сост.*

философов Томаса Гоббса⁹, Джона Локка¹⁰ и Дейвида Юма¹¹, которые занимали позицию крайнего эмпиризма, полагая, что *все* идеи должны быть результатом опыта. Их эмпиризм, в свою очередь, вызвал обратную реакцию у немца Иммануила Канта¹², который утверждал, что факты человеческого опыта нельзя объяснить без постулирования определенных внутренних сил и функций психики. Представления Декарта о врожденных идеях в его и даже в кантовой формулировке сегодня мало кто признает правильными, однако с тем, что в психике существуют определенные внутренние организующие тенденции, согласятся все. Отметим, что многие из этих тенденций были выявлены и описаны в гештальтпсихологии¹³.

Наконец, независимо от вышеуказанных конкретных вкладов, Декарт способствовал построению *общего* современного подхода к психологии человека, заменив отчасти то понимание души, которое господствовало в эпоху от Аристотеля¹⁴ до схоластов, на более точный механистический анализ. Хотя Декарт и не включал в свой новый подход рациональные способности человека, он придал ему такое направление, что после него развитие эмпирической науки о психике стало лишь делом времени.

---

⁹ Гоббс (*Hobbes*) Томас (1588—1679) — английский философ-материалист. — *Ред.-сост.*

¹⁰ Локк (*Locke*) Джон (1632—1704) — английский философ; см. его текст на с. 224—235 наст. изд. — *Ред.-сост.*

¹¹ Юм (*Hume*) Дейвид (1711—1776) — шотландский философ, историк и экономист. — *Ред.-сост.*

¹² Кант (*Kant*) Иммануил (1724—1804) — немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии. — *Ред.-сост.*

¹³ *Гештальтпсихология*, или гештальт-теория — психологическая школа, возникшая в Германии в 10-е гг. XX столетия. — *Ред.-сост.*

¹⁴ Аристотель (384—322 до н.э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист; см. его текст на с. 198—211 наст. изд. — *Ред.-сост.*

К.В. Уилкс

[Древняя Греция: сопоставление с картезианством]*

В античной Греции мы находим глубокое и прекрасное понимание психологии. В обосновании этого тезиса нет необходимости. Произведения Еврипида¹ и Аристофана² доказывают его без всякой посторонней помощи. Но там мы не находим термина, который *даже приблизительно* переводится как *mind* (психика) или *consciousness* (сознание).

Вместо *mind* мы обнаруживаем термин *psyche* (душа, дух) — обычно, но неправильно, переводимый как душа (*soul*). В дальнейшем я буду использовать именно эту транслитерацию³. За период времени, прошедший от Гомера⁴ до Аристотеля⁵, его значение во многом изменилось. В окончательной аристотелевской версии он чрезвычайно интересен. Поскольку я считаю эту версию

---

* Wilkes K.V. ———, *yishi, duh, um, and consciousness* // *Consciousness in Contemporary Science* / A.J. Marcel, E. Bisiach (Eds.). Oxford: Clarendon Press, 1988. P. 19—27, 38—39. (Перевод Ю.Б. Дормашева.)

При переводе мы намеренно сохранили некоторые обсуждаемые автором термины английского оригинала, указав в скобках основные (для психологической литературы) варианты их перевода на русский язык. — *Ред.-сост.*

¹ *Еврипид* (ок. 485—406 до н.э.) — древнегреческий драматург, автор множества трагедий. — *Ред.-сост.*

² *Аристофан* (ок. 446—385 до н.э.) — афинский поэт, автор ряда пьес комедийного характера. — *Ред.-сост.*

³ *Транслитерация* — передача текста или слова, написанного с помощью одного алфавита (в данном случае древнегреческого языка) средствами другого алфавита (здесь — английского языка). — *Ред.-сост.*

⁴ *Гомер* — легендарный эпический поэт Древней Греции, время жизни которого определяется приблизительно между XII и VIII вв. до н.э. — *Ред.-сост.*

⁵ *Аристотель* (384—322 до н.э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. См. его текст на с. 198—211 наст. изд. Период между Гомером и Аристотелем можно оценивать примерно в 500—700 лет. — *Ред.-сост.*

актуально интересной, поясню ее вкратце. На всем протяжении своего использования термин *psyche* сохранял один весьма важный оттенок значения: быть живым значило иметь *psyche*, а иметь *psyche* значило быть живым. Следовательно, трава и амеба обладают *psyche*. Они обладают ею, хотя и в менее сложном виде, но в той же мере, как и люди (иметь или не иметь *psyche* — это вопрос «все или ничего»). У Аристотеля *psyche* является «формой», а форма — это «то, чем надлежит быть» чему-то. (Любой отдельный объект есть с-формированная материя, во-материализованная форма, т.е. ни форма, ни «голая» материя в природе отдельно не существуют.) Но самым интересным подклассом форм была *psyche* как ярлык форм *живых* вещей.

Psyche — читай: то, чем надлежит быть живущей вещи *X* — описывала характерные и специфические способности (*capacities*) *X*. Элементарные формы жизни, например трава, должны обладать всего лишь обменом веществ, питанием и ростом. Немного выше, на уровне амеб или мух, мы обнаруживаем то же самое плюс некоторую способность движения и восприятия. Еще выше, пожалуй у собак и свиней, мы находим более разнообразные способности передвижения и более разнообразную и богатую способность восприятия. На более высоком уровне, говорят нам, существует все более и более гибкое сенсорное управление и некоторая способность воображения. Привести ясные примеры животных этого класса, не принадлежащие к человеческому роду, конечно, нелегко; но мы можем изучить опытным путем животных с развитой корой головного мозга, таких как человекоподобные обезьяны или дельфины. Лабораторные и полевые исследования обоих этих видов говорят о том, что некоторые задачи они решают посредством определенной доли «предвидения», т.е. прокрутки принимаемых стратегий «во внутреннем зоре». Спрашивается, каким же еще образом кёлеровскому шимпанзе Султану удалось определить как достать свои бананы?⁶ (Но полной ясности в этой области нет⁷.) Наконец, у человека мы находим все способности, характеризующие нижележащие уровни этой пирамиды, а также способность мышления (*rational faculty*), практический и теоретический разум (*reason*). Итак, «то, чем надлежит быть» человеку, в отличие от любого другого животного, требует обязательного учета уникальных способностей его разума. Однако в качестве предварительного условия предполагаются все другие способности, и между всеми

---

⁶ См.: Köhler W. The Mentality of Apes. L.: Routledge and Kegan Paul, 1925. Автор ссылается на исследования немецкого, позже (с 1934 г.) американского психолога, одного из основателей гештальтпсихологии, Вольфганга Кёлера (1887—1967), которые он проводил на острове Тенерифе накануне и в годы Первой мировой войны (1914—1918). После безуспешных попыток его подопытные животные «внезапно» решали задачи, используя орудия, например, палки или ящики, чтобы достать приманку. — *Ред.-сост.*

⁷ См.: Macphail E.M. Brain and Intelligence in Vertebrates. Oxford: Clarendon Press, 1982; Macphail E.M. Vertebrate intelligence: the null hypothesis // Animal Intelligence / L. Weiskrantz (Ed.). Oxford: Clarendon Press, 1986. P. 37—55.

уровнями этой пирамиды существует непрерывная обратная связь. «Материей» любого животного, которую *psyche* с-формирует, являются мясо и кости как физическая реализация *psyche*.

Мы еще вернемся к *psyche*. Но сначала рассмотрим наше второе понятие. Как объяснить «отсутствие» в древнегреческом языке какого-либо термина, который устойчиво переводился бы как *conscious(ness)*? Некоторых авторов это расстраивает и наводит на размышление. Так, Хамлин пишет:

<...> Наблюдается почти полное пренебрежение любой проблемой, возникающей из психофизического дуализма и фактов сознания. Перед [Аристотелем] такие проблемы, по-видимому, не встают — вероятно потому, что понятия, подобные понятию сознания, никогда не включаются в его концептуальную схему и не играют никакой роли в его анализе восприятия, мышления и т.д. (Они не играют какой-либо важной роли и в древнегреческой мысли вообще.) Пожалуй, это и придает его определению души, самому по себе [т.е. взятому вне контекста. — *Ред.-сост.*] определенную неполноценность [в глазах. — *Ред.-сост.*] современного читателя⁸.

Хамлин права в том, что Аристотель и вообще греческая мысль игнорируют «факты сознания» *per se* [сами по себе; по существу (лат.). — *Ред.-сост.*]. Я не буду надолго останавливаться, выступая в защиту Аристотеля, поскольку в данной статье провожу открытое расследование вопроса, заслуживают ли «факты сознания» систематического изучения. Очевидно, что бремя такого доказательства возлагается на Хамлин. Надо отчетливо показать, какими такими фактами пренебрегает Аристотель (и, вероятно, Еврипид в своем анализе психологии Медеи⁹). Но вкратце мы можем заметить, что Аристотель и говорит и не говорит о «фактах сознания», так что обвинять его в каком-либо явном грехе упущения довольно сложно. Он может говорить, по-видимому, о всех явлениях, которые мы относим к сознательным, а то, что, по общему признанию, он игнорирует, быть может действительно заслуживает пренебрежения.

Сперва о том, что Аристотель обсуждает. Он пишет о сне и бодрствовании, о сновидении с его *aisthemata* (образами). Он исследует пять чувств, их интеграцию и сенсомоторное управление. Он обсуждает боли и эмоции — явления, в нашей терминологии вполне «сознательные», «феноменальные» и «субъективные». Он проводит пространственный и сложный анализ воображения. Главным образом и больше всего он говорит о практическом и теоретическом рассуждении и обдумывании, т.е. о наиболее типичных способностях человека.

Каковы же упущения? У Аристотеля и вправду нет особого интереса к «самонаблюдению» (*introspective self-access*), «личному» (*privacy*) и т.д. На самом

⁸ Hamlyn D.W. Aristotle's De Anima Books II, III. Oxford: Clarendon Press, 1968. P. XIII.

⁹ Медея — центральный персонаж одноименной трагедии Еврипида. — *Ред.-сост.*

деле он замечает, что обычно мы воспринимаем *то, что* мы воспринимаем и в этом редко ошибаемся. Но прежде чем мы взволнованно окрестим его тайным картезианцем, утверждающим гносеологическое преимущество¹⁰ нашего доступа к состояниям нашей психики, следует учесть, что он благоразумно переходит к замечанию, что обычно мы воспринимаем и свою ходьбу. Еще одно «упущение» распространяется на переживания (*experiences*) видения, слушания и т.д., т.е. на феномены ощущений, качеств (*qualia*) и сенсорных данных. Можно не согласиться, что Аристотель пропускает их полностью. Если учесть его (а) допущение, что мы нередко воспринимаем то, что мы воспринимаем и (б) описание *aisthemata* сновидений, то не подошел ли он вплотную к признанию чего-то, подобного «феноменальным качествам»? Этот вывод был бы тоже ошибочным, так как в древнегреческом языке нет термина для перевода «сенсорных данных», «качественности» или «необработанных ощущений», и Аристотель никогда не говорит о сенсорных переживаниях во множественном числе. (Множественная форма *aisthemata* появляется только в его обсуждении сновидений и ни разу в связи с чувствами). Аристотель определенно не считает, что какие-либо «феноменальные качества» видения или слышания, как таковые, подлежат *объяснению* (*to be explananda as such*). Отсюда и упущение, хотя мы должны обосновать, что такие реалии как качества (*qualia*) действительно существуют. <...>

Итак, по меньшей мере неясно в чем же, если она и есть, вина Аристотеля. Но чтобы увидеть, почему его позиция может быть даже передовой (*superior*), мы должны двигаться дальше.

Теперь мы можем связать все вышесказанное с английскими терминами *mind* и *consciousness*. Аристотелевский психобиологический термин *psyche*, «пребрегающий фактами сознания», был свергнут с трона Декартом в его «Рассуждении о методе» (опубликовано на французском языке в 1637 г.), хотя наиболее отчетливо этот переворот виден в его «Размышлениях» (опубликовано на латинском языке в 1641 г. и на французском языке в 1642 г.). Последовательность доводов в «Размышлениях» Декарта определенно говорит о том, что понятие *psyche* вплоть до этого момента¹¹ выдержало проверку временем, несмотря на то, что Отцы Церкви, чувствовавшие необходимость привнесения в аристотелевский монизм дуалистического *psyche*-вещества, которое могло бы существовать и после смерти тела, были вынуждены добавить нечто, называе-

---

¹⁰ ... гносеологическое преимущество (*epistemological privilege*) — т.е. преимущество в плане познания. — Ред.-сост.

¹¹ Разумеется, я не предполагаю, что декартовский переворот словно с неба свалился. Предзнаменование некоторых его сюжетных линий можно легко заметить в произведениях ранних авторов (например, у Августина, стоиков или эллинистических писателей). Но очевидно и то, что Декарт стал отцом картезианской революции в том смысле, что соединил эти различные линии вместе, открыто выступил в их защиту и против более традиционных взглядов.

мое Декартом чем-то «наподобие ветра, огня или эфира, разлитого по моим более грубым членам». Мы видим, как Декарт на протяжении более двух страниц совершает переход от *psyche* к *mind*.

Итак, прежде всего мне думалось, что у меня есть лицо, руки, кисти и что я обладаю всем этим устройством, которое можно рассмотреть даже у трупа и которое я обозначил как тело. Далее мне приходило на ум, что я питаюсь, хожу, чувствую и мыслю; эти действия я относил на счет души. Однако что представляет собой упомянутая душа — на этом я либо не останавливался, либо воображал себе нечто немыслимо тонкое, наподобие ветра, огня или эфира, разлитого по моим более грубым членам¹².

Это почти по Аристотелю, сначала перечисляющему «материальное» (телесное), а затем различные способности *psyche* в правильном иерархическом порядке. Но все же почти, так как добавлено эфирное душевное вещество и Декарт забывает воображение. Однако мы уже перевернули *одну* страницу и читаем:

Итак, что же я есмь? Мыслящая вещь. А что это такое — вещь мыслящая? Это нечто сомневающееся, понимающее, утверждающее, отрицающее, желаемое, не желаемое, а также обладающее воображением и чувствами¹³.

Формальное определение «мышления» мы находим в «Аргументах, демонстрирующих существование Бога»:

Словом «мышление» я объемлю все то, что существует в нас таким образом, что мы непосредственно это осознаем. Так, все действия воли, интеллекта, воображения и чувств суть мысли¹⁴.

¹² Haldane S., Ross G.R.T. (Eds.). The Philosophical Works of Descartes. 2 vol. (Trans. S. Haldane and G.R.T. Ross). Cambridge University Press, 1967. Vol. I. P. 151. [Рус. пер. см.: Декарт Р. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 22. — Ред.-сост.]

¹³ Там же. Р. 153. [Рус. пер.: Декарт Р. Указ. изд. С. 24. — Ред.-сост.]

¹⁴ Там же. Р. 52. [Рус. пер.: Декарт Р. Указ. изд. С. 127. — Ред.-сост.] Отметим, что «ощущение», недвусмысленно исключаемое высказыванием Декарта о том, что если бы у него не было тела, то он бы не смог ничего увидеть, тайком возвращается посредством аргумента, что даже если он обманывается в *том, что* он видит, он не может обманываться в том, что он *имеет представление* видения; и в этом, по его утверждению, состоит «прямое значение» слов, обозначающих ощущения. Итак, добро пожаловать в сенсорные данные, качественность и сенсорные переживания (отметим множественное число); это не случай древнегреческого языка, не располагающего терминами для гладкого их перевода. Здесь мы встречаемся с преобразованным значением слова «видеть», которое выразительно отсутствует при обычном его использовании: оно приравнено к «мыслить, что я вижу». (Отметим также, что Аристотель мог бы попросить Декарта вернуть «передвижение» посредством точно такого же аргумента: я могу ошибаться относительно того, передвигаюсь ли я, но не относительно того, что имею представление передвижения.)

И в довершение всего этого, из письма Декарта к Мерсенну:

Что касается [положения] <...> что во мне, т.е. в моем *mind*, не может быть ничего, что я не *conscious*, то я доказал его в «Размышлениях» и следует оно из того факта, что душа отлична от тела, и что суть ее заключается в мышлении¹⁵.

(Во французских текстах обычно говорится *avoir connaissance de [mes pensees]*, а в латинских — *esse conscius*; то и другое стандартно переводили как *to be conscious*).

Здесь мы предельно ясно видим как рождение *conscious mind*, так и его резкое отделение от всего телесного. Хотя, как показал Рорти¹⁶, это было сделано с необходимостью по *гносеологическим* соображениям (в беседе он сказал, что гносеология порождает онтологию подобно тому, как грех порождает смерть¹⁷). Чтобы нанести поражение философу-скептику, гносеологический фундаменталист должен найти «несомненные» основания, на которые можно, если удастся, опереться. Такие непоправимые основания открываются только в формулируемых в первом лице и настоящем времени психологических высказываниях относительно личных текущих содержаний взора самонаблюдения — взора, фокусируемого на таких разнородных объектах как «боль» и метафизические «мысли о бытии». *Mind* становится личной внутренней сценой (см. аналогию Юма, метко сравнивающего *mind* с внутренним театром¹⁸, когда перед немигающим внутренним глазом хаотически проходит все «умственное» (*mental*)).

Хотя лишь немногие из нас являются фундаменталистами, хотя большинство из нас законно сомневается в непогрешимости самонаблюдения и хотя гносеология явно не находится в прямой зависимости от какого бы то ни было изучения *mind*, с тех пор и по сей день мы живем с потомком картезианского *mens* [ум (лат.) — *Ред.-сост.*]. Британские эмпиристы¹⁹ все же набросились на

---

¹⁵ См.: *Kenny A.J.P. (Ed.) Descartes: Philosophical Letters / Trans. A.J.P. Kenny. Oxford: Clarendon Press, 1970. P. 90.*

¹⁶ Наиболее отчетливо см.: *Rorty R. Cartesian epistemology and changes in ontology // Contemporary American Philosophy / J.E.Smith (Ed.). L.: George Allen and Unwin, 1970. P. 273—292*, но также см.: *Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature. Oxford: Basil Blackwell, 1980.*

[Рорти (*Rorty*) Ричард (р. 1931) — американский философ, выступающий за устранение психофизического дуализма традиционной философии. — *Ред.-сост.*]

¹⁷ Здесь, возможно, подразумевается библейский миф о райском древе познания добра и зла и первородном грехе. Бог запретил первым людям есть плоды этого дерева. Поддавшись искушению дьявола и нарушив этот запрет, Ева и Адам согрешили, за что и были изгнаны из рая и стали смертными. — *Ред.-сост.*

¹⁸ См.: *Hume D. A Treatise of Human Nature / L.A. Selby-Bigge (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 1965. P. 253.*

¹⁹ *Эмпиристы* — сторонники эмпиризма, или философских теорий познания, считающих чувственный (сенсорный) опыт единственным источником достоверного знания. В ряд британских эмпиристов обычно включают Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Дж. Локка (материалистический эмпиризм), а также Дж. Беркли и Д. Юма (субъективно-идеалистический эмпиризм). — *Ред.-сост.*

понятие *mind* как обозначающее *conscious mind*, (отчасти) потому, что старались защитить гносеологию фундаменталиста. По Локку²⁰ познание совершенно невозможно без *consciousness*: «утверждение, что тело протяженно без частей, так же понятно, как то, что кто-нибудь *мыслит, не сознавая* и не замечая *этого*»²¹. Его определение идентичности личности, разумеется, хорошо известно, но места, отмеченные здесь курсивом, цитируются не так часто:

<...> личность есть разумное мыслящее существо, которому присущи разум и рефлексия; он может рассматривать себя как себя как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных местах *только благодаря тому сознанию, которое неотделимо от мышления и, на мой взгляд, существенно для мышления, ибо невозможно, чтобы кто-нибудь воспринимал, не воспринимая, что он воспринимает*. <...> Ибо поскольку сознание всегда сопутствует мышлению и именно оно определяет в каждом его Я <...>²².

Юм²³ формулирует позицию гносеолога-фундаменталиста кратко, утверждая напрямик, что «восприятия *mind* прекрасно известны» и «*consciousness* никогда не обманывает»²⁴.

Едва ли нужно повторять, что понятие *mind* смутно и расплывчато²⁵. О том, что (картезианское) сужение этого понятия до *conscious* явлений стало как тормозом, так и препятствием для развития психологии, прекрасно известно. В расширенных рамках юмовского ассоцианизма ученые работали столетиями.

²⁰ Локк (*Locke*) Джон (1632—1704) — английский философ; см. его текст на с. 224—235 наст. изд. Приводимую автором цитату целесообразно дать в более широком контексте: «Или разве может душа мыслить, а человек нет? Кому-нибудь, возможно, это показалось бы *тарабарщиной*. Если говорят, что “человек мыслит постоянно, но не всегда сознает это”, то так же могут сказать, что его тело протяженно, но не имеет частей. Ибо утверждение, что тело протяженно без частей, так же понятно, как то, что кто-нибудь *мыслит, не сознавая* и не замечая *этого*. Кто говорит так, может сказать с таким же основанием, если это требуется для его гипотезы, что человек всегда голоден, но не всегда это чувствует. Между тем голод состоит именно в этом ощущении, точно так же как мышление состоит в сознании того, что мыслят» (*Локк Дж. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 165*). — *Ред.-сост.*

²¹ См.: *Locke J. An Essay Concerning Human Understanding* / A.C. Fraser (Ed.). N.Y.: Dover Publications, 1959. P.138. [Рус. пер.: *Локк Дж. Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. С. 165*. — *Ред.-сост.*]

²² Там же. P. 448—449. [Рус. пер.: *Локк Дж. Указ. изд. С. 387*. — *Ред.-сост.*]

²³ Юм (*Hume*) Дейвид (1711—1776) — шотландский философ, историк и экономист. — *Ред.-сост.*

²⁴ *Hume D. A Treatise of Human Nature* / L.A. Selby-Bigge (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 1965. P. 366, а также: *Hume D. Enquiries Concerning the Human Understanding* / L.A. Selby-Bigge (Ed.). Oxford: Clarendon Press, 1963. P. 66.

²⁵ Скуайрз забавным образом показал фактическую непоследовательность наших идиом [характерных для данного языка словосочетаний или оборотов речи. — *Ред.-сост.*], описывающих *mind* (см.: *Squires R. On one's mind* // *Philosophical Quarterly*. 1971. Vol. 20. P. 347—366).

Вундту²⁶ пришлось передать в свою «*Volkerpsychologie*» [«Психология народов» (нем.) — *Ред.-сост.*] «те умственные продукты, которые <...> необъяснимы в терминах только индивидуального *consciousness*»²⁷. Картезианскую революцию иногда называют картезианской катастрофой. Торндайк²⁸, со своим недовольством, хотя и несколько большим, чем декартовские сужение к *conscious* психике и разделение *mind* и тела по принципу «все или ничего», сегодня смог бы собрать множество голосов в поддержку своей жалобы, прозвучавшей в 1898 г.

Физиологические теории [Декарта. — *Ред.-сост.*] отброшены наукой давно и полностью. Никто и никогда не цитирует его как крупного специалиста в морфологии или физиологии <...> Однако его теория природы *mind* до сих пор поддерживается многими и различия между его доктринами воображения, памяти и эмоций и теориями, приводимыми в большинстве современных психологических книг, сравнительно несущественны²⁹.

Отголоски этого раздаются и сейчас. Хейз комментирует «картезианскую модель *mind*» следующим образом.

Почему психологи склонны сопротивляться, не соглашаясь с тем, что люди могут учиться таким образом? [т.е., что релевантная³⁰ заданию информация не обязательно представлена в форме, доступной сознательной проверке или что люди могут научиться выполнять задание без начального декларативного кодирования³¹. — К.В.У.]. Очевидный ответ — привязанность (явно или неявно поддерживаемая) к картезианской модели *mind*. Согласно этому взгляду, обучающаяся система будет неуправляемой, если результаты ее научения невозможно сообщить, проверить и, если возможно, изменить³².

А до Декарта никто не сомневался и никого не беспокоил тот факт, что *mind* выходит за пределы *consciousness*. Легко показать, начиная с Гераклита³³, что наше самопознание рассматривалось как существенно неполное и ограни-

---

²⁶ Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ. — *Ред.-сост.*

²⁷ *Wundt W.M. Elements of Folk Psychology*. L.: George Allen and Unwin, 1916. P. 3.

²⁸ Торндайк (*Thorndike*) Эдуард Ли (1874—1949) — американский психолог и лексиколог. — *Ред.-сост.*

²⁹ *Thorndike E.L. The psychology of Descartes* // The Columbia University Seminar in Philosophy. 1897—1898. Unpublished manuscript. Thorndike Manuscripts N.Y.: Columbia University, 1898. P. 1.

³⁰ *Релевантная* — т.е. необходимая для успешного выполнения задания. — *Ред.-сост.*

³¹ *Декларативное кодирование* — перевод чувственных (сенсорных) данных или входной информации в форму, доступную осознанию и, следовательно, речевому описанию и высказыванию. — *Ред.-сост.*

³² *Hayes N.A. Consciousness and modes of learning*. Unpublished manuscript. Oxford: Department of Experimental Psychology, 1986. P. 4—5.

³³ Гераклит (ок. 540—480 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

ченное; вспомним Плотина³⁴, св. Августина³⁵ («*mind* не достаточно велик, чтобы вместить самого себя»), Данте³⁶, Шекспира³⁷, св. Терезу Авильскую³⁸, Монтеня³⁹, Бёме⁴⁰ и многих других — кто бы смог усомниться в том, что они являются «интроспективными» авторами? На всем протяжении письменной истории можно также найти немало разновидностей дуализма (проведение разделяющей линии в различных пунктах между чем-то грубо «телесным» и чем-то более умственным, духовным, интеллектуальным или каким бы то ни было еще) — посмотрите внимательно Платона⁴¹ или Библию. До Декарта идея *mind*, подобно большинству житейских (*common-sense*) понятий, была, конечно, туманной, и у нее было мало терминов для соответствующего перевода на другие языки; но до него никто не считал уместным использовать *consciousness* в качестве главной линии, разделяющей два крайне разных рода реалий: *mind* и тело, умственное (*mental*) и физическое.

Как только *mind* стал рассматриваться исключительно как *conscious mind*, возражавшие против этого сужения, а таких было большинство, должны были заявлять о своих собственных противоположных позициях. Однако теперь они были вынуждены переформулировать эти позиции в терминах «получившего одобрение» посткартезианского психофизического раскола. Иллюстрацией этому служит простое наблюдение. До Декарта и британских эмпиристов разговор о «бессознательном» был излишним. Считалось само собой разумеющимся, что в психологии человека должны быть неисследованные бреши, которые последователи Гераклита находили в *psyche*, а древнегреческое предписание «познай самого себя» оставалось едва ли осуществимой мечтой, реализовать которую путем надежного сознательного самонаблюдения не удавалось на протяжении всей жизни. Никакое разграничение «сознаваемое — бессознательное» не казалось необходимым. Но как только *consciousness* выдвинули на первый план в качестве характеристики, определяющей *mind*, им пришлось играть в другие ворота и всякий, захотевший сопротивляться картезианской революции путем подчеркивания роли бессознательных факторов, должен был разрабатывать свой собственный словарь. Поэтому как реакцию на посткартезианский акцент на *consciousness*, мы впервые обнаруживаем появление термина *unconscious(ness)* в английском языке в 1751 г. (но редко использу-

³⁴ Плотин (205—270) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

³⁵ Августин (Блаженный) Аврелий (354—430) — философ и христианский теолог. — *Ред.-сост.*

³⁶ Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт. — *Ред.-сост.*

³⁷ Шекспир Уильям (1564—1616) — английский поэт и драматург. — *Ред.-сост.*

³⁸ Св. Тереза Авильская (1515—1582) — испанская монахиня-мистик. — *Ред.-сост.*

³⁹ Монтень Мишель Эйкем де (1533—1592) — французский философ. — *Ред.-сост.*

⁴⁰ Бёме Якоб (1575—1624) — немецкий философ-мистик. — *Ред.-сост.*

⁴¹ Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ; см. его тексты на с. 181—197, 310—313 наст. изд. — *Ред.-сост.*

емого вплоть до начала XIX столетия). Позже он появляется в переводах немецких терминов *unbewusstsein* и *bewusstlos* — в 1776 г., французского *inconscient* — в 1850 г. причем, главным образом, в переводах немецких текстов. (Здесь необходимо предостерегающее примечание. Сегодня разговор о бессознательном (*unconsciousness*) наводит излишне доверчивого или случайного читателя на мысль о бессознательном *по Фрейду*. Поэтому для ясности указав на сравнительно позднее, но предшествующее Фрейду время введения этих терминов, в дальнейшем я буду говорить о явлениях не бессознательной (*unconscious*), а неосознаваемой (*non-conscious*) психики.)⁴²

Я утверждаю, что у «картезианской катастрофы» было два основных последствия. Во-первых, она привела к расколу между «сознательным» и «бессознательным» и заставила практически всех последующих авторов обсуждать роль и того и другого, а также формулировать свои собственные теории в терминах, предписанных этой дихотомией [делением целого на две части. — *Ред.-сост.*]. Во-вторых, философия и психология тотчас же столкнулись с проблемой двух отдельных реальностей и на столетия были озадачены тем, чтобы заново восстановить их единство. Иначе говоря, *mind* покинул тело. Вызванный этим урон мы можем увидеть, сравнивая слово *mind* с вытесненным термином *psyche* еще раз.

Очевидное достоинство термина *psyche* заключается в отрицании психотелесной дихотомии (*mind-body dichotomy*)⁴³ — в настойчивом утверждении единства биологических наук (где «биология» включает в себя «психологию»). Это весьма важно. Важно, поскольку *psyche* само собой подразумевает, что изучение «ощущения», «эмоции», «желания» и т.д. тождественно изучению «пищеварения», и, на тех же основаниях, предполагает обращение к телесной «материи» этих способностей. *Psyche* предполагает исследование сенсомоторного управления, а не отдельно ощущения или передвижения (термин *psyche* помещает восприятие и передвижение на одни и те же взаимосвязанные уровни иерархии). Изучение *psyche* не допускает ни изоляции «познания», все еще

---

⁴² Всякий, склонный считать, что *non-conscious mind* — изобретение Фрейда, мог бы изменить это мнение на более правильное, ознакомившись с работой: Whyte L.L. *The Unconscious before Freud*. N.Y.: Basic Books, 1960.

⁴³ Все, разумеется, знают, что Аристотель не является тем безусловным «монистом», каким я его, как кажется, здесь представляю. В пятой главе его «Трактата о душе» (см.: Hamlyn D.W. *Aristotle's De Anima*. Books II, III. Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 60) есть загадочное обсуждение отделимого «активного разума», на понимание которого я не претендую — и я не уверена, что претендовал бы кто-нибудь еще. Все-таки два критических замечания привести стоит. Во-первых, тут нет «отделения» чего-то, подобного *mind*; активный разум является чем-то, относящимся к мышлению как свет относится к видению, и остается наиболее таинственным метафизическим понятием. Во-вторых, этот отрывок мне кажется связанным с его столь же загадочными, тут и там появляющимися толкованиями перво двигателя как бытия «чистой действительности»; а где-то возникают отчасти теологические отзвуки, помогающие объяснить (хотя и не оправдать) большинство философских несогласованностей.

нередко обнаруживаемой в современной когнитивной науке⁴⁴, ни убеждения большинства посткартезианских философов и психологов, что «восприятие» может быть понято без «передвижения», ни в более общем смысле, что «психологические» способности могут быть поняты без «физиологических» или «поведенческих» способностей.

Преувеличить значение психотелесного разрыва для последующей философии и психологии нелегко, но было бы нелепо игнорировать и существенное сопротивление ему. Шерер проследил историю моторных теорий познания и восприятия, а также «представлений о мышечном чувстве», разработанных в XVIII столетии⁴⁵. Неудивительно, что первопроходцами в этой области стали либо сведующие в физиологии, а таких среди ранних немецких психологов было большинство, либо работавшие в отраслях, которые сегодня мы могли бы назвать «физиологической психологией». Но даже здесь некоторые из исследователей заразились картезианским дуализмом в том смысле, что иногда, вместо отрицания любого теоретически значимого различия, свою задачу они видели в том, чтобы объяснить, как взаимодействуют две вещи совершенно разного рода — например, движения глаз и зрительные ощущения. Тем самым они признавали, чего не следовало бы делать, разграничение сознаваемого и неосознаваемого, феноменального и физиологического, а также существование таких реалий как зрительные ощущения. (Напомним, что в древнегреческом языке отсутствует термин, который адекватно переводит — подчеркнем, во множественном числе — «зрительные ощущения».) Подобным образом, большинство философов, пишущих о «психотелесной проблеме» (*mind-body problem*), независимо от того, сколь твердо они придерживаются позиций естествознания, по-прежнему рассматривают свою задачу как попытку согласования двух существенно разных реалий. Уотсон⁴⁶, как основоположник бихевиоризма, не был сторонником Декарта, но явно признал психофизическую дихотомию, когда полностью отсекал одну из ее сторон.

Сегодня появились ободряющие симптомы того, что эта дихотомия, следовательно и *mind*, теряет свою силу. Обратимся к общепринятому названию «нейропсихология». Нейропсихологи, изучающие гиппокамп или амигдалу, не видят необходимости в том, чтобы отстаивать свое приписывание этим под-

---

⁴⁴ Когнитивная наука — наименование группы разнородных научных дисциплин, изучающих психику человека. В нее включают когнитивную психологию, нейропсихологию, лингвистику, а также различные направления компьютерного и математического моделирования, разработки искусственного интеллекта и соответствующие разделы программирования, математики и гносеологии. — *Пед.-соцт.*

⁴⁵ См.: Scheerer E. Motor theories of cognitive structure: a historical review // *Cognition and Motor Processes* / W. Prinz, A.F. Sanders (Eds.). Berlin: Springer Verlag, 1984. P. 77—98; Scheerer E. Muscle sense and innervation feelings: a chapter in the history of perception and action // *Issues in Perception and Action* / H. Heuer, A.F. Sanders (Eds.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1987. P. 171—194.

⁴⁶ Уотсон (*Watson*) Джон Бродес (1878—1958) — американский психолог. — *Пед.-соцт.*

корковым структурам головного мозга таких «психических терминов», как «классификация», «анализ», «сравнение». Без таких приписываний мы, конечно, не могли бы управлять и сложными компьютерами. Все больше становится ясным, что моделирование «психики» никогда не выйдет за поверхностный и малоинформативный уровень, пока будут использоваться «прикованные к больничной койке» компьютеры, а не передвигающиеся роботы, т.е. снабженные сенсорными датчиками системы, которые могут «обучаться» благодаря подбору данных из окружения и причинному взаимодействию с объектами⁴⁷. На место вопросов о взаимосвязи и взаимодействии двух уровней — психического и физического, приходит растущее признание существования *множества* уровней, начиная от абстрактной рационализации до клеточных мембран и далее. В этом, конечно, нет ничего удивительного. Психическое или психологическое разграничение выглядело (интуитивно) достаточно ясным, будучи закреплено картезианским критерием доступности и непогрешимости сознательного самонаблюдения. Когда неосознаваемое было снова допущено в *mind*, к этим интуитивным соображениям добавили «интенциональность» (грубо говоря, идею о том, что психические состояния [всегда. — *Ред.-сост.*] «касаются» [каких-то. — *Ред.-сост.*] вещей или положений дел, которые могут или не могут существовать или быть доступными). Никакое соединительное или разделительное соотношение этих двух весьма различных характеристик *mind* никогда не удовлетворяло исследователей, пытающихся отыскать принципиальную основу психотелесной, психофизической дихотомии.

Рассмотрим еще одно совершенно очевидное достоинство термина *psyche*. Он обращает наше внимание на природные (на самом деле, естественно-видовые) способности организмов. Как мы видели, аристотелевские формы (и среди них *psyche*) выдвигают на первый план «то, чем надлежит быть» топору, кошке или человеку, т.е. на системные характеризующие их свойства. Напротив, термин *mind*, особенно *conscious mind*, подталкивает к выдвиганию на первый план событий, качеств или «идей», т.е. исчислимых вещей, а не способностей; к выдвиганию отдельных (*individual*), освещенных на внутренней сцене театра психики кусочков (*items*), которые целенаправленно схватываются самонаблюдением. Сегодня психологи (но едва ли философы) возвращаются к исследованию способностей, а не событий или *кусочков* психики. Только не надо забывать слова Титченера⁴⁸: «Следовательно, *mind* как сумма мыслей, чувствований и прочего есть сумма процессов. Объектами “науки о *mind*” являются процессы *mind*; объектами “науки о психике” являются психические процессы»; и эти «простые процессы названы психическими элементами. Их очень много: вероятно, около 50 000»⁴⁹. Кроме того, длинная и удивительная история

⁴⁷ См. обсуждение: *Gunderson K. Mentality and Machines*. L.: Croom Helm, 1985.

⁴⁸ Титченер (*Titchener*) Эдуард Брэдфорд (1867—1927) — английский и позже (с 1892 г.) американский психолог; ученик Вундта. — *Ред.-сост.*

⁴⁹ *Titchener E.B. A Primer of Psychology*. Norwood (Ma), 1898. P. 7, 21.

ассоцианистской психологии, начатой Юмом, но глубоко и энергично разработанной в этом столетии, говорит о том, насколько долго она смещала фокус своего внимания с *кусочков* на способности психики. <...>

Резюме и заключение

Вероятность того, что *conscious(ness)* станет научно плодотворным explanandum [тем, что следует объяснять (лат.). — *Ред.-сост.*] представляется незначительной. Здесь я не буду повторять доказательств, приведенных в моей статье, которая специально предназначена для полного освещения явно разнородных феноменов, называемых «сознательными»⁵⁰. После знакомства с этой статьей утверждение, что термин «сознаваемое» является расплывчатым, не нуждается в доказательстве. Но только по этой причине его не следовало бы исключать из науки. Например, термин «репрезентация» тоже расплывчат. Ньютон-Смит показывает, что некоторые теоретические понятия, такие как «поле» и «пространство—время», вводились, по общему признанию, как смутные, но позволили провести или допускают возможность проведения точных экспериментов, которые помогли или помогут их прояснить⁵¹. Быть может (позвольте нам надеяться) термин «репрезентация», столь часто (зло)употребляемый в когнитивной науке, будет, подобно термину «поле», обоснован в качестве правомерного теоретического понятия и в итоге приобретет точное значение. Но мы должны напомнить, что стратегия науки заключается в заимствовании и последующем приспособлении термина обычного языка путем переопределения, соответствующего предписанной ему роли. Хотя в обычном языке существует огромное множество психологических терминов, только термин *conscious* не представлен в разных языках⁵² в одинаковом диапазоне и объеме и, прежде чем его «приспособлять», необходимо как-то обосновать предположение, что тем самым будет удовлетворена некая подлинная потребность теории.

Никакой такой потребности не существует. Подведем итоги: (а) не найдется и двух людей, согласных относительно содержания термина *conscious*; (б) источники популярности этого термина лежат в гносеологии (*epistemology*), а не в наблюдении или эксперименте (поэтому *consciousness* должно быть кошмаром философа, а не психолога); (в) любая дихотомия сознаваемого—неосознаваемого оставляет в стороне слишком много действительно информативных явлений, большинство из которых невозможно классифицировать, опираясь на нее, и как следствие мы склонны преуменьшать их значение; (г) невероятно, чтобы нечто, связывающее в один ряд боль и мысль о математике, могло быть верным

⁵⁰ См.: Wilkes K.V. Is consciousness important? // British Journal for the Philosophy of Science. 1984. Vol. 35. P. 223—243.

⁵¹ См.: Newton-Smith W.H. The Rationality of Science. L.: Routledge and Kegan Paul, 1981.

⁵² Кроме древнегреческого, автор показывает это на примерах китайского и хорватского языков в разделах статьи, не представленных в данной публикации. — *Ред.-сост.*

указателем пути к обоснованной естественной классификации⁵³; (д) при отбрасывании этого термина, точно также как и при отбрасывании *mind*, мы ничего не теряем (из того, что Хамлин называет «проблемами сознания»), кроме псевдопроблем или того, на что нельзя было бы ответить посредством теорий, игнорирующих «сознание как таковое»; (е) отбрасывание *consciousness* освободило бы нас для того, чтобы обсудить, является ли, а если является, то в какой мере, каждый из четырех вышеперечисленных видов сознаваемых явлений (а их может быть и много больше)⁵⁴ естественного класса *explanandum* и, следовательно, заслуживающим объяснения по своему праву, без примеси *мнимо* родственных областей исследования. (В прошлом столетии мы были одержимы «волей». Сегодня, вероятно, лишь немногие считают ее «полезным», единым естественным классом явлений.)

По существу, я стараюсь доказать две различимые вещи. Во-первых, что во всех контекстах, где термин *conscious* хотят использовать в научных целях, он и родственные ему термины оказываются бесполезными и необязательными. Разнородные области исследования, на которые он грубо *указывает*, используя слова обыденного языка, можно и нужно расчленить классификациями, перекрещивающимися там, где можно, предположительно, сделать акцент на *consciousness*. Во-вторых, если у нас что-либо и есть, то лишь незначительное основание предполагать, что эти разные области сообща обладают чем-то информативным: т.е. *consciousness* не будет естественным классом.

Короче говоря, как психологи не изучают *mind* сам по себе, точно так же им не следует возиться и с *consciousness*. Подобно тому, как не беспокоясь о *mind* как таковом, мы ничего не теряем, точно так же и отсутствие беспокойства о *consciousness* не привело бы к ограничению наших исследований. Назад — или, вернее, вперед — к Аристотелю.

---

⁵³ В одном из пропущенных здесь разделов статьи автор утверждает, что наука описывает и объясняет естественные классы явлений, представляющие собой «сочленения», или звенья природы, которые удерживаются совместно и подчиняются одним и тем же законам. Например, слова «золото» и «тигры» указывают на такие естественные классы, а слова «портфель» и «заборы» не указывают. Продолжая этот пример, можно сказать, что золото и тигры могут выступить в качестве объектов целесообразного научного исследования, а портфель и заборы — не могут. Естественные классы могут быть единичными и пакетными, т.е. состоящими из более мелких единиц, подчиняющихся не только общим, но и частным, специфическим закономерностям. Слова обычного языка могут лишь указывать на естественные классы; в них допускается неопределенность, расплывчатость и зависимость значения от контекста. Наука приспособливает эти слова в своих целях, обнаруживая среди них термины, обозначающие естественные классы, путем как бы «прополки» значений повседневного применения данных слов. Эти термины указывают на явления, доступные систематическому объяснению, и одновременно объясняют нечто другое, входящее в состав данного естественного класса. Слова *conscious* и *consciousness*, обозначающие в повседневной речи ряд явлений, на такие естественные классы, по мнению автора, не указывают. За ними стоит коллекция, или набор явлений, состоящий по меньшей мере из четырех разнородных классов: (а) располагающихся на континууме сон—бодрствование; (б) органических ощущений; (в) образов; (г) мышления и самосознания. — *Ред.-сост.*

⁵⁴ См. окончание предыдущего примечания. — *Ред.-сост.*

4 Что изучает психология

В.А. Снегирев

[Общая характеристика душевных явлений]*

Какие явления называются душевными, известно всякому. Это ощущения, чувства, идеи, мысли, желания и т.п., ежеминутно возникающие в каждом человеке и отчасти в некоторых из животных состояния. Они выражаются в разнообразнейших движениях организма и во всей деятельности человека и животных; но находятся, как говорят, внутри их, внутри организма, и потому характеризуются как явления внутренние или явления внутренней жизни человека и животных.

Существуя в живом организме, и только в нем, насколько можно судить на основании прямого опыта, душевные явления прежде всего относятся к обширной группе явлений жизни в природе вообще и, таким образом, выделяются из явлений так называемого мертвого вещества, из явлений механических и химических.

Явления жизни, или биологические, представляют собой высшую, последнюю форму явлений, из коих составляется доступная нашему наблюдению вселенная. В то же время, по условиям своего происхождения, по своему бесконечному разнообразию, это явления самые сложные, и в силу этого они представляют собой самую трудную для изучения область, темную и запутанную: они доселе во всей своей совокупности таинственные и непостижимые для ума. Наука доселе не в состоянии ответить на вопрос: что такое жизнь и живое существо, и какова последняя основа явлений жизни.

Если вообще явления жизни составляют высшую ступень, кульминационный пункт развития мирового процесса, насколько он доступен человеку, то душевные явления, очевидно, составляют совершеннейшую и высшую форму самих явлений жизни и, следовательно, самую высшую форму бытия.

Таково, так сказать, внешнее положение «душевного» среди других явлений.

Относясь к области явлений жизни, душевные явления ближе и теснее входят в область явлений жизни организма животного <...>. Они составляют

---

* Снегирев В.А. Психология. Харьков: Тип. А. Дарре, 1893. С. 51—56.

существенную принадлежность и отличительный признак всех животных и ближайшим образом связаны с жизнедеятельностью одной из тканей их организма — нервной. У низших животных эта ткань очень простая по своему строению; у высших она представляет сложную систему. Через нервную систему душевные явления связаны с внешним миром, действиями которого возбуждается нервная система, давая повод к образованию душевных состояний, и содержание этих явлений получается, главным образом, прямо из внешнего мира. Душевно-внутреннее в своем бытии и развитии связано с внешним.

При общем внешнем сходстве с явлениями жизни физической, связи с ними и со всеми другими явлениями, из которых складывается доступный человеку внешний мир, душевные явления резко отличаются от всех их по основным свойствам, по форме своего бытия и обнаружения и представляют среди них не только особую, ясно выделяющуюся группу, но и целый, особый и своеобразный мир, противоположный всему физическому и, по меньшей мере, равный ему по богатству и разнообразию своего содержания.

Душевные явления возникают и прекращаются, развиваются по определенным законам, влияют друг на друга и на физические явления, сами испытывают влияние этих последних точно так же, в общих чертах, как и все явления в мире; но в то же время каждое из них еще как бы отражается само в себе, воспринимает себя, открывается себе, т.е. как бы знает о себе. Это самоотражение и знание о себе принято называть сознанием или сознательностью. Что такое это самоотражение, самовосприятие—сознание и как оно происходит, неизвестно, его трудно описать и, тем более, определить, так как нет еще более простого и более доступного явления, к которому можно бы было приравнять его. Действительно, сознание есть факт первичный, неразложимый, новый и не похожий на все остальные основной космический факт, как тяжесть, инерция и тому подобное. Его возникновение заставляет предполагать бытие особого, нового деятеля, силы, или начала, его производящего, но и при этом он остается таким же темным и непостижимым, как все первичные основные факты, потому что опять остается непонятным, как производится сознание сознающей силой, так как сама эта сила открывается как сознающая. Одно только несомненно, что сознание отсутствует в явлениях физических. Физические явления только совершаются и влияют друг на друга (электричество, движение Земли и тому подобное). Это присуще только душевным явлениям и составляет их сущность, их основное, неотделимое от них свойство. В силу этого, явления душевные называются явлениями сознательными, или явлениями сознания, причем в сущности, душевное и сознательное одно и то же, как одно и то же душа и начало сознающее, производящее явления сознания в доступном нашему наблюдению мире. Все в мире физическом, весь этот мир, как не обладающий сознанием, называется бессознательным, лишенным сознания.

Отражаясь сами в себе, созная себя, или, что то же, являясь состояниями сознающего начала, душевные явления, все без исключения, отражают в себе другие явления, соприкасающиеся с «душевным», повторяя их в себе в

форме бестелесных образов: в них, как в своем центре, отражается и повторяется в новых формах все соприкасающееся с ними бытие. Сами они, возникая как отражения внешнего, вызывают в сознании у человека свои собственные отражения и образы, и так далее. Из этого двойного отражения возникает новый мировой космический факт, составляющий дальнейшее развитие и видоизменение сознания, а именно, знание.

Как состоящее из отражения какого-либо другого явления или события в мире, внешнем или внутреннем, всякое сознательное или душевное явление есть образ, *είδος* его, повторяющий в себе более или менее полно его бытие. Это, опять присущее одним душевным явлениям, свойство называется идеальностью. Душевные явления сознательны и идеальны: в них дано знание души и о всем соприкасающемся с ней мире. В противоположность им, все остальные физические явления, бессознательные, называются реальными или материальными.

Отражение физического в сознательном и идеальном совершается через посредство так называемых чувств и их органов, которые и сами материальны. Душевные явления как явления самоотражения без всякого посредства и как идеальные, т.е. не заключающие в себе ничего материального, недоступны внешним чувствам, их нельзя видеть, слышать, осязать. Недоступные внешним чувствам, они недоступны и никаким другим материальным орудиям, которыми облегчается и совершенствуется деятельность чувств: их нельзя видеть под микроскопом или в телескоп и так далее. Это свойство душевных явлений называется сверхчувственностью, или недоступностью внешним чувствам. Душевные явления, как недоступные внешним чувствам, или сверхчувственные, открывают собою новую форму бытия, может быть, целый новый, сверхчувственный мир. Как сверхчувственные, душевные явления открываются и наблюдаются в так называемом внутреннем восприятии внутренним образом, без посредства внешних чувств внутри субъекта, их испытывающего. Это свойство их называется субъективностью. Отсюда явления душевные субъективные и внутренние, — это внутренние явления, или явления внутренней жизни. Это значит больше, чем то, что душевные явления совершаются внутри организма; это значит, что они совершаются внутри самих себя, внутри существа сознающего и совершаются как бы за пределами организма. В противоположность этому, все физические, бессознательные явления называются внешними, или внешним миром, к которому относится и весь организм со всей нервной системой, ближайшим физиологическим органом душевного. Как идеальные и сверхчувственные, явления душевные оказываются, далее, не заключающими в себе никаких материальных частиц, и потому не могут быть разделены на части, отдельные друг от друга. Правда, сложное душевное явление состоит из отдельных как бы частей, но все эти части тоже идеальны, и притом, разложенное на свои составные части душевное явление не перестает сохранять свою целостность: разложение его тоже идеальное, кажущееся, а не действительное. Разложить явления душевные в собственном смысле, т.е. как разлагаются тела, нельзя. Это свойство душевных явлений называется неделимостью. Явления

душевные неделимы. В противоположность им, все физическое допускает бесконечную делимость и называется делимым, и делимость есть одно из свойств материального. Так же точно, хотя мы вынуждаемся помещать душевные явления в пространстве, но они вне пространства (для удобства, по привычке, мы представляем их находящимися в пространстве). Но как не заключающие в себе лежащих друг возле друга в различных направлениях частей, душевные явления не подлежат условиям пространства: нельзя вообразить себе в идее ее правую и левую сторону и сказать, что одна часть ее лежит вправо, другая влево, одна глубже, другая ближе к поверхности и тому подобное. Это свойство душевных явлений называется непространственностью. В противоположность этому, все физические явления пространственны.

Итак, наблюдая душевные явления в их основных чертах и сопоставляя их с явлениями физическими, мы получаем ряд следующих общих основных их свойств: сознательность, идеальность, сверхчувственность, субъективность, неделимость и непространственность. Как диаметрально противоположные основным свойствам всего физического, или материального, они все объединяются в одно свойство, выражающее именно эту противоположность. Явления душевные называются нематериальными и, в форме положительной, — духовными. Явления душевные нематериальны, или, что то же, духовны. Этот последний термин, впрочем, прилагается только к явлениям душевной жизни человека.

Хотя душевные явления, действительно, диаметрально противоположны физическим, материальным, и всего чаще называются противоположными, но в их взаимном отношении, по основным свойствам, есть нечто более простой противоположности. Дело в том, что противоположность все-таки представляет сходство в основном. Здесь такого отношения нет, или оно только кажущееся, и является в нашем сознании вследствие тесной связи физического и психического и привычки противопоставлять предметы и явления, друг друга исключаящие по своим обнаружениям и главным свойствам. Душевные явления, как явления другого порядка и другой природы, чем физические, собственно говоря, несравнимы или несоизмеримы с ними. Эти два порядка явлений, так тесно связанные, в сущности чужды друг другу, и их единственное родство и сходство заключается в том, что те и другие суть явления, или проявления чего-то, что лежит в основе каждого из них. Прежде всего, они вовсе не исключают друг друга, как противоположности, а способны существовать одновременно и совместно, проникать друг в друга, как бы сочетаться в одно целое. Не имея возможности одно и то же существо в одно и то же время мыслить живым и мертвым, один предмет и теплым и холодным, мы легко можем мыслить и постоянно воспринимаем существо материальное и духовное или духовно-чувственное. Здесь причина и объяснение, до известной степени, той тесной, неразрывной связи между физическим и духовным, которую мы описали. Они чужие друг другу по природе, не имеют ни одного общего, в собственном смысле, свойства, ни одного пункта внутреннего соприкосновения и перехода друг в друга, а потому так легко существуют совместно, не сливаясь и не смешиваясь.

Г.И. Челпанов

Классификация душевных явлений*

Наблюдая душевную жизнь, свою собственную и других людей, мы замечаем огромное многообразие душевных явлений, их постоянную смену, текучесть и сложность. Чтобы иметь возможность сделать их предметом научного наблюдения, необходимо распределить все душевные явления на группы или классы более или менее однородных явлений. Такое распределение душевных явлений на классы мы можем назвать классификацией душевных явлений. Такая классификация имеет огромное значение, между прочим, и для объяснения всех сложных душевных явлений. Уже и в обиходной жизни мы делим душевные явления на три основных класса: познания, чувства и воли. Мы или *знаем* что-либо, или *чувствуем* что-либо, или *действуем* каким-либо образом. Как мы увидим ниже, эта классификация может служить для практического применения, но нуждается в ближайшем объяснении, потому что при неправильном понимании ее может показаться, что мы возвращаемся к теории способностей, допускавшей наличие отдельно друг от друга действующих душевных способностей. Вопрос о классификации душевных явлений получает для современной психологии принципиальную важность. В наше время, когда особенно развиваются стремления найти новые основы психологии, в последнее время настойчиво высказывалось мнение, что прежний метод изучения психологических явлений должен быть оставлен и должны быть введены новые *методы*, которые заключаются в том, что изучение душевной жизни начинается из *движений* человека, именно из изучения инстинктивных движений и внешних выражений душевных *переживаний*. В этом заключается сущность так называемой психологии поведения. Согласно этой психологии, существенной стороной душевной жизни человека является движение как результат его влечений, стремлений — вообще волевой деятельности в широком смысле слова. Но является ли «психология поведения» чем-либо новым, отменяющим прежнюю классификацию душевных явлений? Этого признать никак нельзя. И прежняя психология придавала исключитель-

---

* Челпанов Г. Очерки психологии. М.; Л.: Моск. акц. изд. об-во., 1926. С. 58—63.

ную важность изучению движений человека. Попытку обосновать на «движениях» всю душевную жизнь мы в очень определенной форме находим уже в психологии Г. Спенсера¹, вышедшей в 1855 г.

Но как понимать утверждение, что душевные явления состоят из познаний, чувств и воли? В обыденной жизни все три класса душевных явлений представляются обособленными, отделенными друг от друга. Если говорят, например: «я совершил это под влиянием известного чувства», кажется, будто бы, что чувства, существуя совершенно независимо от представлений и воли, оказывают воздействия на эти последние. Взгляд об отдельном существовании различных классов душевных явлений нашел свое выражение уже в древней философии. Платон², например, признавал, что душа имеет различные *части*, имеющие определенные функции, причем каждая часть помещается в определенном месте организма. Так, например, разумная часть души помещается в голове, волевая часть — в груди, влечений — в животе.

За этой попыткой следует классификация Аристотеля³, по которому все душевные явления делятся на два класса: влечения и ощущения. Философы XVIII в. признали реальность самостоятельных, независимых способностей как причины душевных явлений. Дальнейшее развитие этого положения привело к созданию немецким физиологом Галлем (1758—1828 гг.) «теории способностей», согласно которой отдельные способности локализовались в определенных участках мозга. Как мы видели, теория Галля была скоро в науке оставлена в ее физиологической части и в той ее части, в которой она признавала наличность отдельных способностей.

Вместе с падением теории отдельных способностей нужно было дать ответ на вопрос: что же лежит в основе душевной жизни, т.е. какой из классов душевной жизни является основным? И в самом деле, были все основания для такого вопроса. Нужно было отыскать одну душевную способность, которая могла бы объединять все душевные проявления.

Немецкий психолог Гербарт⁴ сделал попытку поставить в основу душевных явлений *представления*, т.е. класс явлений познания. Согласно этой теории, носящей название *интеллектуализма*, представления являются первоначальными, что же касается чувств и волевых процессов, то они являются результатом взаимодействия представлений. На смену интеллектуализма

---

¹ Спенсер (*Spencer*) Герберт (1820—1903), английский философ и социолог. «Основания психологии» — часть его обширного сочинения «Система синтетической философии», опубликованного в десяти томах в 1862—1896 гг. — *Ред.-сост.*

² Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ; см. его тексты на с. 181—197, 310—313 наст. изд. — *Ред.-сост.*

³ Аристотель (384—322 до н.э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист; его тексты см. на с. 198—211 наст. изд. — *Ред.-сост.*

⁴ Гербарт (*Herbart*) Иоганн Фридрих (1776—1841) — немецкий философ, психолог и педагог. — *Ред.-сост.*

выдвигается теория, которая ставит *чувство* основой душевной жизни. Эта теория получила определенное выражение у Герберта Спенсера, который доказательство правильности своей теории черпает из рассмотрения зачаточной душевной жизни, в которой прежде всего возникают чувства. Например, ребенок, который не имеет еще никаких представлений, может плакать, т.е. испытывать чувство неудовольствия. Спенсер поэтому считает чувство первичным, потому что оно, по его мнению, раньше всего возникает в душевной жизни.

Стремление поставить в основу душевной жизни *волю* получило начало у немецкого философа Шопенгауэра и было развито его новейшими последователями — немецкими же философами Вундтом⁵ и Паульсенем. Их учение носит название *волюнтаризма*. Согласно этому учению, первоначальная душевная жизнь есть *влечение*, не сопровождаемое какими бы то ни было представлениями. Это первоначальное влечение Шопенгауэр называет «слепым влечением». Например, инфузории стремятся к пище, не имея никакого представления об этой последней.

Для того, чтобы решить, что же является основой душевной жизни, мы рассмотрим, чем характеризуется каждый класс душевных переживаний — *познание, чувство и воля*.

Начнем с познания, и именно с ощущения. Являясь простейшим познавательным актом, возникая под влиянием известного раздражения, *ощущение* необходимо предполагает определенный *коррелят*⁶ — именно ощущаемое, и возникает даже у низших животных. В процессе ощущения на наше сознание что-то действует извне. Я ощущаю голубой цвет неба, я ощущаю холод льда, к которому я прикасаюсь.

Вместо *воли* мы будем употреблять «влечение», представляющее простейший вид волевого действия. Влечение характеризуется наличностью активности, стремления воздействовать на внешний мир. Например, я вижу стакан с водой. В этом случае я до известной степени пассивен. Я беру стакан с водой и пью. Это есть действие под влиянием влечения; в нем я активен.

Существенным признаком *чувства* является наличность удовольствия или страдания. У чувства нет коррелята во внешнем мире. Оно существует только в нас самих, имеет чисто субъективный характер и служит как бы посредствующим звеном между познавательными и волевыми процессами.

Для разрешения нашего вопроса об основном классе душевных явлений и их взаимоотношений мы станем на *психогенетическую* точку зрения и рассмотрим душевную жизнь какого-нибудь простейшего организма. Он всегда на воздействие внешнего мира *реагирует*, т.е. отвечает определенным чувством и движением. Мы знаем, что в самом простейшем организме имеются ощу-

---

⁵ Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ, основатель экспериментальной психологии. — *Ред.-сост.*

⁶ *Коррелят* — в данном случае предмет или его свойство, от которого это ощущение зависит. — *Ред.-сост.*

шающие и двигающие нервы, и организм состоит как бы из двух частей — рецепирующей и активной. Различные раздражения заставляют организм реагировать на них. Сущность процесса реакции состоит в том, что при действии раздражений на концевые аппараты ощущающих нервов организм получает то или иное ощущение (момент рецептивный), к которому присоединяется какое-либо чувство — удовольствия или страдания. Смысл появления этих последних элементов заключается в том, чтобы указать организму значение того или иного раздражения для его благополучия. Удовольствие получается в случае благополучия и неудовольствие — в случае неблагополучия. Соединяясь друг с другом, процессы ощущения и чувство приводят организм в определенное *движение* (момент активный). Чувства, таким образом, являются связывающим звеном между ощущением и волевым движением.

Таким образом, уже на реакции простейшего организма мы видим нераздельность трех моментов: ощущения, чувства и движения. Мы видим, другими словами, что ощущение, чувство и движение представляют первоначально единичный акт в процессе душевного переживания; на этом примере мы можем также видеть, что представления могут вызывать движения, потому что они изначала связаны этими последними.

Процесс реакции, как мы его сейчас видели у элементарных организмов, протекает таким же образом и у высших организмов. Это и убеждает нас в том, что вообще все душевные переживания состоят из трех нераздельных, непосредственно связанных друг с другом элементов.

Этому утверждению, по-видимому, противоречит тот факт, что в душевной жизни взрослого сознания мы замечаем наличность чистых представлений, чистых чувств и тому подобное. Но могут ли, на самом деле, существовать чистые чувства, чистые представления, чистые волевые акты? Рассматривая даже простые познавательные акты, например когда мы внимательно прислушиваемся к каким-нибудь звукам, мы замечаем в них присутствие известных чувств и активность (чувство усилия в акте внимания, известное настроение, связанное с ним). Отсюда мы можем сделать вывод, что чистого представления в психической жизни не бывает. Далее, известно, что некоторые мысли имеют всегда действенный характер, вызывают стремление к их осуществлению, как бывает иногда при так называемом «чтении мыслей», столочерчении. Как мы видели, эти явления основываются на том, что представления влекут за собою известные движения, часто помимо сознания лица, совершающего движение. Это обстоятельство указывает на связь между представлениями и движениями.

Что касается чувств, то едва ли возможно возникновение их в нашем сознании в чистом виде. Почти всегда удовольствие или страдание связано с представлением о том или ином предмете. Кроме того, ощущения всегда имеют тот или иной чувственный тон. И, наконец, чувство связывается с волевыми элементами, так как является источником стремления, и, следовательно, волевые движения и чувства тесно соединены друг с другом.

Но может быть волевые движения могут возникать без представления? И этого тоже нельзя допустить. Шопенгауэр считает влечение слепым, отрицая присутствие в нем познавательных элементов. С этим никак согласиться нельзя. Даже самая зачаточная форма влечения характеризуется наличностью в ней познавательного элемента: именно, различения одного впечатления от другого. Движение без представления осуществиться не может. Следовательно, влечение даже в самой зачаточной форме руководится каким-нибудь представлением.

Но что сказать о чистых представлениях, которые мы иногда называем чистыми идеями? Могут ли они существовать в нашем сознании? Если мы даже допустим возможность «чистой идеи», то может ли такая идея приводить в движение нашу волю? Надо думать, что нет. Наши самые идеальные стремления, выражаемые нами в форме отвлеченных понятий, навсегда замерли бы в чисто познавательной форме, не воплощаясь реально в жизнь, если бы они не окрашивались определенными чувствами. Таким образом, на вопрос, существует ли чистое представление, можно ответить только отрицательно, так как *каждое представление* стремится воплотиться в каком-либо действии. С другой стороны, и представление без чувства, связанного с определенным двигательным механизмом, не может прийти в действие.

Итак, мы видим, что всякий душевный акт, самый простой и самый сложный, состоит из трех составных частей — интеллектуальной, эмоциональной и волевой, нераздельно связанных между собою. Лишь вследствие преобладания того или иного элемента в реальном психическом переживании мы относим последний к области познания, чувства или воли. В действительности все виды душевных переживаний составляют нераздельный психический элемент. В этом смысле попытка выводить все виды душевных переживаний из одного *основного* класса совершенно утрачивает всякое значение.

Только в одном смысле мы можем ставить вопрос: какой момент душевной жизни является самым главным или имеет *первичный* характер, — именно, если мы будем иметь в виду, какая сторона душевной жизни имеет активный характер и способствует осуществлению самого психического процесса. Такой стороной мы должны будем признать *волю*. Признание воли первоначальным элементом психической жизни будет *волюнтаризмом*. Но этот волюнтаризм нужно отличать от того волюнтаризма, который считает основным элементом душевной жизни влечение, в котором не имеется налицо представление и это последнее присоединяется к влечению только впоследствии, в процессе развития.

Итак, по вопросу о классификации душевных явлений мы должны признать, что хотя общепризнанное деление всех душевных явлений на три класса и нужно признать вполне достигающим цели, однако к этому мы должны прибавить, что в реальном переживании все три элемента нераздельно связаны друг с другом.

В.А. Снегирев

[Волнения деятельности и скуки]*

Общие условия возникновения волнения деятельности и ему противоположного [т.е. скуки. — *Ред.-сост.*] даны уже в этих общих их названиях. Известно, что жизнь организма телесного складывается из рядов движений или процессов, которые находятся на определенном уровне силы, называемом «нормальным». Все эти деятельности, или процессы органические, находясь в нормальном состоянии, суммируются в сознании как особого рода ощущения — здоровья, бодрости и т.п. Всякое понижение или ослабление, а также расстройство в общем ходе этих процессов, от чего бы оно ни зависело, — от местных ли аномальных изменений, или от причин, действующих на весь организм, — суммируется в сознании, как общее ощущение недомогания или нездоровья, не переходя в определенное ощущение боли. То же самое имеет место, *mutatis mutandis* [внеся необходимые изменения (лат.). — *Ред.-сост.*], и относительно жизни душевной. Эта жизнь тоже состоит из рядов постоянно совершающихся, известным образом организованных деятельностей или процессов. Душевная деятельность, как и деятельность тела, имеет свой «нормальный» уровень энергии и организованности, которым, несомненно, должно аффицировать и аффицирует сознание¹. Их нормальный ход суммируется в сознании особого рода волнением, которое и есть *волнение деятельности*, вполне аналогичное с общим ощущением физического здоровья. Всякое падение душевной деятельности ниже этого уровня, необходимо сопровождающееся расстройством, дезорганизацией течения душевной жизни, — является в сознании как волнение противоположного характера, носящее особое название *скуки*. Скука — выражение в сознании ослабленной, расстроенной деятельности душевной — имеет аналогию с общим ощущением физического нездоровья: она есть как бы общее «недомогание» в душевной сфере; потому-то действительное расстрой-

---

* Снегирев В.А. Психология. Харьков: Тип. А. Дарре, 1893. С. 446—454.

¹ Имеется в виду, что энергия и организованность психической деятельности должны быть как-то представлены в чувственной сфере сознания. — *Ред.-сост.*

ство, болезни душевные, когда они возникают постепенно, начинаются обыкновенно с этого чувства.

Волнение деятельности, имея специфические, не поддающиеся описанию особенности, отличающие его от всех других волнений, в то же время всегда приятно, и при энергичной, успешной деятельности, например, при здоровой, быстрой, энергичной умственной работе, а также при работе физической, когда она сопряжена с сосредоточением внимания и сопутствуется энергичной душевной деятельностью, может достигать высокой степени силы и переходить в так называемое наслаждение. Так как в волнении деятельности имеет значение не характер и содержание какого-либо душевного акта или ряда их, а характер общего хода и строя душевной жизни, то это *содержание* совершенно *безразлично* для возникновения его. Все дело состоит в том, чтобы в данный момент в душе была какая-нибудь более или менее энергичная и организованная по своим законам деятельность, сосредоточивающая на себе внимание, степень силы которого всегда служит показателем степени энергии и организованности душевных процессов. Отсюда выходит, — на первый взгляд парадоксальное, но вполне законное и естественное явление, что при отсутствии деятельности определенной, могущей вызвать это приятное волнение, — даже неприятность, страдание становятся приятными, возбуждая энергию, внимание, устраняя тяжелое чувство скуки. При сосредоточении внимания во всякий данный момент энергичной деятельности на самом ее содержании, естественно, волнение деятельности и его приятность весьма часто не сознаются вовсе или являются в промежутках деятельности, а также по ее окончании, как воспоминание, особенно же под влиянием наступающей с прекращением деятельности скуки. Потому-то, вероятно, ни в одном языке нет особого термина² для этого, постоянно в той или другой степени присущего волнения; не имеет оно и определенного своего физического воплощения.

Противоположное описанному волнение *скуки*, имея также свои специфические особенности, в то же время характеризуется как весьма неприятное. По самому существу условий, его вызывающих, оно наполняет, так сказать, в данный момент сознание, ни на чем не сосредоточенное, выделяясь поэтому слишком рельефно из других состояний, и отличается высшей определенностью. Притом же оно имеет очень определенное *внешнее выражение*, которое нельзя смешать с простым выражением неудовольствия. Глаза скучающего человека становятся тусклыми, безжизненными, похожими на глаза человека, которому сильно хочется спать: они или почти неподвижны и полузакрыты,

---

² В современном английском языке это состояние как в повседневной речи, так и в психологической литературе чаще всего обозначают термином *enjoyment*. Эквивалентного перевода данного термина одним словом на русский язык, по-видимому, не существует. «Enjoyment (удовольствие, радость, наслаждение) отличается от всех других синонимов ряда тем, что обозначает не только *состояние* удовольствия (*физического* или *духовного*), но и процесс его получения» (Англо-русский синонимический словарь. М.: Рус. яз., 1988. С. 321). — *Ред.-сост.*

или блуждают, ни на чем не останавливаясь определенно, ничего не фиксируя. Физическая причина этого — слабый приток крови к мозгу, обусловливаемый его слабой деятельностью, от чего бы она ни зависела. При этом кровообращение становится медленным и во всем организме; медленным становится и дыхание. Вследствие общей слабости кровообращения обескровливаются волосные сосуды и покровы тела, особенно лица, — бледнеют. При медленном кровообращении и дыхании кровь мало окисляется, переполняется углекислотой. Отсюда судорожные периодические вдыхания с сильным открытием рта — так называемая «зевота», повторяющаяся через правильные промежутки времени. Мускулы лица ослабляются и делают выражение лица неопределенным, безжизненным, мускулатура всего организма теряет напряжение, движения становятся вялыми, неправильными, бесцельными, или даже вовсе почти прекращаются. Это внешнее выражение вполне соответствует тому, *что происходит* в это время *в душе* и чем собственно обусловливается и вызывается само волнение скуки. Здесь также нет полного отсутствия деятельности, — это невозможно и немыслимо; но деятельность эта понижена до крайней степени, бессвязна, бесцельна, не концентрирована, вообще расстроена и дезорганизована: идеи возникают с чрезвычайной медленностью и большей частью случайно, и ни одна из них не фиксирует, не останавливает внимания, не возбуждает интереса, или же постоянно возвращается одна идея, один ряд их, однообразно повторяясь и не давая места другим; волнения не являются вовсе или являются с чрезвычайной слабостью; желания неопределенны, воля парализована и т.п. Такое состояние внутренней жизни и есть собственно *причина* волнения скуки; но, явившись раз, это волнение, в свою очередь, начинает его поддерживать, расстраивая еще более и более течение психической деятельности и тем усиливая само себя. Неприятность и мучительность чувства скуки в значительной степени еще увеличивается тем, что под влиянием этого волнения время кажется необыкновенно продолжительным, тогда как при других волнениях оно кажется текущим очень быстро, или, как точнее выражаются, незаметно. Это характеристическая черта чувства скуки, которая отражается в его названиях (например, *Langweile*³). Удлинение времени объясняется здесь медленностью и неправильностью смены душевных состояний и сосредоточением внимания на тех внешних изменениях, которыми меряется время. Сознание длины времени, в связи с другими возбуждениями, вызывает в слабой степени гневное волнение, которое обращается на олицетворяемое обыкновенно время. Отсюда энергичные выражения, обозначающие средства устранения скуки, например, «убивать время» и т.п.

Общие условия, под влиянием которых является скука, весьма разнообразны; к ним относятся: а) болезненное изменение мозга; б) отсутствие внешних и внутренних поводов энергичной деятельности; в) прекращение при-

³ *Langweile* — «скука» (нем.); буквально — «долгое время». — *Ред.-сост.*

вычной деятельности; *d*) постоянное повторение одного и того же; *e*) восприятие непонятого или малознакомого.

Оба описанные волнения постоянно *чередуются* в жизни человека, причем у человека трудящегося, занятого, преобладает первое, а скука возникает по временам только в зародышевой форме, не встречая вовсе или редко встречая благоприятные условия для своего развития; в жизни человека, не имеющего определенных занятий, не трудящегося, преобладающим всегда, в конце концов, является волнение скуки, и приятное волнение деятельности редко или никогда не развивается со всей силой и определенностью. Оба эти волнения, очевидно, *играют* большую и *важную роль в жизни человека* и направлены природой к одной цели — поддержанию энергичной деятельности, служащей источником развития и совершенствования психического мира и личности человеческой, — одно положительно, другое отрицательно. Именно приятное волнение деятельности, являясь вместе с нею и возрастая до известных пределов, в крайнем случае, до наступления усталости, служит главным, постоянно действующим в течение всего процесса стимулом⁴ и двигательной силой. При этом другие стимулы, первоначально вызывающие данную деятельность, например, ожидаемое благо какого-либо рода, или устранение какой-нибудь неприятности, отступают на задний план и вовсе не сознаются, так что начавшаяся деятельность сама себя поддерживает и питает при посредстве порождаемого ею самою удовольствия. Если бы не было этого постоянного, в самой деятельности заключенного стимула, другие стимулы могли бы создать только неровную, прерываемую и всегда тяжелую деятельность, и множество самых благотворных деятельностей не могло бы вовсе возникнуть. В свою очередь, мучительное чувство скуки, вынуждая избегать себя, постоянно поддерживает деятельность как средство своего устранения, и заставляет человека сам отдых, необходимый после напряженной деятельности, превращать тоже в деятельность. Этим создается особый род деятельностей, известных под именем «развлечений», «игр», «забав» и т.п., которые, служа временной заменой действительной деятельности, обыкновенно связываются с различного рода удовольствиями, увеличивающими приятность отдыха и развлечения. Но здесь мы встречаемся с явлением, которое в различных формах возникает во всех сферах душевной жизни и вообще жизни человека, а именно — *средство само становится целью*, и жизнь, вместо того, чтобы состоять из нормальной смены серьезной напряженной деятельности и отдыха, в связи с другими удовольствиями превращается, так сказать, в напряженный отдых, в преследование развлечений и удовольствий. С тем вместе скука рано или поздно превращается в хронический недуг, делается преобладающим волнением, около которого группируются все другие волнения и действия человека, так как устраняется единственное действительное и радикальное средство ее

---

⁴ Здесь и ниже слово «стимул» используется в традиционном значении побуждения к действию, т.е. его мотивации. — *Ред.-сост.*

уничтожения — *серьезная деятельность*, и остается ее суррогат⁵ и подобие. Имея значение в связи с действительной деятельностью, это ее подобие само по себе, очевидно, не есть деятельность. Ближайшая причина такого аномального, хотя и весьма часто встречающегося явления заключается в том, что настоящая, *серьезная деятельность* всегда соединена с *преодолением*⁶ некоторых *сопротивлений* или препятствий, которые встречаются весьма часто в самом начале деятельности, словом, она становится тем, что называется «трудом». А всякое внешнее сопротивление и препятствие само по себе способно вызывать неприятное чувство и, за некоторыми исключениями, постоянно его вызывает. К этому присоединяется представление неприятного состояния усталости, утомления, новых сопротивлений и т.п., и неприятность сопротивления — препятствия еще до начала действия усиливается и возрастает постепенно, пока не начнется преодоление препятствия и с тем вместе не возникнет приятное чувство, связанное органически с энергичной деятельностью. Но самое-то начало бывает для многих особенно тяжело и неприятно, так как во многих случаях соединено с преодолением внутреннего сопротивления, лежащего в организме и душе. В самом благоприятном случае здесь необходим переход от легкой и приятной деятельности, еще не наскучившей, к деятельности сравнительно очень напряженной, потому что крутой подъем энергии находится в числе условий и причин, всегда вызывающих неприятное волнение большей или меньшей силы. Люди сильные и привыкшие к труду обыкновенно сразу производят этот подъем силы и побеждают внутреннюю инерцию, хотя это усилие всегда более или менее и для них тяжело и неприятно. Люди более слабые и непривычные, но вынужденные почему-нибудь трудиться, прибегают в этом случае к постепенному возбуждению внутренней энергии, пока она не поднимется до уровня напряжения, достаточного для преодоления сопротивления, и таким образом незаметно переходят к более или менее напряженной деятельности. Некоторые из этой последней категории без самой крайней нужды не могут прибегнуть и к такому приему и неприятности усилия предпочитают бездействие, праздность, сопряженную даже со скукою, стараясь наполнить свою жизнь деятельностью легкими и являющимися без усилия и сами собою. Эта боязнь перед неприятностями преодоления сопротивления внутреннего и внешнего, особенно боязнь первого усилия и напряжения для преодоления внутренней инерции, обыкновенно называется «ленью» и становится привычным, преобладающим явлением вследствие частого повторения, создает известный характер ленивого человека, «лентяя». Ленивый, по самому существу дела, неизбежно становится жертвой скуки, которую старается постоянно ослабить разными легкими, даже нелепыми действиями, тщательно, в то же время, избегая единственного средства ее устранения — дей-

⁵ *Суррогат* — заменитель, обладающий лишь некоторыми свойствами заменяемого предмета или продукта. — *Ред.-сост.*

⁶ Здесь и далее в оригинальном тексте стоит в настоящее время редко используемое слово «побеждение». — *Ред.-сост.*

ствительной деятельности, или труда. Мало-помалу он, наконец, привыкает к этому состоянию, приспосаблиется благодаря указанному нами закону образования равновесия нервного и психического на очень низком уровне. Жизнь лишается при этом всякого смысла и содержания, — личность заживо почти умирает. Эта лень и привычка к праздности может образоваться даже и у очень сильного человека по природе, или, вообще, энергичного и способного к труду, что бывает, и очень, как известно, часто, в тех особенно случаях, когда, благодаря условиям жизни, человеку нет нужды трудиться и когда в его распоряжении множество приятных и легких деятельностей. При этих условиях во всей широте и обнаруживается указанное превращение средства в цель, и начинается ежедневная *борьба со скукой*, не лишенная своего рода драматизма. Исчерпавши все возможные развлечения, испытавши всякого рода удовольствия, человек нередко впадает в постоянное состояние скуки, мучится и тоскует, и чем он сильнее и энергичнее по природе, тем сильнее его мучения. Скука превращается в «сплин», в апатию ко всему, доводит до самоубийства. Но еще чаще при этом возникает потребность как-нибудь искусственно, сильным, необыкновенным способом поднять жизненную энергию. Возникает ряд порывистых действий, вызывающих сразу огромное количество освобождения силы, так называемых «экссессов» во всех родах чудачеств, даже преступлений и, во всяком случае, более или менее порочных фактов. Между прочим, одним из самых распространенных во всем человеческом роде средств прогнать мучения скуки, связанные с праздностью, — служит временное отравление наркотическими веществами (настой мухомора, гашиш, или настой конопли, опиум, алкоголь в разных видах и некоторые другие наркотические вещества). Все эти вещества, действуя прямо на кровь и нервные центры, физически возбуждают душу, увеличивают энергию мысли, чувства, воли и тем самым быстро прогоняют скуку. Правда, временное отравление наркотическими веществами обусловливается многими обстоятельствами, отчасти наследственностью и нервными болезнями, но в огромном большинстве случаев источником этой привычки является исключительно праздность и скука.

Нетрудно видеть, что в намеченных нами явлениях, группирующихся около волнений деятельности и скуки, как и в самих этих явлениях, мы имеем перед собой предмет великой жизненной важности и значения, требующий самых тщательных исследований и распространения их результатов. К сожалению, этих исследований доселе почти нет; в системах психологии большей частью эти явления обходятся и не затрагиваются.

У. Макдугалл

[Общая характеристика явлений поведения]*

Человеческое поведение (*conduct*), которое в своих разных областях является предметом изучения для всех социальных наук, представляет вид более обширного рода, а именно поведение вообще (*behaviour*). Поведение (*conduct*) свойственно всякому сознательному и разумному существу. Это высший тип поведения, и если мы хотим понять человеческое поведение, — мы должны составить какую-либо адекватную концепцию поведения вообще и должны раскрыть, в каком отношении поведение (*conduct*), высший тип, отличается от всех низших типов деятельности (*behaviour*).

Иногда мы говорим о поведении неодушевленных или неорганических предметов, таких предметов, как игрушка, оружие или даже погода. Но в таких случаях мы более или менее сознаем, что употребляем это слово в шутку, — принимаем шутя объект за живое существо, — и причина этого та, что он как бы препятствует нашей воле и мешает нам в достижении цели. По общему признанию, слово *behaviour* (поведение) предполагает известные свойства, присущие только движениям одушевленных предметов. Эти свойства служат признаками жизни. Где мы их встречаем, там мы предполагаем жизнь. Мы составляем понятие о поведении (*behaviour*), наблюдая движения живых существ. Чтобы объяснить это понятие, мы должны вскрыть, какими признаками поведение отличается от чисто физических или механических движений. Если мы построим в воображении шкалу типов поведения, начиная от самого простого и до наиболее сложного¹, мы найдем, что на всех ступенях сложности поведение обладает четырьмя особыми признаками.

---

* Мак-Дауголл У. Основные проблемы социальной психологии. М.: Книгоиздательство «Космос», 1916. С. 258—261.

¹ Читатель может найти шкалу примеров поведения в моей книге: «Psychology, The Study of Behaviour».

1. Живое существо должно не только двигаться в известном направлении, подобно инертной массе, побуждаемой внешней силой. Его движения не поддаются описанию в тех выражениях, в каких мы описываем механические движения. Мы можем дать им описание, сказав, что живое существо всегда стремится к цели. Его движения не остановятся при встрече с препятствиями или с силой, стремящейся отклонить его в другую сторону. Препятствие и сопротивление скорее вызывают более настойчивые стремления вперед, которые только приближают к цели. Эта цель обыкновенно заключается в какой-либо перемене его отношения к окружающим объектам, которая полезна для жизни отдельной особи или для целого вида.

2. Стремление живого существа не есть только постоянное движение вперед в раз данном направлении. Хотя при встрече с препятствиями стремление вперед остается, однако характер и направление движения меняются, пока не будет преодолено препятствие. Поведение (*behaviour*) есть постоянная попытка или стремление достигнуть цели, с изменениями, в случае необходимости, средств для ее достижения.

3. В поведении участвует весь организм. Каждое действие, которое мы считаем актом поведения, представляет собой не только частичную реакцию, как, например, рефлекторное движение конечности, которое носит почти механический характер, но в каждом акте поведения энергия всего организма направлена на достижение цели. Все его части и органы координированы с органами, первично введенными в действие, и подчиняются им.

4. Так же характерен и столь же универсален четвертый признак поведения, хотя он не так легко поддается наблюдению. Это зависит от того, что, хотя при повторении ситуации, ранее вызвавшей известное поведение, живое существо поступает почти таким же образом, но его действия не повторяются совершенно тождественно с первым случаем (как это бывает при механических процессах, если только механизм не износился в первом случае). При этом, почти как правило, наблюдается повышение успешности акта, лучшее приспособление средств для достижения искомой цели. Сокращается процесс достижения цели и, таким образом, облегчает существование индивидуума или целого вида.

Когда мы смотрим на целый мир материальных вещей, доступных нашему восприятию, то, — как предмет непосредственного наблюдения, и независимо от всяких теорий об отношении духа и материи, — они, по-видимому, распадаются на два больших класса, а именно: 1) класс тех вещей, изменения которых представляют чисто физические случайности, которые объясняются механическими принципами; 2) класс вещей, изменения которых составляют признаки поведения и, по-видимому, не поддаются механическому объяснению, но всегда направлены к цели, хотя не вполне определенной. Другими словами, они телеологичны или целесообразны, и этот класс составляет центр жизни.

Четыре особенности, которые, как мы видели, характеризуют поведение, представляют чисто объективные или внешние признаки, очевидные для на-

блюдателя. Но сказать, что поведение целесообразно, — значит предположить, что у него есть еще внутренняя сторона, или внутренний аспект, аналогичный нашему непосредственному переживанию собственной целесообразной деятельности. Мы привыкли считать типом целесообразного действия наши решительные волевые усилия, сделанные с обдуманным выбором, и сознательное стремление вызвать известное состояние дел, которое мы ясно предвидим и желаем. Многие писатели, признающие это волевое усилие типом целесообразной деятельности, отказываются отнести к той же категории те действия, при которых, по-видимому, нет налицо ясного предвидения желаемой цели. Когда целесообразная деятельность понимается в этом узком смысле и считается процессом совершенно иного типа, чем механические процессы, тогда создается затруднение отвести место и указать свойства низших форм поведения.

Дж.Р. Кантор

[Специфика психологического поведения]*

Психология в первую очередь изучает реакции или поведение, и независимость психологии как науки отчасти определяется возможностью проведения и соблюдения границ между реакциями и выполняющим их биологическим организмом. Психологический организм, в отличие от биологического, можно рассматривать как сумму реакций плюс различные объединения этих реакций.

Виды активности, изучаемые психологией, заметно отличаются от видов активности, исследуемых в других научных дисциплинах. Для того чтобы увидеть ясно и отчетливо специфику психологических реакций и лучше их понять, мы проведем детальное сопоставление этих реакций с теми видами активности, которые изучают другие науки. На основании явных различий в активности исследуемых объектов мы можем разделить все науки на три класса, каждый из которых располагает своей областью исследований. К этим областям относятся: 1) физическое поведение, 2) биологическое поведение, 3) психологическое поведение. Эти различные формы активности, перечисленные в порядке их сложности, полезно рассмотреть в той же последовательности, расположив их на гипотетической одномерной шкале.

Физическое поведение

Для физических (механических) объектов характерно свойство *инерции*. В сущности, это значит, что они не могут действовать, если на них прямо и непосредственно не воздействует какой-то другой физический объект. Для того чтобы физический объект изменил состояние покоя, направление или ско-

---

* *Kantor J.R. Principles of Psychology. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1924. P. 3—9. (Перевод Ю.Б. Дормашева.)*

рость своего движения, какой-то другой объект должен прийти с ним в столкновение. Кроме того, происшедшее действие будет в точности равно энергии, затраченной этим другим объектом. Следовательно, в любом действии одного тела на другое момент движения, приобретаемый одним телом, будет в точности равен моменту движения, теряемому другим телом. Это значит, что действия физических тел полностью предсказуемы и постоянны. Поэтому любые действия физических тел могут быть описаны математически в виде уравнений. С точки зрения действующего объекта мы можем сказать, что физическое тело не накапливает действий, которые оно могло бы совершать при воздействии некоторого стимула, и что каждое его движение должно находиться под прямым влиянием и управлением со стороны какого-то другого объекта.

Биологическое поведение

Поведение живых или биологических существ резко отличается от поведения физических тел. Живые существа, по сути, являются сложными организациями субстанций (клеток, органов), непрерывно себя обновляющих (метаболизм). К своим органическим единицам они присоединяют материалы, которые затем преобразуют в составные части и таким образом заменяют те неустойчивые субстанции, которые непрерывно распадаются. Следовательно, живое существо во сто крат более активно, чем физический объект¹, и эта активность настолько продолжительна, что мы можем говорить о нем как о накапливающем и высвобождающем энергию более независимо, чем это бывает при любых обстоятельствах у объекта физического. Эту последнюю характеристику органического существа называют *раздражимостью*. Если мы рассмотрим более крупные действия биологического организма в его приспособлениях к своему окружению, например, получение и поглощение пищи, то можем сказать, что он отвечает на стимуляцию определенным образом. Иначе говоря, способ поведения живого организма в любой момент времени несоизмерим с его стимуляцией некоторым другим объектом. Благодаря этой чувствительности органические особи вырабатывают определенным образом организованные и сложные действия, как в отношении конкретных условий окружения, так и в отношении процессов, происходящих внутри организма. Эти акты называют *тропизмами* или *таксисами*, и поскольку они являются постоянными способами адаптации к конкретным стимулирующим условиям, они доступны сравнительно точному предсказанию. Однако их описание в виде определенных математических уравнений невозможно, так как эти активности (тропизмы или таксисы) несоизмеримы с теми силами, которые приводят их в действие.

---

¹ Мы можем сказать, что живое существо, будучи единым предметом, обладает силами, воздействующими на него как изнутри, так и снаружи.

Психологическое поведение

Затем биологическая шкала переходит на более высокий психологический уровень. Если, двигаясь далее по этой шкале, мы дойдем до высших организмов и человека, то увидим, что их поведение в значительной степени независимо от объектов и условий, к которым они приспосабливаются. Поведение психологического организма состоит из сложных актов, которые являются ответами, вырабатываемыми в контакте с окружающими обстоятельствами. На этом уровне поведение организма становится в большей степени спонтанным², а его реакции — индивидуально приспособленными для удовлетворения запросов окружения и, следовательно, не только адаптивными, но и конструктивными (*developmental*). Независимость психологических реакций особенно проявляется в том, что в некоторых случаях, после того, как организм выработал систему реакций на некоторый стимульный объект, их можно вызвать посредством каких-то других условий. Так, когда мне нужно что-то сделать с определенным объектом (например, отправить письмо), то об этом мне может напомнить целый ряд вещей (почтовый ящик, почтовый вагон, почтальон и так далее).

Специфические характеристики психологических деятельностей

Психологические деятельности отличаются от двух рассмотренных выше классов явлений тем, что обладают специфическими характеристиками, каждая из которых подразумевает особое отношение или взаимодействие стимульных и ответных компонентов акта. Мы можем представить в виде следующего списка, по меньшей мере, шесть таких характеристик.

1. Гибкость (*variability*) реакции.
2. Дифференциация (*differentiation*) реакции.
3. Модифицируемость (*modifiability*) реакции.
4. Объединение (*integration*) реакций.
5. Отсрочка (*delay*) реакции.
6. Подавление (*inhibition*) реакции.

Рассмотрим эти характеристики в том же порядке.

Гибкость реакции. Психологическое поведение чрезвычайно гибкое. Оно совершается в непосредственной и безотлагательной зависимости от стимульных условий. Когда психологический организм попадает в зону стимуляции объекта, связь или взаимодействие между ними длится непрерывно вплоть до

---

² Здесь «спонтанно» означает, что поведение вызывается не внешними, а внутренними причинами. — *Ред.-сост.*

определенного завершения. При этом организм обычно совершает множество разнообразных движений, пока не наступит одно из следующих событий: (1) организм изменит свое отношение к данному стимулу, или (2) произойдет некоторое воздействие на него, или (3) стимульный объект исчезнет или станет невидимым, или (4) организм придет в состояние усталости или переутомления. Разумеется, номенклатура этих вариантов определяется конкретными деталями ситуации.

Понятно, что гибкость увеличивает эффективность организма в его приспособлениях к своему окружению. В простых случаях подобная гибкость выглядит как направленная, настойчивая и продолжительная деятельность. Например, когда голодное животное, посаженное в клетку, видит расположенную снаружи пищу, оно то пытается протиснуться между прутьев решетки, то стремительно пробегает вдоль замкнутого пространства и начинает кусать, толкать, царапать и трясти какую-то стенку, затем бросается на другие стенки в безумной попытке добиться того, что иногда действительно удается сделать, но не менее часто оказывается невозможным сделать вообще. В более сложных случаях организм обнаруживает способность реалистично отвечать на цель или задачу путем осмотрительного изменения средств. Фундаментальный механизм заключается здесь в том факте, что психологический стимул всегда предполагает ситуацию широкого и сложного поведения, даже если этот стимул представляет собой так называемый обособленный объект. Следовательно, организм может варьировать свои ответы, направляя свою деятельность на всевозможные чередующиеся или последовательные аспекты объекта или ситуации. В ряде случаев стимульные объекты могут быть таковы, что с ними надо сделать нечто особенное и для этого может понадобиться варьирование поведения в широком диапазоне.

Дифференциация реакции. В основе гибкости поведения (а также некоторых других характеристик психологического действия) лежит процесс дифференциации. Организм может проводить различие между разными объектами своего стимульного окружения или между различными аспектами окружающей обстановки, в которой находятся эти стимульные объекты. В общем смысле мы можем сказать, что конкретные различные вещи, люди или объекты оказывают различные воздействия на организм, который, в свою очередь, обнаруживает различную чувствительность к этим объектам. Эту различную чувствительность хорошо иллюстрирует известный факт, что организм по-разному отвечает на сходные объекты, обладающие одним или несколькими отличительными признаками. Относительно стимульных объектов можно сказать, что они приобретают иную функцию стимуляции. На красные мячи реагируют иначе, чем на зеленые. Сладкое вызывает иные ответы, чем кислое или горькое. Различные ответы связываются не только с различными объектами, но и с их разными свойствами, такими как цвет, вкус, запах, шероховатость, твердость и так далее.

Модифицируемость реакции. Если когда-то в прошлом объект оказал некоторое воздействие на организм, это воздействие сохраняется и зачастую приводит к изменению в последующем ответе на тот же самый объект. Следовательно, в известном смысле, мы можем представить характеристику модифицируемости как различие стимуляции благодаря прямому обращению к прежнему опыту восприятия данной стимуляции и обнаружение ее изменений в настоящее время. Относительно стимульных объектов можно сказать, что они приобретают функцию стимуляции. Несомненно, текущие ответы организма всегда модифицированы, так как любое поведение имеет свою историю. Поэтому мы можем утверждать, что модифицируемость поведения является процессом действительного приобретения. Например, ребенок, модифицирующий свою первоначальную реакцию протягивания руки к пламени свечи, приобретает ответ отдергивания руки, т.е. научается отдергивать руку или не касаться рукой пламени. Благодаря модифицируемости реакции организм может, в большинстве случаев с пользой, использовать свой прошлый опыт и его власть над окружением растет.

До сих пор мы обсуждали модифицируемость в связи с изменением фактора ответа. Другая форма модифицируемости предполагает главным образом изменение стимула. Явления этого класса называют обусловливанием. Здесь вместо приобретения данным объектом новой стимульной функции, связанной с модификацией ответа, какой-то новый объект приобретает (в случае простых реакций) стимульную функцию привычного объекта.

Объединение реакций. Организм не только выполняет дифференцированные реакции на объекты и позже их модифицирует, но и суммирует или объединяет эти ответы. Психологический организм осуществляет сложные системы ответов, которые можно с определенностью рассматривать как комбинации простых реакций. В качестве примера такого объединения можно привести реакции человека, играющего в бейсбол. Когда-то в прошлом он усвоил реакции на мяч и публику, и в опыте практически каждого игрока мы можем точно выделить период выработки технически грамотных ответов на игру в целом.

С целью простой иллюстрации отметим, как ребенок держит кружку с молоком, когда, чтобы ответить на заданный ему вопрос, перестает пить. Поскольку его поведение интегрировано недостаточно, он может быть не в состоянии, что нередко и бывает в действительности, держать кружку ровно, потому что одновременная координация речи и управления движениями у него пока еще не сформирована. В особенности ясно сложные объединения простых реакций в более крупное целое можно увидеть в процессе развития речи. Сначала малыш научается совершать отдельные словесные ответы на объекты. Затем эти ответы объединяются в высказывания или более обширные языковые реакции. Развитие реакций письма является, пожалуй, еще более ярким примером процесса объединения. В этом случае мы можем проследить разви-

тие простых штриховых движений в движения написания составных слов и предложений. Благодаря объединению психологических реакций человеку удается быстро и ловко реагировать на сложные ситуации, и эта характеристика, конечно, является важным фактором общего интеллекта.

Так же возможно и соединение воедино стимульных функций тех объектов, к которым адаптируются индивиды. Например, все буквы слова или все части предложения образуют единый стимул для ответа (чтения или понимания). В целом, объединение психологических реакций обеспечивает легкость и простоту поведения.

Отсрочка реакции. Фундаментальная характеристика психологического поведения заключается в том факте, что стимульные объекты могут повлиять на поведение спустя значительное время после прекращения прямых контактов организма с этими объектами. Эта характеристика указывает на независимость организма от стимульных условий, которая придает ему чрезвычайно полезное качество самопроизвольности. Отсрочка реакции осуществляется в два этапа. Сначала стимул возбуждает систему реакций, которая функционирует до тех пор, пока не будет выполнен специфический, внешне выраженный ответ. Сразу же необходимо подчеркнуть, что этот начальный акт может быть каким-то крупным движением или внешне выраженным ответом, прямо воздействующим на стимульный объект. Однако особое значение имеет указанный определенный, внешне выраженный ответ. Так, в случае отсроченной реакции элементарного вида, разрыв между стимуляцией и окончательным ответом может быть заполнен некоторым внешне выраженным актом в виде позы, установкой или ориентации тела.

Подавление реакции. Психологический организм может не только задерживать, но и полностью подавлять свои ответы. Это подавление является процессом дифференцированного действия различных освоенных организмом систем реакций. Иначе говоря, человек может подавить какие-то реакции, выполнив вместо них другие реакции. В результате, мы обнаруживаем действующие системы ответа, возбужденные данной стимуляцией в различной степени. По причинам разного рода какие-то стимулы могут стать более действенными, чем другие стимулы, например благодаря своему более благоприятному расположению или просто потому, что воздействуют на организм в момент, когда он к ним особенно чувствителен. Здесь необходимо подчеркнуть, что процесс подавления в любом случае является предпочитаемым действием, а не бездействием. Ситуация бездействия представляет собой определенный и единственный в своем роде вид деятельности, предполагающий замену действия элементарными рефлексам. В действительности, целостный, не распадающийся на части организм остается деятельным в любое время при любых условиях.

Описанные характеристики психологического поведения, разумеется, не являются взаимоисключающими свойствами организма. Все они в той или

иной степени вносят свой вклад в готовность организма к широкому и успешному приспособлению к своему окружению. Кроме того, организм, обладающий такими особенностями или свойствами поведения, способен к выработке ответов, соответствующих своему окружению. Определенное преимущество приобретения таких ответов состоит в развитии способности выполнять тот тип реакции, который организм действительно может осуществить в ответ на стимулирующие его объекты. Это знание в итоге приводит организм к пониманию своего отношения к окружению и реальных возможностей своего приспособления к нему и, как следствие, он познает самого себя. На этой стадии словесные ответы служат мощным вспомогательным средством развития и объединения реакций, отсрочки ответов и управления окружающими объектами. Вершиной такого контролируемого поведения является произвольное действие, состоящее из сложного различения стимульных условий и эффективного ответа.

В.Л. Дуров

[Психологические наблюдения за поведением животных]*

Начну рассказом о том событии моего детства, которое толкнуло меня к тому, чтобы большую часть моей жизни посвятить миру животных.

Я воспитывался в московской военной гимназии (впоследствии кадетский корпус). У нас, воспитанников, была любимая собачка Жучка, с которой мы ходили на стрельбу, играли на плацу и кормили ее, уделяя кое-что из своего казенного стола. Дядька наш завел себе другую собаку, а нашу как-то обварил кипятком. Мы, воспитанники, в числе восьми человек, собрались на совет, решили отомстить дядьке и присудили принадлежащую ему собаку к смертной казни через повешение. Кинули между собою жребий, кому привести в исполнение приговор. Жребий пал на меня. Подманив предательски собаку к себе и накинув на нее петлю, я повел ее в сарай. Собака, помахивая хвостом, доверчиво пошла за мной. Перекинув конец веревки через балку, я начал ее тянуть. Хрип собаки, какой-то незнакомый мне страх, заставил сильно биться мое сердце. Холодный пот выступил у меня на лбу. Я чувствовал, что совершаю что-то необыкновенное, что-то из ряда вон выходящее. Мысли мои проносились в голове одна за другой. Имел ли я право отнимать жизнь, которую не давал? Почему я так волнуюсь, что скажут товарищи? Я трус? Нет! Но «честь мундира», жребий, все это заставило меня крепче зажать в руке веревку и сильнее ее тянуть к низу. Не глядя на собаку, я сделал над собою усилие и сразу потянул веревку. Тяжесть дрыгающего тела, хрип собаки, сильно бьющееся мое сердце, дрожь всего тела, мысль, что я совершаю преступление, — все это заставило мою руку выпустить веревку. Тело упало. У меня как будто что-то внутри оборвалось.

---

* Дуров В.Л. Дрессировка животных. Психологические наблюдения над животными, дрессированными по моему методу (40-летний опыт). Новое в зоопсихологии. М.: Тип. «Красная Печать», 1924. С. 11—13, 54—59, 322—326.

В оригинальный текст внесены незначительные исправления редакционного характера. — *Ред.-сост.*

В этот миг я полюбил умирающую собаку. Первая мысль была скорей прекратить ее страдания, т.е. добить. «Бедная! Она сейчас мучается, скорей, скорей». Я хватаю первый попавшийся на глаза камень и, не глядя, бросаю в собаку. Глухой удар во что-то мягкое, я с ужасом оборачиваюсь и смотрю на собаку. Полные глаза слез, с выражением страдания и глубокой тоски, укоризненно, кротко смотрят на меня, как бы спрашивая: «За что? Что я тебе сделала?» Ноги мои подкосились, и я упал без чувств. Когда я очнулся, то уже лежал в нашем лазарете (заболел нервной горячкой). Первое, что я увидел у подошедшего ко мне фельдшера, это глаза собаки — страдальческие, укоризненно вопрошающие. Куда бы я ни смотрел, всюду видел эти тоскливые печальные глаза. С тех пор я понял, что и животные, так же как и мы, люди, любят, страдают, радуются и наслаждаются. Я понял, что они такое же имеют право на жизнь, как и мы. На мое счастье, камень, брошенный мною, попал в глину. Собака осталась жива и потом по-прежнему доверчиво подходила ко мне, помахивая хвостом. Ее ласки еще больше заставляли мучиться мою совесть. С тех пор со мной случился полный переворот: я ни одного животного не пропускал мимо себя без особого к нему внимания и даже уважения. Я узнал тогда то, чего люди обычно не знают. Человек, царь земли, в своей гордости не желает снизойти к животным и принудить себя хоть немного понять их. Между человеком и животным вечное недоразумение. <...>

Примирение кота с крысами. Трусообман¹ составляет часть жестикуляции. Очень хорошим примером применения тех же приемов может служить примирение кошки с крысами, которого мне удалось достигнуть. Механическим путем этого добиться нельзя, а только воздействием на психику кошки можно уничтожить это прирожденное желание задушить и съесть крысу.

Прежде всего в натуре кошки есть черта, схожая с другими животными: все быстро движущееся раздражает нервы и возбуждает аппетит.

Родится котенок и, чуть-чуть освоившись с передвижениями своего слабого тельца, шатаясь, уже начинает играть с клубком ниток или с собственным кончиком хвоста. У него является органическая потребность ловить и непременно поймать. Все быстро удаляющееся особенно раздражает его. Летящая и бьющаяся о стекло муха до тех пор интересует и вызывает аппетит у котенка, пока лапка не прекращает жизнь мухи. Она неподвижна, — интерес пропал.

Итак, кошка, охотясь за крысой, часто, задушив ее, тотчас же перестает обращать на нее внимание.

---

¹ *Трусообман* — так В.Л. Дуров называет один из приемов своего метода дрессировки. Автор определяет этот прием следующим образом: «Животное обманывается. Совершает поступки, противоположные тем, которые оно нормально совершило бы под влиянием инстинкта. Этот метод я назову методом *обмано-инстинкта*. В частности, случай, когда, обманывая инстинкт трусости, я заставляю трусливое животное переходить в наступление, я называю *трусообманом* (с. 49).

Сыта ли, голодна ли кошка, ее раздражает, главным образом, быстрое движение убегающего животного.

Прошу заметить: бегущего от кошки, а не на кошку.

Очень давно я делал опыты с механической, заводной мышкой, которую в одном случае пускал от кошки и мышь бывала моментально поймана, и в другом случае — на кошку, и кошка быстро удирала от деревянного мышонка. Впоследствии я выдрессировал живую крысу бежать на кошку, и кошка удира-ла, вскакивая на меня.

Это чувство кошек однородное с <...> опытами укрощения собак.

Применяя во время игры с кошкою трусообман, вы можете довести кошку до иступления.

Для того чтобы убить у кошки чувство ложной храбрости, надо ее поставить в другие условия. Я ставлю большую клетку, наполненную крысами, на подоконник; крысы чувствуют себя хорошо: играют, дерутся и поминутно прихорашиваются, облизывая свою шкурку и ища насекомых.

Но вот— замирают! Розовые носики задвигались в одном направлении, прозрачные ушки насторожились, маленькие глазки выпятились и вот-вот выскочат из орбит и покатаются по полу, как гладко блестящие бусы.

Пришел кот... Запах для крыс неприятный.

Кот прыгнул на подоконник. Крысы все одновременно шарахнулись в противоположный конец клетки и прижались к стенке и друг к другу, образовав из себя горку живых, неподвижных тел. Только усы шевелятся, да шерсть на боках от усиленного биения сердца.

Кот обежал несколько раз вокруг клетки и сел перед крысами.

Быстрое движение, испуг крыс, — все это не скрылось от внимания кота.

Но вот одна из самых ближайших к нему крыс быстро полезла на товарок, пряча свою голову между телами своих полумертвых от страха трусих.

Кота движение прыгнувшей крысы раздражило. Он, в свою очередь, бросился на клетку и обнял ее своими бархатными лапками.

Крысы плотно прижались друг к другу. Кот еще раз обошел вокруг клетки, не спуская с крыс глаз, и сел на прежнее место, обернув хвостом свои лапки.

Зажмурив глаза и отвернув голову от клетки, он как будто забыл о крысах, но кончик хвоста говорит за него. Он выдает душевное волнение.

Кривые когти в бархатных лапках судорожно высовываются и прячутся обратно.

Вот одна крыса, плохо державшаяся на верху кучки, сорвалась, соскользнула вниз и опять поползла на гору тел. Это движение заставило кота вздрогнуть. По шкурке его пробежала как бы волна. Шкурка на спине нервно подергивалась, и уши прижались плотнее к макушке.

Я поставил перед носом кота блюдечко с молоком. Кот — ноль внимания.

Все его помыслы в клетке у крыс. Проходит четверть часа в неподвижном созерцании. Крысы все чаще и чаще начинают переменять положение своих уставших туловищ и все более и более привыкают к запаху и присутствию кота.

Кот замер! Кот совсем закрыл глаза, как будто говорит: «Вас здесь нет... я вас не вижу». Но каждое движение крыс производит в душе кота особое чувство — раздражение.

Я кладу перед мордой кота парное сырое мясо. Кот даже не посмотрел на него.

Некоторые из крыс, посмелее, начинают двигаться. Начинают приводить себя в порядок — причесываться и быстро перебирать своими лапками вспотевшую шерстку.

Одна крыса, скатившись сверху, с горы тел своих товарищей, раздумала подниматься вновь и тоже занялась причесыванием. Наконец крыса, находившаяся в середине живой горы, стала с усилием выбираться из своего плена, стала освобождаться. Им жарко и трудно долго находиться в таком положении. Кошачий запах уже принялся, — не так страшно, да и долгое выжидание потеряло остроту первоначального страха. (Начало привычки. Привычка — вторая натура).

Кот нагнул голову. Не сводя глаз с крыс, кончиками своих усов он попал в блюдечко с молоком.

Кот встряхнул головой, отодвинулся дальше от клетки и снова сел, обернув себя хвостом.

Крысы смелее и уже с любопытством стали протягивать свои розовые носики, нюхать воздух и становиться на задние лапки.

Кот обошел клетку и опять сел уже полубоком к клетке.

Крысы сначала сделали прежнее движение, желая собраться в кучу, но на полдороге раздумали и стали по-старому прихорашиваться. Одна даже, из храбрости, подошла к решетке и тихо, спокойно полезла по ней наверх.

Там она начала втягивать в себя воздух с запахом молока и парного мяса. Через минуту ее примеру последовали другая, затем третья, четвертая и т.д.

Грызуны постепенно, бесцеремонно стали в клетке лазить по потолку, становясь все храбрее и храбрее.

Движение кота на секунду заставляло крыс застыть в одной позе, но момент проходил и они снова, уже мало обращая внимания, стали перебегать с места на место, ища на дне клетки в сене оставшиеся подсолнухи.

Наконец, коту, видимо, надоело наблюдать. Он при моем приближении встал и, подняв хвост трубой, запел свою обычную, едва слышную песенку.

При прикосновении руки к спине он поднимал выше свой зад, повертывался несколько раз и, потерявшись своей мордочкой о мой рукав, как бы прося еще ласки, принялся есть мясо.

Крысы облепили сетку клетки, смотря с любопытством на кота.

На второй день — то же самое. Кот, с аппетитом съев мясо и выпив молоко, влез на клетку и улегся на ней спать, теперь уже на самом деле не обращая внимания на крыс, — разве, если только очень быстрое движение одной из играющих крыс заставляет кота шире открывать глаза и настораживать уши, но это только на минутку, затем кот уже не обращает внимания и сам облизывает своим шершавым языком свою шубу.

Но вот пришло время знакомить ближе старых врагов.

Я открываю дверь клетки и, взяв обеими руками кота, насильно просовываю его голову вперед, в клетку. При этом крысы опять шарахаются в противоположный конец клетки.

Коту не нравится мое действие. Он упирается лапками в край клетки, но голова и передняя часть туловища уже внутри. Своими руками я придерживаю на всякий случай его лапы. Но случай никогда не приходил.

Кот в тот момент зло прижал уши к затылку и, шурясь, полузакрыв глаза.

Крысы недолго в куче...

Я губами произвожу писк, писк, на который крысы так реагируют. Этим писком я раздражаю крыс. Они, как по команде, все до одной поднимаются на задние лапки и тянутся по направлению к коту.

Кот делает движение, желая освободиться от моих рук, втискивая свою голову в туловище, сокращая шейные мышцы. Крысы смелее тянутся к коту. Вот они уже со всех сторон, осторожно обнюхивают кота. Одна нахалка-крыса влезла на мою руку и, сидя на ней, тихонько трогает зубами коготь кота.

На первый раз довольно.

На следующий раз кот сажается в клетку уже весь и дверцы клетки быстро за ним закрываются.

Коту это неприятно. Он моментально поворачивается и показывает желание убежать, но дверцы закрыты и кот ложится, приготавливаясь терпеливо перенести совместное заключение. Крысы подходят к нему со всех сторон, тянутся, сидя на задних лапках, к его шерсти и, обнюхав ее, уже мало обращают внимания, начиная ухаживать за собой и грызть только что посыпанные мною жареные подсолнухи.

Кот трусит и, чем ближе подходят к нему крысы, тем более он прячется сам в себя.

Крысы уже нахально влезли на кота и в его шубе чувствуют себя недурно. Только кончик хвоста у кота говорит, что это ему недешево стоит.

Но привычка — вторая натура и кот привыкает и постепенно до того свыкается с крысами, что вместе с ними ест хлеб, моченый в молоке, и часто крысы вырывают прямо изо рта у кота пищу, и он уступает.

Мой кот, проснувшись и потягиваясь, вылезает из кровати, где на нем и под ним спали крысы, начинает заигрывать с товарищами, тихонько, нежно трогает их своей бархатной лапкой, будит их, как бы приглашая играть с ним.

Здесь воздействие непосредственно на психику кота заставляет забывать раздражающее чувство убегающего.

Трусообмана нет, нет и проявления инстинкта у кота.

Единичное быстрое движение сильнее бы влияло на психику кота, но массовое движение разбивало это раздражение на многие части и потому каждая часть ослаблялась, не была так остра и не действовала на душевные, мозговые явления кота рельефно, сильно.

Видимо, мысли кота и его сознание были подавлены массовым движением крыс, за которыми одновременно он не мог уследить, что действовало на него угнетающе.

Движение в его сторону, к нему, производило обратное действие жестикуляций, противоположных трусообману.

В данном случае не было инстинкта истребления, а скорее инстинкт самосохранения — чувство, появившееся вначале у крыс, а затем у кота.

Страх перед массой у кота был не напрасен. Рассказывали случай, когда крысы побеждали и съедали кота. <...>

Записывать подробно всех животных и птиц я не имел возможности <...>² Понятно, я обратил свое внимание на самый ценный и интересный как для зоопсихологов, так и для зоологов находящийся в здании аквариума экземпляр шимпанзе, куда я и направился.

Мы подошли к громадному зданию — аквариуму. Широкая каменная лестница вела в этот совсем иной мир — мир водяного царства. У входа на каменной глыбе сидит, работы скульптора, каменный игуанодон³. Колоссальная фигура сделана в натуральную величину и мы, люди, под этой махиной кажемся ничтожными. Бросив прощальный взгляд на этот драгоценный, хотя ныне и с вырванными листьями, живой учебник, зоологический сад, мы вошли в аквариум и поднялись в верхний этаж. Цель наша — поскорей увидеть самое редкостное, в настоящее время, животное — человекоподобное шимпанзе. Аквариум сохранился до мелочи. Быстро шагаем по полутемным залам с освещенными в ряд вделанными в стены аквариумами. Мелькают перед глазами застекленные гроты. Камни, песок, водяные растения искусно освещены изнутри. Рыбы различной величины и окраски, громадные черепахи, плавающие как подводные лодки, ракушки, морские звезды — все перепуталось в памяти. Наконец, мы у цели. В верхнем этаже в застекленной комнате сидит шимпан-

---

² Нижеследующий фрагмент представляет собой отрывок доклада В.Л. Дурова, с которым он выступил перед членам Русского общества акклиматизации животных и растений 31 октября 1923 г. в Москве. В этом докладе автор дает подробный отчет о своей поездке в Германию, одной из целей которой было посещение зоологических парков. Здесь он рассказывает о посещении берлинского зоологического сада. Этот сад был временно закрыт, и только за специальную дополнительную плату В.Л. Дурову удалось осмотреть его. Вспоминая о своих прежних, довоенных посещениях берлинского зоопарка, автор пишет: «Сад, можно сказать, был единственный в мире по богатству своих живых коллекций. Это был в полном смысле живой учебник, как я называю зоологические сады, и привлекал к себе ежедневно десятки тысяч людей, стекающихся со всех концов мира. В настоящее время моим глазам представилась печальная картина: пустые дорожки, окаймленные пустующими загонами; заколоченные красивые, стильные здания для животных и большие, наружу выходящие клетки с тоскующими в них в одиночестве животными. Война — бич человеческой культуры — сделала свое ужасающее дело и здесь, в центре Германии, в знаменитом когда-то зоологическом саду». (с. 315—316). — *Ред.-сост.*

³ *Игуанодон* — передвигавшееся на задних конечностях ископаемое пресмыкающееся из группы динозавров, длина тела которого достигала 10 м. — *Ред.-сост.*

зе. Какая досада, что сквозь большие окна ударяет свет нам прямо в глаза, мешая рассмотреть животное. Темный силуэт существа волосатого, в рост ниже среднего человека, виден сидящим на перекладине в довольно большой комнате с деревянным столом и табуреткой. Я сбоку из-под света стараюсь разглядеть обезьяну, которая смотрит в окно, выходящее на улицу. Султан, так звали обезьяну, сидит на одном месте, не поворачиваясь. Затем лениво привстал, упершись наружной стороной кисти руки на перекладину, не отрывая глаз от окна, чуть повернулся в нашу сторону. Низко опущенная бровь, плоский нос и удлинённая часть морды ясно вырисовывались на светлом фоне окна. Я зачертил профиль себе в книжку. Султан немного подвинулся, не отрывая глаз от окна. Он смотрел на небо, на крыши домов и, видимо, остальной мир для него не существовал. Кто-то из публики, чтобы привлечь к себе внимание, стучал в стекло, но Султан даже не пошевелился. Наконец, мы дождались, когда он переменял позу и медленно пошел по перекладине на своих на четырех. Сделав несколько шагов, он остановился как бы в раздумье, подошел к двери и снова устремил свой взор в окно. Животное, несомненно, тосковало. Обезьяны слезами не плачут, но грусть их выражается в перекашивании бровей и особом сморщивании лба. Мне удалось, привыкнув к свету, уловить это выражение у Султана. Да и вся его фигура и движение подтверждали мое предположение. Девочка, стоявшая у стекла клетки, сказала: «Мама, ему скучно; дай обезьянке конфетку». Детское сердечко инстинктивно разгадало душевное состояние обезьяны. А Султан все сидел неподвижно и смотрел в окно. Выходя на улицу, я узнал кое-что от провожатого. Обезьян привезли к ним из Тенерифа. Семейство шимпанзе состояло из пяти персон — 4 самки и самец Султан. Одна из жен Султана родила маленького. Это был первый случай в Германии. Одна за другой гибли обезьяны. Детеныш, играя, сломал руку и находился на излечении после операции в больнице, где ему ампутировали руку. Остался Султан один-одинешенек. И смотрит он теперь часами в окно и на дверь, и все ждет кого-то...

С тяжелым чувством я покинул сад.

В следующие дни, под тяжелым впечатлением долго не выходившей у меня из памяти, тоскующей, согнутой фигуры вечно сидящего у окна Султана, я решил собрать как можно больше материала о нем.

Кроме подробных расспросов у директора Гака и служащих, ухаживающих за ним, я достал литературный материал с большим трудом. Передо мной лежат: протоколы заседаний Прусской Академии Наук — совместное заседание от 28 июля 1921 г.; сообщение от 14 того же июля, сообщение о трех первых месяцах жизни шимпанзе — доктора С.И. фон Аллеш; журнальные и газетные вырезки и толстый труд, посвященный специально этому семейству шимпанзе, труд доктора Кёлера⁴ под заглавием «Испытание интеллекта человекопо-

---

⁴ Кёлер (Köhler) Вольфганг (1887—1967) — немецкий психолог, один из основателей гештальтпсихологии. С 1935 г. жил и работал в США.

добных обезьян, Вольфганга Кёлера»; 2-е пересмотренное издание «Испытания интеллекта антропоидов» — из бюллетеней Прусской Академии Наук, год издания 1917, физико-математическая секция № 1. К моему несчастью, все эти книги были распроданы в Берлине, и мне пришлось достать с большим трудом только по одному экземпляру. Из журнальных и газетных статей я увидел, как интересуется широкая публика и в особенности ученые человекоподобными, озаглавливая статьи о шимпанзе так: «Редкое явление! Открытие столько нового и изумительного» и, наконец, «Зоологическое событие» и т.д. Понятно, я должен был бы поделиться с вами этим зоопсихологическим материалом, тем более что он тесно связан с зоологическими событиями настоящего времени, но для этого потребовался бы не один доклад.

Мои предположения сбылись. Султан от тоски реже стал принимать пищу и перед моим отъездом в Россию погиб. Столбцы газет были посвящены Султану. Читатели, в том числе и я, глядя на крупный шрифт отпечатанного заголовка: «Смерть Султана», были введены невольно в обман, приписывая смерть турецкому султану. Вот что пишет одна из газет.

Смерть Султана

Несколько дней тому назад открылся после долгого перерыва берлинский зоологический сад. Но в настоящее время в нем уже нет той достопримечательности, которая привлекала тысячи любопытных. Нет группы человекообразных обезьян, состоявшей из 5 шимпанзе, привезенных с острова Тенерифа, после того как германские учреждения принуждены были покинуть бывшие германские колонии. Последняя из 5 обезьян, Султан, умерла за несколько дней до открытия зоологического сада. Четыре самки умерли еще до осени 1922 г. Султан — единственный самец, — был переведен в специальное помещение в берлинском аквариуме. Часами он смотрел через стекло вниз на улицу и медленно передвигался по клетке. От его смысленности осталось очень мало следа, а ведь в свое время над ним удалось проделать целый ряд опытов, которые давали ясное представление о присутствии у обезьяны творческой инициативы. Удалось наблюдать, например, как создавалось первобытное орудие. В клетку к Султану было положено несколько бамбуковых палок, а перед клеткой был положен банан, но на таком расстоянии, что одной только палкой обезьяна ни в коем случае не могла бы его достать, и вот, действительно, после целого ряда попыток достать банан одной палкой, Султан вставил в толстую бамбуковую палку более тонкую и таким образом создал примитивное орудие, которым он мог уже достать в клетку банан. Надо было видеть радость обезьяны и ее ликующие прыжки после этой удачи.

Особенно интересовала наблюдателей душевная жизнь этих человекоподобных. Руководивший зоологической станцией на острове Тенерифе доктор Кёлер в своей книге «К психологии шимпанзе» приводит целый ряд примеров и результатов своих наблюдений над этими обезьянами. Две из них были оставлены в клетке на дворе и попали под сильный дождь. Услышав их жалобный

крик, Кёлер отворил дверцу клетки, которая вела в закрытое теплое помещение. Но прежде чем вскочить туда, обезьяны, несмотря на то, что дрожали от холода и дождя, бросились благодарно обнимать Кёлера. Надо было видеть чисто человеческую радость, которую проявили обезьяны после длительного путешествия, когда они, по прибытии в берлинский зоологический сад, были освобождены из ящиков, в которых сидели порознь в течение всей дороги. С криками радости бросились обнимать они друг друга. Радость у этих обезьян часто выражалась в танцах. Наблюдатель застал их раз танцующих ритмически вокруг столба, держась за руки, причем они притоптывали, отбивая определенный такт. Одновременно с этим они помахивали головами, выдерживая во всем определенный ритм, напоминая примитивные танцы дикарей. Шимпанзе украшали себя часто во время танцев сучьями, цветами, веревками и всевозможными другими предметами, накручивая их обыкновенно на шею. Во время танцев они нередко испускали характерные протяжные крики вроде пения дикарей-индейцев или негров во время танцев.

1 апреля прошлого года произошло редкое явление в жизни человекоподобных обезьян, живущих в неволе. Шимпанзе Лока родила ребенка, которого все время таскала у себя на спине. Появление этого ребенка было встречено весьма недружелюбно остальными самками, несомненно боявшимися, что единственный самец Султан будет уделять слишком много внимания матери ребенка. Была даже попытка со стороны одной из самок украсть этого ребенка. Но попытка эта была в корне пресечена подросшими родителями. Во время одной из драк маленькому шимпанзе повредили руку и его пришлось отправить в детскую клинику в Берлине, где хирург ампутировал ему руку. Ни одному из лежащих в клинике детей посетителями не приносилось столько лакомств, сколько этому оригинальному пациенту детской клиники.

Неблагоприятная погода, изменившиеся условия жизни, непривычная пища сделали жизнь обезьян настолько тяжелой, что одна за другой они стали умирать. Берлинский зоологический сад, который мог гордиться тем, что имел единственную в мире по количеству коллекцию человекоподобных обезьян в своих стенах, лишился лучшего своего украшения.

Р. Конечный, М. Боухал

Психосоматические отношения*

Психосоматические отношения в пределах нормы давно известны и доступны каждому, по собственному опыту и по опыту окружающих. Мы можем различать два направления этих отношений.

1. Психосоматический процесс ($P-S$). Его исходным пунктом является определенное психическое состояние или смена состояний, которые вызывают физиологическую реакцию организма. Наиболее выраженной эта реакция бывает при эмоциональных отклонениях и аффектах, например, при радости, гнев, страхе. Некоторые авторы в этой связи говорят о «речи органов».

В обычной разговорной речи это встречается в ряде словесных оборотов.

Это хватает за сердце. Это разрывает сердце. Упал камень с сердца. Сжалось сердце. Сердце в горле. Что у тебя на сердце? У него нет сердца. От этого болит сердце. У него разрывается сердце. Доброе, мягкое, широкое сердце. Сердечность, сердечный. Разрывающий сердце. Посинел от злости. Побледнел от ужаса. Покраснел от гнева. В нем не было ни кровинки. Покраснела от стыда. Вспыхнула от радости. Затаил дыхание. Хватал воздух ртом. У него потекли слюнки. От блаженства пускал слюни. Не мог это проглотить. От этого переворачивается у него желудок. От этого мне дурно. Это лежит у меня камнем в желудке. Я отравлен. (В экзистенциалистической философии и литературе мы встречаемся с тошнотой как с одним из основных жизненных ощущений — см., например, роман Ж.-П. Сартра «Тошнота»)¹. Беспомощно захрипел. От ужаса у него волосы встали дыбом на голове. Я от тебя поседею. От ужаса у него побелели волосы. Она дрожала от страха. Он оцепенел от ужаса. У него задрожали колени. Человек без позвоночника. Он все время горбится. Он облился холодным потом.

---

* Конечный Р., Боухал М. Психология в медицине. Прага: Авиценум, 1983. С. 214—218.

В оригинальный текст внесены небольшие исправления редакционного характера. — *Ред.-сост.*

¹ См.: Сартр Ж.-П. Тошнота: Избранные произведения. М.: Республика, 1994. С. 23—182. — *Ред.-сост.*

Был проведен ряд экспериментов, выявляющих соматическую реакцию на психические эмоциональные процессы. Голлман «обвинил» группу здоровых студентов медицинского факультета в недобросовестном отношении к учебе. У тех, которые реагировали сожалением, возмущением или гневом, он определял учащение пульса, повышение кровяного давления, минутного объема крови. Пфейффер и Вольфф наблюдали повышение кровяного давления у группы здоровых лиц во время дискуссии об их эмоциональных проблемах. Срп и Коминек лично отметили статистически достоверное учащение пульса в результате применения разных психотравматических раздражителей в области стоматологии, которыми действовали на детей, взрослых лиц и на стоматологов. Раздражители были следующие: показ шприца для инъекций, шипцов для удаления зубов, подготовка к манипуляции, укол при введении анестезирующего раствора. Другие авторы находили повышение уровня холестерина у студентов во время экзаменов; Фридманн и Розенман определяли то же самое у счетных работников в период усиленной работы².

Однако имеются психосоматические реакции, не содержащие выражено эмоционального компонента. Например, вид лимона, т.е. прямой раздражитель, действующий на орган чувств, вызывает слюноотделение. Но слюноотделение наблюдается также при одном лишь представлении о лимоне. Оба эти процесса, если выражаться терминами из области высшей нервной деятельности, происходят в функциональных структурах первой сигнальной системы³. Но исходным пунктом может быть и действие через вторую сигнальную систему⁴ — словесное описание лимона, вторично вызывающее представление о нем. Это, наверное, наиболее простая и технически наиболее доступная демонстрация возникновения простой, эмоционально индифферентной психосоматической реакции. Мы в этом убеждаемся постоянно, когда при помощи словесного описания вызываем представление о лимоне у студентов на лекциях по медицинской психологии. Результат, — т.е. слюноотделение — бывает положительным у 95 % и даже 100 % участников.

Банальную форму такого опыта провели многие малолетние злоумышленники <...> Во время концерта духового оркестра [они. — *Ред.-сост.*] прогуливались перед музыкантами с хорошо видными лимонами в руках до тех пор, пока не заставляли музыкантов прервать концерт и вылить накопленную слюну из своих инструментов.

---

² Здесь и далее ссылки на указанные работы в тексте источника отсутствуют. — *Ред.-сост.*

³ *Первая сигнальная система* — согласно И.П. Павлову (см. прим. 7), совокупность зрительных, слуховых, тактильных и других раздражителей, вызываемых ими возбуждений в анализаторах и условноперекторных процессов. — *Ред.-сост.*

⁴ *Вторая сигнальная система* — согласно И.П. Павлову (см. прим. 7), совокупность словесных сигналов, вызываемых ими нервных процессов и соответствующих временных нервных связей. — *Ред.-сост.*

В приведенных примерах мы имеем дело с результатом обусловливания⁵: прямые раздражители, воображение и словесное описание вызывают соответствующие условные рефлексy.

Физиологические реакции психических процессов могут происходить в разных областях и системах организма.

1. *Сердечно-сосудистые изменения*: учащение сердцебиения, изменение кровяного давления, главным образом, повышение его, сужение или расширение сосудов, видимым результатом которого является побледнение или покраснение кожи.

Методически, кроме обычного измерения пульса и кровяного давления, применяют плетизмографию для регистрации изменения кровоснабжения;

2. *Изменения дыхания*: задержка, замедление или учащение дыхания, методически отмечаемые на пневмографе.

3. *Реакции пищеварительного тракта*: усиленная моторика желудка, склонность к рвоте, повышенная перистальтика⁶ кишечника с ускоренным передвижением содержимого и возможной склонностью к поносам; замедленная моторика с угнетением желудочно-кишечной активности и с запором. Повышенная секреция слюны или, наоборот, пониженное слюноотделение с ощущением сухости во рту.

Методически наблюдать эти реакции гораздо труднее, чем сердечно-сосудистые реакции. Наиболее доступным является исследование слюноотделения, которое использовал И.П. Павлов⁷ при изучении закономерностей высшей нервной деятельности. Но при возникновении слюноотделения, как об этом уже упоминалось, относительно мало участвует эмоциональный компонент, который значительно больше выражен при возникновении желудочных реакций, как это подчеркивает Баркли: желудок является одним из наиболее чувствительных органов тела и реагирует почти на все эмоции;

4. *Сексуальные реакции*. Готовность к их возникновению зависит от развития и состояния гормональной готовности, однако психические процессы при этом играют роль важного пускового механизма. При виде сексуального партнера или возможного сексуального объекта, или при физическом контакте с ним происходит эрекция полового члена, набухание клитора и секреция в генитальной области наряду с другими нейровегетативными сопутствующими

---

⁵ В оригинале — «условности». Мы заменили это слово на «обусловливание»; классическим обусловливанием называют условия образования связи между прежде нейтральным (позже условным) раздражителем и безусловной реакцией: ряд сочетаний условного и безусловного раздражителя приводит к тому, что условный раздражитель вызывает реакцию, сходную с безусловной реакцией на безусловный раздражитель. — *Ред.-сост.*

⁶ *Перистальтика* — волнообразные движения стенок кишок и желудка вследствие сокращения их мускулатуры, обеспечивающие передвижение содержимого этих органов. — *Ред.-сост.*

⁷ Павлов Иван Петрович (1849—1936) — русский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1904). — *Ред.-сост.*

явлениями, такими как изменение дыхания, кровообращения и состояния мускулатуры. При более сильном сексуальном тоне для возникновения этих реакций достаточно одного лишь воображения сексуального партнера или сексуального действия.

В методическом отношении был накоплен опыт фалографа, при помощи которого регистрируются изменения эрекции полового члена. Этот метод можно использовать для дифференциальной диагностики при определении гомосексуализма: исследуемым показывают картины, изображающие гомосексуальные действия, при виде которых лица, страдающие гомосексуализмом, реагируют эрекцией полового члена, что можно зарегистрировать на указанном аппарате.

5. *Мышечные реакции непроизвольного характера*, как, например, дрожание, которое можно изображать графически, или изменения мышечного напряжения, которое наблюдается при помощи электромиографии.

Описана связь между психической энергией и мускулатурой языка, а также жевательной мускулатурой (Балтерс). Чем более выражено внутреннее давление и интенсивность переживаний, тем больше развита жевательная мускулатура и мускулатура языка. (Этому соответствует замечание об «американском подбородке» у энергичных и предприимчивых американцев.) Например, при повышенном психическом тоне сила мышц языка возрастает от 5 до 8 кг. Наоборот, чем человек менее решительный, чем больше он колеблется, тем меньше становится сила мышц языка, она снижается (с 5 до 2,6 кг) вплоть до силы, присущей ребенку или больному и при этом увеличивается несоответствие между рядами зубов верхней и нижней челюстей. Нерешительность и сознание собственной слабости приводят к исчезновению альвеолярных выступов и к миграции зубов.

6. *Потливость*, в особенности ладоней, является общеизвестной реакцией при эмоциональных отклонениях. Она играет существенную роль в кожно-гальванической реакции, регистрируемой психогальванометром.

2. **Соматопсихические процессы (S—P).** Их исходным пунктом является определенное состояние организма, вызывающее психическую реакцию. Примером может служить чувство голода, приводящее к ощущению недовольства, напряжения, утомления, но также к физической активности, направленной на устранение этого состояния, т.е. к насыщению. Физиологически речь идет о влиянии гипогликемии⁸ на клетки центральной нервной системы. Другим примером может служить чувство жажды.

Различие психосоматических и соматопсихических процессов в известной мере является искусственным. Оба эти процесса происходят во взаимной связи, очень часто в форме обратной связи. Например, чувство голода вызывает деятельность, результатом которой является насыщение и возобновление внутреннего физиологического равновесия — речь идет о негативной обратной свя-

⁸ *Гипогликемия* — пониженное содержание сахара в крови. — *Ред.-сост.*

зи. Однако иногда процесс происходит уже на границе с патологией или прямо в области патологии: например, ощущение страха вызывает учащение сердцебиения, что в свою очередь наводит на мысли о поражениях сердца, способствует увеличению страха и дальнейшему усилению неприятных ощущений в области сердца — речь идет о позитивной обратной связи.

Характер психосоматической реактивности, по всей вероятности, в значительной степени индивидуально обусловлен. Некоторые лица при эмоциональной нагрузке реагируют чаще сердечно-сосудистыми явлениями в виде тахикардии⁹, ощущения сжатия в области сердца и т.п., другие — реакциями пищеварительного тракта, потливостью или мышечными реакциями, например, дрожью и т.п. Эта индивидуальная реактивность, однако, не является неизменной и постоянной во всех ситуациях и во всех периодах жизни; лица, реагировавшие на волнение в детском возрасте в виде поноса, могут во взрослом состоянии при тех же психических воздействиях давать сердечно-сосудистые реакции. Вопросы индивидуального характера этих реакций до сих пор полностью не выяснены.

---

⁹ *Тахикардия* — увеличение частоты сердечных сокращений. — *Ред.-сост.*

К. Юнг

[Неосознаваемые психические процессы]*

Неважно, сколь незначительным по чьему-либо мнению может быть бессознательное, в любом случае следует признать, что оно достойно исследования, сродни вши, которая при всем к ней отвращении, все же вызывает живой интерес энтомолога. <...>

Посмотрим теперь более внимательно на те пути, которыми связаны в мозгу сознательное и бессознательное. Возьмем общеизвестный всем пример. Внезапно вы обнаруживаете, что не можете вспомнить нечто, что только что хотели сказать, хотя перед тем ваша мысль была совершенно ясна и определена. Или, скажем, вы хотите представить своего друга, а его имя выпало из головы в момент, когда вы собирались его произнести. Вы объясняете это тем, что не можете вспомнить, фактически же мысль стала бессознательной или даже отделилась от сознания. Мы обнаруживаем подобные явления и в связи с нашими органами чувств. Достаточно слушать непрерывную ноту на границе слышимости — и звук то возобновляется, то периодически прекращается. Эти колебания обусловлены периодическими уменьшениями и повышениями нашего внимания, а отнюдь не изменениями звука.

Но когда нечто ускользает из сознания, то перестает существовать не в большей степени, чем автомобиль, свернувший за угол. Последний просто выпал из поля зрения, и так же как мы можем увидеть его позже вновь, так вспоминается и временно забытая мысль.

Таким образом, часть бессознательного состоит из множества временно затемненных мыслей, впечатлений, образов, которые, невзирая на утрату, продолжают влиять на наше сознание. Отвлеченный чем-либо, с «отсутствующим сознанием», человек может за чем-либо отправиться по комнате. Внезапно он останавливается озадаченный, — он забыл, что ему нужно. Его руки шарят по

---

* Юнг К. Архетип и символ. М.: Renaissance, 1991. С. 34—35, 36—40.

стола как во сне: человек забыл свое первоначальное намерение, хотя бессознательно руководим, управляем им. И вот он вспоминает, чего, собственно, хотел. Бессознательное вновь вернуло ему утраченную цель поиска. <...>

К примеру, забывчивость есть совершенно нормальный процесс, обусловленный тем, что некоторые сознательные мысли теряют свою специфическую энергию из-за отвлечения внимания. Когда наш интерес перемещается, он оставляет в тени те вещи, которыми мы до этого были заняты; точно так же луч прожектора освещает новую область, оставляя предыдущую в темноте. Это и неизбежно, так как сознание может одновременно держать в полной ясности лишь несколько образов, и даже такая ясность неустойчива.

Но забытые мысли не перестают существовать. Хотя они не могут быть воспроизведены по заказу, они присутствуют в сублимированном состоянии, — как раз за порогом воспоминания, — откуда могут спонтанно появиться в любое время, часто через много лет полного забвения.

Я говорю о вещах, которые мы сознательно видели или слышали, а затем уже забыли. Но все мы видим, слышим, обоняем множество вещей, даже не замечая их, и все это потому, что наше внимание или отвлечено, или воздействие этих вещей на наши чувства слишком мало, чтобы оставить сознательное впечатление. Бессознательное, однако, замечает их и, собственно, такие неосознаваемые восприятия могут играть большую роль в нашей повседневной жизни. Мы даже не сознаем, как они влияют на наши реакции на людей или события.

Как наиболее, с моей точки зрения, впечатляющий пример, приведу случай с профессором, который прогуливался за городом со своим учеником и был погружен в серьезный разговор. Внезапно он заметил, что его мысли прервались неожиданным потоком воспоминаний раннего детства. Он не мог понять причины этого отвлечения. Ничего из того, что говорилось, казалось, не имело ни малейшего отношения к этим воспоминаниям. Оглянувшись, наш профессор догадался, что первые воспоминания детства пришли ему в голову в тот момент, когда они проходили мимо фермы. Он предложил своему ученику вернуться к тому месту, где ему впервые бросились в сознание образы детства. Оказавшись там, он ощутил запах гусей и тотчас же понял, что именно этот запах вызвал поток воспоминаний.

В молодые годы он жил на ферме, где держали гусей, и их характерный запах оставил прочное, хотя и позабытое впечатление. Когда он проходил мимо фермы, то ощутил этот запах подсознательно, и это невольное (непроизвольное) впечатление вызвало к жизни давно забытые переживания детства. Восприятие оказалось неосознанным, поскольку внимание было направлено на другое, а стимул не слишком велик, чтобы отвлечь его и достичь сознания напрямую. Но он вызывал «забытые» воспоминания.

Такое действие «намёка», или «спускового крючка», может объяснить развитие не только положительных воспоминаний, но и вполне невротических симптомов в случаях, когда вид, запах или звук вызывают воспоминания прошлого. Девушка может работать у себя в конторе, пребывая в отличном состо-

янии здоровья и настроения. И вдруг у нее развивается страшная головная боль и другие признаки переживаний. Оказывается, она непроизвольно услышала гудок далекого корабля, и это бессознательно напомнило ей несчастное расставание с любимым, которого она пыталась забыть.

Кроме обычного забывания Фрейд¹ описал несколько случаев, когда происходит «забывание» неприятных моментов, которые человек охотно старается забыть. Как заметил Ницше², когда гордость достаточно настойчива, память предпочитает уступить. Поэтому среди забытых воспоминаний мы встречаем немало таких, которые обязаны своему пребыванию в подпороговом состоянии (следовательно, и невозможностью воспроизведения по желанию) собственной несоответствующей и несовместимой природе. Психологи называют их подавленным содержанием.

Примером может послужить секретарша, которая ревнует одного из сотрудников своего босса. Обычно она забывает приглашать этого человека на совещания, хотя его имя ясно значится в списке. Если ее спросить об этом, она скажет, что «забыла» или что ее в это время «отвлекли». И никогда не признается даже себе в истинной причине своего забывания.

Многие люди ошибочно переоценивают роль воли и полагают, что ничто не может произойти в их собственном разуме без их решения и намерения. Но следует хорошо различать намеренное и ненамеренное содержание сознания. Первое проистекает из личностного Эго; второе, однако, — из источника, который с Эго не идентичен, а представляет его «другую сторону». Именно эта «другая сторона» и заставила секретаршу забывать о приглашениях.

Существует множество причин, по которым мы забываем вещи, которые отметили или пережили, и точно так же существует множество путей, по которым они могут прийти на ум. Интересный пример представляет криптомнезия, или «скрытое воспоминание». Автор может писать произведение по заранее составленному плану, развивая свою мысль или линию повествования, как вдруг он внезапно сбивается в сторону. Возможно, ему на ум пришла свежая идея, или иной образ, или другой сюжет. Если вы спросите его, что же вызвало такое изменение, он будет не в силах вам ответить. Он даже может и не заметить отклонения, хотя и начал создавать нечто совершенно новое и, очевидно, ранее ему не знакомое. Иногда то, что он пишет, поразительно похоже на работу другого автора — и это можно убедительно продемонстрировать, — работу, которую, как полагает первый автор, он никогда не читал.

Я обнаружил показательный пример подобного рода в книге Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», в которой автор почти дословно воспроизводит инцидент из судебного журнала 1686 г. По чистой случайности я вычитал этот морской случай в книге, опубликованной в 1835 г. (за полвека до того, как писал

---

¹ Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр. — *Ред.-сост.*

² Ницше (*Nietzsche*) Фридрих (1844—1900) — немецкий философ. — *Ред.-сост.*

Ницше), и когда я обнаружил подобный пассаж в «Так говорил Заратустра», то был поражен его особым стилем, так отличным от привычного языка Ницше. Я был убежден, что Ницше тоже видел эту старую книгу, хотя и не делал на нее ссылок. Я написал его сестре, которая была еще жива, и та подтвердила, что она и ее брат действительно читали вместе эту книгу, когда ему было 11 лет. Исходя из контекста, я полагаю совершенно невероятным, чтобы Ницше сознавал, что совершает плагиат. Я считаю, что через пятьдесят лет эта история неожиданно скользнула в фокус его сознания.

В этом случае имеет место подлинное, хотя и неосознанное, воспоминание. Подобного рода вещи могут произойти с музыкантом, который слышал в детстве крестьянскую мелодию или популярную песню и внезапно встречает ее как тему в симфонии, которую он сочиняет уже будучи взрослым. Идея или образ вернулись из бессознательного в сознающий разум.

Все, что я рассказал о бессознательном, лишь поверхностный очерк о природе и действии этой сложной составляющей человеческой психики. Необходимо еще указать на виды подпорогового материала, из которого спонтанно могут производиться символы наших снов. Подпороговый материал состоит из всего набора нужд, импульсов, намерений; всех восприятий и догадок; всех рациональных и иррациональных мыслей, выводов, индукций³, дедукций⁴, посылок; из всего разнообразия чувств. Любое из них, или все они вместе, могут принимать форму частичного, временного или постоянного бессознательного.

Данный материал большей частью становится бессознательным потому, что, как говорится, для него не оказывается места в сознании. Некоторые мысли теряют свою эмоциональную энергию и становятся подпороговыми (т.е. они больше не привлекают сознательного внимания), потому что стали казаться неинтересными и несущественными или потому, что существуют причины, по которым мы желаем убрать их из поля зрения.

Фактически же для нас «забывать» подобным образом нормально и необходимо для того, чтобы освободить место в нашем сознании для новых впечатлений и идей. Если этого не будет происходить, то все, что мы переживаем, будет оставаться выше порога сознания и наш разум окажется до невозможности переполненным. Это явление так широко известно сегодня, что большинство людей, которые хоть что-то знают о психологии, принимают его как само собой разумеющееся.

Но точно так же, как сознательное содержание может исчезать в бессознательном, новое содержание, которое до того прежде никогда не осознавалось, может возникать из него. Оно вспыхивает как некий намек, слабое подозрение: «что-то висит в воздухе» или «пахнет крысой». Открытие, что бессоз-

---

³ *Индукция* — логическое умозаключение от частных, единичных случаев к общему выводу, от отдельных фактов к обобщению. — *Ред.-сост.*

⁴ *Дедукция* — логическое умозаключение от общего к частному, от общих суждений к частным или другим общим выводам. — *Ред.-сост.*

нательное — это не простой склад прошлого, но что оно полно зародышей будущих ситуаций и идей, привело меня к новым подходам к психологии. Большое количество дискуссий развернулось вокруг этого положения. Но остается фактом то, что помимо воспоминаний из давнего осознанного прошлого из бессознательного также могут возникать совершенно новые мысли и творческие идеи; мысли и идеи, которые до этого никогда не осознавались. Они возникают из темноты из глубин разума, как лотос, и формируют наиболее важную часть подпороговой психики.

Подобные вещи мы обнаруживаем в каждодневной жизни, когда задачи порой решаются совершенно новыми способами; многие художники, философы и даже ученые обязаны своими лучшими идеями вдохновению, которое внезапно появилось из бессознательного. Способность достичь богатого источника такого материала и эффективно перевести его в философию, литературу, музыку или научное открытие — одно из свойств тех, кого называют гениями.

Ясные доказательства такого факта мы можем найти в истории самой науки. Например, французский математик Пуанкаре⁵ и химик Кекуле⁶ обязаны своим важным научным открытием (что признают они сами) внезапным «откровениям» из бессознательного. Так называемый «мистический» опыт французского философа Декарта⁷ включил в себя подобное внезапное откровение, во вспышке которого он увидел «порядок всех наук». Английский писатель Роберт Льюис Стивенсон потратил годы в поисках истории, которая иллюстрировала бы его «сильное чувство двойственности человеческого бытия», когда вдруг во сне ему открылся сюжет «Доктора Джекиля и мистера Хайда».

Позже я детально опишу, каким образом подобный материал возникает из бессознательного, и исследую формы, в которых это бессознательное выражается. Сейчас же я просто хочу отметить, что способность человеческой психики продуцировать новый материал особенно значительна, когда имеешь дело с символами сна; в своей профессиональной практике я постоянно обнаруживал, что образы и идеи, содержащиеся в снах, не могут быть объясненными лишь в терминах памяти. Они выражают новые мысли, которые еще никогда не достигали порога сознания.

---

⁵ Пуанкаре (*Poincare*) Жюль Анри (1854—1912) — французский математик, физик и философ. — *Ред.-сост.*

⁶ Кекуле (*Kekule*) Фридрих Август (1829—1896) — немецкий химик-органик. — *Ред.-сост.*

⁷ Декарт (*Descartes*) Рене (1596—1650) — французский философ и математик; см. его текст на с. 212—223 наст. изд. — *Ред.-сост.*

Платон

Смерть Сократа*

Вы, Симмий, Кебет и все остальные тоже отправитесь этим путем, каждый в свой час, а меня уже нынче «призывает судьба» — так, вероятно, выразился бы какой-нибудь герой из трагедии. Ну, пора мне, пожалуй, и мыться: я думаю, лучше выпить яд после мытья и избавить женщин от лишних хлопот — не надо будет обмывать мертвое тело.

Тут заговорил Критон.

— Хорошо, Сократ,— промолвил он,— но не хочешь ли оставить им или мне какие-нибудь распоряжения насчет детей или еще чего-нибудь? Мы бы с величайшею охотой сослужили тебе любую службу.

— Ничего нового я не скажу, Критон,— отвечал Сократ,— только то, что говорил всегда: думайте и пекитесь о себе самих, и тогда, что бы вы ни делали, это будет доброю службой и мне, и моим близким, и вам самим, хотя бы вы сейчас ничего и не обещали. А если вы не будете думать о себе и не захотите жить в согласии с тем, о чем мы толковали сегодня и в прошлые времена, вы ничего не достигнете, сколько бы самых горячих обещаний вы сейчас ни надавали.

— Да, Сократ,— сказал Критон,— мы постараемся исполнить все, как ты велишь. А как нам тебя похоронить¹?

— Как угодно,— отвечал Сократ,— если, конечно, сумеете меня схватить и я не уйду от вас.

Он тихо засмеялся и, обернувшись к нам, продолжал:

— Никак мне, друзья, не убедить Критона, что я — это только тот Сократ, который сейчас беседует с вами и пока еще распоряжается каждым своим словом. Он воображает, будто я — это тот, кого он вскорости увидит мертвым, и вот спрашивает, как меня хоронить! А весь этот длинный разговор о том, что, выпив яду, я уже с вами не останусь, но отойду в счастливые края блаженных,

---

* Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 76—80.

В текст включен фрагмент из диалога «Федон» Сократа с примечаниями А.А. Тахо-Годи. — *Ред.-сост.*

¹ Умершего Сократа могли предать земле или сжечь.

кажется ему пустыми словами, которыми я хотел утешить вас, а заодно и себя. Так поручитесь же за меня перед Критоном, только дайте ручательство, обратное тому, каким сам он ручался перед судьями: он-то ручался, что я останусь на месте, а вы поручитесь, что не останусь, но удалюсь отсюда, как только умру. Тогда Критону будет легче, и, видя, как мое тело сжигают или зарывают в землю, он уже не станет негодовать и убиваться, воображая, будто я терплю что-то ужасное, и не будет говорить на похоронах, что кладет Сократа на погребальное ложе, или выносит, или зарывает. Запомни хорошенько, мой дорогой Критон: когда ты говоришь неправильно, это не только само по себе скверно, но и душе причиняет зло. Так не теряй мужества и говори, что хоронишь мое тело, а хорони как тебе заблагорассудится и как, по твоему мнению, требует обычай.

С этими словами он поднялся и ушел в другую комнату мыться. Критон пошел следом за ним, а нам велел ждать. И мы ждали, переговариваясь и раздумывая о том, что услышали, но все снова и снова возвращались к мысли, какая постигла нас беда: мы словно лишались отца и на всю жизнь оставались сиротами. Когда Сократ помылся, к нему привели сыновей² — у него было двое маленьких и один побольше; пришли и родственницы, и Сократ сказал женщинам несколько слов в присутствии Критона и о чем-то распорядился, а потом велел женщинам с детьми возвращаться домой, а сам снова вышел к нам.

Было уже близко к закату: Сократ провел во внутренней комнате много времени. Вернувшись после мытья, он сел и уже больше почти не разговаривал с нами. Появился прислужник Одиннадцати и, ставши против Сократа, сказал:

— Сократ, мне, видно, не придется жаловаться на тебя, как обычно на других, которые бушуют и проклинаят меня, когда я по приказу властей объявляю им, что пора пить яд. Я уж и раньше за это время убедился, что ты самый благородный, самый смирный и самый лучший из людей, какие когда-нибудь сюда попадали. И теперь я уверен, что ты не гневаешься на меня. Ведь ты знаешь виновников и на них, конечно, и гневаешься. Ясное дело, тебе уже понятно, с какой вестью я пришел. Итак, прощай и постарайся как можно легче перенести неизбежное.

Тут он заплакал и повернулся к выходу. Сократ взглянул на него и промолвил:

— Прощай и ты. А мы все исполним как надо. — Потом, обратившись к нам, продолжал: — Какой обходительный человек! Он все это время навещал меня, а иногда и беседовал со мною, просто замечательный человек! Вот и теперь, как искренне он меня оплакивает. Однако ж, Критон, послушаемся его — пусть принесут яд, если уже стерли³. А если нет, пусть сотрут.

---

² У Сократа было три сына: старший Лампрок и младшие Софрониск и Менексен.

³ Цикута (болиголов) — ядовитое растение, семена которого растирались для получения яда. В Афинах употреблялось для казни осужденных на смерть.

А Критон в ответ:

— Но ведь солнце, по-моему, еще над горами, Сократ, еще не закатилось. А я знаю, что другие принимали отраву много спустя после того, как им прикажут, ужинали, пили вволю, а иные даже наслаждались любовью, с кем кто хотел. Так что не торопись, время еще терпит.

А Сократ ему:

— Вполне понятно, Критон, что они так поступают, — те, о ком ты говоришь. Ведь они думают, будто этим что-то выгадывают. И не менее понятно, что я так не поступаю. Я ведь не надеюсь выгадать ничего, если выпью яд чуть попозже, и только сделаюсь смешон самому себе, цепляясь за жизнь и дрожа над последними ее остатками. Нет, нет, не спорь со мною и делай, как я говорю.

Тогда Критон кивнул рабу, стоявшему неподалеку. Раб удалился, и его не было довольно долго; потом он вернулся, а вместе с ним вошел человек, который держал в руке чашу со стертым ядом, чтобы поднести Сократу.

Увидев этого человека, Сократ сказал:

— Вот и прекрасно, любезный. Ты со всем этим знаком — что же мне надо делать?

— Да ничего, — отвечал тот, — просто выпей и ходи до тех пор, пока не появится тяжесть в ногах, а тогда ляг. Оно подействует само.

С этими словами он протянул Сократу чашу. И Сократ взял ее с полным спокойствием, Эхекрат, — не задрожал, не побледнел, не изменился в лице, но, по всегдашней своей привычке, взглянул на того чуть исподлобья и спросил:

— Как, по-твоему, этим напитком можно сделать возлияние кому-нибудь из богов или нет⁴?

— Мы стираем ровно столько, Сократ, сколько надо выпить.

— Понимаю, — сказал Сократ. — Но молиться богам и можно и нужно — о том, чтобы переселение из этого мира в иной было удачным. Об этом я и молю, и да будет так.

Договорив эти слова, он поднес чашу к губам и выпил до дна — спокойно и легко.

До сих пор большинство из нас еще как-то удерживалось от слез, но, увидев, как он пьет и как он выпил яд, мы уже не могли сдержаться. У меня самого, как я ни крепился, слезы лились ручьем. Я закрылся плащом и оплакивал самого себя — да! не его я оплакивал, но собственное горе — потерю такого друга! Критон еще раньше моего разразился слезами и поднялся с места. А Аполлodor, который и до того плакал не переставая, тут зарыдал и заголосил с та-

---

⁴ *Возлияние* делали Зевсу Спасителю и своему доброму гению (демону) — покровителю. Однако если Сократ сделает возлияние, то содержимое чаши уменьшится и яд не достигнет своей цели. Об этом и напоминает служитель. Сократ делает возлияние мысленно.

ким отчаянием, что всем надорвал душу, всем, кроме Сократа. А Сократ промолвил:

— Ну что вы, что вы, чудаки! Я для того главным образом и отослал отсюда женщин, чтобы они не устроили подобного бесчинства, — ведь меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя!

И мы застыдились и перестали плакать.

Сократ сперва ходил, потом сказал, что ноги тяжелеют, и лег на спину: так велел тот человек. Когда Сократ лег, он ощупал ему ступни и голени и немного погодя — еще раз. Потом сильно стиснул ему ступню и спросил, чувствует ли он. Сократ отвечал, что нет. После этого он снова ощупал ему голени и, понемногу ведя руку вверх, показывал нам, как тело стынет и коченеет⁵. Наконец прикоснулся в последний раз и сказал, что, когда холод подступит к сердцу, он отойдет.

Холод добрался уже до живота, и тут Сократ раскрылся — он лежал, закутавшись, — и сказал (это были его последние слова):

— Критон, мы должны Асклепию петуха⁶. Так отдайте же, не забудьте.

— Непременно, — отозвался Критон. — Не хочешь ли еще что-нибудь сказать?

Но на этот вопрос ответа уже не было. Немного спустя он вздрогнул, и служитель открыл ему лицо: взгляд Сократа остановился. Увидев это, Критон закрыл ему рот и глаза.

Таков, Эхекрат, был конец нашего друга, человека — мы вправе это сказать — самого лучшего из всех, кого нам довелось узнать на нашем веку, да и вообще самого разумного и самого справедливого.

---

⁵ Ср.: *Аристофан*. Лягушки 124, где говорится об окоченелых *голенях* — признаке действия цыкуты <...> и надвигающейся смерти.

⁶ *Петуха* приносил Асклепию выздоравливающий. Сократ считает, что смерть для его души — выздоровление и освобождение от земных невзгод.

Р.Д. Гросс

Является ли психология наукой?*

Философия и психология

Ответ на такой важный и сложный вопрос — является ли психология наукой — целесообразно начинать с краткого рассмотрения нескольких основных философских направлений, оказавших наибольшее влияние на возникновение психологии как самостоятельной научной дисциплины, что поможет нам понять состояние психологии в настоящее время. Является ли психология наукой — это, прежде всего, философский вопрос. На него невозможно ответить без разъяснения значений определенных понятий, в особенности понятия науки. Сначала мы рассмотрим влияния *эмпиризма* и *позитивизма* на возникновение научной психологии.

Эмпиризм

К *эмпиристам* относят британских философов XVIII в. Наиболее известными среди них являются Локк¹, Юм² и Беркли³, которые полагали, что единственным источником истинного знания о мире является *чувственный опыт*, а именно то, что поступает к нам через наши органы чувств и то, что мы заключаем о связях между этими чувственными данными. Это фундаментальное положение оказало большое влияние на развитие физики и химии. В действительности,

---

* Gross R.D. Psychology: The Science of Mind and Behaviour. L.; Sydney; Auckland: Hodder and Stoughton, 1992. P. 21—40. (Перевод С.А. Капустина.)

¹ Локк (Locke) Джон (1632—1704) — английский философ; см. его текст на с. 224—235 наст. изд. — *Ред.-сост.*

² Юм (Hume) Дейвид (1711—1776) — шотландский философ, историк и экономист. — *Ред.-сост.*

³ Беркли (Berkeley) Джордж (1685—1753) — английский философ. — *Ред.-сост.*

термин *эмпирический* (чувственно данный) часто используют как синоним термина «научный» по той простой причине, что ядром научной деятельности является наблюдение, измерение и сбор данных. Философов-эмпиристов обычно противопоставляют *рационалистам* и *нативистам*, полагавшим, что знание окружающего мира является в своей основе врожденным.

Хотя под влиянием эмпиризма находился уже Вундт⁴, как и вся наука в целом (включая физиологию), философия эмпиризма утвердилась в научной психологии только с появлением бихевиоризма. Локк утверждал, что психика от рождения является своего рода *tabula rasa*, т.е. чистой дощечкой, на которой опыт оставляет свой след, и столь же радикальную позицию можно найти во взглядах бихевиористов на научение, согласно которым ребенок настолько пластичен, что из него можно вылепить все, что потребует окружение. Согласно Дж. Миллеру⁵, влияние эмпиризма на психологию, помимо указания на органы чувств как на «двери в разум», заключалось, во-первых, в идее разложения целого на *элементы* (например, сознания на простые идеи, а поведения на отдельные единицы «стимул—реакция») и, во-вторых, в теории *ассоциаций*, привлекаемой для объяснения того, как простые элементы могут соединяться в более сложные комплексы⁶.

Итак, эмпиризм задал для психологии и *теорию* (взгляд на психику как на *tabula rasa*), и *методологию* (центральная роль наблюдения и измерения). Этот вывод соответствует очень важному различению двух видов бихевиоризма — философского и методологического. *Философский бихевиоризм* в его крайней форме, отрицающий психику как объект психологического исследования — это бихевиоризм Уотсона⁷, который рассматривал, например, мышление всего лишь как последовательность явных и скрытых речевых ответов, а в менее радикальной форме — это бихевиоризм Скиннера⁸, который считает, что понятия о психике бесполезны для предсказания и управления поведением. *Методологический бихевиоризм* делает акцент на наблюдении, измерении и сборе данных, на принципиальном значении эксперимента и т.д. Несмотря на закат философского бихевиоризма, методологический бихевиоризм продолжает оказывать свое влияние — в настоящее время к бихевиористам, в этом, втором смысле, можно отнести большинство психологов, и с этих же позиций ведется преподавание психологии.

---

⁴ Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ; основатель экспериментальной психологии. — *Ред.-сост.*

⁵ Миллер (*Miller*) Джордж Армитадж (р. 1920) — американский когнитивный психолог. — *Ред.-сост.*

⁶ См.: *Miller G.A. Psychology — the Science of Mental Life. Harmondsworth, Middlesex: Penguin, 1962.*

⁷ Уотсон (*Watson*) Джон Бродес (1878—1958) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁸ Скиннер (*Skinner*) Беррес Фредерик (1904—1990) — американский психолог, основатель и общепризнанный лидер современного течения радикального бихевиоризма. — *Ред.-сост.*

Позитивизм

На позитивистскую философию Огюста Конта⁹ непосредственно повлияли достижения естественных наук XVII, XVIII и XIX столетий¹⁰. Конт настаивал на использовании методов и принципов естественных наук для изучения человеческого поведения, социальных институтов и политических организаций (поэтому Конта считают основоположником социологии).

Хедер указывает на два важных события, в которых ярко проявилось влияние позитивизма на психологию¹¹. Первое из них — публикация в 1859 г. работы Дарвина¹² «Происхождение видов», где он представил свою теорию эволюции, благодаря которой психология заняла прочную позицию среди биологических наук (человек как организм). Второе — открытие Вундтом в 1879 г. первой психологической лаборатории, что положило начало созданию экспериментального фундамента, на который теоретическая (*academic*) психология опирается и по сей день.

Работа, начатая Контом в 1842 г., достигла своего апогея в 20-е гг. XX столетия, когда был создан Венский кружок¹³, куда вошли философы (в том числе А.Д. Айер¹⁴), математики и другие ученые, пытавшиеся очистить философию от всех утверждений, которые нельзя было бы публично верифицировать или проверить эмпирически (т.е. от всех метафизических утверждений). Они полагали, что научный путь познания — это единственный путь, который может привести к «истине» и способствовать прогрессу человечества. Эти *логические позитивисты* были убежденными сторонниками раннего бихевиоризма, который, отвергнув самонаблюдение и изучение личного (*private*) субъективного опыта, попытался поставить психологию на твердую почву внешнего наблюдения так, чтобы несколько исследователей могли согласовывать «факты» своих наблюдений. (Позже мы обсудим некоторые следствия попытки бихевиористов свести «данные» к чисто «объективным» фактам). Связанный с логическим позитивизмом *материализм* (или *физикализм*) полагает, что все достоверные утверждения (включая и те, которые относятся к сознанию) должны быть переведены на язык физики. Отсюда следует, что в итоге психология бу-

---

⁹ Конт (*Comte*) Огюст (1798—1857) — французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии. — *Ред.-сост.*

¹⁰ См.: Конт О. Курс положительной философии. СПб., 1899—1900. Т. 1—2.

¹¹ См.: Heather N. *Radical Perspectives in Psychology*. L.: Methuen, 1976.

¹² Дарвин (*Darwin*) Чарлз Роберт (1809—1882), английский натуралист, основоположник эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. — *Ред.-сост.*

¹³ Венский кружок — группа интеллектуалов, собравшихся в Венском университете в 1922 г. вокруг философского семинара Морица Шлика (1882—1936). Кружок прекратил свое существование в начале Второй мировой войны. В его рамках сформировалось идейное ядро логического позитивизма и появились ростки нескольких школ современной философии. — *Ред.-сост.*

¹⁴ Айер (*Ayer*) Алфред (1910—1989) — британский философ. — *Ред.-сост.*

дет неизбежно «поглощена» физикой как универсальной наукой (а на первых порах — физиологией, биохимией и т.п.). Эта позиция представляет собой крайнюю форму *редукционизма*, о чем позже мы скажем более подробно.

Что такое наука?

Определения науки могут быть разными, но тем не менее существуют определенные критерии, которым они должны удовлетворять.

1. В науке должен быть определен *изучаемый объект* (subject-matter), т.е. то, о чем эта наука, какие объекты или явления она исследует.

2. В науке должна быть *теория* и проверяемые *гипотезы*. Теория — это группа взаимосвязанных утверждений, посредством которых пытаются объяснить определенные наблюдаемые явления. Из теории могут быть логически выведены частные, проверяемые утверждения относительно связи между двумя и более переменными. Эти проверяемые утверждения обычно формулируют

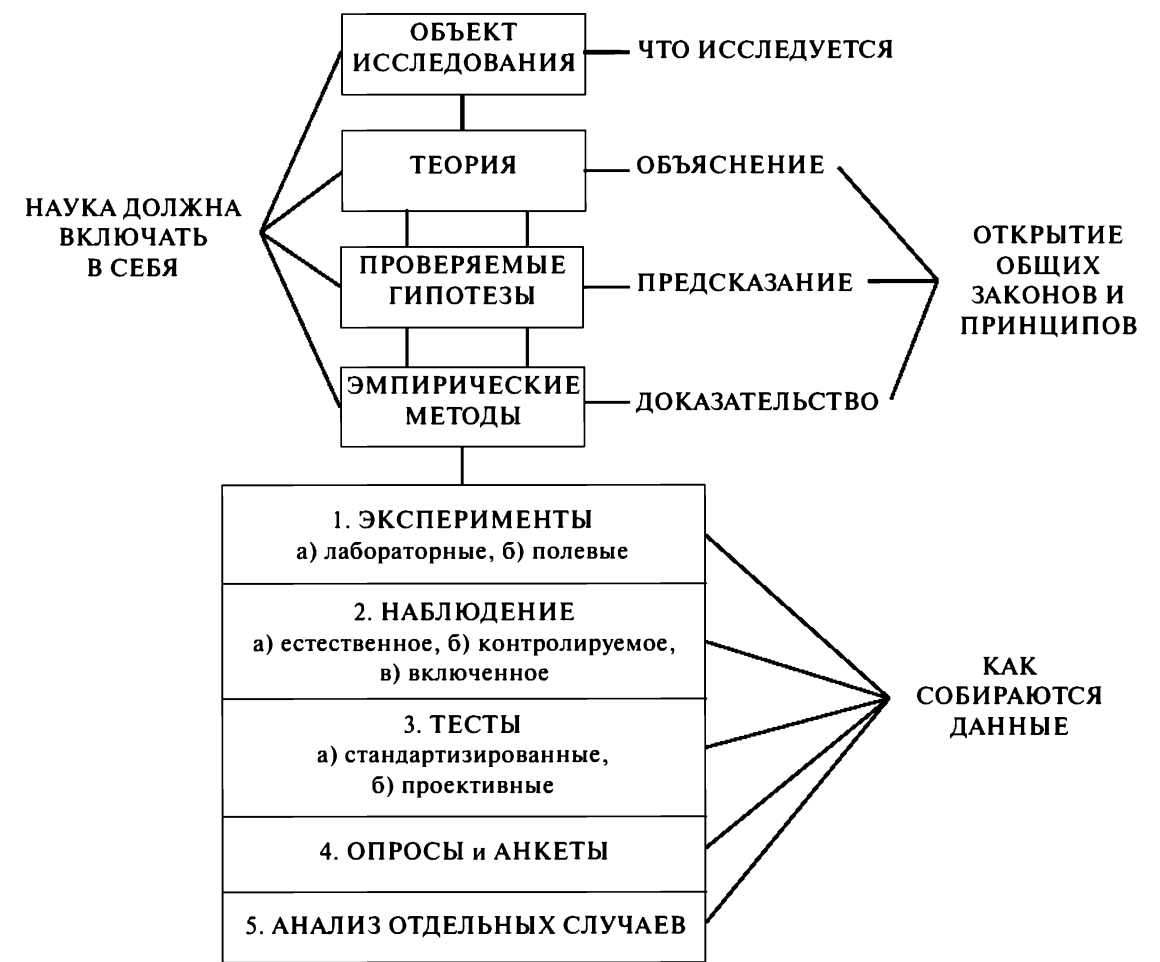

Рис. 1. Основные критерии науки и эмпирические методы, используемые в психологии

ются в виде предсказаний того, что произойдет при определенных специфических условиях. Они называются *гипотезами*, и именно они, а не теории в целом, эмпирически проверяются в научном исследовании.

3. Научные факты нельзя получить посредством рациональных аргументов (как это пытаются делать философы и «кабинетные» психологи). Они устанавливаются исключительно в результате использования *эмпирических* методов исследования, т.е. наблюдения, измерения и других *объективных* способов сбора данных. Основные методы, применяемые в психологии, представлены на рис. 1.

4. Наука должна стремиться к открытию общих *закономерностей* или принципов, которым подчиняется в случае психологии поведение человека и психические процессы, и которые распространяются на всех представителей человеческого рода (то есть *универсальные законы*).

Индукция и научный метод

С тем, о чем мы говорили до сих пор, а именно, что собой представляет наука, вероятно, согласится большинство психологов и философов науки. Но из сказанного автоматически не следует, как осуществляется научная деятельность, какова последовательность ее «событий» и как устанавливается связь между теорией, проверяемыми гипотезами и сбором данных.

С классической точки зрения научный метод характеризуется как *индуктивный*. Как способ рассуждения он представляет собой движение от частного к общему, т.е. выводение общего утверждения из ряда отдельных наблюдений. Мидоуер описывает индуктивный метод как процесс научного открытия, который начинается с простого, беспристрастного и непредвзятого наблюдения. Затем из этой чувственно данной очевидности, представляющей собой простую констатацию факта, делаются обобщения, т.е. «из беспорядочного множества фактов следует в известной степени упорядочивающая их теория или общее утверждение»¹⁵. Однако при ближайшем рассмотрении этой характеристики научного метода возникают три серьезные проблемы.

1. В действительности «беспристрастного» или «непредвзятого» наблюдения не существует — наше восприятие всегда избирательно, и мы всегда интерпретируем то, что видим. Как говорит Поппер¹⁶, наблюдение всегда предварительно организовано (*pre-structured*) и направлено, что верно и для физики, и для психологии¹⁷.

¹⁵ См.: Medawar P.B. The Art of the Soluble. Harmondsworth, Middlesex: Penguin, 1963.

¹⁶ Поппер (Popper) Карл Раймунд (1902—1994) — австрийский, позже британский, философ и социолог. — *Ред.-сост.*

¹⁷ См.: Popper K. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford: Oxford University Press, 1972. [На русский язык переведены 3 и 6 главы; см.: Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход // Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 439—557. — *Ред.-сост.*]

2. Индуктивно [т.е. на основе отдельных наблюдений. — *Ред.-сост.*] общие утверждения доказать невозможно, хотя индукция и дает возможность нахождения связей между чувственными данными. (Мы обсудим это позже, когда будем рассматривать психологический эксперимент.)

3. Сумма индуктивных утверждений (отдельных наблюдений) не может логически привести к обобщениям, представляющим собой нечто большее, чем сумма таких утверждений. (Это также будет обсуждаться позже.)

Эти проблемы, в особенности первая, подтолкнули Поппера к пересмотру представлений о стадиях научного познания индуктивным методом. (Почти-точно сравнить его точку зрения с классической, воспользовавшись табл. 1.)

Таблица 1

Сравнение классической индуктивной точки зрения на процесс научного познания с точкой зрения Поппера

Индуктивный метод (классическая точка зрения на науку)	Точка зрения Поппера
1. Наблюдение и метод	1. Проблема (обычно опровержение существующей теории или предсказания)
2. Индуктивное обобщение	2. Предлагаемое решение или новая теория
3. Гипотеза	3. Вывод высказываний из новой теории (т.е. гипотез) для ее проверки
4. Предпринятая проверка гипотезы	4. Проверка гипотез с целью их опровержения методами наблюдения и эксперимента
5. Доказательство или опровержение	5. Обоснование предпочтения между конкурирующими теориями
6. Знание	

Как видно из табл. 1, согласно Попперу, наблюдение происходит не в «теоретическом вакууме», а более или менее прямо связано с определенной теорией. «Чувственных данных как внетеоретических элементов наблюдения просто не существует. Научная теория — это одновременно и то, что мы обнаруживаем во внешнем мире, и то, что создается нами самими»¹⁸.

Диз подробно обсуждает эту точку зрения и утверждает, что хотя все науки самым существенным образом опираются на наблюдения, в действительности эмпирическая информация (данные) играет в них куда более скромную

¹⁸ См.: *Popper K. Conjecture and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. N.Y.: Harper and Row, 1968. [На русский язык с сокращениями переведены 1, 3 и 10 главы; см.: *Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход* // Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 240—378. — *Ред.-сост.*]

роль, чем это обычно предполагают¹⁹. Функция эмпирического наблюдения состоит *не* в том, чтобы выявить причины каких-то явлений или их природу, а в обеспечении подтверждения некоторого определенного взгляда на мир. Иначе говоря, наблюдение подтверждает (или нет) теорию, которой мы (или кто-то другой) уже придерживаемся, и именно теории определяют то, какого рода данные собираются.

Взаимозависимость между теорией и данными формулируется в работе Диза в виде следующих двух положений: а) теория при отсутствии данных *не* является научной; и б) наука не сводится к одним данным. Итак, науке необходимы и теория, и данные. Однако «данные» нельзя отождествлять с «фактами», как это обычно делается. Данные — это лишь часть информации, необходимой для того, чтобы установить психологические факты, а последние зависят от интерпретации данных в свете какой-то теории. Термин «данные», используемый в работе Диза, соответствует «беспристрастному» наблюдению с точки зрения классических представлений о научном познании как индукции, а термин «факты» понимается им соответственно взглядам Поппера. Таким образом, согласно Дизу, *факт* равен *данные* плюс *теория*. Когда мы говорим о «свидетельстве» (*evidence*), то обычно имеем в виду не «чистые наблюдения», а измерения, количественные оценки, записи и так далее, которые можно интерпретировать в терминах определенной теории. (Эта проблема связана с проблемой объективности, которую мы обсудим ниже.)

Предмет психологии: что же она изучает?

В течение последних ста лет определение психологии менялось. Однако, даже если бы и существовало единственное определение психологии, с которым могли согласиться все или большинство психологов, все равно различные школы в действительности определили бы предмет психологии по-разному. Это связано с тем, что каждая школа опирается на свои представления о человеке, из которых следует, *что* наиболее важно для изучения и *как* это изучать. В результате, различные школы представляют собой не различные части одной и той же дисциплины, а как бы самостоятельные дисциплины. Кун²⁰ утверждает, что такое положение дел в науке свидетельствует об отсутствии единой *парадигмы*²¹.

Согласно Куну, философу науки, в определении науки и в присвоении какой-либо познавательной деятельности статуса науки главную роль играет

¹⁹ См.: Deese J. Psychology as a Science and Art. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.

²⁰ Кун (Kuhn) Томас Сэмюэл (1922—1996) — американский историк и философ; см. его текст на с. 363—373 наст. изд. — *Ред.-сост.*

²¹ См.: Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. [Рус. пер. см.: Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — *Ред.-сост.*]

Таблица 2

Три стадии развития науки по Куну

Преднаука	Парадигма отсутствует, существует несколько рядоположенных школ
Нормальная наука	Парадигма есть, и она определяет направленность проводимых исследований; результаты исследований интерпретируются так, чтобы они согласовывались с ней. Разрабатываются детали этой теории и сфера ее распространения; возникающие при этом рассогласования могут быть разрешены только в рамках последующей парадигмы
Революция	Наступает момент, отмечаемый едва ли не во всех устоявшихся науках, когда рассогласований становится так много, что от старой парадигмы отказываются, и новая парадигма занимает ее место (<i>смена парадигмы</i>), например, как это было при замене физики Коперника физикой Ньютона, которая сама, в свою очередь, уступила место физике Эйнштейна. После смены парадигмы происходит возврат к нормальной науке

теория. Область исследований может только тогда рассматриваться как наука, если большинство ученых придерживаются общей глобальной теории или подхода, т.е. парадигмы. Парадигма дает ответы на следующие вопросы.

- 1. Что собой представляют фундаментальные сущности, которые лежат в основе (*constitute*) изучаемого объекта?
- 2. Как эти сущности взаимодействуют друг с другом и с органами чувств человека?
- 3. Какие вопросы правомерно задавать относительно этих сущностей, и какие методы можно использовать, чтобы найти ответы на заданные вопросы?

Примером парадигмы в биологии может служить теория эволюции Дарвина, которая объединяет биологов и помогает им самоопределиться и отличить себя, скажем, от физиков, которых объединяет теория относительности Эйнштейна²². Психологии явно не хватает подобной общности предположений, методов и терминологии.

В истории любой науки Кун выделяет три стадии развития, представленные в табл. 2. Согласно Куну, наука не является процессом непрерывного, постепенного наращивания знаний, в итоге которого получается некая целостная картина, а представляет собой бесконечное чередование продолжительных мирных периодов существования нормальной науки и научных революций.

Согласно теории Куна психология пока еще находится на стадии преднауки. Но есть и другие точки зрения. По мнению Палермо, психология уже пе-

²² Эйнштейн (*Einstein*) Альберт (1879—1955) — физик-теоретик и мыслитель, один из основателей современной физики. — *Ред.-сост.*

режила несколько смен парадигм²³. Первой парадигмой был *структурализм*, наиболее явно представленный в интроспективной психологии Вундта, где основной акцент был сделан на элементах сознания нормального взрослого человека. На смену структурализму пришел *бихевиоризм*, в котором главным стало объективное наблюдение поведения взрослых, детей и животных. Сравнительно недавно, с возникновением *когнитивной психологии*, «психика» вновь возвратилась в область исследований психологии. Здесь о когнитивных процессах говорят только на основе наблюдаемого поведения, но уже с пониманием, что объективным методам доступно далеко не все.

Наконец, Валентайн утверждает, что под определение парадигмы лучше всего подходит бихевиоризм²⁴, поскольку включает в себе:

- 1) четкое определение объекта исследования, а именно поведения, в противоположность психическим или когнитивным процессам и опыту сознания;
- 2) фундаментальные допущения в виде исходных положений о центральной роли научения (в частности, обусловливания²⁵) и анализе поведения в терминах стимул—реакция, о важности функционального анализа поведения, обеспечивающего возможность предсказания и управления поведением (в противоположность объяснению или пониманию);
- 3) методологию, ядром которой является контролируемый эксперимент.

Однако в отношении позиции Валентайн следует высказать несколько замечаний. С учетом проведенного ранее различения философского и методологического бихевиоризма самое большее, что можно сказать, — это то, что психологов объединяет *методологический бихевиоризм*. И в то же время:

- 1) очевидно, что не все психологи являются методологическими бихевиористами, например, к ним не относятся психоаналитики и гуманистические психологи;
- 2) методологический бихевиоризм, как уже пояснялось, — это *способ проведения исследования*, а не теория предмета, изучаемого психологией!

Поэтому трудно возразить Куну в том, что психология все еще находится на стадии преднауки.

Еще одно, скорее ироническое, замечание к оценке Валентайн бихевиоризма как парадигмы, заключается в том, что знаменитый и наиболее влиятельный бихевиорист Скиннер выступает против теорий в психологии! Он утверждает, что психология должна стремиться к предсказанию и управлению поведением, а не к его объяснению с помощью теорий²⁶. Скиннер считает, что

---

²³ См.: Palermo D.E. Is a scientific revolution taking place in psychology? // Psychological Review. 1971. Vol. 76. P. 241—263.

²⁴ См.: Valentine E.R. Conceptual issues in psychology. L.: Allen and Unwin, 1982.

²⁵ *Обусловливание* (conditioning) — процесс, в результате которого некоторый ответ вызывается иным стимулом, объектом или ситуацией, в отличие от тех, которые вызывали этот ответ первоначально или вызывают его обычно. — *Пед.-сост.*

²⁶ См.: Skinner B.F. Are theories of learning necessary? // Psychological Review. 1950. Vol. 57. P. 193—216.

теории, независимо от того, относятся ли они к психическим или к физиологическим процессам, или к чему-то еще, не только не нужны, но и могут порождать новые, требующие объяснения проблемы, которые впоследствии «маскируются» и приводят к напрасным исследованиям. Взамен он настойчиво предлагает более прямой подход, который направлен на поиск функциональных законов и опирается только на эмпирические исследования.

Эмпирический подход Скиннера основан на том, что «факты» могут существовать без теории (как «чистые факты»), и что наблюдение может быть неизбирательным или «непредвзятым». Но мы уже показали ошибочность этой точки зрения. К тому же, предсказание поведения очевидно предполагает теорию относительно того, что же «лежит в основе» поведения, т.е. именно то, что антитеоретический подход Скиннера отвергает. Кляйн пишет:

<...> В настоящее время большинство психологических исследований относится к типу исследований, уточняющих детали и как бы предполагающих существование общепринятой парадигмы. Но это, увы <...> не тот случай. В действительности, существуют различные варианты психологии, каждый из которых подразумевает свою парадигму. Кроме того <...> наблюдается поспешное признание явно абсурдных парадигм и категорический отказ от их критического исследования или обсуждения, как парадигм, несоответствующих человеческой природе, что и лежит в основе неудач экспериментальной психологии²⁷.

Что такое хорошая теория?

Поппер считает, что «теории — это сети, предназначенные улавливать то, что мы называем “миром”, для осознания, объяснения и овладения им»²⁸.

Согласно Валентайн, теории необходимы как логически, так и психологически²⁹. Кроме того, они выполняют очень важную практическую (*эвристическую*) функцию, направляя исследование. Как говорит Оллпорт³⁰, «теория — это сцена, на которой ставятся эксперименты»³¹. Теория ограничивает выбор экспериментов из неопределенного множества всех возможных.

После того, как мы обсудили важную роль теории в научной деятельности, рассмотрим следующий вопрос: чем мы должны руководствоваться, принимая решение о том, является ли какая-то теория «хорошей» или нет? Томас

²⁷ Kline P. *Psychology Exposed*. L.: Routledge, 1988.

²⁸ См.: Popper K. *The Logic of Scientific Discovery*. L.: Hutchinson, 1959. [Цит. по: Поппер К. *Логика и рост научного знания*. М.: Прогресс, 1983. С. 82. — *Ред.-сост.*]

²⁹ См.: Valentine E.R. *Conceptual issues in psychology*. L.: Allen and Unwin, 1982.

³⁰ Оллпорт (Allport) Гордон Уиллард (1897—1967) — американский психолог; см. его текст на с. 477—485 наст. изд. — *Ред.-сост.*

³¹ См.: Allport G.W. *Becoming — Basic Considerations for a Psychology of Personality*. New Haven (Con.): Yale University Press, 1955.

приводит список из девяти оценочных критериев теории³². Этот список не ограничивается исключительно критериями *научности*, т.е. «хорошая» теория — это не только «научная» теория; существуют и другие не менее важные характеристики, которые также необходимо учитывать.

(1) Быть может, самым важным из научных критериев является *фальсифицируемость*, или *опровержимость*. Логические позитивисты сформулировали принцип *верификации*, состоящий в том, что для утверждений, которые могут быть признаны действительно «истинными», должно быть известно, как показать их истинность, т.е., какие наблюдения и при каких условиях должны привести нас к тому, чтобы считать эти высказывания истинными или ложными. Следовательно, они полагают, что наука должна иметь дело только с теми утверждениями, которые подкреплены или проверены — любые другие представляют собой псевдопроблемы или псевдовысказывания (к последней категории они относили психоаналитическую теорию Фрейда³³).

Однако Поппер доказал несостоятельность принципа верификации как критерия различения науки и не науки³⁴. Он утверждал, что таким способом добыть доказательства в пользу любой теории очень легко; и это относится, прежде всего, к теории Фрейда, которая, по мнению Поппера, может объяснить все! Поскольку, как мы уже видели, утверждения о наблюдениях и результатах эксперимента являются *интерпретациями* данных в свете теорий, то можно с легкостью верифицировать любую теорию. Более убедительной и существенной является, согласно Попперу, попытка *фальсифицировать* теорию. Кроме того, если для логических позитивистов ненаучное утверждение представляет собой бессмысленное высказывание, то Поппер никогда не отклонял ненаучные теории как не имеющие никакой ценности (как это приписывали ему логические позитивисты). Напротив, он считал, что ненаучные наблюдения могут быть очень важными, и понимал, что когда-то в прошлом наука возникла из метафизических и мифологически-религиозных представлений человека о мире.

По мнению Кляйна, большинство современных ученых следуют научной логике Поппера и согласны с ним в том, что наука занимается опровержением гипотез, и «как следствие, любое научное знание является временным и в любой момент может быть опровергнуто»³⁵.

Большинство психологических экспериментов опирается на этот принцип, хотя в *практике* исследований возможно отступление от него. Кляйн пишет:

---

³² См.: Thomas R.M. Comparing Theories of Child Development. Belmont (Cal.): Wadsworth Publishing Company, 1985.

³³ Фрейд (Freud) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр. — *Пед.-соцт.*

³⁴ См.: Popper K. The Logic of Scientific Discovery. L.: Hutchinson, 1959. [Рус. пер. см.: Поппер К. Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 33—235. — *Пед.-соцт.*]

³⁵ Kline P. Psychology Exposed. L.: Routledge, 1988.

Философы науки провели важное различие. Если на основе теории выдвигаются новые и неожиданные гипотезы, в особенности, когда они противоречат интуиции, то их подтверждение [т.е. верификация. — *Ред.-сост.*] может рассматриваться как хорошее подкрепление этой теории. Это справедливо только для рискованных предположений. Безопасные же предположения, которые легко выводятся из теории, представляют интерес только в плане их возможного опровержения [т.е. фальсификации. — *Ред.-сост.*] <...> В психологии этим злоупотребляют сверх меры. Рискованные предположения психологи выдвигают редко. Они охотнее отдают предпочтение безопасным предположениям, и считают теорию подтвержденной, если эти предположения подкрепляются. В особенности это относится к тем, кто работает с теориями когнитивных процессов»³⁶.

(2) Второй важный критерий состоит в том, что хорошая теория должна в точности отражать ту реальность, которую пытается объяснить, т.е. *истинность* (truth value) теории. Если при выборе между конкурирующими теориями этот критерий используется в качестве единственного или основного, то возникают определенные трудности. Например, если «правильной» или «истинной» является теория Фрейда, то может ли быть одновременно с ней правильной и истинной теория Скиннера? Возможно, выход из этого затруднительного положения будет найден, если мы скажем, что эти теории настолько разные, что их можно рассматривать как «частные истины», т.е. и та и другая «провозглашает истину», но в отношении только части всей «головоломки» в целом. Или же можно сказать, что какое-то утверждение (о некотором аспекте поведения или опыте сознания) является лишь *относительно* истинным в свете определенной теоретической установки, согласно которой «истина» не существует независимо, в каком-то абсолютном измерении. В качестве дополнительного требования к хорошей теории, связанного с ее истинностью, следует указать, что теория должна быть *рефлексивной*. Это означает, что любая теория человеческого поведения может объяснить, как она появилась, потому что формулирование теорий является частью того поведения человека, которое теория пытается объяснить в первую очередь. Все, что называется «научной деятельностью», является частью всей совокупности деятельностей человека. Следовательно, психологи находятся в особом положении, поскольку им надо объяснить не только поведение тех, кого они изучают, но в то же время и *свое* поведение при этом изучении! Как ученые, психологи занимаются по сути той же (или, по меньшей мере, весьма сходной) деятельностью, что и объекты их исследования — они являются частью предмета, изучаемого ими же! Как пишет Хедер, психолог наблюдает за наблюдателями, экспериментирует с экспериментаторами и строит теории о теоретиках³⁷.

Эту задачу прекрасно решил Келли³⁸, предложив модель «человека-ученого» в своей *теории личностных конструктов*. По мнению Хедера, объяснение

³⁶ Kline P. Psychology Exposed. L.: Routledge, 1988.

³⁷ См.: Heather N. Radical Perspectives in Psychology. L.: Methuen, 1976.

³⁸ Келли (Kelly) Джордж (1905—1966) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

своего создания является серьезным испытанием для любой психологической теории и, как он утверждает, нет такой бихевиористской теории, которая смогла бы успешно пройти этот тест!³⁹

(3) Хорошая теория должна быть сформулирована таким образом, чтобы ее ясно понимал любой человек, который в определенной степени знает язык, математику и способен к логическому рассуждению. Многие студенты жалуются, что психологические учебники слишком многословны и написаны слишком сложным языком, и многие психологи критикуют некоторые теории (например, Фрейда и Пиаже⁴⁰) за неопределенность, уклончивость или сложность.

(4) Хорошая теория должна не только объяснять то, что произошло, но и точно предсказывать будущие события. Вдобавок, такая теория дает возможность точного прогноза поведения конкретного индивида, а не ограничивается общими утверждениями о группах людей. Это приводит к различению *идиографического* и *номотетического* подходов. Идиографический подход (от древнегреческого *idio* — собственный, личный или частный) направлен на изучение конкретных индивидов, а номотетический (от древнегреческого *nomo-teteo* — устанавливающий, дающий закон) — групп людей.

Очевидно, что исследование отдельных случаев (*case study*) относится к идиографическому подходу. Фрейд опирался исключительно на него (но это не помешало ему сформулировать теорию применительно ко *всем* людям). Однако в исследованиях отдельного случая невозможен статистический анализ, и потому в экспериментальной психологии в основном используется номотетический подход, разработанный в естественных науках для поиска общих закономерностей. С позиций идиографического подхода люди рассматриваются как уникальные индивиды, как «единичные события», а не как примеры проявления универсальных законов. Поэтому на основании изучения одного индивида нельзя делать обобщения, выходящие за пределы данного случая, хотя и можно выдвигать гипотезы, которые могут быть проверены на других испытуемых. Номотетический подход предполагает участие в исследовании группы испытуемых, что позволяет делать обобщения в отношении множества людей. Кроме того, он требует статистического анализа результатов и повторного проведения данного эксперимента с целью их подтверждения. Возможно, самое важное отличие номотетического подхода заключается в том, что мы можем с известной точностью предсказать *групповые* результаты будущего исследования, но *не в состоянии* предсказать поведение конкретного *индивида* — уникальность индивидуальных данных практически полностью «растворяется» в усредненных результатах группы. С позиций идиографического подхода, напротив, мы рассматриваем события, которые в том же виде никогда не повторяются, не могут быть воспроизведены и предсказаны!

³⁹ См.: Heather N. Radical Perspectives in Psychology. L.: Methuen, 1976.

⁴⁰ Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ; см. его текст на с. 560—562 наст. изд. — *Ред.-сост.*

Оллпорт полагает, что психология должна заниматься изучением *индивида*, а не группы, т.е. уникального, а не общего⁴¹. Он исследовал отдельные случаи путем анализа биографий (*biographical-type case study*). Критики Оллпорта сказали бы, что его метод более уместен в истории и художественной литературе, чем в науке. Научная психология в определенной степени (преимущественно) должна быть номотетической, иначе Оллпорту пришлось бы сделать вывод, что психология вообще не может (или не должна) быть наукой.

(5) Хорошая теория должна быть *внутренне согласованной*, т.е. различные части теории должны быть соединены в целостную, гармоничную структуру; между ними не должно быть никаких противоречий, а используемые термины и понятия должны быть логически согласованы.

(6) Хорошая теория должна быть *экономной* в том смысле, что число принимаемых без доказательств допущений, на которых она основана, должно быть минимально. Кроме того, объяснения предполагаемых механизмов изучаемых явлений должны быть как можно более простыми. Вкратце эти требования иногда называют «бритвой Оккама»⁴² или «законом экономии», согласно которому из двух теорий, одинаково «хороших» во всех других отношениях, мы должны выбирать более простую, более экономичную теорию.

(7) Хорошая теория порождает множество новых исследований, вызывает общий интерес и обсуждение. Этот критерий называют *плодотворностью*. Она может проявляться в разных формах, например, в проведении повторных исследований, в проверке определенных предположений или принципов, которые прежде не проверялись, в исследованиях верификационного типа (т.е. в проверке соответствия какого-то теоретического предположения реальной жизни), в исследованиях «степени распространяемости на популяцию» (например, в проведении кросс-культурных исследований⁴³), и в «продолжающемся теоретизировании» (в развитии и модификации положений исходной теории, например, классического психоанализа в работах неопрейдистов — Юнга⁴⁴, Адлера⁴⁵ и Эриксона⁴⁶, или раннего бихевиоризма в работах необихевиористов, например, теоретиков социального научения).

---

⁴¹ См.: Allport G.W. Pattern and Growth in Personality. N.Y.: Holt Rinehart Winston, 1961.

⁴² Оккам (Occam) Уильям (ок. 1285—1349) — английский философ, логик и церковно-политический деятель, монах-францисканец. — *Пед.-соцт.*

⁴³ Кросс-культурные исследования — исследования, проводимые на разных выборках, составленных из представителей разных культур (социальных или этнических групп и сообществ). — *Пед.-соцт.*

⁴⁴ Юнг (Jung) Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психолог и психиатр; см. его текст на с. 305—309 наст. изд. — *Пед.-соцт.*

⁴⁵ Адлер (Adler) Альфред (1870—1937) — австрийский психиатр, первый из учеников Фрейда, ушедший от него и создавший собственное направление психоанализа — индивидуальную психологию. — *Пед.-соцт.*

⁴⁶ Эриксон (Erikson) Эрик Хомбергер (1902—1994) — американский психолог и психоаналитик. — *Пед.-соцт.*

(8) Хорошая теория — это теория, при знакомстве с которой мы испытываем удовольствие. Это связано с ее интуитивной и даже эстетической привлекательностью, которую невозможно измерить. Возникает «чувство правоты» теории — нам кажется, что она схватывает суть того, что пытается объяснить. Очевидно, что из всех девяти критериев этот критерий наименее научный.

(9) Хорошая теория должна служить практическим руководством для решения проблем повседневной жизни (например, в вопросах воспитания детей, преступности, нарушений психики). Гарнем пишет: «Научные объяснения отличаются от других видов объяснений своими возможностями предсказания и управления. Реализация этих возможностей меняет нашу жизнь»⁴⁷.

В какой степени предсказание и управление являются целями *психологических* теорий? В 1969 г. Американская психологическая ассоциация провела конференцию по теме «Психология и проблемы общества». Джордж Миллер, бывший в то время президентом ассоциации, в своем вступительном докладе «Психология как средство повышения качества жизни человека» провел различие между психологией как естественной наукой и как средством изменения наших представлений о самих себе.

Теоретическая задача психологии как естественной науки состоит в построении «истинной» картины психологической природы человека, а задача практическая — в использовании найденных теоретических принципов для разработки поведенческих технологий, т.е. способов изменения поведения и условий нашей жизни согласно нашим желаниям и целям. (Конкретные примеры можно найти в психотерапии поведения⁴⁸, в практике его коррекции⁴⁹ и в тестировании интеллекта⁵⁰.) В этом смысле психологи выступают как «эксперты» и профессионалы, которые передают свои открытия другим людям (обществу в целом) и применяют эти открытия для управления поведением. Однако Миллер не доволен таким представлением о психологах. По его мнению, из трех задач, стоящих перед психологией как наукой, более существенными являются понимание и предсказание, а не управление. При этом важнейшей задачей он считает понимание, в том числе *понимание самих себя*.

---

⁴⁷ *Garnham A. The Mind in Action. L.: Routledge, 1991.*

⁴⁸ *Психотерапия поведения* — форма психотерапии, направленная на изменение поведения, имеющего какие-то недостатки или аномалии, а не на фундаментальные изменения личности человека. — *Ред.-сост.*

⁴⁹ *Практика коррекции поведения* — здесь имеется в виду использование разнообразных процедур и техник (не только психологических) с целью изменения поведения людей, нарушающего законы и нормы, принятые в данном обществе. — *Ред.-сост.*

⁵⁰ *Тестирование интеллекта* — в настоящее время термин *интеллект* используют как общее название познавательных процессов; тестирование интеллекта — определение количественных показателей продуктивности решения испытуемым соответствующих этим процессам стандартных заданий и их сравнение с нормальными (средними) показателями, полученными на большой и представительной выборке испытуемых. — *Ред.-сост.*

Решая эту дополнительную задачу самопонимания психология, зачастую неявно и неосознанно, меняет наши представления о себе как о человеческих существах. Прежде чем разрабатывать средства достижения целей, она должна помочь найти «новое, отличное от житейского, понимание того, какие из этих целей возможны и желательны с точки зрения сущности человека»⁵¹.

Опираясь на вышесказанное, к уже рассмотренным критериям хорошей теории можно добавить еще один, десятый критерий — хорошая теория оказывает определенное воздействие на наше представление о самих себе, на то, что мы о себе думаем, какие мы и на что способны, и таким косвенным образом хорошая теория влияет на наше поведение. Именно в этом контексте Миллер упоминает теорию Фрейда и в заключение говорит: «Влияние идей Фрейда продолжается не столько благодаря инструментарию, который он нам дал, а в гораздо большей степени в результате изменения наших представлений о самих себе».

Фрейда следует рассматривать как ученого, который скорее изменил наши представления о проблемах, с которыми сталкиваются люди, чем предложил практические рекомендации для их разрешения. Именно таким образом психология вообще и психологические теории в частности могут оказывать наиболее мощное и существенное влияние на качество жизни человека.

Методология психологии

В этом разделе я буду рассматривать главным образом *эксперимент*, поскольку среди всех методов его обычно считают самым научным, «избранным методом». Столь высокая оценка объясняется тремя основными причинами: а) он *воспроизводим*; б) он позволяет делать утверждения относительно *причин и следствий*; и в) он обеспечивает высокую степень контроля, благодаря которому становится самым *объективным* методом. В какой степени экспериментальный метод применим к изучению человека?

Воспроизводимость (повторяемость)

Важнейшее требование к любому научному исследованию заключается в том, что ученые, работающие в определенной области науки, должны иметь возможность проверки данных, полученных другими исследователями. Цель публикации подробного отчета о проведенной работе состоит именно в том, чтобы читатели могли в точности знать, что и как было сделано ее авторами. Это обусловлено не недоверием, а тем, что мы не можем делать широких *обобщений* на основании результатов единичного эксперимента, например, потому, что вы-

---

⁵¹ См.: *Miller G.A. Psychology as a means of promoting human welfare // American Psychologist. 1969. Vol. 24. P. 1063—1075.*

борка испытуемых, принимавших участие в данном конкретном исследовании, была необычной или нетипичной и, следовательно, *нерепрезентативной*. <...> Поскольку большинство научных теорий претендует на применимость во *всех* однородных случаях (например, во всех ситуациях, где соединяются два определенных химических элемента, или во всех ситуациях, где испытуемых просят запомнить список слов и воспроизвести его в любом порядке), мы должны постараться обеспечить гарантии того, что полученные результаты отражают специфику данной теории, а не, например, конкретной выборки испытуемых. Чем чаще повторяется эксперимент (а это с необходимостью предполагает использование каждый раз другой выборки испытуемых) с получением тех же самых результатов, тем с большей уверенностью можно сказать, что проверяемая теория может претендовать на широкие обобщения.

Научный метод, включая все его *логические* аспекты (выведение гипотез из теорий, важность опровержимости и так далее), является в высшей степени *социальным*. Именно открытость научной деятельности для обсуждения и критики, как в пределах своей страны, так и за рубежом отличает ее от «фольклора» житейских объяснений. Достигается это следующим образом: методики должны быть качественно и количественно описаны так, чтобы они могли быть воспроизведены другими исследователями.

В результате, методики, аппаратура и измерения становятся стандартизованными, и ученые в любом месте мира могут осуществить проверку описанных наблюдений и открытий. Это, в свою очередь, предполагает общую договоренность о форме публичного сообщения об этих наблюдениях и открытиях⁵².

Итак, наука не делается в социальной изоляции — это деятельность международного сообщества. Поскольку существуют общие договоренности и критерии того, что считать «хорошей» или приемлемой наукой — в этом наука подобна другим видам человеческой деятельности — ее нельзя рассматривать как абсолютно объективное средство открытия «истины». Но вместе с тем, именно благодаря этим договоренностям и общепринятым критериям научное знание становится гораздо *более* объективным и надежным, чем «здравый смысл» или житейское знание («фольклор»).

Быть может, самый важный довод в пользу проведения повторного исследования заключается в том, что никакая проверка теории не может *доказать* ее полностью. Понятие доказательства в науке (в отличие, например, от математики) — очень сложное, и вопросы типа «истинна ли теория X?» или «доказана ли теория Y?», на самом деле относятся к классу ложно поставленных вопросов. Более правильным является вопрос: «Сколько получено доказательств в пользу данной теории и какого они рода?» На практике часто получается так, что только часть теории находит достаточно прочное подтверждение, а у другой ее части оно отсутствует. (Не следует забывать, что только отдельные *части* теории, а не вся теория в целом, проверяются в отдельных экспериментах.)

⁵² См.: Richardson K. Understanding Intelligence. Milton Keynes: Open University Press, 1991.

Здесь необходимо подчеркнуть, что абсолютного доказательства не существует ни в психологии, ни в какой-либо другой науке. Можно говорить только о ряде проведенных проверок частной гипотезы (иногда ее различных вариантов) и полученных результатах, которые в той или иной степени поддерживают (или нет) ту теорию, из которой эта гипотеза была выведена.

Использование статистики

После того, как мы собрали данные, их надо обсудить, а именно, выяснить, что означают эти факты и цифры, о чем они говорят и как соотносятся с нашей гипотезой? Обычно такая интерпретация предполагает использование процедур статистики, которые одновременно и *описывают* данные, что облегчает их понимание, и дают сведения, после проверки на значимость, о *вероятности*, с которой эти данные отличаются от случайных. Здесь важно отметить, что вероятность — это лучшее, на что мы можем надеяться, в науке нет полной определенности; в каждом отдельном исследовании самое большее, что мы можем заключить — это то, что проверяемая гипотеза была подкреплена *в данном случае*. Чем в большем числе случаев разные исследователи получают доказательства в пользу проверяемой гипотезы, тем больше наша «вера» в нее. Уверенность в обоснованности теории во многом зависит от веры, но сама эта вера держится на «публичных» доказательствах.

Возвращаясь к нашей исходной теме воспроизводимости, необходимо рассмотреть еще один важный довод в пользу проведения повторных исследований, связанный с проблемой индукции, основу которой составляет рассуждение от *частного* к *общему*, т.е. от частных наблюдений к общим выводам. (Эта проблема остается, несмотря на обсуждавшуюся нами ранее критику индуктивного метода.) Основным альтернативным индукции представлением о процессе научного исследования является *гипотетико-дедуктивный метод*, который, как видно из его названия, заключается в проверке теории посредством дедуктивного вывода из нее частных гипотез и последующего сбора данных, подтверждающих или не подтверждающих эти гипотезы. Однако индуктивный и гипотетико-дедуктивный методы следует рассматривать не как взаимоисключающие, а как относящиеся к различным стадиями процесса научного поиска. Оба метода необходимы, и ни один из них не является достаточным без другого⁵³. Сколько бы ни было наблюдений «одного и того же» явления, каждое из них (а это может быть эксперимент, проверяющий данную гипотезу) всего лишь *конкретное* наблюдение, и нет никакой логически обоснованной уверенности, что в следующий раз даже в «тех же самых» условиях будет сделано то же самое наблюдение. Философы приводят следующий классический пример: несмотря на то, что в прошлом солнце всходило всегда, нет никакой уверенности, что

⁵³ См.: Coolican H. Research Methods and Statistics in Psychology. Sevenoaks: Hodder and Stoughton, 1990.

оно взойдет завтра! (Хотя вероятность этого весьма велика.) Следовательно, мы требуем как можно больше демонстраций подтверждения частной гипотезы именно потому, что нет никакой логической гарантии повторного получения тех же результатов.

Но в каком смысле воспроизведение является проверкой той же самой гипотезы? Очевидно, эксперимент может быть проведен только один раз (точно так же, как учитель может только однажды преподать «тот же самый» урок, или повар — приготовить «то же самое» блюдо), т.е. является уникальным событием. [Но что же повторяется в следующий раз при его воспроизведении? — *Ред.-сост.*] Повторяется проверка *существенных характеристик* этого эксперимента, а в чем именно они состоят — может быть предметом обсуждения. Пояснить это можно, ответив на три вопроса.

1. В какой степени *испытуемые*, участвующие в психологических экспериментах, типичны по отношению к людям вообще?

2. В какой степени *ситуации*, в которых психологи изучают людей, типичны по отношению к ситуациям реальной жизни человека?

3. В какой степени поведение *животных*, используемых психологами в качестве *испытуемых*, типично по отношению к поведению человека?

(1) Выше было сказано, что одним из доводов в пользу проведения повторных исследований является то, что зачастую мы не можем обобщить результаты единичного эксперимента потому, что выборка испытуемых нерепрезентативна. Очевидно, что делать обобщения в отношении людей гораздо труднее, чем в отношении, например, химических веществ. Другими словами, конкретные люди гораздо *менее репрезентативны* по отношению к людям в целом, чем конкретные образцы какого-то химического вещества по отношению к этому химическому веществу. В связи с этим возникает проблема пристрастного (*biased*) или нерепрезентативного отбора испытуемых.

Джордж Миллер подсчитал, что в 90 % экспериментов, проведенных американскими психологами, в качестве испытуемых участвовали студенты университетов (поскольку они «всегда под рукой» и «дешево стоят») и, тем не менее, выводы из этих экспериментов обычно распространялись на американское население в целом, а часто и за его пределы — на население Великобритании, Западной Европы и т.д.⁵⁴ Однако нет никаких оснований полагать, что студенты американских университетов являются типичными представителями любой другой группы людей по критериям пола, интеллекта, возраста, личности, социального статуса или по каким-то другим *переменным испытуемых*, которые могут повлиять на их поведение в экспериментальной ситуации. Хуже того, в качестве испытуемых нередко выступают студенты-психологи, которые *должны* принимать участие в экспериментах, выполняя требования учебного плана!

---

⁵⁴ См.: *Miller G.A. Psychology — the Science of Mental Life*. Harmondsworth, Middl.: Penguin, 1962.

(2) Большинство экспериментов проводится в лабораториях, т.е. в непривычных и специально созданных условиях, в которых человека просят выполнить необычные и даже причудливые задания. Каким образом мы можем убедиться в том, что способ поведения людей в лаборатории в точности соответствует их поведению за пределами лаборатории, т.е. в «реальной жизни»? По мнению Хедера, — никаким. С его точки зрения, «психологи стараются втиснуть изучение человеческой жизни в лабораторные условия, в которых она становится до неузнаваемости другой по сравнению с тем, как она протекает в естественных условиях»⁵⁵.

Искусственность лабораторных условий, помноженная на «неестественность» дел, которыми могут попросить заниматься испытуемых, приводят к искажению поведения. Слово *испытуемый* (subject)⁵⁶ предполагает, что с этим участником эксперимента будут обращаться как с чем-то меньшим, чем личность, как с расчеловеченным и лишенным личности «объектом», что соответствует механистическому взгляду на человека, лежащему в основе эмпирического (методологического) бихевиоризма. Свод правил проведения исследований с людьми, издаваемый Британским обществом психологов, в самой свежей редакции (1990 г.) озаглавлен как «Этические принципы проведения исследований с участием людей» (human participants). Несмотря на это <...> мы будем в подавляющем большинстве случаев использовать термин «испытуемый», поскольку именно так большинство психологов все еще называют тех, кого они изучают. Эксперименты *можно* проводить в естественных условиях — в таких случаях они называются *полевыми экспериментами*. Однако обычно в силу ряда процедурных причин их проводят в лабораторных условиях. Эксперимент [как метод научного исследования. — *Ред.-сост.*] определяется не тем, где он проводится, а тем, *как* он проводится, а именно как исследование, в котором экспериментатор меняет независимую переменную и контролирует все существенные побочные переменные.

(3) Вопрос относительно *экспериментов на животных* важен потому, что они проводятся во многих областях психологии. Большинство из них выполняется ради изучения самих животных, но немало исследований проводится и для того, чтобы лучше понять поведение человека. Зачем проводятся такие эксперименты?

А. Возможным следствием предполагаемой непрерывности биологической эволюции является то, что различия между человеком и другими видами жи-

⁵⁵ Heather N. Radical Perspectives in Psychology. L.: Methuen, 1976.

⁵⁶ В переводе на русский язык английское слово *subject* как существительное может означать не только субъекта или человека, но и нередко предмет или объект, а в качестве прилагательного может переводиться как *подчиненный, зависимый* или *подвластный*. Заметим, что в русской повседневной речи слово *испытуемый* может вызывать более неприятные, и даже зловещие ассоциации благодаря однокоренному слову *пытка* и последующему синонимическому ряду слов, таких как *пытать, мучить, истязать* и даже *казнить*. Поэтому в настоящее время слово *subject* часто переводят как «участник эксперимента». — *Ред.-сост.*

вотных только количественные (а не качественные), т.е. у других видов поведение и нервная система не иного сорта, а всего лишь проще и примитивнее, чем у людей. Поэтому считается, что изучение этих более простых случаев чрезвычайно полезно для понимания более сложных случаев.

Б. Животные меньше по размерам и потому их легче изучать в лаборатории. Кроме того, у них гораздо короче продолжительность жизни, периоды вынашивания потомства и созревания, а это значительно облегчает изучение их развития — в течение сравнительно короткого промежутка времени можно провести исследование нескольких поколений.

В. Исследования на животных могут послужить источником полезных гипотез, которые впоследствии будут проверены на испытуемых-людях. Не менее важно и то, что на животных могут быть проверены причинно-следственные связи в тех случаях, когда на людях мы вынуждены ограничиться установлением только корреляционной зависимости (например, между курением и раком легких).

Г. По отношению к животным закон допускает применение гораздо более жестких экспериментальных процедур, чем по отношению к человеку, — например, скрещивание (с целью изучения генетических влияний), выращивание детенышей в различных условиях депривации (сенсорной, перцептивной, материнской, социальной и т.д.)⁵⁷, хирургическое и другие виды вмешательства в функционирование мозга.

Этическая сторона этих экспериментов нередко вызывает критику. Кроме того, мы никогда не можем быть *уверены* в том, что механизмы поведения одного вида тождественны механизмам поведения другого вида. В конце концов, мы должны исследовать тот конкретный вид, поведение которого пытаемся объяснить. Это справедливо даже в тех случаях, когда сравниваемые виды весьма близки по шкале эволюции. Люди — *не* шимпанзе, *не* крысы и *не* голуби, и даже тогда, когда поведение человека очень похоже на поведение представителей некоторых более простых видов, мы не можем быть уверены, что такое поведение «устроено» точно так же. Когда мы пытаемся объяснить поведение человека в терминах того, что делают крысы в ящиках Скиннера⁵⁸, мы впадаем в грех *крысоморфизма*⁵⁹. Противоположной, но столь же греховной ошибкой будет *антропоморфизм*, т.е. приписывание человеческих качеств или мотивов другим живым организмам или объектам.

---

⁵⁷ *Депривация* — лишение человека или животного необходимого или желаемого; о депривации говорят как а) о действии или приеме устранения последних и б) как о состоянии, вызванном этим устранением. — *Ред.-сост.*

⁵⁸ *Ящик Скиннера* — экспериментальная установка, созданная Б.Ф. Скиннером с целью исследования научения мелких животных (крыс, голубей и др.). В простейшем случае представляет собой небольшую клетку, внутри которой есть рычаг, кнопка и т.п. и устройство дозированной подачи воды или корма, а также устройства регистрации нажатий на рычаг и предъявления слуховой и зрительной стимуляции. — *Ред.-сост.*

⁵⁹ См.: Koestler A. The Ghost in the Machine. L.: Pan Books, 1970.

Причина и следствие

Причина и следствие — еще один аспект индукции и еще один «симптом» позитивистско-механистического характера академической психологии. Согласно Хедеру, механистическая психология рассматривает человека как сложную машину, инертную и пассивную, приводимую в движение только посредством действия какой-то силы (внешней или внутренней); поведение человека, в принципе, полностью объяснимо в терминах «причин», которыми он не способен управлять⁶⁰.

Понятие причины — сложное понятие, и существуют разные мнения относительно того, что именно служит логическими основаниями для вывода о наличии причинно-следственной связи в некотором эмпирическом наблюдении. Но все согласны с тем, что «причина» не может быть наблюдаема *прямо*; строго говоря, все, что мы можем наблюдать — это близость двух событий в пространстве и/или во времени (принцип *смежности*). «Причина» и «следствие» — это конструкции⁶¹.

Существует точка зрения, согласно которой причина должна быть как *необходимым*, так и *достаточным* условием возникновения следствия и (как правило) причина должна *предшествовать* следствию. Например, коленный рефлекс будет наблюдаться *только* в том случае, если ударить по колену в определенном месте (удар по колену как *необходимое* условие), и так происходит *каждый раз*, когда ударяют по колену в этом месте (удар по колену как *достаточное* условие). Кроме того, этот удар, конечно же, предшествует подкакиванию ноги. Опишем все это более формально.

1. Для того чтобы произошло *Б* (рефлекс), должно произойти *А* (удар по колену); *Б* никогда не возникает, если *А* отсутствует.

2. *Б* происходит всегда, когда происходит *А*, т.е. *А* никогда не происходит без того, чтобы вслед за ним не возникло *Б*.

Разумеется, эта связь должна обнаруживаться неоднократно, и чем чаще она наблюдается, тем в большей степени мы можем быть уверены в том, что в данном случае действительно имеет место причинно-следственная связь.

В раннем варианте бихевиоризма Уотсона предполагалось, что все причины (или предшествующие события) в конечном итоге сводятся к событиям внешнего мира — «стимулам», которые вызывают ответы (следствия) пассивного организма. Несмотря на то, что на смену этому философскому бихевио-

⁶⁰ См.: Heather N. Radical Perspectives in Psychology. L.: Methuen, 1976.

⁶¹ Термин *конструкт* можно считать понятием, в том смысле, что и то и другое являются продуктами логически непротиворечивого умозаключения; конструкт выводится там, где может быть установлена взаимосвязь между объектами или событиями. Обычно используют термин *гипотетический конструкт*, с целью обозначения не доступного (пока) наблюдению или измерению процесса, который предполагается существующим, поскольку согласно гипотезе вызывает определенные, доступные измерению явления. — *Ред.-сост.*

ризму в настоящее время пришел методологический, механистическое в своей основе понятие причины все еще остается преобладающим. Иногда независимую переменную (НП) рассматривают как причину, а зависимую переменную (ЗП) — как ее следствие. Однако, НП и ЗП являются понятиями гораздо более общими, чем понятия причины и следствия. НП — это переменная, которая систематически варьируется экспериментатором в процессе эксперимента, например, количество времени, отводимое испытуемому на сон, а ЗП представляет собой определенный аспект поведения испытуемого (который изменяется как функция различий НП), например, способность воспроизвести стихотворение⁶².

Опираясь на критерии необходимости и достаточности условий, мы не можем сказать (даже в том случае, если бодрствующие [в период между заучиванием и воспроизведением. — *Ред.-сост.*] испытуемые выполнили задание значительно хуже спавших), что бодрствование — *необходимое* условие ухудшения воспроизведения (поскольку ухудшение воспроизведения может быть вызвано и другими влияниями, например алкоголем). Однако бодрствование можно считать *достаточным* условием, так как оно само по себе ухудшает воспроизведение. Бодрствование также предшествует плохому воспроизведению. Но поскольку такой же результат может вызвать алкоголь, бодрствование едва ли можно рассматривать как необходимое условие ухудшения воспроизведения в том же смысле, в каком удар по колену является необходимым условием коленного рефлекса. Как правило, человеческое поведение имеет множество причин.

Трудности определения понятия причины, а равно и сложность большинства видов поведения приводят к тому, что психологи предпочитают избегать терминов «причина» и «следствие». Обычно они говорят о «систематическом изменении переменной X , сопровождаемой изменением переменной Y », или об «изменении переменной X , вызывающем изменение переменной Y », или же об «условиях, при которых возникает то или иное поведение».

Диз формулирует важное положение, согласно которому причина и следствие в конечном итоге представляют собой вывод, вытекающий *не* из прямо-

---

⁶² Приведенный автором пример, возможно, требует пояснения. Можно представить, что исследователя интересует динамика забывания во сне. Испытуемые полностью заучивают стихотворение и тут же засыпают. Экспериментатор будит их через определенный промежуток времени и просит воспроизвести ранее заученное стихотворение. Затем определяется показатель забывания как отношение (в процентах) количества воспроизведенного материала (слов или строк) стихотворения к объему всего стихотворения. Усреднив эти показатели по группе испытуемых, мы получим одну точку на кривой забывания. Повторив всю процедуру, изменив при этом только время сна, на другой группе испытуемых (или на той же, но с другим по содержанию стихотворением) мы получим вторую точку на кривой забывания. И так далее. Если нас интересует, является ли нет сон условием, способствующим сохранению и, как следствие, воспроизведению стихотворений, та же самая процедура проводится с группой испытуемых, которые в промежутках между заучиванием и воспроизведением бодрствуют (именно это имеет в виду автор, когда продолжает свой пример). — *Ред.-сост.*

го наблюдения, а из той теории, которая устанавливает, что именно является необходимым и достаточным для появления определенных событий, т.е. что на что влияет — определяет теория⁶³.

Другую позицию занимает Хедер: люди сами являются причинами своего поведения⁶⁴. В противоположность механистическому взгляду на человека, описанному в начале этого раздела, люди рассматриваются как *деятели* (agents). Эта точка зрения характеризует *гуманистическую* психологию, например, теории Маслоу⁶⁵ и Роджерса⁶⁶.

В качестве еще одной альтернативы выступает *психология действия* (psychology of action), согласно которой

психология не может быть наукой, основанной на открытиях причин и их следствий, также не самым важным делом для нее является и удовлетворение какого-либо особого притязания на универсальность [т.е. на поиск общих закономерностей. — *Ред.-сост.*]. Задача научной психологии должна заключаться в том, чтобы попытаться выяснить системы неписаных (*tacit*) правил и обычаев, которым люди следуют при построении своей повседневной жизни⁶⁷.

Контроль и объективность

Цель контроля заключается в изоляции переменной, выбранной экспериментатором в качестве независимой, для наблюдения ее влияния на какую-то другую, зависимую переменную. Контроль служит для того, чтобы гарантировать возможность вывода, что на эту зависимую переменную (ЗП) влияет именно данная независимая переменная (НП), а не какая-то другая побочная переменная.

Но можем ли мы быть уверенными, что проконтролировали *все* переменные, которые могут оказать влияние на ЗП? Довольно легко проконтролировать более или менее очевидные переменные (например, *ситуационные*, такие как температура в комнате, уровень шума или, например, инструкции, и такие переменные *испытуемых*, как пол, возраст и уровень интеллекта). Однако на каждую контролируемую переменную, вероятно, приходится как минимум одна переменная, которая не контролируется! Контроль переменных, связанных с объектом исследования, осуществляется с помощью различных видов *планирования эксперимента* (experimental design). Но все переменные проконтролировать не удастся никогда: вследствие своей *изменчивости* люди являются

⁶³ См.: Deese J. Psychology as a Science and Art. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972.

⁶⁴ См.: Heather N. Radical Perspectives in Psychology. L.: Methuen, 1976.

⁶⁵ Маслоу (Maslow) Эйбрахам Харолд (1908—1970) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁶⁶ Роджерс (Rogers) Карл (1902—1987) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁶⁷ Harre R., Clarke D., De Carlo N. Motives and Mechanisms. L.: Methuen, 1985.

гораздо более сложными объектами научного исследования, чем, например, химические вещества. Следует подчеркнуть, что выбор переменных, которые контролируются и не контролируются в эксперименте, основан на суждении и интуиции экспериментатора относительно того, что он считает важным (и возможным) проконтролировать. Это едва ли согласуется с той степенью объективности, которую обычно приписывают научному эксперименту!

Ясно, что речь может идти только о *степени* контроля и объективности, и рассчитывать на полную объективность было бы глупо и нереалистично в любой науке, даже в физике. Как указывает Поппер, это нереалистично хотя бы потому, что никакое наблюдение нельзя считать полностью объективным, т.е. абсолютно свободным от интересов, предпочтений или ожиданий экспериментатора⁶⁸.

К невозможности полного контроля добавляется проблема, связанная с допущением, что данная НП («стимул» или «вход») одна и та же для *всех* испытуемых, а определенная ЗП («ответ» или «выход») зависит от НП, определение которой дается в каком-то объективном смысле. Многие психологи относятся к этому допущению критически⁶⁹. Понятие стимула (в любом определении бихевиористов) предполагает, что стимул может быть определен независимо от конкретного испытуемого, которому этот стимул предъявляют, и что он одинаково влияет на всех испытуемых. На самом деле, дать стимулу абсолютно объективное определение очень сложно. Одна из таких попыток была предпринята Бродбентом⁷⁰, определившим стимул как физическое воздействие (*physical stimulation*) на органы чувств⁷¹. Однако в этом определении полностью игнорируется разница между ощущением, т.е. тем, что видит «глаз», и восприятием, т.е. тем, что видит «наблюдатель». Восприятие включает в себя *интерпретацию* чувственных данных, вызванных стимулом. *Значение* какого-то стимула для конкретного испытуемого будет определяться его прошлым опытом, мотивацией, ожиданиями и так далее, и это значение, в свою очередь, определит его ответ. В некотором смысле, чисто объективного стимула не существует вообще — стимулом в действительности будет нечто, интерпретированное данным испытуемым, и, следовательно, различное у разных испытуемых.

Если для испытуемого стимул имеет значение, то его ответ будет осмысленной, а не пассивной реакцией на этот стимул, и этот смысл проявится в

---

⁶⁸ См.: Popper K. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford: Oxford University Press, 1972. [На рус. яз. переведены 3 и 6 главы; см.: Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход // Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 439—557. — *Ред.-сост.*]

⁶⁹ См. напр.: Joynson R.B. Psychology of Common Sense. L.: RKP, 1974; Heather N. Radical Perspectives in Psychology. L.: Methuen, 1976.

⁷⁰ Бродбент (Broadbent) Дональд (1926—1993) — английский когнитивный психолог. — *Ред.-сост.*

⁷¹ См.: Broadbent D.E. Behaviour. L.: Eyre and Spottiswoode, 1961.

том, что испытуемый попытается сделать⁷². В связи с этим Хедер утверждает, что «наука о людях» (*science of persons*) должна акцентировать то, что действия человека всегда направлены в *будущее*, а не являются реакциями на прошлые события, т.е. стимулы⁷³. Бродбент дает объективное определение ответа как «сокращения мышц» и как «события в тех частях тела, которые воздействуют на внешний мир». Но сокращения мышц и соответствующие им отдельные движения сами по себе значения не имеют: они его приобретают только тогда, когда образуют последовательность, направленную на достижение определенной цели (и в этом случае мы называем их *действиями*). Нелегко описать, что мы делаем, будь то почесывание спины, письмо или прием пищи, не пояснив того, чего мы при этом хотим достичь. Чем детальнее мы анализируем эти действия, стараясь разложить их на составные части (т.е. на мышечные сокращения), тем больше отдаляемся от обычных категорий описания поведения человека, и наше описание становится все менее и менее осмысленным. Например, «прием пищи» можно разложить на следующие отдельные действия: человек берет вилку, опускает ее в тарелку, накалывает кусочек пищи и так далее. Но можно ли каждое из этих действий разбить на части более мелкие и при этом все еще описывать действия, а не просто движения? Позиция Бродбента является разновидностью *редукционизма* — во имя объективности он пытается «редуцировать» [т.е. свести. — *Ред.-сост.*] действия к мышечным сокращениям.

Еще одним хорошо известным борцом за объективность, на этот раз в области теории личности, является Каттелл⁷⁴. Он утверждает, что

научное изучение личности — это попытка понять личность, как если бы она была часовым механизмом, химическими процессами, происходящими в организме млекопитающих, или спектром далекой звезды. То есть, можно сказать, что оно нацелено на объективное понимание, на возможность предсказывать и управлять тем, что произойдет впоследствии, и на установление научных закономерностей предельно общего типа⁷⁵.

По мнению Кляйна, эти аналогии Каттелла неудачны, поскольку:

А. Относительно устройства часов нет разногласий, тогда как о личности этого сказать нельзя. Личность — *гипотетический конструкт*, не имеющий самостоятельного существования вне понимающего его разума: «...стало быть, что бы ни подразумевалось под объективным изучением личности, очевидно,

---

⁷² В оригинале: *If the stimulus has meaning for the subject, then it follows that the response is not a passive reaction produced by the stimulus but is itself meaningful; and it acquires its meaning through what the subject is trying to do.* — *Ред.-сост.*

⁷³ См.: Heather N. *Radical Perspectives in Psychology*. L.: Methuen, 1976.

⁷⁴ Каттелл (Кеттелл) (Cattell) Реймонд (1905—1998) — британский, позже американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁷⁵ Цит. по: Kline P. *Psychology Exposed*. L.: Routledge, 1988.

что это изучение не имеет ничего общего с исследованием конечного (*finite*) механизма часов»⁷⁶.

Б. Млекопитающее — это определенный организм, в котором происходят конкретные жизненные процессы, химические и электрические события. Объективное изучение этих процессов и событий, вне всякого сомнения, вполне возможно и безусловно лучше нескончаемых разговоров, скажем, о сущности крови. Однако

<...> возможно, что путь в область физиологических рассуждений для нас закрыт. Изучать физиологию человека научными методами, конечно, можно, но будет ли это изучением личности или психологией? Даже когда физиология изучает поведение параллельно с нами, она ничего не добавляет к нашему пониманию психологии поведения. Предположим, что клетки *A* и *B* коры головного мозга возбуждаются всегда, когда я вижу красный цвет, и не возбуждаются никогда, если я его не вижу. Говорит ли это что-нибудь о моем переживании красного? На самом деле — нет, для нас здесь нет ничего нового, поскольку никто не оспаривает, что в основе любого переживания должны лежать нейронные, биохимические или электрические изменения, и ничего другого быть не может⁷⁷.

Кляйн выступает как противник редукционизма. Позже мы еще вернемся к этому вопросу.

Психологический эксперимент как социальная ситуация

Еще один подход к исследованию проблемы объективности состоит в более внимательном анализе экспериментальной ситуации, в которой человек-экспериментатор изучает человека-испытуемого. Ясно, что эта ситуация не тождественна той, где человек-экспериментатор исследует какой-то предмет физического мира: люди — это *не* безжизненные объекты, а живые, сознающие и думающие существа.

Более правильно рассматривать психологический эксперимент как социальную ситуацию, порождающую взаимные ожидания ее участников — испытуемого и экспериментатора. Как эти ожидания связаны?

Ожидания испытуемого. Те особенности экспериментальной ситуации, которые имеют значение для испытуемого, Орн называет *запрашиваемыми характеристиками* экспериментов⁷⁸. В рамках механистической модели обычно

---

⁷⁶ Kline P. *Psychology Exposed*. L.: Routledge, 1988.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ См.: Orne M.T. On the social psychology of the psychological experiment — with particular reference to demand characteristics and their implications // *American Psychologist*. 1962. Vol. 17. № 11. P. 776—783.

подчеркивается то, что *делают с* (пассивным) испытуемым, а Орн обращает внимание на то, что человек-испытуемый *делает* (как участник эксперимента). Поведение испытуемых во время эксперимента можно рассматривать как *решение проблемы*, поскольку отчасти они видят свою задачу в том, чтобы выяснить истинную цель эксперимента и при тестировании будут действовать так, чтобы подтвердить свою гипотезу [относительно этой цели. — *Ред.-сост.*]. В этой ситуации существенной детерминантой поведения испытуемых становится совокупность *сигналов*, которые раскрывают им экспериментальную гипотезу, и эту сумму сигналов Орн называет *запрашиваемыми характеристиками экспериментальной ситуации* (*demand characteristics of the experimental situation*).

Таким образом, испытуемые находятся в состоянии непрерывного «выс-матривания» сигналов [которые могли бы подсказать. — *Ред.-сост.*], что им надо делать. Помимо общения по ходу эксперимента (как явного — в виде инструкций, так и скрытого — в форме невербальной коммуникации⁷⁹), такие сигналы он может найти в том, что когда-то слышал о данном эксперименте (например, от других испытуемых), а также в том, как к нему обратились в первый раз и пригласили участвовать в эксперименте, в личности экспериментатора и в экспериментальной установке. На практике очень трудно найти действительно наивных испытуемых, которые не считали бы себя, хотя бы поверхностно, знакомыми с психологией, и которые не могут сделать вывод о цели эксперимента, исходя из его процедуры. Главное то, что испытуемых нельзя считать пассивными исполнителями задания; напротив, они активно стараются понять, что происходит в экспериментальной ситуации и как они должны себя вести.

Установка испытуемых на поиск запрашиваемых характеристик связана с их стремлением сыграть роль «хорошего испытуемого», с желанием понравиться экспериментатору и сотрудничать с ним, чтобы «не испортить эксперимент». Орн рассматривает эксперимент как «социальную ситуацию» главным образом в этом смысле. Запрашиваемые характеристики ситуации помогают испытуемому сыграть роль «хорошего испытуемого», а его ответы зависят от содержания этой роли.

Ожидания экспериментатора. С другой стороны, сам экспериментатор неосознанно дает знать испытуемому, как ему следует себя вести. Это называют предубеждением экспериментатора (*experimenter bias*). Дело в том, что экспериментатор не подозревает о влиянии, которое он может оказывать (часто в виде невербальных сообщений) на испытуемого. Это влияние ясно показал Розенталь, когда попросил несколько сотен своих студентов-психологов провести эксперименты с испытуемыми-крысами⁸⁰. Половине экспериментаторов [пер-

---

⁷⁹ *Невербальная коммуникация* — общий термин, обозначающий любые аспекты общения, за исключением слов, например, жесты, мимика, позы, движения глаз и др. — *Ред.-сост.*

⁸⁰ См.: *Rosenthal R. Experimenter Effects in Behavioural Research*. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1966.

вая группа. — *Ред.-сост.*] он сказал, что они будут изучать поколение «умных» крыс (т.е. потомство крыс с высоким интеллектом), способных к решению лабиринтных задач⁸¹, а другой половине [вторая группа. — *Ред.-сост.*] — что они будут изучать «глупых» в этом смысле крыс. На самом деле, все крысы были «нормальные» и распределялись по группам экспериментаторов в случайном порядке. Несмотря на это, первая группа экспериментаторов сообщила о значимо лучших результатах научения крыс в лабиринте, чем вторая⁸².

В работе с испытуемыми-людьми ожидания экспериментатора вероятно приобретают еще большее значение, поскольку, как мы показали, испытуемые ищут любые доступные сигналы, которые помогают им успешно сыграть свою «роль». Таким образом, экспериментатор, сам того не желая, может повлиять на поведение испытуемых!

Устранение ожиданий. Можно ли что-нибудь сделать, чтобы перекрыть источники этих ожиданий? Да, можно, и для этого надо прежде всего принять меры к тому, чтобы испытуемые не знали, в каком из экспериментальных условий они участвуют. Это обычная практика, но полностью исключить влияние запрашиваемых характеристик никогда не удастся. Возможно, самым ярким примером подобной практики служат исследования эффективности лекарств, в которых испытуемым контрольной группы дают таблетку из сахара или какое-нибудь другое плацебо⁸³, а испытуемые экспериментальной группы принимают настоящее лекарство (*одинарный слепой метод*) (*single-blind technique*).

Другим, еще более эффективным, способом уменьшения влияния предубеждения экспериментатора является создание условий, при которых и сам экспериментатор не знает, каким испытуемым дают настоящее лекарство, а каким — плацебо. Например, таблетки и плацебо выдает один экспериментатор, а их эффект оценивает другой (*двойной слепой метод*) (*double-blind technique*).

Однако при использовании этих техник контроля суть экспериментальной ситуации не меняется — она остается социальной. Мы изменяем только определенные аспекты той социальной ситуации, в которой испытуемые пытаются осмыслить зачастую приводящий в недоумение и, как им кажется, бессмысленный эксперимент. Может оказаться, что при устранении некоторых потенциальных источников ожиданий экспериментальная ситуация станет более озадачивающей, а потребность в запрашиваемых характеристиках — более острой.

---

⁸¹ *Лабиринтные задачи* — крыса должна научиться быстро и кратчайшим путем пробегать лабиринт, состоящий из ряда коридоров, некоторые из которых заканчиваются тупиком, а другие в конце концов приводят к выходу и кормушке. — *Ред.-сост.*

⁸² См. также текст Р. Хока на с. 431—439 наст. изд. — *Ред.-сост.*

⁸³ *Плацебо* — лекарственная форма, содержащая фармакологически нейтральные вещества, по внешнему виду и вкусу имитирующая какое-либо лекарственное средство. — *Ред.-сост.*

Э.Р. Валентайн

Теории и объяснения*

Вначале <...> мы дадим определения некоторых основных понятий и рассмотрим функции теорий. Затем мы обсудим характеристики, по которым теории могут отличаться друг от друга, а также критерии выбора между конкурирующими теориями. В конце <...> мы рассмотрим суть и типы объяснений, используемых в психологии.

Что такое теории?

Прежде всего необходимо провести различие между системами, теориями и моделями.

Система — это общая теория плюс метатеоретические¹ рекомендации. МакГич определяет систему как «слаженную, емкую и в то же время гибкую организацию конкретных фактов, включающую в себя их интерпретацию и частные теории относительно определенного объекта исследований» и указывает шесть возможных ее критериев: определение области исследований, ясно сформулированные постулаты, природа получаемых данных, точка зрения на проблему связи психики и тела, организация данных и принципы их отбора². Примерами могут служить первые психологические школы, в частности бихевиоризм, где предпринимались попытки не только разработать общую теорию

---

* *Valentine E.R. Conceptual Issues in Psychology. L.: George Allen and Unwin, 1982. P. 90—104. (Перевод С.А. Капустина.)*

¹ *Метатеория* — общий термин, обозначающий теоретические дискуссии и их результаты относительно построения научных теорий и критериев, которым они должны удовлетворять; метатеория анализирует структуру, методы и свойства какой-либо другой, предметной или объектной теории. — *Ред.-сост.*

² См.: *McGeoch J.A. The formal criteria of a systematic psychology // Psychological Review. 1933. Vol. 40. P. 1—12.*

поведения, как это видно уже по некоторым заголовкам монографий того периода, например, «Принципы поведения» Халла³ (опубликована в 1943 г.) или «Поведение организмов» Скиннера⁴ (опубликована в 1938 г.), но и давались метатеоретические рекомендации относительно объектов, методов исследования и надлежащих теоретических объяснений⁵.

Теория охватывает более узкую область, чем система. Бергманн традиционно определяет теорию как «группу дедуктивно связанных законов»⁶. По Марксу, теория — это «временное утверждение или набор утверждений, которые объясняют какое-то явление природы и состоят из сформулированных в знаковой форме представлений о (1) наблюдаемых взаимосвязях между (измеряемыми) событиями, (2) предполагаемых механизмах или структурах, лежащих в основе этих взаимосвязей, а также (3) выводимых путем умозаключения взаимосвязях и лежащих в их основе механизмах»⁷. Теория по своей сути является абстракцией и отличается от данных.

Термин *модель* используется в разных смыслах. В каких-то случаях он употребляется как синоним «теории», хотя обычно модель по своему охвату уже, чем теория (поэтому говорят: теории восприятия, но модель распознавания формы). Чапанис определяет модель как «представления определенных аспектов сложных событий, структур или систем, с помощью символов или объектов, имеющих определенное сходство с тем, что моделируется»⁸. По существу, модели являются аналогами (*analogies*) и обычно предполагают применение более простых и понятных систем к системам более сложным и менее понятным. В связи с этим, хотя все теории можно считать моделями в том смысле, что они являются представлениями, тем не менее, мы не рекомендуем использовать эти термины как равнозначные. Ньюэлл⁹ и Саймон¹⁰ считают, что модели можно отличить от теорий по следующим признакам: (а) моде-

³ Халл (*Hull*) Кларк Ленард (1884—1952) — американский психолог. — *Пед.-сост.*

⁴ Скиннер (*Skinner*) Беррес Фредерик (1904—1990) — американский психолог, основатель и общепризнанный лидер современного течения радикального бихевиоризма. — *Пед.-сост.*

⁵ См.: *Hull C.L. Principles of Behavior*. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1943; *Skinner B.F. The Behavior of Organisms: An Experimental Analysis*. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1938.

⁶ См.: *Bergmann G. Philosophy of Science*. Madison: University of Wisconsin Press, 1957.

[<...> *дедуктивно связанных законов* — т.е. когда частные закономерности логически, путем умозаключения, выводятся из общих законов и положений. — *Пед.-сост.*]

⁷ См.: *Marx M.H. Formal Theory // Theories in Contemporary Psychology* / M.H. Marx, F.E. Goodson (Eds.). N.Y.: Macmillan, 1976. P. 234—260.

⁸ См.: *Chapanis A. Men, machines, and models // American Psychologist*. 1961. Vol. 16. P. 113—131.

⁹ Ньюэлл (*Newell*) Аллен (1927—1992) — американский когнитивный психолог и специалист по информатике. — *Пед.-сост.*

¹⁰ Саймон (*Simon*) Герберт Александр (1916—2001) — американский психолог, философ и экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике (1978 г.). — *Пед.-сост.*

ли скорее полезны, чем истинны; в большей степени они служат эвристическими средствами¹¹, а не завершенными описаниями; (б) модели менее чувствительны к данным: несоответствующие факты всегда более разрушительны для теории, чем для модели; (в) модели более подвержены ошибкам второго рода¹², т.е. более склонны к ложным утверждениям¹³.

В психологии моделями называют особую подгруппу теорий, которые используют структурные объяснения. Они служат для описания механизмов, правда, как правило, только в абстрактной форме.

Закон представляет собой сравнительно хорошо обоснованное утверждение об устойчивых и предсказуемых взаимосвязях между эмпирическими переменными. В психологии законы являются достопримечательностями, так как встречаются довольно редко.

Гипотеза — это предполагаемый закон [т.е. требующий для обоснования опытной проверки. — *Ред.-сост.*].

Постулат — это допущение теории, не подвергаемое опытной проверке; например, постулатом является предположение о том, что любое поведение детерминировано.

Протокольное высказывание (protocol statement) — это описание конкретного наблюдения, иногда называемое «данными, представленными в словесной форме» (*data language*).

Первичный термин (primitive term) — это базовый термин, не определяемый в рамках данной теории, который если и определяется, то за ее пределами; например: стимул, реакция, подкрепление.

Конструкт — это понятие, предполагающее (*referring to*) связи между событиями или свойствами; например, тревожность¹⁴.

---

¹¹ <...> *служат эвристическими средствами* — т.е. сокращают пространство поиска возможных объяснений, но сами по себе ничего не объясняют. — *Ред.-сост.*

¹² *Ошибки первого и второго рода или типа* — проверка значимости результата эксперимента, по сути, заключается в принятии или отвержении нуль-гипотезы (отсутствие различий или взаимосвязи групп данных); при этом возможны ошибки двух типов: (а) ошибочное отвержение правильной нуль-гипотезы (ошибки первого типа), или (б) принятие в действительности ложной нуль-гипотезы (ошибки второго типа). — *Ред.-сост.*

¹³ См.: Simon H.A., Newell A. Models: their uses and limitations // The State of the Social Sciences / L.D.White (Ed.). Chicago: Chicago University Press, 1956. P. 66—83.

¹⁴ Термин *конструкт* можно считать понятием в том смысле, что и то, и другое являются продуктами логически непротиворечивого умозаключения; конструкт выводится там, где может быть установлена взаимосвязь между объектами или событиями. Обычно используют термин *гипотетический конструкт*, с целью обозначения не доступного (пока) наблюдению или измерению процесса, который предполагается существующим, поскольку согласно гипотезе вызывает определенные, доступные измерению явления. В примере автора конструкт *тревожность*, по-видимому, обозначает устойчивое, индивидуально-психологическое свойство (черту личности) человека, предположительно лежащее в основе определенного спектра его поведения, размышлений и чувств в различных, на самом деле безопасных ситуациях. Автор более детально рассматривает этот вопрос в девятой главе данной книги. — *Ред.-сост.*

Назначение теорий

Нужны ли теории вообще?

Доводы «против». В своей классической работе Скиннер выдвинул положение, что психология не нуждается в каких-либо теориях — неврологических или менталистских¹⁵. Его аргументы состоят в том, что (а) теории порождают новые проблемы, и при этом они их маскируют (действительно, разработка теории может способствовать возникновению ложного чувства успокоенности и тенденции к прекращению дальнейших исследований; примером последнего является гипотеза врожденности поведения); (б) теории могут спровоцировать множество бесплодных исследований (обзор работ по проблеме научения, опубликованных с 1940 по 1950-е гг., подтверждает это заявление); (в) существуют более прямые подходы (в подходе самого Скиннера предпочтение отдается поиску функциональных законов, опирающемуся непосредственно на эмпирическое исследование)¹⁶.

Однако многие психологи настроены не столь решительно (*not so pure-minded*). Для большинства из них теории являются если не логической, то психологической необходимостью. Допустим, теории не обязательны, но, может быть, они желательны? Какие функции они выполняют?

Доводы «за». Во-первых, хорошим аргументом в пользу теории может служить то, что такой реальности, как чистые факты, не существует вообще. Данные не свободны от теории и любое наблюдение предполагает отбор и интерпретацию¹⁷. Факты сами по себе ничего не говорят. В особенности это справедливо для психологии, где предмет исследования по большей части не доступен прямому наблюдению и строится главным образом путем умозаключения.

Бродбент¹⁸ доказал, что даже подход Скиннера, направленный только на предсказание, а не на объяснение поведения, не может обойтись без теории, поскольку не бывает двух совершенно одинаковых событий, и к теоретическим положениям приходится прибегать хотя бы для отбора соответствующих переменных, на которые должно опираться обобщение¹⁹. Итак, оказывается, что даже для достижения цели предсказания теория необходима.

---

¹⁵ См.: Skinner B.F. Are theories of learning necessary? // Psychological Review. 1950. Vol. 57. P. 193—216.

¹⁶ Достоинства и недостатки подходов такого типа автор обсуждает в девятой главе данной книги. — *Ред.-сост.*

¹⁷ Доказательства этого положения автор приводит и обсуждает в седьмой главе данной книги. — *Ред.-сост.*

¹⁸ Бродбент (*Broadbent*) Дональд (1926—1993) — английский когнитивный психолог. — *Ред.-сост.*

¹⁹ См.: Broadbent D.E. Behavior. L.: Eyre and Spottiswoode, 1961.

Обычно теории выполняют одновременно и ретроспективную, и проспективную²⁰ функцию. Они служат для обобщения и организации данных, которые уже собраны, и которые иначе было бы трудно обработать и усвоить. Теории придают упорядоченность и согласованность эмпирическому материалу. Для большинства людей «факты являются бесполезными до тех пор, пока кто-нибудь не рискнет поразмышлять о них». Большинство теорий представляют собой попытки объяснения. «Теории — это сети, предназначенные улавливать то, что мы называем “миром”, для осознания, объяснения и овладения им»²¹.

Теории выполняют также эвристическую функцию руководства дальнейшими исследованиями. «Теория — это сцена, на которой ставятся эксперименты»²². Они служат средствами отбора среди бесконечного множества возможных экспериментов. Можно сделать вывод, что необходимость теории обоснована как логически, так и психологически.

Характеристики теорий

В этом разделе мы рассмотрим определенные характеристики, по которым теории могут различаться.

Во-первых, не все теории имеют одну и ту же *цель*. Главная цель любой теории состоит в объяснении, основная функция которого заключается в росте понимания. Общепринятым критерием этого роста для научной теории считается дедуктивное предсказание (*prediction*). Однако возможны и другие пути понимания. Некоторые психологические (и другие научные) теории, например, психоанализ, являются по существу постсказывающими (*post-dictive*) [т.е. объясняют только имеющиеся, уже полученные данные или события прошлого. — *Ред.-сост.*]. Райкрофт²³ зашел настолько далеко, что стал утверждать, будто психоанализ и не претендовал на статус научной теории, цель которой состоит в прояснении причин, а скорее является семантической теорией, цель которой заключается в разработке способа осмысления (*of making sense*) симптомов²⁴. Другие теории тяготеют к типу понимания, опирающемуся на эмпатию²⁵. Они встреча-

---

²⁰ *Ретроспективную и проспективную* — т.е. по отношению как к прошлому, так и к будущему. — *Ред.-сост.*

²¹ *Popper K.R. The Logic of Scientific Discovery. L.: Hutchison, 1959.* [Цит. по: *Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 82.* — *Ред.-сост.*]

²² См.: *Allport F.H. Theories of Perception and the Concept of Structure. N.Y.: Wiley, 1955.*

²³ Райкрофт (*Rycroft*) Чарльз (1914—1998) — английский психоаналитик. — *Ред.-сост.*

²⁴ См.: *Rycroft C. Causes and meaning // Psychoanalysis Observed / C. Rycroft (Ed.). L.: Constable, 1966. P. 7—22.*

²⁵ Термин *эмпатия* используется в психологии в нескольких значениях; здесь, по-видимому, имеется в виду так называемое эмпатическое понимание как осознание чувств, мыслей и установок другого человека, достигаемое путем мысленного погружения самого себя в конкретную ситуацию этого человека. — *Ред.-сост.*

ются не только и не столько в художественной литературе (нередко говорят, что, читая романы, мы познаем людей в большей степени, чем при изучении научной психологии), но и в некоторых феноменологически и социально ориентированных подходах, в частности, герменевтическом <...>.

Во-вторых, теории могут различаться по *способу формулирования*. Саймон и Ньюэлл выделяют формулировки словесные, математические и по аналогии²⁶. Авторы приводят пример выражения одной и той же информации тремя различными способами: (а) словесно — «потребление возрастает линейно вместе с возрастанием дохода, но менее, чем доход»; (б) математически — $C = a + b \cdot y$; $a > 0$; $0 < b < 1$; (в) по аналогии — потоки товаров и денег можно сравнить с потоками жидкости. Примерами словесных психологических теорий могут служить теория научения Гатри²⁷ и теория группового поведения Хоумана, которые впоследствии были сформулированы математически, соответственно Эстезом²⁸ и Саймоном²⁹. Примеры формулировок психологических теорий по аналогии хорошо представлены в работе Миллера, Галантера и Прибрама³⁰, начиная от гомеостата Эшби³¹ и кончая гидравлической теорией Лоренца³². Важно различать логическое содержание теории, т.е. выводы, которые логически могут следовать из нее в принципе, и ее психологическое содержание, т.е. то, что из нее действительно следует. Следовательно, теории могут иметь одно и то же логическое, но разное психологическое содержание. Саймон и Ньюэлл утверждают, что преимущества словесных формулировок в большей степени логические, чем психологические, а для математических — наоборот³³. Если логические пре-

²⁶ См.: Simon H.A., Newell A. Models: their uses and limitations // The State of the Social Sciences / L.D. White (Ed.). Chicago: Chicago University Press, 1956. P. 66—83.

²⁷ Гатри (Guthrie) Эдуин Рей (1886—1959) — американский психолог. — *Пед.-соцм.*

²⁸ Эстез (Estes) Уильям Кей (р. 1919) — американский психолог. — *Пед.-соцм.*

²⁹ См.: Estes W.K. Toward a statistical theory of learning // Psychological Review. 1950. Vol. 57. P. 94—107; Simon H.A. A formal theory of interaction in social groups // Am. Sociol. Rev. 1952. Vol. 17. P. 202—211.

³⁰ См.: Miller G.A., Galanter E., Pribram K. Plans and the Structure of Behavior. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1960. Ch. 3. [Рус. пер. см.: Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К. Планы и структура поведения. М.: Прогресс, 1965.]

Миллер (Miller) Джордж Армидж (р. 1920) — американский когнитивный психолог.

Галантер (Galanter) Юджин (р. 1924) — американский психолог.

Прибрам (Pribram) Карл Гарри (р. 1919) — австро-американский нейрофизиолог и психолог. — *Пед.-соцм.*

³¹ Эшби (Ashby) Уильям Росс (1903—1972) — английский психиатр, специалист по кибернетике, пионер в исследовании сложных систем. — *Пед.-соцм.*

³² Лоренц (Lorenz) Конрад Захарис (1903—1989) — австрийский этолог, т.е. зоолог, изучающий жизнь животных в естественных условиях их существования; см. его текст на с. 377—382 наст. изд. — *Пед.-соцм.*

³³ См.: Simon H.A., Newell A. Models: their uses and limitations // The State of the Social Sciences / L.D. White (Ed.). Chicago: Chicago University Press, 1956. P. 66—83. [В оригинале: *Claim that verbal formulations tend to have logical rather than psychological advantages, and mathematical formulations psychological rather than logical advantages* (p. 93). — *Пед.-соцм.*]

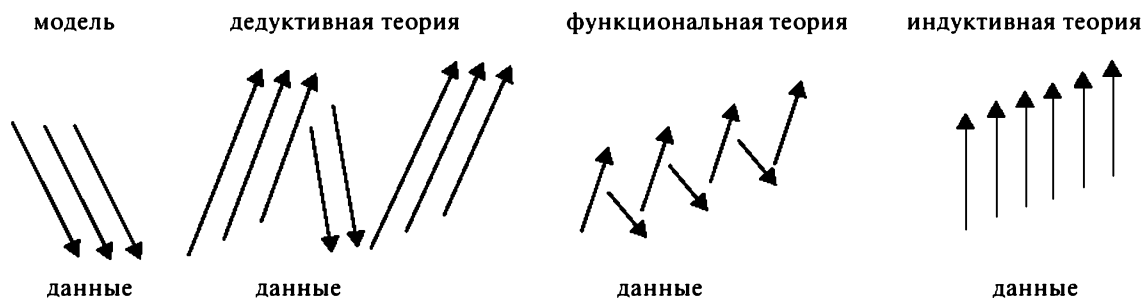

Рис. 1. Отношения между теорией и данными при четырех способах построения теории

имущества являются функцией самой теории, то психологические преимущества во многом зависят от автора теории. Последнее относится к сфере психологии индивидуальных различий, которая должна объяснить, почему разные теоретики предпочитают различные способы формулирования теорий.

Одной из переменных, по которым различаются теории, является *отношение между данными и теорией*. Некоторые из теорий преимущественно определяются данными, другие же — понятиями. Маркс схематически показывает различные отношения, которые могут складываться между данными и теориями (рис. 1)³⁴.

Автор обсуждает (а) направление вывода между теорией и данными (указаны стрелками); (б) является ли это отношение статичным или динамичным (обозначено соответственно вертикальными и наклонными линиями); (в) широту, т.е. степень распространения вывода за пределы данных (представлена длиной линии). По горизонтали представлено развертывание процесса во времени. Модели и дедуктивные теории в большей степени ориентированы на другие теории, а функциональные и индуктивные теории — на данные. Рассмотрим по порядку эти четыре типа теорий. *Модель* представляет собой умозрительную аналогию, ценность которой заключается в ее эвристичности. В этом случае вывод направлен только в одну сторону — от теории к данным. Модель нечувствительна к данным; обратная связь от данных к теории не запланирована, поэтому взаимодействия между ними нет. Примеров моделей в психологии множество, один из них — модель внимания как фильтра Бродбента³⁵.

³⁴ См.: Marx M.H. Formal Theory // Theories in Contemporary Psychology / M.H. Marx, F.E. Goodson (Eds.). N.Y.: Macmillan, 1976. P. 234—260.

³⁵ Здесь речь идет именно о фильтре, а не о модели переработки информации Бродбента в целом, частью которой он является, и которая строилась на основе целого ряда данных; кроме того, представление о фильтре также опиралось на определенные экспериментальные данные и объясняло их наиболее экономичным, т.е. простым образом. Более подробно автор рассматривает психологические модели в 10 главе своей книги. — *Ред.-сост.*

Дедуктивная теория предполагает взаимодействие в двух направлениях: теоретические обобщения выводятся индуктивно из наблюдений, а предсказания будущих наблюдений выводятся дедуктивно из теоретических гипотез. Теория научения Халла — пример психологической теории такого типа. В науке эти теории считаются эталонными, но в психологии их считают преждевременными. Существует опасность чрезмерной формализации теории, которая может затруднить ее дальнейшее развитие. Примером подобной теории, сформулированной преимущественно умозрительно, а не на основе данных, является теория Пиаже³⁶. Некоторые работы в области математической психологии также создают впечатление, что их авторы-теоретики настолько очарованы математикой, что теряют контакт с данными. В *функциональной теории* взаимодействие двустороннее, но широта охвата гораздо уже. Теория в данном случае представляет собой только переформулировку данных, теории и данным придают одинаковый вес. В психологии примерами функциональных теорий могут служить закон Вебера—Фехнера³⁷ и эмпирический закон забывания Эббингауза³⁸. Вследствие тесной связи с данными, они более чувствительны к ним и могут быть легко модифицированы, но поскольку эти теории не выходят за пределы данных, они неплодотворны и редко приводят к новым предсказаниям. В *индуктивной теории* вывод идет только в одном направлении, а именно, от данных к теории. Предполагается, что факты говорят сами за себя, теоретические высказывания являются просто кратким изложением эмпирических данных. Пример — теория Скиннера. Эти теории, подобно функциональным теориям, сравнительно простые и не имеют следствий (*implications*).

Следующий выбор, с которым сталкивается теоретик, — это *уровень анализа*. Психология предоставляет возможность выбора уровня анализа в широком диапазоне, начиная от социального и кончая физиологическим. Джордж считает, что психолог должен выдвигать гипотезы относительно организма, расположенного между стимулом и реакцией³⁹. Здесь возникает вопрос, насколько детально необходимо проводить этот анализ организма. Теоретик моллярного подхода к поведению объясняет несоответствие между стимулами и

---

³⁶ Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ; разработал теорию когнитивного развития человека в процессе онтогенеза; см. его текст на с. 560—562 наст. изд. — *Ред.-сост.*

³⁷ Вебер (*Weber*) Эрнст Генрих (1795—1878) — немецкий физиолог и психофизик.

Фехнер (*Fechner*) Густав Теодор (1801—1887) — немецкий ученый и философ, основатель психофизики. Закон Вебера—Фехнера — логарифмическая зависимость интенсивности ощущения от интенсивности стимула. — *Ред.-сост.*

³⁸ Эббингауз (*Ebbinghaus*) Герман (1850—1909) — немецкий психолог, основоположник экспериментальной психологии памяти. Закон, или кривая забывания Эббингауза показывает ухудшение сохранения рядов заученных бессмысленных слогов с течением времени. — *Ред.-сост.*

³⁹ См.: *George F. H. Formalization of language systems for behavior theory // Psychological Review. 1953. Vol. 60. P. 232—240.*

реакциями, постулируя конструкторы, представляющие факторы организма без детального анализа последних и без наблюдения внутреннего состояния организма. Теоретик молекулярного подхода пытается избавиться от неопределенности и избыточных значений этих конструкторов, уточняя их и предполагая возможные механизмы. Впоследствии конструкторы могут проверяться не только в составе молярной теории, но и на основе данных физиологии.

Наконец, Брунsvик⁴⁰ выдвинул интересную идею так называемого *концептуального фокуса*⁴¹. Если психологические теории разрабатываются с целью предсказания ответов на стимулы, то возможен выбор того, что считать стимулом и ответом. Этот выбор подразумевает не только то, что грубо можно описать как пространственную протяженность (величину только что обсуждавшейся единицы анализа), но и протяженность во времени в смысле того, насколько далеко в истории жизни индивида ведется поиск причин и на какой период будущего делаются предсказания. Брунsvик вперемешку описывает эти два измерения следующим образом:

(а) отдаленное прошлое организма; (б) доступные манипуляции физические тела, дистальные стимулы; (в) проксимальные стимулы⁴²; (г) события и установки внутри организма; (д) проксимальные ответы, молекулярное поведение; (е) дистальные эффекты ответов, достижения молярного поведения; (ж) достижения далекого будущего (*far reaching successes*), плоды жизнедеятельности⁴³.

Этот список он иллюстрирует, сравнивая классические школы психологии.

Критерии выбора теорий

В связи с необходимостью теорий в научных исследованиях, а также в связи с фактом одновременного существования нескольких конкурирующих теорий, возникает вопрос: какими критериями можно руководствоваться при выборе между ними? Этот вопрос обсуждается в работах Гудсона и Моргана, а также Пакстона⁴⁴.

---

⁴⁰ Брунsvик (*Brunswik*) Эгон (1903—1955) — австрийский, после эмиграции американский, психолог. — *Пед.-соцт.*

⁴¹ См.: *Brunswik E. The conceptual focus of some psychological systems // J. Unif. Sci. 1939. Vol. 8. P. 36—49.*

⁴² В общем смысле термины *проксимальный* и *дистальный* означают, соответственно, *ближайший* и *отдаленный*. В психологии восприятия проксимальный стимул — это физическая энергия, действительно попадающая на рецепторную поверхность, а физическую энергию, отражаемую от объекта, называют дистальным стимулом. — *Пед.-соцт.*

⁴³ В оригинале ссылка отсутствует. — *Пед.-соцт.*

⁴⁴ См.: *Goodson F.E., Morgan G.A. Evaluation of theory // Theories in Contemporary Psychology / M.H. Marx, F.E. Goodson (Eds.). N.Y.: Macmillan, 1976. P. 286 — 299; Paxton R. Some criteria for choosing between explanations in psychology // Bull. Br. Psychol. Soc. 1976. Vol. 29. P. 396—399.*

Первая важная характеристика — область охвата, *пространство (scope)* теории, т.е. диапазон охватываемых ею данных. Широта и полнота охвата могут рассматриваться как преимущества теории.

Еще одно требование к теории — *экономичность*. Хотя природа не может быть устроена просто, цель теории состоит в охвате максимального количества данных при минимальном числе теоретических гипотез. Среди объяснений, согласующихся с определенным кругом данных, предпочтение всегда следует отдавать наиболее простому объяснению. Этот принцип экономии был сформулирован в Средние века Уильямом Оккамом⁴⁵ и впоследствии получил название «брита Оккама». На заре сравнительной психологии⁴⁶ Ллойд Морган⁴⁷ применил это положение, критикуя антропоморфизм⁴⁸, который был свойствен исследованиям животных в XVIII в.⁴⁹ Сравнительно недавно за отсутствие экономичности критиковали психоанализ.

Критерий *ясности* формулирования теории включает в себя ряд аспектов. *Легкость вывода предсказаний* обусловлена логическими и психологическими следствиями (*implications*), подразумеваемыми данной теорией (как мы показали выше при обсуждении способов формулирования теорий). Она обратно пропорциональна сложности и неопределенности теории. Логическая *непротиворечивость (consistency)* — требование необходимое, а максимальная *четкость (precision)* — желательное.

Пространство и ясность теории сказываются на ее *проверяемости*. Чем шире эмпирическое содержание теории и чем яснее она определена, тем больше возможностей для ее опровержения [фальсификации, по К. Попперу. — *Ред.-сост.*]. Чувствительность к данным отчасти зависит от самой теории, а отчасти от ее автора.

Еще один критерий возможной оценки теорий, очевидно, состоит в объеме *эмпирической поддержки (empirical support)*. Поппер⁵⁰ подчеркивает важность как числа, так и разнообразия таких подкреплений.

Как говорилось в предыдущем разделе, теории выполняют как ретроспективную, так и проспективную функцию. Способность теории к новым пред-

---

⁴⁵ Оккам (*Occam*) Уильям (ок. 1285—1349) — английский философ, логик и церковно-политический деятель, монах-францисканец. — *Ред.-сост.*

⁴⁶ *Сравнительная психология* — раздел или дисциплина общей психологии, которая занимается исследованием поведения различных видов животных в аспекте сравнения (сходств и отличий) их поведения. — *Ред.-сост.*

⁴⁷ Морган (*Morgan*) Конвей Ллойд (1852—1936) — английский зоолог и психолог. — *Ред.-сост.*

⁴⁸ *Антропоморфизм* — наделение человеческими свойствами животных.

⁴⁹ Ллойд Морган в 1894 г. сформулировал правило, получившее название «канон Ллойда Моргана», согласно которому при интерпретации поведения животных необходимо отдавать предпочтение наиболее простому объяснению, которое не опирается на представление о высших психических процессах; этот канон оказал особенно сильное влияние на психологию в раннем периоде становления и утверждения бихевиоризма. — *Ред.-сост.*

⁵⁰ Поппер (*Popper*) Карл Раймунд (1902—1994) — австрийский, позже британский философ и социолог. — *Ред.-сост.*

сказаниям может быть столь же важна, как и объяснение прошлых наблюдений. Теория может быть ошибочной, и, тем не менее, эвристически ценной на пути к новым открытиям. Следовательно, в долгосрочном плане важным критерием теории может быть ее *плодотворность*.

Что такое объяснение?

«Объяснением принято считать любой ответ на вопрос “почему”, который вопрошающий воспринимает как то, что дает ему возможность большего понимания (*more intelligible*) интересующего его события» — пишет Боуден и продолжает, определяя научное объяснение как такое, «которое подтверждается ссылками на факты, доступные общему наблюдению, и которое разумным и систематическим образом рационально увязано с другими сходными объяснениями»⁵¹. Некоторые научные объяснения более правильно считать ответами на вопрос «как». Если объяснения — это ответы на вопросы определенного типа, то разумно предположить, что может быть столько же различных типов ответов, сколько существует типов вопросов, и оценка ответа как объяснения определенного типа зависит от трех факторов.

(а) Кто задает вопрос. Ответ должен учитывать наличный уровень знаний вопрошающего. Например, объяснение движения планет ребенку будет отличаться от объяснения физику-ядерщику. (б) На что направлен вопрос. Для какой цели необходимо это знание? Подразумеваются ли здесь практические следствия? Например, предполагают, что выбор Скиннером объяснения поведения в терминах окружения, а не генетических факторов, мог быть мотивирован открывающимися возможностями его модификации. Сходным образом, выбор того или иного объяснения патологического поведения может определяться доступными способами терапии. (в) Кто дает ответ. Каковы индивидуальные пристрастия автора теории? Психологические факторы, конечно же, влияют на построение теории⁵².

Объяснения должны предоставлять новую информацию. В конечном счете, согласие с объяснением — дело субъективное. В работе «Прагматизм» на это ясно указывает Уильям Джеймс⁵³: «...Наше отношение к ним выражается в каком-то смутном инстинктивном ощущении удовлетворения или неудовлетворения. <...> Мы, философы, должны считаться с такими чувствами с вашей стороны. В конечном счете, как я говорил, все наши философии подлежат этому суду чувства. Только то мирозерцание выйдет победителем, которое суме-

⁵¹ См.: *Boden M. Purposive Explanation in Psychology*. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1972.

⁵² Ср.: *Coan R.W. Dimensions of psychological theory // American Psychologist*. 1968. Vol. 23. P. 715—722; *Caine T.M., Wijesinghe O.B.A., Winter D.A. Personal Styles in Neurosis: Implications for Small Group Psychotherapy and Behaviour Therapy*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1981.

⁵³ Джеймс (*James*) Уильям (1842—1910) — американский психолог и философ. — *Ред.-сост.*

ет произвести наибольшее впечатление на все нормальные умы»⁵⁴. Теоретически выбор объяснений широк; практически он невелик. В науке, как мы уже говорили, отдают предпочтение определенным видам объяснения. Образцовым считается причинное объяснение, свойственное гипотетико-дедуктивным теориям. Возможны ли иные типы объяснений или же приемлемы только, например, причинные объяснения — вопрос, вызывающий много споров. Фосс отстаивает положение о множестве типов объяснений в психологии⁵⁵. Единственное, чего не надо делать, так это оценивать какой-то один тип объяснения с точки зрения другого. Например, было бы глупо (*is inappropriate*) отрицать эволюционные функциональные объяснения на том основании, что они не являются причинными, так как они и не претендуют на это.

Дойч утверждает, что психологи путаются в объяснениях: «...Среди психологов нет согласия в том, какие из собранных ими фактов являются доказательными. Это не означает, что они просто расходятся во мнениях относительно того величественного сооружения, которое хотят возвести; они еще не решили, из чего же его строить. То есть, они не только не приходят к согласию при объяснении своих находок, но и не знают, что же именно им следует объяснять»⁵⁶.

Проведем различие и обсудим относительные достоинства шести разных типов объяснения.

Типы объяснения

Обобщающие. Объяснению предшествует описание и классификация. Феномены, подлежащие объяснению, должны быть определены и названы. Можно ли классификацию как таковую считать объяснением — вопрос дискуссионный. В некоторых случаях — нет. Номиналисты⁵⁷ опровергали ложное мнение о том, что название подразумевает объяснение, как, например, в утверждении, что «свиньями этих животных назвали потому, что они грязные» или в примере Выготского⁵⁸: он упоминает крестьян, которые понимали, как ученые открывают новые звезды, но при этом удивлялись, откуда они узнают их названия. В художественной литературе подобный пример можно найти в «Мнимом

---

⁵⁴ James W. Pragmatism. N.Y.: Longman, 1907. P. 15, 16. [Рус. пер. см.: Джеймс У. Прагматизм. Новое название для некоторых старых методов мышления // Джеймс У. Воля к вере. М.: Республика, 1997. С. 221, 222. — *Ред.-сост.*]

⁵⁵ См.: Foss B.M. On taking sides // Bull. Br. Psychol. Soc. 1974. Vol. 27. P. 347—351.

⁵⁶ См.: Deutsch J.A. The Structural Basis of Behaviour. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

⁵⁷ Номинализм — средневековое философское учение, согласно которому общие понятия являются лишь именами единичных вещей, иначе говоря, не имеют онтологического значения, т.е. существуют только в мышлении людей. — *Ред.-сост.*

⁵⁸ Выготский Лев Семенович (1896—1934) — отечественный психолог, автор культурно-исторической теории развития высших психических функций. — *Ред.-сост.*

больном» Мольера, где автор высмеивает врача, который полагал, что причина наркотического эффекта опиума заключена в *virtus dormitiva*, т.е. в его наркотической силе. В психологии сходный случай использования понятия инстинкта критиковал, например, Филд⁵⁹. И совсем не очевидно, что преемнику этого понятия — влечению (*drive*) — удалось избежать той же участи. В таких случаях описание может быть тавтологичным⁶⁰. Классификация становится объяснительной, если содержит дополнительную независимую информацию. Рассмотрим пример: «Джон ходит на вечеринки, потому что он экстраверт». В том случае, когда посещение вечеринок является единственным способом определения экстраверта, т.е. посещать вечеринки — значит быть экстравертом, данное высказывание не будет объяснительным. Если же экстраверсия подразумевает другие дополнительные проявления: поведенческие (например, сравнительно большое количество невольных пауз при выполнении заданий на быстроту стука⁶¹), или физиологические (например, повышенное кортикальное торможение), то движение по кругу устраняется и данное высказывание становится объяснительным.

В качестве примеров обобщающих объяснений в психологии, когда какие-то события объясняют посредством их отнесения к классу событий, которому они принадлежат, можно привести объяснения необихевиористов в терминах редукции влечения (на недостатки которых указывал Дойч), и модели следования правилам, пользующиеся успехом у некоторых социальных психологов⁶².

Объяснения этого типа обращают внимание на важные аспекты поведения, а классификация является их необходимой предпосылкой, но они должны быть дополнены объяснениями других типов. Например, в случае модели следования правилам необходимо объяснить, как правила возникают, как они работают и какие факторы являются их причинами.

Функциональные. Следующим шагом может быть установление связей между событиями, т.е. их корреляций, например, между курением и раком, или весом и умственным возрастом⁶³ в первые годы жизни ребенка.

---

⁵⁹ См.: *Field G.C.* Faculty psychology and instinct psychology // *Mind*. 1921. Vol. 30. P. 257—270.

⁶⁰ Т.е. в данном случае описание как объяснение будет выражено другими словами, но, по сути, означает то же самое. — *Пед.-соцт.*

⁶¹ *Tapping tasks* — тест, в котором от испытуемого требуется быстро стучать по поверхности карандашом или подобным предметом. — *Пед.-соцт.*

⁶² См.: *Deutsch J.A.* The Structural Basis of Behaviour. Cambridge: Cambridge University Press, 1960; ср.: *Goffman L.* Recherches dialectiques. Paris: Gallimard, 1959; *Harre R., Secord P.F.* The Explanation of Social Behaviour. Oxford: Blackwell, 1972.

⁶³ *Умственный возраст* — уровень интеллектуального развития, определяемый стандартизованными тестами на интеллект; в случае среднестатистической нормы умственный возраст равен хронологическому, т.е. отсчитываемому с момента рождения. — *Пед.-соцт.*

Можно привести разные доводы в пользу существования только корреляционной, а не причинной связи. В философии Юма⁶⁴ доказывается, что в понятии причины нет никакой логической необходимости, и что это понятие может быть сведено к простой смежности событий во времени.

У нас нет никакого иного понятия о причине и следствии, кроме представления об определенных объектах, которые постоянно следуют друг за другом во времени и во всех прошлых случаях обнаруживались нераздельными. Постичь причину этого соединения мы не в состоянии. Мы только наблюдаем это как факт и всегда обнаруживаем, что в результате такого постоянного соединения эти объекты требуют объединения в нашем воображении⁶⁵.

Рассел⁶⁶ провел еще более критический анализ понятия причины⁶⁷. В физике пределы детерминизма устанавливает принцип неопределенности Гейзенберга⁶⁸. В нейрофизиологии Бернз говорит о существовании стохастических процессов⁶⁹, происходящих на клеточном уровне⁷⁰. В психологии вероятностные формулировки становятся велением времени (*order of the day*). Вероятность предполагает детерминизм, который нам пока еще не известен. Зависимость границ познания от познающего или от познаваемого — это интересный вопрос для обсуждения.

Одним из главных сторонников функционального подхода в психологии является Скиннер, который рассматривает функциональные отношения между стимулами и ответами как вполне достаточные для предсказания поведения и его управления. Он говорит: «Я не знаю почему (пища служит подкреплением для голодного животного) <...> и меня это не волнует»⁷¹. Другими примерами функциональных отношений являются закон Вебера—Фехнера и закон предпочтения Луса.

---

⁶⁴ Юм (*Hume*) Дейвид (1711—1776) — шотландский философ, историк и экономист. — *Ред.-сост.*

⁶⁵ Ссылка в оригинальном тексте отсутствует. — *Ред.-сост.*

⁶⁶ Рассел (*Russell*) Бертран (1872—1970) — английский философ, логик и математик. — *Ред.-сост.*

⁶⁷ См.: *Russell B.* On the notion of cause // *Proc. Aristotelian Soc.* 1912—1913. 1913. P. 1—26.

⁶⁸ Гейзенберг (*Heisenberg*) Вернер (1901—1976) — немецкий физик-теоретик, создатель квантовой механики.

<...> *принцип неопределенности Гейзенберга* — фундаментальное положение квантовой механики, согласно которому любая микрочастица не может одновременно обладать, например, определенной координатой и импульсом. — *Ред.-сост.*

⁶⁹ *Стохастический процесс* — процесс, характер изменения которого во времени точно предсказать невозможно. — *Ред.-сост.*

⁷⁰ См.: *Burns B.D.* The Uncertain Nervous System. L.: Edward Arnold, 1968.

⁷¹ См.: *Skinner B.F.* Behaviorism at fifty // *Behaviorism and Phenomenology* / T.W. Wann (Ed.). Chicago: Chicago University Press, 1964. P. 79—97.

Как уже говорилось в предыдущем разделе, преимущество функциональных теорий заключается в тесной связи с данными, но достижение большинства [стоящих перед исследователями. — *Ред.-сост.*] целей требует более сильных объяснений.

Причинные. Причинные объяснения проливают свет на данное событие с позиции какого-то события прошлого. Они эквивалентны действующим причинам Аристотеля⁷². Например, говорят: «Бильярдный шар начал двигаться, потому что по нему ударили кием». Многие считают, что в науке такие объяснения занимают самое высокое положение, но философы, как мы увидим, затрудняются дать им точное определение. Существенными компонентами, по-видимому, должны быть обусловленность и сочетаемость (*conditionality and relevance*). Так, появление события *Б* объясняется как результат предшествующего события *А*, которое является условием *Б*. *А* может быть достаточным условием *Б*, если помимо *А* возможны другие причины *Б*, или *А* может быть необходимым и достаточным условием, если кроме *А* нет возможных причин *Б*. Необходимое, но недостаточное условие само по себе причиной быть не может, например, когда *А* вызывает *Б* только в сочетании с *С*. Следует отметить, что эта зависимость является логической; она не предполагает никакой реальной или мистической силы.

Можно спорить о том, вызываются ли определенные события всегда одними и теми же причинами, или одни и те же следствия могут быть вызваны разными причинами в разных ситуациях, и может ли одно событие иметь одновременно множество причин. Строго говоря, с позиций детерминизма одна и та же причина должна всегда вызывать одно и то же следствие. Но кажется, что это противоречит здравому смыслу, который вполне допускает, например, что некая аномалия может быть обусловлена как недостатком кислорода во время рождения, так и позже случившимся инсультом. По-видимому, мы должны предположить, что здесь следствия либо различны по существу, либо обусловлены одним и тем же механизмом, проще говоря, одним и тем же видом повреждений головного мозга. Но последнее утверждение просто еще раз ставит ту же самую проблему (одних и тех же следствий и разных причин). В литературе описан случай, который можно интерпретировать как ошибочное заключение, сделанное на основании единственной причины. Уотсон⁷³, которому удалось последовательно устранить зрение, слух и осязание у крыс⁷⁴, сделал вы-

---

⁷² Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист; см. его текст на с. 198—211 наст. изд.

Аристотель выделял четыре основных начала, или основных причины всего существующего: материальную, формальную, действующую и целевую; например, при строительстве дома материей будут кирпичи, формой — план дома, действующей причиной — деятельность строителя, и целью — назначение дома. — *Ред.-сост.*

⁷³ Уотсон (*Watson*) Джон Бродес (1878—1958) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁷⁴ См.: *Watson J.B.* Kinaesthetic and organic sensations: their role in the reactions of the white rat to the maze // *Psychological Review*. 1907. Vol. 8. *Monograph Suppl.* Whole № 33. P. 1—100.

вод, что научение опосредствовано кинестетически⁷⁵, — основываясь на данных, что способность к научению при этом не пострадала ни у тренированных, ни у нетренированных крыс. Однако позже Лешли⁷⁶ сумел хирургическим путем устранить кинестетические ощущения, и хотя походка крыс стала необычной, им все-таки удалось научиться находить выход из лабиринта⁷⁷. Отсюда можно сделать вывод, что крысы могут использовать при научении любую чувственную модальность, которую экспериментатор великодушно им оставил, и/или что решающий фактор научения заключается в чем-то другом, как считал Толмен⁷⁸ и его последователи.

Возвращаясь к вопросу о множественной причинности, следует подчеркнуть, что нередко бывает ситуация предрасполагающих факторов и ускоряющих событий. Эту ситуацию можно проиллюстрировать на материале психических расстройств, указав, например, на роль наследственных и врожденных факторов в этиологии⁷⁹ шизофрении⁸⁰ и на роль социальных факторов в развитии депрессии⁸¹. Фрейд⁸², конечно, учитывал возможность избыточного детерминизма, т.е. одновременного появления двух событий, каждого из которых в отдельности было бы достаточно, чтобы вызвать определенное следствие, — например, инструкции открыть окно после пробуждения, данной в состоянии гипноза и, вдобавок к этому, духоты в комнате.

Рассел считал, что определение связи между причиной и следствием, от многих причин к одному следствию или от одной причины к множеству следствий зависит от точности и объема спецификации [т.е. описания конкретных условий. — *Ред.-сост.*]⁸³. Предполагаемая асимметрия между причиной и следствием является иллюзорной и получается в результате понимания причин точно и широко, а следствий — неопределенно и узко, что и позволяет говорить о множественности причин. Например, можно сказать, что многие предшествующие условия, определяемые точно и широко, «вызывали» смерть человека, определяемую [ввиду множественности причин. — *Ред.-сост.*] неопределенно

---

⁷⁵ Т.е. научение происходит на основе ощущений или сигналов обратной связи, получаемых благодаря раздражениям рецепторов мышц, сухожилий и связок. — *Ред.-сост.*

⁷⁶ Лешли (*Lashley*) Карл Спенсер (1890—1958) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁷⁷ См.: *Lashley K.S. Brain Mechanisms and Intelligence*. Chicago: University of Chicago Press, 1929.

⁷⁸ Толмен (*Tolman*) Эдуард Чейс (1886—1959) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁷⁹ *Этиология* — причины возникновения болезни или патологического состояния. — *Ред.-сост.*

⁸⁰ См.: *Mednick S. Breakdown in individuals at high risk for schizophrenia: possible predispositional and perinatal factors* // *Ment. Hyg.* 1970. Vol. 54. P. 50—63.

⁸¹ См.: *Brown G., Harris T. Social Origins of Depression*. L.: Tavistock, 1978. [*Депрессия* — подавленное, угнетенное состояние психики. — *Ред.-сост.*]

⁸² Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр. — *Ред.-сост.*

⁸³ См.: *Russell B. On the notion of cause* // *Proc. Aristotelian Soc.* 1912—1913. 1913. P. 1—26.

и [по какой-то одной, ближайшей причине. — *Ред.-сост.*] узко. Но возможен и противоположный ход рассуждения: например, можно сказать, что принятие дозы мышьяка, определяемой [в качестве конечной причины. — *Ред.-сост.*] неопределенно и узко [как единственной. — *Ред.-сост.*], пять минут спустя оказало влияние на состояние мира в целом, т.е. в данном случае наблюдалась множественность следствий.

Очевидно, что причинное объяснение потенциально подразумевает бесконечный регресс. Как в случае настырного ребенка, вопрос «почему?» может повторяться снова и снова. Считается, что для причинного объяснения достаточно ограничиться в этом бесконечном ряде ближайшей причиной. В зависимости от количества неизвестных факторов, расположенных между причиной и следствием, Комфорт предлагает различать, как он это сам обозначил, «жесткое» и «мягкое» причинное объяснение. Это может служить частичным ответом на вопрос, почему психологические объяснения нередко считаются более мягкими, чем физиологические.

Многие трудности причинного объяснения могут возникнуть из-за свойственной ему неопределенности. Рассел обсуждал трудность точного определения понятия причины⁸⁴. Она возникает из требования сопряженности во времени причины и следствия. Недоразумения происходят в результате как предположения о динамически изменяющихся причинах, когда решающая роль отводится ближайшему обстоятельству, изменение которого могло бы привести к изменению следствия, но могло бы и не привести, так и предположения о статических причинах, которые, если они вообще существуют, могли бы «запретить» следствие в какой-то случайный момент времени. Если причина и следствие не сопряжены во времени, то всегда возможно какое-то вмешательство, которое может предотвратить появление следствия. Когда предпосылки заданы вполне достаточно для того, чтобы можно было с определенной точностью рассчитать последствия, то эти предпосылки оказываются настолько сложными, что их повторение становится маловероятным.

Рассел приходит к заключению, что причинные объяснения полезны только на ранних стадиях развития науки. В период ее зрелости они вытесняются утверждениями о функциональных отношениях. Итак, мы можем сделать вывод, противоположный тому, который мог предполагаться вначале, будто бы утверждения относительно связи являются грубыми и скорее всего приблизительными формулировками, которые впоследствии освободят место для более сильных причинных объяснений; теперь мы пришли к обратному — причинные утверждения являются по сути неопределенными формулировками последовательных регулярностей, которые предшествуют более точным, математическим утверждениям о функциональной зависимости.

Структурные. Другим, в настоящее время популярным, подходом является объяснение в терминах механизмов. Это объяснение эквивалентно мате-

⁸⁴ См.: *Russell B. On the notion of cause // Proc. Aristotelian Soc. 1912—1913. 1913. P. 1—26.*

риальной причине по Аристотелю, объясняющей нечто на языке его структуры (*composition*). Существует два уровня такого объяснения, которые можно обозначить как мягкий и жесткий. Дойч предпочитает мягкий подход, сравнивая его с обобщающим объяснением, о котором говорилось выше:

Некое событие объясняется дедуктивно как свойство структуры, системы или механизма, а не как пример событий, принадлежащих к одному классу... Дело не в определенных свойствах частей, а только в тех общих связях частей друг с другом, которые придают данному механизму как целому свойства его функционирования... Эта весьма абстрактная система... может быть воплощена в теоретически бесконечном множестве физических аналогов... Располагая только этой системой или абстрактной структурой данного механизма, мы можем выводить его свойства и предсказывать его работу⁸⁵.

Эти подходы многое взяли из кибернетики, теории информации и программирования. Их можно представить как имеющие дело с программой, которая управляет поведением, и как использующие общепринятую форму описания изменений информационного потока. Примерами могут служить модель потребности Дойча и теория разрешения проблемных ситуаций Ньюэлла и Саймона. Дойч рекомендует этот структурный подход как срединный путь между тем, что он называет «диким позитивизмом» и «нейрофизиологизмом». Сила этого подхода заключается в его достаточности для предсказания поведения, а его преимущество состоит в том, что он обеспечивает связь с физиологией, которая, в конечном счете, открывает возможность дополнительных опытных проверок. Определенные понятия, взятые из кибернетики, типа понятия обратной связи, оказываются очень полезными для понимания поведения, а пришествие (*advent*) компьютерного моделирования приводит к демистификации и уточнению многих основных понятий психологии сознания, например, таких, как психика (*mind*). Однако это опять только один подход из многих, и ему явно не хватает той историчности, которой обладает причинный подход.

Телеологические. В противоположность причинным, телеологические или целевые объяснения проливают свет на данное событие с позиции некоторого события в будущем. Эти объяснения эквивалентны целевой причине Аристотеля. Как пишет Нагель⁸⁶, в этом случае в центре внимания оказывается следствие, а не причина⁸⁷. Поведение объясняется как происходящее для того, чтобы могло быть достигнуто какое-то будущее событие (цель). Например, говорят: «Цыпленок переходит дорогу, чтобы попасть на другую сторону», или:

⁸⁵ См.: Deutsch J.A. The Structural Basis of Behaviour. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.

⁸⁶ Нагель (*Nagel*) Эрнест (1901—1985) — американский философ. — *Ред.-сост.*

⁸⁷ См.: Nagel E. The Structure of Science. L.: Routledge and Kegan Paul, 1958.

«Человек переходит дорогу, чтобы купить сигареты». Нередко думают, что такую природу имеют обоснования теории эволюции, например, говорят: «Волосы встают дыбом, потому что это отпугивает врага». Это неверно, если подразумевает устранение причинного объяснения. Определенная форма поведения возникла в процессе эволюции, потому что представители вида, которые им обладали, выжили и произвели подобное себе потомство. В онтогенезе аналогичным примером может служить закон эффекта⁸⁸, который критиковали за то, что он опирается на прошлые, уже совершенные, действия: спрашивалось, каким образом состояние удовлетворения может усилить уже происшедшую связь. Но, конечно же, подкрепление влияет на вероятность повторного возникновения этой связи в будущем. Целевой аспект поведения подчеркивали многие психологи как в прошлом, в особенности Макдугалл⁸⁹, Толмен и Лешли, так и в более недавние времена, например Миллер, Галантер и Прибрам, которые считают обратную связь основной единицей поведения⁹⁰. Этот подход особенно уместен в тех случаях, когда одна и та же цель может достигаться разными средствами, и потому виды поведения классифицируются здесь по их целям, а не средствам. Гибкость поведения является одной из его важнейших отличительных характеристик, а для некоторых — определяющей характеристикой. Например, Питерз считает, что поведению обычно соответствуют целевые объяснения, а к причинным объяснениям следует прибегать только тогда, когда поведение становится в определенном смысле аномальным, например, при употреблении наркотиков или в случае навязчивых действий⁹¹. Сходно, Тейлор утверждает, что поскольку цель может быть достигнута различными средствами, причинные объяснения говорят о необходимых, а не о достаточных условиях поведения⁹². Однако ясно и то, что целевые объяснения совместимы с причинными.

Герменевтические. Методы герменевтики и *Verstehen* [понимание (нем.). — *Пед.-соцт.*] направлены на истолковывающее понимание. Некоторые авторы

---

⁸⁸ Закон эффекта в широкой формулировке утверждает, что происходящие во внешнем мире события отсеивают определенные виды поведения из всего потенциально безграничного множества видов поведения; виды поведения, приводящие к «хорошим вещам», повторяются, а к «плохим» — не повторяются. В первоначальной формулировке Э. Торндайка закон эффекта как закон подкрепления устанавливал принцип научения новым формам поведения. — *Пед.-соцт.*

⁸⁹ Макдугалл (*McDougall*) Уильям (1871—1938) — англо-американский психолог; см. его текст на с. 281—283 наст. изд. — *Пед.-соцт.*

⁹⁰ См.: *Miller G.A., Galanter E., Pribram K.* Plans and the Structure of Behavior. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1960. [Рус. пер. см.: *Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М.: Прогресс, 1965. — *Пед.-соцт.*]

⁹¹ См.: *Peters R.S.* The Concept of Motivation. L.: Routledge and Kegan Paul, 1958. [*Навязчивые действия* — частые неконтролируемые субъектом импульсы к выполнению какого-нибудь стереотипного, не обоснованного разумно действия. Могут привести, например, к тому, что человек будет до ста раз в день мыть руки. — *Пед.-соцт.*]

⁹² См.: *Taylor C.* The Explanation of Behaviour. L.: Routledge and Kegan Paul, 1964.

считают, что эти методы, в отличие от причинного объяснения, более подходят для общественных наук. Полагаясь на эмпатическую интуицию и анализ понятий, они стремятся понять смысл действий через ту роль, которую эти действия играют в более крупных системах, например, в обществе, и объяснить связь событий, корреляция которых в противном случае должна была бы приводить в состояние недоумения. Классическим примером является проведенный Вебером⁹³ анализ связи между протестантской этикой и экономической предприимчивостью. На этом типе объяснения во многом строится подход Харре и Секорда в терминах правил и ролей, а также подход Голда и Шоттера, базирующийся на разделяемых смыслах⁹⁴. Эти подходы направлены на достижение эмпатического, интуитивного понимания, а не того понимания, которое открывает возможность дедуктивных предсказаний. Эйбел считает, что этот подход полезен на стадии формулирования гипотез, но заменить собой последующую опытную проверку он не может⁹⁵.

Выводы

Мы выделили объяснения событий путем их отнесения к классам более высокого уровня обобщения, и объяснения, которые основаны на представлениях о системе, механизмах и возможном материальном строении. Другие объяснения стремятся к установлению связей между событиями, т.е. событие объясняется либо через его предпосылки (причинное объяснение), либо через его следствия (телеологическое объяснение), либо через определение отношения функциональной зависимости в точных терминах математики. Кроме того, некоторые подходы стремятся к пониманию, которое основано на эмпатической интуиции и разделяемом смысле и не нацелено на предсказание.

---

⁹³ Вебер (*Weber*) Макс (1864—1920) — немецкий социолог, историк, экономист и юрист; см. его текст на с. 18—32 наст. изд. — *Ред.-сост.*

⁹⁴ См.: *Harre R., Secord P.F. The Explanation of Social Behaviour. Oxford: Blackwell, 1972; Gauld A., Shotter J. Human Action and Its Psychological Investigation. L.: Routledge and Kegan Paul, 1977.*

⁹⁵ См.: *Abel T. The operation called *Verstehen* // Am. J. Sociol. 1948. Vol. 54. P. 211—218.*

Т. Кун

[Нормальная наука и научные революции]*

В данном очерке термин «нормальная наука» означает исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений — достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности. В наши дни такие достижения излагаются, хотя и редко в их первоначальной форме, учебниками — элементарными или повышенного типа. Эти учебники разъясняют сущность принятой теории, иллюстрируют многие или все ее удачные применения и сравнивают эти применения с типичными наблюдениями и экспериментами. До того как подобные учебники стали общераспространенными, что произошло в начале XIX столетия (а для вновь формирующихся наук даже позднее), аналогичную функцию выполняли знаменитые классические труды ученых: «Физика» Аристотеля¹, «Альмагест» Птолемея², «Начала» и «Оптика» Ньютона³, «Электричество» Франклина⁴, «Химия» Лавуазье⁵, «Геология» Лайеля⁶ и многие другие. Долгое время они неявно оп-

---

* Кун Т. Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 34—35, 36, 49—51, 62, 63, 64 — 66, 83, 99, 112—113, 121—122, 127—128, 129, 151—152, 196—197, 205—206.

¹ Аристотель (384—322 до н.э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист; см. его текст на с. 198—211 наст. изд. — *Пед.-сост.*

² Птолемей Клавдий (ок. 90—ок. 160) — древнегреческий ученый, разработавший математическую теорию движения планет вокруг неподвижной Земли. — *Пед.-сост.*

³ Ньютон (*Newton*) Исаак (1643—1727) — английский математик, астроном и физик, создатель классической механики. — *Пед.-сост.*

⁴ Франклин (*Franklin*) Бенджамин (1706—1790) — американский просветитель, государственный деятель, ученый, один из авторов Декларации независимости (1776) и Конституции США (1787). — *Пед.-сост.*

⁵ Лавуазье (*Lavoisier*) Антуан Лоран (1743—1794) — французский химик, один из основоположников современной химии. — *Пед.-сост.*

⁶ Лайель (*Lyell*) Чарлз (1797—1875) — английский естествоиспытатель, один из основоположников актуализма в геологии. — *Пед.-сост.*

ределяли правомерность проблем и методов исследования каждой области науки для последующих поколений ученых. Это было возможно благодаря двум существенным особенностям этих трудов. Их создание было в достаточной мере беспрецедентным, чтобы привлечь на длительное время группу сторонников из конкурирующих направлений научных исследований. В то же время они были достаточно открытыми, чтобы новые поколения ученых могли в их рамках найти для себя нерешенные проблемы любого вида.

Достижения, обладающие двумя этими характеристиками, я буду называть далее «парадигмами», термином, тесно связанным с понятием «нормальной науки». Вводя этот термин, я имел в виду, что некоторые общепринятые примеры фактической практики научных исследований — примеры, которые включают закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование, — все в совокупности дают нам модели, из которых возникают конкретные традиции научного исследования. Таковы традиции, которые историки науки описывают под рубриками «астрономия Птолемея (или Коперника⁷)», «аристотелевская (или ньютонианская) динамика», «корпускулярная (или волновая) оптика» и так далее. Изучение парадигм, в том числе парадигм гораздо более специализированных, чем названные мною здесь в целях иллюстрации, является тем, что главным образом и подготавливает студента к членству в том или ином научном сообществе. Поскольку он присоединяется таким образом к людям, которые изучали основы их научной области на тех же самых конкретных моделях, его последующая практика в научном исследовании не часто будет обнаруживать резкое расхождение с фундаментальными принципами. Ученые, научная деятельность которых строится на основе одинаковых парадигм, опираются на одни и те же правила и стандарты научной практики. Эта общность установок и видимая согласованность, которую они обеспечивают, представляют собой предпосылки для нормальной науки, т.е. для генезиса и преемственности в традиции того или иного направления исследования. <...>

Формирование парадигмы и появление на ее основе более эзотерического типа исследования является признаком зрелости развития любой научной дисциплины. <...>

В своем установившемся употреблении понятие парадигмы означает принятую модель или образец; именно этот аспект значения слова «парадигма» за неимением лучшего позволяет мне использовать его здесь. Но, как вскоре будет выяснено, смысл слов «модель» и «образец», подразумевающих соответствие объекту, не полностью покрывает определение парадигмы. В грамматике, например, *amo, amas, amat* [люблю, любишь, любит (лат.). — *Ред.-сост.*] есть парадигма, поскольку эту модель можно использовать как образец, по которому спрягается большое число латинских глаголов: например, таким же образом можно образовать формы *laudo, laudas, laudat* [хвалю, хвалишь, хвалит

---

⁷ Коперник (*Kopernik, Copernicus*) Николай (1473—1543) — польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира. — *Ред.-сост.*

(лат.). — *Ред.-сост.*] и т.д. В этом стандартном применении парадигма функционирует в качестве разрешения на копирование примеров, каждый из которых может в принципе ее заменить. В науке, с другой стороны, парадигма редко является объектом копирования. Вместо этого, подобно принятому судом решению в рамках общего закона, она представляет собой объект для дальнейшей разработки и конкретизации в новых или более трудных условиях.

Чтобы увидеть, как это оказывается возможным, нам следует представить, насколько ограниченной и по охвату, и по точности может быть иногда парадигма в момент своего появления. Парадигмы приобретают свой статус потому, что их использование приводит к успеху скорее, чем применение конкурирующих с ними способов решения некоторых проблем, которые исследовательская группа признает в качестве наиболее остро стоящих. Однако успех измеряется не полной удачей в решении одной проблемы и не значительной продуктивностью в решении большого числа проблем. Успех парадигмы, будь то аристотелевский анализ движения, расчеты положения планет у Птолемея, применение весов Лавуазье или математическое описание электромагнитного поля Максвеллом⁸, вначале представляет собой в основном открывающуюся перспективу успеха в решении ряда проблем особого рода. Заранее неизвестно исчерпывающе, каковы будут эти проблемы. Нормальная наука состоит в реализации этой перспективы по мере расширения частично намеченного в рамках парадигмы знания о фактах. Реализация указанной перспективы достигается также благодаря все более широкому сопоставлению этих фактов с предсказаниями на основе парадигмы и благодаря дальнейшей разработке самой парадигмы.

Немногие из тех, кто фактически не принадлежит к числу исследователей в русле зрелой науки, осознают, как много будничной работы такого рода осуществляется в рамках парадигмы или какой привлекательной может оказаться такая работа. А это следовало бы понимать. Именно наведением порядка занято большинство ученых в ходе их научной деятельности. Вот это и составляет то, что я называю здесь нормальной наукой. При ближайшем рассмотрении этой деятельности (в историческом контексте или в современной лаборатории) создается впечатление, будто бы природу пытаются «втиснуть» в парадигму, как в заранее сколоченную и довольно тесную коробку. Цель нормальной науки ни в коей мере не требует предсказания новых видов явлений: явления, которые не вмещаются в эту коробку, часто, в сущности, вообще упускаются из виду. Ученые в русле нормальной науки не ставят себе цели создания новых теорий, обычно к тому же они нетерпимы и к созданию таких теорий другими⁹. Напротив, исследование в нормальной науке направлено на разработку тех явлений и теорий, существование которых парадигма заведомо предполагает.

---

⁸ Максвелл (*Maxwell*) Джеймс Клерк (1831—1879) — английский физик, создатель классической электродинамики. — *Ред.-сост.*

⁹ См.: *Barber B. Resistance by scientists to scientific discovery // Science. 1961. Vol. CXXXIV. P. 596—602.*

Возможно, что это следует отнести к числу недостатков. Конечно, области, исследуемые нормальной наукой, невелики, и все предприятие нормального исследования, которое мы сейчас обсуждаем, весьма ограничено. Но эти ограничения, рождающиеся из уверенности в парадигме, оказываются существенными для развития науки. Концентрируя внимание на небольшой области относительно эзотерических проблем, парадигма заставляет ученых исследовать некоторый фрагмент природы так детально и глубоко, как это было бы немыслимо при других обстоятельствах. <...>

Три класса проблем — установление значительных фактов, сопоставление фактов и теории, разработка теории — исчерпывают, как я думаю, поле нормальной науки, как эмпирической, так и теоретической. Они, разумеется, не исчерпывают всю научную проблематику без остатка. Существуют также экстраординарные проблемы, и, вероятно, именно их правильное разрешение делает научные исследования в целом особенно ценными. Но экстраординарные проблемы не должны нас здесь особенно волновать. Они возникают лишь в особых случаях, к которым приводит развитие нормального научного исследования. Поэтому подавляющее большинство проблем, поднятых даже самыми выдающимися учеными, обычно охватывается тремя категориями, указанными выше. Работа в рамках парадигмы не может протекать иначе, а отказаться от парадигмы значило бы прекратить те научные исследования, которые она определяет. <...>

Возможно, что самая удивительная особенность проблем нормальной науки <...> состоит в том, что они в очень малой степени ориентированы на крупные открытия, будь то открытие новых фактов или создание новой теории. <...>

Но если цель нормальной науки не в том, чтобы внести какие-либо крупные, значительные новшества, если тщетная попытка достигнуть ожидаемых результатов или приблизиться к ним является обычно неудачей ученого, то почему все-таки нормальная наука рассматривает и решает свои проблемы? Частично мы уже ответили на этот вопрос. Для ученого результаты научного исследования значительны уже по крайней мере потому, что они расширяют область и повышают точность применения парадигмы. Однако этот ответ не может объяснить те энтузиазм и увлеченность, которые свойственны ученым, работающим над проблемами нормального исследования. Никто не затрачивает годы, скажем, на создание усовершенствованного спектрометра или на более точное решение проблемы колебания струны в силу одной лишь важности информации, которая при этом приобретается. Данные, получаемые при подсчете эфемерид¹⁰ или при дополнительных измерениях с помощью имеющихся инструментов, часто столь же значительны, но подобная деятельность по-

---

¹⁰ *Эфемериды* — астрономические таблицы заранее вычисленных положений небесных светил на определенные дни года или таблицы моментов каких-либо закономерных астрономических явлений. — *Ред.-сост.*

стоянно отвергается учеными с презрением, потому что представляет собой в основном просто повторение процедуры, разработанной уже ранее. Этот отказ дает разгадку всей привлекательности проблем нормальной науки. Хотя ее результаты могут быть предсказаны — причем настолько детально, что все оставшееся неизвестным само по себе уже теряет интерес, — сам способ получения результата остается в значительной мере сомнительным. Завершение проблемы нормального исследования — разработка нового способа предсказания, а она требует решения всевозможных сложных инструментальных, концептуальных и математических задач-головоломок. Тот, кто преуспевает в этом, становится специалистом такого рода деятельности, и стимулом его дальнейшей активности служит жажда решения новых задач-головоломок.

Термины «задача-головоломка» и «специалист по решению задач-головоломок» имеют первостепенное значение для многих вопросов, которые будут в центре нашего внимания на следующих страницах. Задачи-головоломки — в самом обычном смысле, подразумеваемом в данном случае, — представляют собой особую категорию проблем, решение которых может служить пробным камнем для проверки таланта и мастерства исследователя. Словарными иллюстрациями к слову могут служить «составная фигура-головоломка» и «головоломка-кроссворд». У этих головоломок есть характерные черты, общие с нормальной наукой, черты, которые мы должны теперь выделить. Одна из них только что упоминалась. Но она не является критерием доброкачественной головоломки, показателем того, что ее решение может быть само по себе интересным или важным. Напротив, действительно неотложные проблемы, например поиски средства против рака или создание прочного мира на земле, часто вообще не являются головоломками главным образом потому, что их решение может полностью отсутствовать. Рассмотрим «составную фигуру-головоломку», элементы которой взяты наугад из двух разных коробок с головоломками. Поскольку эта проблема, вероятно, должна таить в себе непреодолимые трудности (хотя их может и не быть) даже для самых изобретательных людей, она не может служить проверкой мастерства в решении головоломок. В любом обычном смысле ее вообще нельзя назвать головоломкой. Хотя собственная ценность не является критерием головоломки, существование решения является таким критерием.

Мы уже видели, однако, что, овладевая парадигмой, научное сообщество получает по крайней мере критерий для выбора проблем, которые могут считаться в принципе разрешимыми, пока эта парадигма принимается без доказательства. В значительной степени это только те проблемы, которые сообщество признает научными или заслуживающими внимания членов данного сообщества. Другие проблемы, включая многие считавшиеся ранее стандартными, отбрасываются как метафизические, как относящиеся к компетенции другой дисциплины или иногда только потому, что они слишком сомнительны, чтобы тратить на них время. Парадигма в этом случае может даже изолировать сообщество от тех социально важных проблем, которые нельзя свести к типу головоломок,

поскольку их нельзя представить в терминах концептуального и инструментального аппарата, предполагаемого парадигмой. Такие проблемы рассматриваются лишь как отвлекающие внимание исследователя от подлинных проблем, что очень наглядно иллюстрируется различными аспектами бэконовского подхода XVII в. и некоторыми современными социальными науками. Одна из причин, в силу которой нормальная наука кажется прогрессирующей такими быстрыми темпами, заключается в том, что ученые концентрируют внимание на проблемах, решению которых им может помешать только недостаток собственной изобретательности. <...>

Нормальная наука, деятельность по решению головоломок, которую мы только что рассмотрели, представляет собой в высшей степени кумулятивное предприятие, необычайно успешное в достижении своей цели, т.е. в постоянном расширении пределов научного знания и в его уточнении. Во всех этих аспектах она весьма точно соответствует наиболее распространенному представлению о научной работе. Однако один из стандартных видов продукции научного предприятия здесь упущен. Нормальная наука не ставит своей целью нахождение нового факта или теории, и успех в нормальном научном исследовании состоит вовсе не в этом. Тем не менее новые явления, о существовании которых никто не подозревал, вновь и вновь открываются научными исследованиями, а радикально новые теории опять и опять изобретаются учеными. История даже наводит на мысль, что научное предприятие создало исключительно мощную технику для того, чтобы преподносить сюрпризы подобного рода. Если эту характеристику науки нужно согласовать с тем, что уже было сказано, тогда исследование, использующее парадигму, должно быть особенно эффективным стимулом для изменения той же парадигмы. Именно это и делается новыми фундаментальными фактами и теориями. Они создаются непреднамеренно в ходе игры по одному набору правил, но их восприятие требует разработки другого набора правил. <...>

После того как открытие [новых явлений. — *Ред.-сост.*] осознано, ученые получают возможность объяснять более широкую область природных явлений или рассматривать более точно некоторые из тех явлений, которые были известны ранее. Но этот прогресс достигался только путем отбрасывания некоторых прежних стандартных убеждений или процедур, а также путем замены этих компонентов предыдущей парадигмы другими. <...>

Допустим теперь, что кризисы являются необходимой предпосылкой возникновения новых теорий, и посмотрим затем, как ученые реагируют на их существование. Частичный ответ, столь же очевидный, сколь и важный, можно получить, рассмотрев сначала то, чего ученые никогда не делают, сталкиваясь даже с сильными и продолжительными аномалиями. Хотя они могут с этого момента постепенно терять доверие к прежним теориям и затем задумываться об альтернативах для выхода из кризиса, тем не менее они никогда не отказываются легко от парадигмы, которая ввергла их в кризис. Иными словами, они не рассматривают аномалии как контрпримеры, хотя в словаре фило-

софии науки они являются именно таковыми. Частично это наше обобщение представляет собой просто констатацию исторического факта, основывающуюся на примерах, подобных приведенным выше и более пространных, изложенных ниже. В какой-то мере это дает представление о том, что наше дальнейшее исследование отказа от парадигмы раскроет более полно: достигнув однажды статуса парадигмы, научная теория объявляется недействительной только в том случае, если альтернативный вариант пригоден к тому, чтобы занять ее место. Нет еще ни одного процесса, раскрытого изучением истории научного развития, который в целом напоминал бы методологический стереотип опровержения теории посредством ее прямого сопоставления с природой. Это утверждение не означает, что ученые не отказываются от научных теорий или что опыт и эксперимент не важны для такого процесса опровержения. Но это означает (в конечном счете данный момент будет центральным звеном), что вынесение приговора, которое приводит ученого к отказу от ранее принятой теории, всегда основывается на чем-то большем, нежели сопоставление теории с окружающим нас миром. Решение отказаться от парадигмы всегда одновременно есть решение принять другую парадигму, а приговор, приводящий к такому решению, включает как сопоставление обеих парадигм с природой, так и сравнение парадигм друг с другом. <...>

Переход от парадигмы в кризисный период к новой парадигме, от которой может родиться новая традиция нормальной науки, представляет собой процесс далеко не кумулятивный и не такой, который мог бы быть осуществлен посредством более четкой разработки или расширения старой парадигмы. Этот процесс скорее напоминает реконструкцию области на новых основаниях, реконструкцию, которая изменяет некоторые наиболее элементарные теоретические обобщения в данной области, а также многие методы и приложения парадигмы. В течение переходного периода наблюдается большое, но никогда не полное совпадение проблем, которые могут быть решены и с помощью старой парадигмы, и с помощью новой. Однако тем не менее имеется разительное отличие в способах решения. К тому времени, когда переход заканчивается, ученый-профессионал уже изменит свою точку зрения на область исследования, ее методы и цели. Один наблюдательный историк, рассмотревший классический случай переориентировки вследствие изменения парадигмы, недавно писал, что для этого нужно «дотянуться до другого конца палки», поскольку это процесс, который включает «трактовку того же самого набора данных, который был и раньше, но теперь их нужно разместить в новой системе связей друг с другом, изменяя всю схему»¹¹. <...>

Новая парадигма или подходящий для нее вариант, обеспечивающий дальнейшую разработку, возникает всегда сразу, иногда среди ночи, в голове человека, глубоко втянутого в водоворот кризиса. Какова природа этой конечной стадии — как индивидуум открывает (или приходит к выводу, что он открыл)

¹¹ См.: *Butterfield H. The Origins of Modern Science, 1300—1800. L., 1949. P. 1—7.*

новый способ упорядочения данных, которые теперь все оказываются объединенными, — этот вопрос приходится оставить здесь не рассмотренным, и, может быть, навсегда. Отметим здесь только один момент, касающийся этого вопроса. Почти всегда люди, которые успешно осуществляют фундаментальную разработку новой парадигмы, были либо очень молодыми, либо новичками в той области, парадигму которой они преобразовали¹². И, возможно, этот пункт не нуждается в разъяснении, поскольку, очевидно, они, будучи мало связаны предшествующей практикой с традиционными правилами нормальной науки, могут скорее всего видеть, что правила больше не пригодны, и начинают подбирать другую систему правил, которая может заменить предшествующую.

В результате переход к новой парадигме является научной революцией — тема, к которой мы после долгого пути наконец готовы непосредственно перейти. <...>

Что такое научные революции и какова их функция в развитии науки? Большая часть ответов на эти вопросы была предвосхищена в предыдущих разделах. В частности, предшествующее обсуждение показало, что научные революции рассматриваются здесь как такие некумулятивные эпизоды развития науки, во время которых старая парадигма замещается целиком или частично новой парадигмой, несовместимой со старой. <...>

Историк науки может поддаться искушению и сказать, что когда парадигмы меняются, вместе с ними меняется сам мир. Увлекаемые новой парадигмой ученые получают новые средства исследования и изучают новые области. Но важнее всего то, что в период революций ученые видят новое и получают иные результаты даже в тех случаях, когда используют обычные инструменты в областях, которые они исследовали до этого. Это выглядит так, как если бы профессиональное сообщество было перенесено в один момент на другую планету, где многие объекты им незнакомы, да и знакомые объекты видны в ином свете. Конечно, в действительности все не так: нет никакого переселения в географическом смысле; вне стен лаборатории повседневная жизнь идет своим чередом. Тем не менее изменение в парадигме вынуждает ученых видеть мир их исследовательских проблем в ином свете. Поскольку они видят этот мир не иначе, как через призму своих воззрений и дел, постольку у нас может возникнуть желание сказать, что после революции ученые имеют дело с иным миром.

---

¹² Это обобщение о роли молодости в фундаментальном научном исследовании настолько общеизвестно, что превратилось в штамп. Более того, достаточно взглянуть почти в любой список фундаментальных достижений в научной теории, чтобы это впечатление усилилось. Тем не менее это обобщение очень нуждается в систематическом исследовании. Г. Леман (см.: *Lehman H.C. Age and Achievement. Princeton, 1953*) приводит много любопытных данных, но он не пытается в своей работе назвать исследователей, которые участвовали в концептуальном перевооружении науки. Кроме того, в его работах не рассматриваются особые обстоятельства, если они все-таки есть, которые способствуют продуктивности ученых в более старшем возрасте.

Элементарные прототипы для этих преобразований мира ученых убедительно представляют известные демонстрации с переключением зрительного гештальта. То, что казалось ученому уткой до революции, после революции оказывалось кроликом. Тот, кто сперва видел наружную стенку коробки, глядя на нее сверху, позднее видел ее внутреннюю сторону, если смотрел снизу. Трансформации, подобные этим, хотя обычно и более постепенные и почти необратимые, всегда сопровождают научное образование. Взглянув на контурную карту, студент видит линии на бумаге, картограф — картину местности. Посмотрев на фотографию, сделанную в пузырьковой камере, студент видит перепутанные и ломаные линии, физик — снимок известных внутриядерных процессов. Только после ряда таких трансформаций видения студент становится «жителем» научного мира, видит то, что видит ученый, и реагирует на это так, как реагирует ученый. Однако мир, в который студент затем входит, не представляет собой мира, застывшего раз и навсегда. Этому препятствует сама природа окружающей среды, с одной стороны, и науки — с другой. Скорее он детерминирован одновременно и окружающей средой, и соответствующей традицией нормальной науки, следовать которой студент научился в процессе образования. Поэтому во время революции, когда начинает изменяться нормальная научная традиция, ученый должен научиться заново воспринимать окружающий мир — в некоторых хорошо известных ситуациях он должен научиться видеть новый гештальт. Только после этого мир его исследования будет казаться в отдельных случаях несовместимым с миром, в котором он «жил» до сих пор. <...>

Именно потому, что это есть переход между несовместимыми структурами, переход между конкурирующими парадигмами не может быть осуществлен постепенно, шаг за шагом посредством логики и нейтрального опыта. Подобно переключению гештальта, он должен произойти сразу (хотя не обязательно в один прием) или не произойти вообще.

Дальше возникает вопрос, как ученые убеждаются в необходимости осуществить такую переориентацию. Частично ответ состоит в том, что очень часто они вовсе не убеждаются в этом. Коперниканское учение приобрело лишь немногих сторонников в течение почти целого столетия после смерти Коперника. Работа Ньютона не получила всеобщего признания, в особенности в странах континентальной Европы, в продолжение более чем 50 лет после появления «Начал»¹³. Пристли¹⁴ никогда не принимал кислородной теории горения, так же как лорд Кельвин¹⁵ не принял электромагнитной теории и т.д.

---

¹³ См.: *Cohen I.B.* Franklin and Newton: An Inquiry into Speculative Newtonian Experimental Science and Franklin's Work in Electricity as an Example Thereof. Philadelphia, 1956. P. 93—94.

¹⁴ Пристли (*Pristley*) Джозеф (1733—1804) — английский химик и философ. — *Ред.-сост.*

¹⁵ Кельвин (Томсон, *Thomson*) Уильям (1824—1907) — английский физик, один из основоположников термодинамики. — *Ред.-сост.*

Трудности новообращения часто отмечались самими учеными. Дарвин¹⁶ особенно прочувствованно писал в конце книги «Происхождение видов»: «Хотя я вполне убежден в истине тех воззрений, которые изложены в этой книге в форме краткого обзора, я никоим образом не надеюсь убедить опытных натуралистов, умы которых переполнены массой фактов, рассматриваемых ими в течение долгих лет с точки зрения, прямо противоположной моей... Но я смотрю с доверием на будущее, на молодое возникающее поколение натуралистов, которое будет в состоянии беспристрастно взвесить обе стороны вопроса»¹⁷. А Макс Планк, описывая свою собственную карьеру в «Научной автобиографии», с грустью замечал, что «новая научная истина прокладывает дорогу к триумфу не посредством убеждения оппонентов и принуждения их видеть мир в новом свете, но скорее потому, что ее оппоненты рано или поздно умирают и вырастает новое поколение, которое привыкло к ней»¹⁸.

Эти и другие подобные факты слишком широко известны, чтобы была необходимость останавливаться на них и дальше. Но они нуждаются в переоценке. В прошлом они очень часто использовались, чтобы показать, что ученые, которым не чуждо ничто человеческое, не всегда могут признавать свои заблуждения, даже когда сталкиваются с сильными доводами. Я скорее сказал бы, что дело здесь не в доводах и ошибках. Переход от признания одной парадигмы к признанию другой есть акт «обращения», в котором не может быть места принуждению. Пожизненное сопротивление, особенно тех, чьи творческие биографии связаны с долгом перед старой традицией нормальной науки, не составляет нарушения научных стандартов, но является характерной чертой природы научного исследования самого по себе. Источник сопротивления лежит в убежденности, что старая парадигма в конце концов решит все проблемы, что природу можно втиснуть в те рамки, которые обеспечиваются этой парадигмой. Неизбежно, что в моменты революции такая убежденность кажется тупой и никчемной, как в действительности иногда и оказывается. Но сказать это было бы недостаточно. Та же самая убежденность делает возможной нормальную науку или разрешение головоломок. И только по пути нормальной науки следует профессиональное сообщество ученых, сначала в разработке потенциальных возможностей старой парадигмы, а затем в выявлении трудностей, в процессе изучения которых может возникать новая парадигма.

И все же сказать, что сопротивление является неминуемым и закономерным, что изменение парадигмы не может быть оправдано тем или иным

---

¹⁶ Дарвин (*Darwin*) Чарлз Роберт (1809—1882) — английский натуралист, основоположник эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. — *Ред.-сост.*

¹⁷ Дарвин Ч. Происхождение видов. М.: Гос. изд-во сельскохозяйств. литературы, 1952. С. 444.

¹⁸ Planck M. Scientific Autobiography and Other Papers. N.Y., 1949. P. 33—34.

доводом, не значит говорить, что ни один аргумент не приемлем и что ученых невозможно убедить в необходимости изменения их образа мышления. <...>

В самом начале новый претендент на статус парадигмы может иметь очень небольшое число сторонников, и в отдельных случаях их мотивы могут быть сомнительными. Тем не менее если они достаточно компетентны, то они будут улучшать парадигму, изучать ее возможности и показывать, во что превратится принцип принадлежности к данному научному сообществу в случае, если оно начнет руководствоваться новой парадигмой. По мере развития этого процесса, если парадигме суждено добиться победы в сражении, число и сила убеждающих аргументов в ее пользу будет возрастать. Многие ученые тогда будут приобщаться к новой вере, а дальнейшее исследование новой парадигмы будет продолжаться. Постепенно число экспериментов, приборов, статей и книг, опирающихся на новую парадигму, будет становиться все больше и больше. Все большее число ученых, убедившись в плодотворности новой точки зрения, будут усваивать новый стиль исследования в нормальной науке, до тех пор пока наконец останется лишь незначительное число приверженцев старого стиля. Но даже о них мы не можем сказать, что они ошибаются.

К. Мадсен

[Метауровень научных текстов]*

Мы начнем с рассмотрения метауровня, т.е. своего рода *упаковки*, которая *полностью обволакивает* и в известной степени определяет формы обсуждения на двух других уровнях [гипотез и данных. — *Ред.-сост.*]. Положения, формулируемые на уровне данных, отчасти определяются и наблюдаемыми фактами. Кроме того, уровень фактических данных может по механизму обратной связи *корректировать* уровень гипотез и вслед за ним метауровень. Таким образом всеохватывающая функция обволакивающего метауровня изменяется, и благодаря переформулировкам на уровнях гипотез и данных происходит дополнительное его уточнение. Это *взаимодействие между философской всеохватывающей «оболочкой» и теми поправками, которые вносят эмпирические исследования, и лежит в основе развития науки.*

Как говорилось выше, положения, относимые к метауровню, могут быть разделены на две категории.

1. Метоположения о *мире* (*Weltanschauung*¹, метафизика или онтология).
2. Метоположения о *науке* (концепция и философия науки).

Эти две категории метоположений, конечно, взаимосвязаны, но онтологические положения² будут обсуждаться в первую очередь, так как именно они зачастую имплицитно³ определяют положения, относящиеся к философии науки.

---

* *Madsen K.B.* A History of Psychology in Metascientific Perspective. North-Holland, Amsterdam etc.: Elsevier Science Publ. Com. Inc., 1988. P. 30—31, 34—35. (*Перевод В.В. Петухова.*)

¹ *Weltanschauung* — мировоззрение (нем.). — *Ред.-сост.*

² *Онтологические положения* — философские утверждения относительно бытия, его основ, принципов, структуры и закономерностей. — *Ред.-сост.*

³ *Имплицитный* — подразумеваемый, явно не выраженный; напротив, *эксплицитный* — имеющий открытое выражение. — *Ред.-сост.*

Онтологические метаположения

Эта область метауровня обычно либо подразумевается, либо формулируется лишь отчасти вследствие господства в течение нескольких десятилетий своеобразной философии науки — логического позитивизма⁴. Собственно «мета-физика» в логическом позитивизме считалась ненаучной (или просто бессмысленной), и в результате подобными проблемами не занимались ни психологи, ни другие исследователи, подверженные влиянию логического позитивизма. Тем не менее, даже в течение этого периода психологи, конечно, имели определенное мировоззрение, которое без его осознания и открытого выражения «обволакивало сверху» создание теорий и проведение исследований. Самой важной частью (имплицитной или эксплицитной) мировоззрения психологов является *концепция человека*. Маслоу⁵ утверждал, что именно в этом психологам не хватает самоосознания (рефлексии), и поэтому данный аспект их философии невозможно ни критиковать, ни пересматривать⁶. Но так как возможность постоянной критики является существенной предпосылкой развития наук, важно, чтобы *все* исходные философские представления были осознаны и формулировались эксплицитно. Поэтому явное или скрытое *Weltanschauung* будет включено в последующий сравнительный анализ теорий. Для *систематического* сравнения разных психологических теорий нам понадобится *система классификации* различных *онтологических* метаположений. Эта система классификации, или *систематизациология*⁷, составляет важную часть нашей сравнительной метатеории и включает, помимо прочего, следующие три классификации.

1. Концепция человека. Предварительная классификация общих представлений о человеке такова:

- а) *биологическая* концепция, в которой человек рассматривается исключительно или преимущественно как продукт видового биологического развития;
- б) *социальная* концепция, в которой человек рассматривается исключительно или преимущественно как продукт развития общества;
- в) *гуманистическая* концепция, в которой человек рассматривается исключительно или преимущественно как продукт культуры, создаваемой им самим.

Эти три категории можно рассматривать как части континуума, который начинается с биологического и заканчивается социальным и гуманистическим пониманием человека.

---

⁴ *Логический позитивизм* — философское течение неопозитивизма, возникшее в 20-е гг. XX в. — *Ред.-сост.*

⁵ Маслоу (*Maslow*) Эйбрахам Харолд (1908—1970) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁶ См.: *Maslow A.H. The Psychology of Science: A Reconnaissance*. N.Y.: Harper and Row, 1966.

⁷ См.: *Madsen K.B. Systematologi: Sammenlignende Videnskabsteori for Psykologer o.a.* Kobenhavn: Munksgard, 1975.

2. Психофизическая теория. Очень важный раздел концепции человека и мира в целом рассматривает отношение между душой и телом, или, точнее, — между сознанием и головным мозгом. Эта вечная философская проблема была названа мировой загадкой⁸. Для ее разрешения во все времена предлагалось немало философских теорий. В последние несколько десятилетий интерес к этой проблеме усилился среди физиологов, занимающихся исследованием мозга, и психологов, в том числе Р.У. Сперри⁹, получившего Нобелевскую премию по медицине в 1981 г. <...>

Обратимся теперь к итоговому описанию концепции человека.

3. Свобода человеческих действий. Этому вопросу всегда придавали большое значение в философских дискуссиях и теориях о том, являются ли действия человека свободными или причинно детерминированными. Эти две точки зрения называются, соответственно, *индетерминизм* и *детерминизм*. Но здесь также существует несколько промежуточных точек зрения. В действительности есть два варианта детерминизма:

а) *механистический детерминизм* — человеческие действия «линейно» детерминированы одной причиной;

б) *диалектический или динамический детерминизм* — действия человека определяются группой взаимодействующих причин.

Также существует два варианта индетерминизма:

в) *пробабилизм* — действия человека случайны, но их можно рассчитать при помощи статистических (стохастических) методов;

г) *классический индетерминизм* утверждает, что человеческие действия свободны (детерминированы «свободной волей») и непредсказуемы.

Этим мы завершаем обзор *онтологической* составляющей метауровня.

---

⁸ Немецкий физиолог швейцарского происхождения Эмиль Дюбуа-Реймон в своей речи «О границах естествознания» (1872) выдвинул относительно ряда проблем, и в том числе психофизиологической, агностический тезис: «не знаем и не будем знать»; см. *Дюбуа-Реймон Э. Семь мировых загадок*. М., 1901. — *Ред.-сост.*

⁹ Сперри (*Sperry*) Роджер Уолкотт (1913—1994) — американский психолог и нейрофизиолог. — *Ред.-сост.*

К. Лоренц

[Научная теория и научная доктрина]*

Мой учитель Оскар Гейнрот, естествоиспытатель до мозга костей и записной насмешник над гуманитарными науками, имел обыкновение говорить: «То, что думают, по большей части ошибочно, но что знают, то уж верно». Эта гносеологически невинная фраза¹ превосходно выражает ход развития всякого человеческого знания, а быть может, и всякого знания вообще. Вначале «что-то думают», потом сравнивают это с опытом и с поступающими в дальнейшем чувственными данными, чтобы затем из совпадения или несовпадения заключить, верно или неверно «то, что думали». Это сравнение между внутренней, каким-то образом возникающей в организме закономерностью и другой закономерностью, существующей во внешнем мире, является, вероятно, важнейшим из методов, с помощью которых живой организм приобретает познания. Карл Поппер² и Дональд Кэмпбелл³ называют этот метод *pattern matching*⁴; оба слова здесь не поддаются точному переводу на немецкий.

---

* Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 45—49.

¹ ... гносеологически невинная фраза — здесь, по-видимому, означает, что в гносеологии эту фразу едва ли кто-нибудь поставил бы под сомнение; «гносеология» — термин, обозначающий теорию познания, т.е. раздел философии, изучающий возможности познания, исследующий его источники, формы и методы познания, условия его достоверности и истинности. — *Ред.-сост.*

² Поппер (*Popper*) Карл Раймунд (1902—1994) — австрийский, позже британский философ и социолог. — *Ред.-сост.*

³ Кэмпбелл (*Campbell*) Дональд (1916—1996) — американский психолог и философ. — *Ред.-сост.*

⁴ См.: *Campbell D.T. Pattern matching as an essential in distal knowing // The Psychology of Egon Brunswik / K.R. Hammond (Ed.). N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1966; Popper K.R. The Logic of Scientific Discovery. N.Y.: Harper and Row, 1959. [Рус. пер. см.: Поппер К. Логика научного исследования // Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. С. 33—235. — Ред.-сост.]*

...*pattern matching* (англ.) — приблизительный русский перевод: сравнение признаков. — *Пер.*

Этот процесс осуществляется, по существу, тем же способом, хотя и в простейшей форме, уже на самом низком уровне жизни; в физиологии восприятия он встречается на каждом шагу, а в сознательном мышлении человека принимает вид гипотезы и последующего ее подтверждения. То, что поначалу в виде предположения думают, при испытании на конкретных случаях очень часто оказывается ошибочным, но если предположение выдерживает такое испытание достаточно часто, оно становится знанием. В науке эти процессы называют построением гипотезы и проверкой.

К сожалению, эти два шага познания отделяются друг от друга не столь четко, а результат второго из них не столь ясен, как можно было бы подумать, судя по изречению моего учителя Гейнрота. При построении познания гипотеза играет роль строительных лесов, о которых строитель заранее знает, что по мере продвижения его замысла их придется разбирать. Она является *предварительным* допущением, и делать такое допущение вообще имеет смысл лишь тогда, когда существует практическая возможность опровергнуть его нарочито отысканными для этой цели фактами. Гипотеза, не поддающаяся никакому *опровержению*⁵, тем самым не может быть проверена и потому непригодна для экспериментальной работы. Создатель гипотезы должен быть благодарен каждому, кто укажет ему новые пути, на которых его гипотеза может быть найдена недостаточной; в самом деле, единственно возможная проверка состоит в том, что гипотеза способна выдержать попытки ее опровергнуть. В поисках такого подтверждения и состоит, в сущности, *работа* любого естествоиспытателя; поэтому говорят также о рабочих гипотезах, и такая гипотеза тем полезнее для работы, чем больше она предоставляет возможностей для проверки: вероятность ее правильности возрастает с числом приводимых фактов, которые с ней согласуются.

Иногда считают — заблуждение это распространено также и среди специалистов по теории познания, — будто гипотеза может быть окончательно опровергнута одним или несколькими фактами, которые с ней не удастся согласовать. Если бы это было так, то все существующие гипотезы были бы опровергнуты, потому что вряд ли найдется среди них хоть одна, согласная со *всеми* относящимися к ней фактами. Любое наше познание представляет собой лишь *приближение* — хотя и последовательно улучшаемое приближение — к внесубъективной действительности, которую мы стремимся познать. Гипотеза никогда не опровергается единственным противоречащим ей фактом; опровергается она лишь другой гипотезой, которой подчиняется *большее* число фактов. Итак, «истина» есть рабочая гипотеза, способная наилучшим образом проложить путь другим гипотезам, которые сумеют объяснить больше.

Однако наше мышление и наше чувство не могут подчиниться этому теоретически бесспорному положению вещей. Как бы мы ни старались не упускать из виду, что все наше знание, все, о чем говорит наше восприятие внесубъ-

---

⁵ *Опровержение* — перевод термина К. Поппера *Falsifikation* (англ. *falsification*). Попперу принадлежит и гносеологический принцип, содержащийся в этой фразе. — *Пер.*

ективной действительности, представляет собой лишь грубо упрощенную, приближенную картину существующего «в себе», мы все же не можем помещать себе считать некоторые вещи попросту верными и быть убежденными в абсолютной правильности этого знания.

Убеждение это, если рассмотреть его надлежащим образом с психологической, и прежде всего с феноменологической, точки зрения⁶, следует отождествить с *верой*, в любом смысле этого слова. Если естествоиспытатель проверил некоторую гипотезу настолько, что она заслуживает наименования теории, и если эта теория настолько «удалась», что, как можно предвидеть, в дальнейшем придется лишь уточнять ее дополнительными гипотезами, но не придется изменять ее в основных чертах, то мы в такую теорию «твердо верим». Вера эта не причиняет, впрочем, какого-либо вреда, поскольку «замкнутые» теории такого рода сохраняют свою «истинность» в пределах области их применимости, даже если эта область оказывается не столь всеобъемлющей, как полагали во время построения теории. Так обстоит дело, например, со всей классической физикой: квантовая механика ограничила область ее применения, но в собственном смысле ее не опровергла.

Есть целый ряд теорий, проверенных, по-видимому, до границ возможной *достоверности*, в которые я «верю» в том же смысле, что и в принципы классической механики. Так, например, я твердо убежден в правильности так называемой коперниканской картины мира; я был бы по меньшей мере беспредельно поражен, если бы оказалась правильной пресловутая теория пустотелого мира⁷ или если бы планеты, как полагали во времена Птолемея, ползали все-таки по небесному потолку, описывая причудливые эпициклические петли.

Есть, однако, и такие вещи, в которые я верю столь же твердо, как в доказанные теории, хотя у меня нет ни малейшего доказательства правильности моего убеждения. Я верю, например, что Вселенная управляется единой системой не противоречащих друг другу законов природы, которые никогда не нарушаются. Убеждение это, имеющее лично для меня прямо-таки аксиоматический характер, исключает сверхъестественные события; иными словами, все явления, описанные парапсихологами и спиритами, я считаю самообманом. Мнение это совершенно ненаучно — ведь сверхъестественные процессы могли бы быть, во-первых, очень редкими, а во-вторых, незначительными по своим масштабам, и то обстоятельство, что я никогда не сталкивался с ними лицом к лицу, не дает мне, разумеется, никакого права высказываться об их существовании или несуществовании. Я признаю моей чисто религиозной верой, что есть лишь *одно*

---

⁶ *Феноменологическая точка зрения* — здесь (в смысле философии Канта): основанная на самонаблюдении субъекта. — *Пер.*

⁷ *Теория пустотелого мира* — имеется в виду благосклонно принятая правителями нацистской Германии фантазия шарлатана Гарбигера, представлявшего себе земную поверхность в виде внутренней поверхности шаровой полости, окруженной твердым веществом, подобным хрусталу. — *Пер.*

великое чудо и нет никаких чудес во множественном числе или, как это выразил поэт-философ Курт Ласвиц, что Богу незачем творить чудеса.

Как я уже сказал, эти убеждения — и научно обоснованные, и эмоциональные — феноменологически тождественны вере. Чтобы найти для своего стремления к познанию хотя бы по видимости прочное основание, человек необходимым образом должен принять некоторые положения в качестве твердо установленных истин, «подставив» их, как архимедовы точки опоры, под конструкцию своих умозаключений. При построении гипотезы сознательно исходят из *фикции* [выдумки, вымысла. — *Ред.-сост.*], будто такая подстановка надежна, и «поступают так, как если бы»⁸ гипотеза была верна, чтобы посмотреть, что из этого получится. И чем дольше удастся строить на таких фиктивных архимедовых точках опоры внутренне непротиворечивое и неразваливающееся сооружение, тем вероятнее становится, по принципу взаимного прояснения, безумно смелое вначале допущение, что гипотетически выбранные архимедовы точки опоры соответствуют действительности.

Гипотетическое допущение, что некоторые вещи попросту *верны*, принадлежит, таким образом, к неизбежным способам действия человеческого стремления к познанию. Точно так же к мотивационным предпосылкам человеческого исследования принадлежит *надежда*, что допущение верно, что гипотеза правильна. Лишь некоторые, относительно немногочисленные естествоиспытатели предпочитают продвигаться *per exclusionem*⁹ экспериментально исключая одну возможность объяснения за другой, пока не остается единственная, содержащая в себе истину. Большинство же из нас — в этом нужно отдавать себе отчет — *любит* свои гипотезы, и, как я говорил уже однажды, полезно проделывать ежедневно, наподобие утренней гимнастики, болезненное, но сохраняющее молодость и здоровье упражнение — выбрасывать за борт какую-нибудь любимую гипотезу. Нашей «любви» к гипотезе способствует, естественно, и продолжительность времени, в течение которого мы ее защищали; привычки мышления столь же легко превращаются в «любимые» привычки, как и все другие. И особенно легко это происходит, когда мы не создаем такие привычки сами, а перенимаем их у великого и почитаемого учителя. Если этот учитель открыл новый принцип объяснения и у него было поэтому *много* учеников, то с такой привязанностью соединяется еще массовое воздействие мнения, разделяемого многими людьми.

Сами по себе эти явления вовсе не дурны и даже имеют свое оправдание. Хорошая рабочая гипотеза в самом деле выигрывает в вероятности, если в течение длительного, даже многолетнего исследования не обнаруживается ни один противоречащий ей факт. С течением времени возрастает действенность принципа взаимного прояснения. Оправданно также самое серьезное отноше-

⁸ «Поступают так, как если бы» — выражение Канта. — *Пер.*

⁹ Методом исключения (*лат.*). — *Пер.*

ние к словам ответственного учителя, который особенно строго взвешивает все, что передает своим ученикам, или же усиленно подчеркивает гипотетический характер сказанного. Такой человек основательно размышляет, прежде чем признать какую-либо из своих теорий «созревшей для учебника». Точно так же не заслуживает безусловного осуждения, если мы укрепляемся в своем мнении оттого, что его разделяют другие. Четыре глаза видят лучше, чем два, и особенно верно это в случае, когда другой исходит в своей индукции¹⁰ из данных иного рода, приходя при этом к результатам, согласующимся с нашими, — что означает однозначное подтверждение.

Но все эти воздействия, укрепляющие наши убеждения, могут, к сожалению, происходить и без только что упомянутых оправданий. Прежде всего, как было уже сказано [ранее. — *Ред.-сост.*], гипотеза может быть построена так, что все диктуемые ею опыты заранее должны лишь подтверждать ее. Например, гипотеза, что рефлекс является единственным заслуживающим изучения элементарным актом центральной нервной системы, вела исключительно к таким опытам, в которых регистрировался ответ системы на некоторое *изменение* состояния среды. Что нервная система способна не только пассивно реагировать на стимулы, при такой постановке опытов не могло не остаться скрытым. Требуется самокритика, а также богатая творческая фантазия, чтобы не впасть в ошибку, обесценивающую гипотезу в качестве рабочей гипотезы, сколь бы она ни была «плодотворной» в поставке «информации» — в том смысле, как это слово понимается в теории информации. Иначе гипотеза не приносит больше нового познания или приносит его лишь в виде исключения.

Точно так же доверие к слову учителя, сколь бы оно ни было ценно при основании новой «школы», т.е. нового направления исследований, влечет за собой опасность образования доктрины. Великий гений, открывший новый принцип объяснения, склонен, как известно, переоценивать широту области его применимости. Это делали Жак Лёб¹¹, Иван Петрович Павлов¹², Зигмунд Фрейд¹³ и многие другие из самых великих людей. Если еще вдобавок теория слишком пластична и мало стимулирует опровержение, то это вместе с почтением к учителю может привести к тому, что ученики превращаются в последователей¹⁴, а школа — в религию и культ, как это произошло во многих местах с учением Зигмунда Фрейда.

¹⁰ *Индукция* — логическое умозаключение от частных, единичных случаев к общему выводу, от отдельных фактов к обобщениям. — *Ред.-сост.*

¹¹ Лёб (*Loeb*) Жак (1859—1924) — физиолог, биолог, активно работавший в области сравнительной психологии; в 1891 г. переехал из Германии в США. — *Ред.-сост.*

¹² Павлов Иван Петрович (1849—1936) — русский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1904 г.). — *Ред.-сост.*

¹³ Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр. — *Ред.-сост.*

¹⁴ Здесь труднопереводимое противопоставление слов *Schüler* (ученик в смысле школьного обучения) и *Jünger* (ученик основателя религии, апостол). — *Пер.*

Однако решающий шаг, ведущий к образованию доктрины в узком смысле слова, состоит в том, что к двум только что рассмотренным факторам, укрепляющим теорию до превращения ее в убеждение, прибавляется еще слишком большое число ее сторонников. В наши дни возможности распространения, доставляемые подобному учению так называемыми средствами массовой информации — газетами, радио и телевидением, — очень легко приводят к тому, что учение, представляющее собой не более чем непроверенную научную гипотезу, становится не только общенаучным, но и просто общественным мнением.

С этого момента, к несчастью, приходят в действие все механизмы, служащие для сохранения испытанных традиций, о которых подробно говорилось в седьмой главе [данной книги. — *Ред.-сост.*]. Доктрину защищают с тем же упрямством, с той же горячностью, какие были бы уместны, если бы надо было спасти от гибели испытанную мудрость, просветленное отбором знание старой культуры. Всякого несогласного с ходячим мнением клеймят как еретика, осыпают клеветой и, насколько возможно, дискредитируют. На него обрушивается в высшей степени специфическая реакция *mobbing* [нападение толпы (англ.). — *Ред.-сост.*], общественной ненависти и травли.

Подобная доктрина, ставшая всеохватывающей религией, доставляет своим приверженцам субъективное удовлетворение окончательным познанием, принимающим характер откровения. Все противоречащие ей факты отрицаются, игнорируются или, чаще всего, *вытесняются* в смысле Зигмунда Фрейда, т.е. загоняются ниже порога сознания. Вытесняющий эти факты человек оказывает ожесточенное, в высшей степени окрашенное аффектами сопротивление любой попытке вновь довести вытесненное до его сознания, и сопротивление это тем сильнее, чем большие изменения это вызвало бы в его представлениях, прежде всего в представлениях о самом себе. «Всякий раз, когда встречались между собой люди с противоположными доктринами, — говорит Филип Уайли, — с каждой стороны возникало сильнейшее отвращение, каждая сторона была убеждена, что другая погрязла в заблуждении, язычестве, неверии и варварстве, да и вообще состоит из вломившихся разбойников. После чего неизменно начиналась священная война»¹⁵.

Все это случалось много раз; говоря словами Гёте, «где дьявол праздник свой справляет, он ярость партий распаляет, и ужас потрясает мир»¹⁶. Но поистине дьявольским индоктринирование становится лишь тогда, когда огромные массы людей, целые континенты, а может быть, даже все человечество соединяется в одном и том же вредном заблуждении. Именно такая опасность угрожает нам сейчас.

¹⁵ Wylie P. The Magic Animal. N.Y.: Doubleday, 1968.

¹⁶ «...и ужас потрясает мир». — Дословный перевод: «В конце концов во всех праздниках дьявола ненависть партий наилучшим образом играет свою роль, доводя ужас до последнего предела». — *Пер.*

А. Айлифф

Нейтралитет психологии*

Я привел аргументы, доказывающие, что поведение должно быть предметом психологии, и что его можно изучать научными методами. Теперь мы должны разобрать еще один термин из данного Макдугаллом¹ определения психологии как *позитивной* науки о поведении живых существ². В данном контексте термин *позитивная*³ наука как *имеющая дело с устанавливаемыми фактами* следует противопоставить термину *нормативная* наука как *имеющая дело с устанавливаемыми или утверждаемыми ценностями*. Относиться к психологии как к позитивной науке — это то же самое, что сказать, что она не берет чью-то сторону, не выступает ни *за* что-то, ни *против* чего-то, например, ни за свободный график и отдых во время работы, ни против трудовой дисциплины и непрерывного труда, ни против религии. Психологи, когда они ведут себя как психологи — [здесь имеется в виду — как психологи-исследователи. — *Ред.-сост.*], не одобряют и не осуждают; они не отдают чему-либо предпочтение и не выступают против чего-то — они только констатируют факты.

Разумеется, деятельность психолога может выходить за эти рамки. Его могут нанять для того, чтобы он попытался улучшить моральное состояние

---

* Iliffe A. The scientific status of psychology // Readings in General Psychology / P. Halmos, A. Iliffe (Eds.). L.: Routledge and Kegan Paul, 1959. P. 6—8. (Перевод Ю.Б. Дормашева, Н.Ю. Шуваловой.)

¹ Макдугалл (*McDougall*) Уильям (1871—1938) — англо-американский психолог; см. его текст на с. 281—283 наст. изд. — *Ред.-сост.*

² В начале статьи автор пишет: «Рождение психологии как науки обычно относят к 1879 г., когда Вильгельм Вундт учредил в Лейпциге первую психологическую лабораторию. Однако было бы лучше считать годом рождения 1912, когда Уильям Макдугалл предложил переформулировку определения психологии как “позитивной науки о поведении живых существ” (с. 1). Вышедшая в 1912 г. книга У. Макдугалла называлась “Психология. Наука о поведении”. Данное определение находится на с. 19 этой книги». — *Ред.-сост.*

³ Английский термин *positive* здесь можно переводить как «точная», «определенная», «достоверная», «безотносительная» и даже «реальная». — *Ред.-сост.*

группы фабричных рабочих или принял участие в лечении умственно отсталых детей в клинике. В этих случаях его целью будет «счастье», «производительность» или «здоровье», и он будет добиваться изменения человеческого поведения, ориентируясь на определенные ценности. Задачи такого рода обычно приводят в качестве примеров из области прикладной психологии, где психологические средства используются для достижения практических целей.

В то же время, говоря о человеке, что он психолог [исследователь. — *Ред.-сост.*] и что, будучи таковым, он не занимается правильным или неправильным, лучшим или худшим, мы не отрицаем, что он, кроме того, является ответственным членом общества, родителем или человеком, к которому обращаются за советом его друзья. В этих ролях он опирается на абсолютно ясные для него ценности, которые упорядочивают его мировоззрение и определяют его решения. Важно, однако, отделить данный аспект его жизнедеятельности от тех, которые характеризуют его работу как ученого. Здесь нет ни парадокса, ни раздвоения личности. В сложных делах повседневной жизни человеку постоянно приходится принимать решения, базируясь на неполных данных, тех же, кто понимает, как сделать это более успешно, считают людьми мудрыми, опытными, с хорошей интуицией. В науке же каждый ее шаг предполагает полную ясность данных и открытость для критики каждого из ее утверждений.

Это одна из причин, по которой публикация результатов является неотъемлемой частью научного исследования. Ясный отчет о целях, методах и данных исследования, опубликованный в профессиональном журнале или книге, — это практический эквивалент приглашения «приходи и сам увидишь», присущего объективным методам наблюдения. Валидность⁴ используемых методик и рассуждение, с помощью которого исследователь приходит к своим выводам, открыты испытующему взгляду и критике других ученых, работающих в той же области, и поэтому вероятность того, что любой изъян данной работы будет обнаружен, максимально увеличивается.

Публикация делает возможным еще один жизненно важный аспект научного исследования — кооперацию. Любое научное исследование почти всегда основано на изучении предшествующих разработок той же или сходных проблем. Внимательно просматривая опубликованные сообщения других исследователей, ученый может заимствовать или адаптировать плодотворные методики, избежать тех ловушек, в которые попали другие авторы, и взять в качестве отправного пункта своей работы итоговые результаты многолетнего предшествующего исследования. Это на удивление безличная командная работа: каждый ученый обращается к общему фонду идей и результатов, направляющих его исследования, и возвращает этот займ позже, когда публикует свои результаты, хотя прямого контакта ни со своими «спонсорами»

---

⁴ Валидность — здесь: обоснованность, точность и правомерность используемых методик. — *Ред.-сост.*

(*collaborators*), ни с теми, в чью работу он, в свою очередь, внесет вклад, у него, возможно, никогда не будет.

В психологии такой обмен прочно укоренился, и прогресс в любой сфере научной деятельности основан на достижениях и неудачах прошлых исследований. Остается всего лишь найти гениальных людей, способных увидеть элементы порядка в той куче фактов, которые составляют в настоящее время большую часть достижений психологии. Прогресс такого рода, в большем или в меньшем масштабе, требует от ученых живого воображения и бесстрашия, которыми, как иногда ошибочно считают, они не обладают.

Но даже большая смелость и высоко развитая способность к интуиции окажутся малоэффективными, если деятельность ученого не будет основана на тщательном наблюдении, беспристрастном рассуждении и постоянной готовности к опровержению — в этом заключается суть научной позиции, от которой психология не может позволить себе отказаться.

**Г. Глейтман,
А. Фридлунд,
Д. Райсберг**

Методы научного исследования*

Для чего нужны научные методы?

Вопросы, задаваемые психологами, касаются самых разных областей жизни. Почему мы делаем то, что делаем? Почему чувствуем то, что чувствуем? Чем каждый из нас отличается от всех прочих и в чем все мы одинаковы? Вопросы, подобные этим, составляют сущность психологического исследования, но ими интересуются и те, кто не имеет отношения к психологии. Философы, писатели, теологи, мыслители всех направлений — каждый из них предлагает свои варианты ответов на эти вопросы. Но в таком случае, в чем же состоят существенные отличия всей этой информации от тех ответов, которые предлагает нам психология? Одно из самых важных отличий заключается в том, что психология, отвечая на эти вопросы, пользуется научными методами.

Это чрезвычайно увлекательно — размышлять о человеческих поступках и чувствах, основываясь на личном мнении или соображениях здравого смысла. Но зачастую нам нужны определенные ответы, касающиеся поведения, познания или эмоций человека. Если один метод терапии помогает излечить депрессию, а другой нет, мы хотим об этом знать, чтобы проводимая нами терапия была эффективной. Если человеческая память при определенных условиях недостаточно надежна, нам необходимо выяснить, что это за условия, так, чтобы, к примеру, мы могли помочь суду оценить, насколько надежны показания того или иного свидетеля. Короче говоря, если мы надеемся постичь наши собственные мысли, чувства и поступки, нам необходимо обеспечить себе серьезную и надежную базу: не мифы, расхожие идеи и предубеждения, а реальные факты¹.

---

* Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии. СПб.: Речь, 2001. С. 1009—10034.

¹ См.: Sagan C. The demon-haunted world. N.Y.: Random House, 1996.

Научный метод открывает нам самую надежную дорогу, ведущую к реализации этих целей, потому что позволяет объективным и систематизированным образом проверить наши идеи. Методы научного исследования с достаточной степенью надежности позволяют нам судить о том, верно ли то или иное наше предположение. А обладая таким знанием, мы вполне можем сформулировать ряд утверждений, которые окажутся действительно надежными и полезными.

Отличительная особенность научного исследования — метод, тот процесс, посредством которого мы оцениваем идеи. Ученые начинают с того, что формулируют ясные, конкретные вопросы, на основе которых можно выдвинуть *проверяемую гипотезу*, такую, которая позволит сделать точные предсказания относительно того, что произойдет при тех или иных обстоятельствах (рис. 1). Затем эти предсказания подвергаются проверке. Нередко это предполагает сбор новых данных — посредством наблюдения или с помощью эксперимента. Иногда предсказания могут быть проверены с использованием результатов проведенных ранее исследований (к примеру, медицинских осмотров новобранцев Вооруженных сил или переписи населения).

Рис. 1. Схема метода научного исследования

Независимо от того, каков источник необходимых данных, существуют строгие правила, предписывающие то, как эти данные должны быть собраны, проанализированы и оценены. К примеру, ученые не могут позволить себе принимать в расчет лишь те факты, которые согласуются с их собственной гипотезой, и игнорировать все остальные. Точно так же неприемлемо в ходе эксперимента выдвигать дополнительные частные предположения, чтобы объяснить те факты, которые не согласуются с проверяемой гипотезой. Кроме того, ученые должны учитывать лишь те факты, которые были получены надежным и объективным способом. И конечно же, подтасовка или искажение фактов — в погоне за славой или вследствие искренней уверенности в том, что знание общественностью такого рода фактов пойдет ей только на пользу, — совершенно недопустимы; тот, кто поступает подобным образом, заслуживает позора и изгнания из профессионального сообщества.

Если полученные данные не согласуются с проверяемой гипотезой, то она считается *опровергнутой*. В этом случае ученый должен отказаться от этой гипотезы, выдвинув взамен какую-то другую. Новая гипотеза может кардинальным образом отличаться от предыдущей или же быть ее слегка модифицированным вариантом. В любом случае ученый обязан отказаться от гипотезы в том ее виде, который не прошел экспериментальную проверку.

Если же полученные данные согласуются с проверяемой гипотезой, то она считается *подтвержденной*². Но даже на этом этапе ученые могут усомниться в том, что на основании полученных данных можно делать какие-то убедительные выводы. Прежде всего, метод сбора данных и сами данные должны стать доступными прочим членам научного сообщества; в психологической среде это обычно сводится к презентации на научной встрече или публикации в журнале для специалистов. Это позволяет другим исследователям критически проанализировать и метод исследования и собранные с его помощью данные, чтобы удостовериться в том, что гипотеза получила должную проверку. Кроме того, эта процедура позволяет другим ученым *воспроизвести* исследование, проведя его на другой выборке. Если полученные в этом случае результаты будут идентичны тем, что были получены в первоначальном исследовании, мы можем быть уверены в том, что эти данные достаточно надежны.

Публикация исследования позволяет и другим ученым провести альтернативные эксперименты, посредством которых можно проверить исходные данные. И только когда все полученные данные будут воспроизведены и перепроверены, мы можем сделать на их основании достаточно убедительные выводы.

---

² Заметьте, однако, что мы говорим *подтвержденной*, а не *доказанной*. Иногда гипотеза подтверждается огромным количеством самых разнообразных данных, но когда появляются какие-то новые факты, она вновь ставится под сомнение. По этой причине ученые никогда не говорят о том, что гипотеза доказана; это утверждение некорректно. Безусловно, вероятность того, что гипотеза, многократно подтвержденная многими исследователями в самых разнообразных экспериментах, верна, — достаточно высока, но она все же остается открытой для перепроверки при получении любой новой информации.

Планирование убедительного эксперимента

Ученые собирают данные самыми разнообразными способами. Иногда они проводят *эксперименты*, т.е. такие исследования, где искусным образом манипулируют тем фактором, который хотят изучить, оставляя при этом все прочие условия неизменными. К примеру: способствуют ли физические упражнения улучшению настроения? Чтобы получить ответ на этот вопрос, психологи могут провести с одной из групп спортивную тренировку, а вторую группу оставить без физической нагрузки, а потом сравнить их настроение. В этом случае фактор, которым манипулируют, — это наличие или отсутствие физической нагрузки. Или другой пример. Кого с большей вероятностью возьмут на работу: того, кто будет серьезен и сосредоточен во время собеседования, или того, кто будет излучать жизнерадостность? Чтобы выяснить это, психологи могли бы исследовать две группы испытуемых (причем в одну группу были бы собраны люди серьезные, а во вторую — жизнерадостные) и сравнить, какая из групп окажется более успешной при приеме на работу.

Выдвижение проверяемой гипотезы

Планирование убедительного эксперимента начинается с выдвижения проверяемой гипотезы. Чтобы обеспечить проверяемость гипотезы, исследователь должен определить, какие результаты будут являться подтверждением гипотезы, а какие будут ее опровергать. Если же практически любой результат может считаться подтверждением гипотезы, то ее научная проверка попросту невозможна.

К примеру, представим себе астролога, который, посоветовавшись со звездами, заявляет: «В будущем году один из известных общественных деятелей умрет!». Подобное предсказание, опубликованное в газете, вполне может заинтересовать читателя, пока он стоит в очереди к кассе супермаркета, но оно слишком размыто и неопределенно, чтобы его можно было проверить. Кого считать известным общественным деятелем? Если в будущем году умрет директор департамента штата Айдахо, мы можем считать это подтверждением гипотезы или нет? А если умрет актриса, некогда блиставшая в одном из сериалов? Поскольку предсказание астролога не дает никаких пояснений, которые облегчали бы его оценку, мы не можем с уверенностью сказать, подтвердят ли полученные нами данные гипотезу или нет. Следовательно, надежная проверка этой гипотезы невозможна.

Или вспомним расхожее суеверие: «Бог троицу любит». Здесь встает проблема с тем, какой временной интервал мы имеем в виду. Три ограбления банка за одну неделю вполне могут сойти за подтверждение этого суеверия. Но что если два из них произошли в течение недели, а третье случилось лишь месяц спустя? Можем ли мы считать это подтверждением гипотезы? Гипотеза, в том виде, в каком она сформулирована, не конкретизирует эти моменты, а поэто-

му мы не можем определить, подтверждается она в этом случае или нет. А посему эта гипотеза тоже относится к разряду непроверяемых.

Конечно, мы можем модифицировать гипотезу с тем, чтобы ее можно было подвергнуть проверке. Так, поговорку «Бог троицу любит» можно было бы раскрыть более подробно: что значит «троицу», что именно должно произойти три раза, и т.д. К примеру, она могла бы трансформироваться следующим образом: «Если умирает один актер-обладатель “Оскара”, то еще двое лауреатов премии “Оскар” умрут в течение месяца, но потом по меньшей мере в течение одного месяца ни одной смерти обладателей “Оскара” не случится». Понятно, что такое предсказание не столь изящно, как первоначальная поговорка, но, по крайней мере, оно может быть подвергнуто проверке!

Необходимость систематизированного сбора данных

Наряду с выдвижением той или иной проверяемой гипотезы наука требует также систематизированного сбора экспериментальных данных. Чтобы понять обоснованность этого требования, рассмотрим следующий пример.

Многие фирмы продают аудиозаписи, которые в качестве фона содержат в себе какое-то сообщение, причем восприятие этого сообщения происходит на подпороговом уровне, т.е. не осознается самим человеком. Это может быть инструкция бросить курить либо не переедать, или же это сообщение будет направлено на повышение самооценки либо преодоление застенчивости. Сообщение записано так тихо, что человек не может сознательно услышать его. И тем не менее такие сообщения действительно оказываются полезными: они на самом деле помогают бросить курить или не прекращать диету, повышают вашу успешность в общении с противоположным полом и так далее.

Бытовые доказательства — т.е. те, информация о которых собирается и распространяется неформально, — убеждают нас в том, что эти подпороговые сообщения достаточно эффективны. Такие доказательства могут принимать множество разнообразных форм («Приятель моего приятеля сказал...», «Основываясь на своем опыте, я могу сказать, что люди...», «Один ученый по телевизору сказал...»). Однако все эти наблюдения совершенно неубедительны с научной точки зрения. Во-первых, мы имеем все основания усомниться в достоверности таких сообщений: выступал ли вчера в телепрограмме настоящий ученый, или же это был актер, облаченный в белый лабораторный халат? Во-вторых, что более важно, такие рассказы не дают нам возможности объективно оценить существующие данные. Они — описание этих данных, сделанное одним конкретным человеком, но мы никак не можем быть уверены в том, что это описание в достаточной степени точное, что сами данные надежны и что они были собраны корректным образом. Такого рода доказательства обычно не принимаются в расчет учеными, точно так же как свидетельские показания с чужих слов не принимаются к рассмотрению в суде.

Даже в том случае, когда бытовые доказательства достаточно конкретны, проблемы все равно остаются. Зачастую они касаются одного частного случая, когда такие подпороговые сообщения возымели должный эффект. Мы называем эти рассказы «историями о человеке, который...» («Я знаю одного мужчину, который перепробовал все, чтобы бросить курить, но все напрасно. Ему помогла только запись с подпороговым внушением»). Такие случаи, как бы хорошо они ни были задокументированы, неубедительны с научной точки зрения. Возможно, этот мужчина был единственным, кому удалось бросить курить с помощью такой записи. Или же он усилием воли все равно бросил бы курить, даже без обращения к этому методу. Чтобы оценить действенность этого метода, ученые должны собрать данные посредством более экстенсивного наблюдения.

Предположим, вы слышали о таких записях от нескольких своих друзей, причем некоторым из них удалось бросить курить благодаря такому подпороговому внушению, а некоторым не удалось. Это уже направляет нас по верному пути, но и здесь есть свои проблемы: тот ваш приятель, который избавился от своей вредной привычки с помощью подпорогового внушения, по всей вероятности, чрезвычайно горд собой и рассказывает о своем успехе при каждом удобном случае. А другой приятель, которого вновь постигла неудача, будет раздосадован ею и едва ли будет рассказывать кому-то о том, что и этот метод оказался неэффективным. В науке это называется *проблемой спрятанной папки*: результаты тех исследований, в которых была подтверждена выдвинутая гипотеза, обычно публикуются (или — в менее формальной обстановке — сообщаются коллегам), тогда как разочаровавшие исследователя результаты обычно сохраняются в тайне, их убирают в папку, которую прячут, чтобы никогда больше не видеть. Вследствие этой проблемы неформально собранные данные могут иметь значительные *искажения*, поскольку отчетов об успешном исцелении благодаря этому методу будет гораздо больше, чем рассказов о безрезультатном его применении.

И даже в том случае, если эта проблема не повлияет на представление данных, остается еще одна сложность: как мы сможем зафиксировать и оценить добытые сведения? Чтобы должным образом использовать самоотчеты ваших друзей, вам необходимо подсчитать количество успехов и неудач и определить, что встречается чаще. Как следует проводить такой подсчет? Вы можете просто положиться на свою память, пытаясь припомнить, что рассказывали ваши друзья о своем опыте использования подпороговых сообщений. Затем, припомнив все, о чем они вам рассказывали, вы можете подсчитать все их успехи и неудачи. Однако точность такого подсчета будет далека от идеальной, поскольку наша память нередко ошибается и воспоминания о том или ином событии могут быть значительно искажены. <...> Кроме того, наша память избирательна. [Ранее. — *Ред.-сост.*] мы рассмотрели так называемую *склонность к подтверждению*, в соответствии с которой вы припомните гораздо больше успешных случаев, если уверены в том, что эти подпороговые сообщения эффективны; если же вы придерживаетесь обратного мнения, вы будете вспоминать в основном рассказы тех друзей, которым не удалось с помощью этого метода избавиться от своей вредной привычки.

Конечно, наша память дает сбои далеко не всегда. В результате многие из расхожих убеждений, основанных на существующей у нас информации, достаточно корректны. Но столь же часто встречаются и такие случаи, когда наши оценки, основанные на соображениях здравого смысла, в корне ошибочны; именно поэтому люди придерживаются различных необоснованных убеждений и суеверий³. Учитывая эту проблему, ученые считают неформальный сбор информации делом слишком рискованным, поскольку такого рода сведения недостаточно надежны.

Определение зависимой переменной

Упомянутые выше проблемы показывают необходимость объективного и систематизированного сбора и фиксации данных. А это значит, что нужно собрать *все* данные (чтобы обойти проблему спрятанной папки) и добросовестно их зафиксировать (чтобы исключить возможность ошибок припоминания). Но каким образом мы можем этого добиться? Давайте попытаемся ответить на этот вопрос, продолжив рассмотрение приведенного выше примера. Предположим, что нашелся ученый, вознамерившийся оценить эффективность подпорогового внушения по всем правилам научного исследования. Для этого он берет запись, реклама которой обещает «повысить личную привлекательность с помощью подпорогового внушения», и допускает, что это соответствует действительности. Как следует производить проверку?

Во-первых, нужно найти какой-то способ измерения привлекательности; не измерив привлекательность, исследователь не сможет определить, эффективно ли соответствующее подпороговое внушение. Мера привлекательности — это *зависимая переменная* данного эксперимента; она называется зависимой, потому что исследователь хочет выяснить, зависит ли она от каких-либо других факторов. *Независимая переменная* — это та переменная, воздействие которой исследователь намерен установить; в нашем примере — использование или неиспользование записи с подпороговым внушением.

Нередко зависимая переменная представляет собой такое качество, которое вполне можно оценить непосредственно; к примеру, количество правильных ответов на тест или время, затраченное на выполнение задания. Однако такая характеристика, как привлекательность, требует использования критериев другого характера. Один из вариантов — обращение к экспертам, которые будут оценивать участников эксперимента по соответствующему признаку. Исследователь может, к примеру, сделать во время интервью видеозапись участников, а затем показать эту запись экспертам, которые оценят привлекательность каждого из них, скажем, по семибалльной шкале. Оценивание экс-

---

³ См.: Gilovich T. How We Know What Isn't So: The Fallibility of Human Reason in Everyday Life. N.Y.: The Free Press, 1993; Shermer M. Why People Believe Weird Things: Pseudoscience, Superstition, and Other Confusions of Our Time. N.Y.: W. H. Freeman and Company, 1997.

пертами всех участников по одной и той же шкале предоставляет нам основу для сравнения полученных данных и проверки гипотезы.

Почему экспертов должно быть несколько? Когда речь идет о такой характеристике, как привлекательность, высока вероятность того, что эксперты будут иметь на сей счет разные мнения. В конце концов, тот, кто нравится одному эксперту, совсем не обязательно понравится другому. Опросив нескольких экспертов и сравнив выставленные ими оценки, исследователь сможет решить эту проблему. Если эксперты расходятся во мнениях, то на основании проведенного эксперимента сложно сделать какие-то выводы. Но если в целом эксперты согласны между собой, т.е. если существует достаточная *межэкспертная надежность*, то исследователь может быть уверен в том, что их оценки не слишком субъективны или пристрастны.

Использование контрольной группы

Применяя описанный выше способ измерения, исследователь может собирать данные непосредственно: он может обратиться к двадцати студентам с просьбой прослушать запись с подпороговым внушением, а затем предложить экспертам оценить степень привлекательности каждого из испытуемых. Если все эти студенты окажутся достаточно привлекательными, то исследователь может сделать вывод, что эта запись действительно помогает. А может быть, эти студенты кажутся экспертам привлекательными потому, что вследствие участия в эксперименте повысилась их самооценка. («Кажется, этот экспериментатор мной заинтересовался...»)

Чтобы избежать такого рода неопределенности, исследователю необходимо обеспечить основу для сравнения. В качестве одного из вариантов можно было бы попросить экспертов оценить испытуемых дважды: до и после прослушивания записи, — чтобы определить, произошли ли какие-то изменения.

Но такая процедура тоже представляется достаточно проблематичной. Во время первого интервью (до прослушивания записи) испытуемые могут чувствовать значительный дискомфорт просто потому, что обстановка и сама процедура им непривычны. Во время второго интервью (после прослушивания записи) они будут чувствовать себя освоившимися и уверенными в себе: ведь для них это уже второе, а не первое интервью. В этом случае результаты эксперимента будут в значительной степени предсказуемыми: испытуемые будут казаться экспертам более привлекательными, даже если запись сама по себе никакого влияния на них не оказала.

Одно из возможных решений этой проблемы — формирование двух независимых групп испытуемых. Каждая группа будет проходить интервью только один раз: первая группа — после прослушивания записи с подпороговым внушением, вторая — после прослушивания какой-либо нейтральной записи. Первая группа в этом случае называется *экспериментальной*, потому что ее участники будут подвергаться со стороны исследователя какому-то *экспери-*

ментальному воздействию (в нашем примере они будут слушать запись с подпороговым внушением). Вторая группа называется *контрольной*, поскольку именно она станет основой для сравнения, позволяющего исследователю оценить эффект экспериментального воздействия.

Принципы работы с контрольной группой

Какой должна быть процедура для представителей контрольной группы? Один из вариантов заключается в том, что они вообще не прослушивают никакой записи, тогда как представители экспериментальной группы будут слушать сообщение с подпороговым внушением, записанным на фоне музыки. В этом случае разница полученных результатов между двумя группами по изучаемому признаку будет являться следствием того, что экспериментальная группа, в отличие от контрольной, слушала запись с подпороговым внушением.

Но есть и другое объяснение: поскольку подпороговое внушение было записано на фоне музыки, то остается вероятность того, что именно музыка, а не само внушение повлияло на участников экспериментальной группы. (Участники эксперимента могли просто отдохнуть под звуки приятной музыки, и этот отдых положительно сказался на их привлекательности.) В этом случае прослушивание записи действительно оказало позитивное воздействие, но оно вовсе не было связано с подпороговым внушением.

Чтобы избежать этой проблемы, контрольная группа должна соответствовать экспериментальной по всем параметрам, за исключением только одного, а именно — наличия экспериментального воздействия. Если экспериментальная группа слушает музыку, в которой содержится подпороговое внушение, то контрольная группа должна слушать ту же самую музыку, но в ней должно отсутствовать такое воздействие. Если между прослушиванием записи и последующим интервью членов экспериментальной группы проходит 10 мин., то именно такой же интервал должен быть соблюден и в отношении членов контрольной группы.

Эффект плацебо и запрашиваемые характеристики

Столь же важно, чтобы экспериментатор одинаковым образом обращался с обеими группами. Если экспериментальной группе сообщается, что эксперимент, в котором они принимают участие, может повысить их привлекательность, контрольной группе необходимо сказать то же самое, чтобы у обеих групп были одинаковые ожидания относительно того, в чем им предстоит участвовать. Это крайне важно, поскольку ожидания участников оказывают огромное влияние на результаты эксперимента. [Ранее. — *Ред.-сост.*] мы обсуждали важность *эффекта плацебо*, касающегося ожиданий и убеждений человека относительно хода терапии или приема лекарства. В результате многочисленных экспериментов было установлено, что эффект плацебо может быть довольно сильным, что

пациенты, страдающие самыми различными заболеваниями, могут излечиться после приема плацебо, будь то сахарные пилюли или инъекции раствора соли. Точно так же члены контрольной группы могут испытать положительное воздействие от прослушивания записи просто в силу уверенности в том, что она даст именно такой эффект; в этом случае они находятся под влиянием не самой записи, а своего убеждения относительно ее эффективности.

Кроме того, испытуемые нередко хотят помочь экспериментатору; если они уверены в том, что он хочет добиться определенного результата, они приложат максимум усилий, чтобы продемонстрировать такой результат. Очень часто испытуемые стремятся представить самих себя в наилучшем свете и поэтому стараются выполнить задание как можно лучше. Следовательно, если в экспериментальной ситуации есть какие-то намеки на то, что одна реакция более желательна, чем другая, они будут демонстрировать именно ее.

Психологи называют это *запрашиваемыми характеристиками* эксперимента. Иногда они связаны с самой формулировкой вопроса («Ты ведь действительно чистишь зубы каждое утро, не так ли?»). Иногда они проявляются не столь явно. К примеру, экспериментатор начинает улыбаться и заметно воодушевляется, когда испытуемые отвечают на вопросы определенным образом, или же он реагирует таким образом на членов экспериментальной группы, не проявляя никаких эмоций по отношению к представителям группы контрольной.

Исследователи обычно используют несколько приемов, чтобы избежать всех этих эффектов или проконтролировать их. Во-первых, они формулируют вопросы и инструкции таким образом, чтобы какие-то ответы или реакции не воспринимались испытуемыми как предпочтительные или наилучшие. Кроме того, исследователь должен удостовериться в том, что представители обеих групп имеют сходное представление об эксперименте; это достигается одинаковыми инструкциями обеим группам и одинаковым с ними обращением (за исключением, естественно, самого экспериментального воздействия).

Наилучший способ обеспечить одинаковое обращение исследователя с обеими группами — оставить его в неведении относительно того, кто из участников эксперимента к какой группе принадлежит. Это обычно достигается посредством *схемы двойного незнания*, когда ни экспериментатор, ни участники эксперимента не знают, кто к какой группе относится. В нашем примере ассистент экспериментатора может по своему усмотрению выбрать, какая из групп будет слушать музыку с подпороговым внушением, а какая — просто музыку. Эта информация будет сообщена экспериментатору только после окончания исследования.

Схема двойного незнания гарантирует наличие одинаковых ожиданий относительно процедуры исследования у представителей обеих групп; это гарантирует также, что исследователь будет обращаться с представителями двух групп одинаковым образом. В результате все различия, обнаружившиеся между группами, будут объясняться единственным фактором, различающим две эти группы, — наличием либо отсутствием экспериментального воздействия.

Помехи

Итак, мы уже отметили важность полного соответствия контрольной и экспериментальной групп, являющегося гарантией того, что все различия между группами объясняются независимой переменной (в нашем случае, подпороговым внушением), а не какими-либо другими факторами. Иначе говоря, важно, чтобы исследователь минимизировал вероятность всех *помех* в ходе процедуры исследования, т.е. тех неконтролируемых факторов, которые могут повлиять на результаты эксперимента. К примеру, если экспериментальная группа проходит интервью рано утром, а контрольная — после обеда, это может стать помехой, поскольку мы не можем с уверенностью сказать, чем были вызваны различия между группами: экспериментальным воздействием или временем суток. И если члены экспериментальной группы получили от экспериментатора воодушевляющие инструкции, а для членов контрольной группы инструкция была обескураживающей или нейтральной, то манера изложения инструкций также окажется помехой.

Для того чтобы эксперимент был *внутренне валиден* (т.е. измерял именно то, что предполагается измерить), все помехи должны быть устранены. Эксперимент можно считать внутренне валидным, если он точно отражает влияние независимой переменной и адекватно измеряет зависимую. Обеспечение одинакового обращения с обеими группами (за исключением самого экспериментального воздействия) — дело отнюдь не простое, однако в противном случае мы не можем быть уверены в валидности результатов исследования.

Общее представление о программе эксперимента

Наш пример уже разросся до значительных размеров и стал довольно сложным, однако эти сложности неизбежны: научный эксперимент может считаться достаточно убедительным только тогда, когда мы можем быть уверены в том, что полученные данные представляют собой адекватное подтверждение выдвинутой экспериментатором гипотезы. Исследователь должен начать с четкого формулирования гипотезы, так чтобы не было никаких сомнений в том, какого рода доказательства будут считаться ее подтверждением либо опровержением. Необходимо четко определить зависимые переменные, чтобы можно было точно и надежно оценить полученные результаты. Если возможно осуществление непосредственных количественных измерений (количество правильных ответов на вопросы, время реакции, изменение физиологических параметров), то стоит пользоваться именно такими методами. Если же нет, то экспериментатор может обратиться к тем методам, которые предполагают использование субъективных оценок, однако он должен удостовериться в том, что эти оценки будут обладать достаточной степенью точности. (Именно поэтому в нашем примере с оценкой привлекательности мы опрашивали нескольких экспертов, а не одного-единственного.)

Экспериментальная и контрольная группы должны быть уравнены по всем показателям, за исключением одного — экспериментального воздействия. Они должны получить одинаковые инструкции и пройти одну и ту же процедуру. Данные должны быть недвусмысленными, а также достоверно и тщательно зафиксированными, чтобы исключить риск их неверной интерпретации или искаженного припоминания. Кроме того, оценка данных должна быть полной и всесторонней. Так, необходимо отразить в анализе *все* данные, включая и те, которые не согласуются с выдвинутой исследователем гипотезой (табл. 1).

Таблица 1

Краткое описание эксперимента с записью, содержащей подпороговое внушение

Постановка вопросов	Этапы эксперимента
Какова проверяемая гипотеза?	Одноразовое прослушивание аудиозаписи, содержащей подпороговое внушение, повышает привлекательность человека
Что будет являться подтверждением, а что — опровержением гипотезы?	Если группа прослушала запись, а затем оценена экспертами как более привлекательная, это будет являться подтверждением гипотезы. Если между группами после осуществления экспериментального воздействия не будет наблюдаться никаких различий, это будет являться опровержением гипотезы
Что является независимой переменной?	Наличие или отсутствие подпорогового внушения в записи
Что является зависимой переменной?	Привлекательность, оцениваемая экспертами по шкале от 1 до 7 баллов
Можно ли объективно и систематизированно измерить зависимую переменную?	Непосредственное объективное измерение невозможно, однако обращение к группе экспертов гарантирует, что измерение не будет слишком субъективным, а использование оценочной шкалы позволяет систематизировать данные
Уравнены ли группы по всем показателям за исключением самого экспериментального воздействия (например, устранены ли помехи)?	Да. Обе группы получают аналогичные инструкции и проходят одну и ту же процедуру. Обе группы тестируются в одной и той же обстановке. Обе группы прослушивают записи, но одна запись содержит в себе подпороговое внушение, а другая нет. Продолжительность прослушивания записи двумя группами одинакова, равно как и интервал между прослушиванием записи и оцениванием привлекательности. Эксперимент должен проходить по схеме двойного незнания: экспериментатор, испытуемые и эксперты не знают, кто принадлежит к контрольной группе, а кто — к экспериментальной
Корректно ли проанализированы полученные данные?	Данные должны быть обработаны с использованием адекватных статистических методов <...>

Все это необходимо для того, чтобы наша гипотеза подверглась адекватной проверке и в конечном счете мы могли бы с уверенностью сказать, подтверждается наша гипотеза или опровергается. Какими будут выводы исследователя в нашем примере? Являются ли записи с подпороговым внушением эффективным средством повышения привлекательности или, скажем, отвыкания от курения? Был проведен ряд исследований этого вопроса, и полученные результаты достаточно определены: если экспериментатор учитывает эффект плацебо, то такие сообщения сами по себе никакого действия не оказывают⁴.

Оценка данных, полученных за пределами лаборатории

Итак, мы обсудили, что должен делать исследователь, если он хочет, чтобы проводимый им эксперимент был убедительным, а результаты обоснованными. Однако не только ученые стремятся к тому, чтобы на основе существующих данных сделать какие-то выводы. Все мы так или иначе делаем выводы в своей повседневной жизни. Джесси, почувствовав, что простудилась, всегда принимает большую дозу витамина С; она заметила, что в этом случае обычно легко переносит болезнь и быстро выздоравливает. Она пришла к выводу, что витамин ей помогает. Стив каждое утро читает свой гороскоп, публикуемый в утренней газете, и убежден в том, что эти предсказания обычно сбываются: если звезды говорят, что день будет полон новых возможностей, так оно и будет! Джулия переживала, потому что в течение нескольких месяцев Джон не проявлял к ней никакого интереса. Она подозревала, что все дело в ее застенчивости, поэтому каждый раз, когда Джон оказывался неподалеку, она пыталась вести себя более раскрепощенно, и теперь они большие друзья; Джулия решила, что ее план действительно сработал. Во всех этих случаях люди делали какие-то выводы, основываясь на своем опыте. Были ли их выводы обоснованными?

Заметьте, что Джесси *всегда* принимает витамин С. В результате у нее есть экспериментальная «группа» (она сама), которая при простуде принимает витамин С, но у нее нет контрольной группы (люди, которые не принимают витамин С при простуде). Поэтому вполне возможно, что ее простуда проходила бы столь же легко и без приема витамина, а поэтому ее выводы о пользе витамина С — необоснованны.

Стив имеет основу для сравнения: день с астрологическим предсказанием и день без него. Но его сравнение затруднено помехами: он читает свой гороскоп по утрам, а посему начинает день с определенными ожиданиями, основанными на том, что он прочитал. Следовательно, существует вероятность того, что он просто *замечает* предсказанные гороскопом возможности, если этот

---

⁴ См.: Greenwald A.G. et al. Double-blind tests of subliminal self-help audiotapes // Psychological Science. 1991. Vol. 2. P. 119—122.

прогноз ему нравится. В этом случае мы можем говорить только о силе позитивных ожиданий, а не о надежности астрологических прогнозов. Чтобы понять это, давайте представим, что гороскопы сочиняются совершенно произвольным образом: оптимистичный прогноз все равно сформирует у Стива позитивную установку, и эта установка приведет к тому, что он станет замечать вокруг себя больше новых возможностей. В результате произвольным образом составленные гороскопы дадут Стиву тот же эффект.

Сравнение, сделанное Джулией (сдержанное или раскованное поведение), также искажается помехами: может быть, Джон просто не сразу сходится с людьми, а поэтому не ее раскрепощенность, а само время помогло наладить их отношения.

Все эти примеры показывают, что проблемы, с которыми сталкиваются ученые, встречаются и в повседневной жизни, когда человек опирается на свой здравый смысл. В лаборатории и в жизни нам необходимы контрольные группы; только в этом случае мы можем быть уверены в своих выводах. Если мы хотим понять, какие факторы привели к появлению того или иного результата, мы должны устранить все помехи. Таким образом, исследовательская логика вполне применима и за пределами лаборатории; более того, только в этом случае мы сможем избежать необоснованных выводов. В результате мы придем к более полному и адекватному пониманию нашего личного и социального окружения.

Наблюдение

До настоящего момента наш рассказ касался экспериментальных исследований, где ученый искусно и целенаправленно манипулирует какими-то переменными и наблюдает производимый эффект. Однако во многих случаях эксперименты оказываются невозможными либо неприемлемыми. К примеру, экспериментатор хочет понять, относятся ли окружающие к невысоким людям так же, как к высоким. В данном случае независимой переменной является рост, но очевидно, что этой переменной экспериментатор манипулировать не в состоянии. У него нет волшебной палочки, по мановению которой часть его испытуемых станет высокими, а другая часть окажется низкорослыми. Ему придется использовать для исследования и сравнения те группы, которые уже существуют.

Точно так же, если исследователя интересует вопрос о том, в каком возрасте дети овладевают теми или иными социальными навыками, ему придется сравнить репертуар навыков детей разного возраста и, возможно, сравнить по этому показателю детей разного возраста со взрослыми. В данном случае независимая переменная — это возраст; его легко можно оценить (выяснив дату рождения), но он не поддается экспериментальному воздействию. Аналогичным образом, если исследователь хочет выяснить, отличается ли мышление депрессивных пациентов от мышления тех, кто не страдает от деп-

рессии, независимая переменная (отсутствие или наличие депрессии) изменена быть не может.

В других случаях исследователь в принципе может манипулировать независимой переменной, но не имеет права делать это по этическим соображениям. Как физический недостаток влияет на развитие ребенка? Эксперимент возможен, но этически неприемлем. Ни один экспериментатор не пойдет на то, чтобы нанести физический ущерб одной группе детей, независимо от того, сколь серьезные научные вопросы требуют ответа.

В силу этих причин в современной психологии существует множество вопросов, на которые нельзя ответить посредством пусть даже самого изощренного эксперимента. И тем не менее мы можем изучить их, приняв в расчет уже существующие различия. Мы можем сравнить между собой невысоких и высоких людей и попытаться на основе этого сравнения понять, по-разному ли относится к ним общество. Мы можем сравнить маленьких детей с теми, кто постарше, пациентов, страдающих депрессией, и здоровых людей. К сожалению, детей с физическими недостатками довольно много, и мы можем сравнить их и тех, кто обладает хорошим здоровьем, чтобы исследовать влияние того или иного физического недостатка на развитие.

Во всех этих случаях ученые осуществляют *наблюдение*, а не эксперимент; иными словами, исследователь не манипулирует какими-то ключевыми факторами, а наблюдает производимый ими эффект.

Исследование взаимосвязи

Существует несколько типов наблюдения, но сейчас речь пойдет об *исследовании взаимосвязи*, где исследователь пытается проследить связь между двумя переменными: независимой (ростом, возрастом, наличием депрессии и т.д.) и зависимой. Как и в эксперименте, исследователь хочет установить, *зависит* ли зависимая переменная от независимой. К примеру, зная возраст ребенка, можем ли мы предположить, какими социальными навыками он обладает? Общаясь с депрессивным пациентом, можем ли мы предположить, каким будет ход его мыслей?

Неопределенность направленности причинно-следственной связи

Нередко исследования такого рода напоминают эксперименты, речь о которых шла выше. В обоих случаях исследователь должен начать с формулирования четкой, доступной для проверки гипотезы. В обоих случаях необходимо точно определить и надежно измерить зависимую переменную. В обоих случаях нужно систематизированно зафиксировать, оценить и проанализировать полученные данные с использованием адекватных статистических методов. И в обоих случаях нужно учесть и постараться устранить все возможные помехи. Если

наблюдение за детьми младшей группы ведется дома, а за детьми старшей группы — в школе, мы не можем с уверенностью сказать, чем вызваны зафиксированные различия: разницей в возрасте или влиянием обстановки. Если в ходе интервью невысокому человеку будет оказан теплый прием, а высокому — недружелюбный, интерпретировать такие результаты будет невозможно. Точно так же как и в эксперименте, при исследовании взаимосвязи необходимо тщательно изолировать независимую переменную.

Связь между причиной и следствием. Исследование взаимосвязи и эксперимент во многом схожи, но между ними существует и немаловажное различие: в первом случае иногда бывает сложно установить, что является причиной, а что следствием. Чтобы проиллюстрировать это, давайте <...> обратимся к наблюдениям <...> касающимся того, как различные модели воспитания влияют на личностное, социальное и интеллектуальное развитие ребенка. Формирует ли наказание личность и поведение ребенка? Какой эффект оказывает отсутствие наказания?

В ряде исследований было установлено, что дети более склонны к проявлению бытовой агрессии, если их родители практикуют физическое наказание; те дети, чьи родители не наказывают физически, менее агрессивны⁵. Это можно рассматривать как доказательство того, что физическое наказание — плохая воспитательная стратегия: оно на время дисциплинирует ребенка, но в долговременной перспективе делает его более агрессивным. Однако мы могли бы предположить, что причинно-следственная связь здесь обратная: не физическое наказание усиливает агрессию (является ее причиной), а проявление агрессии детьми провоцирует применение физического наказания (является его причиной). Некоторые дети с самого начала могут быть очень агрессивными, и родители таких детей быстро придут к выводу, что для их дисциплинирования необходимы более суровые меры.

Неопределенность направленности связи между причиной и следствием — одна из самых распространенных проблем исследования взаимосвязи. [Ранее. — *Ред.-сост.*] <...> мы упоминали о том, что шизофренией чаще страдают представители социально неблагополучных слоев населения. Означает ли это, что бедность увеличивает риск заболеть шизофренией? Или зависимость носит обратный характер: больные шизофренией люди не могут обеспечить себе достойное существование? (В конце концов, тот, кто страдает шизофренией, не может получить и адекватно выполнять работу, не может разумно тратить свои деньги и т.д.)

Эта проблема затрудняет интерпретацию выявленных связей, однако иногда ее можно преодолеть за счет сбора дополнительных данных. К примеру, иногда можно определить, какой фактор появился первым: человек заболел шизофренией и стал бедным, или же он стал бедным и только после этого забо-

---

⁵ См.: *Feshbach S. Aggression* // Carmichael's manual of child psychology / P. Mussen (Ed.). N.Y.: Wiley, 1970. P. 159—259; *Parke R.D., Slaby R.G. The development of aggression* // Handbook of Child Psychology / P.H. Mussen (Ed.). N.Y.: Wiley, 1983. Vol. 4. P. 547—642.

лел шизофренией. Здесь мы используем ту простую истину, что причина всегда предшествует следствию: ничто не может быть следствием того, что еще не произошло.

Проблема третьей переменной. Мы уже рассмотрели несколько примеров, где направленность причинно-следственной связи может быть истолкована двояко. Шизофрения приводит к бедности или бедность к шизофрении? Физическое наказание приводит к проявлению агрессии или проявление агрессии к физическому наказанию? Однако в некоторых случаях необходимо учитывать еще одну возможность: существование какого-то третьего фактора, отличного от зависимой и независимой переменных, который и является причиной их обоих. Именно в этом заключается проблема третьей переменной.

К примеру, если в школе ребенок учил латынь, то в вузе он будет получать отметки выше средних по многим предметам. Где здесь причина и где следствие? Приводит ли изучение латыни к более высоким академическим показателям в вузе (рис. 2А)? Мы должны узнать, кто обычно факультативно изучает латынь в школе (мы исходим из того, что во всех школах ученикам предоставляется такая возможность). Оказывается, что такие школьники, как правило, — люди мотивированные, способные и стремящиеся к высокой ака-

Рис. 2. Проблема третьей переменной

Те, кто в школе изучал латынь, обычно получают в вузе более высокие оценки, чем те, кто в школе латынь не изучал. Является ли изучение латинского языка причиной высокой академической успеваемости в вузе (А) или же здесь работает какой-то другой фактор? Может быть, дело в том, какие именно школьники изучают латынь (Б). Или же важнее всего тип школ, в которых есть возможность факультативно изучать латынь (В)?

демической успеваемости. Именно эти характеристики являются причиной как стремления к изучению латыни, так и хорошей успеваемости в вузе (рис. 2Б). Точно так же мы можем предположить, что латынь факультативно преподается в тех школах, где обучаются дети из хорошо обеспеченных семей. И, может быть, именно характеристики школы являются причиной хороших отметок ее учеников (рис. 2В).

С этой проблемой сталкиваются многие исследователи. Люди, занимающиеся спортом, обычно отличаются более крепким здоровьем по сравнению с теми, кто спортом не занимается. Можем ли мы сказать, что физическая нагрузка является причиной хорошего здоровья, или же дело здесь в том, что люди, занимающиеся спортом, обычно уделяют больше внимания своему здоровью? На рис. 3 показано, что любая из этих причин может привести к описанному выше результату.

Проблема третьей переменной, так же как и неопределенность направленности причинно-следственной связи, затрудняет интерпретацию данных и вынуждает психологов признать тот факт, что в общем виде взаимосвязь не предполагает причинную обусловленность. Иногда она действительно отражает причинность: курение является причиной эмфиземы легких, рака и сердечно-сосудистых заболеваний. Но бывает и так, что взаимосвязь между двумя факторами не означает, что один из них — причина, а другой — следствие. Количество пепельниц в квартире человека связано с его здоровьем, но вовсе не потому, что пепельница сама по себе вызывает какое-то заболевание. Точно так

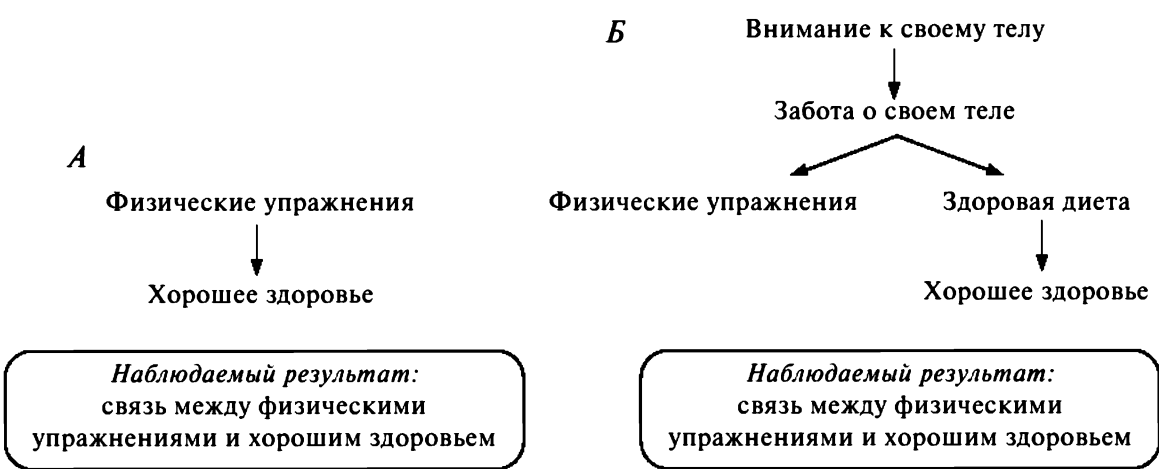

Рис. 3. Связь между физическими упражнениями и здоровьем

Люди, занимающиеся спортом, обычно обладают более крепким здоровьем, чем те, кто спортом не занимается. Может быть, физические упражнения укрепляют здоровье (А), но может быть, здесь есть и третья переменная: люди, занимающиеся спортом, обычно больше заботятся о себе; они не только дают себе физическую нагрузку, но и рационально питаются. Возможно, именно здоровая диета столь благотворно сказывается на их здоровье (Б)

же существует связь между тем, сколько помидоров дети съедают за месяц, и тем, как поздно дети ложатся спать. Но мы едва ли скажем, что большое количество съеденных помидоров вызывает у детей бессонницу. Связаны эти два явления только потому, что и то, и другое обычно происходит летом.

Существенное различие между экспериментом и наблюдением. Взаимосвязи сами по себе не означают наличия между двумя явлениями причинно-следственных отношений. Чтобы сделать обоснованные выводы относительно причины и следствия, нужно получить подтверждение результатов на основе других данных или других доказательств. Именно поэтому исследователи предпочитают проводить эксперименты, а не осуществлять наблюдение.

Однако в этой связи возникает следующий вопрос: как мы можем устранить неопределенность в отношении причинности событий? Одно из решений сводится к тому, что экспериментальная и контрольная группы должны быть идентичны друг другу по всем показателям, а различия между ними должны быть вызваны исключительно экспериментальным воздействием на экспериментальную группу. Тем самым у нас не будет сомнений в том, что было первым (экспериментальное воздействие), а что — вторым (различие между группами). В результате мы можем быть абсолютно уверены в направленности причинно-следственной связи.

Кроме того, проблема третьей переменной никак не касается экспериментальных исследований: в должным образом контролируемом эксперименте участники обеих групп на первом этапе процедуры идентичны друг другу, и у нас нет оснований беспокоиться о том, что какие-то факторы, стоящие за независимой переменной, могут повлиять на окончательные результаты.

Но как мы можем быть уверены в том, что две группы с самого начала идентичны друг другу? В эксперименте участники распределяются по группам случайным образом. Если группы будут достаточно велики, такое *случайное распределение* делает практически невероятным то, что все способные участники окажутся в одной группе, а все менее способные — в другой, или же что все учащиеся престижных школ окажутся в одной группе, а те, кто ходит в самые обычные школы, — в другой. Иными словами, случайное распределение фактически является залогом того, что группы будут сопоставимы между собой. Если к концу эксперимента они станут различаться между собой, это будет являться следствием экспериментального воздействия и у нас не будет никаких сомнений относительно направленности причинно-следственной связи.

Именно в этом кроется существенное различие между экспериментом и наблюдением, а также причина того, что эксперименты, как правило, позволяют исследователям делать более обоснованные выводы. Однако учитывая тот факт, что осуществление эксперимента возможно далеко не всегда, а сбор дополнительных данных или исключение третьей переменной во многих случаях позволяют делать надежные интерпретации результатов, наблюдение остается чрезвычайно важным и полезным методом получения психологической информации.

Исследование частных случаев

Оба метода исследований, описанные нами выше, проводятся с использованием групп участников, а не отдельных личностей; это позволяет применять результаты исследования к широкому кругу явлений. Однако при определенных обстоятельствах психологи считают целесообразным проводить исследование частных случаев.

При изучении частных случаев люди, проводящие исследования, наблюдают и описывают отдельную личность — иными словами, частный случай — во всех подробностях. Исследование частных случаев сыграло огромную роль в развитии психологической теории. К примеру, Зигмунд Фрейд⁶ сформулировал наибольшую часть своих идей именно благодаря тщательному наблюдению отдельных пациентов; свои публикации он посвящал описанию одного или нескольких наблюдений такого рода. <...> Точно так же теория Жана Пиаже⁷ основывалась в значительной степени на исследовании только троих детей — его собственных! — хотя Пиаже и его последователи впоследствии проверили свои теоретические предположения на гораздо большей группе детей. <...>

В последние годы было проведено немало клинических исследований пациентов с повреждениями головного мозга, значительно продвинувших нас в понимании функционирования мозга и привлечших внимание психологов к ряду немаловажных вопросов. [Ранее. — *Ред.-сост.*] мы описывали случай Х.М., нарушения памяти которого были результатом нейрохирургической операции, осуществленной с целью избавления пациента от эпилепсии. Вполне возможно, что Х.М. — самый изученный пациент за всю историю психологии, и паттерн существовавших у него нарушений памяти дает нам немало полезных сведений, касающихся функционирования памяти. Точно так же случай Финиаса Гейджа <...> оказал большое влияние на формирование ранних концепций функционирования лобных долей мозга. Среди прочих немаловажных примеров исследования частных случаев — обследование пациентов, страдающих агнозией, афазией и слепотой. <...>

Однако исследование частных случаев имеет свои ограничения и недостатки. Во-первых, каждый пациент уникален: его отличают присущие только ему личностные особенности и способности; уникальны также его мозговая травма, вызванные ею симптомы и расстройства; во-вторых, он уникальным, присущим только ему способом пытается с ними справиться. То же самое относится и к пациентам Фрейда и к детям Пиаже. Каждый из них уникален, с особой совокупностью черт, навыков и талантов. И по всем этим причинам нередко бывает довольно сложно понять, приложимы ли результаты данного исследования к кому-то еще, кроме самого объекта исследования.

---

⁶ Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр. — *Ред.-сост.*

⁷ Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ; см. его текст на с. 560—562 наст. изд. — *Ред.-сост.*

Более того, многие исследования частных случаев основаны на интенсивном взаимодействии между исследователем и исследуемым. Поскольку опубликованный исследователем отчет содержит в себе лишь часть этих долговременных наблюдений, могут возникнуть сомнения в том, насколько корректно были подобраны данные для публикации и могут ли они быть проинтерпретированы вне контекста этого частного взаимодействия. Это особенно верно в случае с исследованиями Фрейда и многих других психологов-клиницистов.

Чтобы преодолеть эти сложности, психологи разработали новый подход к систематизированному исследованию частных случаев с соблюдением всех требований экспериментального метода. В такого рода *экспериментах с отдельной личностью* исследователь манипулирует определенной независимой переменной (как он поступил бы в эксперименте с целой группой испытуемых), а затем оценивает влияние, оказываемое этой переменной, регистрируя его на основе реакций испытуемого⁸.

К примеру, некий школьный психолог должен разработать план занятий для ученика, испытывающего определенные трудности в обучении. Психолог может изучить проведенные ранее исследования и эксперименты, в которых также разрабатывался план занятий для детей с аналогичными затруднениями, но в конце концов ему придется сформулировать план работы с *этим конкретным* ребенком, имеющим *эти конкретные* трудности. И в данной ситуации самым адекватным подходом будет как раз эксперимент с отдельной личностью.

Представим себе, к примеру, что психолог заметил, что ребенок больше всего отвлекается при чтении, но если в качестве фона тихо включить музыку, он становится более собранным и внимательным. Чтобы проверить свое предположение, психологу нужно разработать способ для оценки внимательности при чтении (зависимая переменная) — например, как долго ребенок будет сосредоточенно читать, прежде чем отвлечется, — и варьировать наличие или отсутствие музыкального фона (независимая переменная). Один раз психолог будет измерять внимательность при чтении в условиях музыкального фона, на следующий день при отсутствии такого фона, и так далее в течение нескольких дней. После достаточно большого количества наблюдений психолог может оценить среднюю внимательность при чтении в одних и других условиях (табл. 2).

Эксперименты с отдельной личностью столь же строгие в плане процедуры и тщательны в плане фиксации результатов, как и стандартные эксперименты с группами. Строгость процедуры нейтрализует фактор субъективности, характерный для большинства исследований частных случаев, и позволяет воспроизвести аналогичный эксперимент с другим испытуемым. Это позволяет

---

⁸ См.: Barlow D. H., Hersen M. Single-case Experimental Designs: Strategies for Studying Behavior Change. Elmsford, N.Y.: Pergamon, 1984.

Таблица 2

Краткое описание эксперимента с отдельной личностью

Постановка вопросов	Этапы эксперимента
Какова проверяемая гипотеза?	Этот ребенок будет более внимательным при чтении и сможет дольше концентрироваться на задании, если в классе будет включена тихая музыка
Что будет являться подтверждением, а что — опровержением гипотезы?	Если успешность ребенка в чтении будет выше при наличии музыкального фона (по контрасту с его отсутствием), то гипотезу можно считать подтвержденной. Если успешность ребенка в чтении не будет выше при наличии музыкального фона (по контрасту с его отсутствием), то гипотезу можно считать опровергнутой
Что является независимой переменной?	Наличие или отсутствие музыкального фона в классе
Что является зависимой переменной?	Длительность внимательного чтения
Можно ли объективно и систематизированно измерить зависимую переменную?	Длительность внимательного чтения может быть измерена непосредственным и объективным образом; для этого исследователю необходимо определить, что следует считать «отвлечением». Кроме того, необходимо провести достаточное количество замеров при каждом из условий эксперимента, чтобы результаты были надежными
Уравнены ли группы по всем показателям за исключением самого экспериментального воздействия (например, устранены ли помехи)?	Двойное незнание не представляется возможным, поскольку ребенок слышит, включена в классе музыка или нет. Но сам экспериментатор может не знать, выполняется ли условие. В любом случае ребенок должен получить идентичные инструкции в обоих случаях, процедура также должна быть одинаковой; кроме того, она должна проходить в одной и той же обстановке с использованием сопоставимых текстов для чтения (в равной степени интересных, сложных и т.д.). Одинаковыми должны быть и другие параметры: объем текста, длительность перерывов между чтениями и т.д.
Корректно ли проанализированы полученные данные?	Данные должны быть обработаны с использованием адекватных статистических методов

исследователям выявлять причинно-следственные связи. Кроме того, когда исследования частных случаев дополняются адекватными экспериментами с группами, результаты таких исследований можно проверить и распространить на более широкую выборку.

Важность использования совокупности методов

Итак, мы рассмотрели ряд методов сбора психологических данных: эксперимент с использованием групп и эксперимент с частным случаем, исследование взаимосвязи и исследование частных случаев. Каждый из этих методов, в свою очередь, может быть подразделен в соответствии с типом испытуемых. Кроме того, классификация может быть основана на критерии обстановки: лабораторное либо полевое исследование, например, в школе или дома у испытуемых.

Еще одна классификация связана с типом собираемых сведений. Многие исследования предполагают использование *самоотчетов*, когда испытуемые сами описывают свои чувства, мысли, установки или поступки. В других исследованиях практикуется *анализ поведения*, а данные самоотчета к рассмотрению не принимаются. В такого рода исследованиях анализируется, что делает испытуемый и как он это делает. (К примеру, как быстро он отвечает на вопросы исследователя? Как точно он выполняет задание? Насколько привлекательным он представляется окружающим?) Существуют и такие исследования, где анализируются разнообразные *физиологические показатели* с использованием самых разнообразных методов: от ЭЭГ⁹ и ПЭТ¹⁰ до химического анализа крови, пота и мочи испытуемых <...>.

Каждый из этих методов сбора данных имеет свои преимущества и недостатки. Но психологи нередко используют их в совокупности, причем даже тогда, когда пытаются ответить на какой-то частный вопрос. К примеру, то, что мы говорили о депрессии <...> основано на экспериментальных данных и данных о взаимосвязи, на самоотчетах, на анализе поведения и физиологических показателей.

Итак, современная психология — это эклектическое смешение методов, это использование всех возможных методик для ответа на поставленный вопрос. У каждого метода есть свои сильные и слабые стороны. Эксперименты позволяют установить причинно-следственную связь, но они не всегда возможны или приемлемы; таким образом, сочетание эксперимента и наблюдения позволит нам исследовать более широкий круг проблем, а во многих случаях и установить причину и следствие. То же самое относится и к сочетанию эксперимента с группами с исследованием частных случаев, сочетанию исследования взаимосвязи с экспериментом с частным случаем. В реальной профессиональной практике все эти методы психологи используют комплексно.

---

⁹ *Электронцефалограмма (ЭЭГ)* — запись суммарной активности клеток коры головного мозга, регистрируемой с помощью электродов. — *Ред.-сост.*

¹⁰ *Позитронная эмиссионная томография (ПЭТ)* — метод исследования функционирования мозга путем наблюдения за степенью метаболической активности различных областей головного мозга. — *Ред.-сост.*

Обобщение результатов исследования

Итак, мы рассмотрели, как следует формулировать гипотезу и как следует планировать и проводить исследование. <...> [Следующий шаг — анализ данных. — *Ред.-сост.*] с помощью статистических методов. А потом, когда данные уже проанализированы, исследователь пытается сделать на их основе какие-то выводы, как правило, касающиеся подтверждения либо опровержения гипотезы.

И почти всегда исследователи стремятся сделать на основе полученных данных какие-то *обобщения*. Хотя они и исследовали всего лишь небольшую группу людей, им очень хочется ответить на такие вопросы, которые касаются многих. Точно так же — хотя они и наблюдают своих испытуемых на протяжении небольшого отрезка времени — они стремятся понять, как люди ведут себя (и думают и чувствуют) изо дня в день в своей повседневной жизни.

Оправданны ли такие обобщения? Можем ли мы делать какие-то утверждения относительно того, как ведут себя люди, опираясь на результаты наших кратковременных исследований, проведенных на ограниченной выборке испытуемых? Это зависит от *внешней валидности* того или иного исследования. Считается, что исследование обладает достаточной внешней валидностью, если его участники, стимулы и процедура адекватно отражают мир, остающийся за рамками исследования. Для обеспечения внешней валидности нужно, чтобы выборка испытуемых была репрезентативна той группе, на которую исследователь намеревается распространить полученные результаты, а лабораторные стимулы — тем, с которыми сталкивается человек за пределами лаборатории.

Отбор испытуемых

Как правило, психологи хотят, чтобы их выводы можно было распространить на какую-то конкретную группу в целом, на всю *генеральную совокупность*, скажем, на всех трехлетних мальчиков, всех шизофреников, всех совершеннолетних граждан и, в некоторых случаях, на всех людей. Для этого им необходимо создать *выборку*, т.е. подмножество интересующей их группы. Они ожидают, что результаты, полученные на этой выборке, можно будет распространить на всю генеральную совокупность, которая этой выборкой представлена.

Распространение результатов, полученных на определенной выборке, на всю совокупность может быть осуществлено только в том случае, если выборка репрезентативна по отношению к генеральной совокупности. Предположим, некто провел исследование навыков чтения студентов какого-либо колледжа. Может ли он говорить о том, что полученные им результаты характеризуют всех взрослых людей? Ответ будет отрицательным, поскольку студенты колледжа читают больше и более сложные тексты, чем другие люди, а посему соответствующие навыки развиты у них в большей степени. А это

значит, что выводы из этого исследования стоит распространять только на совокупность студентов колледжей.

Случаи, когда неадекватно сформированная выборка приводила к неверным результатам, вспомнить несложно. Классический пример такого рода — опрос общественного мнения 1936 г., по результатам которого было предсказано поражение Франклина Рузвельта¹¹ на президентских выборах. Рузвельт победил на выборах благодаря сельским жителям, а столь радикальная ошибка была следствием *искажения выборки*: все опрашиваемые были отобраны с помощью телефонной книги, однако в 1936 г. телефоны были только у людей с достаточно высоким социально-экономическим статусом. В результате выборка была нерепрезентативной по отношению к генеральной совокупности, а поскольку социально-экономическое положение человека влияет на его политические предпочтения, опрос оказался невалидным, а сделанные на его основе прогнозы — неверными.

Случайные и стратифицированные выборки

Для того чтобы иметь возможность распространить результаты исследования на всю генеральную совокупность, часто используют *случайную выборку*, т.е. такую выборку, где каждый представитель генеральной совокупности имеет равный шанс быть отобранным.

Но для решения некоторых исследовательских задач использование случайной выборки нецелесообразно. Если каждый представитель генеральной совокупности имеет равный шанс быть отобранным, выборка совершенно случайно может оказаться абсолютно нетипичной. Правда, такая опасность уменьшается с увеличением размера выборки. Но если исследователь вынужден ограничиться выборкой небольшого размера (вследствие недостатка времени или средств), то ему необходимо использовать другую процедуру для формирования выборки.

Предположим, мы хотим провести опрос с целью выявления установок граждан относительно легализации аборт. Мы можем предположить, что установки будут зависеть от возраста, пола и религиозной принадлежности опрашиваемых. Если нам нужна выборка небольшого размера, важно, чтобы все подгруппы генеральной совокупности были представлены пропорционально своему реальному соотношению, но внутри каждой из подгрупп отбор должен проводиться случайным образом. Так, к примеру, если люди моложе 18 лет составляют 30 % генеральной совокупности, а люди старше 18 лет — остальные 70 %, то в выборке должна сохраняться та же самая пропорция. Такая выборка называется *стратифицированной*, и она обычно используется при изучении психологических особенностей или установок, значительно варьирующих от подгруппы к подгруппе.

---

¹¹ Рузвельт (*Roosevelt*) Франклин Делано (1882—1945) — 32-й президент США (1933—1945) от Демократической партии (избирался на этот пост четыре раза).

Выборка реакций

Различие между выборкой и генеральной совокупностью касается не только состава испытуемых, но и их реакций. Предположим, что исследователь наблюдал за своими испытуемыми десять раз. Эти десять ситуаций можно рассматривать как выборку всех возможных ситуаций, а не только тех, которые были зафиксированы исследователем. И в этом случае исследователь также должен быть уверен в том, что его выборка репрезентативна по отношению к генеральной совокупности. К примеру, если ученый хочет исследовать физическую агрессию, проявляемую детьми, он должен быть уверен в том, что в момент наблюдения дети не были слишком утомлены, на них не оказывало влияние присутствие директора школы и так далее.

Внешняя валидность

Очевидно, что внешняя валидность зависит от деталей исследования: как отобранные испытуемые, каков стимульный материал и т.п. Кроме того, внешняя валидность зависит и от того, что является предметом исследования. Если исследователь изучает зрительное восприятие на выборке студентов американских колледжей, он вполне может сделать валидные выводы относительно того, как работает зрительное восприятие человека в целом, независимо от того, где он проживает — в Америке, на Тайване или в Уганде. Объяснение заключается в том, что зрительное восприятие тесно связано с биологическими особенностями человека как вида, и поэтому мы можем делать широкие обобщения. И совсем иначе обстоит дело в том случае, если мы изучаем навыки чтения студентов колледжа, поскольку полученные результаты не могут быть распространены на всех без исключения взрослых или на представителей других культур.

Следует особо подчеркнуть, что исследователь должен решать проблему внешней валидности только за счет строгости процедуры исследования, а не основываться на соображениях здравого смысла. Например, можно было бы предположить, что социальное поведение студентов колледжа будет сильно отличаться от социального поведения тех, кто не обучается в колледже, или от поведения представителей других культур. Однако исследования показали, что некоторые принципы социального поведения идентичны в самых разных культурах <...>. Иными словами, в некоторых социально-психологических исследованиях мы можем без колебаний распространять результаты на более широкую совокупность, в других же это будет некорректно.

Нужно также отметить, что обычно внешнюю валидность можно гарантировать лишь в том случае, когда задания и стимулы репрезентативны тем, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни. Однако в некоторых случаях исследование будет внешне валидным как раз тогда, когда использованные в нем задания и стимулы представляются достаточно неестественными

или нереалистичными. И здесь в качестве примера можно привести исследование иллюзий восприятия. За пределами лаборатории нам редко приходится встречать такие фигуры, но исследования с использованием этих стимулов, тем не менее, являются внешне валидными. Психологи могут получить важную информацию о зрительном восприятии, проанализировав то, как мы воспринимаем эти необычные фигуры, потому что процессы, происходящие при восприятии таких фигур, аналогичны тем, что имеют место в нашей повседневной жизни.

Как определить, является ли исследование внешне валидным? Рассмотрим, к примеру, исследования того, насколько хорошо свидетель или жертва преступления помнят его детали. Смогут ли они вспомнить последовательность событий или лицо преступника? Было проведено немало лабораторных экспериментов с целью ответить на этот вопрос. Но можно ли распространить результаты лабораторного эксперимента на реальную ситуацию, когда человек зол, испуган, когда он эмоционально вовлечен в происходящее? Этот вопрос пока не получил удовлетворительного ответа. Один из вариантов решения — скомбинировать лабораторные опыты с исследованием конкретных примеров, конкретных свидетельских показаний. Исследования частных случаев зачастую бывает сложно интерпретировать, потому что (помимо всего прочего) жизнь редко предоставляет исследователю должным образом сформированные контрольные группы. И все же, в целом, если мы можем предсказать реальные результаты, основываясь на исходе лабораторного эксперимента, то мы вполне можем говорить о том, что этот лабораторный эксперимент обладает достаточной внешней валидностью¹².

Внешняя валидность имеет огромное значение практически во всех областях психологии. Являются ли используемые нами категории психических расстройств адекватными только для Северной Америки и Западной Европы, или же они являются культурными универсалиями? <...> Можно ли обнаружить одни и те же паттерны когнитивного развития у детей из разных социально-экономических слоев и культурных групп? <...> Аналогичны ли процессы мышления, происходящие в лабораторных условиях, тем процессам, которые имеют место в реальной жизни? <...> Каждый из этих вопросов требует дальнейшего исследования.

---

¹² Данные, касающиеся валидности свидетельских показаний, см.: Loftus E.F. Eyewitness testimony. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1979; McCloskey M., Egeth H. Eyewitness identification: What can a psychologist tell a jury? // American Psychologist. 1983. Vol. 38. P. 550—563; Ross D.F., Read J.D., Toglia M.P. (Eds). Adult eyewitness memory: Current trends and developments. Cambridge University Press, 1994; Shobe K.K., Kihlstrom J.F. Recall, recognition, and recollective experience in false memory. Paper presented at the annual meeting of the American Psychological Association, Chicago. Aug. 1997.

**Р. Герриг,
Ф. Зимбардо**

Знакомство со статистикой: анализ данных и составление заключений*

Психологи пользуются статистическими методами, чтобы осмыслить собранную ими информацию. Статистические методы также обеспечивают количественную базу для составления заключений. Имея некоторые представления о статистике, вы сможете по достоинству оценить процесс развития психологического знания. Лично вам базовые знания статистики пригодятся в ситуации выбора, если при этом кто-то будет пытаться повлиять на ваше мнение и ваши действия с помощью тех или иных данных. Большинство студентов воспринимают статистику как сухую, неинтересную тему. Тем не менее статистика крайне необходима в жизни. Чтобы продемонстрировать ее важность, мы рассмотрим один проект, начиная с представления лежащих в его основе идей, заканчивая статистическими аргументами, использовавшимися для подтверждения общих выводов. Проект возник в ответ на газетный материал, а именно на сообщения, появляющиеся на первых полосах и касающиеся скромных и тихих людей, неожиданно ставших убийцами. Вот пример: Родственники, сослуживцы и знакомые описывали Фреда Коуэна как «приятного, тихого человека», «благовоспитанного мужчину, который любил детей» и «абсолютно безобидного добряка». Директор приходской школы, которую посещал Коуэн, сказал, что его бывший ученик получал лучшие отметки по этикету, совместной работе и религии. По словам сослуживца, Коуэн «ни с кем не общался и был тем, кем можно было помыкать». Тем не менее Коуэн удивил всех, кто его знал, когда однажды в день святого Валентина он пришел на работу с полуавтоматической винтовкой, открыл стрельбу и убил четырех сослуживцев, полицейского, а затем — себя.

Сюжет этой истории достаточно обычен: тихий, застенчивый человек неожиданно становится жестоким, шокируя всех, кто его знает. Что общего у Фреда Коуэна с другими нежными и заботливыми людьми, которые неожиданно превращаются в жестоких и безжалостных? Какие черты характера отличают их от нас?

---

* Герриг Р., Зимбардо Ф. Психология и жизнь. СПб.: Питер, 2004. С. 82—97.

Исследователи догадывались, что между застенчивостью, другими характеристиками личности и жестоким поведением должна быть какая-то связь <...>. Они начали собирать данные, которые помогли бы им эту связь обнаружить. По их предположению, те, кто с виду выглядят безобидными и вдруг неожиданно совершают убийство, обычно оказываются застенчивыми, неагрессивными людьми, умеющими держать под контролем свои страсти и порывы. Большую часть своей жизни они молча терпят обиды. Они крайне редко или никогда не выражают свой гнев, каким бы сильным он ни был. Со стороны они кажутся непоколебимыми, но внутри сражаются с приступами ярости. Они — и дети, и взрослые — производят впечатление спокойных, покорных, ответственных людей. Вероятно, из-за застенчивости они не могут ни с кем сблизиться, поэтому никто не знает, что они в действительности чувствуют. А потом вдруг что-то взрывается. Еще одна мелкая провокация, обида или отказ, еще немного давления — и запал зажат. Тогда они освобождают накопившуюся за долгое время подавляемую агрессию. Они не научились справляться с межличностными конфликтами посредством обсуждения и переговоров и вынуждены физически высвободить свой гнев.

Результатом размышлений исследователей стало предположение о том, что застенчивость — скорее характеристика *неожиданных убийц*, т.е. людей, которые совершили убийство без предшествующего антисоциального поведения, чем *убийц — закоренелых преступников*, тех, кто совершал убийства раньше и для кого в прошлом была характерна преступная деятельность. Кроме того, у неожиданных убийц должен быть более высокий, чем у обыкновенно жестоких людей, уровень контроля своих импульсов. И наконец, как выявлено с помощью стандартизированного ролевого теста, их покорность и зависимость должны носить более женственный и андрогинный (сочетающий мужское и женское) характер, чем у закоренелых преступников.

Чтобы проверить гипотезу о неожиданных убийцах, исследователи получили разрешение провести психологическое тестирование группы заключенных, отбывающих наказание за убийство в калифорнийских тюрьмах. В исследовании согласились принять участие 19 мужчин. Одни из них до совершения убийства совершали иные преступления, другие же не были замечены до этого ни в какой криминальной деятельности. Исследователи собрали данные по трем показателям: степень застенчивости, половая идентификация и уровень контроля побудительных импульсов.

Данные по застенчивости были получены с помощью Стэнфордского опросника, направленного на изучение застенчивости (*Stanford Shyness Survey*). Ключевой вопрос данного теста определял, был ли человек застенчивым; ответ мог быть либо «да», либо «нет». Другие вопросы касались степени и характеристик застенчивости. Также изучались различные показатели, имеющие отношение к возникновению <...> застенчивости <...>.

Вторым опросником был тест половой идентификации Берна (*Bern Sex-Role Inventory, BSRI*), который представлял собой список прилагательных типа *агрес-*

сивный и ласковый; в нем просили указать, насколько каждое прилагательное описывает отвечающего <...>. Одни прилагательные относились к женским характеристикам, и сумма, набранная по этим прилагательным, была показателем женственности опрашиваемого. Другие прилагательные имели отношение к мужским качествам, и сумма, набранная по ним, была показателем мужественности. Окончательный результат, выявляющий различия между женственностью и мужественностью, высчитывался вычитанием значения показателя мужественности из значения показателя женственности. Объединение значений показателей мужественности и женственности определяло степень андрогинности.

Третьим был Миннесотский многофакторный личностный опросник (*MMPI*), разработанный для оценки различных личностных характеристик. В исследовании использовалась только шкала «самоконтроля», выявляющая, насколько человек способен подчиняться или контролировать свои импульсы. Чем выше значение показателя по этой шкале, тем в большей степени человеку свойствен самоконтроль.

Исследователи предположили, что по сравнению с убийцами, имевшими криминальное прошлое, неожиданные убийцы 1) будут чаще описывать себя как застенчивых по тесту на застенчивость; 2) по тесту на половую идентификацию выбирать скорее женственные, чем мужественные характеристики и 3) иметь более высокое значение показателя по шкале самоконтроля. Что же они обнаружили?

До того, как вы это узнаете, мы познакомим вас с некоторыми основными процедурами, применявшимися для анализа этих данных. Фактическая совокупность данных, собранных исследователями, будет использована в качестве первоисточника для представления вариантов статистического анализа и возможных выводов.

Анализ данных

Для большинства исследователей в области психологии статистический анализ данных является захватывающим моментом, поскольку он позволяет определить, были ли верны их предположения. ...Мы поэтапно рассмотрим анализ некоторых данных, собранных во время исследования неожиданных убийц. Далее вы увидите цифры и уравнения. Помните, что математика — это инструмент; а математические символы — это знаки, с помощью которых представляются идеи и понятийные операции.

В табл. 1 приведены *исходные данные* — фактические результаты, полученные в ходе исследования 19 заключенных, отбывающих срок за убийство. Как видно, 10 человек составили группу неожиданных убийц и 9 — группу убийц с криминальным прошлым. При первом взгляде на эти результаты любой исследователь почувствовал бы то же самое, что, возможно, чувствуете вы, — замешательство. Что значат все эти цифры? Различаются ли эти две группы убийц по представленным различным личностным показателям? Просто посмотрев на беспорядочный набор цифр, это сложно понять.

Таблица 1

Исходные данные исследования неожиданных убийц

Заклученные	Застенчивость	BSRI	MMPI
		Женственность—мужественность	Самоконтроль
Группа 1: неожиданные убийцы			
1	Да	+5	17
2	Нет	−1	17
3	Да	+4	13
4	Да	+61	17
5	Да	+19	13
6	Да	+41	19
7	Нет	−29	14
8	Да	+23	9
9	Да	−13	11
10	Да	+5	14
Группа 2: убийцы — закоренелые преступники			
11	Нет	−12	15
12	Нет	−14	11
13	Да	−33	14
14	Нет	−8	10
15	Нет	−7	16
16	Нет	+3	11
17	Нет	−17	5
18	Нет	+6	9
19	Нет	−10	12

Для того чтобы на основе собранных данных сделать какие-либо выводы, психологи полагаются на два вида статистики: описательную и инференциальную.

Описательная статистика использует объективные и стандартные математические процедуры для описания различных аспектов полученных в цифрах данных. Если вы когда-нибудь вычисляли среднюю оценку, то вы уже имели дело с описательной статистикой. *Инференциальная статистика*, чтобы вывести имеющие смысл заключения о том, какие результаты являются просто случайным совпадением, а какие нет, пользуется теорией вероятности.

Описательная статистика

Описательная статистика позволяет увидеть общий результат, выведенный на основе всех собранных данных. Она используется для описания совокупностей результатов, собранных в ходе исследования одного участника эксперимента или, что происходит чаще, различных групп участников. Кроме того, к ней прибегают, когда необходимо описать отношение между переменными. Таким образом, вместо того чтобы запоминать все полученные цифры, исследователи получают какое-то общее значение показателя, которое оказывается наибо-

лее *типичным* для каждой группы. Также они оценивают *распределение* результатов по отношению к типичному значению показателя, выясняя, разбросаны ли они или плотно группируются около основного значения показателя. Посмотрим, как исследователи получают эти значения.

Частотное распределение

Как бы вы резюмировали результаты, представленные в табл. 1? Чтобы представить, как распределяются разные значения, мы можем вычислить *частотное распределение* — показатель того, насколько часто появляются те или иные результаты. Данным по застенчивости легко подвести итог. Из 19 возможных ответов 9 ответов «да» и 10 «нет»; почти все ответы «да» принадлежат первой группе, а ответы «нет» — второй группе. Однако результаты по шкале самоконтроля и половой идентификации не являются легко интерпретируемыми ответами «да» и «нет». Для того чтобы увидеть, как частотное распределение цифровых результатов позволяет провести информативные сравнения между группами, обратимся к результатам по шкале половой идентификации.

Взгляните на результаты по шкале половой идентификации в табл. 1. Самое высокое значение +61 (наивысший показатель по характеристике «женственность»), а самое низкое значение –33 (наивысший показатель по характеристике «мужественность»). Из 19 результатов — 9 положительных и 10 отрицательных. Это означает, что 9 убийц описали себя как обладающих относительно женственными характеристиками, а 10 — как обладающих относительно мужественными характеристиками. Но каким было распределение этих результатов в группах? Первый шаг в подготовке частотного распределения для совокупности цифровых данных — это *ранжирование* результатов от самого высокого к самому низкому. Ранжирование результатов по шкале половой идентификации представлено в табл. 2.

Таблица 2

Ранжирование результатов по шкале половой идентификации

Наивысшие	+61	–1	Самые низкие
	+41	–7	
	+23	–8	
	+19	–10	
	+6	–12	
	+5	–13	
	+5	–14	
	+4	–17	
	+3	–29	
	–33		

Примечание. Положительные результаты являются показателями женственности, отрицательные — мужественности.

Таблица 3

Частотное распределение результатов по шкале половой идентификации

Категория	Частотность
От +60 до +69	1
От +50 до +59	0
От +40 до +49	1
От +30 до+39	0
От +20 до +29	1
От+10 до+19	1
От 0 до +9	5
От-10 до-1	4
От-20 до-11	4
От -30 до -21	1
От-40 до-31	1

Следующий шаг — группирование ранжированных результатов по небольшим категориям, называемым *интервалами*. В этом исследовании использовалось 10 категорий, каждая из которых включала 10 возможных результатов. Третий шаг — построение таблицы частотного распределения, представляющей интервалы от самого высокого к самому низкому со значениями *частотности* или количества результатов в каждом интервале. Наше частотное распределение показывает, что больше всего результатов по шкале половой идентификации находится между –20 и +9 (табл. 3).

Большинство результатов незначительно отклоняется от нулевого значения. То есть результаты нельзя назвать ни строго положительными, ни строго отрицательными.

Теперь данные распределены по соответствующим категориям. Следующий шаг — представить распределения на графике.

Графики

Распределения легче всего изобразить на графиках. Простейший вариант графика — это *столбчатая диаграмма*. Столбчатые диаграммы позволяют наглядно представить данные. С помощью столбчатой диаграммы можно проиллюстрировать, насколько больше неожиданных убийц описали себя скромными (рис. 1).

В случае с информацией более высокого уровня сложности, например распределения результатов по половой идентификации, можно применить *гистограмму*, график, подобный предыдущему, в котором категориями будут интервалы — не названия групп, как в столбчатой диаграмме, а цифровые отрез-

Рис. 1. Распределение результатов по шкале «застенчивость» у двух групп (столбчатая диаграмма)

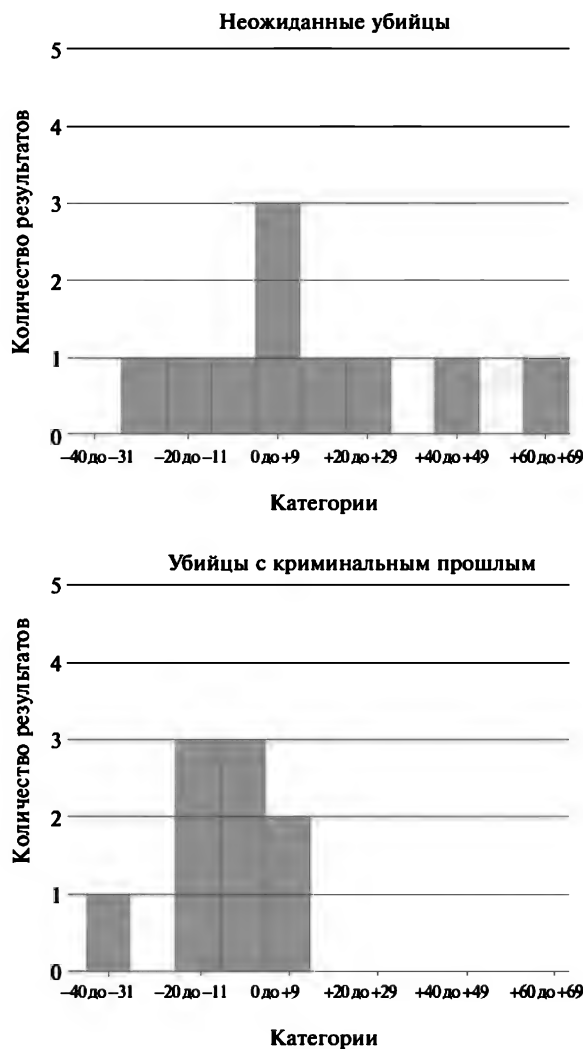

Рис. 2. Распределение результатов по половой идентификации (гистограммы)

ки. Гистограмма дает наглядное представление о количестве значений результатов в каждом интервале. На примере распределения результатов по половой идентификации, представленном на гистограммах (рис. 2), легко увидеть, что распределения результатов в двух группах убийц отличаются.

Из рис. 1 и 2 видно, что распределение результатов подтверждает две гипотезы исследователей. В отличие от убийц с криминальным прошлым неожиданные убийцы чаще описывали себя как людей скромных и приписывали себе женственные характеристики.

Единица оценки центральной тенденции

Пока мы построили лишь общую картину *распределения* значений. Таблицы и графики дают более полное представление о результатах исследования, но мы хотим знать больше, например наиболее типичное значение результата для группы в целом. Этот показатель может быть особенно полезным при сравнении двух или большего количества групп, так как намного проще сравнить типичные значения результатов двух групп, чем их полные распределения. Единый *показательный* результат, который может быть представлен как основной показатель наиболее типичных результатов, полученных в группе участников исследования, называется *единицей оценки центральной тенденции*. (Он находится в центре распределения, а другие результаты собираются вокруг него.) Обычно психологи используют три единицы оценки центральной тенденции: *моду, медиану и среднюю величину*.

Мода — результат, который встречается чаще остальных. При оценке застенчивости наиболее часто встречающимся ответом у неожиданных убийц было «да» — 8 из 10 человек охарактеризовали себя как застенчивых. Для убийц с криминальным прошлым характерным ответом было «нет». Мода половой идентификации неожиданных убийц равнялась +5. Можете ли вы определить их моду самоконтроля? Мода — легче всего определяемый показатель центральной тенденции, но наименее значимый. Вы поймете, почему этот показатель не является значимым, если посмотрите на результаты по шкале самоконтроля и увидите, что только один из них выходит за границы моды, равной 17, а шесть — лежат в ее пределах. Несмотря на то что 17 — наиболее часто встречаемый результат, он может не соответствовать понятию «типичного» или «центрального» значения.

Медиана — наиболее точное значение центральной тенденции; она разделяет распределение на верхнюю и нижнюю части. Количество результатов с одной стороны медианы равно количеству результатов с другой стороны. В случае нечетного количества результатов медиана становится центральным результатом; если количество результатов составляет четное число, исследователи в большинстве случаев выводят среднюю из двух центральных результатов и определяют ее как медиану. К примеру, если вы на отдельном листке бумаги проранжируете результаты по половой идентификации у убийц с крими-

нальным прошлым, вы увидите, что медиана равна -10 и имеет по четыре результата с каждой стороны. В варианте с неожиданными убийцами медиана равна $+5$ — среднему между пятым и шестым результатами, каждый из которых оказался равен $+5$. На медиану не влияет величина результатов. Например, даже если самое высокое значение результата по половой идентификации у неожиданных убийц было бы равно $+129$, а не $+61$, медиана осталась бы с таким же значением $+5$. Она по-прежнему разделяла бы данные на две части — верхнюю и нижнюю. Медиана — это просто значение, находящееся в середине распределения.

Средняя величина — это то, что подразумевают люди, когда слышат фразу «среднее арифметическое». Это также то, чем чаще всего пользуется статистика при описании данных. Для того чтобы вычислить среднюю, необходимо сложить все результаты в распределении и разделить полученную сумму на полное количество результатов. Это делается с помощью следующей формулы:

$$M = \Sigma X / N,$$

где M — средняя величина, X — каждый отдельный результат, Σ — сумма значений результатов и N — полное количество результатов. Так как сумма всех результатов по шкале «половая идентификация» (ΣX) равна 115 , а полное количество результатов (N) равно 10 , уравнение, вычисляющее среднюю величину (M) по этой шкале для неожиданных убийц, будет выглядеть следующим образом:

$$M = 115/10 = 11,5.$$

Попробуйте самостоятельно вычислить среднюю величину результатов по шкале «самоконтроль». У вас должно получиться $14,4$.

В отличие от медианы средняя величина зависит от значения величин всех результатов распределения. Изменение значений крайних результатов приведет к изменению средней величины. Например, если значение результата четвертого заключенного по шкале половой идентификации было бы равно $+101$ вместо $+61$, значение средней величины для всей группы увеличилось бы с $11,5$ до $15,5$.

Изменчивость

В добавление к информации о том, какой результат будет наиболее показательным во всем распределении, полезно знать, насколько на самом деле показательна единица оценки центральной тенденции. Близко ли расположены к ней другие результаты или же, наоборот, широко разбросаны? *Показатели изменчивости* — статистические величины, описывающие распределение результатов вокруг единицы оценки центральной тенденции.

Значение показателей изменчивости очень велико. Рассмотрим пример. Допустим, вы преподаватель начальных классов. Начало учебного года, и вы собираетесь учить чтению группу из 30 второклассников. Знание о том, что

дети должны уметь читать книги для первоклассников, поможет вам спланировать занятия. Однако вы спланируете их еще лучше, если будете знать, насколько *одинаков* или *различен* уровень навыка чтения у этих 30 детей. Все ли они находятся примерно на одном уровне (низкая изменчивость)? Если так, то вы можете планировать стандартные занятия для второклассников. Но что, если некоторые могут читать материал, выходящий за рамки программы первоклассника, а другие вообще с трудом читают (высокая изменчивость)? В этом случае средняя величина не является достаточно показательным результатом всего класса и вам придется планировать разнообразные занятия, которые соответствовали бы способностям и потребностям каждого ребенка.

Простейший показатель изменчивости — это *диапазон распределения*, разница между наибольшим и наименьшим значениями в частотном распределении. Для результатов по половой идентификации у неожиданных убийц диапазон распределения равен 90: (+61) – (–29). Диапазон распределения их результатов по шкале «самоконтроль» равен 10: (+19) – (+9). Чтобы вычислить диапазон распределения, необходимо знать только два значения: наибольший и наименьший.

Диапазон распределения легко вычислить, однако психологи зачастую предпочитают более точные значения изменчивости, учитывающие *все* результаты распределения, а не только крайние. Один из широко используемых показателей — это *стандартное отклонение (СО)*, степень изменения, показывающая *среднюю* разницу результатов и их средней величины. Для того чтобы вычислить стандартное отклонение распределения, необходимо знать среднюю величину распределения и значения всех результатов. Основная процедура представляет собой вычитание значения средней величины из значения каждого отдельного результата, а затем вычисление средней арифметической отклонений средней величины. Вот как выглядит формула:

$$\sqrt{\frac{\sum (X - M)^2}{N}}.$$

Большая часть знаков формулы известна, так как мы уже вычисляли среднюю величину. Выражение $(X - M)$ есть значение каждого результата минус значение средней величины, что обычно называют *значением отклонения*. Значение средней величины вычитается из значения каждого отдельного результата, получившееся число возводится в квадрат (чтобы избавиться от отрицательных значений). Затем, путем сложения полученных значений ($\sum$) и деления всей суммы на количество наблюдений (N), вычисляется средняя этих отклонений. Знак $\sqrt{}$ указывает на то, что из всего полученного результата необходимо извлечь квадратный корень, чтобы убрать предыдущее возведение в квадрат. Стандартное отклонение значений по шкале «самоконтроль» у неожиданных убийц вычисляется в табл. 4. Напомним, что средняя

Таблица 4

**Вычисление стандартного отклонения значений результатов
по шкале самоконтроля у неожиданных убийц**

Значение результата (X)	Отклонение (значение результата минус значение средней величины) ($X-M$)	Значение отклонения, возведенное в квадрат (значение результата минус значение средней величины) ² ($X-M$) ²
17	2,6	6,76
17	2,6	6,76
13	-1,4	1,96
17	2,6	6,76
13	-1,4	1,96
19	4,6	21,16
14	-0,4	0,16
9	-5,4	29,16
1	-3,4	11,56
14	-0,4	0,16

Стандартное отклонение

$$86,40 = \sum (X - M)^2$$

$$CO = \sqrt{\frac{\sum (X - M)^2}{N}} = \sqrt{86,40/10} = \sqrt{8,64} = 2,94$$

этих значений равна 14,4. Таким образом, это и есть то число, которое нужно вычитать из значения каждого результата, чтобы получить соответствующие значения отклонения.

Стандартное отклонение показывает, насколько изменчива совокупность значений. Чем больше стандартное отклонение, тем больше разброс значений. Стандартное отклонение значений по шкале половой идентификации у неожиданных убийц равно 24,6, а стандартное отклонение по этой же шкале у убийц с криминальным прошлым всего лишь 10,7. Это говорит о том, что у результатов убийц с криминальным прошлым изменчивость гораздо ниже. Значения сгруппированы вокруг средней величины, в отличие от значений по этой же шкале у неожиданных убийц. При незначительном стандартном отклонении средняя величина является хорошим показателем всего распределения. При высоком стандартном отклонении средняя величина — менее характерный показатель группы в целом.

Корреляция

Еще один полезный инструмент интерпретации психологических данных — это *коэффициент корреляции*, единица измерения природы и силы отношений между двумя переменными (такими, как рост и вес или результаты по шкале половой идентификации и результаты по шкале самоконтроля). Он показывает, до какой степени связаны результаты, полученные по двум категориям. Если у людей с высокими значениями по одной переменной получаются высокие значения по другой переменной, коэффициент корреляции будет положительным (выше нуля). Но если у большинства участников с высокими значениями по одной переменной получаются низкие значения по другой переменной, коэффициент корреляции будет отрицательным (ниже нуля). Если в отношениях между значениями *нет* никакой последовательности, корреляция будет близкой к нулю $<...>$.

Значение коэффициента корреляции может варьироваться от $+1$ (абсолютно положительной корреляции) и через нулевое значение — до -1 (абсолютно отрицательной корреляции). Чем дальше значение коэффициента от нуля в обоих направлениях, тем теснее связаны между собой две переменные, положительно или отрицательно. Высокий коэффициент позволяет с большей точностью делать прогнозы относительно одной переменной, имея информацию касательно другой.

В исследовании неожиданных убийц коэффициент корреляции (обозначается буквой r) между результатами по шкале половой идентификации и результатами по шкале самоконтроля оказался равным $+0,35$. Таким образом, результаты по обоим шкалам имеют положительную корреляцию, т.е., другими словами, людям, приписывающим себе более женственные характеристики, скорее всего, характерна более высокая степень самоконтроля. Тем не менее, по сравнению с наибольшим возможным значением, равным $+1$, полученная корреляция является умеренной, поэтому мы допускаем наличие большого числа исключений в этом отношении. Также, если бы мы измерили уровень самоуважения этих заключенных и между результатами по шкалам самоконтроля и самоуважения обнаружили бы корреляцию, равную $-0,68$, это означало бы, что шкалы негативно коррелируют между собой. В этом случае можно было бы сказать, что те, у кого высокие показатели по шкале самоконтроля, скорее всего, будут иметь более низкие показатели по шкале самоуважения. Здесь будет наблюдаться более сильная связь, нежели в случае корреляции между результатами по шкалам половой идентификации и самоконтроля, так как $-0,68$ находится дальше от нуля (точки отсутствия всякого отношения), чем $+0,35$.

Инференциальная статистика

Получив ряд статистических результатов, мы можем интерпретировать полученные в ходе исследования неожиданных убийц данные и таким образом получить ясную картину этих результатов. Тем не менее на некоторые основные

вопросы ответы еще не найдены. Напомним, что исследовательская команда предположила, что неожиданные убийцы должны быть более застенчивыми, обладать высокой степенью самоконтроля и более женственными характеристиками, нежели убийцы с криминальным прошлым. На основании сравнения средних значений и изменчивости по результатам двух групп мы можем сделать вывод, что между группами существуют некоторые различия. Но как нам узнать, что различия действительно значительны и носят показательный характер? Если бы мы повторили это исследование с другими неожиданными убийцами и убийцами с криминальным прошлым, смогли бы мы в результате получить точно такую же картину или, возможно, полученные нами данные оказались бы всего лишь результатом случайности? Если бы нам каким-либо образом удалось исследовать всю популяцию неожиданных убийц и убийц с криминальным прошлым, были бы значения средних величин и стандартных отклонений такими же, как мы получили для этих небольших выборок?

Для ответов на все эти вопросы нам нужно прибегнуть к инференциальной статистике. С ее помощью мы определим, какие выводы мы *можем* сделать из наших выборок и какие заключения из наших данных мы имеем право вывести. Чтобы определить возможность случайности полученной совокупности данных, в инференциальной статистике используется теория вероятности.

Нормальное распределение

Для того чтобы понять, как работает инференциальная статистика, мы должны сначала взглянуть на особые свойства распределения, которые называются *нормальным распределением*. Когда по какой-либо переменной (например, рост, коэффициент интеллекта или степень самоконтроля) на большой выборке собраны данные, полученные результаты на графике часто соответствуют кривой, подобной той, что изображена на рис. 3. Обратите внимание: кривая симметрична (левая половина является зеркальным отражением правой) и имеет форму колокола — высокая в середине, где собрано большинство значений, и снисходящая от центра. Такая кривая называется *нормальным распределением*, или *нормальной кривой*. (*Асимметричным* распределением называется то, в котором значения скапливаются по направлению к одному из концов, а не вокруг центра.)

При нормальном распределении значения медианы, моды и средней величины равны. Показатель процентного распределения результатов предположительно должен попадать в различные секции кривой. На рис. 3 показано распределение результатов по тесту на интеллект Станфорд—Бине. У этих значений есть средняя величина, равная 100, и стандартное отклонение, равное 16. Отметив стандартные отклонения как отрезки на основной оси, отходящие от среднего показателя, вы обнаружите, что немного более 68 % значений находятся между средней величиной и первым стандартным отклонением снизу и сверху — между коэффициентами интеллекта, равными 84 и 116. Другие

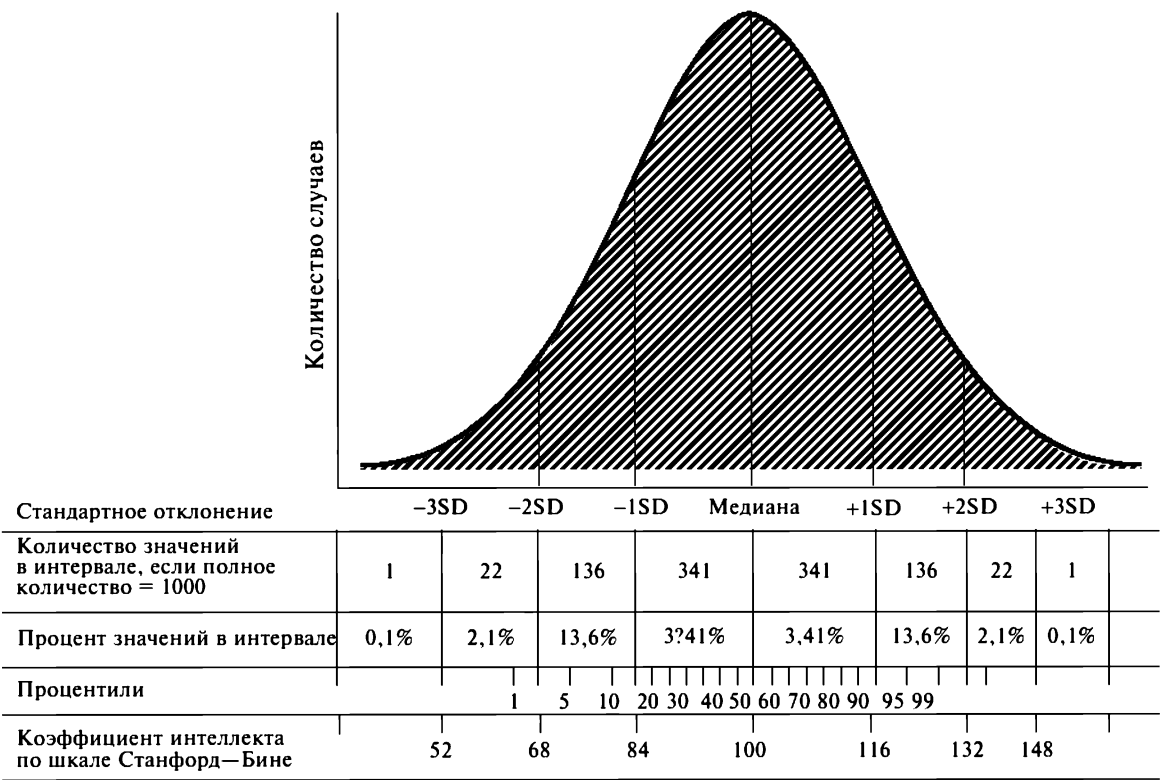

Рис. 3. Нормальное распределение

27 % значений находятся между первым и вторым стандартными отклонениями под средней величиной (значения коэффициента интеллекта между 68 и 84) и сверху средней величины (значения коэффициента интеллекта между 116 и 132). Меньше 5 % значений попадают в отрезки третьего стандартного отклонения снизу и сверху средней величины, и совсем незначительное количество значений выходит за пределы третьего отклонения — всего около четверти процента.

Инференциальная статистика определяет вероятность отношения полученных вами данных к тому, что вы пытаетесь измерить, т.е. показывает, получили ли вы весомые данные или же это просто случайные результаты. Например, намного вероятнее, что коэффициент интеллекта исследуемого человека будет равен 105, а не 140, но результат, равный 140, более вероятен, чем результат, равный 35.

Также нормальное распределение строится из значений, отличающихся друг от друга только благодаря случайности. Если вы 10 раз подряд подбросите монету и запишете количество выпадений орла или решки, вероятно, вы в большинстве случаев получите цифру пять по каждому варианту. Если вы будете бросать монету 100 раз по 10 бросков, то, возможно, получите несколько серий результатов, где все варианты будут выпадением орла либо решки, больше серий со смешанными результатами и большинство серий, где будет при-

мерно равное выпадение орла и решки. График 1000 подбрасываний монетки будет графиком, подобным нормальному распределению, аналогичному изображенному на рисунке.

Статистическая значимость

Исследователь, обнаруживший разницу между средними значениями в двух выборках, должен задаться вопросом, *действительна* ли эта разница или она является результатом случайности. У случайных различий нормальное распределение, и для ответа на этот вопрос исследователь может применить нормальную кривую. Проиллюстрировать это можно с помощью простого примера. Предположим, ваш преподаватель психологии хочет узнать, влияет ли пол человека, проводящего экзамен, на результаты студентов обоих полов. Для этого он в случайном порядке разделяет студентов на две группы, в одной из которых экзамен принимает мужчина, а в другой — женщина. Затем преподаватель сравнивает средние показатели каждой группы. Скорее всего, эти показатели будут близки по значению, а любое незначительное различие — результатом случайности. Почему? Потому что под влиянием случайности, при наличии двух групп, принадлежащих к одному и тому же населению (отсутствие различий), средние показатели выборок с экзаменатором-мужчиной и экзаменатором-женщиной в большинстве случаев определенно должны быть близкими по значению. Исходя из процентного попадания результатов в различные части нормального распределения, вы знаете, что менее трети результатов, полученных в группе с экзаменатором-мужчиной, может быть больше одного стандартного отклонения снизу или сверху среднего показателя, полученного в группе с экзаменатором-женщиной. Вероятность того, что средний показатель результатов в группе с экзаменатором-мужчиной будет больше трех стандартных отклонений снизу или сверху большинства средних показателей результатов в группах с экзаменатором-женщиной, очень мала. Если бы преподаватель все-таки *обнаружил* большую разницу, он был бы уверен в том, что она действительна и каким-то образом имеет отношение к полу человека, проводящего экзамен. Тогда следующим вопросом станет вопрос о том, *каким образом* данная переменная влияет на результаты экзамена.

Если студенты мужского и женского пола были в случайном порядке распределены по группам к различным экзаменаторам, можно проверить, является ли разница, найденная между результатами групп с разными экзаменаторами, показательной для всех студентов или же она ограничена каким-либо полом. Представьте, что данные свидетельствуют о том, что экзаменатор-мужчина выше оценивает студентов женского пола, нежели экзаменатор-женщина, но оба экзаменатора одинаково оценивают студентов мужского пола. Ваш преподаватель может воспользоваться методом инференциальной статистики и оценить вероятность случайного получения такой разницы. Вычисление будет основываться на величине разницы и разбросе результатов.

По общему соглашению психологи признают разницу «действительной», когда вероятность ее случайности меньше 5 из 100 (обозначается выражением $p < 0,05$). *Достоверное различие* — то, что соответствует этому критерию. Однако в некоторых случаях устанавливается более жесткий уровень вероятности, такой как $p < 0,01$ (меньше 1 из 100) и $p < 0,001$ (меньше 1 из 1000).

Вычислив статистически достоверное различие, исследователь может сделать выводы относительно изучаемого поведения. Для вычисления статистической достоверности ряда наблюдений существует много различных тестов. Вид выбираемого теста в каждом конкретном случае зависит от плана исследования, формы исходных данных и размера групп. Мы коснемся здесь только одного из наиболее часто используемых тестов, t-теста, который применяется в случае, когда исследователь хочет узнать, является ли разница между средними показателями двух групп статистически достоверной.

Мы можем использовать t-тест, чтобы узнать, является ли достоверным различие средних показателей по шкале половой идентификации у неожиданных убийц и убийц с криминальным прошлым. В t-тесте применяется математическая процедура, позволяющая подтвердить выводы, которые вы сделали, например, исходя из результатов, представленных на рис. 2: распределение результатов по шкале половой идентификации достаточно различно, чтобы быть «действительным». Проведя соответствующие вычисления и получив разницу между двумя средними величинами как результат изменчивости вокруг этих средних значений, мы обнаружим, что шанс получения такого большого значения t очень незначителен, менее 5 из 100 ($p < 0,05$), если не существует реального различия. Тем не менее различие статистически достоверно, и мы можем быть уверены, что между двумя группами существует реальная разница. Неожиданные убийцы *действительно* оценили себя, используя более женственные характеристики, в отличие от убийц с криминальным прошлым. С другой стороны, различие между двумя группами убийц по шкале самоконтроля не является статистически достоверным ($p < 0,10$), поэтому нам следует быть более осмотрительными, говоря об этом различии. У прогнозируемого результата есть тенденция — случайное различие будет характерно только для 10 случаев из 100. Однако различие не вписывается в стандартные рамки 5 из 100. (Различие по шкале застенчивости, проанализированное с использованием другой статистической методики для вычисления частотности результатов, оказалось в значительной степени достоверным.) Таким образом, используя методы инференциальной статистики, мы можем ответить на некоторые возникшие у нас ранее важные вопросы и приблизиться к пониманию психологии людей, которые из кротких и застенчивых могут превратиться в неожиданных убийц. Но любое заключение — всего лишь утверждение о *возможном* соотношении исследованных событий; оно никогда не может быть несомненным фактом. Правда в науке условна, всегда доступна для пересмотра и добавления более поздних данных, полученных в ходе более совершенных исследований, разработанных на базе более совершенных гипотез.

Как стать мудрым потребителем статистических данных

Мы разобрались с тем, что такое статистика, как ее применять, а также что она означает. Теперь затронем вопрос о ее неправильном использовании. Благодаря авторитетности статистики многие люди принимают на веру недоказанные «факты», не имея ни малейшего представления о том, как поставить под вопрос цифры, представленные в поддержку какого-либо продукта, политика или предложения. <...> Мы дали вам несколько советов относительно того, как стать мудрым потребителем информации, полученной в ходе исследования. Опираясь на этот краткий обзор статистики, мы хотим добавить ряд рекомендаций, которые помогут вам грамотно отнестись к заявлениям, подкрепленным статистическими данными.

Существует много возможностей ввести в заблуждение, используя методы статистики. Решения, принимаемые на всех стадиях исследования, начиная с того, кем являются участники, заканчивая тем, как продуман план исследования, какие статистические методики выбраны и как они использованы, могут оказать значительное влияние на сделанные на основе полученных данных выводы.

Участники могут сильно отличаться друг от друга, что при представлении результатов порой остается незамеченным. К примеру, исследование взглядов относительно абортов даст совершенно различные результаты, если будет проведено не в университете Нью-Йорка, а в фундаменталистском обществе на юге. Так же как и результат исследования, проводимого организацией, выступающей против абортов, по изучению точек зрения своих членов, вероятнее всего, будет отличаться от результата, полученного в ходе точно такого же исследования, но проведенного организацией, выступающей за свободу выбора.

Даже когда участники исследования отобраны в случайном порядке и не руководствуются определенной методологией, статистика может выдать неверные результаты, если нарушены ее исходные положения. Например, предположим, что тест на *IQ* проходят 20 человек; 19 из них получают результаты, варьирующиеся от 90 до 110 баллов, а 1 получает результат, равный 220 баллам. Средняя величина результатов группы будет значительно завышена этим предельным баллом. В случаях с получением подобных результатов более правильным будет вычисление медианы или моды, которые покажут средний показатель *IQ* группы, в отличие от средней величины, которая укажет на то, что средний член группы имеет высокий коэффициент интеллекта. Подобные отклонения особенно влиятельны в маленьких выборках. Если же количество человек в этой группе составляло бы 2000 вместо 20, то один значительно выходящий за пределы показатель не имел бы никакого влияния, а средняя величина была бы достоверным показателем группового интеллектуального уровня.

Один из способов не поддаться обману — это проверить размер выборки, так как результаты, полученные на больших выборках, с меньшей вероятнос-

тью могут оказаться неверными, нежели результаты, полученные на маленьких выборках. Другой способ — сопоставить медиану или моду со средней величиной. Результатам можно доверять с большей уверенностью, если значения статистических показателей одинаковы, нежели если они отличаются. Вы всегда должны тщательно проверять методологию и результаты отчета об исследовании. Обращайте внимание на то, указывают ли экспериментаторы размер своей выборки, показатели изменчивости и уровни достоверности. Попытайтесь выяснить, насколько точно и последовательно можно проводить измерения с помощью используемых ими методов, для чего бы они ни предназначались.

Статистические методы — основа психологического исследования. Они используются для интерпретации наблюдений и определения достоверности открытий. Посредством описанных нами методов психологи могут построить частотное распределение данных, выявить центральные тенденции и изменчивость результатов. Для определения силы и направления связи между совокупностями результатов можно использовать коэффициент корреляции. И наконец, можно выявить, насколько показательны наблюдения и существует ли достоверное различие в сопоставлении со всем населением. Методы статистики нередко используются в целях обмана тех, кто ничего в них не смыслит. Однако при правильном и этичном применении статистики ее методы позволяют исследователям расширять область психологического знания.

Р. Хок

Что ожидаете, то и получите*

Всем нам хорошо знаком «феномен самоисполняющегося пророчества» (*a self-fulfilling prophecy*), когда человек заранее предопределяет что-то сам для себя. Описать эту концепцию можно так: если мы ожидаем от какого-то действия определенного результата, то наши ожидания будут иметь тенденцию к осуществлению. Действительно ли сделанные человеком предсказания постоянно осуществляются в реальной жизни так, как он предполагал, — этот вопрос пока открыт для научного исследования. Однако работы психологов уже продемонстрировали существование данного феномена в некоторых областях.

Первая научная работа, направленная на изучение вопроса о самоисполняющемся пророчестве, появилась в 1911 г. Она была посвящена изучению известного феномена «Умного Ганса», коня мистера фон Остена¹. Умный Ганс был знаменит тем, что умел читать, писать и решал математические задачи, выстукивая ответ передним копытом. Конечно, было много скептиков. Поэтому способности Ганса проверялись комиссией экспертов, которая установила, что конь демонстрирует их без помощи мистера фон Остена. Но как мог существовать такой — человеческий! — уровень интеллекта у простой лошади? Психолог О. Пфунгст с чрезвычайной тщательностью выполнил серию экспериментов, в результате которых обнаружил, что Ганс получал едва уловимые неумышленные подсказки от тех, кто задавал ему вопросы. Например, после того как Ганса о чем-то спрашивали, люди устремляли свой взгляд на его переднее копыто, с помощью которого конь «отвечал». Но как только Ганс ударял копытом нужное число раз, спрашивающие совсем чуть-чуть поднимали свои глаза или голову в ожидании завершения его ответа. И конь, который был натренирован замечать и использовать эти почти неуловимые для наблюдателей движения, воспринимал их как сиг-

---

* Хок Р.Р. 40 исследований, которые потрясли психологию. Секреты выдающихся экспериментов. СПб.: «Прайм-ЕВРОЗНАК», 2003. С. 130—139.

¹ См: *Pfungst O. Clever Hans (the Horse of Mr. van Osten): A Contribution to Experimental, Animal, and Human Psychology.* N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1911.

налы к прекращению своих действий. Со стороны это всегда выглядело как правильный ответ на вопрос. Вы вполне резонно можете спросить, какое отношение к психологическим исследованиям имеет великолепный трюк Умного Ганса. Но исследования этого феномена выявили, что многие наблюдатели наделены специфическими способностями выражать свои ожидания, посылая в завуалированной форме неумышленные сигналы испытуемому, участвующему в исследованиях. В свою очередь, эти сигналы могут заставить испытуемого отвечать именно так, как предполагали наблюдатели, и, соответственно, подтверждать их ожидания. Коротко это означает следующее. Экспериментатор может предполагать, что его исследования поведения одного испытуемого или группы в сравнении с другими дадут определенные результаты. На самом деле эти результаты могут быть не чем иным, как его собственными, экспериментатора, ожиданиями. Если это происходит в действительности, то такой эксперимент некорректен. Подобная возможность в психологическом эксперименте называется *эффектом ожидания экспериментатора*.

Роберт Розенталь считается основным разработчиком методологии этой проблемы. Он продемонстрировал эффект ожидания экспериментатора в психологическом эксперименте в лабораторных условиях. В одном из исследований студенты-психологи учебного и подготовительного курсов, сами того не зная, стали испытуемыми². Некоторым студентам объяснили, что они будут работать со специально выведенной породой крыс с высоким интеллектом. Мерой способности крыс к обучению служила быстрота их обучаемости при прохождении лабиринтов. Другую часть студентов предупредили, что они будут работать с крысами, у которых плохие способности к обучению (прохождению лабиринтов). В итоге студентам нужно было показать, как работают их крысы в различных условиях, т.е. продемонстрировать разного рода способности животных к обучению, в том числе и в прохождении лабиринта. Студенты, которые были заранее предупреждены, что имеют дело с особо одаренной породой крыс, обучили своих подопытных животных гораздо быстрее тех, кто считал, что работает с «глупыми» крысами. На самом деле всем студентам для эксперимента были предоставлены обыкновенные, выбранные случайным образом лабораторные животные. Участвующие в эксперименте студенты не обманывали и не искажали сознательно полученные ими результаты. Влияние, которое они оказывали на своих животных, было очевидно неумышленным и невольным.

В результате этой серии экспериментов и был явно установлен эффект ожидания экспериментатора в научном исследовании. Правильно обученные исследователи при использовании тщательно отработанных процедур (таких как метод усиленной маскировки — *double-blind method*, — когда экспериментаторы, контактирующие с испытуемыми, ничего не знают о проверяемых гипотезах) обычно могут избежать этих эффектов ожидания.

---

² См: *Rosenthal R., Fode K. The effect of experimenter bias on the performance of the albino rat // Behavioral Science. 1963. Vol. 8. P. 183—189.*

Кроме того, Розенталя интересовал вопрос, как могут проявиться такие ожидания и предубеждения за пределами лаборатории, например, в школьных классах. Насколько сильным может быть влияние учителей на потенциальные успехи учащихся, пока учителя общих школ ничего не знают об опасности эффекта ожиданий? Уже исторически сложилось, что в начале первого года обучения учителя проводят *IQ*-тестирование школьников, присваивая определенное количество баллов каждому из них. Может ли такая информация создавать предубеждение в ожиданиях учителей и вызывать тем самым неумышленно предвзятое отношение к «способным» ученикам (имеющим высокую оценку *IQ*), отличающееся от отношения к тем, кто менее способен? А если все обстоит именно так, разве это честно? Эти вопросы стали основными в исследованиях Роберта Розенталя и Леноры Джекобсон.

Теоретические основания

То, что Розенталя назвал эффектом ожидания, действительно встречается в межличностных отношениях в реальной жизни. Для таких ситуаций (за пределами лаборатории) Розенталя предложил называть его *эффектом Пигмалиона* (*the Pigmalion effect*). Существует греческий миф, повествующий о скульпторе Пигмалионе, который влюбился в созданную его руками статую женщины. Этот сюжет нам более знаком по всемирно известному спектаклю «Пигмалион» («*My Fair Lady*» — «Моя прекрасная леди» — мюзикл по этой пьесе). В современной версии простая девушка Элиза Дулитл расцветает, превращается в прекрасное создание благодаря обучению, поддержке и ожиданиям Генри Хиггинса. Розенталя полагал, что когда учитель обычной школы снабжен информацией (подобной баллам *IQ*), это создает у него определенные ожидания относительно потенциала ученика — либо как сильного, либо как слабого. Поведение учителя неумышленно становится другим — искусно поощряющим или уступчивым по отношению к достижениям способного ученика, т.е. наиболее подходящим для достижения успеха. Это, в свою очередь, будет создавать самоисполняющееся пророчество выдающихся успехов этих школьников (хотя, возможно, при отсутствии информации о баллах *IQ* от них ожидали бы гораздо меньшего). Для проверки этих теоретических предположений Розенталя и его коллега Джекобсон договорились о помощи со стороны начальной школы (под названием Oak School), которая находилась в районе проживания преимущественно нижнего слоя среднего класса в большом городе.

Метод

С разрешения администрации Oak School все школьники с первого по шестой класс в начале учебного года прошли *IQ*-тестирование по методике определения общих способностей (*the Testes of General Ability*, или *TOGA*). Этот вид теста

был выбран, поскольку он является невербальным, и заработанные баллы не зависят от полученных в школе навыков чтения, письма и арифметических действий. Скорее всего, учителя не были знакомы с этим тестом. Им объяснили, что ученики проходят проверку по Гарвардскому Тесту ожидаемого продвижения (*Harvard Test of Inflected Acquisition*)³.

В данном случае такой обман был необходим для создания в умах учителей ожиданий, которые являлись необходимой составной частью успешности эксперимента. Далее учителям объяснили, что Гарвардский Тест был создан для возможности предсказания академической успеваемости. Другими словами, учителя полагали, что школьники, получившие высокий балл при тестировании, смогут закончить текущий учебный год с высокими показателями. Фактически заявленные учителям прогностические возможности данного текста не были таковыми.

В Oak School было по три класса в каждой из шести параллелей. В школе работали 18 учителей (16 женщин и 2 мужчин). Всем им был выдан список фамилий тех двадцати процентов учеников, которые получили наибольшее число баллов по Гарвардскому Тесту; на этом основании считалось, что они будут хорошо успевающими в текущем академическом году. Вот здесь-то и был спрятан ключ к расшифровке данного исследования. Дети для этих учительских списков были выбраны абсолютно случайным образом. Различие между экспериментальной и контрольной группами состояло лишь в том, что от первой учителя ожидали к концу учебного года необыкновенной интеллектуальной «прибавки».

Ближе к концу учебного года все дети в школе снова прошли тот же тест (*TOGA*) и для каждого ребенка был подсчитан показатель изменения *IQ*. Необходимо было исследовать интеллектуальную «прибавку» у детей экспериментальной и контрольной групп, чтобы убедиться, существует ли эффект ожидания в реальных жизненных условиях.

Результаты

На рис. 1 представлены результаты сравнения «прибавки» *IQ* для экспериментальной и контрольной групп.

Результаты по школе в целом: дети, от которых учителя ожидали более высокого интеллектуального роста, в среднем показали значительно большее повышение *IQ*, чем дети из контрольной группы (12,2 и 8,2 балла соответственно). Однако если вы внимательно рассмотрите рис. 1, то станет ясно, что эта разница велика только для учащихся первых и вторых классов. Возможные причины таких результатов будут коротко обсуждены ниже. Розенталь и Дже-

---

³ На самом деле в тестовых буклетах просто была заменена обложка, где вместо реального названия методики было напечатано вымышленное. — *Ред. источника.*

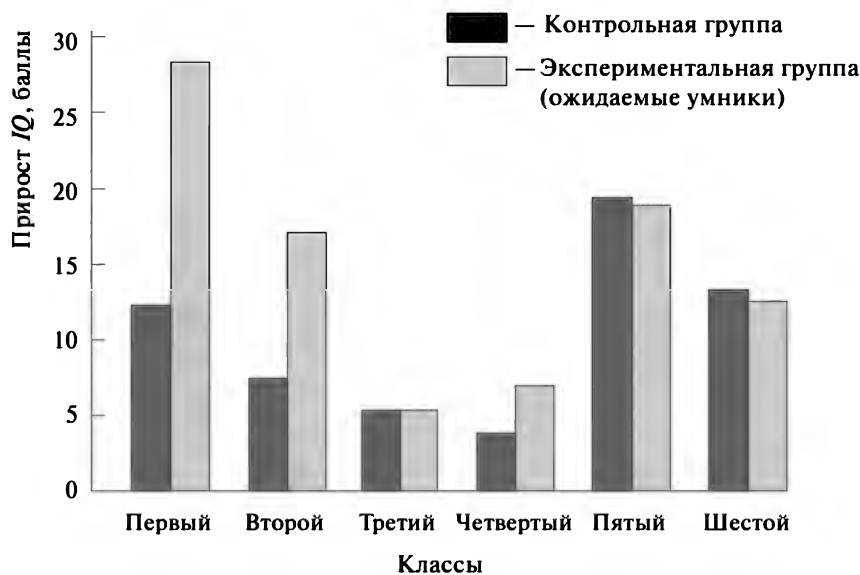

Рис. 1. Прирост баллов по показателю IQ: классы 1—6

кобсон предложили другой удачный способ представления данных для параллелей первых и вторых классов.

На рис. 2 показан процент учащихся каждой группы, показавших увеличение на 10, 20 и 30 баллов.

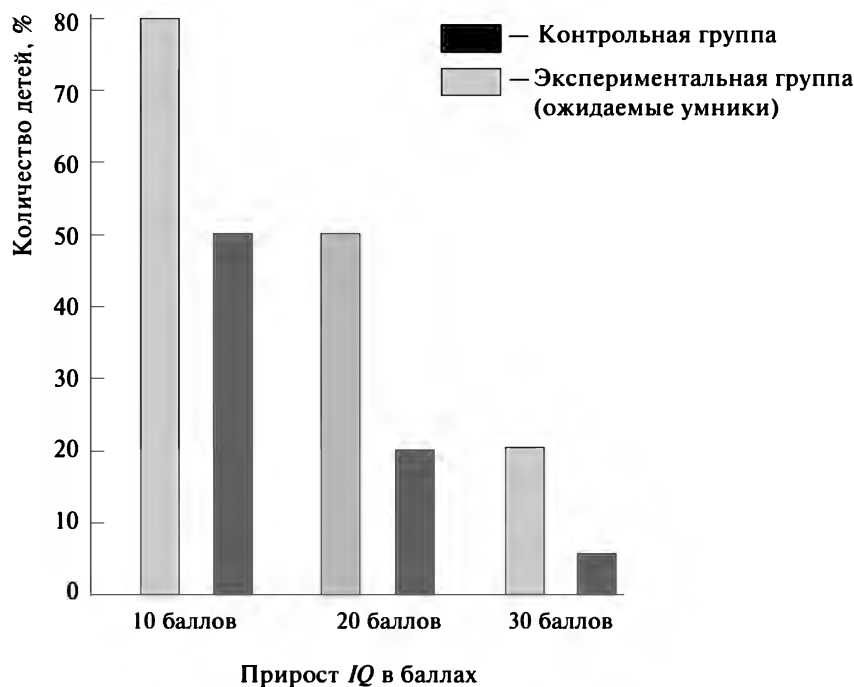

Рис. 2. Наибольший прирост IQ в баллах для учеников первого и второго классов

Из этого раннего исследования следуют два главных вывода. Первое: эффект ожидания, который уже был продемонстрирован в формальных лабораторных условиях, теперь выявлен в менее формальных ситуациях реальной жизни. Второе: эффект проявлялся весьма значительно в младших классах и практически отсутствовал у старших детей. Что же это должно означать?

Обсуждение

Как Розенталь и предполагал, «ожидания учителей» по поводу поведения их учеников превратились в самоисполняющиеся пророчества. «Когда учителя ожидали от определенного ученика улучшения интеллектуальных показателей, этот ученик обязательно его демонстрировал»⁴. Напомним, что приведенные по каждой параллели результаты — это усредненные величины, полученные от трех классов и, соответственно, трех учителей. Трудно придумать какое-либо другое объяснение для полученных различий в баллах *IQ*, кроме учительских ожиданий.

Однако важно попытаться объяснить, почему самоисполняющееся пророчество не проявляется в старших классах. Как в рассматриваемой статье, так и в более поздних работах Розенталь и Джекобсон выдвигают предположение, что причин этого явления может быть несколько.

1. Обычно считается, что младшие школьники более «податливы к изменениям». Если это утверждение верно, то младшие в своей учебе имеют больше шансов оправдать ожидания просто потому, что им легче измениться, чем старшим детям. Существует вероятность, что даже если младшие школьники и не обладают такой особенностью легче изменяться, то учителя все же считают, что они ею обладают. И одной этой уверенности учителей может быть достаточно для создания разницы в достигнутых показателях.

2. По поводу младших учащихся в начальной школе меньше вероятности иметь уже полностью сложившееся мнение. Другими словами, если учителя еще не имели возможностей составить мнение о способностях ученика, ожидания, созданные исследователями, были бы более весомыми.

3. Младшие дети легче подвержены влиянию и более восприимчивы к почти неуловимым и неумышленным действиям учителей, которые таким образом могут передавать ученикам свои ожидания: «В свете такой интерпретации вполне возможно, что учителя обращаются одинаково с теми детьми, в отношении которых предполагают их способность к интеллектуальному росту, независимо от того, на какой ступени обучения эти дети находятся. Но, вероятно, только на младших детей действуют особые слова; особые манеры передачи этих слов; поощрительные взгляды, жесты и прикосновения, обращенные тем, от кого учителя ждут интеллектуального роста»⁵.

---

⁴ *Rosenthal R., Jacobson L. Pygmalion in the Classroom: Teacher Expectations and Pupils' Intellectual Development. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1968. P. 85.*

⁵ Там же. P. 83.

4. Учителя младших классов могут отличаться от учителей старших классов манерой общения с детьми, которая приводит к более интенсивной передаче учительских ожиданий детям. Розенталь и Джекобсон не делают предположений, к чему эти различия могли бы привести, если они на самом деле существуют.

Значение полученных результатов и последующие исследования

Реальная значимость открытий Розенталя и Джекобсон в Oak School относится к пролонгированному влиянию учительских ожиданий на учебные достижения учеников. А это, в свою очередь, дает материал для самой дискуссионной темы современной психологии и проблемы обучения вообще: вопроса о справедливости *IQ*-тестов. К этой дискуссии мы вернемся несколько позже, а сейчас обратимся к некоторым более поздним работам. В них были выяснены те самые невольные способы, с помощью которых учителя передавали свои завышенные ожидания ученикам, обладающим, по их мнению, более высоким потенциалом.

В исследованиях, проведенных Чайкеном, Сиглером и Дерлега, использовалась видеосъемка взаимодействия педагогов и учеников в классе в условиях, когда учителя были проинформированы о чрезвычайно способных учениках (эти необыкновенные умники на самом деле были выбраны наугад)⁶. Внимательное изучение видеоматериалов показало, что учителя поощряют выделенных учеников-«умников» многими едва уловимыми способами. Они улыбаются им чаще, смотрят на них чаще и более одобрительно реагируют на высказывания этих учеников. Далее исследователи приводят следующие данные: ученики, в отношении которых существуют высокие учительские ожидания, с большим удовольствием ходят в школу, получают более конструктивный разбор своих ошибок, работают более старательно, пытаясь добиться улучшения. Как данное исследование, так и другие показывают, что ожидания учителей влияют на учебные достижения детей в школе, и влияют тем сильнее, чем больше количество баллов по *IQ*-тесту.

Представьте себе, что вы учитель начальной школы и у вас 20 учеников в классе. В первый же день вы получите классный список с напечатанными баллами по *IQ*-тесту против каждой фамилии. Вы не сможете не отметить для себя, что пятеро из ваших учеников имеют балл выше 145, а это уже уровень гениально одаренных. Задумайтесь, будете ли вы относиться к этим детям весь учебный год так же, как ко всем остальным? Или не совсем так же? И каковы будут ваши ожидания относительно этих пятерых по сравнению с другими учениками в классе, и особенно с теми пятерыми, чей балл настолько низок, что уже за пре-

---

⁶ См: Chaiken A., Sigler E., Derlega V. Nonverbal mediators of teacher expectancy effects // Journal of Personality and Social Psychology. 1974. Vol. 30. P. 144—149.

делами нормы? Если вы скажете, что ваше отношение и ваши ожидания будут одинаковы для всех, могу держать пари, что вы обманываете. На самом деле они действительно не должны быть одинаковыми! Но все дело в том, что ваши ожидания превратятся в ваши самоисполняющиеся пророчества, и тогда это будет несправедливо по отношению к некоторым ученикам. Теперь рассмотрим другой, более критический случай. Предположим, что вы получили классный список с неверной информацией. Если эти ошибочные баллы создадут ожидания, которые будут помогать некоторым ученикам, а другим не будут, тогда определенная несправедливость и очевидная неэтичность налицо. Такая возможность как раз и является главным предметом спора, вернее сказать, разногласий по поводу *IQ*-тестов, разногласий, буквально бушующих в настоящее время.

Уже много лет звучат обвинения в сторону стандартных *IQ*-тестов, которые используются для оценки интеллекта детей и содержат в себе расовые и культурологические предубеждения. Аргументы следующие: первоначально тесты были созданы белыми, мужчинами, принадлежащими к верхнему слою среднего класса; тесты содержат идеи и информацию, с которой дети из других этнических групп не знакомы. У детей из различных меньшинств в Соединенных Штатах традиционно по этим тестам балл ниже, чем у белых детей. Было бы нелепо предполагать, что небелые дети обладают более низким базовым интеллектом по сравнению с белыми детьми; причина разницы в баллах может скрываться в самих тестах. Однако традиционно учителям всех ступеней, от К до 12, выдают эту информацию об *IQ* на всех учеников. Если вы хорошенько проанализируете этот факт в свете исследований Розенталя и Джекобсон, то наверняка увидите, какая опасная ситуация может возникнуть. Кроме того, что детей разбивают по категориям согласно их *IQ*-баллу (места для особо способных, исправительные классы и т.п.), но и учительские неумышленные ожидания, основанные на возможно искаженной предубеждениями информации, могут создавать пристрастные самоисполняющиеся пророчества. Аргументы в пользу справедливости этих обвинений сочли достаточными в большинстве штатов и наложили мораторий на *IQ*-тестирование и использование *IQ*-баллов, пока не будет доказано, что эти тесты свободны от предубеждений. И самой сутью этих аргументов стали результаты исследования, представленные в настоящей главе.

Современные разработки

Учитывая исследования Розенталя и Джекобсон, сила учительских ожиданий по поводу достижений учеников превращается в существенную часть нашего понимания процесса обучения. Более того, теория межличностных ожиданий Розенталя оказывает влияние не только на проблемы обучения, но и на ряд других областей психологии. С 1997 г. до середины 2000 г. более 80 социологических статей имели ссылки на эффект Пигмалиона, изученный Розенталем.

Одна из статей, посвященная этому трудному для обсуждения вопросу, в том числе рассматривает, какими критериями должны пользоваться учителя, чтобы направлять своих учеников к школьным психологам для профессионального сопровождения⁷. Исследователи выяснили, что учителя направляют афроамериканских детей для коррекции недостатков развития, основывая свое решение на нормах, завышенных сравнительно с теми же характеристиками для белых детей. Вдобавок наблюдается существенное превышение числа мальчиков, сравнительно с числом девочек, направляемых к психологу в связи с проблемами отношений в классе и на игровой площадке. Исследователи утверждают, что различия между разными группами школьников в большей степени созданы ожиданиями учителей, чем реальными индивидуальными различиями.

Другая острая статья, цитирующая исследования Розенталя, раскрыла расовые предубеждения в отношении людей к вокальным музыкальным произведениям в стиле рэп. В этой работе страстные вокальные пассажи были представлены одним испытуемым как рэп-сонги, исполняемые чернокожими артистами, а другим — как фолк-сонги в исполнении белых певцов. Когда предлагалась песня в стиле рэп, «испытуемые находили пение неприятным <...> согласно некоторым из принятых правительством предписаний. Если *те же самые вокальные пассажи* были представлены как кантри- или фолк-музыка <...> реакции были значительно менее критическими по всем показателям [Курсив мой. — Р.Х.]»⁸.

Исследования Розенталя по эффекту Пигмалиона не остались и без критики. Ричард Сноу из Стэнфордского Университета <...> уже более 30 лет подвергает сомнению исследования Розенталя, и дебаты между ними длятся по сей день. (Розенталь работает в Гарварде.) Материалы краткого, но содержательного и нелицеприятного диалога между ними появились в журнале Американского Общества Психологов в 1994 г.⁹ Диалог этот весьма познавателен и читается с удовольствием!

---

⁷ См: Andrews T., Wisniewski J., Mulick J. Variables influencing teachers' decisions to refer children for school psychological assessment services // Psychology in Schools. 1997. Vol. 34, № 3. P. 239—244.

⁸ Fried C. Bad rap for rap: Bias in reactions to music lyrics // Journal of Applied Social Psychology. 1996. Vol. 26, № 23. P. 2135.

⁹ См: Rosenthal R. Critiquing Pygmalion: A 25-year perspective // The Journal of the American Psychological Society. Current Directions in Psychological Science. 1994. Vol. 4, № 6. P. 171—172; Snow R. Pygmalion and intelligence? // The Journal of the American Psychological Society Current Directions in Psychological Science. 1994. Vol. 4, № 6. P. 169—171.

Ф. Баньярд,
А. Грейсон

[Три облика Евы: анализ случая]*

Введение

На наше определение и понимание «ненормальности» оказывает влияние культура, к которой мы принадлежим. Объяснения одних явлений хорошо соответствуют общему взгляду на жизнь, господствующему в данной культуре в настоящее время. Другие же явления, напротив, бросают этому взгляду вызов и считаются весьма сомнительными. К ним относятся, например, «сверхъестественные» переживания, о которых рассказывают многие люди. Сообщения о видениях религиозного характера и призраках умерших близких встречаются довольно часто, хотя и не согласуются с объяснениями мира, которых мы придерживаемся в настоящее время. Как следствие, подобные случаи субъективного опыта оттесняются на второй план и игнорируются.

К сравнительно редким случаям ненормальности относятся описания людей с множеством личностей (*person with multiple personalities*). Это состояние не следует путать с шизофренией и другими психическими заболеваниями, поскольку такие больные не обнаруживают связанных с психозами¹ признаков расстройства эмоциональной сферы, нарушений восприятия и тестирования реальности². Феномен множественной личности не соответствует нашим

---

* Banyard P., Grayson A. *Introducing Psychological Research: Sixty Studies that Shape Psychology*. Washington Square, N.Y.: New York University Press, 1996. P. 202—207. (Перевод Ю.Б. Дормашева.)

¹ Психоз — тяжелое умственное расстройство органического или функционального происхождения, которое характеризуется ухудшением тестирования реальности. К симптомам психозов относят бредовые идеи, галлюцинации, бессвязную речь, нарушение ориентировки в пространстве и времени, путаницу в мыслях. — *Ред.-сост.*

² Тестирование реальности — в общем смысле любой процесс, посредством которого человек определяет ограничения, накладываемые на его поведение окружающей действительностью. При ухудшении тестирования реальности человек неверно оценивает правильность своих восприятий и мыслей и приходит к ошибочным заключениям относительно внешнего окружения. — *Ред.-сост.*

представлениям о человеке и в результате подвергается большому сомнению. Тигпен и Клекли, хотя и отдают должное этому скептицизму, все же считают, что проведенное ими исследование одного уникального случая свидетельствует в пользу существования этого болезненного состояния³.

Исследование случая

Больная (условно называемая Евой Уайт) обратилась за помощью к одному из авторов указанного исследования по причине «острых и ослепляющих головных болей». Кроме того, она жаловалась на «временные потери сознания» (*blackouts*), хотя в семейном окружении Евы никто не замечал у нее каких-либо проявлений действительной потери сознания или серьезной путаницы мыслей. У больной были сложные, но в общем-то обычные конфликты с мужем и личностные проблемы (*personal frustrations*). Была обнаружена также амнезия⁴ на недавнее путешествие, и с целью восстановления воспоминаний об этом путешествии психиатры [Тигпен и Клекли. — *Ред.-сост.*] использовали технику гипноза⁵.

Первым сигналом чего-то совершенно необычного стало письмо, которое Ева прислала им спустя несколько дней после этого сеанса гипноза. В письме говорилось о проведенном лечении, оно было написано уверенным почерком, но внизу страницы уже совсем другим почерком была сделана дурашливая приписка (см. рис. 1). В следующий свой визит Ева Уайт заявила, что никакого письма она не посылала, хотя и припоминает, что начала его писать, но не закончила. Во время этой беседы ее что-то встревожило, и она спросила, не является ли нереальный голос, который она слышит, признаком того, что она сходит с ума. Ева сообщила, что этот обращенный к ней голос она слышала уже несколько раз. И тут внезапно, как будто от пронзительной боли, она схватилась руками за голову. После кратковременной напряженной паузы ее руки резко упали, и психиатр увидел «живую, беззаботную улыбку». Веселым голосом она сказала: «Привет, доктор!»

Скромная и застенчивая Ева Уайт превратилась в развязную и самоуверенную особу с абсолютно другим внешним обликом. Она закинула ногу на ногу, и «в этом психиатр краешком сознания отметил нечто явно привлекательное, и что такое впечатление от Евы у него возникает впервые»⁶. У этой

---

³ См: *Thigpen C.H., Cleckley H. A case of multiple personality // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1954. Vol. 49. P. 135—151.*

⁴ *Амнезия* — любая потеря памяти (т.е. нарушение запоминания или припоминания какого-то материала), по своим масштабам и степени значительно превосходящая обычное забывание. — *Ред.-сост.*

⁵ *Гипноз* — состояние поверхностного или глубокого, подобного сну транса, вызываемое внушением (словесными командами) к расслаблению и концентрации внимания на одном объекте. — *Ред.-сост.*

⁶ *Thigpen C.H., Cleckley H. A case of multiple personality // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1954. Vol. 49. P. 137.*

новой особы был «по-детски бесшабашный вид, эротично-шаловливый взгляд и выражение лица, чудесным образом избавленное от обычных признаков озабоченности, серьезности и лежащего в их основе страдания»⁷. Голос и манера речи стали другими, и психиатру казалось, что перед ним появилась совершенно другая женщина.

На протяжении последующих четырнадцати месяцев с целью исследования поведения и субъективного опыта Евы Уайт и другой женщины, называемой авторами Евой Блэк, был проведен целый ряд бесед общей продолжительностью свыше ста часов. Время от времени Ева Блэк появлялась неожиданно, но «вызвать» ее психиатрам удавалось только тогда, когда Ева Уайт находилась под гипнозом. Ева Блэк существовала начиная с раннего детства. Однако о том, что происходило, когда она «выходила на сцену», Ева Уайт не имела никакого представления. Когда же Ева Блэк «отсутствовала», она осознавала то, что происходит с Евой Уайт. В результате этой неосведомленности Евы Уайт об озорных проделках Евы Блэк в детстве были случаи, когда Еву Уайт наказывали, по ее мнению, неизвестно за что. Некоторые из этих случаев, раскрытых по ходу психотерапии, подтвердились позже в беседах с ее родителями и мужем.

Ева Блэк была безответственной и легкомысленной, стремилась к удовольствиям и острым ощущениям. Она успешно скрывала свою самобытность от Евы Уайт, своих родителей и мужа. Она не считала себя женой этого мужчины, презирала его и отрицала какую-либо связь с дочерью Евы Уайт. Свое гадкое поведение, грубость и случавшиеся акты агрессии, засвидетельствованные мужем и родителями, она приписывала необъяснимым вспышкам ярости, находившимися на нее — женщину вообще-то ласковую и заботливую.

Обе личности прошли психологическое тестирование со следующими результатами.

Оценка коэффициента интеллекта⁸: Уайт — 110, Блэк — 104.

Функция памяти: Уайт гораздо лучше, чем у Блэк.

Роршах (чернильные пятна)⁹: профиль Блэк гораздо более нормальный, чем профиль Уайт; личность Уайт репрессивная, а Блэк — регрессивная.

Во время сеансов психотерапии выяснилось, что Ева Блэк не сочувствует Еве Уайт, и уговорить ее помочь лечению не удалось. Однако по мере осознава-

---

⁷ *Thigpen C.H., Cleckley H. A case of multiple personality // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1954. Vol. 49. P. 137..*

⁸ *Коэффициент интеллекта (intelligence quotient — IQ) — отношение (в процентах) умственного возраста индивида, определяемого с помощью стандартизированных тестов, к его хронологическому возрасту; 100 принимается за среднее. — Ред.-сост.*

⁹ *Тест Роршаха — методика исследования личности, предложенная и разработанная швейцарским психиатром Германом Роршахом (1884—1922). Испытуемому предъявляют изображения чернильных пятен и просят в свободной форме сообщить, что он видит в целом или в каких-то частях данного изображения. Поскольку этот стимульный материал неоднозначен и слабо структурирован, предполагается, что его восприятие будет во многом зависеть от эмоционального состояния субъекта, его ожиданий, потребностей и желаний, в том числе и даже преимущественно неосознаваемых. — Ред.-сост.*

July 1

1 июля

Dear Doctor,

Remembering my visit
to brought me a great
deal of relief, to begin with.

Just being able to recall
the trip seemed enough, but
now that I've had time to
think about it and all that
occurred, it's more painful
than I ever thought possible.

How can I be sure
that I remember all that
happened, even now? How

can I know that it won't
happen again? I wonder
if I'll ever be sure of
anything again.

While I was there with
you it seemed different.
Somehow it didn't matter
so much, to have forgotten;
but now it does matter. I
know it's something that
doesn't happen yet.

I can't even recall
color schemes and I know
that would probably be the
first thing I'd notice.

My head hurts right
on top. It has ever since
the day I was down there
to see you. I think it must
be my eyes. I see little red
& green specks, and I'm covered
with some kind of rash.

Baby please be quite clear Lord
don't let me lose patience with her
she's too sweet and innocent and
my self-control

Dear Doctor,

Remembering my visit
to [ ] brought me a great
deal of relief, to begin with.

Just being able to recall
the trip seemed enough, but
now that I've had time to
think about it and all that
occurred, it's more painful
than I ever thought possible.

How can I be sure
that I remember all that
happened, even now? How

can I know that it won't
happen again? I wonder
if I'll ever be sure of
anything again.

While I was there with you
it seemed different.
Somehow it didn't matter
so much, to have forgotten;
but now it does matter. I
know it's something that
doesn't happen ev...

I can't even recall
color schemes and I know
that would probably be the
first thing I'd notice.

My head hurts right
on top. It has ever since
the day I was down there
to see you. I think it must
be my eyes. I see little red
& green specks, and I'm covered
with some kind of rash.

Baby please be quite clear Lord
don't let me lose patience with
her she's too sweet and innocent
and my self-control

Дорогой доктор,

Вспомнив свою поездку
в [пробел], я первым делом испытала
огромное облегчение.

Того факта, что я вспомнила
поездку, мне казалось достаточно, но
теперь, когда я какое-то время
подумала об этом и обо всём, что
произошло, это ранит меня куда
сильнее, чем я могла себе представить.

Как я могу быть уверена,
что даже сейчас я помню всё, что
произошло? Как я

могу быть уверена, что этого не
повторится? Не знаю,
смогу ли я вообще теперь в
чём-либо быть уверенной.

Пока я была там с вами,
это выглядело для меня иначе.
Почему-то мне не было так
важно, что я что-то забыла,
но теперь это важно. Я
знаю, что это
не бывает... [фраза обрывается]

Я даже не могу вспомнить
цвета, хотя я знаю, что
на них я бы наверняка
обратила внимание в первую очередь.

У меня болит голова, прямо на
макушке. Она болит с того самого
дня, когда я была на встрече
с вами. Думаю, должно быть,
дело в моих глазах. Я вижу мелкие
красные и зелёные крапинки, и я
вся покрыта какой-то сыпью.
[притиска другим почерком]:

Милая, пожалуйста, будь ясной.
Господи, дай мне терпения с ней!
Она слишком мила и невинна, и моё
самообладание... [фраза обрывается]

Рис. 1. Письмо Евы¹⁰

няя другой личности Еве Уайт все чаще удавалось предотвратить ее «выступления», и потому Еве Блэк, чтобы дольше находиться «снаружи», приходилось вступать в переговоры.

В процессе лечения частота приступов головной боли и блокировок сознания у Евы Уайт стала увеличиваться. Ева Блэк утверждала, что она тут ни при чем и сама теряет сознание во время этих блокировок. Общее состояние психики Евы Уайт ухудшилось, и ее положили в больницу. Психиатру стало легче вызывать по

¹⁰ Расшифровка и перевод Ю.М. Комиссаржевской и Е.Н. Осина. — *Ред.-сост.*

своему желанию ту или иную личность и исследовать детские переживания в состоянии гипноза. Во время одного из таких сеансов Ева Уайт расслабилась и как будто заснула. Некоторое время спустя ее глаза открылись, она обвела пустым взором помещение и, увидев психиатра, спросила: «Кто вы?» Это выглядело так, как будто явилась третья личность. Она представилась как Джейн. Новая фигура полностью осознавала две другие личности, а те о ней ничего не знали.

Электроэнцефалографическое исследование этих трех личностей выявило отчетливые различия в данных регистрации биотоков головного мозга Евы Блэк и двух других личностей.

Процесс психотерапии продолжался, но теперь уже не с двумя, а с тремя женщинами, находящимися в одном теле. Психиатрам казалось, что лекарство для выздоровления расстроенной психики скорее всего даст Джейн и что наилучшим решением проблемы будет, по-видимому, усиление ее власти над остальными личностями. Однако они отмечают, что «не считали себя настолько компетентными, чтобы принимать действенные решения» относительно дальнейшего развития этой драмы, и делают акцент на моральных проблемах, возникающих в связи с «убийством» одной или нескольких личностей.

Обсуждение

Что же все это значит? Может быть, психиатров водила за нос талантливая актриса? Они считают, что если бы это было разыгранное представление, то продолжаться столь долго и настолько последовательно оно не могло. Была ли эта женщина душевнобольной? Вероятно, нет, так как других симптомов психоза у нее не было. Тигпен и Клекли предоставляют право судить нам самим, в какой степени они оказались втянутыми в эту ситуацию, потеряли чувство здравого смысла и драматизировали результаты исследования. Авторы убеждены, что полученные данные свидетельствуют о существовании трех личностей в одном теле. Они подчеркивают, что проведенное ими исследование порождает не меньше проблем, чем решает, и важнейшей среди них является вопрос о том, что мы подразумеваем под термином «личность». В повседневной речи для резких изменений личности используют такие выражения, как «он стал новым человеком», или «она вне себя», или «он переродился». Быть может, наша личность не столь постоянна и устойчива, как нам хотелось бы думать.

В завершение описания этого случая Тигпен и Клекли призывают психиатров и психологов к изучению более широкого круга явлений субъективного опыта и поведения и среди них даже таких, которые не согласуются с обобщенными теориями.

Постскрипtum к этой удивительной истории появился в 1975 г., когда Ева откровенно призналась, что как до начала лечения, так и после него она переживала в себе множество других личностей. Всего она вспомнила о двадцати двух и утверждала, что фрагментация личности защищала ее от невыносимых обстоятельств жизни.

Д.Х. Борхардт,
Р.Д. Францис

[Отчет об исследовании]*

Отчеты различного вида в значительной степени отличаются друг от друга. Сообщение о каком-то фрагменте академического исследования не может быть организовано по тому же плану и в той же форме, что и отчет, например, об исследовании проблем индустриальной психологии, выполненный по заказу фирмы или предпринимателя. Сообщения должны соответствовать запросам его читателей.

Основное различие [в области академических исследований. — *Ред.-сост.*] существует между отчетами о случаях (*case reports*) и отчетами об эмпирических исследованиях (*empirical reports*). Сообщение о случаях посвящено результатам исследования конкретного человека или группы людей, обладающих какими-то общими особенностями, например, глухих; эти особенности выступают в качестве объекта данного исследования. Анализ случаев чаще всего проводится в области клинической психологии, но кроме того он, как правило, необходим в психиатрии и при расследовании преступлений.

Сообщения об эмпирических исследованиях, напротив, посвящены изложению результатов экспериментальных исследований, либо академических, либо, например, проведенных в ситуации делового соперничества, производства и предпринимательства. Они предназначены для читателей, которые хотят разобраться в каком-то гипотетическом объяснении, оценить эффективность какой-то программы действий или выяснить причины изменения продуктивности деятельности в процессе контролируемого изменения ее условий.

Форма этих сообщений может быть различной, так как структура отчета должна учитывать требования заказчика. Однако сообщения об академических исследованиях имеют общепринятую структуру. Кроме того, существуют общие принципы и нормы, придерживаться которых рекомендуют авторам лю-

---

* *Borchardt D.H., Francis R.D. How to Find out in Psychology. Oxford etc.: Pergamon Press, 1984. P. 130—134; 165—167. (Перевод Ю.Б. Дормашева.)*

бых отчетов. В особенности тщательно авторам необходимо отслеживать этические вопросы, которые имеют отношение к любому эмпирическому сообщению. Например, нельзя прибегать к обману, включать сведения, не подлежащие огласке, а также опираться на аргументы, рассчитанные на чувства человека, а не на основанные на объективных данных доказательства.

Сообщения как эмпирические, так и о случаях должны быть подробными и в то же время немногословными. К этому же классу сообщений относятся работы, выполняемые студентами обычно на старших курсах. Цель такого рода работ заключается в доступном для читателя описании проблемы и в ее эмпирическом решении однозначным и беспристрастным образом. Точка зрения автора, разумеется, может присутствовать, но ее не следует смешивать с изложением фактов, проверяемых опытным путем. Важно также иметь в виду, что хорошее эмпирическое сообщение содержит достаточное количество информации для того, чтобы любой экспериментатор мог повторить это исследование.

Обычно психологический отчет разбивается на ряд стандартных разделов, цель которых — ввести читателя в курс обсуждаемой проблемы и помочь ему быстро и отчетливо понять содержание. Как новичку, так и опытному автору не следует забывать, что сообщение должно разрабатывать доказательство (*argument*), а не просто пересказывать точки зрения, и что необходимо строго разграничивать объяснения, основанные на фактах, и гипотетические размышления.

Умение написать сообщение не дано от рождения, ему надо специально учиться, и, подчеркнем, существенным компонентом этого обучения, особенно для начинающих, является использование формальной схемы до тех пор, пока она не будет твердо усвоена. Начинать отчет об эмпирической работе следует с сравнительно широкого контекста данных литературы, сужая его до своего предмета исследования, и затем интерпретировать полученные результаты, возвращаясь в указанный широкий контекст. Этот план представлен графически на рис. 1.

Хотя этот рисунок говорит сам за себя, для новичков могут оказаться полезными следующие комментарии.

Заголовок должен быть кратким, описательным и содержать ключевые термины¹.

Во *введении* должно быть сказано, чему посвящена данная работа и какое место она занимает в ряду других подобных исследований. Обзор проблемы должен включать в себя различные факты и точки зрения других авторов. В результате обсуждения основных примеров и цитат из соответствующей литературы могут быть выделены единодушное мнение и разногласия по рассматриваемому вопросу. При обсуждении состояния проблемы необходимо обосновать замысел своего исследования, приводящий к постановке его *цели*, а также пояснить его практическую и/или теоретическую значимость.

---

¹ *Ключевые термины* — основные термины, отражающие предметное содержание публикации, которые могут быть использованы для быстрого библиографического поиска статьи или книги. — *Ред.-сост.*

Рис. 1. План и структура эмпирической психологической статьи

В разделе *методика* необходимо ясно и точно описать основные положения, в том числе определения независимой и зависимой переменных, а также способ манипуляции последней. Испытуемые должны быть охарактеризованы с точки зрения их особенностей, а оборудование и план эксперимента так, чтобы его могли повторить другие.

В разделе *результаты* исключаются любые интерпретации. В таблицах приводятся основные данные; аналитические выкладки можно поместить в приложении. Графики и рисунки используются только тогда, когда необходимо более экономично представить числовые данные, или когда они сами по себе являются данными или поясняют определенные аспекты результатов.

В *обсуждении* суммируются и интерпретируются важнейшие результаты, и обязательно проводится обсуждение поставленной цели в связи с полученными данными. Здесь же может быть приведена логика заключений, а также затронуты специальные вопросы методологии. Кроме того, в этом разделе рассматриваются более отдаленные следствия проведенного исследования.

Как уже говорилось, совершенство в изложении сообщения может быть достигнуто только путем непрерывной практики. Общеизвестно, что студенты страдают от того, что не могут ясно выразить свои мысли в письменной форме, и поэтому мы советуем им уделить особое внимание искусству самокритики. Для этого помимо схемы, представленной на рис. 1, мы приводим группу специальных вопросов, тесно связанных с содержанием этой схемы. Будет хорошо, если студенты или авторы-новички зададут себе эти вопросы для самоконтроля после написания окончательного варианта сообщения до того, как предъявят его тем, кому оно предназначено.

Заголовок. Использованы ли ключевые слова и термины?

Введение. (1) О чем данное исследование? Ясно ли описан его контекст? (2) Что говорят другие исследователи и комментаторы по данному вопросу? (3) Приведены ли различные теоретические точки зрения и соответствующие им примеры, прежде чем сделано какое-то заключение? (4) Какие нерешенные вопросы обнаруживаются в результате анализа литературы? (5) Показана ли их связь с предметом вашего исследования? (6) Почему именно теперь вы ставите этот вопрос и какое значение его решение имеет для теории и практики? (7) Каковы ваши опорные положения, логическое обоснование, точка зрения и т.п.? (8) Чем ваше исследование отличается от других и почему вы надеетесь, что это отличие может быть существенным для решения исследуемого вопроса? (9) Каковы точная цель настоящего исследования и его точная гипотеза?

Методика. (1) Что является независимой(ыми) переменной(ными)? Что является зависимой(ыми) переменной(ными)? (2) Насколько успешно осуществлена операционализация используемых понятий? (3) Как вы приступили к исследованию? Уделялось ли специальное внимание отбору испытуемых? Какие действия предпринимались в отношении испытуемых (предварительный опрос, постановка задачи, инструкция, субъективный отчет и др.) и как обрабатывались полученные данные? (4) Достаточно ли ясной информации для повторения

этой работы другими исследователями? (5) Столкнулись ли вы с какими-то (методологическими проблемами? Как вы их решали?

Результаты. (1) Содержит ли раздел не только данные, но и их интерпретацию? (2) Представлены ли результаты в максимально экономной и осмысленной форме? (3) Правильно ли использована предполагающая некоторые допущения техника обработки результатов? (4) Насколько значимо обоснованы сделанные выводы?

Обсуждение. (1) Что означают результаты? Подкрепляется ли гипотеза? (2) Достигнута ли изложенная ранее цель работы? (3) Возможны ли альтернативные объяснения полученных результатов? (4) Опровергаются ли возможные критические замечания? (5) Можно ли на основании полученных данных провести улучшенное исследование? (6) Что могло бы дать такое исследование для понимания полученных фактов?

Ссылки, цитирование и список литературы. (1) Адекватны ли приводимые цитаты? (2) Правильно ли используются источники и точно ли они указаны? (3) Нет ли грубых ошибок в цитатах?

До сих пор мы говорили только о сообщениях, посвященных эмпирическим психологическим исследованиям. Тем не менее следует подчеркнуть, что техническое мастерство любого письменного отчета и критерии его оценки опираются на универсальные положения. Поэтому в связи с отчетами о случаях мы не будем повторять общие комментарии, а остановимся на их специфических характеристиках.

Наверное, нет необходимости пояснять, что сообщения о случаях опираются на данные, принимаемые к рассмотрению на основании или в связи с какими-то совершенно конкретными соображениями. В частности, отчеты о случаях включают в себя результаты, имеющие отношение к определенному индивиду, и потому, как правило, являются аналитическими. Обычно сообщения о случаях предназначены для какой-то определенной цели (возможно, по требованию какого-то учреждения или органов правосудия). Как следствие, форма такого отчета меняется в зависимости от его цели, от того, кому и куда он адресован, например, в медицинские учреждения, правоохранительные органы, систему судопроизводства, учреждения социальной работы и пр.

Несмотря на различную направленность, у этих сообщений есть некоторые общие черты, и нам хотелось бы рассмотреть несколько важнейших из них.

Во-первых, по ходу исследования возникают общие организационные вопросы, которые должны быть освещены в начале отчета:

- а) кто проводил наблюдение в отношении данного клиента и интервью с ним?
- б) где это наблюдение проводилось и при каких обстоятельствах?
- в) сколько раз и как долго его наблюдали или с ним беседовали?

Эти моменты должны быть представлены в отчете абсолютно ясно, поскольку они имеют важное значение для заключения и рекомендаций.

Следует иметь в виду, что заключение и рекомендации, полученные только из одного источника, могут быть вполне достаточными. Однако при этом

существует опасность упущения или неправильного представления важнейших сведений.

Во-вторых, предъявляются общие требования к структуре сообщения.

А. Каким должен быть его объем? Оно может быть коротким, на одну страницу в виде тезисов. Чаще всего оно занимает от трех до восьми страниц, т.е. от 1000 до 2500 слов. Это не значит, что к нему не следует добавлять приложения, содержащие основные конкретные данные. Перенос деталей в конец документа позволяет автору сохранить сжатый и плавный стиль основного сообщения. Такого стиля необходимо придерживаться как в учебной и научной работе, так и в работе, сделанной по заказу.

Б. Сообщения должны быть объективными, краткими и точными, без племики, жаргона и словесных прикрас.

По своей направленности сообщения о случаях могут быть трех видов: адресуемые заказчику, направляемые в учреждения и ориентированные на посредничество. Клинический отчет обычно относится к первому виду, а сообщение о семейном случае — к третьему. Конечно, в решении вопроса о виде сообщения нет жестких правил, однако его автор должен занять здесь ясно осознанную позицию. Заключение отчета о случае должно однозначным образом вытекать из приводимых данных и доказательств. Всегда полезно иметь в виду, что любое сообщение может быть предъявлено в суде и детально проанализировано. Автору сообщения о случаях необходимо представить, что он как бы выступает в защиту своего сообщения в ситуации перекрестного допроса. При формулировании заключений следует продумать, насколько реалистичны предлагаемые рекомендации. Например, если говорится о том, что какой-то способ лечения особенно полезен в этом случае, должно быть известно, что это лечение возможно в данном учреждении, будет проведено там правильно, доступно по средствам и т.п.

В третьих, возникает проблема, связанная с вопросом оплаты за проведенное исследование в том случае, когда у заказчика есть какая-то скрытая цель. Бывает, что заказчик или клиент заинтересован в справке о здоровье или, напротив, о заболевании для достижения определенных целей, таких, как высылка из страны или увиливание от высылки, решение в свою пользу споров о наследстве по завещанию, сокращение срока или смягчение режима тюремного заключения.

Мы не приводим пример сообщения о случае, так как его форма, по вполне понятным причинам, не может быть стандартизована. Кому-то из вас придется участвовать в составлении отчетов о случаях во время последиplomной стажировки, и там вам дадут соответствующие образцы и инструкции. Здесь же вкратце представлены только некоторые из важнейших вопросов, которые надо учитывать при подготовке сообщения о случае. Более полному и подробному обсуждению психологических сообщений о случаях посвящена специальная работа².

---

² См.: Hollis J.W., Donn P.A. Psychological Report Writing Theory and Practice. Muncie (Ind.): Accelerated Development, 1979.

Дж.Р. Ройс

Познание и знание: психологическая гносеология*

Введение и краткий обзор

Спрашивается: как мы познаем или какова природа процесса познания, и как мы отличаем познание от того, что познанием не является? Например, как мы определяем, что не просто хотим и надеемся, а познаем? Если мы доверяем словесным отчетам¹ людей, когда они говорят, что видят нечто красное или иллюзорное движение неподвижной светящейся точки (т.е. автокинез²), то почему же мы сомневаемся в их правдивости, когда они говорят, что видели розовых слонов или неопознанные летающие объекты? Почему когда-то думали, что Земля плоская, а теперь мы «знаем», что она шарообразная? На каком основании мы отправили в отставку Птолемея³, принимая Коперника⁴, или же Ньютона⁵, принимая Эйнштейна⁶, и так далее до бесконечности? Почему ис-

---

* Royce J.R. Cognition and knowledge: Psychological epistemology // Handbook of Perception. Vol. 1: Historical and Philosophical Roots of Perception / E.C. Carterette, M.P. Friedman (Eds.). N.Y., etc.: Academic Press, 1974. P. 149—176. (Перевод Ю.Б. Дормашева.)

¹ *Словесный отчет* — сообщение о наличии (или описание) каких-то явлений внешнего или внутреннего восприятия, данное испытуемым в словесной (вербальной) — письменной или устной — форме. — *Ред.-сост.*

² *Автокинез* — явление кажущегося, чаще всего хаотического, движения на самом деле неподвижного светящегося точечного объекта (например, индикатора-светодиода на панели радиоаппаратуры) при его наблюдении в условиях полной темноты. — *Ред.-сост.*

³ Птолемей Клавдий (ок. 90—ок. 160) — древнегреческий ученый, разработавший теорию движения планет вокруг неподвижной Земли. — *Ред.-сост.*

⁴ Коперник (*Kopernik, Copernicus*) Николай (1473—1543) — польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира. — *Ред.-сост.*

⁵ Ньютон (*Newton*) Исаак (1643—1727) — английский математик, астроном и физик, создатель классической механики. — *Ред.-сост.*

⁶ Эйнштейн (*Einstein*) Альберт (1879—1955) — физик-теоретик и мыслитель, один из основателей современной физики. — *Ред.-сост.*

тины и догадки в одной отрасли знания конфликтуют или, по меньшей мере, не согласуются с представлениями в других, смежных отраслях? Отчего бастии знания могут быть столь неустойчивы, — например, почему те гуманитарные дисциплины, которые в основном определяли нашу концепцию реальности в средние века, с трудом выживают в XX столетии, когда стали доминировать естественные науки?

И хотя какими-то частичными догадками мы располагаем, удовлетворительных ответов на эти вопросы, конечно, нет. Я считаю, что вопросами познания, типа указанных выше, философия будет заниматься вечно и независимо от любого «прогресса» в получении ответов, которого удастся достичь нам [психологам. — *Ред.-сост.*]. Почему? Потому что проблема знания неразрывно связана с проблемой реальности и смысла, содержание и способ нашего познания определяются нашим мировосприятием, и так называемые «стили познания» — это ключевые проявления нашей сущности.

Концептуальное обоснование моей разработки проблем гносеологии⁷ началось с междисциплинарного по своему характеру исследования, опубликованного под названием «Инкапсулированный человек»⁸. Центральная идея заключалась в том, что люди с разным мировосприятием отражают реальность в виде ограниченных, инкапсулированных⁹ образов, зависящих от их психогносеологических профилей¹⁰. В результате последующего концептуального анализа¹¹ и эмпирического исследования¹² был сделан вывод о существовании трех валидных¹³ путей познания: эмпиризма, рационализма и метафоризма. Эти три

⁷ *Гносеология* — теория познания; раздел философии, в котором изучается сущность и возможности познания, его предпосылки, условия достоверности и истинности знания, его отношения к реальности. В англо- и франкоязычных странах соответствующую область философских исследований называют эпистемологией. Здесь и далее английский термин *epistemology* переводится как гносеология. — *Ред.-сост.*

⁸ См.: *Royce J.R. The Encapsulated Man: An Interdisciplinary Essay on the Search for Meaning. Princeton (NJ): Van Nostrand-Reinhold, 1964.*

⁹ *Инкапсулированный* (англ. *encapsulated*) — сжатый, сдавленный или стиснутый; инкапсуляция — образование капсулы, т.е. оболочки вокруг вредного или чужеродного тела, попавшего в организм; здесь этот анатомический термин использован в метафорическом (переносном) смысле. Возможно, имеется в виду то, что вокруг каждого человека есть как бы непроницаемая оболочка, которая препятствует познанию подлинной реальности. — *Ред.-сост.*

¹⁰ *Психогносеологический профиль* — см. ниже на с. 459—461. — *Ред.-сост.*

¹¹ См. напр.: *Royce J.R. (Ed.). Toward Unification in Psychology. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1970; Royce J.R., Rozeboom W.W. (Eds.). The Psychology of Knowing. N.Y.: Gordon and Breach, 1972; Royce J.R., Tennesen H. Inquiries into a psychological theory of knowledge. (In prep.)*

¹² См. напр.: *Royce J.R. Test manual for the psycho-epistemological profile (P.E.P.). Unpublished manuscript. The Center for Advanced Study in Theoretical Psychology. University of Alberta, 1970; Royce J.R., Smith W.A.S. A note on the development of the psycho-epistemological profile (P.E.P.) // Psychological Reports. 1964. Vol. 14. P. 297—298; Smith W.A.S., Royce J.R., Ayers D., Jones B. The development of an inventory to measure ways of knowing // Psychological Reports. 1967. Vol. 21. P. 529—535.*

¹³ *Валидных* — здесь: достоверных. — *Ред.-сост.*

«изма» считаются основными в силу своей прямой зависимости от разных познавательных процессов, с одной стороны, и специфичной гносеологической проверяемости — с другой.

В течение 1960-х гг., по мере моего углубления в эту проблему, становилось все более ясным, что психологическое исследование гносеологии не может, как это казалось в середине 50-х, обойтись без философского анализа. Напротив, сейчас оно выглядит как одно из множества проявлений парадигматического сдвига¹⁴ в сторону усиления когнитивной психологии, а также все большей готовности этого направления современной психологии к установлению тесных связей с философией¹⁵. Короче говоря, отчетливо обозначилась новая область междисциплинарных исследований — гносеологическая психология. В связи с этим особый интерес представляет недавно заявленная и нетипичная для традиционной философии позиция одного из ведущих американских философов — Куайна¹⁶. Статья под названием «Натурализованная гносеология», в которой он дает образцовую разработку гносеологии, стала вводной статьей в сборнике психологических работ¹⁷. Куайн утверждает, что эмпирическое знание того, как мы «познаем» в действительности, послужит, по меньшей мере, жизнеспособной альтернативой обычным рациональным реконструкциям философов. С такой оценкой проблемы согласятся многие психологи, и более того — они с готовностью взяли бы ее на вооружение. В соответствии с этим, мой подход сосредоточен на *процессах познания*, а не на теории знания самой по себе.

Конечно, теории знания — кровное дело гносеологии и, как таковые, они образуют краеугольный камень философии. Но все-таки ни одна из существующих теорий не способна вобрать в себя все утверждения относительно знания и не может примирить теоретиков, занимающих альтернативные позиции. Короче говоря, детальный анализ проблем знания следует оставить философам. Однако ясно и то, что как только объектом исследования становится знание, психолог, несмотря на самоотвод звания философа, не может, используя как всегда свою обычную уловку, а именно, психологизм, уклониться в сторону и считать познание и знание одним и тем же. Дополнительно к тому, что говорится о «знающем», теория знания требует обсуждения «знаниемости» (*knowability*). Под «знаниемостью» я подразумеваю некоторые основания или критерий истинности

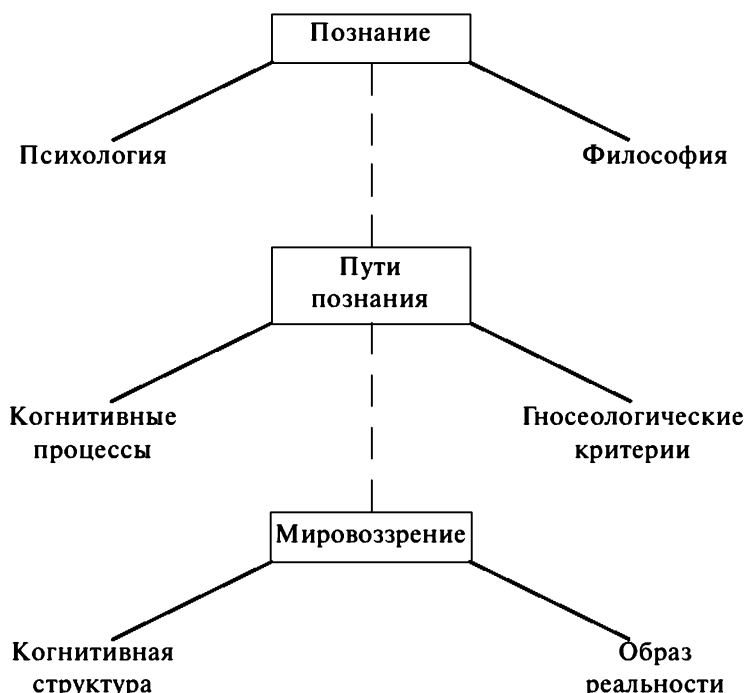
¹⁴ *Парадигматический сдвиг* — изменение данной научной дисциплины в общих методологических основаниях или в том, что можно считать образцом (парадигмой) научных исследований в данной области. — *Ред.-сост.*

¹⁵ См.: Royce J.R. (Ed.) *Psychology and the Symbol: An Interdisciplinary Symposium*. N.Y.: Random House, 1965; Royce J.R. *Pebble picking vs boulder building* // *Psychological Reports*. 1965. Vol. 16. P. 447—450; Royce J.R. (Ed.). *Toward Unification in Psychology*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1970.

¹⁶ Куайн (*Quine*) Уиллард ван Орман (р. 1908) — американский философ и логик. — *Ред.-сост.*

¹⁷ См.: Quine W.V.O. *Ontological Relativity and Other Essays*. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1969; repr. in: Royce J.R., Rozeboom W.W. (Eds.). *The Psychology of Knowing*. N.Y.: Gordon and Breach, 1972.

Рис. 1. Психологические и философские аспекты проблемы познания

утверждения — т.е. удостоверение в законности знания. Таким образом, хотя подход, представленный в данной статье, и отличается от обычной философской работы своей фокусировкой на познавательных процессах, в плане требования гносеологических критериев он совпадает с философским подходом. Это значит, что в данном тексте мы будем ссылаться, хотя и не в достаточно развернутой форме, на результаты философских исследований.

Разрешите начать с описания схемы, представленной на рис. 1. Вертикально по центру рисунка показаны ключевые проблемы познания. Схема предполагает существование разных путей познания. Например, познание в искусствах иное, чем в науках. Как же их можно различать? Это можно сделать и философским, и психологическим образом. С философской точки зрения у них могут быть разные критерии истинности. Скажем, разумно ли требование эмпирической воспроизводимости¹⁸ при оценке истинности высказываний в художественной литературе? А с психологической — можно ожидать различного участия определенных когнитивных процессов. Например, при создании произведений

¹⁸ *Эмпирическая воспроизводимость* — результаты научных исследований при соблюдении известных условий (использование той же методики и сходной выборки испытуемых) могут быть получены вновь, в любое время и при любых обстоятельствах (например, в других странах и другими экспериментаторами). — *Ред.-сост.*

искусства символизация (*symbolizing*)¹⁹ может сыграть свою роль более решающим образом или в иной последовательности, чем при построении математических и логико-дедуктивных систем. Если удастся показать существование разных путей познания, то вполне правомерно предположить, что люди будут комбинировать их с различной степенью предпочтения, и такие гносеологические иерархии смогут, хотя бы отчасти, объяснить различия в *Weltanschauung* [мировоззрение (нем.). — *Ред.-сост.*]. Философский анализ *Weltanschauung* проводится в терминах образа реальности, а психологический — под рубрикой «когнитивная структура» (см. рис. 1).

Кроме того, такой двусторонний анализ дает основу для рабочего определения знания, а именно, как тех когний (*cognitions*) когнитивной структуры данного организма (психологический аспект), которые оправданы гносеологически (философский аспект)²⁰.

Три пути познания

Суть моих утверждений можно вкратце представить в виде схемы, показанной на рис. 2. Смысл ее заключается в том, что любой из трех «измов» является правомерным подходом к реальности, но с разными критериями познания. Так, рационализм опирается в первую очередь на логическую согласованность, т.е. данный подход предписывает принимать нечто как истинное, если оно логически непротиворечиво, и отвергать как ложное, если оно нелогично. Эмпиризм утверждает, что мы познаем в той мере, в какой правильно воспринимаем, а в метафоризме знание зависит от той степени, в какой символические когнии приводят к универсальной, а не к уникальной осведомленности. Хотя каждый из этих когнитивных процессов может привести к заблуждению, смысл [данной схемы. — *Ред.-сост.*] заключается в том, что любой из них может привести и к истине. Например, довольно очевидна возможность ошибки восприятия. Ошибки мышления, вероятно, не столь заметны, но я считаю, что они доставляют много хлопот логикам и математикам. Еще более неуловимы ошибки символизации, главным образом из-за очевидной сложности адекватной формулировки метафорического познания (например, существуют проблемы, что «означают» символы и что считать «универсальным?»). Далее, не сле-

---

¹⁹ Символизация — процесс осознания и представления сложных отношений действительности в компактной, образной и субъективно значимой форме. Согласно К. Юнгу, этот процесс лежит в основе всего искусства, мифов и религии. — *Ред.-сост.*

²⁰ Детальный анализ философских вопросов выходит за рамки данной статьи. Однако в качестве минимального терминологического разъяснения следует отметить, что слово «оправдано» здесь используется в «широком» смысле, т.е. не ограниченном каким-то одним подходом типа физикализма или «оправданной истины веры». Дополнительные разъяснения других терминов, в частности определения когнитивной структуры и когний, будут приведены в последующих разделах данного текста.

Рис. 2. Основные пути познания

дует забывать, что ни один из этих психологических процессов не происходит отдельно от других, т.е. никто не мыслит независимо от чувственно поступающей информации и от процесса формирования символов. Короче говоря, на рис. 2 соответствие путей познания [реальным процессам познания. — *Ред.-сост.*] показано с целью анализа и наглядности в упрощенном виде. Важно то, что здесь в явном виде представлено соответствие между данным когнитивным классом [т.е. путем познания. — *Ред.-сост.*] и сопутствующим ему гносеологическим критерием.

Несмотря на то, что психологи только недавно приступили к построению адекватной когнитивной психологии, я все-таки обязан указать, что имею в виду, когда использую такие термины, как мышление, восприятие и символизация. Предварительные рабочие определения этих терминов заключаются в следующем <...>.

Мышление: когнитивные процессы, направленные на формирование и разработку понятий, на определение их функционального значения для организма; они по большей части дедуктивные, а не индуктивные; они сфокусированы на выводе логических следствий из информации, доступной организму в настоящее время.

Восприятие: когнитивные процессы, направленные на доступные наблюдению сенсорные входы и их «значение»; они по большей части индуктивные, а не дедуктивные; они сфокусированы на переработке сенсорной информации.

Символизация: когнитивные процессы, направленные на формирование символов — «искусственно созданных продуктов», выступающих в качестве представлений реальности; они не дедуктивные или индуктивные, но аналогизирующие²¹; они сфокусированы на переработке «нео-формации» (т.е. внутренне порождаемых форм), а не «ин-формации» [т.е. форм, порождаемых внешне. — *Ред.-сост.*].

Теоретическая часть этого раздела основана на материалах второй главы «Инкапсулированного человека»²². Однако тот первоначальный вариант обсуждения путей познания к настоящему времени модифицирован. В частности, исключен четвертый путь познания — авторитаризм, потому что он не выступает в качестве основного как психологический процесс и не имеет своего критерия истины, а интуиционизм заменен на метафоризм. Я и сейчас считаю, что выделение интуиции как особого класса когнитивных процессов правомерно. Однако собственных валидных гносеологических критериев у него нет и поэтому на рис. 2 он не показан как независимый путь познания. <...>²³

На рис. 2 я попытался показать, что связи познающего человека с подлинной реальностью (*the nature of reality*) устанавливаются тремя путями. Две крайние колонки в правой части рисунка отделены от трех других колонок барьером, расположенным между человеком и реальностью. То, что гносеологически не проверяемо, лежит справа от этого барьера и составляет непознаваемую реальность²⁴. То, что проверяемо по какому-то критерию познания, лежит слева от гносеологического барьера и приводит к «образам реальности» — «истинным», или «настоящим». Несмотря на попытки великих мыслителей как-то обойти существующие гносеологические границы, доступные человеку достоверные суждения всегда располагаются слева от барьера. Попытки найти истину предпринимались, вероятно, с тех пор, как человек появился во вселенной, и постепенно оформились в современные специальные области зна-

---

²¹ *Аналогизирующие* — здесь: соответствующие какому-то другому предмету, явлению или событию. Следует подчеркнуть, что здесь говорится о когнитивных процессах не как о логических (т.е. дедуктивных или индуктивных), а как об аналогических. — *Ред.-сост.*

²² См.: *Royce J.R. The Encapsulated Man: An Interdisciplinary Essay on the Search for Meaning.* Princeton (NJ): Van Nostrand-Reinhold, 1964.

²³ В опущенном фрагменте текста автор останавливается на интуиции. В начале он утверждает, что «интуиция активно участвует во всех трех гносеологиях, хотя в символизировании, вероятно, в большей степени, чем в мышлении и восприятии» (р. 154), а в итоге — что «интуиция — валидный вид познания, но интуиционизм сам по себе не является валидной гносеологией, поскольку не может обеспечить гносеологическое оправдание» (р. 155). — *Ред.-сост.*

²⁴ Подробнее об этом см.: *Royce J.R. The Encapsulated Man: An Interdisciplinary Essay on the Search for Meaning.* Princeton (NJ): Van Nostrand-Reinhold, 1964.

ния, например, историю, литературу и биологию²⁵. По определению, эти специализации представляют реальность весьма избирательно и приводят к дивергентным²⁶ мировоззрениям. Психогносеологическая основа этого изображена на рис. 3. Я предлагаю не обращать внимания на правую часть рисунка, поскольку она в данной работе не обсуждается, и сосредоточиться на его левой части²⁷. Разумеется, в любой из трех указанных на рисунке основных областей познания участвуют все три гносеологии, но также ясно и то, что в каждой области мы главным образом опираемся на одну из них. Например, ученый как таковой «мыслит», «символизирует» и «воспринимает», но больший вес придает рациональному и эмпирическому пути познания и сводит к минимуму метафорическую символизацию на этапе окончательного суждения. Художник также обращается ко всем своим когнитивным умениям и навыкам,

²⁵ Различные специальные отрасли знания я представляю как дальнейшие дифференциации или подклассы символических форм Кассирера [Кассирер (*Cassirer*) Эрнст (1874—1945) — немецкий философ, с 1941 г. работал в США. — *Ред.-сост.*]. Согласно Кассиреру, любое знание заявляет о себе в той или иной символической форме. Самой ранней из таких форм был миф, за ним последовали определенные формы примитивного искусства, типа танца и ритуальной драмы, и простые системы счисления, типа нумерации римскими цифрами. Одно из основных положений Кассирера заключается в том, что по ходу развития культуры происходит все более увеличивающееся усложнение этих ранних демонстраций знания. Вместе с происходившим в течение столетий увеличением сложности имела место соответствующая дифференциация, в результате которой получилось множество искусств и наук, определяющих сущность культуры двадцатого века. Вследствие разных исторических и другого рода причин, они оформились в виде специальных областей знания, которые мы можем рассматривать как более дифференцированную классификацию символических форм. Подразумевая это, я мог бы доказать, что любой анализ познания начинается с его продуктов, а именно знания. И я принимаю подход Кассирера как наиболее адекватную основу такого анализа, потому что его философия символических форм распространяется на весь спектр знания (см.: *Cassirer E. The Philosophy of Symbolic Forms. New Haven (Con.): Yale Univ. Press., 1953, 1955, 1957. Vol. 1, 2, 3).*

²⁶ *Дивергентные* — букв. «расходящиеся или разошедшиеся в разные стороны». В переносном значении дивергентными будут такие пути познания, которые не только не совпадают, но и нигде и никогда не пересекаются (за исключением исходной, начальной точки). Противоположным по значению будет термин «конвергентные». — *Ред.-сост.*

²⁷ Когда я привожу этот материал на семинарах и лекциях, мне задают вопрос: на каком основании я включаю указанную правую часть в схему — ведь она обращена к непознаваемой реальности. Главная причина — ради завершенности [и полноты схемы. — *Ред.-сост.*]. Например, подразумевается, что большая часть метафизической истории философии разворачивалась в правой части схемы, показанной на рис. 3. Вторая причина заключается в том, что если эту часть схемы убрать, то постоянно задают вопросы о подлинной реальности. Психологически свои представления о реальности я проецирую, как в своего рода вселенском тесте Роршаха, за правую сторону гносеологического барьера. Онтологически я не вижу какого-либо способа обойти этот барьер, перепрыгнуть через него с шестом, пролезть под ним или сквозь него. Поэтому я бросаю вызов любому, будь то человек или какое-то другое существо, требуя показать, что это может быть сделано (например, на это претендуют некоторые мистики и/или наркоманы, однако, насколько мне известно, успешных демонстраций реализации таких притязаний до сих пор не было).

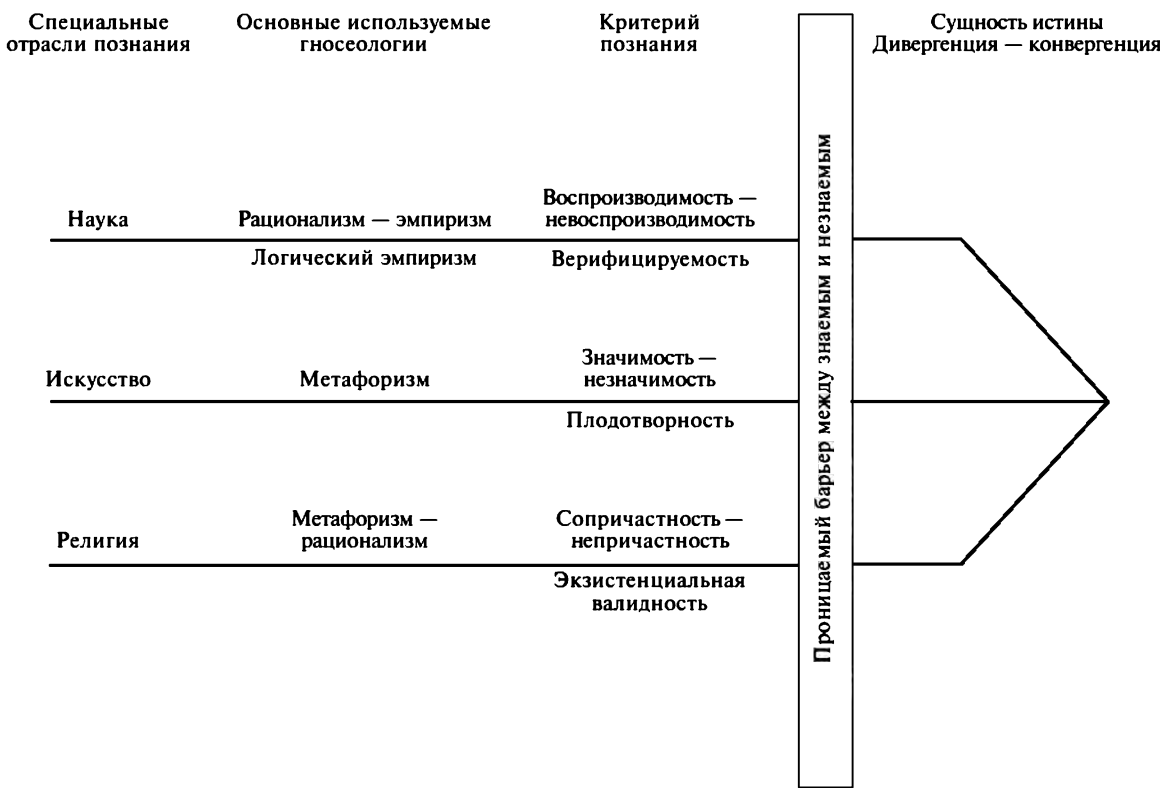

Рис. 3. Типовые специальные отрасли познания²⁸

но при этом, напротив, максимально наращивает процесс символизации за счет мышления и восприятия. Конечно, возможные комбинации гносеологических профилей меняются в широких пределах, и данное краткое пояснение следует рассматривать как относительное, типовое, а не абсолютное и применимое ко всем.

Хотя в моей собственной гносеологической иерархии ведущая роль принадлежит рационализму, я также испытываю сильное давление эмпиризма. Поэтому я приступил к ряду продолжительных исследований адекватности вышеприведенной теоретической позиции. К настоящему времени они находятся всего лишь в начальной стадии, и тем не менее, к счастью, уже дают подтверждение моим интуитивно-рациональным размышлениям. Я хотел бы вкратце рассказать о результатах этих исследований.

Наш подход заключался в создании опросника психогносеологического профиля, направленного на измерение индивидуальной гносеологической

²⁸ Модифицированный вариант по: Royce J.R. The Encapsulated Man: An Interdisciplinary Essay on the Search for Meaning. Princeton (NJ): Van Nostrand-Reinhold, 1964. P. 60.

иерархии²⁹. Этот стандартизованный тест состоит из 90 пунктов³⁰, по 30 на каждую из трех шкал, обозначенных как рационализм, эмпиризм и метафоризм. По ходу разработки этот опросник пять раз пересматривался, прошел несколько испытаний на специальных и случайных выборках испытуемых, несколько видов поэлементного анализа и схем взвешивания полученных данных. Некоторые выводы по результатам, полученным к настоящему времени, состоят в следующем.

1. Использование так называемого опросника психогносеологического профиля (ПГП) позволяет выявить и измерить индивидуальные гносеологические иерархии.

2. Установлено, что коэффициенты надежности повторного тестирования по всем трем шкалам ПГП лежат в диапазоне 0,80—0,90³¹.

3. Получены данные, говорящие о том, что этот опросник валиден в смысле различения контрастных групп. Например, как показывают результаты, представленные в табл. 1, эмпиризм является преобладающей характеристикой группы химиков и биологов, показатель метафоризма выше всего у выборки музыкантов и драматургов, а рационализма — у математиков и физиков-теоретиков. Это эмпирическое подтверждение теоретических ожиданий благодаря полной согласованности полученных результатов вдохновляет больше всего. Нормативные сопоставления (т.е. сравнение показателей по шкалам *между* группами) отвечают предсказанным во всех случаях, а сопоставления *внутри* групповые, т.е. сравнение показателей по шкалам *внутри* группы) не соответствуют предсказанным только в одном случае — в группе химиков и биологов средний показатель по шкале рациональности (1,337) больше, чем по эмпирической шкале (1,223), [тогда как ожидалось обратное соотношение. — *Ред.-сост.*]. Все различия между этими девятью показателями, за исключением одного, а именно, по метафорической шкале для группы математиков и физиков

---

²⁹ См.: Royce J.R. Test manual for the psycho-epistemological profile (P.E.P.). Unpublished manuscript. The Center for Advanced Study in Theoretical Psychology. University of Alberta, 1970; Royce J.R., Smith W.A.S. A note on the development of the psycho-epistemological profile (P.E.P.) // Psychological Reports. 1964. Vol. 14. P. 297—298; Smith W.A.S., Royce J.R., Ayers D., Jones B. The development of an inventory to measure ways of knowing // Psychological Reports. 1967. Vol. 21. P. 529—535.

³⁰ Под пунктом или элементом опросника имеется в виду какое-то утверждение или вопрос, на который испытуемый должен дать ответ («да» или «нет»). Утверждения моделируют ситуации, соответствующие или обратные предполагаемому измеряемому свойству. Число утвердительных (на соответствующие утверждения) и отрицательных (на обратные утверждения) ответов служит показателем степени выраженности данного свойства. — *Ред.-сост.*

³¹ Показатель надежности может лежать в пределах от 0 до 1. Когда при повторном опросе или тестировании данного испытуемого тем же способом получают совершенно другие ответы, будет нулевое значение показателя; единица — те же самые; приводимые автором значения показателей говорят о высокой надежности ПГП. — *Ред.-сост.*

Таблица 1

Средние групповые значения показателей по эмпирической, метафорической и рациональной шкалам психогносеологического профиля (пересмотренная экспериментальная форма II)

Группа	Среднее по группе		
	Эмпирическая шкала	Метафорическая шкала	Рациональная шкала
Химики — биологи <i>n</i> * = 48	1,223	1,141	1,337
Музыканты — драматурги <i>n</i> = 50	1,102	1,489	1,203
Математики — физики <i>n</i> = 44	1,162	1,142	1,452

[*n — количество человек в группе. — *Ред.-сост.*]

(1,142) и группы химиков и биологов (1,141), установлены по *t*-критерию³² при уровне значимости менее 5 %.

Теперь, когда удовлетворены необходимые требования к надежности и валидности разрабатываемого теста, мы расширяем область применения ПГП для решения ряда различных проблем эмпирических исследований³³, таких как проблемы межкультурных (например, Восток *в сопоставлении* с Западом) и субкультурных (например, «двух культур») различий, а также изучаем предполагаемые взаимосвязи между когнитивными стилями и ценностными убеждениями (такими как шесть ценностных ориентаций по Оллпорту, Вернону и Линдзи). <...>³⁴

³² *t*-критерий — один из критериев математической статистики, используемый с целью установления значимости различий между двумя выборками. — *Ред.-сост.*

³³ См. напр.: Royce J.R. Test manual for the psycho-epistemological profile (P.E.P.). Unpublished manuscript. The Center for Advanced Study in Theoretical Psychology. University of Alberta, 1970.

³⁴ В опущенном отрывке текста, завершающем данный раздел, автор дает краткое изложение обзора различных теоретических подходов в области гносеологической психологии (Royce J.R., Tennessen H., *in prep.*). Это область междисциплинарных исследований, где философия и психология заключают, по выражению автора, повторный брак в работах как философов (например, Э. Кассирера, Т. Куна, П. Фейерабенда), так и психологов (например, Э. Брунsvика, Дж. Гибсона, Дж. Келли, Ж. Пиаже, К. Юнга). В заключение автор отмечает, что на его исследования в наибольшей степени повлияли работы социолога П. Сорокина и нейропсихолога К. Прибрама. — *Ред.-сост.*

Когнитивная структура³⁵

Когнитивную структуру я определяю как многомерную, организованную подсистему процессов (подразделяемых на группы, относящиеся к восприятию, мышлению и символизации), посредством которой данный организм приобретает когниции. Основной акцент в этом понятии делается на основополагающей организации когнитивных процессов, — на основные измерения когниции, на то, каким образом каждый процесс функционирует, и на связи между процессами. Необходимо подчеркнуть, что когнитивная структура имеет дело не с когнициями самими по себе, а с тем, как они порождаются. Кроме того, она не имеет дела со всеми возможными психологическими явлениями. Дополнительное разъяснение этих замечаний будет дано после разработки представления о природе когнитивной структуры при более пристальном рассмотрении основных частей данного определения.

Во-первых, я утверждаю, что когнитивная структура *многомерная*. То, что основополагающая когнитивная структура должна быть многомерной, едва ли требует доказательств, если вспомнить, с каким фантастическим количеством и разнообразием информации действительно справляется организм. Конечно, это положение хорошо обосновано в эмпирической литературе, особенно результатами исследований, использующих факторный анализ³⁶. <...>³⁷

---

³⁵ В связи с неоднозначным использованием термина «когнитивная структура» происходит большая семантическая путаница. Наиболее распространенные его употребления можно, тем не менее, разбить на два класса — на описания структуры когнитивных процессов и на описания организации когниций. Для того, чтобы постараться в дальнейшем свести к минимуму семантическую и концептуальную путаницу в данном вопросе, мы считаем важным разграничить эти два класса. Поэтому термин «когнитивная структура» мы предлагаем использовать в первом смысле, а термин «мировосприятие» — во втором. Для того, чтобы увидеть, что эти понятия совершенно различны, достаточно заметить, что к одним и тем же когнициям можно прийти посредством различных процессов. Например, некто скажет: «Я могу припомнить этот *X*, увидеть этот *X*, вывести этот *X* и т.д.» В случае индивидуального мировоззрения мы имеем дело со способом организации когниций, а в случае когнитивной структуры — с тем, как эти когниции приобретаются (т.е. с процессами наблюдения, или умозаключения, или припоминания и т.д.). Данное определение когнитивной структуры, хотя и более четкое, чем другие, неизбежно оказывается весьма сжатым. В настоящее время проводится более обширная разработка представлений о природе когнитивной структуры.

³⁶ *Факторный анализ* — статистический анализ корреляций среди множества переменных, проводимый с целью выявления переменных, тесно связанных в группы (т.е. коррелирующих между собой). Предполагается, что на все переменные данной группы влияет один скрытый фактор. Анализ направлен на определение этих скрытых факторов. — *Ред.-сост.*

³⁷ В опущенном фрагменте автор ссылается на кубическую модель структуры интеллекта, разработанную Дж. Гилфордом, и приводит ее графическое изображение (см.: *Guilford J. P. The Nature of Human Intelligence*. N.Y.: McGraw-Hill, 1967). Согласно этой модели, человек располагает 120 способностями (факторами интеллекта). Каждую такую способность автор предлагает рассматривать как измерение когнитивной структуры и дает соответствующие примеры ведущей роли определенных способностей на трех различных путях познания (чувственном, рациональном и метафорическом). — *Ред.-сост.*

Во-вторых, я утверждаю, что когнитивная структура — это *организованная система процессов (восприятия, мышления, символизации)*. Проблема заключается в описании того, как эта когнитивная система организована. Возникает необходимость в определении общих принципов или законов, «организующих» какую-либо подсистему, скажем, восприятие, и/или всю структуру когниции. Например, гештальтный закон *pragnanz*³⁸ (тенденция перцептивной системы к организации в «хорошую форму», т.е. максимально симметричную, уравновешенную и простую), очевидно соответствующий области восприятия, можно также применить к мышлению и символизации. Организующий принцип восстановления³⁹, первоначально сформулированный с целью описания явлений памяти и мышления, оказывается также уместным для перцептивного и метафорического видов когниций. Суть этого принципа заключается в том, что некий комплекс, например R (A, B, C и т.д.), восстанавливается (т.е. организуется повторно) благодаря предъявлению одного из его элементов⁴⁰. Уместен ли этот принцип и для метафорической когниции? Я думаю — да, потому что во всех видах искусств художники используют элементы, заявляющие тему или лейтмотив, которые обычно все время повторяются, подчеркивая или резюмируя весь символический продукт. Следовательно, восстановление или подобный ему процесс, может, предположительно, послужить тем «принципом», в соответствии с которым организуются не только какие-то этапы мышления и восприятия, но и символизации.

Но, пожалуй, наиболее общий принцип, установленный к настоящему времени, заключается в понятиях «ассимиляции» и «аккомодации» Пиаже⁴¹. Этот механизм лежит в основе глобального процесса адаптации, который определяет, будет ли данный организм выходить за пределы имеющихся когниций и изменять их, чтобы усвоить нечто новое, или же сохранит свои позиции неизменными и ассимилирует новую поступающую информацию как часть имеющегося мировоззрения. Поскольку процесс ассимиляции—аккомодации связан с мировосприятием в целом, предполагается, что этому принципу подчиняются все три подкласса путей познания и, следовательно, различные комбинации измерений когниции (как внутри, так и между подклассами) будут функционировать согласно этому принципу.

³⁸ *Гештальтный закон pragnanz* (нем.), или закон «прегнантности» гештальта — один из основных законов организации целостных образов восприятия, установленный гештальтпсихологами. — *Пед.-соцт.*

³⁹ В оригинале: *principle of redintegration*; честь открытия этого закона принадлежит английскому философу Уильяму Гамильтону (1788—1856). — *Пед.-соцт.*

⁴⁰ См.: *Horowitz L.M., Prytulak L.S. Redintegrative memory // Psychological Review. 1969. Vol. 76. P. 519—531; Rozeboom W.W. The art of metascience, or What should a psychological theory be? // Toward Unification in Psychology / J.R. Royce (Ed.). Toronto: Univ. of Toronto Press, 1970. P. 53—163.*

⁴¹ Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ; см. его текст на с. 560—562 наст. изд. — *Пед.-соцт.*

Однако самая захватывающая перспектива изучения организации когнитивных измерений открывается опять-таки в литературе, посвященной факторно-аналитическим исследованиям. <...>⁴².

В-третьих, я утверждаю, что когнитивная структура приводит к когнициям. Под когнициями я подразумеваю *те внутренние (т.е., нейрологически кодированные) представления*⁴³ или *психические феномены (например, идеи, догадки, образы восприятия), которые являются продуктами когнитивных процессов (т.е. восприятия, мышления и символизации)*. В связи с этим определением сразу возникает вопрос: представления чего? В самом общем виде, ответ, по-видимому, следует сформулировать так: когниции могут представлять все что угодно, начиная от дикого, аутистического⁴⁴ суеверия или фантазии и кончая совершенно банальными объектами повседневного окружения. Но в настоящем контексте, а именно, при попытке понимания процесса познания, предполагается, что когниции должны быть чем-то, имеющим дело с реальностью (т.е. с миром, «способом существования вещей»). Однако данное восприятие или понятие может представлять, а может и не представлять реальность; т.е. просто обладание восприятием или понятием нельзя определить как познание. А это значит, что нам следует сохранить различие когниции с познанием — проводить различие между восприятием как познанием и не познанием, между символизацией как познанием и не познанием, между мышлением как познанием и не познанием. Следовательно, когниции сами по себе нельзя определять как знание. Но в сочетании с гносеологическим оправданием когниции все же *могут* приводить к знанию. <...>⁴⁵

Наконец, я утверждаю, что когнитивная структура *конструктивна*. Хотя это положение до сих пор явно не формулировалось, оно подразумевается везде. В нем утверждается, что когниция делает возможным разработку или построение категорий, понятий и конструктов⁴⁶, которые руководят или управляют

---

⁴² В опущенном отрывке автор снова возвращается к модели Дж. Гилфорда и выражает надежду, что под напором ряда фактов, не укладывающихся в нее в настоящее время, она преобразуется в иерархическую (т.е. будут выделены факторы или способности разных уровней). — *Ред.-сост.*

⁴³ *Представление*, или репрезентация — внутреннее, субъективное представление объективной реальности в какой-то (образной или понятийной) форме психического отражения. — *Ред.-сост.*

⁴⁴ *Аутистическое* — здесь, по-видимому, как возникшее благодаря длительному полному погружению в мир собственных, никак не соотносимых с реальностью, продуктов мышления и воображения. — *Ред.-сост.*

⁴⁵ В опущенном отрывке автор вкратце останавливается на физиологических механизмах познания, опосредствующих входы (стимулы) и выходы (ответы) организма. При этом он ссылается на работу американского нейропсихолога К. Прибрама (см.: *Pribram K.H. Neurological notes on knowing // The Psychology of Knowing / J.R. Royce, W.W. Rozeboom (Eds.). N.Y.: Gordon and Breach, 1972. P. 449—462*). — *Ред.-сост.*

⁴⁶ *Конструкт* — здесь: любое обобщение, гипотетического или вероятностного характера, складывающееся в результате стихийного накопления опыта и далеко не всегда осознаваемое. — *Ред.-сост.*

ют способом видения мира. Пути возникновения конструкторов разнообразны⁴⁷ и классифицируют их по-разному. Брунер⁴⁸, например, описывает три стратегии образования понятий⁴⁹. Пиаже обращает внимание, с одной стороны, на изменение [этих путей. — *Ред.-сост.*] в онтогенезе, а с другой — на сходство в формировании конструкторов, которое он усматривает в развитии детей и эволюции научной гносеологии⁵⁰. А Джордж Келли⁵¹ предлагает концепцию «системы персональных конструкторов», которые также в какой-то мере сопоставимы, на его взгляд, с конструкторами науки⁵². Короче говоря, тема конструкторов занимает в современной когнитивной психологии центральное место и фактически выступает в качестве основной в недавно заявившем о себе подходе к исследованию познавательных процессов⁵³.

В этом созвездии «конструктивистских» подходов можно выделить, по меньшей мере, два общих момента. Один заключается в том, что в качестве общей концептуальной основы в них закладывается та или иная модификация теории информации. Другой — в постулировании существования механизмов, справляющихся с информационной перегрузкой. При этом, как правило, указывают на необходимость некоторого *кода* и набора *правил*. В итоге мы выходим на группу конструкторов, которые, в конечном счете, являются элементами данного кода. Этот код в сочетании с набором операциональных правил образует «представление» «способа существования вещей» (*a «representation» of «the way things are»*).

Включив сказанное в общий контекст настоящей работы, мы можем рассматривать каждый из трех путей познания как некий сложный код со своими собственными правилами, сложившимися таким образом, что они согласуются с гносеологическим оправданием данного пути познания. Например, фундаментальное требование рационализма заключается в том, чтобы следовать

---

⁴⁷ Связанная с когнитивной структурой проблема нативизма—эмпиризма в этой статье не затрагивается. Разница в существующих взглядах на ее решение наиболее очевидна в работах Скиннера и Хомского, посвященных языку (см.: *Chomsky N. Review of B.F. Skinner // Verbal Behavior. Language. 1959. Vol. 35. P. 26—58; Skinner B.F. Verbal Behavior. N.Y.: Appleton, 1957*). В настоящее время разворачивается исследование в рамках другого проекта <...>, где уже принята попытка теоретического синтеза наших знаний об «индивидуальности» (см.: *Royce J.R. The conceptual framework for a multi-factor theory of individuality // Multivariate Analysis and Psychological Theory / J.R. Royce (Ed.). L.: Academic Press, 1973. P. 305—381*), и где эта проблема будет рассматриваться вплотную. В данный момент мы всего лишь можем предположить, что на персональные конструкторы по-разному влияют как генетические, так и средовые факторы, и только эмпирическое исследование прояснит все детали.

⁴⁸ Брунер (*Bruner*) Джером Сеймор (р. 1915) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁴⁹ См.: *Bruner J.S., Goodnow J.J., Austin G.A. A Study of Thinking. N.Y.: Wiley, 1956*.

⁵⁰ См.: *Piaget J. The Origins of Intelligence in Children. N.Y.: International Universities Press, 1952*.

⁵¹ Келли (*Kelly*) Джордж (1905—1966) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁵² См.: *Kelly G.A. A Theory of Personality. N.Y.: Norton, 1963*.

⁵³ См.: *Neisser U. Cognitive Psychology. N.Y.: Appleton, 1967*.

правилам, приводящим к логической согласованности. Уклонение от этого требования нарушает правила этой особой гносеологической игры и просто не допускается (т.е. судья-гносеолог воскликнет: «Обман!»). В случае метафоризма правила требуют «наполненной смыслом символизации», и поэтому Ингмар Бергман⁵⁴, Федерико Феллини⁵⁵ и Эдуард Олби⁵⁶ задевают нас за живое своими сравнениями, аналогиями и аллегориями, заряженными «универсальным» смыслом «условий человеческого существования». В этом случае в фокус внимания попадает «жизнь», а не логика. Парадоксы и логические несоответствия не только допустимы, но и поощряются правилами этой гносеологической игры. Суть в том, что три пути познания представляют собой сложные когнитивные подсистемы, *построенные* организмом для понимания различных сторон всего того, что мы называем «реальностью».

Ранее говорилось, что когнитивная структура не имеет дела со всеми психологическими явлениями. Она не имеет дела, например, с рефлексам, ключевыми стимулами и множеством явлений простого обусловливания и научения. Здесь важно подчеркнуть то, что когнитивная структура продвигает наше понимание психологических событий, но было бы необоснованно распространять ее на все психологическое. Моя позиция заключается в том, что когнитивная структура представляет собой важную часть психологической структуры в целом, а когниции образуют только подмножество явлений психики. Разрешите пояснить это положение, опираясь на определение *психической структуры как многомерной, организованной подсистемы процессов (включающей в себя когнитивную структуру), посредством которой организм порождает психические феномены*. Под последними имеются в виду внутренние (т.е. нейробиологически кодированные) репрезентации, независимо от того, представляют они реальность или нет. Подчеркнем, что психические феномены включают в себя весь диапазон внутренних событий — желания, мечты, верования, фантазии, сновидения, иллюзии, бред, галлюцинации и т.д., а также идеи, догадки и восприятия. По образцу предыдущих определений я даю определение *психологической структуры как многомерной, организованной системы процессов (включающей в себя психическую структуру), посредством которой организм порождает поведение и психические феномены*. Из этих определений с очевидностью следует, что мы описываем общую систему и ее подсистемы, и что какая-то одна структура вложена или встроена в какую-то другую, более емкую структуру (см. рис. 4, А). Это значит, например, что хотя когниции (восприятия, идеи, догадки и др.; см. рис. 4, Б) развиваются глав-

⁵⁴ Бергман Ингмар (1918—2007) — шведский режиссер театра и кино. — *Ред.-сост.*

⁵⁵ Феллини Федерико (1920 — 1993) — итальянский сценарист и кинорежиссер. — *Ред.-сост.*

⁵⁶ Олби Эдуард (р. 1928) — американский драматург. — *Ред.-сост.*

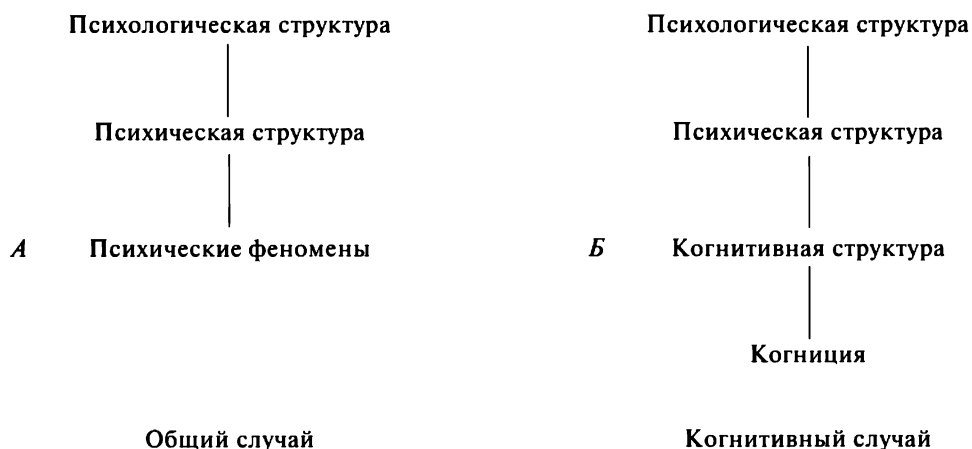

Рис. 4. Иерархическая встроенность когнитивной структуры

ным образом благодаря когнитивной структуре, на них влияет и основная психическая структура, на которую, в свою очередь, влияет вся психологическая структура данного организма.

К психологии и философии *Weltanschauung*

Допустим, что данная концепция многомерной, репрезентирующей, конструирующей и взаимодействующей с окружением когнитивной структуры — это первое приближение к пониманию того, как организм перерабатывает информацию. Рассмотрим отношение между вытекающими из когнитивной структуры когнициями и многообразием гносеологически проверяемой реальности. Каким оно может быть? Для ответа на этот вопрос необходимо уточнить понятие образа реальности, или мировоззрения. Поэтому я предлагаю определить *мировосприятие* как *построенную данным организмом систему индивидуальных когниций, образующих некую модель, или образ реальности (т.е. «способа существования вещей»)*. Здесь подразумевается, что индивидуальные когниции⁵⁷ опираются непосредственно на когнитивную структуру и косвенно на психическую и психологическую структуры. Далее подразумевается, что мировоззрения склонны к «инкапсуляции», т.е. не вмещают всей реальности⁵⁸. В зависимости от индивидуального психогносеологического профиля инкапсуляция

⁵⁷ *Индивидуальные когниции* — это понятия, конструкты или категории; более определенно, — это подгруппа когниций, которая служит для того, чтобы привести в единую форму или систему реальность для данного индивида. — *Ред.-сост.*

⁵⁸ См.: Royce J.R. *The Encapsulated Man: An Interdisciplinary Essay on the Search for Meaning*. Princeton (NJ): Van Nostrand-Reinhold, 1964.

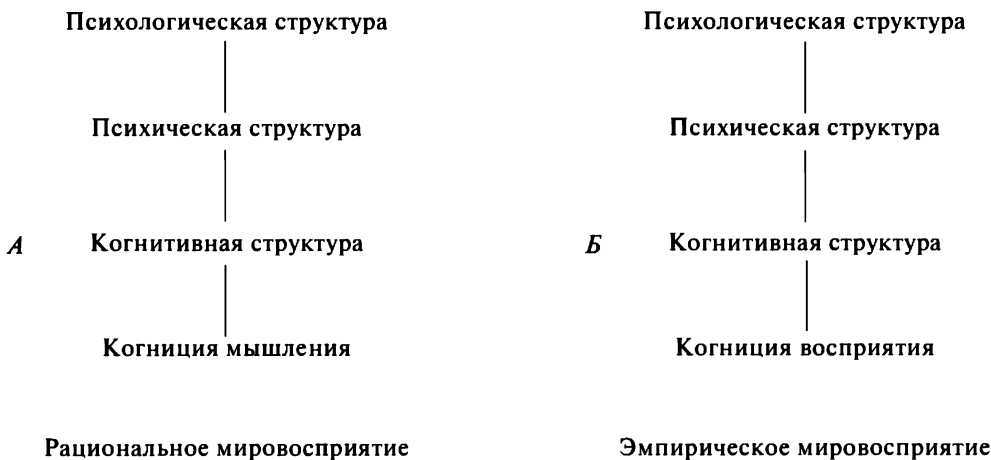

Рис. 5. Когнитивная структура и гносеологические иерархии

принимает определенную форму, т.е. на первом месте в гносеологической иерархии находится либо рационализм, либо эмпиризм, либо метафоризм. Если господствует, например, рационализм, значит сложившееся в результате этого мировосприятие опирается, по сути, на мыслительную когнитивную структуру (см. рис. 5, А). Если же мы рассмотрим случай крайнего эмпиризма, то это будет примером господства восприятия (см. рис. 5, Б)⁵⁹. Это означает, что, несмотря на то, что некоторые когниции из всей их системы возникают благодаря процессам мышления и символизации, сложившееся мировосприятие будет основано главным образом на процессах восприятия⁶⁰.

Наличие в познании мощной конструктивной составляющей выдвигает на первый план традиционную гносеологическую проблему субъективного и объективного, и ставит под вопрос «истинность» того или иного мировоззрения. Проблема заключается здесь в следующем: когда мы что-то «знаем», то сколько в это «знание» привнесено субъектом и сколько объектом? Предлагаемый мною ответ состоит в том, что в нем всегда есть и то и другое, и что удельный вес субъективного и объективного в знании варьирует во всем диапазоне.

⁵⁹ Такие гносеологические профили можно было бы не без основания считать разновидностями гносеологического стиля, подразумевающего по определению данного термина как темперамент, так и способности. Мы приступили к нескольким исследованиям, которые могут в конечном счете пролить некоторый свет на этот вопрос. Необходимо также провести соответствующий теоретический анализ. В данном контексте необходимо хотя бы упомянуть важность эмоциональных детерминант индивидуального *Weltanschauung*.

⁶⁰ Я предполагаю само собой разумеющимся, что когнитивная структура и соответствующее мировосприятие [в действительности. — *Ред.-сост.*] никогда не совпадают с только что описанными «гипотетическими чистыми типами», а представляют собой соединения всех трех путей познания, и что индивидуальные гносеологические и концептуальные соподчинения зависят от индивидуального психогносеологического профиля.

Однако позвольте приступить к прояснению этой проблемы путем рассмотрения двух предельных случаев. Давайте возьмем, во-первых, случай мировоззрения, в котором в максимальной степени преобладает субъективное. Это будет «чистая» конструкция, т.е. когниция, на которую не накладывает ограничения ни объект, ни какие-то другие факторы окружения. На возможность появления в этом случае бредовых и галлюцинаторных когниций указывают наиболее тяжелые формы аутизма, встречающиеся при шизофрении и других душевных заболеваниях⁶¹. Тогда в плане гносеологии мы попадаем в тупик солипсизма⁶², а в психологическом плане это означает дезадаптацию. Короче говоря, субъективные конструкции, полностью игнорирующие объект (т.е. окружение) или другие внешние ограничения (например, логическую непротиворечивость математики) нельзя определять как знание.

Теперь разрешите перейти к случаю полного доминирования объекта. В его предельном выражении мы бы просто получили окружение без чувствующих организмов. Существует только Вселенная, и нет ни одного организма, познающего эту Вселенную. Недавние наблюдения, проведенные благодаря космическим полетам на Луну, говорят о том, что ситуация на этом небесном теле представляет собой такой микромир.

Сейчас мы еще раз сказали о необходимом отправном пункте нашего исследования, а именно о том, что знание возникает только из взаимодействия субъекта и объекта (т.е. окружения). Что же произойдет, если мы сместим анализ ближе к центру? Покинув края, но все еще оставаясь на периферии, мы сможем говорить о частичном преобладании либо субъекта, либо объекта. Тогда гносеологическая проблема ставится более остро. Мы допускаем субъект-объектное взаимодействие и, следовательно, возможность познания, но, заметьте, теряем при этом уверенность. То есть, случай частичного преобладания субъекта дает относительно несовершенное знание в смысле его гносеологической проверяемости, а случай частичного преобладания объекта наделяет нас сравнительно скудным мировосприятием (таким, например, как у растения, амебы, червя или младенца)⁶³. Если мы переместимся еще ближе к центру, то проблема субъектив-

---

⁶¹ См. например: *Weckowicz T.E. Depersonalization-derealization syndrome and perception: A contribution of psychopathology to epistemology // The Psychology of Knowing / J.R. Royce, W.W. Rozeboom (Eds.). N.Y.: Gordon and Breach, 1972. P. 429—444.*

⁶² *Солипсизм* — философский термин, обозначающий крайнюю позицию субъективного идеализма, когда в качестве реальности человек признает только содержания своего сознания и, как следствие, отрицает существование внешнего мира. — *Ред.-сост.*

⁶³ В связи с этим положением возникает вопрос, имеет ли смысл приписывать мировосприятие каким-либо низшим организмам. Приведенное здесь определение мировоззрения допускает такое толкование так же, как это сделала бы и концепция знания Кэмпбелла (см. например: *Campbell D.T. Methodological suggestions from a comparative psychology of knowing processes // Inquiry. 1959. Vol. 2; Campbell D.T. Blind variation and selective retention in creative thought as in other knowledge processes // Psychological Review. 1960. Vol. 67*). Мое предположение по данному вопросу заключается в следующем: по мере филогенетического спуска миро-

ного и объективного станет наиболее острой. Теперь мы одновременно допускаем богатое, конструктивное мировосприятие с одной стороны, и всю полноту окружения — с другой. Суть проблемы в данном случае заключается в том, что любому возможному знанию неизбежно сопутствует неопределенность. Дело в том, что мы не в состоянии полностью отделить вклад субъекта от того, что предоставляет объект. Мое решение этой дьявольски сложной проблемы состоит в том, чтобы признать неопределенность в качестве ее сути, добавив к этому, что рост понимания должен уменьшать степень неопределенности, а ключ к увеличению понимания лежит в согласовании мировосприятий с гносеологическими критериями.

Почему эта неопределенность есть всегда? Конечно же, мир «там вовне» существует, и мы можем его познавать. Проблема заключается в том, что мы можем познавать его только посредством какого-то психобиологического оснащения, и процесс познания включает в себя активного, конструирующего субъекта познания. Поэтому нельзя точно определить, в какой степени в его мировосприятии представлено то, что находится «там вовне в действительности». Иначе говоря, для того, чтобы оценить, насколько данное мировосприятие приближается к «объективной истине», необходимо знать природу реальности в каком-то предельном смысле. С другой стороны, столь же неверен вывод о невозможности любого знания (т.е. абсолютный скептицизм), поскольку различные организмы, используя имеющееся у них психобиологическое оснащение, успешно приспосабливаются к миру⁶⁴. Из этого следует, что неопределенность «истины» неизбежна.

Я считаю, что уменьшение неопределенности может произойти только с ростом нашего понимания когнитивных и гносеологических аспектов процесса познания. Этот рост понимания, конечно, предполагает осознание неадекватности двух крайних позиций, утверждающих (1) невозможность знания и (2) возможность полностью объективного знания. Первая позиция абсолютного скептицизма отстаивалась редко и немногими, и в настоящем контексте едва ли заслуживает подробного рассмотрения. Вторую же позицию защищали обстоятельным образом, особенно в XX столетии, ссылаясь на достижения

восприятие низших организмов становится все более и более бедным. Кроме того, в большинстве случаев, в дочеловеческих мировоззрениях скорее всего господствуют процессы восприятия. Доступные факты говорят о том, что символизация есть только у *Homo sapiens*, тогда как мышление и образование понятий бывает и у других видов высшего уровня (например, у млекопитающих). На более низких филогенетических уровнях маловероятно образование даже простых понятий, однако определенные формы перцептивной когниции есть на всех филогенетических уровнях, в том числе у простейших, одноклеточных животных — грубое сенсорное различение (например, при избегании) возможно даже у них. Итак, среди трех классов когниций, в плане выживания видов, естественного отбора и эволюционного процесса, перцептивные когниции являются, по-видимому, самыми древними и фундаментальными.

⁶⁴ См.: *Campbell D.T. Methodological suggestions from a comparative psychology of knowing processes // Inquiry. 1959. Vol. 2. P. 152—182; Campbell D.T. Blind variation and selective retention in creative thought as in other knowledge processes // Psychological Review. 1960. Vol. 67. P. 380—400.*

наук. Ошибочность этой позиции заключается в чрезмерном восхищении силой научной гносеологии, а также в недооценке той роли, которую играют субъективные (т.е. различные у разных ученых) персональные конструкты в «открытии» научного знания. Этот субъективный вклад можно увидеть особенно ясно, если обратить внимание на научные теории, а не на, как кажется, нейтральные, фактические данные, поскольку твердо установлено, что разработка теорий требует творчества. Более того, гносеология науки с полным основанием утверждает, что с одной и той же группой наблюдаемых данных могут быть согласованы несколько теоретических построений, откуда следует невозможность доказательства истинности какой-то одной теории. И хотя логический позитивизм⁶⁵ и операционализм⁶⁶ могут привести нас к ошибочному выводу о возможности объективного знания, современные исследования вносят поправки в эту крайнюю позицию. Так, в работах историка науки Куна⁶⁷, философов Хэнсона и Фейерабенда⁶⁸ прежняя установка эмпиризма уходит в тень, а на первый план выдвигаются теоретические парадигмы и рациональная основа науки⁶⁹. К тому же, согласно Пиаже, развитие понятий у детей имеет параллели с развитием понятий в науке⁷⁰. Если это предположение правильно, то исследования генетической (т.е. развития) эпистемологии помогут нам лучше понять гносеологию науки⁷¹.

⁶⁵ *Логический позитивизм*, или неопозитивизм — течение в философии, представители которого считали, что специально-научное знание — единственно возможный тип научно-теоретической деятельности, и что предметом философии должен быть язык науки. — *Ред.-сост.*

⁶⁶ *Операционализм* — направление в философии науки, один из принципов которого заключается в том, что значение подлинных научных понятий необходимо формулировать в терминах операций фиксации и измерения соответствующих характеристик объектов научного исследования. — *Ред.-сост.*

⁶⁷ Кун (Kuhn) Томас Сэмюэл (р.1922) — американский историк и философ; см. его книгу «Структура научных революций» (М., 1975; 1977), а также его текст на с. 363—373 наст. изд. — *Ред.-сост.*

⁶⁸ Фейерабенд (Feyerabend) Пол Карл (р. 1924) — американский философ и методолог науки; см. сб. его работ «Избранные труды по методологии науки» (М., 1986). — *Ред.-сост.*

⁶⁹ См.: Feyerabend P.K. Explanation, reduction and empiricism // Minnesota Studies in the Philosophy of Science / H. Feigl, G. Maxwell (Eds.). Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1962. Vol. 3. P. 28—97; Feyerabend P.K. How to be a good empiricist — a plea for tolerance in matters epistemological // Philosophy of Science: The Delaware Seminar / B. Baumrin (Ed.). N.Y.: Wiley (Interscience), 1963. Vol. 2. P. 3—40; Hanson N.R. Patterns of Discovery. L.; N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1966; Kuhn T.S. The Structure Of Scientific Revolutions. Chicago (Ill.): Univ. of Chicago Press, 1962. [Рус. пер. см.: Кун Т.С. Структура научных революций. М., 1975, 1977; автор ссылается на критиков логического позитивизма и операционализма, работы которых в области философии науки, получившей название неопозитивизма, заложили основы современного понимания происхождения и статуса научного знания. — *Ред.-сост.*]

⁷⁰ См.: Piaget J. The child and modern physics // Scientific American. 1957. Vol. 196. P. 46—51.

⁷¹ Однако философы относятся к таким заявлениям как к генетической ошибке, подразумевая при этом, что знание о развитии истинного утверждения не имеет никакого отношения к его валидности.

Анализ субъективного в науке проводили многие психологи, в том числе Маслоу⁷², Роджерс⁷³, Кох⁷⁴ и Ройс⁷⁵. Однако наиболее широкое рассмотрение оно получило в работах Полани⁷⁶, в особенности там, где он обсуждает «безмолвное знание»⁷⁷. Безмолвное знание — это «знание приближающегося открытия»⁷⁸. Такое неформальное, предвосхищающее и в значительной степени образное знание при достаточной полноте понимания может послужить концептуальной основой научной революции⁷⁹. Положительный вклад Полани заключается в том, что он развеял миф о совершенно объективном ученом. В контексте теоретической части данной статьи мы можем сказать, что проведенный Полани анализ случаев из истории науки показал, что символизация и интуиция включаются во все грани научного поиска. Например, анализируя развитие математика, он пишет следующее:

Способ, которым математик разрабатывает свой путь к открытию, переходя от упований на интуицию, к вычислениям и обратно, но никогда не отказываясь ни от одного из этих двух средств, представляет в миниатюре весь спектр операций, посредством которых артикуляция дисциплинирует и расширяет возможности человеческого мышления. Это чередование «интуиции и вычисления» асимметрично, ибо формальный шаг может быть узаконен только благодаря нашему молчаливому его подтверждению. Сверх того, символический формализм сам по себе есть лишь воплощение предшествующих ему неформализованных способностей, это искусно созданное нашим неартикулированным *Я* орудие для ориентации во внешнем мире. Следовательно, интерпретация исходных терминов и аксиом является в основном неартикулированной,

---

⁷² Маслоу (*Maslow*) Эйбрахам Харолд (1908—1970) — американский психолог. — *Пед.-соцм.*

⁷³ Роджерс (*Rogers*) Карл (1902—1987) — американский психолог. — *Пед.-соцм.*

⁷⁴ Кох (*Koch*) Зигмунд (1917—1996) — американский психолог. — *Пед.-соцм.*

⁷⁵ См.: *Koch S. Psychological science versus the science- humanism antinomy: Intimations on a significant science of man // American Psychologist. 1961. Vol. 16. P. 629—639; Maslow A.H. The Psychology of Science: A Reconnaissance. N.Y.: Harper, 1966; Rogers C.R. Toward a science of the person // Behaviorism and Phenomenology / T.W. Wann (Ed.). Chicago (Ill.): Univ. of Chicago Press, 1964. P. 109—132; Royce J.R. The Encapsulated Man: An Interdisciplinary Essay on the Search for Meaning. Princeton (NJ): Van Nostrand-Reinhold, 1964; Royce J.R. (Ed.) Psychology and the Symbol: An Interdisciplinary Symposium. N.Y.: Random House, 1965.*

⁷⁶ Полани (*Polanyi*) Майкл (1891—1976) — британский ученый, выходец из Венгрии, работавший в области физической химии, а также в философии и социологии науки. — *Пед.-соцм.*

⁷⁷ См.: *Polanyi M. Personal Knowledge. Chicago (Ill.): Univ. of Chicago Press, 1958. [Рус. пер. см.: Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. — Пед.-соцм.]*

⁷⁸ См.: *Polanyi M. The Tacit Dimension. N.Y.: Doubleday, 1967.*

⁷⁹ См.: *Kuhn T.S. The Structure Of Scientific Revolutions. Chicago (Ill.): Univ. of Chicago Press, 1962. [Рус. пер. см.: Кун Т.С. Структура научных революций. М., 1975, 1977. — Пед.-соцм.]*

и таков же процесс расширения и переосмысления значения этих терминов и аксиом, лежащий в основе прогресса математических знаний. Чередование интуитивного и формального зависит от неявных допущений, принимаемых как в начале, так и в конце каждой цепи формальных умозаключений⁸⁰.

Слабость позиции Полани заключается в том, что ему не удалось предложить адекватную формулировку того, как субъективность символизации и интуиции связана с критериями научной истинности. Мой ответ на эту проблему состоит в том, что эти когнитивные процессы, конечно, участвуют в построении науки, однако для данной отрасли знания они, в принципе, не являются важнейшими. В качестве главных здесь выступают когнитивные процессы мышления и восприятия и соответствующие им гносеологии рационализма и эмпиризма. Короче говоря, хотя субъективность значительной части научных *когниций* очевидна, она загрязняет поиск научной истины в той мере, в какой открыто или исподтишка переносится в *область гносеологии*.

Но теперь, когда мы бросили тень сомнения на идею объективного знания, уместно задать вопрос, в каком смысле оно соответствует [реальности. — *Ред.-сост.*]. Наибольшее подкрепление это соответствие получает с гносеологической стороны, опираясь на ряд подтверждающих критериев, таких как принципы верифицируемости⁸¹, эмпирической воспроизводимости и согласованности теоретического построения с данными наблюдения. Эта поддержка ослабляется с *когнитивной* стороны, а именно вследствие того, что несмотря на различные гносеологические подтверждения, когниции, вытекающие из основной когнитивной структуры, могут быть просто ошибочными (например, понятия плоской Земли и эфира⁸²). Однако здесь нам может помочь психологическая литература, посвященная вопросу достоверности восприятия. Я имею в виду, например, исследования ощущений самих по себе (т.е. относительно свободных от конструктивных преобразований) и множество исследований иллюзий⁸³. Но в еще большей степени здесь уместно сослаться на исследования константности восприятия⁸⁴ и других инвариантов окруже-

---

⁸⁰ Polanyi M. *Personal Knowledge*. Chicago (Ill.): Univ. of Chicago Press, 1958. P. 131. [Цит. по: Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. С. 192. — *Ред.-сост.*]

⁸¹ *Принцип верифицируемости* — согласно этому принципу, любое научное утверждение можно свести к ряду протокольных предложений, фиксирующих чувственные переживания субъекта и выступающих в качестве функций истинности элементарных утверждений исчисления высказываний. — *Ред.-сост.*

⁸² *Эфир* — здесь: термин ранних физических представлений о заполняющей все пространство среде электромагнитных и гравитационных взаимодействий. — *Ред.-сост.*

⁸³ *Иллюзии* — ошибочное или искаженное восприятие каких-то свойств объектов (например, их удаленности, размера или движения). — *Ред.-сост.*

⁸⁴ *Константность восприятия* — постоянство свойств перцептивного образа объекта при изменении условий наблюдения этого объекта. — *Ред.-сост.*

ния⁸⁵. Дело в том, что факты такого рода могут послужить основанием для постановки проблемы внешней реальности не в смысле достоверности знания о том, что же находится «там вовне в действительности», а в смысле того, о чем мы могли бы судить в терминах «функциональной достоверности». Я полагаю, что мы, быть может, как это часто происходит с трудными проблемами [изначально. — *Ред.-сост.*], задали неправильный вопрос. То есть, вместо того, чтобы спрашивать, насколько субъект может «знать» реальный объект, было бы, наверное, более правильным задать вопрос, каким образом этот объект становится «реальным» для субъекта. При такой постановке вопроса можно обратиться к «вероятностному функционализму» Брунsvика⁸⁶ и «экологическим инвариантам» [теории. — *Ред.-сост.*] перцептивных систем Гибсона⁸⁷, где обсуждаются мощные сцепления [организма. — *Ред.-сост.*] с тем, что находится «там вовне в действительности»⁸⁸. Согласно Гибсону, в окружающей среде существуют аспекты, которые могут быть обнаружены данным организмом, и я считаю, что независимо от их «объективной реальности», тот факт, что они воспринимаются как экологические инварианты, означает существование определенного рода сцепления между «внутренним порядком» или «мировосприятием» и «внешним порядком» или «объектом», и что благодаря этому сцеплению с экологической инвариантностью [организму. — *Ред.-сост.*] дана реальность. Подчеркнем, однако, предостережение Брунsvика относительно неустранимой неопределенности, присутствующей в этом процессе по той простой причине, что действующий человек — это организм, подверженный ошибкам, а не точный, подобный физическому, прибор⁸⁹.

Теперь давайте вновь соединим субъекта и объект в процессе познания. У нас есть когнитивная структура, или организованная система процессов, входящая в контакт с каким-то аспектом окружения (внутреннего или внешнего), который с целью упрощения мы обозначим как объект (некая вещь, некий человек или он сам). Этот новый вход декодируется в соответствии с существующей иерархией персональных конструкторов или когниций (т.е. мировосприятием человека) и сопровождается последующими преобразованиями, в которых уча-

⁸⁵ *Инварианты окружения*, или экологические инварианты — термин теории восприятия Дж. Гибсона, обозначающий постоянные характеристики оптической стимуляции среды обитания организма. — *Ред.-сост.*

⁸⁶ Брунsvик (*Brunswik*) Эгон (1903—1955) — австрийский и, после эмиграции, американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁸⁷ Гибсон (*Gibson*) Джеймс Джером (1904—1980) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

⁸⁸ См.: *Brunswik E. Perception and the Representative Design of Psychological Experiments*. Berkeley: Univ. of California Press, 1956; *Gibson J.J. The Senses Considered as Perceptual Systems*. Boston (Mass.): Houghton, 1966; *Hammond K.R. Probabilistic functionalism // The Psychology of Egon Brunswik / K.R. Hammond (Ed.)*. N.Y.: Holt, 1966. P. 15—80. [См. также: *Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию*. М.: Прогресс, 1988. — *Ред.-сост.*]

⁸⁹ См.: *Brunswik E. Organismic achievement and environmental probability // Psychological Review*. 1963. Vol. 70. P. 255—272.

ствуют замкнутые на выход петли обратной и прямой связи⁹⁰. В настоящем контексте особенно уместно сослаться на несколько недавно проведенных экспериментальных исследований этой петли, соединяющей вход и выход. Пиаже подробно обосновал необходимость моторного выхода для того, чтобы познание маленького ребенка было адекватным⁹¹. Сходную позицию в оценке значения моторного выхода для восприятия занимают Фестингер с коллегами, а также Хелд и другие авторы⁹². Другие исследователи, например Гир и Платт, уточнили роль, которую играют эти петли обратной связи в процессе познания⁹³. Суть в том, что персональные конструкторы субъекта непосредственно воздействуют на окружение, что вместе с последующей обратной связью необходимо для познания. С гносеологической точки зрения здесь важно то, что этот механизм прямой и обратной афферентации (явно наблюдаемый как моторный у маленького ребенка и менее явный при последующем развитии) обеспечивает путь, по которому внутренние когниции должны сверяться с окружением. С моей точки зрения, это означает, что подтверждающая обратная связь от окружения увеличивает вероятность того, что данное мировосприятие является адекватной репрезентацией или образом реальности. Но там, где обратная связь не дает подтверждений, необходимы изменения в мировосприятии.

Правомерность трех ранее описанных путей познания теперь должна быть очевидна, поскольку каждый из них обеспечивается, с одной стороны, процессами когнитивной структуры (т.е. своеобразной организацией компонентов мышления, восприятия и символизации), а с другой — определенными гносеологическими правилами (т.е. логичное—нелогичное, универсальное—уникальное, правильное—ошибочное восприятие), играющими роль положительной или отрицательной обратной связи от окружения. Так, в «чистом» эмпирическом познании когниции восприятия как часть мировосприятия проверяются согласно гносеологическим правилам точного восприятия (например: да — это кресло). «Чистое» рациональное познание включает в себя

---

⁹⁰ Механизм прямой связи участвует во внутреннем «управлении», в увеличении чувствительности и в селекции сенсорных входов. Данные говорят о том, что прямая связь является главным образом функцией ассоциативных зон коры головного мозга (см.: *Pribram K.H. Languages of the Brain*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1971).

⁹¹ См.: *Piaget J. The Construction of Reality in Children*. N.Y.: Basic Books, 1954.

⁹² См.: *Festinger L., Bamber D., Burnham C.A., Ono H.* Efference and the conscious experience of perception // *Journal of Experimental Psychology*. Monograph. 1967. Vol. 74. P. 1—37; *Held R.* The role of movement in the origin and maintenance of visual perception // *Proceedings of the 17th International Congress of Psychology*. Amsterdam: North-Holland, 1964.

⁹³ См.: *Gyr J.W.* Is there direct visual perception? Unpublished manuscript. The Center for Advanced Study in Theoretical Psychology. University of Alberta, 1969; *Gyr J.W.* Perception as reafference and related issues in cognition and epistemology // *The Psychology of Knowing* / J.R. Royce, W.W. Rozeboom (Eds.). N.Y.: Gordon and Breach, 1972. P. 267—279; *Platt J.R.* Functional geometry and the determination of pattern in mosaic receptors // *General Systems*. 1961. Vol. 7. P. 103—119.

проверку когний мышления как части мировосприятия по гносеологическим правилам логического мышления (например, да — внутри данной логической системы этот вывод справедлив). А метафорическое познание включает в себя проверку символических конструкторов мировосприятия на соответствие гносеологическим требованиям универсальности (например, да — пьеса господина *X*, написанная 500 лет тому назад и до сих пор играемая в различных странах, отвечает критерию универсальности). Короче говоря, наши мировосприятия будут достоверными, или мы «знаем» мир тогда, когда существует определенного рода изоморфизм⁹⁴ между личными когнициями и теми областями мира (не только «вещественными»), где возможен порядок.

---

⁹⁴ *Изоморфизм* — взаимно однозначное отображение двух совокупностей, сохраняющее их структурные свойства. — *Ред.-сост.*

Г. Оллпорт

Личность: проблема науки или искусства?*

Имеются два принципиальных подхода к детальному изучению личности: литературный и психологический.

Ни один из них не «лучше» другого: каждый имеет определенные заслуги и горячих приверженцев. Слишком часто, однако, поклонники одного подхода презрительно относятся к поклонникам другого. Эта статья является попыткой их примирить и таким путем создать научно-гуманистическую систему изучения личности.

Один из наиболее значимых успехов первой части двадцатого столетия состоял в открытии того, что личность является доступным объектом для научного исследования. Это, на мой взгляд, как раз то событие, которое, кроме всех прочих, будет, вероятно, иметь наибольшие последствия для обучения, этики и психического здоровья.

Личность, как бы ее ни понимали, прежде всего, реальная, существующая, конкретная часть психической жизни, существующая в формах строго единичных и индивидуальных. На протяжении веков феномен человеческой индивидуальности описывался и изучался гуманитарными науками. Наиболее эстетически настроенные философы и наиболее философски настроенные художники всегда делали это своей специфической областью интересов.

Постепенно на сцену вышли психологи. Можно сказать, что они опоздали на две тысячи лет. Со своим скудным оснащением современный психолог выглядит как самонадеянный самозванец. И таковым он и является, по мнению многих литераторов. Стефан Цвейг¹, например, говоря о Прусте², Амьеле³, Фло-

---

* Оллпорт Г. Личность: проблема науки или искусства? // Психология личности: Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырея. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 208—215.

¹ Цвейг (Zweig) Стефан (1881—1942) — австрийский писатель. — *Ред.-сост.*

² Пруст (Proust) Марсель (1871—1922) — французский писатель. — *Ред.-сост.*

³ Амьель (Amiel) Анри Фредерик (1821—1881) — швейцарский писатель. — *Ред.-сост.*

бере⁴ и других великих мастерах описания характеров, замечает: «Писатели, подобные им, — это гиганты наблюдения и литературы, тогда как в психологии проблема личности разрабатывается маленькими людьми, сущими мухами, которые находят себе защиту в рамках науки, и вносят в нее свои мелкие банальности и незначительную ересь».

Это правда, что по сравнению с гигантами литературы психологи, занимающиеся изображением и объяснением личности, выглядят как бесплодные и порой немного глупые. Только педант может предпочесть необработанный набор фактов, который психология предлагает для рассмотрения индивидуальной психической жизни, великолепным и незабываемым портретам, которые создаются знаменитыми писателями, драматургами или биографами. Художники творят; психологи только собирают. В одном случае — единство образов, внутренняя последовательность даже в тончайших деталях. В другом случае — нагромождение плохо согласованных данных.

Один критик ярко представил ситуацию. Стоит психологии, замечает он, коснуться человеческой личности, как она повторяет лишь то, что всегда говорилось литературой, но делает это гораздо менее искусно.

Является ли это нелестное суждение целиком правильным, мы вскоре увидим. В данный момент оно помогает, по крайней мере, обратить внимание на тот значительный факт, что литература и психология являются в некотором смысле конкурентами; они являются двумя методами, имеющими дело с личностью. Метод литературы — это метод искусства; метод психологии — это метод науки. Наш вопрос в том, какой подход наиболее адекватен для изучения личности.

Становление литературы происходило веками, она развивалась гениями высшего порядка. Психология молода, и она развивается пока лишь немногими (если они вообще есть) гениями описания и объяснения человеческой личности. Так как психология молода, ей следовало бы поучиться немного у литературы.

Чтобы показать, что может быть ей здесь полезным, приведу конкретный пример. Я выбрал его из древних времен с тем, чтобы ясно показать зрелость и законченность литературной мудрости. Двадцать три столетия назад Феофраст⁵, ученик и преемник Аристотеля в афинском лицее, написал много коротких характеристик своих афинских знакомых. Сохранилось тридцать из его описаний.

Описание, которое я выбираю, называется «Трус». Заметьте его непривязанность ко времени. Сегодняшний трус в своей сущности тот же, что и трус античности. Отметьте также замечательную простоту и краткость портрета. Ни одного лишнего слова. Это похоже на сонет в прозе. Нельзя ни добавить, ни отнять ни одно предложение без того, чтобы он стал хуже.

---

⁴ Флобер (*Flaubert*) Гюстав (1821—1880) — французский писатель. — *Ред.-сост.*

⁵ Феофраст (или Теофраст, настоящее имя Тиртам) (372—287 до н.э.) — древнегреческий естествоиспытатель, философ, один из первых ботаников древности. — *Ред.-сост.*

Трусость — это некая душевная слабость, выражающаяся в неспособности противостоять страху, а трус вот какой человек. В море он принимает утесы за пиратские корабли. А едва начинают подыматься волны, спрашивает, нет ли среди плывущих непосвященного в мистерии. И, подымая затем голову к кормчему, выпрашивает у того, держит ли он правильный курс в открытом море и что думает о погоде, а своему соседу говорит, что видел зловещий сон. Затем снимает свой хитон⁶, отдает рабу и умоляет высадить его на берег. А на войне, когда отряд, в котором он находится, вступает в бой, он призывает земляков остановиться рядом с ним и, прежде всего, оглядеться; трудно, говорит он, распознать и отличить своих от врагов. Слыша боевые крики и видя, как падают люди, он говорит стоящим возле воинам, что в спешке забыл захватить свой меч, и бежит к палатке; затем посылает раба с приказанием разузнать, где неприятель. В палатке он прячет меч под подушку и потом долго мешкает, как бы разыскивая его. Если увидит, что несут раненым одного из друзей, то, подбежав, ободряет, подхватывает и помогает нести. Затем начинает ухаживать за раненым; обмывает рану губкой и, сидя у изголовья, отгоняет мух от раны — словом, делает все, лишь бы не сражаться врагами. А когда труба затрубит сигнал к бою, то, сидя в палатке, бормочет: «Чтобы тебя черти побрали! Не даешь человеку заснуть, только и знаешь трубить». И весь в крови от чужой раны, он выбегает навстречу воинам, возвращающимся с поля боя, распространяется о том, что он с опасностью для жизни спас одного из друзей. Потом приводит земляков и граждан своей филы⁷ поглядеть на раненого и при этом каждому рассказывает, что сам своими руками принес его в палатку⁸.

Есть одна черта в этом классическом описании, на которую я особенно хочу обратить внимание. Заметьте, что Феофраст избрал для своего описания две ситуации. В одной трус путешествует, в другой — против воли участвует в сражении. В первой ситуации описывается семь типичных эпизодов: иллюзия труса, когда он все скалы принимает за пиратские корабли, его суеверный страх, как бы кто-нибудь из пассажиров не принес несчастья кораблю из-за неаккуратного исполнения религиозных обрядов, его стремление оказаться, по крайней мере, на середине пути этого опасного путешествия, его обращение к мнению специалистов относительно погоды, его страх по поводу собственных снов, его приготовления к беспрепятственному плаванию и, наконец, эмоциональный страх, проявившийся в мольбе о том, чтобы его спустили на берег. Еще более тонки семь эпизодов предательства в течение битвы. Итак, всего описывается четырнадцать ситуаций; все они для труса равноценны: какому бы воздействию он ни подвергался — возникает одно и то же доминирующее состояние духа. Его

⁶ *Хитон* — род широкой, падающей складками шерстяной или льняной одежды (до колен или ниже) с рукавами или без рукавов. — *Ред.-сост.*

⁷ *Фила* — территориальный округ в Древней Греции. — *Ред.-сост.*

⁸ *Феофраст. Характеры*. Л.: Наука, 1974. С. 33—34.

отдельные действия сами по себе отличны друг от друга, но все они схожи в том, что являются проявлением одного итого же главного свойства — трусости.

Короче говоря, Феофраст более двух тысяч лет назад использовал метод, который психологами найден только сейчас: метод выявления — с помощью соответствующих воздействий и соответствующих ответов — главных черт характера.

Вообще говоря, почти все литературные описания характеров (письменный ли это скетч, как в случае Феофраста, или фантастика, драма или биография) исходят из психологического допущения о том, что каждый характер имеет определенные черты, присущие именно ему, и что эти черты могут быть показаны через описание характерных эпизодов жизни. В литературе личность никогда не описывается так, как это бывает порой в психологии, а именно, с помощью последовательных, не связанных между собой особенных действий. Личность — это не водная лыжа, мчащаяся в разных направлениях по поверхности водоема, с ее неожиданными отклонениями, не имеющими между собой внутренней связи. Хороший писатель никогда не допустит ошибки смешения личности человека с «личностью» водной лыжи. Психология часто делает это.

Итак, первый урок, который психология должна получить у литературы, это кое-что о природе существенных, устойчивых свойств, из которых состоит личность. Это проблема черт личности; вообще говоря, я придерживаюсь мнения, что эта проблема трактовалась более последовательно в литературе, чем в психологии. Если говорить конкретнее, мне кажется, что концепция соответствующего воздействия и соответствующего ответа, столь ясно представленная в античных скетчах Феофраста, может служить прекрасным руководством для научного исследования личности, где закономерности могут быть определены с большей точностью и большей надежностью, чем это делается в литературе. Используя возможности лаборатории и контролируемого внешнего наблюдения, психология сможет гораздо точнее, чем литература, установить для каждого индивидуума четкий набор различных жизненных ситуаций, которые для него эквивалентны, а также четкий набор ответов, имеющих одинаковое значение.

Следующий важный урок из литературы касается внутреннего содержания ее произведений. Никто никогда не требовал от авторов доказательства того, что характеры Гамлета, Дон Кихота, Анны Карениной истинны и достоверны. Великие описания характеров в силу своего величия доказывают свою истинность. Они умеют внушать доверие; они даже необходимы. Каждое действие каким-то тончайшим путем кажется и отражением, и завершением одного, хорошо вылепленного характера. Эта внутренняя логика поведения определяется теперь как самоконфронтация: один элемент поведения поддерживает другой, так что целое может быть понято как последовательно связанное единство. Самоконфронтация — это только метод придания законной силы, применяемый в работах писателей (исключая, возможно, работы биографов, у

которых действительно имеются определенные нужды во внешней надежности утверждения). Но метод самоконфронтации едва начинает применяться в психологии.

Однажды, комментируя описание характера, сделанное Теккереем⁹, Г. Честертон¹⁰ заметил: «Она выпивала, но Теккерей не знал об этом». Колкость Честертона связана с требованием, чтобы все хорошие характеры обладали внутренней последовательностью. Если дается один набор фактов о личности, то должны последовать другие соответствующие факты. Описывающий должен точно знать, какие наиболее глубокие мотивационные черты имели место в данном случае. Для этой наиболее центральной и, следовательно, наиболее объединяющей сердцевины любой личности Вертхаймер¹¹ предложил понятие основы, или корня, из которого произрастают все стебли. Он проиллюстрировал это понятие случаем со школьницей, которая была рьяной ученицей и в то же время увлекалась косметикой. С первого взгляда здесь определенно не видно никакой систематической связи. Кажется, что сталкиваются две противоречивые линии поведения. Но кажущееся противоречие разрешается в данном случае путем выявления скрытого основного корня: оказалось, что школьница глубоко восхищалась (психоаналитик может сказать «была фиксирована на») одной учительницей, которая в добавление к тому, что была учительницей, обладала еще яркой внешностью. Школьница просто хотела быть похожей на нее.

Конечно, не всегда проблема так проста. Не все личности имеют базисную целостность. Конфликт, способность к изменению, даже распад личности — обычные явления. Во многих произведениях художественной литературы мы видим преувеличение постоянства, согласованности личности — скорее карикатуры, чем характерные образы. Сверхупрощение встречается в драме, фантастике и биографических описаниях. Конфронтации кажутся приходящими слишком легко. Описание характеров Диккенсом¹² — хороший пример сверхупрощения. У них никогда не бывает внутренних конфликтов, они всегда остаются тем, что они есть. Они обычно противостоят враждебным силам среды, но сами по себе совершенно постоянны и цельны.

Но если литература часто ошибается из-за своего особого преувеличения единства личности, то психология из-за отсутствия интереса и ограниченности методик в общем терпит неудачу в раскрытии или исследовании той целостности и последовательности характеров, которые в действительности существуют.

---

⁹ Теккерей (*Thackeray*) Уильям Мейкпис (1811—1863) — английский писатель. — *Ред.-сост.*

¹⁰ Честертон (*Chesterton*) Гилберт Кит — английский писатель и религиозный мыслитель. — *Ред.-сост.*

¹¹ Вертхаймер (*Wertheimer*) Макс (1880—1943) — немецкий, позже американский психолог, один из основателей гештальтпсихологии. — *Ред.-сост.*

¹² Диккенс (*Dickens*) Чарлз (1812—1870) — английский писатель. — *Ред.-сост.*

Величайший недостаток психолога в настоящее время — это есть неспособность доказать истинность того, что он знает. Не хуже художника литературы он знает, что личность — сложная, хорошо скомпонованная и более или менее устойчивая психическая структура, но он не может это доказать. Он не использует, в отличие от писателей, очевидный метод самоконфронтации фактов. Вместо того чтобы стремиться превзойти писателей в этом деле, он обычно находит безопасное убежище в чащах статистической корреляции¹³.

Один психолог, намереваясь исследовать мужественность своих испытуемых, скоррелировал для всей популяции ширину бедер и плеч со спортивными интересами; другой, отыскивая основу интеллекта, тщательно сопоставлял уровень интеллекта в детстве с окостенением запястных костей; третий сопоставлял вес тела с хорошим нравом или склонностью к руководству. Исследования, подобные этим, хотя относятся к психологии личности, тем не менее, целиком переходят на подличностный уровень. Увлечение микроскопом и математикой ведет исследователя к избеганию сложности, стандартным формам поведения и мышления, даже если вся сложность состоит в признании того, что личность вообще существует. Будучи запуганы инструментами естественных наук, многие психологи отвергают более тонкий регистрирующий инструмент, специально предназначенный для сопоставления и правильной группировки фактов, — свой собственный разум.

Итак, психология нуждается в методиках самоконфронтации — методиках, посредством которых может быть определено внутреннее единство личности.

Следующий важный урок для психологов, который они должны извлечь из литературы, — как сохранить непрерывный интерес к данной индивидуальности на длительный период времени. Один известный английский антрополог сказал, что хотя он пишет о дикарях, он никогда их не видел. Он идет в атаку и добавляет: «И я уповаю на Бога, что никогда их и не увижу». Огромное количество психологов в качестве профессионалов никогда в действительности не видели индивидуума; и многие из них, я должен с сожалением признать, надеются, что никогда его и не увидят. Следуя более старым наукам, они считают, что индивидуальность при исследовании должна быть вынесена за скобки. Наука, утверждают они, имеет дело только с общими законами. Индивидуальность — это помеха. Необходима универсальность.

Эта традиция привела к созданию огромной, неясной психологической абстракции, называемой «обобщенно-зрелая человеческая психика». Человеческая психика, конечно, не такова, она существует только в конкретной, очень личностной форме. Это не обобщенная психика. Абстракция, которую совершает психолог в измерении и объяснении несуществующей «психики-в-общем», — это абстракция, которую никогда не совершают литераторы. Писа-

---

¹³ *Статистическая корреляция* — взаимосвязь между двумя (и более) переменными, состоящая в том, что систематическое увеличение одной переменной сопровождается систематическим увеличением или уменьшением другой переменной. — *Ред.-сост.*

тели прекрасно знают, что психика существует только в единичных и особенных формах.

Здесь мы, конечно, сталкиваемся с основным разногласием между наукой и искусством. Наука всегда имеет дело с общим, искусство — всегда с особенным, единичным. Но если это разделение верно, то как же нам быть с личностью? Личность никогда не «общее», она всегда «единичное». Должна ли она в таком случае быть отдана целиком искусству? Что же, психология ничего не может с ней поделать? Я уверен, что очень немногие психологи примут это решение. Однако мне кажется, что дилемма¹⁴ непреклонна. Или мы должны отказаться от индивидуума, или мы должны учиться у литературы подробно, глубже останавливаться на нем, модифицировать настолько, насколько это будет нужно, нашу концепцию объема науки таким образом, чтобы предоставлять место единичному случаю более гостеприимно, чем раньше.

Вы могли заметить, что психологи, которых вы знаете, несмотря на их профессию, не лучше других разбираются в людях. Они и не особенно проницательны, и не всегда способны дать консультацию по проблемам личности. Это наблюдение, если вы его сделали, безусловно, правильно. Я пойду дальше и скажу, что вследствие своих привычек к чрезмерной абстракции и обобщению многие психологи в действительности стоят ниже других людей в понимании единичных жизней.

Когда я говорю, что в интересах правильной науки о личности психологи должны учиться подробно, глубже останавливаться на единичном случае, может показаться, что я вторгаюсь в область биографических описаний, ясная цель которых состоит в исчерпывающем, подробном описании одной жизни.

В Англии биографические описания начались как описания жития святых и как рассказы о легендарных подвигах. Английская биография пережила периоды взлетов и падений. Некоторые биографии так же плоски и безжизненны, как хвalebная надпись на могильном камне; другие сентиментальны и фальшивы.

Однако биография во все большей степени становится строгой, объективной и даже бессердечной. Для этого направления психология, без сомнения, была более важна. Биографии все больше и больше походят на научные анатомирования, совершаемые скорее с целью понимания, чем для воодушевления и шумных возгласов. Теперь есть психологическая и психоаналитическая биографии и даже медицинские и эндокринологические биографии.

Психологическая наука оказала свое влияние и на автобиографию. Было много попыток объективного самоописания и самообъяснения.

Я упомянул три урока, которые психолог может почерпнуть из литературы для улучшения своей работы. Первый урок — это концепция относительно природы черт, которая широко встречается в литературе. Второй урок касается метода самоконфронтации, который хорошая литература всегда использует, а

¹⁴ Дилемма — необходимость выбора одной из двух возможностей. — *Ред.-сост.*

психология почти всегда избегает. Третий урок призывает к более длительному интересу к одной личности в течение большего периода времени.

Представляя эти три преимущества литературного метода, я мало сказал об отличительных достоинствах психологии. В заключение я должен добавить хотя бы несколько слов, чтобы похвалить мою профессию. Иначе вы можете сделать вывод, что я хочу и даже страстно желаю совсем отбросить психологию ради экземпляра «Госпожи Бовари»¹⁵ и свободного входа в *Athenaum*¹⁶.

У психологии имеется целый ряд потенциальных преимуществ по сравнению с литературой. Она имеет строгий характер, который компенсирует субъективный догматизм¹⁷, присущий художественным описаниям. Иногда литература идет на самоконфронтацию фактов слишком легко. Например, в нашем сравнительном изучении биографий одного и того же лица было найдено, что каждая версия его жизни казалась достаточно правдоподобной, но только небольшой процент событий и толкований, данных в одной биографии, мог быть найден в других. Никто не может знать, какой портрет, если он вообще был, является истинным.

Для хороших писателей необязательна та мера согласованности в наблюдениях и объяснениях чего-либо, которая необходима для психологов. Биографы могут дать широко различающиеся толкования жизни, не дискредитируя литературный метод, в то время как психология будет осмеяна, если ее эксперты не смогут согласиться друг с другом.

Психологу сильно надоели произвольные метафоры литературы. Многие метафоры часто гротескно-ложны, но их редко осуждают. В литературе можно найти, например, что послушание определенного персонажа объясняется тем, что «в его жилах течет лакейская кровь», горячность другого — тем, что у него «горячая голова», и интеллектуальность третьего — «высотой его массивного лба». Психолог был бы разорван на куски, если бы он позволил себе подобные фантастические высказывания относительно причин и следствий.

Писателю, далее, разрешается, и он даже поощряется в этом, развлекать и занимать читателей. Он может передавать свои собственные образы, выражать свои собственные пристрастия. Его успех измеряется реакцией читателей, которые часто требуют только того, чтобы слегка узнать себя в персонаже или убежать от своих насущных забот. Психологу, с другой стороны, никогда не разрешается развлекать читателя. Его успех измеряется более жестким критерием, чем восторг читателя.

Собирая материал, писатель исходит из своих случайных наблюдений жизни, обходит молчанием свои данные, отбрасывает неприятные факты по

---

¹⁵ «Госпожа Бовари» — роман французского писателя Гюстава Флобера (1821—1880). — *Ред.-сост.*

¹⁶ *Athenaum* — название литературного клуба в Лондоне. — *Пер.*

¹⁷ *Догматизм* — метод мышления, опирающийся на положения, принимаемые за непреложные истины. — *Ред.-сост.*

своей воле. Психолог должен руководствоваться требованием верности фактам, всем фактам; от психолога ожидают, что он может гарантировать, что его факты взяты из проверяемого и контролируемого источника. Он должен доказывать свои выводы шаг за шагом. Его терминология стандартизирована, и он почти полностью лишен возможности использовать красивые метафоры. Эти ограничения содействуют надежности, проверяемости выводов, уменьшают их пристрастность и субъективность.

Я согласен, что психологи, изучающие личность, по существу стараются сказать то, что литература всегда говорила, и они по необходимости говорят это гораздо менее художественно. Но о том, в чем они продвинулись, пусть пока немного, они стараются говорить более точно и, с точки зрения человеческого прогресса, — с большей пользой.

Название этой статьи, как и название многих других статей, не совсем точно. Личность — это не проблема исключительно для науки или исключительно для искусства, но это проблема и для того, и для другого. Каждый подход имеет свои достоинства, и оба нужны для комплексного изучения богатства личности.

Если в интересах педагогики ожидается, что я закончу статью каким-нибудь важным советом, то он будет таким. Если вы студент-психолог, читайте много-много романов и драм характеров и читайте биографии. Если вы не студент, изучающий психологию, читайте их, но интересуйтесь и работами по психологии.

Сэй-Сёнагон

Записки у изголовья*

То, что докучает

Гость, который без конца разглагольствует, когда тебе некогда. Если с ним можно не считаться, спровадишь его без долгих церемоний: «После, после»... Но какая же берет досада, если гость — человек значительный и прервать его неловко.

Растираешь палочку туши и вдруг видишь: к тушечнице прилип волосок. Или в тушь попал камушек и царапает слух пронзительным «скрип-скрип».

Кто-то внезапно заболел. Посылаешь слугу с наказом скорей привести заклинателя, а того, как нарочно, дома нет. Ищут повсюду. Ждешь, не находя себе места.

Как долго тянется время! Наконец — о радость! — явился. Но он, должно быть, лишь недавно усмирял демонов. Садится усталый и начинает сонным голосом бормотать заклинания себе под нос. Большая досада!

Человек, не блещущий умом, болтает обо всем на свете с глупой ухмылкой на лице.

А иной гость все время вертит руки над горящей жаровней, трет и разминает, поджаривая ладони на огне. Кто когда видел, чтобы молодые люди позволяли себе подобную вольность? И только какой-нибудь старик способен небрежно положить ногу на край жаровни, да еще и растирать ее во время разговора.

Такой бесцеремонный гость, явившись к вам с визитом, первым делом взмахами веера сметает во все стороны пыль с того места, куда намерен сесть.

---

* *Сэй-Сёнагон*. Записки у изголовья. М.: Худож. лит., 1975. С. 48—53, 194—195, 277, 278—279.

Сэй-Сёнагон (ок. 966—?) — японская писательница. Дошедшие до нас сведения о ее жизни едва ли можно считать достоверными. Более или менее твердо установлено только то, что она происходила из знатного, но пришедшего в упадок рода Киёвара и в течение ряда лет (с 993 по 1000 г.) служила при дворе императрицы Садако в столице Японии г. Хэйане. — *Ред.-сост.*

Он не держится спокойно, руки и ноги у него все время в движении, он заправляет под колени переднюю полу своей «охотничьей одежды», вместо того чтобы раскинуть ее перед собой.

Вы думаете, что столь неблаговоспитанно ведут себя только люди низкого разбора, о ком и говорить-то не стоит? Ошибаетесь, и чиновные господа не лучше. К примеру, так вел себя третий секретарь императорской канцелярии.

А иной упьется рисовой водкой и шумит вовсю. Обтирая неверной рукой рот и поглаживая бороденку, если она у него имеется, сует чарку соседу в руки, — до чего противное зрелище!

«Пей!» — орет он, подзадоривая других.

Посмотришь, дрожит всем телом, голова качается, нижняя губа отвисла... А потом еще и затянет ребячью песенку: «В губернскую управу я пошел...»

И так ведут себя, случалось мне видеть, люди из самого хорошего круга. Скверно становится на душе!

Завидовать другим, жаловаться на свою участь, приставать с расспросами по любому пустяку, а если человек не пойдет на откровенность, из злобы очернить его; краем уха услышать любопытную новость и потом рассказывать направо и налево с таким видом, будто посвящен во все подробности, — как это мерзко!

Ребенок раскричался как раз тогда, когда ты хочешь к чему-то прислушаться.

Вороны собрались стайей и носятся взад-вперед с оглушительным карканьем.

Собака увидела кого-то, кто потихоньку пробирался к тебе, и громко лает на него. Убить бы эту собаку!

Спрячешь с большим риском кого-нибудь там, где быть ему недозволено, а он уснул и храпит!

Или вот еще.

Принимаешь тайком возлюбленного, а он явился в высокой шапке! Хотел пробраться незамеченным, и вдруг шапка за что-то зацепилась и громко шуршит.

Мужчина рывком перебрасывает себе через голову висящую у входа плетеную штору — и она отчаянно шелестит. Если это тяжелая штора из бамбуковых палочек, то еще хуже! Нижний край ее упадет на пол с громким стуком. А ведь, кажется, нетрудное дело — поднять штору беззвучно.

Зачем с силой толкать скользящую дверь? Ведь она сдвинется бесшумно, стоит только чуть-чуть ее приподнять. Даже легкие сёдзи¹ издадут громкий скрип, если их неумело толкать и дергать. До чего же неприятно!

Тебя клонит в сон, ты легла и уже засыпаешь, как вдруг тонким-тонким голосом жалобно запекает москит, он кружит над самым твоим лицом и даже,

---

¹ Сёдзи — скользящие решетчатые рамы, оклеенные бумагой, служат вместо наружных стен и внутренних перегородок. — Пер.

такой маленький, умудряется навевать ветерок своими крылышками. Изведет вконец.

Скрипучая повозка невыносимо раздражает уши. Если едешь в чужом экипаже, то даже владелец его становится тебе противен.

Рассказываешь старинную повесть. Вдруг кто-то подхватил нить твоего рассказа и продолжает сам. Несносный человек! И вообще несносен каждый, будь то взрослый или ребенок, кто прерывает тебя и вмешивается в разговор.

К тебе случайно забежали дети. Приласкаешь их, подаришь какие-нибудь безделушки. И уж теперь от них отбою нет, то и дело врываются к тебе, хватают и разбрасывают все, что им попадется на глаза.

В дом или во дворец, где ты служишь, явился неприятный для тебя посетитель. Прикинешься спящей, но не тут-то было! Твои служанки будят тебя, трясут и расталкивают с укоризненным видом: как, мол, не совестно быть такой соней! А ты себя не помнишь от досады.

Придворная дама служит без году неделя, а туда же: берется всех поучать с многоопытным видом и, непрошенная, навязывает свою помощь! Терпеть не могу таких особ!

Человек, близкий твоему сердцу, вдруг начинает хвалить до небес свою прежнюю возлюбленную. Не особенно это приятно, даже если речь идет о далеком прошлом. Но, предположим, он лишь недавно расстался с нею? Тут уж тебя заденет за живое. Правда, нет худа без добра: в этом случае легче судить, что к чему.

Гость чихнул и бормочет заклинание. Нехорошо! Только разве один хозяин дома может позволить себе такую вольность.

Блохи — препротивные существа. Скачут под платьем так, что, кажется, оно ходит ходуном.

Когда собаки где-то вдалеке хором поднимают протяжный вой, просто жуть берет, до чего неприятное чувство!

Кто-то открыл дверь и вышел, а закрыть за собой и не подумал. Какая доука!

То, что заставляет сердце сильнее биться

Как взволновано твое сердце, когда случается:

Кормить воробьиных птенчиков.

Ехать в экипаже мимо играющих детей.

Лежать одной в покоях, где курились чудесные благовония.

Заметить, что драгоценное зеркало уже слегка потускнело.

Слышать, как некий вельможа, остановив свой экипаж у твоих ворот, велит слугам что-то спросить у тебя.

Помыв волосы и набелившись, надеть платье, пропитанное ароматами. Даже если никто тебя не видит, чувствуешь себя счастливой.

Ночью, когда ждешь своего возлюбленного, каждый легкий звук заставляет тебя вздрагивать: шелест дождя или шорох ветра.

То, что дорого как воспоминание

Засохшие листья мальвы.

Игрушечная утварь для кукол.

Вдруг заметишь между страницами книги когда-то заложенные туда лоскутки сиреневого или пурпурного шелка.

В тоскливый день, когда льют дожди, неожиданно найдешь старое письмо от того, кто когда-то был тебе дорог.

Веер «Летучая мышь» — память о прошлом лете.

То, что радует сердце

Прекрасное изображение женщины на свитке в сопровождении многих искусно написанных слов.

На обратном пути с какого-нибудь зрелища края женских одежд выбиваются из-под занавесок, так переполнен экипаж. За ним следует большая свита, умелый погонщик гонит быка вовсю.

Сердце радуется, когда пишешь на белой и чистой бумаге из Митиноку такой тонкой-тонкой кистью, что, кажется, она и следов не оставит.

Крученые мягкие нити прекрасного шелка.

Во время игры в кости много раз подряд выпадают счастливые очки.

Гадатель, превосходно владеющий своим искусством, возглашает на берегу реки заклятия против злых чар.

Глоток воды посреди ночи, когда очнешься от сна.

Томишься скукой, но вдруг приходит гость, в обычное время не слишком тебе близкий. Он сообщает последние светские новости, рассказывает о разных событиях, забавных, горестных или странных, о том, о другом... Во всем он осведомлен, в делах государственных или частных, обо всем говорит толково и ясно. На сердце у тебя становится весело.

Посетив какой-нибудь храм, закажешь там службу. Бонза в храме или младший жрец в святилище против обыкновения читает молитвы отчетливо, звучным голосом. Приятно слушать. <...>

То, что умиляет

Детское личико, нарисованное на дыне.

Ручной воробышек, который бежит вприпрыжку за тобой, когда ты пишишь на мышиный лад: тю-тю-тю!

Ребенок лет двух-трех быстро-быстро ползет на чей-нибудь зов и вдруг замечает своими острыми глазками какую-нибудь крошечную безделицу на полу. Он хватает ее пухлыми пальчиками и показывает взрослым.

Девочка, подстриженная на манер монахини, не отбрасывает со лба длинную челку, которая мешает ей рассмотреть что-то, но наклоняет голову набок. Это прелестно!

Маленький придворный паж очарователен, когда он проходит мимо тебя в церемониальном наряде.

Возьмешь ребенка на руки, чтобы немножко поиграть с ним, а он ухватился за твою шею и задремал... До чего же он мил!

Трогательно милы куколки из бумаги, которыми играют девочки.

Сорвешь в пруду маленький листок лотоса и залюбуешься им!

А мелкие листики мальвы! Вообще, все маленькое трогает своей прелестью.

Толстенький мальчик лет двух ползет к тебе в длинном-длинном платье из переливчатого лилового крепа, рукава подхвачены тесемками... Или другой ребенок идет вразвалочку, сам он — коротышка, а рукава длинные... Не знаю, кто из них милее.

Мальчик лет восьми-девяти читает книгу. Его тонкий детский голосок проникает прямо в сердце.

Цыплята на длинных ножках с пронзительным писком бегут то впереди тебя, то за тобой, хорошенькие, белые, в своем еще куцем оперении. Люблю глядеть на них. До чего же они забавны, когда следуют толпой за курицей-машей.

Прелестны утиные яйца, а также лазуритовый сосуд для священных реликвий. <...>

Самое печальное на свете...

Самое печальное на свете — это знать, что люди не любят тебя. Не найдешь безумца, который пожелал бы себе такую судьбу.

А между тем согласно естественному ходу вещей и в придворной среде, и в родной семье одних любят, других не любят... Как это жестоко!

О детях знатных родителей и говорить нечего, но даже ребенок самых простых людей привлечет все взгляды и покажется необыкновенным, если родители начнут восхвалять его сверх всякой меры. Что ж, когда ребенок в самом деле очень мил, это понятно. Как можно не любить его? Но если нет в нем ничего примечательного, то с болью думаешь: «Как слепа родительская любовь!»

Мне кажется, что самая высшая радость в этом мире — это когда тебя любят и твои родители, и твои господа, и все окружающие люди.

Сострадание — вот самое драгоценное свойство...

Сострадание — вот самое драгоценное свойство человеческой души. Это прежде всего относится к мужчинам, но верно и для женщин.

Скажешь тому, у кого неприятности: «Сочувствую от души!» — или: «Разделяю ваше горе!» — тому, кого постигла утрата... Много ли значат эти слова? Они не идут из самой глубины сердца, но все же люди в беде рады их услышать.

Лучше, впрочем, передать сочувствие через кого-нибудь, чем выразить непосредственно. Если сторонние свидетели расскажут человеку, пораженному горем, что вы жалели его, он тем сильнее будет тронут и ваши слова неизгладимо останутся в его памяти.

Разумеется, если вы придете с сочувствием к тому, кто вправе требовать его от вас, то особой благодарности он не почувствует, а примет вашу заботу как должное. Но человек для вас чужой, не ожидавший от вас сердечного участия, будет рад каждому вашему теплему слову.

Казалось бы, небольшой труд — сказать несколько добрых слов, а как редко их услышишь!

Вообще, не часто встречаются люди, щедро наделенные талантами — и в придачу еще доброй душой. Где они? А ведь их должно быть много...

Феофан Затворник

[Христианский подход к психологии личности]*

Есть люди, которые просиживают дни и ночи над изучением какой-нибудь науки: математики, физики, астрономии, истории и тому подобного, думая, что питают душу истиною, а душа их чахнет и томится, — отчего? Оттого, что нет истины там, где хотят найти ее. Не потому я так говорю, чтобы наука не могла вмещать истины, но потому, что ныне она оттуда изгнана и заменена то мечтаниями, то предположениями, нередко даже противными истине¹. Теории — личное дело учащихся; факты — общее достояние. Истинною настоящею теориею может быть только та, которая согласна с христианскими истинами².
<...>

Христианская антропология

Творение, грехопадение и восстановление человека

Творение человека и его состояние до грехопадения

Бог создал человека для блаженства, и именно в Нем, чрез живое с Ним общение. Для сего вдунул в лицо его дыхание Своей жизни, что есть дух, как уже поминалось³. Существенное свойство духа — сознание и свобода, а существенные движения его суть исповедание Бога, Творца, Промыслителя и Воздаятеля, с чувством полной от Него зависимости, что все выражается — в любитель-

---

* *Святитель Феофан Затворник. Православие и наука. Руководственная книга изречений и поучений / Сост. игумен Феофан (Крюков). М.: Даниловский благовестник, 2005. С. 10, 345—355, 403—404, 448—469, 477—484.*

¹ Созерцание и размышление. М., 1998. С. 403.

² Собрание писем. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Вып. VI. С. 47.

³ См. текст Феофана Затворника на с. 168—180 наст. изд. — *Ред.-сост.*

ном к Богу воззревании, непрестанном к Нему вниманию и благоговейном пред Ним страхе, с желанием творить всегда угодное пред Ним по указанию законоположницы — совести и с отрешением от всего, чтоб единого Бога вкушать и Им единым жить и услаждаться. Человеку даны в духе сознание и свобода, но не затем, чтоб он зазнался и своевольничал, а затем, чтоб, сознав, что все имеет от Бога и для того, чтоб жить в Боге, все свободно и сознательно направлял к сей единой цели. Когда он так бывает настроен, то в Боге пребывает и Бог в нем пребывает. Бог, пребывающий в человеке, дает духу его силу властвовать над душою и телом, а далее и над всем, что вне его. Таково и было первоначальное состояние человека, Бог являлся прародителям и подтвердил все сие Своим Божественным словом, наказав им Его единого знать, Ему единому служить, в воле Его единого ходить. Чтоб они не запутались в соображениях, как все это выполнять, Он дал им небольшую заповедь — не вкушать плодов от одного дерева, названного Им древом познания добра и зла⁴.

Бог создал нас и образом Своим почтил, чтоб мы жили в Боге, — были в живом с Ним союзе. В раю так и было. Падение прародителей расторгло сей союз⁵.

Грехопадение человека

Позавидовал им падший прежде того по гордости дух и сбил их с пути, наустив их преступить данную им небольшую заповедь тем, что обольстительно представил, будто со вкушением от запрещенного плода они вкусят такого блага, которого без того и вообразить не могут, — станут как боги. Они поверили и — вкусили. Дело вкушения, может быть, и не велико, но худо, что поверили, не зная кому. Может быть, и это не так бы было важно, если б не те страшно преступные мысли и чувства к Богу, какие, как яд, влил в них злой дух. Он наговорил им, что Бог запретил им вкушать от древа затем, чтоб и они не сделались богами. Этому поверили. Но, поверив так, они не могли не принять хульных о Боге помышлений, будто Он завидует им и неблагожелательно к ним относится, а приняв такие помышления, не могли миновать и некоторых недобрых к Нему чувств и своевольных решений: так мы же сами возьмем то, до чего Ты не хочешь допустить нас. Так вот Он какой, — засело у них в сердце о Боге, а мы думали, что Он такой благой. Ну, — так мы сами себя устроим наперекор Ему.

Вот эти-то мысли и чувства были страшно преступны! Они-то и означают явное отступление от Бога и враждебное восстание против Него. У них внутри то же произошло, что приписывается злему духу: *выше облак поставлю престол мой и буду подобен Вышнему* (см.: Ис. 14, 13—14), — и это не как летучая мысль, а как враждебное решение.

⁴ Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л., 1991. С. 72—73.

⁵ Собрание писем. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. 1994. Вып. I. С. 74.

Так сознание зазналось и свобода воссвоевольничала, приняв на себя устройство своей участи. Отпадение от Бога совершилось полное с отвращением неким и враждебным восстанием против. За это и Бог отступил от таких преступников, — и живой союз прерван. Бог везде есть и все содержит, но внутрь свободных тварей входит, когда они Ему себя предают. Когда же в себе самих заключаются, тогда Он не нарушает их самовластия, но, храня их и содержа, внутрь не входит. Так и прародители наши оставлены одни. Если б покаялись поскорее, может быть, Бог возвратился бы к ним, но они упорничали и при явных обличениях ни Адам, ни Ева не сознались, что виноваты. Последовал суд и наказание изгнанием из рая. Тут опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказание, а за ними и всему роду нашему⁶.

Состояние человека по грехопадении

Что такое сделалось с нами вследствие преступления прародительского?! Природа наша осталась та же, части и силы естества нашего остались те же, с теми же законами и требованиями. *Но не туда направилось наше сознание с свободой*, чрез что возмутили взаимное соотношение наших частей и сил и, нарушив их первообразный строй, внесли расстройство в общую деятельность и жизнь человека, породив из себя особый класс разрушительных сил — страсти, не естественные нам, но возымевшие такую власть, что всеми силами нашими ворочают, как им угодно...

Дух был властен над душою и телом, потому что состоял в живом общении с Богом и от Него получал Божескую силу. Когда пресеклось живое общение с Богом, пресекся приток и Божеской силы. **Дух, себе оставленный, не мог уже быть властителем души и тела, но был увлечен и сам завладен ими. Над человеком возобладала душевность, а чрез душевность — телесность, и стал он душевен и плотян. Дух хоть тот же, но без власти.** <...> Он заявляет свое существование то страхом Божиим, то тревогами совести, то недовольством ничем тварным; но его предъявлений не берут во внимание, а принимают только к сведению, всю заботу обращая на устройство своего быта здешнего, к чему и назначена душа, — и быта более вещественного, потому что здешняя жизнь посредствуется телом и что все телесное осязательнее и кажется нужнее.

Когда произошло такое низвращение порядка в соотношениях частей естества нашего, человек не мог уже видеть вещи в настоящем виде, не мог держать в должном порядке свои потребности, желания и чувства. Они пришли в смятение, и беспорядочность стала характеристическою их чертою. Но это недоброе, конечно, состояние было бы еще сносно, если б не страсти, а то страсти привзошли и тиранят человека. Смотрите, как рассерченного бьет гнев, как

---

⁶ Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л., 1991. С. 73—74.

лихорадка? Как завистливого источила зависть, что посинел бедный? Как опечаленного иссушила скорбь, что он — кости и кожа? — Таковы и все страсти. Вошли же они вместе с самостью. Как только произнеслось внутри праотца: *так — я сам...* так самость внедрилась в него — сей яд и сие семя сатанинское. Из нее потом развилось все полчище страстей: гордость, зависть, ненависть, скорбь, уныние, любоимание и чувственность, — со всеми их многочисленными и многообразными порождениями. Расплодившись внутри, они еще более возмущают и без них уже смятенное там состояние. Так вот в чем болезнь. Дух зазнался и засвоевольничал. За это потерял власть и подпал под владычество души и тела и всего внешнего. Отсюда смятение душевно-телесных потребностей и желаний, — и особенно их безмерность. Эту безмерность сообщает им от себя дух, ими поработенный. Сами по себе эти потребности мерны и небурливы. То, что они меры не имеют и бурлят, это оттого, что дух бушует в них: ибо у него по природе энергия безграничная. Отсюда обжорство, пьянство, копление денег... и прочее многое, чему меры не думает давать человек. Но главная болезнь — страсти, пришлое тираны⁷.

Запомните, что внутреннее наше смятение и беспорядочность прирожденны нам, но не природны, не состоят в природе нашей, как существенная часть ее, а втеснились между природными частями и их расстраивают и в собственной каждой части деятельности, и в их взаимных отношениях. Если б это природно было, то не производило бы своим присутствием страдания и муки, какие мы от того испытываем. Что природно, то радость жизни составляет, а что противно природе, то ее томит и мучит. С другой стороны, если б это природно было, то когда бы кто явился свободным и чистым от того, уж он не был бы человек. Но мы ведаем Человека, Который был совершенно чист от этого и все же был человек, — настоящий человек. Ведаем также, что и все, которые облачаются в Него, получают область очищать себя, как и *Он чист есть* (1 Ин. 3, 3), и являться подобными Ему.

Запомните, говорю, что эта беспорядочность прирожденна нам, но не природна, — запомните и убеждение в том держите крепко. Убеждение это будет поддерживать у вас ревность к уврачеванию сей болезни. Если она не природна, то, значит, есть возможность уврачевать ее. Имея же сию надежду, кто не воодушевится и самым делом уврачевать себя? Естество наше в чистом виде достолюбезно. Сами Ангелы взирают на него с любовью и удивлением, когда оно является таковым... Напротив, если эта болезнь природна, то ее уж не уврачуешь. Так и останется она навсегда, сколько ни трудись над изгнанием ее. Прими эту мысль, — и руки опустишь, говоря в себе: так, верно, уж быть. А это и есть то пагубное нечаяние, в которое вложившись, предают себя студодеянию в делание всякой нечистоты (см.: Еф. 4, 19)⁸.

⁷ Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л., 1991. С. 71—76.

⁸ Там же. С. 70—71.

Чрез падение ветхий человек заглушил первозданного

Апостол Павел то зло, которое пришло к нам чрез падение, именует человеком ветхим или греховным. Объясняя сие, Макарий Великий говорит, что чрез падение привзошел в нас иной человек — и человек полный, со всеми членами, — привился к тому человеку, который вышел из рук Творца, и заглушил, или заморил, его собою: привзошел так, что голова налегла на голову, руки на руки, ноги на ноги, всякая часть на себе подобную часть; заглушил так, что того первобытного человека стало или совсем не видно, или мало видно, а стал видимым и действующим только сей пришлый человек.... Человек первозданный был, как говорит премудрый, прав, т.е. был верующ, богобоязнен, упователен, молитвен, милосерд, кроток, смирен, чист, благожелателен, воздержан, деятелен — словом, украшен всеми богоподобными совершенствами. А пришлый человек, греховный, во всем ему противен: он невер, Бога не боится, не молится, надеется только на себя, не милосерд, гневлив, яростен, горд и тщеславен, похотлив, завистлив, неблагожелателен, ленив, предан чувственным утехам — словом, обременен всеми порочными чувствами и страстями. Когда сей последний взял верх над первым, то этот начал быть страждущим, состоящим в рабстве, под гнетом. Вследствие чего, не имея свободы действовать, скорбит и тужит... Пришлый, греховный человек не дает свободы человеку правому в нас, созданному по образу и по подобию Божию, томит его, держит его в рабстве и горькой неволе⁹.

Чтобы возстать, надо умертвить ветхого человека

Теперь само собою очевидно, что для того чтобы возратить нам себе радость жизни, надобно умертвить в себе сего греховного и пришлого человека. А по Апостолу это значит совлещись ветхого человека с деяньми его, распять плоть со страстями и похотьми, или, что то же, взойти на крест.

Когда будет умерщвлен сей греховный человек, тогда получит свободу человек правый и, начав действовать безпрепятственно, так, как свойственно ему по природе, будет веселиться и радоваться. Будет умерщвляться и распинаться в нас собственно греховный человек, но как он прирос к нам и сорастворился с естеством нашим, то, убивая его на кресте, мы не можем не страдать и не болеть и сами. Тут происходит то же самое, что бывает, когда врачи делают операцию, вырезая какую-либо приросшую, ненужную, болезнь только причиняющую часть. Вырезывается лишнее, чуждое составу тела, вредное, а тело все — и настоящее — страдает. Так и в распятии ветхого человека — предается казни пагубное, не свойственное нам, безобразящее нас, греховное, но и мы не можем не страдать, потому что оно привилось к нам и стало как бы одно с нами.

---

⁹ Внутренняя жизнь. М., 1994. С. 97—98.

Вот почему сие совлечение ветхого человека именуется и есть самораспятие. Действие сие точно походит на то, как бы сдирать с себя кожу. И в самом деле, какая сильная бывает иногда боль. Но самая боль сия радостотворна, тем паче радостотворны плоды ее!

Так, крест нужен, и нам непременно нужно взойти на него. Но вонмите, что распинается пришлый человек, а мы только болим при сем оттого, что нельзя оторвать его от нас без боли; в самом же деле мы не распинаемся, а освобождаемся от неволи, исцеляемся, разрешаемся от уз. Как если бы с узника какого, окованного по всему телу цепями, которые от долговременности вросли в тело, стали снимать сии цепи, то хотя ему было бы больно, но он охотно и с радостью потерпит сию боль, зная, что чрез нее он получит отраду свободы и, немного потерпевши, приобретет себе всегдашнюю радость и веселие, — так точно и у нас при распятии греховного человека бывает больно и безпокойно, но потерпим благодушно: немного еще — и вступим в свободу чад Божиих. Иначе нельзя. Одно из двух: или всегда страдать в рабстве греху, или, немного поболевши, вступить в отраду свободы от греха...

Когда сделается такой перелом, или это поражение греховного человека в корне его жизни, тогда поражение его по частям не будет составлять ни труда, ни боли, ни страданий. Будет только то, что чем более кто будет упражнять над собою действия самораспятия, тем больше и больше будет сам освобождаться от уз греха, тем больше и больше будет выступать потаенный сердца человек с одним, другим, третьим членами освобожденными, пока наконец явится во всем совершенстве, не имущ скверны, или порока, или нечто от таковых, как новосозданный по Богу в правде и преподобии истины¹⁰.

Возстание силою Духа Божия

Когда человек пал, то ниспал от Бога, и остановился на себе, и себя поставил главною целью жизни. Дух потерял над ним власть, вместо него стало парить в нем самолюбие. Из самолюбия развились гордость, своекорыстие, сластолюбие, а от этих потом — всё полчище страстей. Все они в разных оттенках стали заправителями жизни человека. Дух замолк, и если подавал иногда голос, его не слушали.

Господь и Спаситель принес на землю благодать Всесвятаго Духа, которая вместе с проповедью Евангелия и пошла по лицу земли. Сила проповеди Евангелия от благодати. Вместе со словом чрез слух входит в сердце благодать и пробуждает дух человека. Проповедь говорит: *возстани сныи* (Еф. 5, 14). Когда благодать воздействует на дух, он встает. Вместе с ним встают и оживают все его стихии: страх Божий, обязательство благоугождать Богу и чаяние лучшей жизни. Кто покорится сим требованиям духа, Духом Божиим оживленного, тот отказывается от себя, попирает самолюбие со всем полчищем страстей и начинает все-

¹⁰ Внутренняя жизнь. М., 1994. С. 98—100.

усердно работать Господу наперекор всем земным видам. С этого момента начинается у него жизнь в духе, или Духом, с поправлением самолюбия и всех страстей. Жизнь в духе, или Духом, можно посему описать так: кто, благодатью Божиею будучи возбужден и освящен чрез Таинства, входит в себя и, став пред Господом в сердце, все свои деяния и внутренние и внешние направляет к богоугождению, чрез хождение неуклонное в воле Его, в слове Божиим изложенной и принятой в совесть, в надежде вечного в Боге блаженства, с поправлением самолюбия и забвением интересов земных, тот живет в духе и Духом...

Наш дух не имеет силы дать нам жизнь духовную сам по себе. И Дух Божий не даст ее, если не будет воспринят нашим духом. Когда же они сочетаются, тогда наш дух становится сильным от Духа Божия и Дух Божий чрез наш дух действует на нас и на все наше и все освящает и совершает. Ходящий в духе — Духом Божиим ходит, но ходит по стихиям духа, первоначально в человека вдохнутого¹¹.

Дух наш восстанавливается благодатью Божиею в силе противостоять влечениям к земле со стороны души и тела. Он и восстановлен уже в христианах. Но невнимание к нему и к делу его делает то, что земное успевает увлекать нас и как туманом заслонять небо. Лучший способ, как подкреплять дух наш, в его борьбе с душою и телом при влечениях к земному, есть память об исходе и о последующем за ним суде и предрешении участи нашей¹². <...>

Христианская психология

Христианская психология возможна

Я имею намерение — все достодолжное выводить из устройства человеческого естества. Жить нам надобно так, как Бог создал нас... Установив здравые понятия о том, как устроен человек, получим вернейшее указание на то, как ему следует жить. Мне думается, что многие потому и не живут как должно, что думают, будто правила о сей достодолжной жизни навязываются сновне, а не исходят из самого естества человека и не им требуются¹³. <...>

Учение о лице человека по естеству и по слову Божию

Что есть лицо человеческое

Общее устройство природы человеческой определяется сочетанием разных сил ее и способностей и разных частей ее состава. Так, все разнообразие наших внутренних действий сознаваемых сводится к трем исходным началам, или

¹¹ Толкования посланий апостола Павла. Послания к Галатам. М., 1996. С. 392—393.

¹² Собрание писем. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Вып. II. С. 212.

¹³ Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. Л., 1991. С. 8, 15.

силам: познающей, желающей и чувствующей. Все же силы сии сосредоточиваются и сходятся в нашем лице, в нашей личности, в том, что говорит в нас: я, которое есть слияние и нераздельное единство всех сил. Они в нем сцентрированы и исходят из него, как из фокуса.

Далее, то, что познания, желания и чувствования являются в нас не только на различных степенях, но даже в противоположных направлениях, заставляет, кроме других оснований, допускать в составе существа человеческого три части: дух, душу и тело, из коих характер первого — отрешение от чувственного, последнего — погружение в нем, средней же — совместность того и другого. Цель и назначение первого есть общение с Богом и миром духовным, последней — посредничество в сношении с миром чувственным; средняя [часть существа] должна от чувственного чрез дух восходить к Богу и одуховляться и от Бога чрез дух низводить одуховление чувственному. Части сии в составе нашем не лежат одна подле другой, но все, так же как и способности, сходятся в нашем лице (я), ему присвояются и суть для него постоянные средства. **Лице человека (я) есть единство духа, души и тела**¹⁴.

К существенным свойствам человека принадлежит то, что он одарен *сознанием*, может говорить о себе — я, или есть лицо. Это такое свойство, по коему человек, утверждая свое собственное бытие и бытие вещей вне себя, отличает их от себя, а себя от них, говорит о себе — я, а не они, а о тех — они, а не я. Оно получает название *самосознания*, когда обращается внутрь, к себе исключительно. В сем обращении в себя оно опять может отличать себя от своих действий, или свое бытие от того, что исходит из него, возносясь как бы над тем и другим. При сем, так как к бытию нашему могут прилагаться чуждые, сторонние силы, то, сознавая свое бытие, он может сознавать себя — не как себя, а как иное лицо (у бесноватых)...

Второе свойство человеческого лица есть *разумно-свободная самостоятельность*. Состояние этого свойства определяется уже состоянием сознания, ибо они служат взаимным друг для друга отражением... Самостоятельность, свойственная человеку, отличается *разумностью и свободой*. *Разумность* требует, чтоб действия располагались по своему усмотрению, своим целям и своему личному распоряжению разумному. Признаком его отличительным служит то, если мысль всегда предшествует желанию; напротив, где желание правит мыслью, там отсутствие или неблагосостояние сего свойства не подлежит никакому сомнению.

Разумно-свободная самостоятельность. Самостоятельность принадлежит существу, которое не есть явление другого существа, а само есть источник всех явлений, от него исходящих. Таких самостоятельных существ много (субстан-

---

¹⁴ «Лицо не дано, оно достигается, и достигается лишь в меру признания себе подобных, своих Собеседников. Да, лицо впервые становится лицом, когда оно оформилось и определилось нравственной дисциплиной» (Ухтомский А.А. Доминанта души. Рыбинск, 2000. С. 246).

ции). Отличительное свойство человеческой самостоятельности состоит в том, что он не только производит действия, но и видит их, не только видит, но и правит ими по своему усмотрению и разуму. Это свойство однозначно с разумною свободою...

Жизненность. Человек есть живое существо. Есть силы мертвые, например: электричество, магнетизм. Они в каждое мгновение суть то, чем быть им должно, не развиваются. Человек в минуты происхождения не есть то, чем ему быть должно, а развивается, образуется, растет, преспеивает. И растение сначала, в семени, есть только будущее возможное растение; становится же действительным растением чрез принятие в себя чуждых элементов и усвоение их себе. Возрастание духовной природы человека происходит другим порядком. Она зреет разнообразием собственных произведений: мыслей, чувств, желаний и дел, которые, обращаясь внутрь, осаждаются как бы в ней и составляют для нее пищу, или элемент возрастания. Посему свойство жизни ее всегда можно определять свойством ее действий. Особеннейшая же черта жизни, свойственной человеку, есть бессмертие, предполагающее безконечную его усовершенствость...

Между сими свойствами [лица] первое место занимает *сознание*. Оно есть свойство, исходное для других, есть прямое свойство лица и как бы истолкование его. В производстве своем оно, полагая бытие себя и бытие существ вне сущих, отличает себя от них и их от себя¹⁵.

Составные части и свойства лица грешника

Вслед за изменением соотношения составных частей человека и главных его способностей не могут не изменяться и существенные свойства его лица, ибо сие лицо есть центр и частей, и способностей. Потому состояние сих последних непосредственно отражается в первом и его определяет, как и обратно им определяется...

Теперь спрашивается, в каком состоянии соотношение составных частей существа человеческого и его способностей и существенные свойства прежде, чем человек станет жить по-христиански, и после того, как он решится на сие дело и окрепнет в нем?

Естественное отношение составных частей человека должно быть, по закону подчинения меньшего большему, слабейшего сильнейшему, таково: тело должно подчиняться душе, душа духу, дух же по свойству своему должен быть погружен в Бога. В Боге должен пребывать человек всем своим существом и сознанием. При сем сила духа над душою зависит от соприсущего ему Божества, сила души над телом — от обладающего ею духа. По отпадении от Бога произошло, и должно было произойти, смятение во всем составе человека: дух, отдалившись от Бога, потерял свою силу и подчинился душе, душа, не возвы-

---

¹⁵ Начертание христианского нравоучения. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Т. 1, 2. С. 188—210.

шаемая духом, подчинилась телу. Человек всем существом своим и сознанием погруз в чувственность <...>. Человек, до приятия новой жизни в Господе Иисусе Христе, именно находится в этом состоянии низвращенного соотношения составных частей его существа, подобие которому представляет зрительная трубка, когда составные ее части вдвинуты одна в другую. Так слово Божие, говоря о грешниках, забывающих Бога, постоянно почти называет их плотскими, редко душевными, а духовными не только не называет, даже почитает их противоположными таковым.

Еще о первом допотопном мире сказал Бог: *не имать Дух Мой пребывати в человецех сих... зане суть плоть* (см.: Быт. 6, 3). Явно, что преданность плоти погашает дух и отчуждает от Бога. У пророка Давида говорится: *человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным, и уподобися им* (Пс. 48, 13), т.е. честь богоподобия, отраженную в его духе, заменил скотством, предавшись плоти. Апостол Павел о состоянии людей до принятия благодати в христианстве говорит, что тогда они были во плоти, потому *страсти греховныя действовали в них* (см.: Рим. 7, 5), жили в *похотех плоти, творяще волю плоти и помышлений* (Еф. 2, 3), или, как говорит апостол Петр: *вслед плотским похоти сквернения ходили* (см.: 2 Пет. 2, 10). Апостол Иуда неверных прямо называет телесными, духа не имущими (см.: Иуд. 1, 19). И вообще в слове Божиим плотяности приписывается все зло. *Сущий по плоти, плотская мудрствуют, мудрование же плотское смерть и вражда на Бога есть* (см.: Рим. 8, 5, 7), подчинившиеся коему *Богу угодити не могут* (Рим. 8, 8), почему *пожнут от плоти истление* (см.: Гал. 6, 8).

Душевность же в человеке, не приившем благодати или потерявшем ее, как облако какое стоит между лицом человека и Богом, пресекая общение между ними. Тот, кто поработен преимущественно ей, или *душевен человек, не приемлет, яже Духа Божия* (см.: 1 Кор. 2, 14). Преобладание души, равно как и преобладание тела, есть отрицание жизни по духу. Святой апостол Иаков, перечислив страсти, коим удовлетворяет и по которым действует человек, не приемлющий яже Духа Божия, с большею точностью прибавляет: *несть сия премудрость от Бога, но земна, душевна, бесовска* (см.: Иак. 3, 15). Слова: душевный, земной, не Божий — однозначительны...

Где же дух у такого рода людей? В них же; но, состоя в подчинении душе и телу, он заморожен и совсем почти не действует свойственным ему образом. Его присутствие в них можно узнавать, с одной стороны, по безграничности некоторых душевно-чувственных стремлений, не свойственных душе и плоти по их природе, с другой — по бывающим нередко состояниям сих людей, в коих они отрешаются от земли, наперекор требованиям души и плоти. В последнем случае дух покушается как бы войти в свои права. Мучения совести, боязнь Судии Бога, постоянная тоска — это суть его действия на душу, его стоны, отзывающиеся в сознании душевном. Так в людях чувственных и душевных дух тлеет, как искра под пеплом. Возбуди его, или лучше, не мешай ему возбужде-

ну быть словом Божиим, проходящим до разделения души и духа (см.: Евр. 4, 12), и он явится во всей своей силе и власти¹⁶...

Условие к совершенству сознания, или к стоянию его в своем чине, есть возвышение нашего лица *и над собою, и над внешним миром*. Где нет сего возвышения, там сознание должно быть мутно, неопределенно, безотчетно, или приближаться к животному самочувствию. Но о человеке, до восприятия им благого намерения жить свято, по-христиански, о человеке, работающем греху и страстям, несомненно известно, что он *не возвышается над внешним миром*, а напротив, увлекается им, живет в нем, как бы сорастворяется с ним, почему и называется внешним, вне себя живущим, ушедшим из себя. В себя приходит он уже в обращении. Благосостояние внешних вещей своих он считает благосостоянием собственного лица, и напротив, неблагосостояние их своим несчастьем. Оттого покушение на ущерб или самый ущерб в одежде, доме, мебели, месте и проч. глубоко потрясают его, поражают в самое сердце.

Не возвышается он также и над внутренним своим миром, но так же, как внешними вещами, увлекается и механизмом внутренних своих движений. Обыкновенно говорят: я задумался, был в забытьи, не помню, что со мною было и около меня... т.е. в это время он увлекался движением мыслей; или: был вне себя от радости, убит горем, в сердцах вышел из себя... т.е. предал себя движениям сердца; или: не вспомнишься в хлопотах и заботах: то нужно, другое нужно... т.е. непрерывно гонят все вперед и вперед многообразные желания воли. Очевидно, что преданный греху не властен над внутренними движениями, а втеснен как бы в них, влечется ими, как воин, стесненный внутри полка. И это не на один только час, а постоянно. Таков уж закон его жизни внутренней: вестися, как ведомому.

Итак, у человека грешника ясного сознания быть не может. Его и нет. Он ходит как в тумане, как бы обуморенный, кружится как в вихре. Как полусонный слабо различает предметы от себя и полусознает только себя, таков и преданный страстям. Это явление очень странно: в гордости он никого не считает выше себя, а между тем сам себя слабо сознает.

Особенный оборот сознания есть *самосознание*, или *самопознание*. Оно преимущественно обращено внутрь и различает себя от своих действий, опять возносясь над тем и другим. Сие самосознание еще более слабо у человека страстного, лишенного благодати. Ибо для сего надобно *знать свои действия, знать себя* и отделять себя от своих действий. Но у него:

Нет достаточного знания собственных своих действий. Он не знает не только, что сделано вчера, даже ныне или за несколько часов. Он находится непрестанно в заботливом действовании, а не знает, что делать, как будто сии дей-

---

¹⁶ «Единство внимания и единство духа [т.е. единство души и духа] — единство и крепкая устойчивость личности в противоположность многообразному распаду личности, психическому калейдоскопу больного и грешного внимания» (Ухтомский А.А. Заслуженный собеседник. С. 228).

ствия не от его лица происходили. Это оттого, что, слишком увлеченный потоком собственных действий, и оглянуться на себя не имеет он времени.

Нет знания себя, ибо это знание складывается из знания собственных действий и своего отношения ко всему прочему существующему. Но ни последнего, ни первого в нем нет. Потому он не скажет, что собственно он значит, что его ожидает, в каком он состоянии, какое главное его настроение, главный недуг и чем помочь ему.

Потому *нет и различения себя от своих действий*. Это опаснейшее из обольщений лица грешного. Все, что возникает внутри, считает он собственно собою и стоит за то, как за себя, как за свою жизнь. Оттого и отказать себе ни в чем не хочет. Между тем мало ли всевается в нас совне — от сатаны и мира, кроме того, что возникает от живущего в нас греха, которого тоже не следует считать собою?

По всем сим причинам и опытам надо полагать, что грешник не знает себя как следует.

Такое состояние сознания и самосознания у грешников, потерявших благодать, и у неверных, не принявших благодати, называется *сном*; почему к каждому из них говорит Апостол: *востани спяй* (Еф. 5, 14); также *слепотою, сидением во тме*, и даже прямо *тмою*. Каждый из таковых *слеп есть, мжай, забвение прием* (2 Пет. 1, 9). Грешник живет в самозабвении, видит как во мгле, и даже больше, ходит как слепой. Посему Спаситель, как обещано было, и пришел *отверсти очи слепых, извести от уз связанныя, и из дому темницы сидящая во тме* (см.: Ис. 42,7). Грешник, как в темнице какой, заключен во внутренней своей тьме самоневедения и самозабвения, из какой изводится Спасителем. Напоминая о сем благе, апостол Павел говорит: *Весте бо иногда тма, ныне же свет о Господе* (Еф. 5, 8), т.е. как прежде в вас, по густоте мрака, ничего не было видно, так теперь все видно, по благодати Господней...

Свобода состоит в том, чтоб располагать действиями без всякого насилия и увлечения совне или извнутри, прямо от лица. Отличительный ее признак — независимость и непринужденность. Если бы кто хотел сделать что по своему усмотрению, а между тем бывает вынуждаем делать иначе, то свобода сия очевидно была бы в узах. Такою она изображена апостолом Павлом в человеке грешнике, о котором в своем лице говорит он: *не еже бо хочу, сие творю: но еже ненавижу, то соделоваю* (Рим. 7,15). Сии узы налагаются:

Грехом, живущим в нас. Уже не аз сие творю, говорит там же Апостол, *но живой во мне грех... Вижду же ин закон во удох моих, противу воюющ закону ума моего, и пленяющ мя законом греховным, сущим во удох моих* (Рим. 7, 20—23). Силу сего греха больше всего испытывает, чувствует и знает по опыту тот, кто пришел в сознание своей господствующей страсти и собирается одолеть ее. Он видит, как ведется вслед своей похоти, влеком и прельщаем, как невольник (см.: Иак. 1, 14). Посему таковые в слове Божиим называются *рабами греха* (см.: Рим. 6,16—17, 20), *проданными под грех* (см.: Рим. 7, 14); *имже бо кто побежден бывает, сему и работен есть* (2 Пет. 2, 19).

Миром. Над человеком, не принявшим благодатной силы, господствует сила и власть страстных обычаев мирских и духа, действующего в мире, до того, что ему и на мысль даже не может прийти решиться на что-нибудь противное. «Никак нельзя: так принято». Этим выражается общее сознание своего рабства духу мира. Поддерживается сия власть некоторою боязнью, или страхом за жизнь. Ибо иначе надобно выйти из мира, — куда же?! Посему в слове Божиим они и называются *порабощенными под стихиями мира* (см.: Гал. 4, 3), *ходящими по веку мира сего* (см.: Еф. 2, 2), *по преданию человеческому и по стихиям мира* (см.: Кол. 2, 8).

Диаволом. Он действует чрез мир и грех, в нас живущий; потому большею частью сокрыты узы его. Но если покаявшийся человек осмотрится и сообразит прежнюю свою жизнь, то найдет, что в пути его к гибели была соблюдаема самая хитрая сообразительность, не его, впрочем, и не других людей. Чья же? Очевидно, чья — человекоубийцы искони. Следовательно, надобно сказать, что каждый грешник, как и все грешники, суть лица, состоящие в распоряжении злого духа, или суть рабы его. Рабство сие выражается в отвращении грешника от всего священного и в его бессилии привлечь себя к чему-либо такому. В слове Божиим грешники, чуждые Духа Христова и благодати его, прямо называются рабами диавола, *содержащимися в области его* (см.: Деян. 26, 18) и сетях, и суть *живи уловлены от него, в свою его волю* (2 Тим. 2, 26).

Таким образом, и второе свойство, разумно-свободная самостоятельность, у людей, не принявших в себя благодатных, восстановительных сил, в худом и униженном состоянии. Напротив, у принявших сии силы она является в истинном своем значении.

Последнее, наконец, свойство человеческой природы — *жизнь* у человека грешника, по указанию слова Божия, совсем утрачивается. Оно почти иначе и не называет его, как мертвым, который только имя имеет, *яко жив*, а в самом деле есть *мертв* (см.: Откр. 3, 1). Мертвость сию оно *производит от греха* (см.: Еф. 2, 1—5; Кол. 2, 13), который *раждает смерть* (Иак. 1, 15), есть *жало смерти*, всех уязвляющее насмерть (1 Кор. 15, 56), и за которым *смерть* следует как *оброк* (см.: Рим. 6, 23).

Мертвящая сила греха состоит:

В отчуждении человека от Бога. Грешник *отчужден от жизни Божией* (Еф. 4, 18) и живет как бы без Бога (см.: Еф. 2, 12). Богообщение, вещи божественные и духовные составляют естественную пищу нашего духа, или как бы его стихию. Отпадши оттуда, он принужден теперь быть не в естественном себе месте и умирать, как без пищи и без воздуха.

В расстройстве сил и способностей. Жизнь человека состоит в гармоническом сочетании сил его природы и их взаимодействии, соответственно их природе. Если сие законное соотношение их отнято, как видели, то и жизни, и деятельности в человеке, свойственной человеку, нет. На вид он человек, а по настроению внутреннему — не истинный человек. Как инструмент расстроенный по виду есть тот или другой; а по звукам не знать какой, так су-

дить должно и о человеке, которого внутреннее расстроено грехом. В сем отношении надобно сказать, что в нем умерло, или утрачено, истинно человеческое, или то, что свойственно человеку. Как мертвый не видит, не слышит, не движется, так и человек грешник не видит, не слышит и не движется по-человечески: делает дела, но *мертвыя* (Евр. 6, 1; 9, 14).

В отъятии и как бы убитии сил душевных и телесных. Грех назван ядом: и точно, он есть яд. Как ржа съедает железо, так он съедает душу и тело. Он отнимает у ума живость, сообразительность, быстроту, у воли — крепость и стойкость, у сердца — вкус и такт. Ядовитость же греха для тела всем очевидна. В сем отношении человек, работающий греху, есть то же, что умирающий, или томящийся предсмертно. Как ощутительно это выражается в непрерывном безотрадном состоянии человека грешника! Жизни свойственна радость, но нет радости у нечестивого.

По определению Божию на всяком человеке лежит закон: *смертию умреш* (см.: Быт. 3, 19). Всякий входящий в мир сей вступает в область смерти и чрез смерть временную должен подпасть смерти второй, вечной. Такой и есть естественный порядок жизни человека падшего и пребывающего в падении. Изменение в нем производится только Божественною благодатью. Она, пришедши, зарождает в человеке истинную жизнь во Христе Иисусе¹⁷.

Составные части и свойства лица истинного христианина

В человеке же, прилепившемся к Господу Иисусу Христу и благодать Его приявшем, все сие имеет себя иначе. Как свойственно рабу Христову, *он распял плоть свою со страстьми и похотьми* (см.: Гал. 5, 24). С первого раза, когда только полагает еще намерение работать Господу, он определяет уже себя на самоумерщвление, а потом и постоянно не *по плоти ходит, но по духу* (см.: Рим. 8, 1, 4), *духом умерщвляя деяния плотския* (см.: Рим. 8, 13). Он как бы несть *во плоти, но в душе, и не должен плоти, еже по плоти жити* (см.: Рим. 8, 9, 12).

Прияв слово, проходящее до разделения *души и духа* (см.: Евр. 4, 12), он берет душу в свою власть и приносит ее в жертву Богу (см.: Мф. 10, 39), начинает *огребатися от плотских похотей, яже воюют на душу* (1 Пет. 2, 11), подчинять ее *слову, могущему спасти* (см.: Иак. 1, 21), и таким образом преобразует ее всю, назидает ее духом *чрез веру или послушание истине* (см.: 1 Пет. 1, 22; Иуд. 1, 20), приучает ее *предавать себя в благотворение* (см.: 1 Пет. 4, 19), и *сердце ея обрезывает духом* (см.: Рим. 2, 29), и все богоугодное, *еже аще творит*, заставляет творить *от души*, чего прежде она не хотела (см.: Кол. 3, 23). Работая таким образом Богу *всею душою и от души* (см.: Еф. 6, 6; Мф. 22, 37), он обретает *покой душе своей* (см.: Мф. 11, 29), прозревая *кончи-*

¹⁷ Начертание христианского нравоучения. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Т. 1, 2. С. 190—211.

ну веры — спасение души (см.: 1 Пет. 1, 9), что, как котву¹⁸, имел для души своей (см.: Евр. 6, 19).

Вследствие сего у него жизнь духовная совершенно поглощает жизнь плотскую и душевную. Он *прославляет Бога в душе и телеси* своим (см.: 1 Кор. 6, 20); у него все производится в духе и духом; служит он *Богу и работает духом и в обновлении духа* (см.: Рим. 1, 9; 7, 6; Фил. 3, 3), *тщанием он не ленив* оттого, что *горит духом* (см.: Рим. 12, 11); *ходит духом и похотей плотских не совершает* (см.: Гал. 5, 16); *сеет в духе* (см.: Гал. 6, 8); *исполняется духом* (см.: Еф. 5, 18); к слушанию истины преклоняется духом (см.: 1 Пет. 1, 22).

Отчего так? — христианин ходит духом оттого, что *живет духом* (см.: Гал. 5, 25), что *Дух Божий живет в нем* (см.: Рим. 8, 9; 1 Кор. 3, 16); что он стал *храмом живущаго в нем Духа Святаго, напоился Духом* (см.: 1 Кор. 12, 13; 1 Кор. 3, 16; Еф. 2, 22). Сей Дух, пришедши чрез слово, разделившее душу и дух, высвободил сей последний из теснивших его душевно-плотских уз, ибо где *Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3, 17), и тем положил начало новой, духовно-благодатной жизни (см.: Рим. 8, 23). С таким обручением духа (см.: 2 Кор. 1, 22) зреет потом *потайный сердца человек в неистлении кроткаго и молчаливаго духа* (см.: 1 Пет. 3, 4). Христианин больше и больше утверждает *Духом Божиим во внутреннем человеке; вселяется верою Христос в сердце его, в любви вкореняемое и утверждаемое* (см.: Еф. 3, 16—18); ибо *прилепляйся же Господеву един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17); почему *вышних ищет, идеже есть Христос одесную Бога сидя, горняя мудрствует, а не земная, и живот его сокровен есть со Христом в Боге* (см.: Кол. 3, 1, 3).

Отсюда видно, что истинный христианин и нехристианин, или христианин ложный, по составным частям существа человеческого состоят в противоположности. Что у одного первое, то у другого последнее. У того первое — дух, у сего он заглушён; у того первое — плотность, у сего она отрицается, подавляется, распинается, умерщвляется. Средняя [часть существа] — душа подчиняется, очевидно, господствующему: у одного — духу, у другого — телу. Посему истинное соотношение частей существа человеческого: совершенный дух, душа и тело (см.: 1 Сол. 5, 23) — есть только у тех, кои соделались Христовыми. В них, следовательно, и истина человеческого существа; вне же христианства не истина, а ложь, как бы призрак человека.

Не показалось бы кому жестоким слово сие. Жаль некоторых язычников, так высоко стоящих во мнении, и некоторых именующихся христианами, силы же его отвергшихся, кои тоже не без заметных достоинств. Но потерпите. Чем дальше, все будет яснее и яснее раскрываться проводимая нами истина, что истинно человеческая жизнь на деле может быть видима только в христианстве, в тех, кои сочетаются со Христом и приемлют Дух Его.

И действительно, сознание благодатно живущего во Христе совсем не то, что сознание работающего греху и страстям. Они отличаются как свет и тьма.

¹⁸ *Котва* (церковнослав.) — якорь.

Первое действие благодатного пробуждения грешника состоит в извлечении души из механизма его внутренней и внешней жизни и в возвышении над течением ее... Здесь, следовательно, полагается первая возможность сознанию истинному и полному. С сей минуты оно и начинается, ибо первый взор человека под действием благодати обращается на его существенные отношения; на них прежде всего падает свет ее. Затем уже внимательный к себе не сходит с сей высоты духа. Око его вознесено над всем своим и над всем соприкосновенным к нему, и все то сознает и видит он ясно, как страж какой.

Это свойство облагодатствованного в слове Божиим и в наставлениях подвижников называется *бодрствованием и трезвением*. Механизм внутренней и внешней жизни поминутно порывается опять вовлечь их в себя, как в вихрь или пучину какую; они держатся в себе. Напряжение пребывать в себе есть подвиг трезвения, или бодрствования, самый важный и начальный в духовной жизни. По мере совершенства в трезвенной бдительности над собою возвышается и сознание.

Так заповедуется христианам *трезвиться и бодрствовать, трезвиться в молитвах, или бодрствовать в молитвах* (1 Пет. 5, 8; 4, 7), и вообще быть все-сторонне бодрственными: *Вы же, братие, несте во тме, да день вас якоже тать постигнет. Вси бо вы сынове света есте и сынове дне: несмы нощи, ниже тмы. Темже убо да не спим якоже и прочий, но да бодрствуем и трезвимся. Спящий бо, в нощи спят... Мы же сынове суще дне, да трезвимся, оболкшися в броню веры и любве, и шлем упования спасения* (1 Сол. 5, 4—8). Такое стражничество над собою заповедуется христианам, следовательно оно в них есть как свойство. То же изображается и в правилах святых подвижников, что есть новое доказательство того свойства христианина, что он ясно зрит себя, все свое и все вокруг себя. Так у преподобного Филофея пишется: от утра надлежит твердо содержать в памяти Бога и, непрестанно содержа душевную молитву к Иисусу Христу, мужественно и непреклонно стоять при дверях сердца и на сей духовной страже убивать всех грешников земли¹⁹.

Вследствие сего и самосознание, как дальнейшее развитие, или особый только оборот сознания, состоит у истинного христианина на высшей степени совершенства. Так:

Ясно знает он свои действия, действия не только одного дня, но недель и годов, со времени пробуждения, знает не только численно, но по их силе и смыслу, с побуждениями, чистотою и нечистотою, вполне. Затем у него есть повседневная исповедь.

Различает себя от действий. На этом основана вся мудрая тактика в духовной брани, ибо самое первое здесь дело есть сознание врага. Затем всякое движение у него сейчас оценивается, откуда оно и что значит. Взор внутрь себя в сем отношении у него так глубок, что он не только вообще неправые движения

¹⁹ Преподобный отец наш Филофей Синайский. 40 глав о трезвении // Добротолюбие. Т. 3. Гл. 2.

видит, но и между ними различает свои от не своих. В этом и состоит известное у святых подвижников *различие вещей*, или *помыслов*.

Знает, что он значит сам, что его ожидает, в каком он состоянии, в каких отношениях к другим <...> ...Из всех сих свойств слагается тот внутренний свет, который приписывается истинным христианам и по которому вся их жизнь называется *хождением во свете*, или *деланием в день* (см.: 1 Ин. 1, 7; 1 Сол. 5, 4—8) <...>

Что касается до *разумности*, она у них действует со всею силою уже потому, что они извлечены силою благодати из внутреннего своего механизма и вознесены над своими действиями; особенно же потому, что, с минуты обращения к Богу и воссоединения с Ним благодатью, всякое у них действие производится не иначе как по сознанию воли Божией на него, — всякое действие, и внутреннее и внешнее. Они уже *не ктому человеческим похотем, но воли Божией прочее по плоти живут время* (см.: 1 Пет. 4, 2). Жизнь по воле Божией есть в высочайшей степени жизнь разумная. Здесь воля Божия чрез покорный внушениям ее разум правит всеми делами и всем ходом жизни и ведет человека к последней его цели. Отсюда строй, целостность жизни.

И *свободным* в полном смысле можно назвать только того, у кого жизнь устроится показанным образом. Тот только и свободен истинно, *кого освободит Иисус Христос* (см.: Гал. 5, 1); там только и *свобода, где Дух Господень* (см.: 2 Кор. 3, 17). Пребывающий в Господе Иисусе Божественною силою Духа христианин наслаждается отрадным состоянием свободы (см.: Рим. 8, 2). Грех им не обладает (см.: Рим. 6, 7—12); из мира он изъят (см.: Ин. 15, 19) и небоязненно готов говорить истины пред владыками (см.: Мф. 10, 18); диавола и всю силу вражью он попирает (см.: Лк. 10, 19). Поэтому он стоит как столп твердый, не колеблясь никакими противностями; никакие стечения обстоятельств не овладевают им; а напротив, он ими располагает по своему усмотрению или ведет себя среди них, не изменяя своего настроения и главных своих преднамерений <...>...

Восприявший в себя благодать полагает в своем растлении нетленное семя, которое возрастает в древо жизни. Кто удостоивается сего, тот изъеблется из челюстей смерти, а кто нет, тот *пребывает в смерти* (1 Ин. 3, 14); *не веруяй не узрит живота* (см.: Ин. 3, 36). Так верующий, сочетаваясь со Христом, принимает *новую жизнь* (см.: Рим. 11, 15) и потому переходит *от смерти в живот* (1 Ин. 3, 14); *из мертвого становится живым* (см.: Рим. 6, 13). Это зависит от того, что при сем соединяется человек с Богом, источником жизни. Он уже *имеет в себе Сына*, а с ним *живот* (1 Ин. 5, 12) и принял *Духа животворящего* (см.: Рим. 8, 9, 11); *живот его сокровен есть со Христом в Боге* (см.: Кол. 3, 3); *ибо не ктому он живет — но живет в нем Христос* (см.: Гал. 2, 20).

Сила нового рождения и жизни начинает истреблять в человеке грех, а вместе с тем уничтожать и следствия греха — расстройство сил и частей его существа, или восстанавливать в нем жизнь истинную, которая в нем множится, растет, приходит от силы в силу и преисполняет его отрадою. А здесь, сподобившись приять духа жизни, он и вечно будет жить, ибо над ним смерть вторая

не возымеет власти. Сия новая жизнь ныне сокровенна в искренне работающих Господу и даже большею частью сокрыта и от них. Она зреет как бы под покровом тления, строя и составляя там нового человека, или человека вечности. Но потом, как плод из древа или древо из семени, из него явится сия жизнь во всем свете. Силу свою она воспринимает постепенно, подобно закваске, постепенно исполняющей тесто, ибо постепенно изымлет из смерти части наши, одну за другою... Переполнивши же все, тленное оставляет тлению, а живое передает, или переносит, в область жизни, в мир божественный²⁰.

Два лица в одном сознании

Еже бо содеваю, не разумею: не еже бо хошу, сие творю: не еже ненавижду, то соделаю. <...> Ныне же не ктому аз сие содеваю, но живой во мне грех (Рим. 7, 15, 17).

Выходит, что не я это делаю. Я тут не действующий, а действуемый. Кто-то другой завладел мною, берет меня, как связанного, и ведет, куда хочет, и я плетусь вслед его. Кто же это такой? Живущий во мне грех. Грех олицетворяется по силе влечения его, а человек обезличивается по причине слабости его ко греху и падкости на него. Апостол будто слагает вину с человека. <...> Но на деле бывает так, что человек всегда самоохотно соглашается на грех. Не соглашайся он на грех, греха не было бы. И мы часто в речах своих говорим: что будешь делать? Никак не управлюся с собою, — как будто по необходимости какой делаем, что делаем, между тем как знаем, что все то делаем самоохотно. Так и слово Апостола не утверждает невольности греха и не отвергает самоохотности его. Обыкновенно бывает так, что до греха не хочет человек греха и по греху не одобряет его, а когда грешит, и хочет греха и считает сделание грешного дела лучшим, нежели несделание. Кажется, будто кто сторонний пришел, взял его руки и ноги, и самую душу с ее мыслями, чувствами и желаниями, и сделал грех. На деле же — греховное возбуждение точно находит, но грешит человек сам, всем лицом своим, и не иначе как по самоохотном согласии на грех. Можно только недоумевать, что за тайна в грехе? Но обвинять человека нельзя²¹.

Всякий человек двойствен, — и добр и недобр. У иного доброе преобладает, а у иного — недоброе. Но и у первого не молчит недоброе, а при всяком начинании добром предлагает себя вниманию, или прямо, или косвенно; и у второго не молчит доброе, а всегда напоминает о себе при всяком недобром начинании. Думается иногда, что недоброе в нас есть некое лице злое, привившееся к естеству нашему, доброму по творению, — зорко за всем в нас смотрящее и непрестанно подстрекающее с своими предложениями²².

²⁰ Начертание христианского нравоучения. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Т. 1, 2. С. 193—212.

²¹ Толкования посланий апостола Павла. Послание к Римлянам. М., 1996. С. 425, 428—429.

²² Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М., 1995. С. 449.

Собственно человек есть в нас то, что украшено богоподобными совершенствами, а все пришлое не есть человек, а являет только призрак человека, и не живет, а являет только призрак жизни, на деле же мертво, или, точнее, мертвяще в отношении к истинному человеку. Казалось бы, нам-то самим лично надлежало стоять на стороне правого, первобытного человека, но непонятно, что такое сделалось с нами. Мы отшатнулись от него и стали на сторону человека пришлое, страстного до такой степени, что только его и считаем мы *собою*; от этого и выходит, что какую бы страстью ни был одолевает человек, он стоит за нее, как за себя; ему и на мысль не приходит, что он тут есть лицо деемое, а не действующее. Так, когда, например, он сердится — говорит, что стоит за себя; когда похотствует — говорит, что природа того требует; а между тем ни гнев, ни похоть, ни иная какая-либо страсть не есть *мы* и не принадлежит к нашей природе: это все пришлое, чуждое, враждебное нам и губящее нас. Сознание наше одно у нас. Оно составляет в нас то, почему мы — *лицо*, и принадлежит богоподобному духу. Когда говорят нам что-либо, то к нему обращаются, и когда требуют чего, от него требуют. Но оно, как мы видим, перешло на сторону страстного человека и стало считать его *собою*, не будучи, однако же, им по природе, а составляя и долженствуя составлять едино с человеком, как он вышел из рук Творца. Заповедь Христа Спасителя — погубить душу, умертвить, или распять себя (см.: Мк. 8, 35), — должна быть принята нашим лицом в том его виде, в каком оно является по падении, когда оно считает *собою* человека страстного. Значит, когда предписывается нам погублять душу свою, умерщвлять себя, то предписывается умерщвлять и губить страстного в нас человека, образовавшегося в нас вследствие падения, которого мы считаем *собою* по обольщению. Если поступаем так, то истинный человек в нас освободится из под гнета человека пришлое и заживет свойственной ему богоподобною жизнью, а этот пришлый, призрачно живущий, исчезнет в нас, и во всем существе нашем водворится, таким образом, истинная жизнь, а исходить она будет из самоумерщвления²³. <...>

Осознание необходимости добровольно покориться воле Божией

Хотя Бог даровал нам свободу и, следовательно, некоторую независимость, однако ж хочет, чтобы мы непременно достигали своего назначения и именно — путем Его заповедей. Посему не попускает нам безнаказанно ходить в волях сердца, а преследует судом, чтобы преклонить к повиновению. *Не даде ослабы ни единому же нечестивати*, говорит Сирах (Сир. 15, 20). Посему, хотя говорит: *еще хотите* (Мф. 19, 17; 16, 24), — но вместе прибавляет: *еще не хотите, ниже послушаете Мене, меч вы пояст. Уста бо Господня глаголаша сия* <...> *Не престанет бо ярость моя на противных* до тех пор, пока не покорятся (Ис. 1, 20, 24; Прем. 12, 28) ...

²³ См.: Созерцание и размышление. М., 1998. С. 426—428.

Воля же Божия должна быть священна для нас потому, что есть воля Божия. Бог — Царь наш. Мы безпрекословно, однако ж охотно, должны повиноваться всему, на что есть Его определение. Одно имя — Бог должно заставлять нас преклоняться пред Его повелением, ибо Он Владыка всего. Посему, когда дается заповедь или изрекается суд на какой-нибудь народ в слове Божиим, всегда говорится: *так* или *сия глаголет Господь*. Ибо *кто есть рекий против Ему?* как говорит Иов (см.: Иов. 23, 13).

Такое безусловное и вместе свободное повиновение Богу само собою образуется в нас, с одной стороны, из сознания того, что Бог есть наш Творец и Промыслитель. Жизнь наша от Бога, силы от Бога, наша участь и все, что есть у нас, тоже от Бога: как же не повиноваться Ему? Посему 24 старца, поклонившись Богу Вседержителю, так воспели: *достойн еси Господи, прияти славу и честь и силу: яко Ты еси сотворил всяческая, и волею Твоею суть, и сотворено* (см.: Откр. 4, 11). Пророк Давид молится: *вразуми мя, и научуся заповедем Твоим*. Почему же? — Потому, что *руце Твои сотвористе мя, и создасте мя* (Пс. 118, 73). Далее он же исповедует Богу: *закона Твоего не забых... оправданий Твоих взысках*. Почему же? — ибо *Твой есмь аз ... душа моя в руку Твоею выну* (см.: Пс. 118, 94, 109). С другой — из сознания того, что Он же есть наш Судия и Мздовоздатель...

Эти-то два ощущения, которые, впрочем, не всегда сознаются ясно, печатаемые со всех сторон в сердце, образуют в нем благоговейный страх, или чувство всесторонней зависимости нашей от Бога, которое и заставляет нас добровольно покоряться определениям воли Божией, или закону. В душе нашей сие именно чувство всесторонней зависимости от Бога служит единственным основанием подчинения нашей свободы закону. Поэтому всякий раз, как слабеет сие чувство, люди предаются беззакониям, и наоборот — предающиеся беззакониям утешают себя некоторою независимостью от Бога. *Глаголют же Господеву: отступи от нас, путей Твоих видети не хотим. Что Достойн, яко да поработаем Ему*²⁴. *Не узрит Господь, ниже уразумеет Бог Иаковль* (Пс. 93, 7). *Тма окрест мене, и стены закрывают мя... грехов моих не вспомянет Вышний* (Сир. 23, 25). Так и Василий Великий говорит, что все зло происходит оттого, что оставляют великого и истинного единого Царя всех и Бога... и хотят лучше властвовать вопреки Господу, нежели сами быть под властью у Господа. Вообще источником нечестия в слове Божиим почитается богозабвение (см.: Втор. 32, 18) и отступление от Бога (там же, 15).

Но и это чувство всесторонней зависимости есть только посредствующее, так сказать, звено между законом и свободой. Самое сочетание свободы и закона опять производится самопроизвольным подчинением себя закону, или воле Божией. При всех основаниях не связывает нас насильно Бог, но оставля-

²⁴ Они говорят Богу: отойди от нас, не хотим мы знать путей Твоих! Что Вседержитель, чтобы нам служить Ему? (Иов. 21, 14—15).

ет нас на свободе, чтоб мы сами покорили и предали Ему в жертву свою свободу, — единственное, какое может человек сделать от себя приношение Богу, достойное Бога. В жертвоприношении свободы Богу состоит истинный характер нравственно-благочестивой жизни, или, что то же, он состоит в решимости не иначе располагать своими внутренними и внешними действиями, как по воле Божией. Сею решимостью начинается и поддерживается нравственная жизнь человека...

Заклучим из сего, что когда человек, в чувстве всесторонней зависимости своей от Бога, определит себя, или решится, на неуклонное и всегдашнее хождение в воле Божией, или законе Божиим, — то он будет у своей цели, или выполнит свое назначение. Ибо можно сказать всякому: решишь и исполняй закон, и будешь находиться в постоянном общении с Богом. Вместе с тем, как покорит себя Богу человек, Бог усвоится человеку, а человек — Богу. Ибо так говорит Сам Господь: *будут Мне в люди, и Аз буду им в Бога: понеже обратятся ко Мне всем сердцем своим* (Иер. 24, 7). Святой пророк Давид говорит: *часть моя еси, Господи, рех сохранить закон Твой* (Пс. 118, 57), т.е., желая навсегда иметь Бога своим, или, что то же, быть в общении с Ним, святой Пророк решаетея всегда исполнять Его святой закон. У Иова это изображается под видом дерзновения к Богу. Он говорит, что обратившийся ко Господу и смирившийся пред Ним имеет Его Помощником своим и сам возымеет *дерзновение пред Богом, воззрев весело на небо* (см.: Иов. 22, 26); а нечестивый — *еда иматъ когда дерзновение пред Ним?* (см.: Иов. 27, 10).

Отсюда норму нравственной жизни вообще можно выразить в следующем правиле: *исполняй волю Божию, чтоб быть в общении с Богом, или: пребывай в общении с Богом деятельным исполнением Его святой воли*. Это правило изрекается непрерывно во всем пространстве слова Божия, и исполнение его поставляется источником всех благ, а неисполнение — всех зол. Аврааму Бог обещает благословение — и не ему только, но и семени его по нем, под условием благоугождения: *благоугождай предо Мною* (см.: Быт. 17, 1); Бог избрал народ Израильский, и этот народ предает себя Ему, единодушно взывая: *вся, елика глагола Господь, сотворим и послушаем* (Исх. 24, 7). И Спаситель говорит: *не всяк глаголай Ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное: но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 7, 21)²⁵.

Свободная жертва Богу ума, воли и сердца ради вечного блаженства

Итак, вот первый закон христианину! Будучи воцарен над собою и облагодатствован, владычествуй над всем, что у тебя, но себя всего приноси в жертву Богу в Иисусе Христе. Сия жертва не смерть, а истинная жизнь...

²⁵ Начертание христианского нравоучения. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Т. 1, 2. С. 45—48.

Лицо человека состоит из тела и души. Отсюда и жертвы душевные и телесные. Прославите убо Бога в телесех ваших, и в душах ваших, яже суть Божия (1 Кор. 6, 20). Возобладай над душою и вознеси ее Богу; возобладай над телом и принеси в жертву его Тому же Богу (Рим. 12, 1).

Что касается до души, то вот закон: погуби душу свою — и спасешь ее, не погубишь — погубишь; так заповедал Спаситель (см.: Мк. 8, 35). Это погубление уже совершается в деле нового рождения; ибо где целое, там и часть. Однако ж и всякий раз, как склоняется христианин к душе, должен он иметь во внимании, что ее надо губить и в целом, и в частях. Это есть истолкование самоотвержения. Повергни себя под ноги и попирай без жалости. Кто не имеет и не хранит сего расположения, тот никак не совладеет собою. Он может измучиться в трудах, но плода не увидит. Не погубивший души все добро свое губит и весь труд свой делает тщетным. Это главное. Теперь по частям.

Надлежит все в себе заклать и вознести к Богу в жертву для освящения, или восприятия истинной жизни. Итак:

1. *Принеси в жертву Богу ум*, чтоб умудриться. *Буй да бывает, кто хочет быть премудрым*, говорит Апостол (см.: 1 Кор. 3, 18). Богу преданный ум преисполняется от Него истинною мудростью. Итак, отними у своего ума своеволие, возобладай им и предай его Богу. Отсюда для христианина обязательно *не иметь своего ума*, или, как говорят святые подвижники, не составлять своего разума. Эта обязанность исполняется, когда христианин, признавая что истинным, признает не потому, что находит таким по своему соображению, но потому, что так написано и предано Богом; когда, принимая заповедь и догмат, не допытывается: *почему*, не спрашивает в недоумении: не так ли? и не предлагает суемудренно: не лучше ли так? а детски верит преподаемому и успокоивается в нем.

Когда таким образом ум покорен и сделан безпрекословным приемником, следует его наполнять преданными нам святыми истинами. Это — обязанность *иметь ум Христов* (см.: 1 Кор. 2, 12—16) или стяжевать истинную мудрость, от Бога нисходящую и все обнимающую. Что есть все сущее, откуда оно, какова участь всего; что человек, чем был, что стал, что ожидает его, какой путь к вечному блаженству, — вообще весь состав веры должен вместиться в уме, сраствориться с ним и содержаться им сознательно...

2. *Принеси в жертву Богу волю*, чтоб освятиться и иметь силу. Когда отказывается человек от своей воли, то приходит Господь и приносит ей святость и силу, т.е. святые правила и начала деятельности и силу ходить в них и хранить их. Итак, христианину свойственно *не иметь своей воли*. Что ни делаешь, делай не потому, что хочется, а потому, что должно, что на то есть и того требует воля Божия, каким бы образом сия воля ни приходила. В слове Божиим нет ни малой снисходительности к ходящим в своих волях, и святые отцы заповедают не только не делать по своему хотению, но напротив, всегда поступать наперекор ему...

3. *Принеси в жертву Богу свое сердце*, чтоб облаженствоваться. Сердце не может не быть обладаемо чем-нибудь. Но оно страдает несытостью и тоскою, когда обладает тварями. Надобно исторгнуть его из сих уст пристрастия и отдать Богу. Мера сего жертвования есть мера блаженства. Обязанность сия прямо заповедуется в словах: *сыне, даждь ми сердце* (Притч. 23, 26), и сокрытно — в предписаниях *радоваться безпрестанно* (см.: Флп. 4, 4; 1 Сол. 5, 16), *мир иметь* (см.: 2 Кор. 13, 11; Евр. 12, 14). Отсюда, христианину свойственно *не иметь своего сердца* для себя, или не полагать своим чувствам и влечениям, не тем услаждаться, что нам нравится, а тем, что Бог объявил благом, радостным, блаженным. Это то же, что отрешать сердце от всего. Где не соблюдается сие, там качествует своенравие сердечных чувств, тиранское, подобное своенравию ума и воли...

Этим же прямо определяется и правило относительно чувств отвне навеваемых, даже невиннейших, возбуждаемых предметами эстетическими. Услаждение последними может быть позволительно только в таком случае, если их содержание взято из мира божия, или если они бывают представителями того мира, и в такой форме, в какой может быть то терпимо истинным духом благочестия²⁶.

Что такое я и как с ним быть

К существенным свойствам человека принадлежит то, что он одарен *сознанием*, может говорить о себе — я, или есть лицо... Вопрос ваш, — как быть с я? очень естествен в душе, вступившей в путь к самопознанию. Как быть? Тереть его и стереть в порошок... Камень взять... тот, что, отторгшись от горы, стер в порошок истуканы. Вся жизнь на это назначается... Прием к сему прост: не слушать я — и идти ему наперекор. Дела его: своему уму верить, своей воле следовать, своему чувству сочувствовать. Самое осязательное обнаружение его жизни есть — саможаление... Отречение от всяких проявлений я и делание наперекор ему есть его стирание... Заповедь о сем слышали из уст Самого Господа: *да отвержется себе* (Мф. 16, 24). Начните наблюдать над собою... и замечайте проявление своего я... и затем — идите против... во всем, и большом и малом²⁷.

²⁶ Письма о христианской жизни: В 4 ч. СПб., 1880. С. 411—417.

²⁷ Начертание христианского нравоучения. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Т. 1, 2. С. 189; Собрание писем. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. Вып. VI. С. 66.

«Только там, где ставится доминанта на лицо другого, как на самое дорогое для человека, впервые преодолевается проклятие индивидуалистического отношения к жизни, индивидуалистического миропонимания, индивидуалистической науки.

Ибо ведь только в меру того, насколько каждый из нас преодолевает самого себя и свой индивидуализм, самоупор на себя, ему открывается лицо другого. И с этого момента, как открывается лицо другого, сам человек впервые заслуживает, чтобы о нем заговорили как о лице» (Ухтомский А.А. Доминанта. М.; Л., 1966. С. 94).

Стесним три силы души для Царства Небесного

Возлюбим христианские догматы и стесним ими ум свой, заповедав ему умствовать так, а не иначе; возлюбим христианские правила жизни и стесним ими волю свою, понудив ее смиренно и терпеливо нести благое сие иго; возлюбим все руководительные, исправительные и освятительные христианские чины и службы и стесним ими сердце свое, обязав его перенести вкусы свои от земного и тленного к этому небесному и нетленному. Пусть будет тесновато, так что ни направо, ни налево нельзя уклониться, но зато несомненно, что по этому тесному пути войдем в Царство Небесное²⁸. Ведь Царство это есть Царство Господне, и путь к нему начертан Самим Господом, есть ли тут смысл, чтобы желать каких-либо отмен, когда через них непременно собьешься с пути и погибнешь?²⁹

---

²⁸ Естественнo-психологические закономерности тесного пути в Царство Небесное в краткой форме приведены в следующем высказывании <...>: «Молитвенная дисциплина есть по преимуществу дисциплина всеобъединяющего внимания, освещающего все уголки и тайны подсознательного, соединяющая и собирающая личность в одно деятельное целое, скрепленное притом могучею эмоцией любви ко всякому Бытию!» (Ухтомский А.А. Интуиция совести. С. 369—370).

²⁹ Созерцание и размышление. М., 1998. С. 458—459.

**В.В. Петухов,
В.В. Столин**

Сравнение житейской и научной психологии*

Фундаментальным условием существования человека является определенное сознательное представление им окружающего мира и своего места в нем. Изучение таких представлений, связанных с теми или иными свойствами психики, способами поведения людей, необходимо для правильной организации жизни любого общества, хотя и не является в обыденной практике самостоятельной, специальной задачей. Не случайно в древних учениях о человеке его познание сочеталось с разработкой культурных норм общественной и личной жизни. Знание конкретных психологических закономерностей позволяло людям понимать друг друга, управлять собственным поведением.

В истории культуры — философских, морально-этических текстах, художественном творчестве — содержится немало замечательных примеров детального описания индивидуальных психологических особенностей, их тонкого понимания и анализа.

Возможные примеры. 1. Классическим для европейской культуры стало эмпирическое описание человеческой индивидуальности в труде одного из мыслителей Древней Греции Феофраста «Характеры»: в совокупности повседневных поступков людей определяются их типичные психологические портреты, в основе которых лежат особенные черты характера и общения с другими людьми.

2. Собрание житейских психологических наблюдений в восточной классике — «Цзацзуань» (досл. «смесь», «заметки о разном»): лаконично и остроумно выделены типичные ситуации, вызывающие различные эмоциональные состояния¹.

---

* Петухов В.В., Столин В.В. Психология: Методические указания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 6—11.

¹ См.: Цзацзуань: Изречения китайских писателей IX—XIX вв. М., 1975. — *Ред.-сост.*

Интерес к старинным описаниям индивидуальных характеров понятен и сегодня, ведь их обладатели хорошо узнаваемы в повседневности, несмотря на смену исторических эпох и условий жизни. Показательно, что житейское знание о характере (и темпераменте) человека обобщалось в виде достаточно строгой системы, классификации, при создании которой «сотрудничали» — через века — представители самых различных специальностей.

Типичный пример. Классификация темпераментов, предложенная еще в Древнем Риме врачом Гиппократом², включает следующие типы: жизнерадостный и общительный сангвиник, задумчивый, медлительный флегматик, храбрый, вспыльчивый холерик, печальный меланхолик. Первоначально ее основанием служили не психологические особенности, а преобладание в теле человека одной из четырех жидкостей: крови (сангва), слизи (флегма), желчи и черной желчи (холе и меланхоле). Впоследствии типы получили психологическую интерпретацию благодаря, в частности, работам Канта³ и Стендаля⁴, философа и беллетриста, которые разными способами и на разных эмпирических примерах определяли эти удобные формы описания индивидуальностей. Интересно, что эта классификация и в нашем веке получила новые обоснования в работах физиологов и психологов (И.П. Павлов⁵, Г. Айзенк⁶).

Особое место в становлении психологии принадлежит философии. Действительно, решение вопроса о том, почему мир устроен так, а не иначе, выделение оснований познания действительности всегда было связано с изучением того, кому этот мир представлен, «с познанием самого себя». Такие понятия как «душа», «сознание», «Я» первоначально не были психологическими и их разработка — от древности до наших дней — была уяснением условий познания вообще. Душа как предмет познания, т.е. «наука о душе» возникла в учении Аристотеля⁷. В трактате «О душе» он систематизировал имеющиеся представления, ввел различия, необходимые для построения новой науки, выделил основные психические процессы. Многие философы прошлого, как и современные, были авторами оригинальных психологических концепций,

---

² Гиппократ (ок. 460—ок. 370 до н.э.) — древнегреческий врач, реформатор античной медицины. — *Ред.-сост.*

³ Кант (*Kant*) Иммануил (1724—1804) — немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии; см. его текст на с. 15—17 наст. изд. — *Ред.-сост.*

⁴ Стендаль (*Stendhal*) (наст имя и фам. Анри Мари Бейль, *Beyle*) (1783—1842) — французский писатель. — *Ред.-сост.*

⁵ Павлов Иван Петрович (1849—1936) — русский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1904). — *Ред.-сост.*

⁶ Айзенк (*Eysenck*) Ганс Юрген (1916—1997) — английский психолог, эмигрировавший из Германии. — *Ред.-сост.*

⁷ Аристотель (384—322 до н.э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист; см. его текст на с. 198—211 наст. изд.

описаний законов психической жизни — восприятия, мышления, эмоциональных состояний. Вместе с тем, философское представление человека является обобщенным и особенности конкретного, индивидуального человека не становятся в философии предметом специального изучения.

Психологическое знание включено во многие сферы человеческой практики — педагогику, медицину, художественное творчество. И все же эти области справедливо считаются «вне-» или «донаучными». Появление психологии как специальной научной дисциплины связано с формированием собственно-го понятийного аппарата и методических процедур.

<...>

Основное отличие научной психологии от житейской заключается в том, что если для последней поле исследовательской деятельности практически бесконечно, то с появлением научной дисциплины происходит резкое сужение, ограничение, зафиксированное в специальном языке. Научный психолог теряет для изучения (не всегда безвозвратно) целые пласты житейского опыта, однако вводимые ограничения создают новые преимущества. Так, у Вундта⁸ точное предметное определение сложного для изучения объекта связано с умением операционально, с помощью простых методических процедур в специальной экспериментальной ситуации выделять его элементы, воспроизводить их в заданных условиях, измерять (и, следовательно, привлекать количественные методы для обработки полученных данных), выявлять связи этих элементов и в конечном счете устанавливать закономерности, которым они подчиняются.

С ограничением предмета и появлением специальных методов его исследования связаны и остальные, также существенные различия научной и житейской психологии: 1) откуда и каким путем приобретаются психологические знания; 2) в каких формах они сохраняются и 3) благодаря чему передаются, воспроизводятся.

1. Источником житейской психологии является индивидуальный опыт со всеми его нюансами. Приобретается он случайным образом, и психологические знания, необходимые человеку для жизни, извлекаются из него, как правило, интуитивно и несистематически. Научная психология базируется на опыте, который с самого начала является абстрагированным от многих деталей, понятийно оформленным. Отличны и пути, методы познания — целенаправленного, систематизированного, инструментально оснащенного. Для научного психолога удачная догадка становится гипотезой, допускающей экспериментальную проверку. Конечно, эксперимент возможен и в житейской психологии, и люди часто прибегают к этому эффективному средству получения необходимой информации (не ожидая подходящего случая, а активно организуя его). Однако научно-психологические эксперименты отличаются не толь-

---

⁸ Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ, основатель экспериментальной психологии. — *Ред.-сост.*

ко большей строгостью своих гипотез, но и условиями проведения. В современной психологии эти условия нередко отделены от жизненной конкретности и даже могут искажать ее. Отличаются и результаты экспериментов: ученым нередко приходится отказываться от собственных обыденных представлений, «не веря своим глазам».

Следует обратить внимание на то, что в первых научных описаниях психических явлений исследователи привлекали свой личный опыт. Однако главная ценность этих описаний состоит не только в их проницательности и детальности, а в том, что они оказались удачными обобщенными схемами для постановки научно-исследовательских задач.

<...>

2. Обширный опыт житейской психологии сохраняется и существует в соответствии с теми видами практики, из которых он получен и которые он обнаруживает. Он может быть упорядочен в традициях и обрядах, народной мудрости, афоризмах, однако основания таких систематизаций остаются конкретными, ситуативными. Если ситуативные выводы противоречат один другому (например, едва ли найдется пословица, к которой нельзя подобрать другую, обратную по значению), то житейскую мудрость это не смущает, ей нет нужды стремиться к единообразию.

Научная психология систематизирует знания в форме логических непротиворечивых положений, аксиом и гипотез. Знания направлены аккумуляруются, служат базой расширения и углубления найденных закономерностей, и происходит это именно благодаря наличию специального предметного языка.

Не следует понимать точное определение предмета научной психологии как ограничение ее исследовательских возможностей. Например, научная психология активно вторгается в житейский опыт, справедливо претендуя на новое освоение общеизвестного фактического материала. Закономерны поэтому постоянные требования точно пользоваться имеющимся понятийным аппаратом (и только им), это защищает опыт от «засорения» житейскими ассоциациями.

Типичный пример. Закономерна научная строгость выдающего русского физиолога и психолога И.П. Павлова, запрещавшего своим сотрудникам говорить о подопытных животных: собака «подумала, вспомнила, почувствовала». Правильное исследование поведения животных предполагает интерпретацию результатов только в терминах научной теории, в данном случае — разработанной в павловской школе рефлексорной теории высшей нервной деятельности.

3. Обыденные психологические знания, казалось бы, легко доступны. Советы бывалых людей, отточенные афоризмы мыслителей содержат сгустки житейского опыта. Однако воспользоваться этим опытом не просто: обыденные знания не фиксируют реальные условия, в которых они были получены, а эти

условия являются решающими при попытке использовать известное другим человеком и в новой ситуации. Поэтому так часто ошибки отцов повторяются их детьми. Собственный опыт, соразмеренный со своими возможностями и специфическими условиями, приходится переживать и накапливать заново.

Иное дело — опыт научной психологии. Хотя он и не столь обширен как житейский, зато содержит информацию об условиях, необходимых и достаточных для воспроизведения тех или иных явлений. Полученные знания упорядочены в научных теориях и передаются путем усвоения обобщенных, логически связанных положений, которые служат основанием для выдвижения новых гипотез. Благодаря развитию экспериментального подхода научный опыт содержит факты, недоступные житейской психологии.

Итак, научная психология является системой теоретических (понятийных), методических и экспериментальных средств познания и исследования психических явлений. По сравнению с психологией житейской (донаучной), она представляет собой переход от неограниченного и разнородного описания этих явлений к их точному предметному определению, к возможности методической регистрации, экспериментального установления причинных связей и закономерностей, обеспечения преемственности своих результатов. «Психология и очень старая, и совсем еще молодая наука, — пишет один из основателей советской психологии С.Л. Рубинштейн (1889—1960), — она имеет за собой 1000-летнее прошлое, и, тем не менее, она вся еще в будущем. Ее существование как самостоятельной научной дисциплины исчисляется лишь десятилетиями, но ее основная проблематика занимает ее философскую мысль с тех пор, пока существует философия. Годам экспериментального исследования предшествовали столетия философских размышлений, с одной стороны, и тысячелетия практического познания людей — с другой»⁹. Вслед за Рубинштейном, становление и развитие психологической науки можно представить в виде пирамиды — символа поступательного, прогрессивного движения: тысячелетия практического опыта, столетия философских размышлений, десятилетия экспериментальной науки.

---

⁹ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 37.

Г. Никсон

Популярные ответы на некоторые психологические вопросы^{*}

На занятиях по психологии наиболее острые дискуссии возникают вокруг таких вопросов, как телепатия, внутриутробные влияния [на последующее психическое развитие. — *Ред.-сост.*], внешние признаки характера и т.п. Студенты, только начинающие изучать психологию, при всей своей неосведомленности во многих специальных вопросах, уже имеют определенные прочно укоренившиеся представления о причинах человеческого поведения. Одна из обязанностей каждого преподавателя состоит в том, чтобы помочь начинающему студенту разобраться в этом исходном запасе его знаний, отбросив одни и подвергнув научному переосмыслению другие. Поэтому представление о таких, получивших наиболее широкое распространение, знаниях, может в качестве исходного пункта программ обучения иметь большую ценность для психолога. Результаты обзора исследований этих знаний представлены в данной статье.

В более общем виде данную область изучали несколько авторов. Так, в работе Конклина представлен материал о распространенности суеверных мнений и действий среди студентов колледжа. Он обнаружил, что 82 % студентов, из них 73 % юношей и 90 % девушек, были подвержены суевериям в прошлом, а 40 % юношей и 66 % девушек подвержены суевериям и в настоящее время. Конклин считает, что у женщин суеверия в большей степени обнаруживаются в вопросах, связанных с домом, компанией, социальными отношениями, желаниями, любовью, замужеством и смертью, а у мужчин — в отношении спорта и деловых успехов. В более позднем сообщении, с целью подтверждения своих выводов, он ссылается на результаты исследований, проведенных Гоулд, Питерз и Дресслар.

Цель настоящего исследования была более специфичной. По сравнению с работами, упомянутыми выше, нас интересовали не такие широко распрост-

---

^{*} *Nixon H.K. Popular answers to some psychological questions // Readings in General Psychology / L.D. Crow, A. Crow (Eds.). N.Y.: Barnes and Noble, 1967. P. 7—11. (Перевод С.А. Капустина.)*

раненные суеверия, как, например, связанные с черной кошкой и рассыпанной солью, а мнения, которые в какой-то степени [могут быть. — *Ред.-сост.*] научно обоснованы. Для этого мы составили опросник из 30 пунктов и предъявляли его в следующем виде (табл. 1).

Таблица 1

Форма опросника

<i>Инструкция.</i> Ниже представлен ряд утверждений. Какие-то из них вы можете считать истинными, а какие-то — ложными. Если вы считаете, что утверждение истинно, то обведите кружком букву <i>И</i> , а если утверждение ложно, то обведите букву <i>Л</i> . Если утверждение спорно, то обведите букву того ответа, который Вам кажется более правильным.			
1	И	Л	Число чувств у человека — пять
2	И	Л	Ребенок входит в мир с инстинктивным знанием добра и зла. Это знание есть его совесть и оно является врожденным
3	И	Л	Определенные линии на руке человека предсказывают его будущее
4	И	Л	Если вы будете смотреть пристально в спину человека, вы можете заставить его обернуться; это является формой телепатии
5	И	Л	Когда что-то делаешь в связи с числом «тринадцать», действительно возникают неудачи
6	И	Л	Характер человека может быть определен по размеру и месту расположения некоторых выпуклостей на его голове
7	И	Л	Люди с зелеными глазами не заслуживают того же доверия, что люди с голубыми или карими глазами
8	И	Л	Беременная женщина, сосредоточив свою мысль на каком-то предмете [или человеке (<i>on a subject</i>) — <i>Ред.-сост.</i>], может повлиять на характер своего будущего ребенка
9	И	Л	Женщины уступают мужчинам по интеллекту
10	И	Л	Определенное расположение планет при рождении человека сказывается на его характере
11	И	Л	Интеллект можно повысить посредством обучения
12	И	Л	Длинные, тонкие кисти рук являются признаком артистической натуры
13	И	Л	Начинания, приходящиеся на пятницу, почти всегда заканчиваются неудачно
14	И	Л	Если бы у человека было достаточно веры, он мог бы мгновенно восстанавливать переломы конечностей
15	И	Л	Многие выдающиеся люди в детстве были недостаточно умственно развитыми
16	И	Л	Некоторые животные имеют такой же интеллект, как у среднего человека
17	И	Л	Ни дефект тела, ни дефект ума не могут стать для нас препятствием, если у нас есть сила воли
18	И	Л	Взрослые люди иногда слабеют умом вследствие интенсивных занятий научной деятельностью
19	И	Л	Все люди от рождения способны к одинаковым достижениям
20	И	Л	Брак между двоюродными братьями и сестрами почти всегда приводит к рождению умственно отсталых детей
21	И	Л	Умственно одаренные дети с большой вероятностью являются физически слабыми и недоразвитыми
22	И	Л	Изучение математики полезно, так как способствует развитию логического мышления
23	И	Л	Квадратная челюсть — признак силы воли
24	И	Л	По лицу человека можно достаточно точно оценить его умственные способности
25	И	Л	Высокий лоб является признаком большого ума
26	И	Л	Страх не является врожденным; это плохая привычка
27	И	Л	Женщины по своей природе совершеннее и лучше мужчин
28	И	Л	Человек, который не смотрит в глаза, скорее всего нечестен
29	И	Л	Превосходство человека над животными заключается в том, что в своем поведении он руководствуется разумом
30	И	Л	Любая физическая или психическая болезнь может начаться вследствие размышления о ней
Имя ..... Пол			

Как видно из опросника, представленные в этих высказываниях идеи располагаются в определенном порядке, начиная от абсолютно ошибочных мнений и кончая теми, которые были предметом обширных дискуссий среди ученых. Мы специально подобрали такие идеи, которые в современных исследованиях отмечены, в основном, печатью неодобрения. Однако нам не удалось выразить эти идеи в высказываниях, приведенных в опроснике, так, чтобы во всех случаях избежать игры слов и обвинений в двусмысленности. В целом, кажется вполне вероятным, что если бы этот список был предложен группе психологов, то число некомпетентных ответов не превысило бы одного процента. Различие между этим процентом и средними по группам участников данного исследования может служить грубым показателем преобладания ненаучных мнений среди образованной части нашего населения.

В исследовании в качестве испытуемых участвовали 140 женщин и 219 мужчин — студенты дневного отделения Колумбийского университета, изучавшие начальный курс психологии, студенты-вольнослушатели Колумбийского университета и студенты вечернего отделения Нью-Йоркского университета. К двум последним категориям принадлежало около 85 % испытуемых. Студенты этих групп были более зрелыми, чем студенты обычного колледжа и вполне вероятно, что данная выборка в целом в большей степени представляет людей среднего или выше среднего уровня интеллектуального и культурного развития, чем это было бы в случае, если бы мы привлекли к исследованию в качестве испытуемых студентов только дневного отделения.

Опросник предъявлялся без комментариев и обсуждения сразу после прочтения инструкции. Время ответов не регламентировалось. В некоторых случаях со стороны испытуемых были просьбы пояснить, что значит «кажется наиболее правильным». Среднее время выполнения задания составляло около 8 мин.

Обычно эти вопросы вызвали большую дискуссию; студенты просили сказать, какие ответы были правильными и сообщить результаты исследования.

Результаты опроса

Как уже говорилось, группа квалифицированных психологов отметила бы как истинные предположительно не более 1–2 % утверждений данного опросника. Интересно сопоставить эту оценку с результатами нашего исследования, представленными в табл. 2. <...>

В двух правых столбцах этой таблицы указана степень распространенности тех или иных идей, содержащихся в высказываниях. <...> В целом не заметно, чтобы порядковые шкалы в этих столбцах отличались существенным образом. Наибольшее различие обнаруживается в случае высказывания № 25, содержащего идею о том, что высокий лоб — признак большого ума, которая, как видно из таблицы, более популярна среди мужчин, чем среди женщин. Мужчины также более привержены мнению, что многие выдающиеся люди в дет-

стве были недостаточно умственно развитыми [№ 15], и что будущая мать может мысленно повлиять на характер ребенка, находящегося в ее утробе [№ 8]. Женщины оказывают небольшое предпочтение идее о том, что некоторые животные имеют такой же интеллект, как и средний человек [№ 16], и идее телепатии [№ 4]. У нас нет никакого убедительного объяснения этих различий в ответах представителей противоположных полов. Они не кажутся нам существенными. Возможно, более важным отличием является тенденция женщин отмечать большое число утверждений в качестве истинных. В среднем они отметили как истинные 41,1 % высказываний, тогда как мужчины — 35,1 %.

Таблица 2

Относительная распространенность тридцати мнений

№ высказывания	Идея высказывания	Процент испытуемых, отметивших высказывание как истинное		Степень распространенности идей	
		М	Ж	М	Ж
11	Интеллект можно повысить посредством обучения	79	80	1	2
22	Математика развивает логическое мышление	76	81	2,5	1
1	Число чувств у человека — пять	76	78	2,5	3
29	Превосходство человека — в его разуме	64	58	4	5
18	Взрослые слабеют умом от научных занятий	56	57	5	6
24	В лице проявляются умственные способности	50	62	6	4
12	Артистические натуры обнаруживаются по длине пальцев	42	52	7	9,5
6	Характер определяется по форме головы	40	51	8	11
17	Сила воли наиболее важна	30	32	9,5	9,5
25	Высокий лоб является признаком ума	30	42	9,5	19
8	Внутриутробные влияния	38	44	11,5	17,5
27	Женщины совершеннее по природе	38	53	11,5	8
15	Раннее недостаточное умственное развитие выдающихся людей	36	25	13,5	22,5
4	Телепатическое влияние при пристальном смотреии	36	56	13,5	7
26	Страх не врожден; это плохая привычка	36	47	15	15,5
23	Квадратная челюсть — признак силы воли	34	50	16,5	12,5
20	Брак между двоюродными братьями и сестрами приводит к умственной отсталости их детей	34	50	16,5	12,5
28	Бегающие глаза — признак нечестности	33	47	18	15,5
21	Одаренные дети физически менее развиты	32	33	19	21
2	Инстинктивное знание добра	31	39	20,5	10
30	Физическое заболевание вследствие размышления о нем	31	44	20,5	17,5
16	Некоторые животные имеют высоко развитый интеллект	25	48	22	14
19	Все люди рождаются с равными способностями	23	20	23	24,5
9	Женщины уступают мужчинам по интеллекту	16	5,7	24	26,5
10	Характер определяется планетами	15	20	25	24,5
14	Перелом излечивается верой	9	5,7	26	26,5
3	Линии руки предсказывают будущее	8	25	27	22,5
7	Зеленоглазые люди не заслуживают доверия	4	4	28	28
5	Число «тринадцать» связано с неудачей	1	0	29	30
13	Пятница — неудачный день	1	0,7	30	29

Р.Л. Клацки

Личные модели памяти*

Почти всегда, когда меня с кем-то знакомят и представляют как психолога, я могу ожидать примерно такого диалога:

— О... *психолог!* Прекрасно (*хихикает*), только не надо меня анализировать!

— Я не тот психолог; я не изучаю индивидуальные случаи как клиницист. Я изучаю людей вообще.

— (*Испытующе*) Что же вы изучаете у людей?

— Моя область — память человека.

— (*Настойчиво*) О, тогда, конечно, Вам надо исследовать меня. У меня ужасная память на ... . Мне никогда не удастся запомнить ... . К тому же я старею. Моя память ухудшается. Можете ли вы мне помочь?

Тут занавес опускается. Как я отвечаю — неважно. (В зависимости от обстоятельств, ответ может быть разным — в диапазоне от «запишите следующее» до лекции по теориям памяти.) Важно то, что меня как специалиста считают носителем особых, неизвестных «обыкновенным» людям знаний. И здесь нам следует рассмотреть вопрос о видах мнений о своей собственной памяти, имеющих у обычного человека. Эту группу мнений я называю личной моделью памяти.

Под личной моделью памяти я подразумеваю группу имеющих у данного субъекта и доступных высказыванию мнений относительно общей природы человеческой памяти и о своих мнемических способностях. Но почему «доступных высказыванию»? Почему требуется, чтобы человек мог выразить эти мнения, прежде чем мы признаем их в качестве части его личной модели памяти? Это условие подробнее поясняется ниже. Пока же заметим, что оно, в сущности, повторяет следующий аргумент <...> — словесные отчеты суть воплощения осознания. Разумеется, возможно, что, с одной стороны, люди знают

---

* Klatzky R.L. Memory and Awareness. N.Y.: W.H. Freeman, 1984. P. 109—134. (Перевод Ю.Б. Дормашева, Г.Ю. Любимовой.)

о памяти больше, чем им удастся высказать, а с другой стороны, могут сообщить то, о чем в действительности они не думают. Но все-таки эти высказывания являются приемлемым ключом к содержаниям личных моделей памяти. Имейте в виду, что здесь нас интересует «декларативное» знание, т.е. факты о памяти, а не процедуры, непосредственно обслуживающие поведение, связанное с памятью¹. Оценить декларативное знание можно, только дав людям высказать его.

Личная модель памяти составляет большую часть того, что Флейвелл называл метапамятью, под которой он понимал осознание памяти и «все, относящееся к запоминанию и восстановлению информации»². Согласно этому определению, область метапамяти столь широка, что включает в себя многие другие явления <...> например, чувство наличия знания и мониторинг³ памяти.

Рассмотрение моделирующего аспекта метапамяти будет проходить следующим образом. Сначала я остановлюсь на некоторых теоретических и методологических вопросах исследования личных моделей памяти. Далее я не буду возвращаться к этому предостерегающему обсуждению, а постараюсь всевозможными способами, «по колоску», собрать данные по личным моделям памяти. Действительно, об этих данных можно узнать из нескольких разных источников. Это не только традиционные (или в известной степени традиционные) психологические исследования, но и сообщения в газетах и других общедоступных средствах массовой информации. Рассмотрев популярные знания о памяти, я перейду к обсуждению сходств и различий между ее житейскими и научно обоснованными моделями. И, наконец, поделюсь своими размышлениями о возможных источниках и использовании личных моделей памяти.

---

¹ В одной из классификаций видов памяти, получившей широкое признание среди когнитивных психологов, память, по основанию ее содержания, разделяют на системы декларативной и процедурной памяти. Декларативная память имеет дело с различного рода знаниями, сведениями и фактами (т.е. с содержаниями, отвечающими на вопрос «что»). Это память на слова, определения, имена, даты, события, идеи и понятия. Дополнительно в ней проводят различие памяти семантической — на содержания, не имеющие привязки к какому-то месту и/или времени (например, знание закона Ома), и памяти эпизодической — на датированные воспоминания личного опыта (например, о первом поцелуе). Процедурная память обслуживает различные навыки и умения (т.е. содержания, отвечающие на вопрос «как», например, завязывать шнурки, плавать и читать). В отличие от декларативной памяти, она работает преимущественно на неосознаваемом уровне, автоматически (скрытым образом), при выполнении тех деятельности, которые не требуют намеренного припоминания. — *Пед.-сост.*

² См.: *Flavell J.H.* First discussant's comments: What is memory development the development of? // *Human Development*. 1971. Vol. 14. P. 272—278; *Flavell J.H.* Cognitive monitoring // *Children's Oral Communication Skills* / P. Dickson (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1981; *Flavell J.H., Wellman H.M.* Metamemory // *Perspectives on the Development of Memory and Cognition* / R.V. Kail, Jr., J.W. Hagen (Eds.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1977.

³ *Мониторинг* — непрерывное наблюдение за каким-либо процессом; в данном случае самонаблюдение за процессами своей мнемической деятельности. — *Пед.-сост.*

Во-первых, о проблемах исследования

Выясняя, что люди знают о природе памяти вообще, исследователь снова сталкивается с теми же трудностями определения знания о самом себе, о которых говорилось [ранее. — *Ред.-сост.*]. Эти проблемы приобретают решающее значение, если мы полагаем, что в состав личной памяти входят абстракции, т.е. обобщенные мнения о природе памяти и ее использовании. Эриксон и Саймон в своем обсуждении словесных отчетов подчеркивали, что когда актуализируется знание о причинах и общих принципах поведения, эти отчеты могут быть еще более ошибочными, так как ответы опрашиваемых значительно превышают ту информацию, которая может попадать в фокус их внимания⁴.

Для лучшего понимания методологических вопросов исследования мета-памяти, представьте себе затруднительное положение психолога, который пытается выявить личную модель памяти какого-то человека. Психолог начинает с прямого подхода, т.е. просто спрашивает испытуемого о том, что тот знает. Он говорит: «Расскажите обо всем, что вы знаете о памяти».

«Ну... я не знаю. Иногда я вспоминаю, а иногда забываю. Кажется, последнее время я стал более забывчивым. Я плохо запоминаю лица — это уж наверняка. Недавно я зашел в аптеку и увидел там, в очереди, кого-то...»

Здесь психолог восклицает: «Стоп!». Ясно, что повествовательный подход скорее всего приведет к чему-то вроде бестолкового рассказа, а также к смешению теории с самооценкой. К тому же маловероятно, что описание знания рассказчика о памяти, полученное таким образом, будет исчерпывающим. Большая часть этого знания может не восстановиться или остаться невысказанной. Кроме того, возникает проблема отчетливого изложения знания. Люди могут не рассказать о своем знании просто потому, что им трудно его сформулировать.

Тогда наш психолог решается на другой выбор — опросник, направленный на прямое и доскональное исследование знаний человека о памяти. «Ну-с, посмотрим, — думает психолог, — задам-ка я несколько вопросов о кодировании, несколько — о хранении и несколько — о восстановлении»⁵. Здесь можно ос-

---

⁴ См. *Ericsson K.A., Simon H.A. Verbal reports as data // Psychological Review. 1980. Vol. 87. P. 215—251.*

[Здесь автор имеет в виду то, что в данной ситуации испытуемый, во-первых, не вспомнит часть известного ему знания о памяти и, во-вторых, о другой части не станет говорить по какой-то другой причине (например, потому что сомневается в его источнике или не уверен в его правильности или точности). — *Ред.-сост.*]

⁵ Процессы памяти принято разбивать на три последовательные группы, или стадии, названные здесь кодированием, хранением и восстановлением информации. *Кодирование* — термин, обозначающий процесс или группу процессов, во-первых, ввода в систему памяти какого-то материала (информации) и, во-вторых, приведения его в форму (например, словесного или образного описания), соответствующую данной системе. *Хранение* — группа предполагаемых процессов (например, забывания), происходящих в памяти в промежутке между поступлением какого-то материала в память и его последующим использованием, которые в свою очередь предполагают процесс (например, поиска) или группу процессов *восстановления* сохраняемого материала. — *Ред.-сост.*

тановиться. Психолог, формулируя вопросы о памяти, невольно предлагает свою схему для той модели памяти, которую выявляет. Стоит ли удивляться, если в такой личной модели памяти обнаружатся знания, точно укладывающиеся в рубрики кодирования, хранения и восстановления!

Другая проблема состоит в том, что опрашиваемые могут опираться в своих ответах на то, что кажется им разумным, а не на действительно имеющееся у них знание о памяти — особенно, если данная ситуация неявно провоцирует ответ «верно». Как следствие, у них могут быть «выявлены» даже противоречивые мнения. К примеру, многократно тестированный студент без особого труда почует требование ответить «верно» на оба утверждения: «Непрерывное заучивание темы лучше, чем ее заучивание в течение того же времени, но разбитого на несколько случайных эпизодов» и «Заучивание темы в один присест хуже, чем ее заучивание в течение того же времени, но распределенного на несколько периодов». Опытный психолог таких вопросов задавать не будет, однако обнаружить более скрытые установки испытуемого ему будет нелегко.

«Ну ладно, — соглашается наш бедняга-исследователь, — тогда я пойду по другому, менее прямому пути. Я буду наблюдать за поведением и по нему судить о лежащем в его основе знании». И тут исследователь наталкивается на фундаментальную для изучения осознания проблему, а именно: какие виды поведения выступают в качестве проявлений внутреннего знания или актов, осознаваемых человеком? Для заключения о том, что у человека есть какое-то фактическое, доступное высказыванию знание о памяти, выводимое из его поведения, необходимо наличие прямой взаимосвязи между ними, т.е. между этим знанием и связанным с ним поведением не должно быть никаких разрывов. К сожалению, разрывы существуют.

Эти разрывы происходят в следующих двух направлениях. Литература, посвященная изучению развития знания о памяти, говорит о том, что дети при запоминании зачастую не применяют те приемы, о которых они знают и могут рассказать⁶. И это неудивительно, поскольку обладание знанием и его использование — вещи разные. Этот разрыв между знанием и деятельностью Флейвелл и Уэллман уподобляют разрыву между моральными убеждениями и моральным поведением, называя его разновидностью «первородного греха»⁷. Данный вид асимметрии между доступным высказыванию знанием и мнемической деятельностью означает, что при выявлении знания с опорой на поведение какие-то части личных моделей памяти будут пропущены.

---

⁶ См. обзоры: *Brown A.L.* Knowing when, where, and how to remember: A problem of metacognition // *Advances in Instructional Psychology* / R.Glaser (Ed.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1978. Vol. 1; *Cavanaugh J.C., Perlmuter M.* Metamemory: A critical examination // *Child Development*. 1982. Vol. 53. P. 11—28.

⁷ См.: *Flavell J.H., Wellman H.M.* Metamemory // *Perspectives on the Development of Memory and Cognition* / R.V. Kail, Jr., J.W. Hagen (Eds.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1977. P. 28.

Но более серьезная проблема возникает в связи с асимметрией в другом направлении — когда поведение отражает знание, которое невозможно высказать. В одном демонстрационном исследовании студентов просили предсказать, какое из двух условий заучивания приведет к лучшему запоминанию⁸. Оба условия предполагали повторение списков слов, однако в одном условии по инструкции требовалось механическое повторение этих слов, а другое провоцировало разработку этих слов по значению⁹. Несмотря на предсказание студентов о равной эффективности запоминания в этих условиях, оказалось, что при условии разработки воспроизведение было лучше. Кроме того, когда им предложили повторять списки заучиваемых слов как угодно, то они утверждали (в ответ на прямой вопрос), что повторяли механически и, тем не менее, воспроизводили больше слов, чем тогда, когда они повторяли механически согласно инструкции. Очевидно, студенты думали, что механическое повторение является эффективной стратегией заучивания, и упорно отстаивали это убеждение, несмотря на доказательство обратного, полученное на их собственном опыте. Еще важнее то, что они *отчитывались* в соответствии с этим убеждением, сообщая, что повторяют механически, даже если другие данные свидетельствовали о том, что это не так. Браун проиллюстрировала ту же проблему на примере ребенка, которого спросили, как он будет заучивать серию картинок. «Он без колебания ответил, что будет смотреть на них, — он всегда так делает, когда нужно запоминать. Получив эти картинки, он тщательно расположил их по таксономическим категориям¹⁰ <...> и стал рассматривать их по порядку. Когда мальчика спросили, что же он делал, чтобы запомнить картинки, он, как и раньше, ответил, что просто смотрел на них»¹¹.

Когда доступное высказыванию знание отстает от поведения [как в только что приведенных случаях. — *Ред.-сост.*], исследователь, пытающийся определить лежащие в основе этого поведения мнения, попадает в особенно трудную ситуацию. Что ему следует считать показателем знания, содержащегося в метапамяти, — поведение или словесный отчет? В свете того, что говорилось

---

⁸ См.: *Shaughnessy J.J.* Memory monitoring accuracy and modification of rehearsal strategies // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1981. Vol. 20. P. 216—230.

⁹ *Разработка по значению* — переработка информации на уровне ее значения, например формирование смысловых связей, внимание к значению заучиваемого материала, обдумывание этого материала и т.п. В этом случае также есть повторение, но не механическое, а осмысленное. — *Ред.-сост.*

¹⁰ *Таксономические категории* — понятия, используемые для классификации объектов в виде некоторой иерархии (соподчинения). Так, если в данном случае это были изображения предметов домашнего обихода, то ребенок мог рассортировать картинки по группам «посуды», «мебель» и «приборы» и затем, внутри этих групп, провести дополнительное различие (например, среди посуды отобрать изображения кружек, чашек и стаканов, с одной стороны, и тарелок, блюдец и мисок, с другой). — *Ред.-сост.*

¹¹ *Brown A.L.* Knowing when, where, and how to remember: A problem of metacognition // *Advances in Instructional Psychology* / R. Glaser (Ed.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1978. Vol. 1. P. 133.

<...> ответ должен быть ясен — словесный отчет. Мы видели, что разного рода поведенческие показатели не отражают сознательно переживаемых процессов переработки информации. Виды поведения с использованием стратегии запоминания выглядят как более высокоуровневые, более «когнитивные», но это вовсе не значит, что они будут осознаны. Словесный отчет может не выявить какие-то знания, лежащие в основе поведения, которые следует рассматривать как часть личной модели памяти, и в этом смысле он оказывается слишком узким. С другой стороны, он может выявить какие-то разумные соображения людей относительно того, что *надо* считать правильным, а не то, что они действительно думают, и в этом смысле он оказывается слишком широким. Все-таки, несмотря на эти ограничения, словесный отчет, по-видимому, самый подходящий показатель житейского знания и самооценки. И, как мы увидим позже, в том, что я считаю «доступными высказыванию» знаниями о памяти, я выхожу далеко за рамки узкой точки зрения.

Что же нам делать дальше?

Авторы одной из критических статей, посвященной метапамяти, утверждают, что исчерпывающий ответ на критику методов ее изучения практически невозможен¹². Я склонна согласиться с этим выводом, но не бросаю свое рискованное предприятие отчасти потому, что моя текущая цель отличается от целей других исследователей, занимающихся метапамятью. Она заключается в выяснении не того, что люди [действительно и в полном объеме. — *Ред.-сост.*] знают о памяти, а того, что они *думают*, что они знают. Иначе говоря, моя цель состоит в том, чтобы определить то житейское знание — неважно, правильное оно или ложное — которым люди, по-видимому, обладают.

Мой подход не предполагает поиска какого-то «верного» метода, с помощью которого можно выявить «подлинную» личную модель памяти. Напротив, я согласна использовать любой метод, проливающий свет на мнения о памяти. Я допускаю, что житейское знание может быть ошибочным и даже противоречивым, как оно и есть на самом деле. Я не собираюсь полностью и четко разложить его по полочкам. Вместо этого я стараюсь найти только те его составляющие, которые, во-первых, интересны, и, во-вторых, засвидетельствованы какими-то словесными данными.

Житейское знание, которое я собираю таким эклектичным¹³ и нестрогим образом, я сравниваю с теориями памяти, созданными психологами на основании результатов более традиционных исследований.

---

¹² См.: *Cavanaugh J.C., Perlmutter M. Metamemory: A critical examination // Child Development. 1982. Vol. 53. P. 11—28.*

¹³ *Эклектичный* — здесь в смысле «разнородный и широкий», а не «внутренне противоречивый». — *Ред.-сост.*

Житейская модель памяти

Данные и выводы относительно общих и специфических аспектов личных моделей памяти отыскать гораздо труднее, чем опубликованные [в научной и учебной литературе. — *Ред.-сост.*] положения психологических теорий памяти. Но все-таки многие из них можно найти, если обратиться к следующим источникам: (1) исследованиям, проведенным при помощи опросников или интервью с целью выявления мнений о памяти вообще; (2) подобным же исследованиям, но направленным на выявление оценок своих мнемических способностей; (3) экспериментам, использующим показатели поведения совместно с данными словесных отчетов для заключения относительно знания о памяти; (4) сведениям, встречающимся в газетах, книгах, фильмах и других средствах массовой информации.

Исследование общих мнений с помощью интервью

Большинство психологических исследований личных мнений о памяти направлены на изучение их развития у детей. И это не случайно, поскольку тема метапамяти прежде всего волнует психологов, изучающих развитие детей, а не познавательную деятельность взрослых. Большая часть ранних исследований выполнена Флейвеллом и его сотрудниками, которые начали с предположения, что возрастные различия в продуктивности деятельности, связанной с запоминанием, можно объяснить, обратившись к изучению развития знаний о памяти. (Позже стало ясно, каким серьезным препятствием на пути проверки этого предположения выступает вышеуказанный разрыв между знанием и поведением.)

Хотя нас интересуют модели памяти взрослых, имеются веские основания для того, чтобы начать с обзора литературы, посвященной развитию знаний о памяти у детей. С одной стороны, исследование знаний детей о памяти может сказать многое о моделях памяти взрослых, поскольку эти модели представляют собой конечные продукты развития ранних представлений. С другой стороны, психологи, изучающие развитие ребенка, выдвигают свои варианты моделей памяти взрослых, к которым, по их мнению, могут прийти в своем развитии дети. Независимо от того, когда и к каким именно моделям приходит человек в своем развитии, эти гипотетические варианты следует рассматривать как мнения исследователей, которые также входят в состав житейского знания взрослых. Они, следовательно, образуют группу интуитивных пониманий, отличающихся от моего собственного.

Одно из таких описаний конечного этапа развития знаний метапамяти детей Флейвелл и Уэллман приводят в виде классификации, охватывающей и подразделяющей широкую область явлений¹⁴. Прежде всего, авторы различа-

¹⁴ См.: *Flavell J.H., Wellman H.M. Metamemory // Perspectives on the Development of Memory and Cognition / R.V. Kail, Jr., J.W. Hagen (Eds.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1977.*

ют два больших класса представлений о памяти: (1) общую восприимчивость к ситуациям, требующим усилий, направленных на запоминание, и (2) знание переменных, которые влияют на память. Переменные, в свою очередь, разделяются на три группы — (2а) характеристики субъекта (преходящие состояния, например, мотивации, устойчивые состояния и способности); (2б) характеристики задачи (например, ключи, предлагаемые в ситуации проверки запоминания); и (2в) переменные стратегий (например, нужно или не нужно повторять запоминаемые элементы).

Целый ряд работ был направлен на верификацию¹⁵ этой схемы потенциального содержания знаний метапамяти детей и на изучение их приобретения¹⁶. Этот подход базировался, главным образом, на использовании интервью наряду с данными поведения. В первой работе Крейтцера, Леонарда и Флейвелла рассматривались варианты поведения, которые, предположительно, должны были различаться по некоторой существенной переменной в двух разных ситуациях и от которых, по-видимому, должна была зависеть продуктивность запоминания¹⁷. Кроме того, пытаясь выявить лежащее в основе такого поведения знание, они задавали вопрос «почему?». Например, ребенку говорили: «Предположим, ты захотел позвонить, и тебе дали нужный номер телефона. Будет ли какая-то разница в твоих действиях в двух следующих ситуациях: либо ты звонишь сразу <...> либо вначале идешь попить воды? Если будет, то почему?» Эти вопросы зондируют знание о забывании и вызывают декларативный ответ¹⁸.

Флейвелл и Уэллман обсуждают данные исследования Крейтцера с соавторами, а также других работ, проведенных к моменту создания вышеуказанной классификации. Они приходят к выводу о существовании данных, подтверждающих приобретение детьми знаний двух видов, соответствующих их классификации, т.е. знания относительно ситуаций запоминания и знания переменных, влияющих на запоминание. С возрастом дети становятся более восприимчивыми к требованиям прямых инструкций на запоминание, так что при наличии таких инструкций они ведут себя иначе, чем без инструкций. Они все

---

¹⁵ *Верификация* — проверка достоверности теоретических положений опытным путем. — *Ред.-сост.*

¹⁶ См. обзоры: *Flavell J.H. Metacognitive development // Structural-Process Theories of Complex Human Behavior / J.M. Scandura, C. Brainerd (Eds.). Alpen an den Rijn, Netherlands: Sitjoff and Noordhoof, 1978; Flavell J.H. Cognitive monitoring // Children's Oral Communication Skills / P. Dickson (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1981; Flavell J.H., Wellman H.M. Metamemory // Perspectives on the Development of Memory and Cognition / R.V. Kail, J.W. Hagen (Eds.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1977.*

¹⁷ См.: *Kreutzer M.A., Leonard Sr.C., Flavell J.H. An interview study of children's knowledge about memory // Monographs of the Society for Research in Child Development. 1975. Vol. 40, № 1. (Serial № 159).*

¹⁸ *Декларативный ответ* — т.е. это не значит, что ребенок будет в действительности делать, как он говорит; см. также прим. 1. — *Ред.-сост.*

лучше понимают роль субъективных переменных (например, возраста), переменных задачи (например, количества заучиваемых элементов, способа проверки запоминания, броскости заучиваемых элементов, знакомства с ними, присутствия или отсутствия интерферирующих элементов¹⁹, величины временных интервалов сохранения) и стратегий (таких как использование внешних средств, помогающих запоминанию, и планов последовательного поиска, увеличивающих эффективность припоминания). Большая часть этих знаний была извлечена при помощи вопросов «почему», т.е. в соответствии с нашим условием вербализуемости такого знания.

У взрослых при изучении метапамяти интервью берут реже, чем у детей (если не считать опросников оценки своей памяти, обсуждаемых ниже), и это не случайно, поскольку психологов очень интересует развитие памяти у детей. К исследованиям мнений о памяти взрослых подобного интереса не было. Однако недавно он появился. Психологов-экспериментаторов все чаще привлекают в качестве судебных экспертов с целью оценки показаний, даваемых свидетелями при опознании. Для того, чтобы убедить судей, что психологи знают о памяти больше, чем другие люди [в том числе судьи. — *Ред.-сост.*], необходимо вначале выяснить, каким может быть житейское знание о памяти. Следовательно, возникает необходимость в интервью со взрослыми людьми.

Лофтус опубликовала данные опроса студентов, направленного на оценку мнений по нескольким темам, связанным со свидетельскими показаниями²⁰. Оказалось, что большинство студентов «правильно» [с точки зрения здравого смысла. — *Ред.-сост.*] отвечали на вопросы о влиянии расы, стресса²¹, наличия оружия у следователя и формы допроса на показания свидетелей. Однако лишь немногие дали правильный ответ на вопрос об определенных (отрицательных) влияниях сцен насилия на показания свидетелей.

К сожалению, психологи существенно расходятся в том, какие же ответы считать «правильными». Данных, имеющих отношение к некоторым из заданных вопросов, не так уж много. Рассмотрим вопрос межрасового опознания. Хотя в некоторых работах и показано, что люди лучше опознают представителей своей расы, так происходит не всегда. В часто цитируемой работе Малпасса и Кравица этот эффект (лучшее опознание людей своей расы) обнаружен только у белых испытуемых, тогда как черные испытуемые — студенты университета, где их было больше, чем белых, — более правильно опознавали показанные им накануне лица белых, а не черных субъектов. (Количество *неправильных* опознаний ранее *не* предъявлявшихся фотографий лиц белых у

---

¹⁹ *Интерферирующие элементы* — т.е. те, заучивание которых ухудшает сохранение уже заученного материала (ретроактивная интерференция) или запоминание последующего материала (проактивная интерференция). — *Ред.-сост.*

²⁰ См.: Loftus E.F. Eyewitness Testimony. Cambridge (Mass): Harvard Univ. Press, 1979.

²¹ *Стресс* — здесь: любые обстоятельства, действительно угрожающие благополучию субъекта или воспринимаемые им как таковые. — *Ред.-сост.*

этих испытуемых было также больше, но не настолько, чтобы компенсировать преимущество в правильных опознаниях ранее виденных лиц)²².

Маклоски и Эгетс, критикуя опросниковое исследование Лофтус, полагают, что «влияния многих (если не большинства) переменных, заслуживающих внимания экспертов <...> либо плохо изучены, либо очевидны для присяжного заседателя»²³. Поскольку даже маленькие дети, по-видимому, знают о влиянии многих обычных переменных на запоминание, с этим замечанием можно согласиться. Проблема состоит в том, чтобы определить, существует ли третий класс влияний, дополнительный к классу влияний, известных наблюдательным взрослым (возможно, даже детям), и к классу влияний, не вполне понятных даже экспертам и вызывающих разногласия между ними. В этот третий, важнейший, класс вошли бы те влияния, которые хорошо и на научной основе понимают эксперты, но не понимают наблюдательные взрослые. Эти случаи, в которых житейская психология отстает от научной, и составили бы идеальную область деятельности судебной психологической экспертизы. В последующем обсуждении выделяются подобные области. Не следует забывать, что для того, чтобы помочь присяжным заседателям, показания экспертов не обязательно должны давать совершенно новое знание. Они могут повлиять на мнения правильные, но преувеличенные, а также развеять определенные мифы.

Оценка своих мнемических способностей

Обратимся теперь к вышеупомянутому виду опросниковых исследований, в которых взрослым людям задают вопросы относительно их собственных способностей, а не о принципах работы памяти вообще. Херманн провел широкий обзор исследований, применявших 14 таких опросников²⁴. Подводя итог, автор пишет об этих опросниках следующее: «Человека могут спросить, сколь *часто* он забывает, сколь *ясно* припоминает или, попросту, насколько хороша его память, *меняется* ли она, каким образом он ею *пользуется* и какой он ее *считает*. Другими словами, опросники памяти направлены на получение данных о забывании, припоминании, качестве памяти, ее изменениях, использовании и отношении к ней»²⁵. Вопросы могут быть самые разные. Например: «Насколько хорошо вы запоминаете слова песен?»; «Как часто вам не удастся узнать с

---

²² См.: *Malpass R.S., Kravitz J.* Recognition for faces of own and other race // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1969. Vol. 13. P. 330—334.

²³ См.: *McCloskey M., Eggeth H.E.* Eyewitness identification: What can a psychologist tell a jury? // *American Psychologist*. 1983. Vol. 38. P. 556.

²⁴ См.: *Herrman D.J.* Know the memory: The use the questionnaires to assess and study memory // *Psychological Bulletin*. 1982. Vol. 92. P. 434—452; а также частичный обзор: *Cavanaugh J.C., Perlmutter M.* Metamemory: A critical examination // *Child Development*. 1982. Vol. 53. P. 11—28.

²⁵ *Herrman D.J.* Know the memory: The use the questionnaires to assess and study memory // *Psychological Bulletin*. 1982. Vol. 92. P. 436.

первого взгляда известных героев телевизионных передач или других знаменитостей?»; «Согласны ли вы с утверждением: “Я часто пользуюсь записной книжкой”»?

В целом, обзор Херманна говорит о том, что опросники памяти достаточно надежны в одном смысле — при повторном тестировании [т.е. опросе. — *Ред.-сост.*] они дают близкие показатели. Следовательно, самооценки памяти людей устойчивы. Однако они далеко не столь хороши в плане предсказания мнемической деятельности. Связь между показателями опросников и показателями мнемической деятельности, как правило, слабая. Херманн провел анализ опубликованных данных о валидности девяти опросников²⁶ и обнаружил, что, хотя у четырех опросников максимальные коэффициенты валидности и достигали «умеренного» уровня (около 0,5), коэффициенты валидности тех же опросников, полученные на других выборках испытуемых, были близки к нулю. Следовательно, опросниковые исследования не дают весомого подтверждения правильности оценок своей памяти. Интересно, что та же картина (высокая устойчивость повторного тестирования, но незначительное обобщение на различные ситуации поведения) наблюдается и при измерениях личностных черт²⁷.

Многое зависит от характера и направленности опросника. В частности, получены данные, говорящие о сильной связи оценок своих способностей к зрительно-пространственному воображению и соответствующей деятельности. Маркс разработал довольно простой «Опросник живости зрительного воображения» (ОЖЗВ)²⁸, оценивающий способность испытуемого к порождению и обследованию зрительных образов²⁹. ОЖЗВ предписывает испытуемому вызвать определенные образы и оценить их живость.

Финк и Косслин предлагали испытуемым ОЖЗВ и задачу, в которой испытуемый представлял или воспринимал на самом деле пару точек, расположенных в различных местах поля зрения³⁰. Их просили сказать, могут ли они

---

²⁶ О высокой валидности теста или опросника можно говорить в том случае, если опытным путем доказано, что он позволяет оценить именно то, для чего предназначен, т.е. его показатели тесно связаны (имеют высокую корреляцию) с оценками данной способности или черты личности, проведенными какими-то другими способами. Показатели корреляции, полученные благодаря статистической обработке множества первичных данных, могут, как видно дальше по тексту автора, колебаться в диапазоне от 0 (никакой связи нет) до 1 (однозначная связь и потому полная взаимозаменяемость методов оценки). В данном случае речь идет о соответствии показателей мнемической деятельности с ответами испытуемых на пункты опросников. — *Ред.-сост.*

²⁷ См., например: *Mischel W., Peake P.K.* Beyond deja vu in the search for cross-situational consistency // *Psychological Review*. 1982. Vol. 89. P. 730—755.

²⁸ В оригинале: *Vividness of Visual Imagery Questionnaire (VVIQ)*. — *Ред.-сост.*

²⁹ См.: *Marks D.F.* Visual imagery differences in the recall of pictures // *British Journal of Psychology*. 1973. Vol. 64. P. 17—24.

³⁰ См.: *Finke R.A., Kosslyn S.M.* Mental imagery acuity in the peripheral visual field // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 1980. Vol. 6. P. 126—139.

[представлять или видеть. — *Ред.-сост.*] эти точки отдельно. Способность к такому различению была определена как функция расстояния между точками пары и позиции пары в поле зрения. Таким образом исследователи построили карты полей разрешения. У испытуемых с живым воображением (по оценкам ОЖЗВ) поля разрешения воображаемых и воспринимаемых точек оказались сходными, тогда как у испытуемых со слабым воображением поля воображаемых точек были меньше³¹, чем воспринимаемых. Большее соответствие продуктивностей деятельности в условиях восприятия и воображения у испытуемых с высокими самооценками живости воображения по сравнению с испытуемыми с низкими самооценками было показано и на материале других задач³².

В другом исследовании связи способности зрительно-пространственного воображения с деятельностью Козловски и Брайант просили испытуемых количественно оценить свое чувство направления и затем выполнить задачи на так называемую мысленную ориентировку³³. Студентам, прекрасно знающим городок университета, в котором проводилось это исследование, давали несколько задач, для решения которых необходимо было представить в уме, как расположены определенные объекты этого городка друг относительно друга, и нарисовать маршрут движения от одного объекта к другому.

Корреляции между самооценками чувства направления и ошибками в указании направления оказались довольно сильными ($-0,40$ и $-0,51$). Кроме того, у испытуемых с хорошим чувством направления происходило быстрое научение новому маршруту (уменьшение ошибок указания при повторениях мысленного прохода по нему), тогда как у испытуемых с плохим чувством направления такого научения не наблюдалось вообще.

Херманн предположил, что причина низких показателей валидности рассмотренных им опросников заключается в недостаточном сходстве показателей деятельности и оцениваемых способностей³⁴. Забывание фамилий коллег не настолько сходно с забыванием списков слов, чтобы по первому оценивать второе. Относительный успех опросников воображения и мысленной ориентировки можно объяснить хорошим соответствием того, что измеряется в деятельности, тому, что оценивается при помощи опросника.

---

³¹ По-видимому, здесь можно провести аналогию с настоящими географическими картами. У испытуемых с хорошим воображением эти карты были мелкого масштаба, а у испытуемых с плохим воображением — крупного. — *Ред.-сост.*

³² См. например: *Finke R.A., Schmidt M.J.* The quantitative measure of pattern representation in images using orientation-specific color aftereffects // *Perception and Psychophysics*. 1978. Vol. 23. P. 515—520; *Marks D.F.* Visual imagery differences in the recall of pictures // *British Journal of Psychology*. 1973. Vol. 64. P. 17—24.

³³ См.: *Kozłowski L.T., Bryant K.J.* Sense of direction, spatial orientation, and cognitive maps // *Journal of Experimental Psychology: human Perception and Performance*. 1977. Vol. 3. P. 590—598.

³⁴ См.: *Herrman D.J.* Know thy memory: The use the questionnaires to assess and study memory // *Psychological Bulletin*. 1982. Vol. 92. P. 434—452.

Другой важный момент состоит в том, что опросники, рассмотренные Херманном, составлены из вопросов, адресованных к прошлому жизненному опыту, например, как часто опрашиваемый ходит в библиотеку. Поэтому в этом случае необходимо восстановление прошедших событий, а оно может быть ошибочным. Опросники зрительно-пространственного воображения, напротив, подобных выводов не требуют. Испытуемые могут оценить свою способность к зрительному воображению во время опроса. ОЖЗВ требует именно такой непосредственной оценки собственных конкретных образов, но подобный метод можно использовать и с целью более широкой оценки способности воображения. Если меня спросят в общем, хорошо ли я мысленно представляю планы местности, я просто могу постараться вообразить какой-то конкретный план и тогда моя самооценка будет более правильной, чем самооценка, основанная на припоминании прошлых образов.

Еще одна возможность обойти эти трудности связана с тем, что самооценки более тесно коррелируют с деятельностью в тех областях, где индивидуальные различия особенно велики. В зрительно-пространственном воображении они, возможно, больше, чем при забывании фамилий. Если это так, то надо исследовать самооценки там, где обнаружены явные индивидуальные различия, а именно — в памяти на лица³⁵, в мощности³⁶ кратковременной памяти³⁷ и в понимании текстов³⁸.

Представления о памяти в средствах массовой информации

Материалы о памяти, распространяемые в газетах, книгах, кино и на телевидении, также являются весьма ценными для изучения личных моделей памяти. Эти источники стоит рассмотреть по двум причинам. Во-первых, в них отражается житейское знание и потому они говорят нам о том, какими могут быть некоторые из его содержаний. Во-вторых, они могут формировать общепринятые представления. Определить, что происходит [отражение или формирование. — *Ред.-сост.*] в каждом конкретном случае, иногда нелегко. Если какое-то произведение выходит в серии научной фантастики, читатели прекрасно понимают, что его нужно воспринимать как вымысел, а не реальность. Но труднее опознать как таковую «мнимую реальность», описываемую в статьях или художественных произведениях, авторы которых выдвигают сомнительные

---

³⁵ См.: Woodhead M.M., Baddeley A.D. Individual differences and memory for faces, pictures, and words // *Memory and Cognition*. 1981. Vol. 9. P. 368—370.

³⁶ *Мощность* (англ. capacity) или емкость, способность — предельные показатели объема и времени хранения информации, в данном случае в кратковременной памяти. — *Ред.-сост.*

³⁷ См.: Dempster F.N. Memory span: Source of individual and developmental differences // *Psychological Bulletin*. 1981. Vol. 89. P. 63—100.

³⁸ См.: Daneman M., Carpenter P.A. Individual differences in working memory and reading // *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1980. Vol. 19. P. 450—466.

предположения о природе психики и при этом невольно или намеренно делают это так, чтобы читатели воспринимали их домыслы как правдоподобные.

Разговоры о памяти в новостях и беллетристике можно свести к сообщениям одного из двух видов — тем, в которых работа памяти на удивление хороша и тем, в которых она на удивление плоха. Так, память в удивительно хорошем аспекте представлена в статьях о мнемонистах, которые в силу своей профессии или в качестве хобби приобрели умение запоминать огромное количество какого-то специфического материала, например фамилий или рядов цифр. Одна такая статья вышла под названием «Человек, который никогда и ничего не забывает»³⁹. Пожалуй, еще более коварно говорят о такого рода запоминании как о доступном любому человеку рекламные объявления курсов улучшения памяти. В журнале «Психология сегодня» под крупным заголовком «Моментальное запоминание» напечатано следующее: «Раскрепостите свою *фотографическую* память <...> Раскройте свою *естественную* способность вспоминать все»⁴⁰.

Еще одна тема, получающая в прессе обширное освещение — применение гипноза в качестве помощника памяти. Статус гипноза в этом смысле довольно спорен (см. ниже) и в газетах публикуют доводы «за» и «против», хотя и не всегда в равной мере. Мартин Ризер, психолог департамента полиции Лос-Анджелеса, ярый сторонник гипноза, утверждает, судя по напечатанному в «Лос-Анджелес Таймс», что гипноз помогает очевидцам не просто вспомнить детали преступления, но и пережить его заново так, что они «могут видеть всю картину преступления и докладывать мне о происходящем»⁴¹. Правда, в газетах появляются также и сообщения исследователей, рассматривающих гипноз как нечто, резко отличающееся от устройства прокручивания ленты памяти в обратном направлении. В той же газете, примерно через пять лет после публикации идей Ризера, вышла статья под названием «Научное исследование подвергает сомнению достоверность свидетельских показаний, полученных под гипнозом»⁴². В ней четко представлены соображения тех, кто сомневается в эффективности применения гипноза с целью пробуждения воспоминаний и, в частности, довод, что гипноз всего лишь усиливает склонность субъекта рассказывать все что угодно и в том числе свои фантазии и конфабуляции⁴³. Ясно, какая из спорящих сторон побеждает в области личных моделей памяти, не смотря на сомнения, публично высказываемые учеными. Согласно одному из

³⁹ См.: S.F.Chronicle. Sunday Punch. 1978. 25 june. P. 5.

⁴⁰ См.: Psychology Today. 1982. № 12. P. 94.

⁴¹ См.: Psychology Today. L. A. Times. 1977. 29 aug.

⁴² См.: Psychology Today. L. A. Times. 1982. 14 july.

⁴³ *Конфабуляция* — ошибка памяти, при которой нечто правдоподобное или продукт каких-то умозаключений субъекта иллюзорно (обманчиво) представляется ему как происшедшее в действительности и уместно вставляется в цепь настоящих воспоминаний. — *Ред.-сост.*

обзоров исследований, свыше 95 % студентов верят в то, что гипноз помогает выявить скрытые воспоминания⁴⁴.

Случаям наибольших провалов в памяти уделяется столь же много внимания, как и ее наибольшим достижениям. Особенно любимым объектом как «псевдореалистических» литературных сюжетов, так и газетных репортажей стала ретроградная амнезия⁴⁵. Образец вымышленного описания амнезии можно найти в кинофильме 1965 г. «Мираж», где Грегори Пек играет роль ученого, страдавшего полной потерей автобиографической памяти⁴⁶. Герой Пека прекрасно владел речью, хорошо водил машину и ориентировался в любой жизненной ситуации — он просто не помнил, кто он такой. В конце концов эта память возвратилась, возникая из восстановленных крупниц прошлого опыта. (Бедняга Пек стал «жертвой» амнезии дважды — первый раз в 1945 г. в фильме Хичкока «Завороженный»).

Несколько действительных случаев амнезии получили широкое освещение в прессе. В сентябре 1980 г. в парке штата Флорида нашли Черил Томишек — полураздетую, истощенную; речь ее была бессвязной. Она попала в фокус общественного внимания, когда по телевидению обратилась с просьбой опознать ее. Интерес публики поддерживался рядом последующих странных событий. Вначале семья Черил узнала ее, и они стали жить вместе, затем она их покинула, утверждая, что ее зовут Джейн Доу, но позже все-таки вернулась, хотя и продолжала считать, что не знает своих близких.

Итак, природа памяти в том виде, как она подается в газетах и других публичных источниках информации, предстает то в белом, то в черном цвете. И это не вызывает удивления. Большинство из нас располагает средними способностями, которые едва ли заслуживают художественного описания или освещения в рубрике газетных новостей. Складывается впечатление, что житейский взгляд на память, формируемый под воздействием этих крайностей, можно назвать моделью видеомэгнитофона. По сути, эта модель подразумевает следующее: (1) память любого человека хранит практически все, что стимулирует его органы чувств; (2) индивидуальные различия в процессе записи гораздо меньше, чем в процессе перемотки назад — некоторые люди могут воспроизвести свое прошлое так, как будто они располагают его видео- или аудиозаписью; (3) восстановление информации из памяти — это проблема доступа, а неудачи в припоминании — это результат неудач в решении пробле-

---

⁴⁴ См.: Orne M.T., Soskis D.A., Dinges D.F. Hypnotically induced testimony and the criminal justice system // Eyewitness Testimony: A Psychological Perspective / G.L. Wells, E.F. Loftus (Eds.). Cambridge, England: Cambridge University Press, 1984.

⁴⁵ *Ретроградная амнезия* — нарушение памяти, распространяющееся главным образом на припоминание событий, выполнение умений и навыков, происшедших и приобретенных в тот или иной период, предшествующий началу заболевания или травме головного мозга. — *Ред.-сост.*

⁴⁶ *Автобиографическая память* — память на события собственной жизни. — *Ред.-сост.*

мы перемотки, никакого забывания на самом деле не происходит; (4) при помощи наркотиков или гипноза и даже путем соответствующей тренировки можно изменить психику так, что обратная прокрутка записи будет возможной и там, где раньше она не удавалась; ряд участков записи в результате физической или эмоциональной травмы могут стать сплошь недоступными.

Некоторые из этих допущений не иллюстрируются приведенными выше примерами, да и публичные описания памяти не формулируют эти допущения последовательно и в таком ключе. Основное содержание этой модели представлено в рассказах о величайшей силе и полном бессилии человеческой памяти. Крайние положительные случаи подтверждают мнение о буквальной записи. Крайние отрицательные случаи также говорят о видеомэгнитофоне, правда, на этот раз, временно вышедшем из строя. Отдельные пробелы в знаниях — это стертые участки пленки. Сообщения о воскрешении утраченного знания или о приобретении умения его не терять усиливают представление этой модели о том, что все дело в восстановлении. Припомнить — это значит просто добратся туда, где есть все.

Модели памяти, обнаруживаемые в пословицах и изречениях

Далее приведены некоторые известные изречения и пословицы, связанные с памятью, научением и забыванием. Что же они говорят нам о житейских моделях? На первый взгляд, самым удивительным в этих высказываниях может показаться то, что они зачастую противоречат друг другу. При такой противоречивости этих высказываний подобрать из данного источника какую-то группу согласованных житейских мнений о памяти крайне нелегко. Однако даже противоположные изречения и пословицы, если и не могут дать согласованных ответов, то хотя бы могут заявить о тех главных вопросах, которые ставятся в житейских моделях. В отобранном нами материале поднимаются следующие вопросы: учит ли жизненный опыт лучше, чем традиционное обучение? насколько точной может быть память? как влияет на память возраст?

Пословицы и изречения, раскрывающие мнения о памяти⁴⁷

О научении

Выученное за год научит большему, чем двадцатилетний опыт (*Роджер Аскем*).

Дело, которому мы учимся, мы учим, делая его (*Аристотель*).

Мы учимся, действуя (*Джордж Герберт*).

---

⁴⁷ Пословицы цит. по: Proverbs, Maxims, and Phrases of All Ages / R. Christy (Compil.). N.Y.: G.P. Putnam's Sons, 1887; изречения цит. по: Dictionary of Quotations / B. Evans (Collect., arrang., com.). N.Y.: Delacorte Press, 1968.

О памяти

Истинное искусство памяти — это искусство внимания (*Самюэл Джонсон*).

Лжец должен иметь хорошую память (*Апулей*).

Память человека может стать искусством постоянного изменения и лже-представления его прошлого соответственно его интересам в настоящем

(*Джордж Сантаяна*).

О забывании

Кто учился, забывает с трудом (*Греческая пословица*).

Медленно забывается то, что долго заучивалось (*Сенека*).

Быстро выучено — быстро забыто (*Пословица*).

С глаз долой — из памяти вон (*Пословица*).

Нет такого воспоминания, которому бы время не положило конец (*Сервантес*).

Рана забывается скорее, чем оскорбление (*Лорд Честерфилд*).

Пей — и забудь свою нищету (*Пословица*).

О старении

Я слишком стар, чтобы учиться (*Шекспир, «Король Лир»*).

Нет человека настолько старого, чтобы он не смог чему-нибудь научиться

(*Немецкая пословица*).

Старая собака не научится новым трюкам (*Томас Д'Урфи*).

Человеку никогда не поздно учиться (*Томас Мидлтон*).

Одни пословицы и изречения отражают мнения о частных аспектах памяти, другие же, рассматриваемые по отношению ко всей системе мнений, выявляют общие проблемы. Возьмем, к примеру, высказывания о старении. Хотя изречение «учиться никогда не поздно» подразумевает, что память пожилых людей полностью сохранна, пословица о старой собаке, которая не научится новым трюкам, говорит об их плохой обучаемости. Интересно, что данная пословица, по-видимому, отражает также общее мнение, что несовершенство памяти пожилых людей распространяется на события недавнего и отдаленного прошлого в различной степени⁴⁸. Отсюда видно, что пословицы могут отражать представления о влиянии старения не только в целом, но и в частностях.

Модели житейские и модели психологические

Нам удалось обнаружить, используя различные источники, определенное возможное содержание личных моделей памяти. Теперь рассмотрим, в какой степени житейское знание о памяти соответствует научно обоснованным психологическим моделям памяти. Очевидно, что между житейскими знаниями и умозаключениями, опирающимися на данные исследований и клинических

⁴⁸ См.: *Squire L.R.* Remote memory as affected by aging // *Neuropsychologia*. 1974. Vol. 12. P. 429—435; *Warrington E.K., Sanders H.J.* The fate of old memories // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1971. Vol. 23. P. 432—442.

наблюдений, возможны отношения четырех видов: (1) психологическая теория памяти может полностью соответствовать каким-то популярным мнениям; (2) профессионалы могут знать то, что в личных моделях памяти отсутствует; (3) личные модели могут включать в себя мнения, которые не соответствуют психологическим или клиническим данным; (4) возможно, существуют явления, в отношении которых одинаково невежественны как специалисты, так и неспециалисты. Некоторые из этих отношений особенно интересны.

Моя задача заключается не только в том, чтобы показать источники, проливающие свет на содержание житейского знания. Я стараюсь разобраться, насколько верно это знание. Исследования, проведенные с помощью интервью, показывают, что мнения о природе памяти у профессионалов и широкой публики во многом совпадают. Это видно из того, что дети и взрослые могут правильно предсказать влияния различных условий на запоминание и припоминание и дать этому предсказанию разумное объяснение. Прогнозируя результаты выполнения задач, поставленных перед ними психологами, они могут правильно оценить свои мнемические способности. В сообщениях средств массовой информации, конечно же, встречаются и беспристрастные мнения о памяти, не вызывающие возражений ученых.

С другой стороны, личные и психологические модели памяти совпадают далеко не полностью. Понимание, основанное на исследовании, нередко выходит за пределы житейских знаний. О том, что со временем многое забывается, могут знать даже маленькие дети, однако эмпирическое исследование дополнительно показывает то, что скорость забывания максимальна в первый час после заучивания, а затем уменьшается⁴⁹. Мы уже видели, что самооценочный компонент личных моделей памяти в определенных областях оказывается полностью ошибочным. Но самыми интересными, вероятно, являются те сферы, где житейское знание и основанные на исследованиях научные теории вступают в конфликт. Такие житейские знания я называю «мифами о памяти», хотя, возможно, мне следовало бы назвать их «гиперболическими», потому что все они располагают элементами, подтверждаемыми исследованиями. Но независимо от названия, очевидно, что в этих случаях нет полного соответствия между популярными мнениями о памяти и результатами ее научного исследования.

Амнезия

Наш первый пример мифа о памяти связан с явлением ретроградной амнезии. Использование амнезии в качестве удобного литературного приема стало обычным делом. Так, А.Г. Вейлер, обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс», пи-

---

⁴⁹ Здесь автор, по-видимому, имеет в виду факты, впервые полученные одним из классиков и основателей научной психологии Германом Эббингаузом. В частности, еще в 80-е гг. XIX в. он провел эксперимент, в результате которого была построена кривая забывания заученных рядов бессмысленных слогов. — *Ред.-сост.*

шет о фильме «Мираж» следующее: «Амнезия, которая не дает покоя сценаристам почти также как и психиатрам, помещенная в центр загадочных обстоятельств, показана лишь частично <...>. Если зритель, подобно доброму доктору в фильме, не будет с ней тщательно разбираться, то “Мираж” будет смотреться как развлекательный боевик»⁵⁰.

Художественные описания амнезии не соответствуют медицинским и психологическим данным по ряду разных аспектов, среди которых немаловажным является частота встречаемости этого расстройства! Хотя в обычном разговоре и можно попросту сослаться на «амнезию», никакой единой формы этого синдрома⁵¹ в действительности не наблюдается. Основными критериями различения амнезий являются их причина и временная специфика. В соответствии с причиной их делят на органические, когда прослеживается связь с каким-то органическим заболеванием или с физической травмой, и психогенные (иначе называемые функциональными или истерическими), как имеющие «чисто психические» причины⁵². В соответствии с временной спецификой, амнезии делят на ретроградные, когда забывается то, что происходило до возникновения амнестического синдрома, и антероградные, заключающиеся в неспособности сохранять недавно предъявленную информацию (предъявленную после возникновения расстройства) без снижения общего интеллекта и нарушения чувства настоящего. Дальнейшую классификацию обычно проводят на основании анализа происхождения данного синдрома или места поражения головного мозга.

Сопоставимы ли данные научных исследований амнезии с ее художественным изображением, в котором мистер или миссис X, получившие удар по голове, не помнят, кто они такие, не теряя при этом умственных способностей, необходимых для развития сюжета? Психогенные амнезии могут напоминать эту литературную картинку в том, что осознаваемая больным ретроградная, протяженная во времени потеря памяти на информацию о тождестве личности, здесь действительно возможна⁵³. Однако с органическими амнезиями ее сходство минимально. [На возможность возникновения после удара. — *Ред.-сост.*] органических антероградных амнезий, при которых ухудшается запоминание новой информации, в этой литературной картине нет даже намека. В литературном описании амнезии, вызванной травмой головы, говорится только о ретроградных потерях памяти и не упоминается о антероградной составляющей. А это в

⁵⁰ NYT. 1965. 25 may.

⁵¹ *Синдром* — сочетание признаков (симптомов) того или иного заболевания, предположительно имеющих общую причину. — *Ред.-сост.*

⁵² См.: Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. 3rd ed. Washington (DC): American Psychiatric Assn., 1980.

⁵³ См.: Abeles M., Schilder P. Psychogenic loss of personal identity // Archives of Neurology and Psychiatry. 1935. Vol. 34. P. 587—604; Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Washington (DC): American Psychiatric Assn., 1980; Pratt R.T.C. Psychogenic loss of memory // Amnesia / C.W.M. Whitty, O.L. Zangwill (Eds.). L.: Butterworths, 1977.

действительности бывает крайне редко⁵⁴. Уитти и Зангвилл отмечают, что большинство ретроградных амнезий, следующих за травмой головы, распространяются на несколько *секунд*. «В случаях протяженных ретроградных амнезий всегда появляется подозрение в их психогенном происхождении, и в особенности тогда, когда нет фактов, говорящих о тяжелом поражении головного мозга»⁵⁵. Кроме того, потеря памяти при ретроградской амнезии, возникающей в результате физической травмы, не сводится только к утрате информации о тождестве личности. Голдберг и сотрудники приводят данные о больном, который забыл не только свое прошлое, но и знания общего характера, такие как название столицы Франции и имя автора «Гамлета»⁵⁶. В сообщениях газет о Черил Томишек, флоридской больной с нарушениями памяти, говорилось, что ей пришлось учиться заново таким основным умениям, как чтение, письмо и счет.

Даже психогенные амнезии не происходят в каком-то одном направлении, ограничивающем забывание только личностной информацией. Эти больные могут утратить и знания общего характера, хотя и быстро заучивают их снова⁵⁷. При этом могут выпадать даже простые виды моторного поведения, например, одевание.

Гипноз

Еще одним примером мифа о памяти является общераспространенное мнение о гипнозе как средстве выявления «скрытых» воспоминаний. И действительно, гипноз используют при расследовании преступлений там, где хотят с его помощью выудить информацию, которую восстановить иным образом не удастся. Однако экспериментальные исследования, сравнивающие гипнотические и обычные ситуации восстановления информации, занимают более осторожную позицию. Да, под гипнозом свидетель может сообщить какие-то сведения, о которых он не говорил в бодрствующем состоянии. Но для доказательства того, что здесь обнаруживается — «гипнотическая гипермнезия»⁵⁸ или действительно улучшение припоминания, этого факта далеко недостаточно. Надо еще доказать, что припоминаемая в состоянии гипноза информация верная (ведь это может

---

⁵⁴ См.: Goldberg E., Antin S.P., Bilder R.M., Jr., Gerstman L.J., Hughes J.E.O., Mattis S. Retrograde amnesia: Possible role of mesencephalic reticular activation in long-term memory // Science. 1981. Vol. 213. P. 1392—1394.

⁵⁵ Whitty C.W.M., Zangwill O.L. Traumatic amnesia // Amnesia (2nd ed) / C.W.M. Whitty, O.L. Zangwill (Eds.). L.: Butterworths, 1977. P. 129.

⁵⁶ См.: Goldberg E., Antin S.P., Bilder R.M. et al. Retrograde amnesia: Possible role of mesencephalic reticular activation in long-term memory // Science. 1981. Vol. 213. P. 1392—1394.

⁵⁷ См.: Pratt R.T.C. Psychogenic loss of memory // Amnesia / C.W.M. Whitty, O.L. Zangwill (Eds.). L.: Butterworths, 1977.

⁵⁸ Гипермнезия — аномалия или расстройство памяти, заключающееся в избыточном, далеко выходящем за пределы нормального и необходимого, запоминании и восстановлении любого материала; явление, обратное амнезии. — *Ред.-сост.*

быть конфабуляция). Кроме того, необходимо проконтролировать, является ли это увеличение количества сообщаемого материала следствием влияния именно гипноза. Ни то, ни другое в этих условиях, как правило, не делается.

Для того, чтобы показать влияние гипноза на припоминание, надо провести сравнение припоминания двух групп испытуемых, одна из которых при восстановлении получает гипнотические инструкции, а другая не получает, и все это при условиях, позволяющих оценить правильность восстановленной информации. Эти требования легко сформулировать, но трудно осуществить на деле. Обе группы должны быть уравнены по критерию внушаемости испытуемых (почему это важно — показано ниже) и по степени мотивации в получении этих инструкций⁵⁹. Еще один важный момент заключается в том, что испытуемым, пытающимся восстановить информацию под гипнозом, часто дают дополнительные инструкции на повторное переживание припоминаемого события во всех деталях. В той степени, в какой эта «видеотехника» увеличивает сходство между оригинальными событиями и событиями в ситуации тестирования и подталкивает к порождению ключей восстановления, продуктивность припоминания может улучшиться, причем совершенно независимо от гипнотического внушения. Контрольной группе бодрствующих испытуемых надо давать те же инструкции, но так делается не всегда⁶⁰. Следующее важное требование предъявляется к выбору показателей припоминания, используемых в такого рода экспериментах. Необходимо учитывать не только правильные, но и ошибочные ответы. Если гипноз увеличивает всего лишь готовность сообщить о чем-то как о припоминаемом, а не количество восстановленного материала, то может возрасти число как правильных, так и ошибочных ответов⁶¹. Под гипнозом испытуемые могут сообщить о каких-то смутно припоминаемых действительных подробностях данного события, о которых они не стали бы говорить в бодрствующем состоянии, и по той же причине в их ответах может увеличиться число конфабуляций и вторжений деталей других событий. В тесте на узнавание⁶² у них может произойти увеличение количества узнаваний не только ранее предъявленных элементов, но и

---

⁵⁹ См.: *Barber T.X., Spanos N.P., Chaves J.F.* Hypnotism: Imagination and Human Potentialities. Elmsford, N.Y.: Pergamon, 1974.

⁶⁰ См. напр.: *Zelig M., Beidelman W.B.* The investigative use of hypnosis: A word of caution // *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*. 1981. Vol. 29. P. 401—412.

⁶¹ См.: *Klatzky R.L., Erdelyi M.* The response criterion problem in tests of hypnosis and memory. Manuscript in preparation; *Orne M.T.* On the social psychology of the psychological experiment: With particular reference to demand characteristics and their implications // *American Psychologist*. 1962. Vol. 17. P. 776—783.

⁶² *Тест на узнавание* — классический, традиционный метод исследования памяти. Сохранение запоминаемого материала, т.е. его наличие в памяти испытуемого, проверяют путем смешения его элементов с другими элементами того же рода, не предъявлявшимися при припоминании, и последующего предъявления этого смешанного ряда для опознания. Испытуемый должен указать те элементы, которые запоминал. — *Ред.-сост.*

количества ошибочных узнаваний среди ранее не предъявленных элементов. Эту возможность не всегда принимают в расчет.

В свете экспериментов, проведенных с учетом некоторых из этих требований, громкие заявления об эффективности применения гипноза в качестве средства, помогающего припоминанию, выглядят совершенно неоправданными⁶³. В некоторых исследованиях показано улучшение припоминания под гипнозом⁶⁴, но в других работах никакой разницы в припоминании загипнотизированных и бодрствующих испытуемых обнаружено не было⁶⁵. Там, где получен положительный эффект, как правило, не исключена возможность, что его причиной была готовность к сообщению, а не увеличение объема восстанавливаемого материала. У гипноза могут быть и другие, более тонкие эффекты, оценить которые нелегко. Опубликованы факты, свидетельствующие о том, что гипноз увеличивает *уверенность* сообщений о припоминаемом материале⁶⁶. Отсюда вытекает прямое следствие для практики судопроизводства — поскольку для присяжных уверенность свидетелей имеет немаловажное значение, то они могут поверить показаниям, данным под гипнозом, только потому, что эти показания уверенные, а не потому, что они точные.

В прямое противоречие с идеей, что гипноз увеличивает точность припоминания, вступают некоторые факты, говорящие о том, что гипноз может повысить восприимчивость к воздействиям информации, наводящей на ложный путь. Путнам и Зилайг с Биделман исследовали эффекты наводящих на ложный путь вопросов, заданных бодрствующим и находящимся под гипнозом испытуемым во время тестирования памяти⁶⁷. Во втором из этих исследований испытуемые смотрели фильм о несчастных случаях на производстве. Затем бодрствующим и загипнотизированным задавали наводящие вопросы, предполагающие то, чего на самом деле в фильме не было. Например: «Заметили ли

---

⁶³ См. обзоры: *DePiano, Salzburg*, 1981; *Sheehan P.W., Tilden J.* Effects of suggestibility and hypnosis on accurate and distorted retrieval from memory // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1983. Vol. 9. P. 283—293.

⁶⁴ См.: *DePiano, Salzburg*, 1981; *Dhanens T.P., Lundy R.M.* Hypnotic and waking suggestions and recall // *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*. 1975. Vol. 23. P. 68—79.

⁶⁵ См.: *Putnam B.* Hypnosis and distortions in eyewitness memory // *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*. 1979. Vol. 27. P. 437—448; *Sheehan P.W., Tilden J.* Effects of suggestibility and hypnosis on accurate and distorted retrieval from memory // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1983. Vol. 9. P. 283—293; *Zelig M., Beidelman W.B.* The investigative use of hypnosis: A word of caution // *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*. 1981. Vol. 29. P. 401—412.

⁶⁶ См.: *Sheehan P.W., Tilden J.* Effects of suggestibility and hypnosis on accurate and distorted retrieval from memory // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 1983. Vol. 9. P. 283—293; *Zelig M., Beidelman W.B.* The investigative use of hypnosis: A word of caution // *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*. 1981. Vol. 29. P. 401—412.

⁶⁷ См.: *Putnam B.* Hypnosis and distortions in eyewitness memory // *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*. 1979. Vol. 27. P. 437—448; *Zelig M., Beidelman W.B.* The investigative use of hypnosis: A word of caution // *International Journal of Clinical and Experimental Hypnosis*. 1981. Vol. 29. P. 401—412.

вы мужчину в защитных очках <...>?» (здесь явно намекают, что им действительно показывали какого-то определенного человека). В той и другой работе испытуемые гипнотической группы чаще отвечали на подобные вопросы утвердительно, чем испытуемые бодрствующей группы.

Наводящие вопросы, заданные испытуемым во время гипноза, могут не только привести к уступчивым ответам в этот период, но и повлиять на последующие сообщения о расспрашиваемом событии. Лоуренс и Перри показали эту форму искажений памяти: загипнотизированным испытуемым давалась инструкция воспроизвести в переживании одну из ночей прошедшей недели и при этом спрашивалось, не разбудил ли их громкий шум⁶⁸. Позже, после гипноза, почти половина испытуемых сообщали о предполагаемом шуме и настаивали на своем даже после того, как им сказали, что это было всего лишь предположение гипнотизера.

Однако исследования влияний ложно наводящей информации на загипнотизированных и бодрствующих испытуемых не совсем однородны. Шихан и Тилден использовали не прямые вопросы, а методику, разработанную Лофтус, Миллер и Бернз, в которой ложная информация вводилась косвенным образом⁶⁹. После просмотра ряда слайдов, изображающих случай карманной кражи, испытуемым предъявляли либо ложно наводящую информацию по данному преступлению (например, вопрос, в котором фигурировал магазин женской одежды, в то время как на слайдах был магазин мужской одежды), либо нейтральную информацию⁷⁰. Затем им предлагали тест на узнавание, в котором нужно было выбрать утверждения, соответствующие данному событию, среди утверждений с той же ложной информацией. Испытуемые, как бодрствующие, так и находившиеся под гипнозом, почти в равной мере склонялись к выбору ранее предъявленной ложной информации. Эти эффекты ложно наводящей информации не были связаны с показателями гипнотической внушаемости (полученными при помощи стандартного теста⁷¹). Следовательно, здесь не

---

⁶⁸ См.: *Laurence J.-R., Perry C.* Hypnotically created memory among highly hypnotizable subjects // *Science*. 1983. Vol. 222. P. 523—524.

⁶⁹ См.: *Sheehan P.W., Tilden J.* Effects of suggestibility and hypnosis on accurate and distorted retrieval from memory // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*. 1983. Vol. 9. P. 283—293; *Loftus E.F., Miller D.G., Burns H.J.* Semantic integration of verbal information into a visual memory // *Journal of Experimental Psychology: Human Learning and Memory*. 1978. Vol. 4. P. 19—31.

⁷⁰ В экспериментах участвовали, по-видимому, четыре группы испытуемых. В двух основных группах (под гипнозом и без гипноза) давали ложно наводящую информацию. В двух контрольных группах (под гипнозом и без гипноза) дополнительная информация была нейтральной, т.е. не имеющей прямого отношения к увиденному эпизоду. — *Ред.-сост.*

⁷¹ Существуют стандартные (общепринятые и нормированные) методики определения внушаемости человека. Например, в одной из самых простых и надежных проб испытуемого, находящегося в своем обычном бодрствующем состоянии, просят, не закрывая век, как можно выше закатить глаза. Показано, что чем больше такой поворот, тем выше степень внушаемости. — *Ред.-сост.*

было получено доказательств того, что гипноз повышает восприимчивость к искажению (как, разумеется, и того, что он ее *понижает*). Однако, когда испытуемых попросили описать увиденное событие, люди с высокой внушаемостью ошибочно «воспроизводили» большее число подробностей, чем люди с низкой внушаемостью. Ложно наводящая информация эту тенденцию к ошибочному воспроизведению не усиливала. Напротив, при условии нейтральной информации данная тенденция у этих испытуемых оказалась даже более явно выраженной. Эти данные говорят о возможной общей связи между внушаемостью и готовностью высказать любые правдоподобные мнемические ответы.

Улучшает ли гипноз память на самом деле или только усиливает уверенность, готовность высказаться или даже фантазию? Большинство ученых, пожалуй, скажут, что на основании проведенных исследований занимать ту или иную позицию было бы преждевременным. Как мы видели, личные представления людей о памяти не столь осторожны.

Фотографическая память

Реклама «моментального запоминания», о которой говорилось выше, привлекает людей, верящих, что запоминание может быть у кого-то подобным фотографированию. Насколько популярно это мнение, я знаю из собственного опыта работы в качестве преподавателя, ведущего занятия по курсу «Психология человеческой памяти». Найссер отметил то же самое⁷². Как правило, оно обнаруживается в виде рассказа о каком-то известном тому или иному студенту или студентке человеке, который обладает удивительной способностью вызывать из памяти настолько детальные образы, что их можно читать как книжку или разглядывать как картинку. (При этом в голосе рассказчика обычно звучит нотка зависти — ведь пользуясь такими образами, можно легко сдавать экзамены). Примечательно, что не было ни одного случая, когда кто-нибудь из этих студентов обладал такой способностью сам. Они всегда ссылаются на какое-то отдаленное знакомство — на друга своего друга, или на бывшего и давно потерянного из виду одноклассника.

К тому, что другие принимают с легкостью, исследователи относятся недоверчиво. Среди явлений, описанных в психологической литературе, феномен *эйдетических* образов приближается к фотографической памяти более всего⁷³. Обычно при исследовании этого феномена испытуемых просят внима-

---

⁷² См.: *Neisser U. Memory Observed. San Francisco: W.H. Freeman, 1982.*

⁷³ См.: *Gray C.R., Gummerman K. The enigmatic eidetic image: A critical examination of methods, data, and theories // Psychological Bulletin. 1975. Vol. 82. P. 383—407; Haber R.N. Twenty years of haunting eidetic images: Where's the ghost? // The Behavioral and Brain Sciences. 1979. Vol. 2. P. 583—594; Haber R.N., Haber R.B. Eidetic imagery: 1. Frequency // Perceptual and Motor Skills. 1964. Vol. 19. P. 131—138; Leask J., Haber R.N., Haber R.B. Eidetic imagery in children: II. Longitudinal and experimental results // Psychonomic Monograph Supplements. 1968. Vol. 3, № 3. (Whole № 35).*

тельно рассмотреть какую-то картинку и сформировать ее образ. Затем картинку убирают и тут же выясняют характеристики этого образа. «Эйдетический» образ — это представление [ранее показанного. — *Ред.-сост.*] оригинала, подобное в определенных отношениях его изображению на картине, а «эйдетики» называют людей, способных сформировать такое представление. Но в чем же заключается это сходство с картиной? Психологи не могут увидеть образы, возникающие у другого человека, и потому используют несколько общепринятых обязательных критериев, согласно которым наличие эйдетического образа можно считать установленным⁷⁴. Среди них, в частности, следующие: у испытуемого должно быть субъективное впечатление, что принадлежащий ему образ расположен перед ним, и что он не вспоминает картинку, а видит ее прямо сейчас; он может его рассматривать, перемещая свой взгляд, и при этом образ не должен двигаться вместе с глазами; направления его взора во время отчета о каких-то деталях образа должны соответствовать позициям этих деталей в оригинальном изображении; образ должен соответствовать оригиналу по цвету.

Разве это не фотографическая память? Возможно и так, если бы не несколько проблем, возникших по ходу изучения этого феномена. Одна из них — редкость данного явления. Несмотря на повсеместные поиски людей, у которых могут быть образы, отвечающие указанным критериям (в том числе путем призывов в психологических учебниках), людей, претендующих на эйдетизм, оказалось очень мало. Почти все эйдетики были обнаружены среди детей. Но даже среди этой возрастной категории к ним относилось только около 5 %⁷⁵. Взрослых практически не было обнаружено. Правда, появилось одно сообщение о взрослом эйдетике, необычайные способности которого далеко выходили за рамки того, что делают дети⁷⁶. Например, он мог после исчезновения очень сложных эйдетических образов, вернуть их из памяти. Однако исследование этого случая повторно не проводилось и потому на его основе что-либо говорить или делать какие-то обобщения трудно. С другой стороны, в исследовании нормальных взрослых, проведенном с помощью стандартных процедур, не было выявлено ни одного эйдетика⁷⁷.

В исследованиях детей-эйдетиков обнаружилась еще одна проблема. В действительности ошибочно называть такие образы «фотографическими».

---

⁷⁴ См.: *Haber R.N., Haber R.B.* Eidetic imagery: 1. Frequency // *Perceptual and Motor Skills*. 1964. Vol. 19. P. 131—138; *Leask J., Haber R.N., Haber R.B.* Eidetic imagery in children: II. Longitudinal and experimental results // *Psychonomic Monograph Supplements*. 1968. Vol. 3, № 3. (Whole № 35).

⁷⁵ См.: *Gray C.R., Gummerman K.* The enigmatic eidetic image: A critical examination of methods, data, and theories // *Psychological Bulletin*. 1975. Vol. 82. P. 383—407.

⁷⁶ См.: *Stromeyer C.F., Psotka J.* The detailed texture of eidetic images // *Nature*. 1970. Vol. 225. P. 346—349.

⁷⁷ См.: *Gummerman K., Gray C.R., Wilson J.M.* An attempt to assess eidetic imagery objectively // *Psychonomic Science*. 1972. Vol. 28. P. 115—118.

По-видимому, эйдетические образы появляются и исчезают кусками, так что представлена может быть только часть картинки. Детальный отчет об этих образах возможен не всегда, и вообще точность отчета в этих исследованиях не рассматривается в качестве наилучшего показателя способности воображения⁷⁸. Большинство эйдетиков не может вернуть образ предъявленной картинки после того, как он исчез, и поэтому его нельзя использовать при отсроченном воспроизведении [например, в качестве средства, помогающего сдать экзамены. — *Ред.-сост.*]⁷⁹. Эйдетическая способность, по-видимому, слабо коррелирует с другими показателями продуктивности запоминания⁸⁰. Коротко говоря, эйдетическая память в действительности не соответствует тому, что большинство людей считает фотографической памятью. Хабер приходит к следующему выводу: «По-видимому, эти образы построены или организованы так же, как и вербальная память⁸¹, т.е. одни зрительные детали пропущены, другие сдвинуты, третьи добавлены. Таким образом, содержание эйдетического образа тоже [субъективно. — *Ред.-сост.*] организовано, а не является простым внутренним трафаретом или фотографией данного стимула»⁸².

Все вышесказанное не означает, что не существует взрослых, способных формировать яркие и детальные образы, или нет людей с исключительной памятью, использующих воображение как средство усиления памяти. Напротив, сведения о людях с исключительным воображением и феноменальной памятью подтверждены документально⁸³. Здесь мы только хотим подчеркнуть, что эйдетические образы как наиболее вероятные кандидаты на фотографическую память встречаются очень редко и далеко не фотографичны. Эта разница между тем, что получено в экспериментальном исследовании и тем, что по обыкновению считают существующим, помещает фотографическую память в ряд мифов памяти.

Старение и память

В качестве нашего последнего кандидата в мифы о памяти рассмотрим влияния, оказываемые на память старением. Обычно думают, что пожилые люди

---

⁷⁸ См.: *Haber R.N.* Twenty years of haunting eidetic images: Where's the ghost? // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1979. Vol. 2. P. 583—594.

⁷⁹ См.: *Leask J., Haber R.N., Haber R.B.* Eidetic imagery in children: II. Longitudinal and experimental results // *Psychonomic Monograph Supplements*. 1968. Vol. 3, № 3. (Whole № 35).

⁸⁰ См.: *Paivio A., Cohen M.* Eidetic imagery and cognitive abilities // *Journal of Mental Imagery*. 1979. Vol. 3. P. 53—64.

⁸¹ *Вербальная память* — здесь: способность припоминания ранее заученных или прочитанных письменных текстов (например, поэмы) или услышанных устных высказываний. — *Ред.-сост.*

⁸² *Haber R.N.* Twenty years of haunting eidetic images: Where's the ghost? // *The Behavioral and Brain Sciences*. 1979. Vol. 2. P. 590.

⁸³ См. напр.: *Neisser U.* *Memory Observed*. San Francisco: W.H. Freeman, 1982.

с трудом вспоминают события недавнего прошлого⁸⁴, тогда как более отдаленное прошлое остается живым и легко доступным воспроизведению. Это мнение перекликается с изречением о старых собаках и новых трюках, которое говорит о том, что пожилые не могут научиться чему-то новому и, кроме того, подразумевает, что они лучше помнят то, чему научились давно.

Исследования показывают, что память на события, происшедшие в течение жизни, явно ухудшается с возрастом, но не подтверждают мнение, что здоровые пожилые люди (а именно, без сенильных нарушений⁸⁵) помнят прошлое гораздо лучше, чем настоящее⁸⁶. Стараясь выяснить этот вопрос, исследователи проверяли память взрослых различных возрастов о политических событиях, прославленных людях и другой информации, которую они, вероятно, получали в какой-то ограниченный и определенный период своего прошлого. Воспроизведение или узнавание этой информации проверялось в каждой из нескольких возрастных групп. Затем средние по группе показатели продуктивности припоминания откладывались на графике вдоль оси предполагаемого времени, когда эти сведения могли быть получены. Например, мы могли бы проверить узнавание лиц кинозвезд 80-х, 70-х гг. и предыдущих десятилетий, т.е. столько, сколько захотим.

Если мнение, что пожилые люди помнят далекое прошлое лучше, чем недавнее, правильно, то можно предположить, что функции, связывающие продуктивность припоминания с временем получения этих сведений, будут резко отличаться у разных возрастных групп. У взрослых среднего возраста должна быть обычная функция забывания: чем раньше заучено, тем хуже припоминание. У пожилых взрослых должно наблюдаться обратное: чем раньше заучено, тем лучше припоминание или, по меньшей мере, у них должна быть более пологая функция забывания⁸⁷. То есть, даже если они помнят далекое прошлое хуже недавнего, большая склонность к забыванию недавних событий должна особенно понизить ту часть кривой, которая соответствует этим событиям. Следовательно, разница между припоминанием недавних и отдаленных событий у пожилых должна быть минимальной.

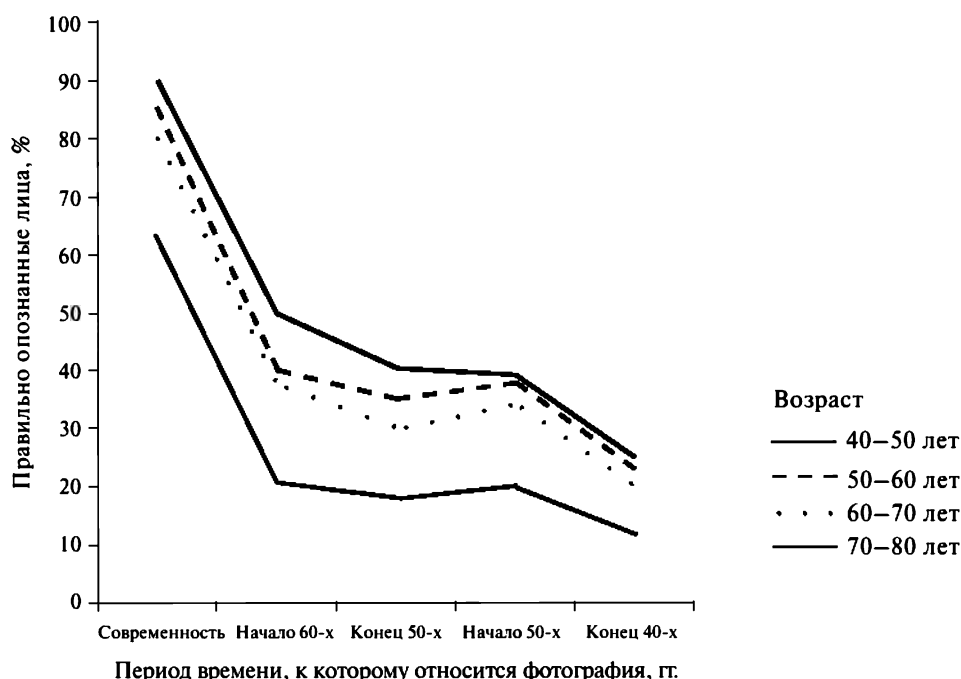
---

⁸⁴ См.: *Squire L.R.* Remote memory as affected by aging // *Neuropsychologia*. 1974. Vol. 12. P. 429—435; *Warrington E.K., Sanders H.J.* The fate of old memories // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1971. Vol. 23. P. 432—442.

⁸⁵ *Сенильные нарушения* — психические расстройства лиц преклонного возраста, возникающие в результате возрастных органических изменений тканей головного мозга. — *Пед.-псих.*

⁸⁶ См.: *Squire L.R.* Remote memory as affected by aging // *Neuropsychologia*. 1974. Vol. 12. P. 429—435; *Warrington E.K., Sanders H.J.* The fate of old memories // *Quarterly Journal of Experimental Psychology*. 1971. Vol. 23. P. 432—442.

⁸⁷ Указанные функции забывания не следует путать и сравнивать с кривой забывания Эббингауза (см. с. 542 и прим. 49), поскольку они получены на другом материале и другим методом. — *Пед.-псих.*

Рис. 1. Продуктивность припоминания событий далекого и недавнего прошлого испытуемыми разных возрастных групп: по оси ординат — число правильно опознанных по фотографиям людей, широко известных когда-то в прошлом; по оси абсцисс — период времени, к которому относятся фотографии⁸⁸

На самом деле, такого рода исследования не подтверждают мнение о большей потере памяти на недавние события у людей старшего возраста⁸⁹. Эти исследования показывают общее ухудшение памяти, в результате чего функции, связывающие продуктивность припоминания со временем получения сведений, у старших возрастных групп повсюду ниже, чем у младших. Продуктивность припоминания пожилых нигде не выходит на уровень людей среднего возраста. Однако ухудшение припоминания в зависимости от времени получения сведений происходит у испытуемых разных возрастных групп почти одинаковым образом. Уоррингтон и Сандерз получили для возрастных групп в диапазоне от 40 до 70–80 лет удивительно сходные и обычные по форме функции забывания⁹⁰. На рис. 1 приведены результаты одного из проведенных ими экспериментов, говорящие о том, что более отдаленные события припоминаются хуже, чем не-

⁸⁸ См.: Warrington E.K., Sanders H.J. The fate of old memories // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1971. Vol. 23. P. 432–442.

⁸⁹ См.: Squire L.R. Remote memory as affected by aging // Neuropsychologia. 1974. Vol. 12. P. 429–435; Warrington E.K., Sanders H.J. The fate of old memories // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1971. Vol. 23. P. 432–442.

⁹⁰ См.: Warrington E.K., Sanders H.J. The fate of old memories // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1971. Vol. 23. P. 432–442.

давние, в равной степени как пожилыми, так и более молодыми по возрасту людьми. Сквайр получил несколько необычную функцию забывания, в которой продуктивность припоминания оказалась выше всего для сведений, усвоенных в промежутке между далеким и недавним прошлым. Однако форма кривых забывания для всех возрастных групп, за исключением младшей, также оказалась сходной⁹¹. Хотя это и говорит о том, что различный материал на протяжении лет, прошедших со времени его усвоения, помнится по-разному, но все же не означает, что пожилые люди забывают иначе, чем молодые.

Итак, исследования памяти, по меньшей мере, на разного рода публичные события, по-видимому, не подтверждают мнение о том, что в памяти пожилых людей далекое прошлое законсервировано. Тому, кто утверждает, что «старым собакам» трудно научиться новым трюкам и нелегко их вспоминать, необходимо учитывать, что они с трудом вспоминают и старые трюки.

Откуда и как приобретается житейское знание?

Как же образуются личные модели памяти? Данный вопрос представляет собой один из вариантов фундаментального вопроса относительно процессов рассуждения и умозаключения, организующих в памяти новые «факты». Эти процессы можно описать как начинающиеся с какой-то группы умственных представлений (начальных сведений и связанных с ними знаний) и с каких-то «данных», иначе говоря с посылок, которые человек восстанавливает из памяти, опираясь на определенную, ключевую и перцептивно доступную информацию. Отсюда путем процессов рассуждения он приходит к новым умственным представлениям, т.е. к выводам или новым мнениям.

В случаях, когда мнения становятся частью личной модели памяти, число потенциальных источников данных очень велико. К ним относятся наблюдения за собственным поведением и поведением других людей. Какую-то долю этой базы данных образуют прямые поучения и высказывания учителей и знакомых. Кроме того, описания памяти встречаются и в более распространенных источниках, таких как книги и газеты. Человеку, формирующему модель памяти, доступны все те источники, о которых я говорила выше, когда пыталась разобраться с общим содержанием таких моделей.

Существует не только множество источников данных, но и множество процессов рассуждения, которые могут быть использованы применительно к этим данным для присоединения мнений к личной модели памяти. Психологи описывают эти процессы под такими, помимо прочих, рубриками, как индуктивное и дедуктивное мышление, формирование понятий, проверка гипотез и

---

⁹¹ См.: *Squire L.R. Remote memory as affected by aging // Neuropsychologia. 1974. Vol. 12. P. 429—435.*

абстракция прототипов. Сюда относятся процессы принятия решений и «конструктивные» процессы <...>. Формирование новых представлений изучают во всех областях экспериментальной психологии — есть умозаклучения социальные, личностные и познавательные; рассуждение меняется по ходу возрастного развития и характеризуется индивидуальными различиями.

Теории рассуждений и умозаклучений человека нередко делают акцент на рациональность и правильность этих процессов. Низбетт и Росс, напротив, обратили большее внимание на их возможную *ошибочность*, проследив, к какому множеству ошибок приводят две стратегии, впервые описанные Тверски и Канеманом⁹² <...> как эвристики⁹³ «доступности» и «репрезентативности»⁹⁴. Напомним, что эвристика доступности — это руководящее правило, согласно которому люди приходят к выводу о частоте или вероятности событий; оно утверждает, что вспоминаемость, а также доступность событий воображению и восприятию являются хорошими показателями частоты, с которой эти события происходят. Эвристика репрезентативности используется при категоризации объектов: она относит данный объект к той или иной категории в зависимости от степени его сходства с нормой категории. Низбетт и Росс добавили к этим эвристикам принцип «заметности», который утверждает, что в процессе умозаклучения больший вес придается более броской информации, возможно потому, что она более доступна в памяти. Авторы предполагают, что эти эвристики применяются, «как правило, автоматическим, бездумным образом и весьма проворно избегают любого сознательного анализа их уместности»⁹⁵. В этом бездумном их применении и состоит проблема.

Нередко эвристики доступности и репрезентативности служат прекрасными орудиями правильного рассуждения. <...> Однако суть эвристик заключается в том, что они являются лишь общими руководствами, а не жесткими правилами, всегда гарантирующими успех. В случаях неуместного использования они приведут к ошибкам. Как отмечают Низбетт и Росс, эвристика доступности терпит крах, если действительная частота или вероятность данного события не коррелирует⁹⁶ с его перцептивной или когнитивной доступностью. Ясное и

---

⁹² См.: Tversky A., Kahneman D. Belief in the law of small numbers // Psychological Bulletin. 1971. V. 76. P. 105—110; Nisbett R., Ross L. Human Inference: Strategies and Shortcomings of Social Judgment. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1980.

⁹³ *Эвристика* — общий методический прием, позволяющий резко сократить пространство поиска способов решения задачи. — *Пед.-сост.*

⁹⁴ *Репрезентативность* — букв. — представительность; иначе говоря, типичность какого-то субъекта, объекта, явления, события или процесса. Та или иная вещь будет репрезентативна в той степени, в какой она располагает свойствами, общими для всех элементов того множества, к которому она принадлежит и которое она может репрезентировать. — *Пед.-сост.*

⁹⁵ Nisbett R., Ross L. Human Inference: Strategies and Shortcomings of Social Judgment. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1980. P. 18.

⁹⁶ *Корреляция* — степень связи двух явлений; о корреляции говорят в том случае, если изменение одного из них сопровождается изменением другого, и наоборот. — *Пед.-сост.*

легкое припоминание редкого, но броского события может завесить оценку его вероятности. Или же приведем пример с безработными, которые переоценивают общий уровень безработицы, потому что часто видят множество других безработных, когда стоят в очереди за пособием.

Использование эвристики репрезентативности также приведет к ошибке, если репрезентативность не является хорошим показателем принадлежности к категории. Этим можно объяснить обычную склонность думать, что случайно образованные последовательности, которые выглядят регулярными, например, 12345, на самом деле не случайны. Хотя данная последовательность столь же вероятна, как и любая другая пятерка цифр, она не репрезентирует продукцию генератора случайных чисел и потому считается неслучайной⁹⁷.

Не представляет особого труда провести связь между распространенными мифами о памяти и эвристиками доступности и репрезентативности. Газеты, строго придерживаясь фактов, все-таки могут исказить взгляды людей на память, потому что своими статьями и новостями обеспечивают читателям широкий доступ к сведениям о необычных способностях памяти. Исключительные способности и расстройства памяти несомненно являются броскими и, следовательно, более запоминающимися, ведь поэтому они и становятся «новостями». Благодаря эвристике доступности частота встречаемости людей с феноменальной памятью или необыкновенных потерь памяти может быть сильно преувеличена.

Эвристики доступности и репрезентативности могут также играть главную роль в формировании мнений о влиянии старения на память. Согласно Низбетту и Россу⁹⁸, одним из последствий эвристики репрезентативности является склонность объяснять какой-то эффект причинами, подобными причинам других, схожих с ним эффектов. Старение является «причиной» или, по меньшей мере, коррелирует с общим ухудшением памяти (но, как мы видели, не преимущественно на недавнее прошлое). Человек преклонных лет, позабыв, например, куда он положил ключи от дома, может приписать это старению. Склонность обвинять во всех оплошностях памяти старение может существовать просто потому, что с возрастом связаны лишь какие-то определенные недостатки памяти. В этом случае эвристика доступности тоже может привести к ошибкам. Когда оплошности памяти проявляются в виде заметных событий, то пожилой человек может субъективно завесить частоту, с которой они происходят на самом деле. Еще важнее то, что он может оценивать свою память, сравнивая припоминание будничных текущих событий с яркими и частыми воспоминаниями событий прошлого. Память на события прошлого будет переоцениваться благодаря доступности соответствующих воспоминаний, и в результате возникнет мнение, будто память на недавнее прошлое хуже, чем на далекое.

---

⁹⁷ См.: *Nisbett R., Ross L. Human Inference: Strategies and Shortcomings of Social Judgment. Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1980.*

⁹⁸ См.: Там же.

Применение эвристик связано с более общей потребностью в экономной переработке информации. Правила-указания (*rules of thumb*) позволяют устранить необходимость сбора и оценки большого количества данных. Теряя в точности, мы выигрываем в скорости и легкости. Человек, использующий эвристики, подобен страховой компании, которая ущемляет интересы здоровых людей конкретной возрастной группы и поощряет больных, когда устанавливает равную для всех величину взносов из расчета медицинских расходов человека среднего возраста, слабого здоровьем. Еще одним проявлением того же стремления к экономному представлению информации является тенденция запоминать ее в стереотипном или нормализованном виде. В психологической литературе эту тенденцию можно встретить во множестве облиций.

Опираясь на топографическую память, человек обычно расставляет географические пункты на плане по прямой линии и затем поворачивает их соответственно общепринятым осям «север-юг» и «восток-запад»⁹⁹. Такая нормализация приводит к ошибкам вроде мнения о том, что Сан-Диего находится прямо к югу от Сан-Франциско (на самом деле — значительно восточнее) или что штаты Вашингтон и Мэн расположены на одной широте. Предполагается, что стереотипы или прототипные представления памяти¹⁰⁰ функционируют во многих различных видах деятельности. При посещении трехзвездочного ресторана мы выигрываем, применив стереотипную процедуру: садимся за столик, расположенный недалеко от места выноса блюд, и настороженно отслеживаем появление метродотеля. Мы используем представления об общем характере художественной прозы, когда при чтении данного текста, несмотря на все его пробелы и допущения, какая-то история разворачивается в нашем сознании последовательно и согласованно. Авторы допускают такие пробелы, поскольку знают, что наши прототипы сюжетов помогут снять возможные недоразумения. Мы стереотипным образом распределяем людей по категориям хотя бы для того, чтобы предвидеть и понять их поведение¹⁰¹.

Мнение о том, что память подобна видеоманитифону, явно выраженное в житейских представлениях о фотографической памяти и преувеличенных оценках влияний гипноза, также является стереотипом. Э. Лофтус и Д. Лофтус высказывают предположение, что формированию этого стереотипа во многом способствовала публикация крайних точек зрения на память¹⁰². В частности, они

---

⁹⁹ См.: Tversky A. Distortions in memory for maps // Cognitive Psychology. 1981. Vol. 13. P. 407—433.

¹⁰⁰ Прототипные представления памяти — обобщенные, рано и стихийно складывающиеся в процессе накопления индивидуального опыта схемы объектов и явлений действительности. — *Пед.-соцм.*

¹⁰¹ См.: Cantor N., Mischel W., Schwartz J. Social knowledge: Structure, content, use, and abuse // Cognitive Social Psychology / A.H. Hastorf, A.M. Isen (Eds.). N.Y.: Elsevier, North Holland, 1982.

¹⁰² См.: Loftus E.F., Loftus G.R. On the permanence of stored information in the human brain // American Psychologist. 1980. Vol. 35. P. 409—420.

ссылаются на широко распространившиеся (не только в газетах, но и в учебной литературе) сообщения об основных результатах исследований Уайлдера Пенфилда¹⁰³. Пенфилд описал «ответы прошлого опыта» (*experiential responses*) у больных эпилепсией, вызванные локальными электрораздражениями головного мозга в ходе необходимой хирургической операции. Во время таких раздражений они чувствовали, что на самом деле слышат звуки или наблюдают зрительные сцены. На этом основании он построил теорию, согласно которой в головном мозгу в скрытом состоянии сохраняется каждое сознательное переживание, и для его извлечения нужен всего лишь соответствующий зонд. Однако другие авторы решительно не согласились с таким объяснением. Коротко говоря, они оспаривают предположение о том, что при данных условиях люди действительно «вспоминают», а не фантазируют (о чем свидетельствуют и некоторые отчеты). Найссер отмечает, что ответы «прошлого опыта» не походили на восстановленные и повторно переживаемые события, а были более абстрактными и грезоподобными¹⁰⁴. Кроме того, Э. Лофтус и Д. Лофтус отмечают, что такие ответы наблюдались крайне редко: «менее 3 % пациентов дали ответы “прошлого опыта”, благодаря которым так прославилась работа Пенфилда»¹⁰⁵.

Несмотря на то, что личные модели памяти, уже вследствие стереотипов и эвристик, могут быть неверными, мы также показали, что мнения о памяти могут отвечать «здравому смыслу» и совпадать с выводами контролируемых исследований. Даже в «мифах» памяти есть какие-то элементы, подтверждаемые экспериментально. Хотя забывание у пожилых людей оказалось неизбирательным (по меньшей мере, на публичные события), у них действительно обнаружено ухудшение памяти в целом. И хотя гипноз не приводит к резкому увеличению способности к припоминанию, он все-таки влияет на мнемическую деятельность (иногда негативным образом). В мифах памяти ошибочное смешивается с верным, и поэтому их тоже можно считать личными моделями памяти.

---

¹⁰³ См. напр.: *Penfield W.* Consciousness, memory, and man's conditioned reflexes // *On the Biology of Learning* / K. Pribram (Ed.). N.Y.: Harcourt, Brace, and World, 1969.

¹⁰⁴ См.: *Neisser U.* Cognitive Psychology. N.Y.: Appleton-Century, 1967.

¹⁰⁵ *Loftus E.F., Loftus G.R.* On the permanence of stored information in the human brain // *American Psychologist*. 1980. Vol. 35. P. 414.

7 Место психологии в системе наук. Редукционизм и его виды. Психофизиологическая проблема

Б.М. Кедров

[Место психологии в системе наук]*

Человек с его психикой как субъект (исследователь или практик), а в ряде случаев и как объект наблюдения присутствует во всех сферах своей познавательной, вообще духовной, и практической деятельности. Поэтому психология имеет пересечения со всеми без исключения науками — общественными, естественными, техническими и другими. И во всех пунктах такого пересечения возникают ее теоретические или прикладные разделы, что и порождало в свое время ее дробление на отдельные части в условиях, когда присутствовало объединяющее начало в виде научной методологии (или «общей науки», по Выготскому¹).

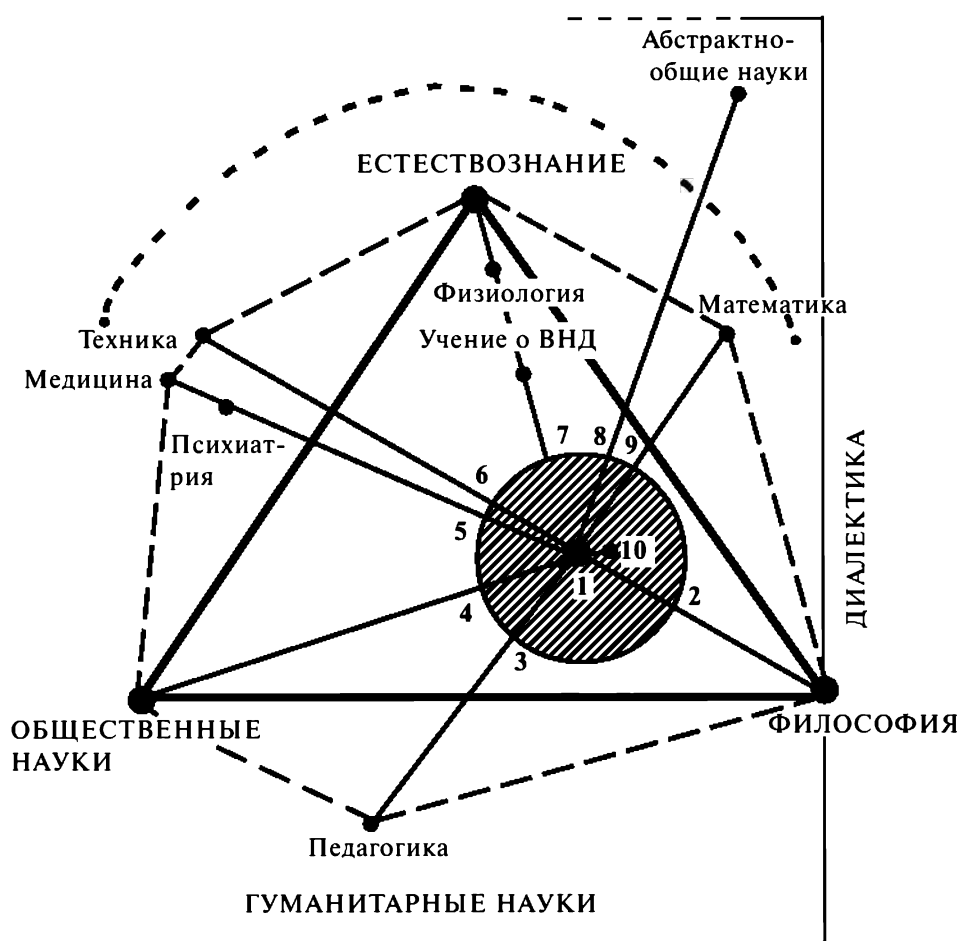
В 1954 г. на Международном конгрессе по логике и методологии науки в Цюрихе в моем докладе «О классификации наук» был предложен «треугольник наук», в центре которого была поставлена психология (по указанной выше причине). Тогда же и позднее устно и в печати идею этого «треугольника наук» поддержал Ж. Пиаже². Теперь я дополнительно включил сюда педагогику, учение о психологии творческой деятельности, медицину и группу абстрактно-общих наук — таких, как кибернетика, информатика, учение о моделировании, системный анализ и т.п. Данная группа наук связана со многими другими науками, и эта ее связь с ними представлена условно в виде пунктирных линий.

---

* Кедров Б.М. О кризисе психологии, ее предмете и месте в системе наук (в контексте трудов Л.С. Выготского) // Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология: Всесоюз. конф., Москва, 23—25 июня 1981 г.: Тез. докл. М., 1981. С. 76.

¹ Выготский Лев Семенович (1896—1934) — отечественный психолог, автор культурно-исторической теории развития высших психических функций. — *Ред.-сост.*

² Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ; см. его текст на с. 560—562 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[Рис. 1. «Треугольник наук» по Б.М. Кедрову:]

1 — психология; 2 — общая психология: научная методология, философские основы психологии; 3 — педагогическая психология; 4 — социальная психология; 5 — патопсихология; 6 — инженерная психология; 7 — зоопсихология; 8 — кибернетическая психология и т.п.; 9 — математическая психология; 10 — находящееся в становлении учение о психологии научного, технического, художественного и социального творчества (обнаруживает те же связи и отношения с другими науками, как и сама психология)

В «треугольнике» [рис. 1] отражены далеко не все связи психологии с другими науками, не говоря о ее внутреннем подразделении (например, выделение детской и вообще возрастной психологии), однако он дает возможность понять источник того раздробления психологии и ее предмета, с которым Выготский отчасти связывал в свое время психологический кризис.

Ж. Пиаже

Психология, междисциплинарные связи и система наук*

<...> Я хотел выразить чувство некоторой гордости по поводу того, что психология занимает ключевую позицию в системе наук. С одной стороны, психология зависит от всех других наук и видит в психологической жизни результат психохимических, биологических, социальных, лингвистических, экономических и других факторов, которые изучаются всеми науками, занимающимися объектами внешнего мира. Но, с другой стороны, ни одна из этих наук невозможна без логико-математической координации, которая выражает структуру реальности, но овладение которой возможно только через воздействие организма на объекты, и только психология позволяет изучить эту деятельность в ее развитии.

Можно сказать более точно, что нельзя ничего понять в классификации наук, если ее рассматривать статично, в то время как познание находится в вечном становлении или в непрерывном формировании. Если пытаться определить положение психологии в системе наук, то следует остерегаться включать ее в некоторый линейный порядок, который, по О. Конту¹, начинается математикой и кончается биологией и социологией (где научная психология рассматривается в качестве промежуточного звена между двумя последними науками). Трудность подобной линейной классификации заключается, прежде всего, в том, что не известно, где расположить логику: поместить ли ее перед математикой или же сделать из нее некоторое абсолютное начало. Но если верить, подобно О. Конту, в «естественную» логику, то она должна изучаться социологией и психологией, а это нас приводит к другому концу классификационной линии. С другой стороны, в каждой науке следует рассматривать: (а) ее объект, (б) ее теоретическую структуру и (в) ее собственную эпис-

---

* Пиаже Ж. Психология, междисциплинарные связи и система наук. М., 1966. С. 36—40.

¹ Конт (*Comte*) Огюст (1798—1857) — французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии. — *Ред.-сост.*

темологию², разрабатываемую представителями рассматриваемой науки, когда они размышляют над своей работой (и мы это видели на примере математики и самой логики). Если принимать во внимание эти три измерения, то система наук не будет линейной.

Нелинейная классификация наук была предложена советским диалектиком Б.Кедровым³, и она представляет большой интерес для психологии, которая занимает в этой классификации центральное место. Классификационная схема, предложенная Б. Кедровым, представляет собой треугольник, вершину которого составляют естественные науки, нижний правый угол — философские и нижний левый угол — общественные науки; психология расположена в самом центре треугольника и имеет линии связи, которые соединяют ее с тремя перечисленными группами наук. Что касается математики, то она занимает промежуточное положение между науками о природе и философскими науками (логикой и гносеологией), тогда как технические науки расположены между естественными и общественными науками.

Очевидно, что такая классификация наук более удовлетворительна, чем линейная, однако возникает вопрос, являются ли связи между одной из групп наук на этой схеме и соседней или родственной группой односторонними связями или взаимными и круговыми. Центральное положение психологии в схеме Кедрова имеет различный смысл в зависимости от того, считают ли, что психология является совместным продуктом естественных, общественных и философских наук (логики и эпистемологии), или же признают, что психология оказывает на эти науки такое же действие, как они на нее. Кедров, естественно, сделал весь упор на внешний объект и считает, что вся схема держится на естественных науках, потому что объект существует независимо от субъекта. Я тоже считаю, что объект существует независимо от субъекта, и, таким образом, я не идеалист. Но я биолог, а это не то же самое, что идеалист, и я думаю, что организм зависит не только от среды; организм активно реагирует на среду и дает «ответы», которые зависят от его собственной активности: иными словами, субъект познает объект, только действуя на него, и познание объекта (а это не то же самое, что сам объект) предполагает неразрывное взаимодействие между объектом и деятельностью организма или субъекта. Таким образом, связи между науками выражаются не однонаправленными, а двусторонними стрелками, иначе говоря, круговыми связями или связями по спирали, что соответствует духу диалектики. Если логика, математика или физика ни в коей мере не зависят от психологии в своих методах и теоретических структурах, то они зависят от нее в своей эпистемологии, так как все эти науки яв-

---

² *Эпистемология* — теория познания, иначе говоря, гносеология — раздел философии, изучающий источники, формы и методы научного познания, условия его истинности. — *Ред.-сост.*

³ Кедров Бонифатий Михайлович (1903 — 1985) — философ, химик и историк науки, академик АН СССР (1966); см. его текст на с. 558—559 наст. изд. — *Ред.-сост.*

ляются результатом частной или общей деятельности субъекта или организма над объектами, и как раз психология, опираясь на биологию, дает объяснение этим действиям. Поэтому психология занимает центральное место не только как продукт всех других наук, но и как возможный источник объяснения их формирования и развития.

Несколько лет назад, во время одной дружеской беседы в Академии наук в Москве, Кедров сделал глубокое замечание, над которым я очень много размышлял; он мне сказал: «У вас есть тенденция психологизировать эпистемологию, тогда как мы склонны, наоборот, эпистемологизировать психологию». Он был прав, подчеркивая эту двойственность тенденций, но я все более и более убеждаюсь в том, что как одна, так и другая тенденция имеют законные основания для существования, и они даже необходимо дополняют друг друга. Около десяти лет назад мы основали в Женеве «Международный центр генетической эпистемологии» для изучения формирования научных понятий при междисциплинарном сотрудничестве психологов, логиков, математиков, специалистов по кибернетике, физиков и так далее; опубликованные нами девятнадцать томов научных работ показывают плодотворность этого метода для анализа научного мышления так же, как и для генетической психологии⁴. Все междисциплинарные связи, примеры которых я попытался привести в этой слишком схематичной лекции, снова свидетельствуют о наличии тех кругообразных состояний, о которых я говорил. Я заканчиваю это выступление подтверждением моей уверенности в том, что наша психологическая наука занимает центральное место в решении рассматриваемых мною проблем и в том, что будущее междисциплинарных исследований бесконечно плодотворно.

---

⁴ *Генетическая психология* — психология развития человека, или возрастная психология; в более широком смысле включает в себя также сравнительную психологию, изучающую в сравнительном аспекте поведение различных видов животных. — *Ред.-сост.*

Р. Гросс

Редукционизм*

Мы критиковали попытку [радикальных бихевиористов. — *Ред.-сост.*] «редуцировать» действия к «сокращениям мышц», подчеркивая при этом, что действия осмыслены (и целенаправленны), а сокращения мышц — нет. Бродбент¹ попытался сделать психологию объективной, устраняя из нее «менталистский» язык описания: «сокращения мышц» доступны наблюдению всех, а «мысли», «намерения» и так далее являются сугубо личными и наблюдению других людей недоступны.

Итак, мы можем сказать, что представители философского бихевиоризма пытаются редуцировать «психику» к последовательностям мышечных сокращений. При этом они зачастую говорят на языке стимулов и реакций и связей между ними. Логическим итогом этого становится объяснение психических процессов и поведения в терминах физиологии (особенно нейрофизиологии), биохимии, химии и, в конечном счете, физики как базовой науки. Если, изучая нечто, мы хотим узнать «истину в последней инстанции», нам следует переходить ко все более и более мелким единицам анализа; даже описание в терминах связей «стимул—реакция» использует единицы анализа гораздо более крупные, чем, например, описание на языке активности нейронов (клеток головного мозга), включенных в эти связи, и «сокращений мышц» как единиц промежуточного уровня анализа. В свою очередь, описание на языке активности нейронов представляет собой использование «более крупных» единиц анализа, чем рассмотрение атомов и молекул, из которых эти нейроны состоят.

Согласно данной точке зрения, бихевиоризм можно считать промежуточной или переходной стадией на пути к полному отказу от традиционных мен-

---

* *Gross R.D. Psychology: The Science of Mind and Behaviour. L.; Sydney; Auckland: Hodder & Stoughton, 1992. P. 40—44. (Перевод С.А. Капустина.)*

¹ Бродбент (*Broadbent*) Дональд (1926—1993) — английский когнитивный психолог. — *Ред.-сост.*

талистских понятий психологии. Психология (в любом ее варианте) будет полностью редуцирована к микрофизике (или замещена ею):

В философии в течение длительного времени редукционизм оставался общепринятой целью как естественных наук, так и психологии. Предполагалось, что основной целью науки является редукция сложных явлений к простым².

Лурия³ находит корни редукционизма во взглядах биологов середины XIX в., согласно которым организм представляет собой комплекс органов, а органы — комплекс клеток. Поэтому для выяснения основных законов живого организма мы должны как можно более тщательно изучать свойства отдельных клеток. Роуз с коллегами пишут о том, каким образом редукционизм из биологии распространился на науку в целом, и определяют его как

<...> название, данное совокупности общих методов и способов объяснения как мира физических объектов, так и человеческих сообществ. В широком смысле, редукционисты пытаются объяснить свойства сложного целого — скажем, молекул или обществ — посредством единиц, из которых эти молекулы или общества состоят. Например, свойства молекулы белка могут быть своеобразно обусловлены или предопределены свойствами электронов и протонов, из которых состоят ее атомы. <...> Подобным образом, свойства человеческого сообщества представляют собой всего лишь сумму стремлений и поведенческих актов составляющих его индивидов. Например, сообщество будет «агрессивным», потому что «агрессивны» составляющие его индивиды⁴.

Применительно к психологии, одно из определений редукционизма состоит в том, что он представляет собой «убеждение, что психологические объяснения могут быть замещены объяснениями в терминах функционирования мозга и даже в терминах физики и химии»⁵.

Конечная цель редукционизма состоит в объяснении *всех* явлений в терминах микрофизики. Однако редукционизмом можно назвать любую попытку объяснить целое в терминах составляющих его частей. На рис. 1 представлены несколько примеров редукционизма, взятых из разных областей психологии.

Можно ли считать редукционистский подход приемлемым или хотя бы имеющим определенный смысл? Возможно ли когда-нибудь, опираясь на соответствующие знания базовых наук (при условии, что они будут получены), обойтись без психологического объяснения? Психологи и другие [ученые и философы. — *Ред.-сост.*] выдвигают против редукционизма ряд возражений.

² См.: Luria A.R. Reductionism // The Oxford Companion to the Mind / R. Gregory (Ed.). Oxford: Oxford University Press, 1987.

³ Лурия Александр Романович (1902—1977) — отечественный психолог, один из основателей нейропсихологии. — *Ред.-сост.*

⁴ Rose S., Lewontin R.S., Kamin L.J. Not in Our Genes. Harmondsworth, Middlesex: Penguin, 1984.

⁵ Garnham A. The Mind in Action. L.: Routledge, 1991.

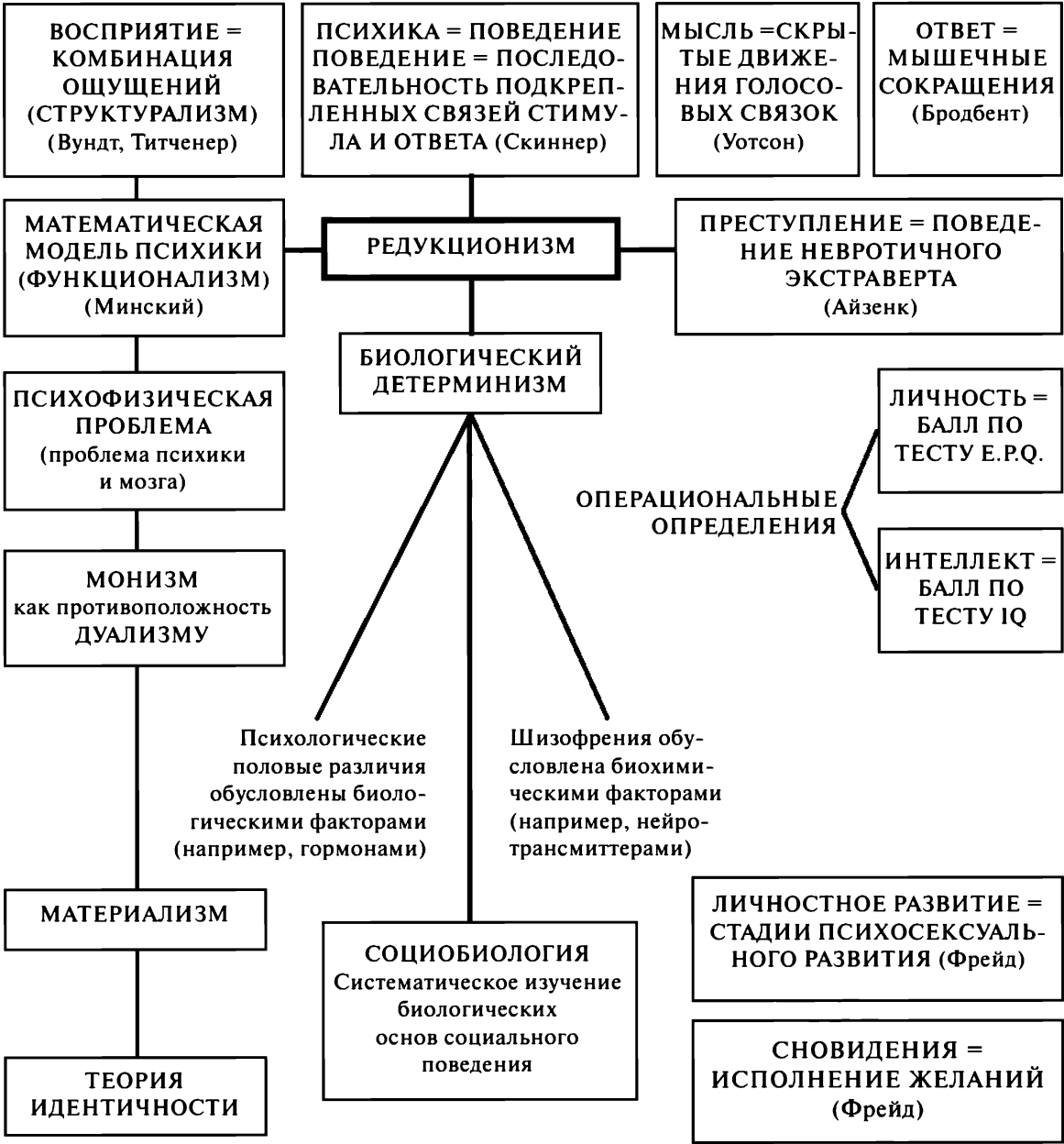

Рис. 1. Примеры редукционизма в различных тематических областях психологии

Во-первых, Легг обсуждает пример своей подписи на документе. Хотя ее можно (в принципе) объяснить в терминах нервной деятельности и сокращений мышц, действительное значение этой подписи *социально-психологическое*⁶. Как отмечалось ранее, осмысленными являются только *действия*, и по-

⁶ См.: Legge D. An Introduction to Psychological Science. L.: Methuen, 1975.

давяющее большинство наших действий приобретает смысл лишь в контексте взаимодействий с другими людьми.

Во-вторых, даже если нам удастся свести действие подписи к такому описанию, то мы всего лишь установим, какая именно нервная деятельность и мышечные сокращения участвуют в данном *конкретном случае*. Важно отметить, что мы можем поставить подпись множеством различных способов, например, зажав ручку зубами, или палочкой на песке, или мелом на стене, и в каждом из них будут свои сочетания нервной и мышечной активности. «Действие» подписи в главном *не зависит* от какой-либо конкретной физиологической активности, участвующей в его реализации. Ясно, что даже при доскональном знании физиологических механизмов, психологическое объяснение будет более адекватным и приемлемым. В связи с этим возникает проблема *уровней объяснения*.

Роуз утверждает, что полемика вокруг редукционизма разгорелась из-за семантического смешения (т.е. смешения значений слов), а именно вследствие отождествления понятий «объяснение» и «правомерное объяснение» (*«explaining» and «explaining away»*)⁷. Когда мы пытаемся избавиться от любых психологических объяснений, замещая их нейрофизиологическими, то занимаем неприемлемую позицию редукционизма. Но если объяснение работы мозга используется для усиления или дополнения нашего психологического объяснения, тогда никакой угрозы для психологии оно не представляет.

Роуз считает, что смешение между «объяснением» и «правомерным объяснением» можно устранить путем введения понятия *иерархии уровней объяснения* (см. рис. 2).

Различные иерархические уровни соответствуют разным научным дисциплинам. С повышением уровня иерархии размер единицы описания увеличивается (*холистическое* описание). При этом, чем больше размер единицы, тем меньше ее сложность. С понижением уровня иерархии единицы становятся более мелкими и более сложными (*редукционистское* описание). Фундаментальные объяснения отдельных дисциплин могут находиться на более низком, базовом уровне. Например, то, что физика говорит об атомах, может дать объяснения, необходимые для химии (например, каким образом атомы объединяются в молекулы), а психологию можно рассматривать как науку, предоставляющую «базовые» объяснения социологии (например, как работают память и восприятие человека).

Основное положение Роуза состоит в том, что каждый уровень предполагает своеобразный *«мир рассуждений»* (*universe of discourse*), с присущим ему набором понятий и терминов, своим способом понимания «одних и тех же» явлений. Поскольку эти миры разные, ни один из уровней не может быть замещен другим. Вышележащие уровни иерархии не могут быть замещены нижележащими, поскольку выполняют по сути другую работу. Каждый из них имеет право на самостоятельное существование, а «право» уровня на объяснение определяется целью объяснения, для чего и какого рода ответ мы хотим получить в данный

⁷ См.: Rose S. The Conscious Brain. Harmondsworth (Middl): Penguin, 1976.

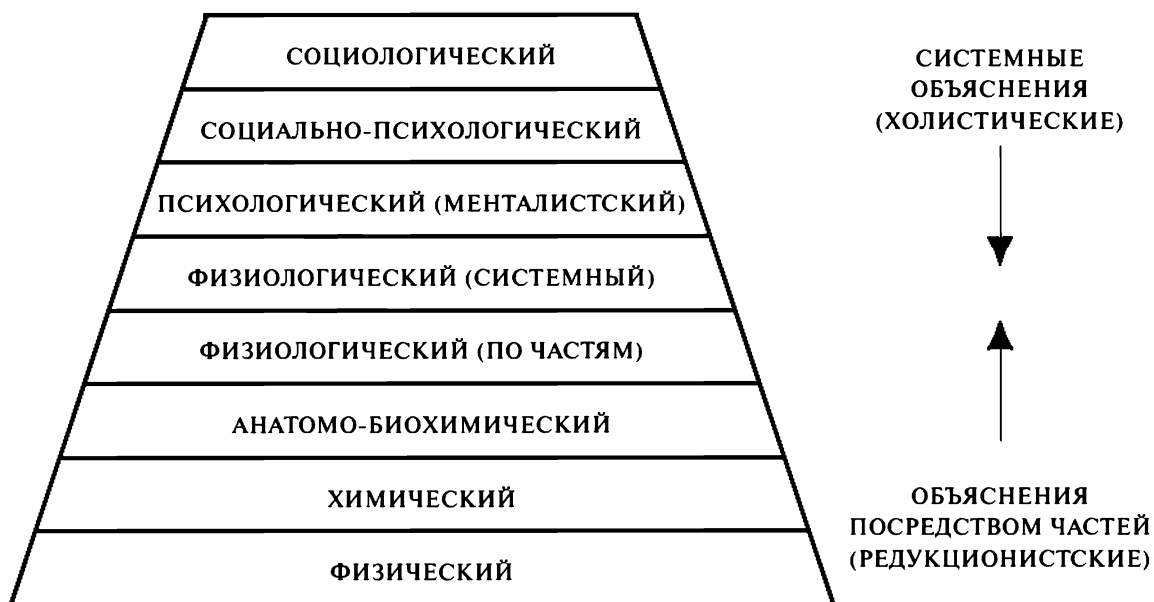

Рис. 2. Иерархия уровней объяснения⁸

момент. Например, поскольку высокоуровневые объяснения более «экономичны», чем низкоуровневые (т.е. гораздо проще и быстрее сказать, что человек ставит свою подпись, чем описывать всю реализующую это действие нервную и мышечную активность), то в целом они будут более продуктивны как при общении с другими людьми, так и в собственных размышлениях.

Как уже говорилось, Кляйн также выделяет разные миры рассуждения, возражая против предложенной Каттеллом аналогии между пониманием личности и пониманием химических процессов, происходящих в организме млекопитающих⁹. Затем он продолжает:

Действительно, научный метод хорошо зарекомендовал себя в технологии, биологии и астрономии, но психика человека, по сути, не является механическим объектом. Мозг человека в основном доступен научному исследованию, но психика принадлежит к иному миру рассуждений, где такого рода методы, по-видимому, неприменимы. <...> Ясно, что научный метод, используемый в этих областях, не вполне пригоден для психологии, поскольку ее предмет концептуально отличается от предметов классических наук, для исследования которых этот метод был разработан. Проблема научного метода — фундаментальная проблема психологии¹⁰.

⁸ См.: *Rose S. The Conscious Brain. Harmondsworth (Middl): Penguin, 1976.*

⁹ См.: *Kline P. Psychology Exposed. L.: Routledge, 1988.*

¹⁰ Там же.

В дополнение к вышеупомянутому примеру Кляйна с восприятием красного цвета приведем пример из области слухового восприятия:

Когда мы устанавливаем, что какой-то звук, воздействующий на ухо воспринимающего субъекта, всегда вызывает в его головном мозге один и тот же паттерн ответной электрической активности, то можем быть уверены в том, что между периферической сенсорной системой (ухом) и центральной нервной системой (головным мозгом) существует какая-то внутренняя связь. Однако эта регулярная повторяемость ответной реакции головного мозга, к сожалению, ничего не говорит нам о том, как испытуемый *воспринимает* звук, и воспринимает ли он его вообще. Следовательно, сведений о восприятии, основанных на электрофизиологических данных, явно не достаточно. (Даже когда два разных стимула вызывают два четко отличающихся друг от друга паттерна электрической активности головного мозга, мы все равно не узнаем, воспринимались ли эти стимулы вообще и если да, то воспринимались ли они как различные.) Однако, если с помощью инструкции или тренировки мы научим нашего наблюдателя давать ответ на звук, или же один вид ответа на один звук и другой — на другой звук, то наши сведения будут вполне достаточными для <...> неопровержимого доказательства факта восприятия <...>¹¹.

Восприятие как *психологическое* переживание не может быть сведено к тем нейрофизиологическим событиям, которые его обычно сопровождают.

Наконец, Гарнем приводит пример из области эволюционной биологии и биохимии¹². Благодаря открытиям в биохимии, совершенным в 50-е гг. XX столетия и позже, были детально изучены механизмы наследования потомством особенностей родителей. В настоящее время мы, в принципе, можем установить, в какой степени теория эволюции согласуется с точкой зрения биохимии на наследственность. Тем не менее,

<...> научная теория эволюции все-таки нуждается в таких понятиях, как генофонд и устойчивая стратегия эволюции, которые нельзя определить в биохимических терминах. Подобным образом, хотя научный подход к познавательным процессам предполагает, что восприятие и мышление зависят от функционирования мозга, уровень объяснения, на котором ведущую роль играют понятия психологии познания, будет необходим всегда. Наука о познавательных процессах также не может быть замещена физиологией, как не может теория эволюции быть замещена биохимией¹³.

---

¹¹ См.: *Bornstein M.H.* Perceptual development across the life cycle // *Perceptual, Cognitive and Linguistic Development* / M.H. Bornstein, M.E. Lamb (Eds.). Hove (East Sussex): Lawrence Erlbaum Associates Ltd, 1988.

¹² См.: *Garnham A.* The Mind in Action. London: Routledge, 1991.

¹³ Там же.

Д.П. Шульц,
С.Э. Шульц

[Механистический подход]*

Дух механизма

«Дух времени» (нем. *Zeitgeist*) в XVII—XIX вв. был той интеллектуальной почвой, на которой выросла психология. Базовой идеей культуры XVII в. — как в сфере философии, так и находящейся под ее влиянием психологии — был дух *механицизма*¹, представление Вселенной в виде гигантской машины. Эта концепция основывалась на утверждении, что все естественные процессы определены на механическом уровне и могут быть объяснены на основе законов физики.

Идея механицизма вызревает первоначально в физике, которая в те времена называлась натурфилософией, в работах итальянского физика Галилео Галилея (1564—1642) и английского физика и математика Исаака Ньютона (1642—1727), обладавшего также неплохими навыками часовых дел мастера. Считалось, что весь мир состоит из неких частиц материи, находящихся в непрерывном движении. Согласно Галилею, материя состоит из дискретных корпускул или атомов, воздействующих друг на друга при соударении. Ньютон подверг галилеевскую версию пересмотру и предположил, что импульсы движения передаются от атома к атому не при непосредственном контакте, а под воздействием сил притяжения и отталкивания. Однако эти дополнения, хотя и оказали значительное воздействие на историю физических идей, на развитие психологии существенно не повлияли.

Поскольку Вселенная состоит из движущихся атомов, любое физическое перемещение (движение каждого атома) вызывается непосредственной причиной (движением другого атома, который соударяется с первым). Результат та-

---

* Шульц Д.П., Шульц С.Э. История современной психологии. СПб.: Евразия, 1998. С. 38—44.

¹ *Механицизм* — учение, основывающееся на утверждении, что все естественные процессы определены на механическом уровне и могут быть объяснены на основе законов физики и химии. — *Ред.-сост.*

кого взаимодействия поддается измерению — и, следовательно, должен быть вполне предсказуем. Вселенная полностью упорядочена и работает в прямом смысле как часы или какой-либо иной совершенный механизм. Мир создан Богом наисовершенным образом — в XVII в. именно Богу приписывалось сотворение всех действующих причинно-следственных связей, — и коль скоро ученым удастся открыть законы функционирования мира, они смогут абсолютно точно предсказать все, что произойдет в будущем.

Методы и достижения науки росли в ту эпоху рука об руку с развитием технологии, дополняя друг друга. Наблюдение и эксперимент, сопровождаемый точными количественными методами, стали неотъемлемыми чертами науки. Исследователи пытались постичь каждое явление, описывая его в точных количественных формулировках, — таково было основное требование механистического подхода. Именно в это время появляются достаточно совершенные термометры, барометры, логарифмические линейки, маятниковые часы и прочие механические приборы, столь характерные для века механики. Эти события, в свою очередь, способствовали формированию убеждения о том, что абсолютно любое явление во Вселенной поддается количественному измерению.

Часовой механизм Вселенной

<...> Часы были самым доступным, привычным, точным и предсказуемым механизмом, а потому со временем ученые и философы стали воспринимать их как модель мира в целом. Они спрашивали себя, не есть ли и вся Вселенная — некий «громадный часовой механизм, созданный и пущенный в ход Творцом»? Многие ученые — и среди них такие, как английский физик Роберт Бойль (1627—1691), немецкий астроном Иоганн Кеплер (1571—1630) и французский философ Рене Декарт (1596—1650) — давали положительный ответ на этот вопрос, утверждая, что Вселенная есть не что иное, как «великолепный образец часового механизма»². Они были убеждены, что гармония и порядок во Вселенной могут быть поняты по аналогии с часовым устройством: как четкая работа часов — это нечто приданное механизму часовщиком, точно так же и упорядоченность мира в целом мыслилась как нечто сообщенное миру Богом.

Немецкий философ Христиан фон Вольф (1679—1754) описывал сходство Вселенной и часового механизма очень просто: «Мир ведет себя точно так же, как и часы». А его ученик Иоганн Кристоф развил этот принцип следующим образом: «Коль скоро весь мир есть некий механизм, он может быть отчасти уподоблен часам; именно часы могут быть использованы в качестве модели для того, чтобы пояснить в малом масштабе то, что происходит во Вселенной в целом»³.

---

² Цит. по: *Boorstin*, 1983. С. 71, 72. [Здесь и далее библиографические ссылки в источнике приводятся не полностью. — *Ред.-сост.*]

³ Цит. по: *Maurice, Mayr*, 1980. С. 290.

Детерминизм и редукционизм

Коль скоро Вселенная рассматривалась как некая машина, подобная часовому механизму, некогда созданному Богом и пущенному им в ход, значит, она могла существовать далее безо всякого вмешательства извне. Таким образом, метафора мира как часов проложила дорогу идее детерминизма⁴ — вере в то, что каждое событие в мире предопределено прошлыми событиями. Как можно предсказать последовательность работы часового механизма, точно так же, осознав порядок и систематичность функционирования отдельных частей Вселенной, можно предвидеть все будущие в ней события. «Тот, кто сможет в совершенстве постичь устройство [часового. — *Ред.-сост.*] механизма, сможет и подробно предсказать будущие события на основе прошлого и настоящего»⁵.

Разобраться в устройстве и функционировании часов не так уж сложно. Каждому под силу разобрать часы и самому убедиться, как именно действуют их шестерни и пружины. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет к идее *редукционизма*⁶. Устройство различных машин — таких, как, например, часы, — может быть понято на основе сведения их к функционированию основных частей. Равным образом мы можем понять то, как устроена Вселенная в целом (которая, как бы то ни было, всего лишь еще одна машина) посредством анализа и сведения к простейшим ее составляющим — молекулам и атомам. Редукционистский подход характерен для любой науки, включая и новую психологию.

Если метафора часов и научные методы применимы при объяснении функционирования Вселенной, то, возможно, они окажутся столь же полезными и при постижении природы человека? Если Вселенная — это машина — строго упорядоченная, предсказуемая, поддающаяся наблюдению и измерению, — то можем ли мы и человека рассматривать подобным же образом? Быть может, животные и даже человек есть не что иное, как еще один тип машины?

Автоматы

Интеллектуальная и социальная аристократия XVII в. имела перед своими глазами еще одну примечательную модель подобного рода — это различные механические фигуры, столь популярное увеселение в садах и парках. Широкое распространение часовых механизмов непосредственным образом повлияло и на развитие изготовления разнообразных механических фигур. Технологии становились все совершеннее, и человеку стоило лишь оглядеться вокруг, чтобы

---

⁴ *Детерминизм* — учение, утверждающее, что все события в мире предопределены событиями в прошлом. — *Ред.-сост.*

⁵ *Gottsched*; цит. по: *Maurice, Mayr*, 1980. С. 290.

⁶ *Редукционизм* — учение, объясняющее явления более высокого уровня в терминах явлений более низкого уровня. — *Ред.-сост.*

наткнуться на какую-нибудь причудливую механическую фигуру — называемую автоматом, — поражающую воображение удивительными и завлекательными трюками, выполняемыми четко и регулярно.

Автоматы — механические фигуры, имитирующие действия человека, — известны с давних времен. Описания подобного рода механизированных фигур содержатся еще в античных греческих и арабских манускриптах. Но особенно прославились в этой сфере мастера древнего Китая. В китайской литературе содержатся описания различных механических животных и рыб, а также человеческих фигур, предназначенных для того, чтобы разливать вино, подавать чашки с чаем, петь и даже играть на музыкальных инструментах. Тем не менее, более чем две тысячи лет спустя, в XVII в., когда учеными и мастерами Западной Европы были созданы первые автоматы, они воспринимались как новинка. Все достижения древнейших цивилизаций в этой области были напрочь утрачены⁷.

Подобного рода автоматы можно встретить на главных площадях некоторых европейских городов до сих пор — это механические фигуры в городских башенных часах. Они движутся по кругу, бьют в барабаны и звонят в колокола, отмечая каждую четверть часа. В Страсбургском кафедральном соборе во Франции, например, различные библейские персонажи каждый час отдают поклон Деве Марии. В это же время другая фигура — механический петух — раскрывает клюв, высовывает язык, бьет крыльями и кукарекает. А в Англии в кафедральном соборе в Уэльсе два рыцаря в полном боевом облачении сходятся в потешном поединке. Когда начинается бой часов, один из противников сбивает другого с коня. Баварский Национальный музей в Мюнхене содержит в своей экспозиции механического попугая величиной в 16 дюймов. Когда часы отбивают очередной час, попугай свистит, хлопает крыльями, вращает глазами, и из-под него выпадает небольшое стальное яйцо. <...>

Философам и ученым того времени казалось, что при помощи такого рода сложных и точных механизмов можно будет реализовать их давнюю мечту — искусственно воссоздать жизнь. В самом деле, многие из первых автоматов того времени, казалось, давали такую надежду. Их можно рассматривать как своего рода предшественников современных диснеевских мультфильмов. С этих позиций понятно, почему люди пришли к заключению, что все живые существа — всего лишь машины, хотя и особого рода. <...>

Таким образом, часовые механизмы и автоматы проложили дорогу идее о том, что поведение и функционирование человека подчиняется механическим законам и что познать сущность человека можно при помощи тех же экспериментальных и количественных методов, которые столь успешно зарекомендовали себя при раскрытии секретов физического мира.

---

⁷ См.: Mazlish, 1993.

К. Мадсен

[Психофизические теории]*

Классификация психофизических теорий

[Приведем] классификацию различных психофизических теорий, рассматривая их как варианты, расположенные на следующей непрерывной (*sliding*) шкале (см. рис. 1).

Рис. 1

Крайние позиции этой шкалы представляют психофизические теории под следующими рубриками:

а) *материализм* (М) — все в мире, включая человеческое сознание, рассматривается как материальная субстанция;

б) *спиритуализм* (С) — все в мире, включая тело человека, рассматривается как духовная субстанция.

На средних позициях данной шкалы располагаются три варианта теорий:

в) *дуализм* (Д) — считается, что мир состоит как из материальной, так и из духовной субстанций.

У человека эти две субстанции выступают как тело (включая мозг) и сознание. Между ними могут быть следующие отношения:

- *интеракционизм* (Д1),
- *параллелизм* (синхронизм) (Д2),
- *тождественность* (Д3).

---

* *Madsen K.B.* A History of Psychology in Metascientific Perspective. North-Holland, Amsterdam etc.: Elsevier Science Publ. Com. Inc., 1988. P. 31—34, 72—84. (Перевод В.В. Петухова.)

В последнем случае дуализм сводится к (нейтральному) *монизму*, т.е. обе субстанции (материальная и духовная) выступают как два аспекта одной и той же нейтральной субстанции или вида реальности.

И наконец, точки зрения, занимающие промежуточное положение между крайними и средней позициями:

г) *эпифеноменализм* (Э) — сознание состоит из феноменов-двойников (*biphenomena*), детерминированных процессами головного мозга.

д) *гиперфеноменализм* (Г) (или анимизм) — материальные субстанции (включая мозговые процессы) выступают как феномены-двойники, детермируемые духом (*the spirit*).

Расположить все психофизические теории на одной непрерывной шкале нелегко. Из перечисленных теорий наиболее сложно, пожалуй, определить точное место теории тождественности. Кроме того, есть еще несколько психофизических теорий, которые пока не упоминались:

е) *панпсихизм* — все в мире представляется так или иначе живым и сознающим. Первобытные концепции мира четко не различали неорганические объекты, живые организмы и сознающие существа. Все считалось более или менее одушевленным, отсюда и термин — «панпсихизм».

В противоположность панпсихизму, некоторые теории различают в мире несколько слоев или миров, отсюда термин — «плюрализм»:

ж) *плюрализм* — мир выступает как состоящий из более чем двух качественно разных уровней развития или частичных миров.

Примером плюрализма является *триализм* К. Поппера¹, который выделяет физический, психический и культурный (объективно-духовный) миры².

Еще одним вариантом плюрализма является современная *теория систем*. Согласно этой теории все в мире можно рассматривать как *системы*, т.е. как *целостности, состоящие из элементов и взаимосвязей между ними*. Элементы системы можно рассматривать как *подсистемы*, которые в свою очередь тоже состоят из элементов, и так далее. Например, человек — это система, состоящая из органов, которые состоят из клеток. Клетки состоят из молекул, а молекулы из атомов, которые состоят из субатомных частиц, и так далее. Исходная система тоже может выступать как элемент *суперсистемы*. Так, человек может быть элементом группы. Группа — элемент организации, которая является элементом общества, цивилизации, и так далее. Важной гипотезой в теории систем является утверждение, что существуют свойства системы, которые могут быть обнаружены лишь в системе как целом, а не в ее элементах. Примерами таких системных свойств (или состояний системы) являются жизнь и сознание, которые обнаруживаются в системах высокой степени сложности. Жизнь можно обнаружить у одноклеточных и многоклеточных организмов, но не у молекул, из которых состоят клетки. Сознание появляется у сложно устроенных организмов, об-

¹ Поппер (*Popper*) Карл Раймунд (1902—1994) — австрийский, позже британский философ и социолог. — *Ред.-сост.*

² См.: *Popper K., Eccles J. The Self and its Brain. N.Y.: Springer, 1977.*

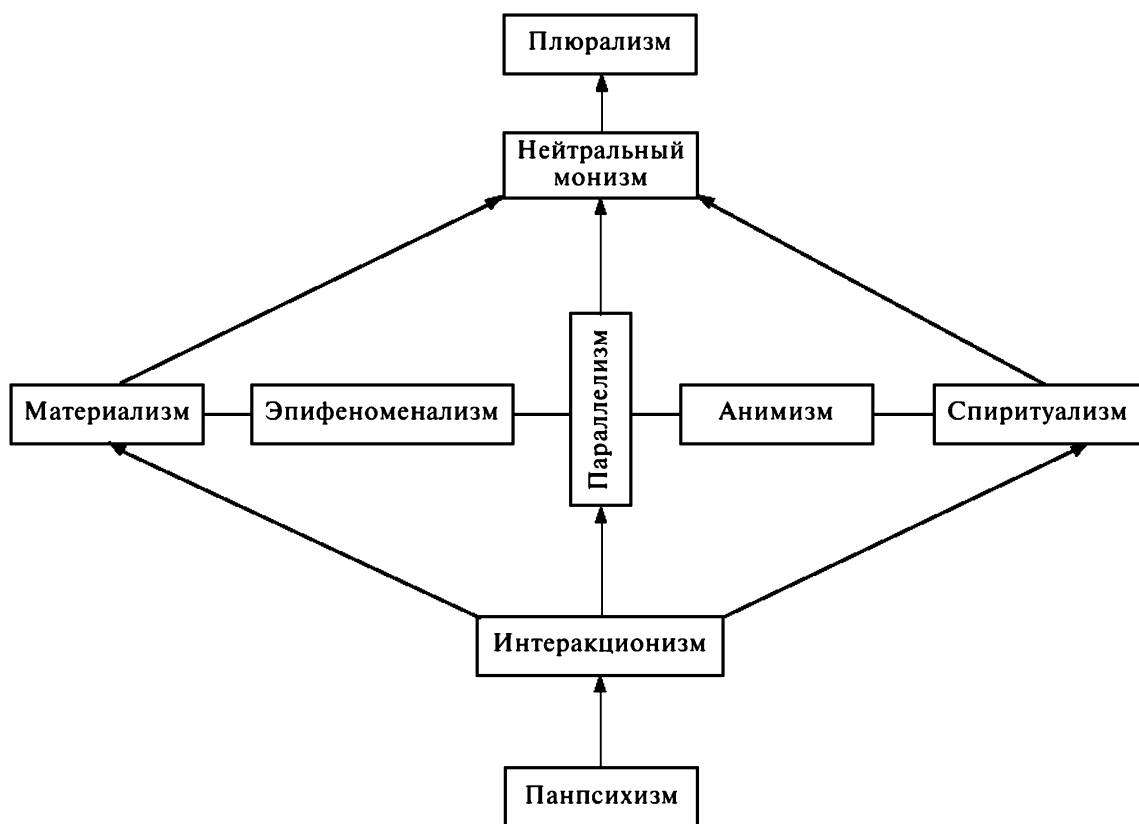

Рис. 2

ладающих центральной нервной системой, но не у отдельных органов, клеток и молекул этих организмов. Системные свойства «жизнь» и «сознание» возникают в результате взаимодействия между элементами системы и ее окружением. Следовательно, сознание может выступать как состояние [организма. — *Ред.-сост.*], возникающее в результате взаимодействия центральной нервной системы с другими органами (в особенности органами чувств, эндокринными железами и мышцами), или же [в результате взаимодействия. — *Ред.-сост.*] человека как системы с окружающей его суперсистемой (обществом и культурой), особенно важным компонентом которой является язык. Этой системной теории придерживаются некоторые современные философы и психологи³.

Вышеуказанные психофизические теории вместе с теорией систем и панпсихизмом представлены в виде диаграммы, отражающей логическую структуру их развития. Но надо особо отметить, что эта логическая структура не совпадает хронологически с историческим развитием (см. рис. 2). <...>

³ См.: Bertalanffy L. Perspectives on general System Theory. N.Y.: George Braziller, 1975; Bunge M. The World of Systems. Boston: Reidel, 1979; Laszlo E. The Systems View of the World. N.Y.: George Braziller, 1975; Piaget J. Psychology and Epistemology. L.: Penguin Press, 1972; Pribram K. The Language of the Brain. Englewood-Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1971.

Психофизические теории

Психофизическая [психофизиологическая. — *Ред.-сост.*] проблема как проблема отношения между сознанием и мозгом — это современная формулировка вечной философской проблемы души и тела. Этой проблемой, названной «мировой загадкой», западные философы занимались со времен Древней Греции, также большое значение ей придавалось в индийской философии и в философии и религии других культур.

С той поры, когда около ста лет тому назад психология стала самостоятельной наукой, эта проблема интересует и психологов. Последние несколько десятилетий она привлекает особое внимание психологов в связи с результатами, полученными в физиологических исследованиях работы головного мозга.

Для того, чтобы дать *исторический* обзор различных философских теорий, касающихся психофизической проблемы, мне пришлось бы обратиться к далекому прошлому. Основные классы психофизических теорий появились уже в античной философии. Впоследствии они то и дело появлялись вновь, правда в других версиях и вариантах, и даже после Второй мировой войны почти все эти классы сохранились.

Не претендуя на хронологическую точность, *развитие* психофизических теорий можно представить в виде *диаграммы* (см. рис. 2).

Холистическая философия (панпсихизм)

Религии большинства «первобытных» народов включают в себя философские представления об отношении между психическими и физическими феноменами — душой и телом. В этих религиях человек чаще всего рассматривается как некое *целое*, описать которое лучше всего словами «живущее и одушевленное тело». Согласно этой первобытной теории, между жизнью и душой нет резкого отличия. Все живущее одушевлено, и душа обычно приравнивается к жизненной силе. Кроме того, нет четкого разграничения между живой, органической и неживой, неорганической природой или материей. Все в мире в большей или меньшей степени рассматривается как живое и одушевленное; мир в целом — это огромный, живой и одушевленный организм. Поэтому данную философию можно назвать *панпсихизм*, так как психические силы считаются повсюду присутствующими в природе.

Как известно, людям легко соединить эту холистическую теорию с наблюдениями и размышлениями о смерти. Смерть рассматривалась как отделение души (или жизненной силы) от тела, тогда как в течение жизни они составляют единое целое. При этом душа считалась «воздушным», менее вещественным «телом», которое могло продолжать какое-то независимое существование после отделения от тела.

Согласно этой примитивной холистической теории, хотя душа и тело могут отделиться, их формы существования не рассматривались как разные в своей основе и сути.

Дуализм

До эпохи Возрождения⁴ и появления современной физики в европейской философии не было отчетливого понятийного различения души и тела. Благодаря успехам механики в конструировании механизмов, многие философы стали рассматривать тела животных и человека как сложные рефлекторные машины, подобные механическим куклам, уже созданным к тому времени. Согласно этой философии, разница между роботами и человеком заключается в том, что человек состоит как из «материального тела», так и «нематериальной (*spiritual*) души». Тело состоит из материи, обладающей протяженностью в пространстве, а душа — из духовной субстанции, способной к мышлению.

После того, когда тело и душа были определены как две столь различные формы существования, возник вопрос об их взаимосвязи. Постановка этого вопроса в форме, ответственность за которую несет французский философ Рене Декарт (1596—1656), стала отправным пунктом для всех последующих обсуждений психофизической проблемы в европейской философии.

Теория, предложенная самим Декартом для решения этой проблемы, называется *дуалистической теорией взаимодействия*. Декарт считает, что нематериальная, мыслящая душа взаимодействует с телом, и это взаимодействие происходит в головном мозгу. Согласно его теории, воздействие на душу процессов мозга, на которые, в свою очередь, влияют внешние или внутренние стимулы, происходит в центре мозга — в так называемом шишковидном теле⁵. Процессы, происходящие в головном мозге, вызывают такие психические процессы, как восприятие окружения, критическая оценка ситуации и желание действовать. Это желание оказывает обратное влияние на мозг, а мозг, в свою очередь, вызывает соответствующее действие (см. рис. 3).

Именно эта обратная причинная связь между нематериальной душой и материальным мозгом подвергалась критике в процессе развития современной науки. В частности, многие философы и ученые не могли понять, как психические процессы могут оказывать влияние на мозг.

Но это не помешало лауреату Нобелевской премии по физиологии сэру Джону Экклзу⁶, совместно с известным английским философом Карлом Поппером, предложить свою версию дуалистической теории взаимодействия⁷.

---

⁴ *Эпоха Возрождения*, или Ренессанс — период в культурном и идейном развитии ряда стран Европы (в Италии XIV—XVI вв., в других странах XV—XVI вв.), в течение которого утверждалось жизнеутверждающее, гуманистическое мировоззрение и были созданы замечательные образцы реалистического искусства. — *Ред.-сост.*

⁵ *Шишковидное тело* — верхний мозговой придаток, или эпифиз; согласно современным представлениям, относится к железам внутренней секреции, вырабатывающим гормональные вещества. — *Ред.-сост.*

⁶ Экклз (*Eccles*) Джон Кэрю (1903—1997) — австралийский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1963). — *Ред.-сост.*

⁷ См.: *Popper K., Eccles J. The Self and its Brain.* N.Y.: Springer, 1977.

ИНТЕРАКЦИОНИЗМ (дуализм)

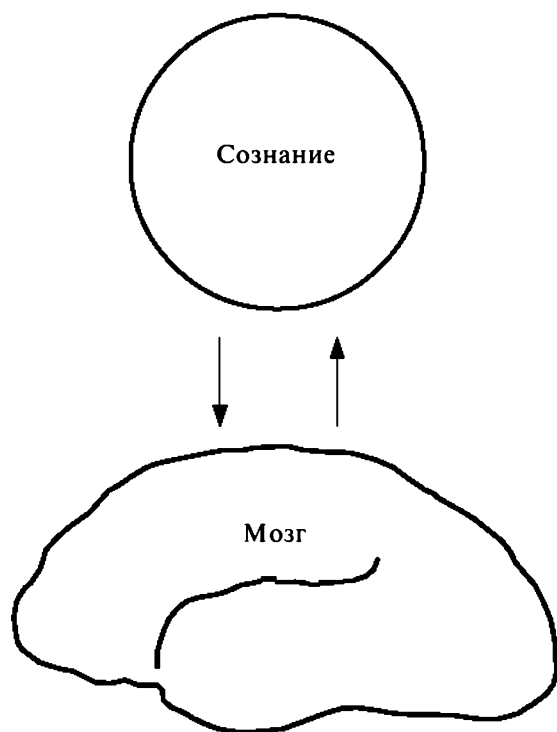

Рис. 3. [Интеракционизм: взгляды Декарта, Экклза, Сперри⁸, Пенфилда]

ТРИАЛИЗМ

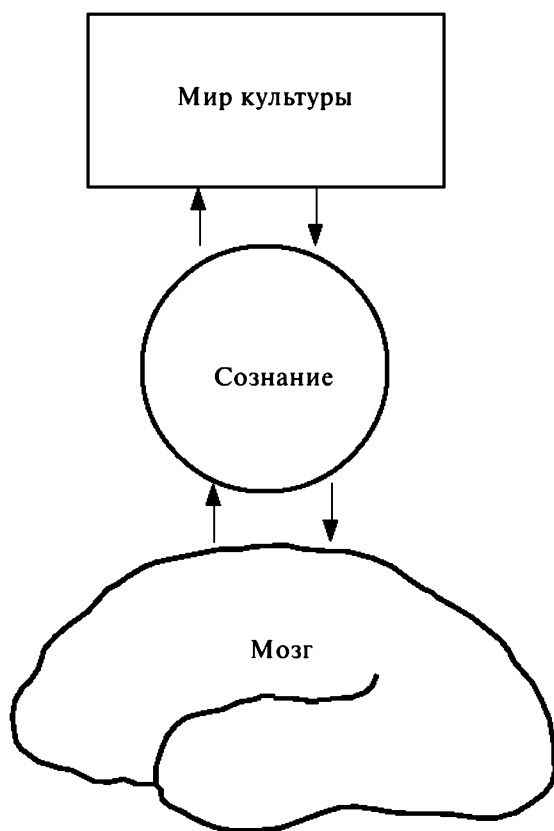

Рис. 4. Теория Поппера о трех мирах

Согласно этой теории, взаимодействие между сознанием и мозгом происходит в доминантном (обычно левом) полушарии, в котором находится центр восприятия и понимания речи. В мозге непрерывно происходят сложные процессы. Они возникают в результате сложных взаимодействий между стимулами окружающей среды, внутренними импульсами организма и процессами в других центрах мозга. Предполагается, что сознание может влиять на эти сложные процессы подобно тому, как магнитное поле влияет на электрический ток. В теории Экклза и Поппера природа этой причинной связи, описываемой в терминах теории поля, гораздо более сложная, чем в теории «зубчатого механизма» Декарта. И потому Экклз и Поппер считают, что их теория не противоречит современной науке (см. рис. 4).

⁸ Сперри (*Sperry*) Роджер Уолкотт (1913—1994) — американский психолог и нейрофизиолог, лауреат Нобелевской премии по медицине (1981). — *Ред.-сост.*

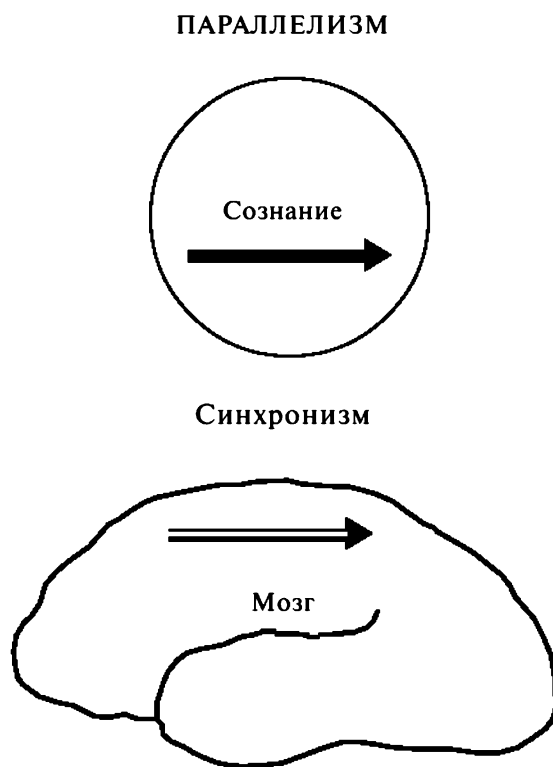

Рис. 5. [Параллелизм: взгляды Лейбница, Юнга, Вундта]

Параллелизм

Пытаясь обойти трудности, возникающие при объяснении взаимодействия между психическими и физическими явлениями, некоторые последователи Декарта, в том числе немецкий философ Лейбниц (1646—1716), сформулировали еще один вариант дуализма. Психические и физические явления стали рассматривать как два ряда процессов, протекающих параллельно и не влияющих друг на друга. Иначе говоря, процессы головного мозга и сознательные переживания происходят одновременно и синхронно. Одновременность этих двух рядов явлений не предполагает их взаимодействия, она является следствием случайного или преднамеренного (по воле Творца) совпадения во времени, подобно тому как двое часов, которые были запущены в одно и то же время, всегда показывают одинаковое время.

Эта форма дуализма позволила нейрофизиологам и психологам независимо друг от друга исследовать свой круг явлений. Дуализм этого вида приобрел популярность среди первых экспериментальных психологов, так как служил философским обоснованием самостоятельности психологии как науки (см. рис. 5).

МАТЕРИАЛИЗМ:
весь мир материальный

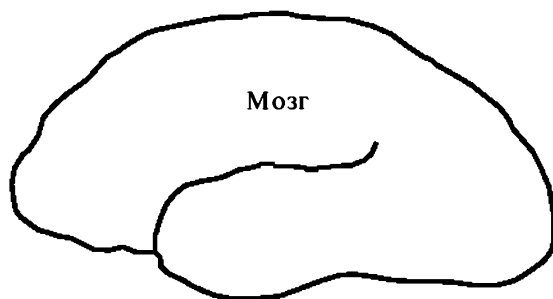

Рис. 6. [Материализм: взгляды Демокрита, радикальных бихевиористов и некоторых современных философов]

Материализм

Уже в античности философами, в том числе Демокритом⁹ и Эпикуром¹⁰, как реакция на панпсихизм (а позже и на дуализм), начинает развиваться теория, называемая материализмом — потому, что в ней признается существование только материальной субстанции, или *материи*, и, как следствие, существование *мозга* и его процессов, но не сознания. Материализм широко представлен и в современной философии, а в психологии он проявился в виде радикального *бихевиоризма*. Согласно этой психологической теории, изучать надо только *поведение*. Для радикального бихевиоризма сознание, во всяком случае как объект научного исследования, не существует (см. рис. 6).

Эпифеноменализм

Менее радикальный вариант материалистической психофизической теории называется *эпифеноменализмом*. Он признает существование сознания, хотя и превращает его из би- в эпи-феномен¹¹. В причинную связь между стимулами окружения и поведением индивида включаются только мозговые процессы. Явления сознания обусловлены процессами головного мозга, но не оказывают на них обратного влияния. Следовательно, в отличие от материализма здесь признают существование сознания, но не признают, в отличие от дуалистической теории взаимодействия, его обратного воздействия на мозг. Эпифеномена-

⁹ Демокрит (ок. 470 или 460—ок. 380 или 370 до н.э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. — *Ред.-сост.*

¹⁰ Эпикур (347—270 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

¹¹ ... из би- в эпи-феномен — приставка «би-» означает состоящее из двух частей или имеющее два признака, а приставка «эпи-» — расположенное поверх или возле чего-либо (в данном случае, головного мозга). — *Ред.-сост.*

ЭПИФЕНОМЕНАЛИЗМ

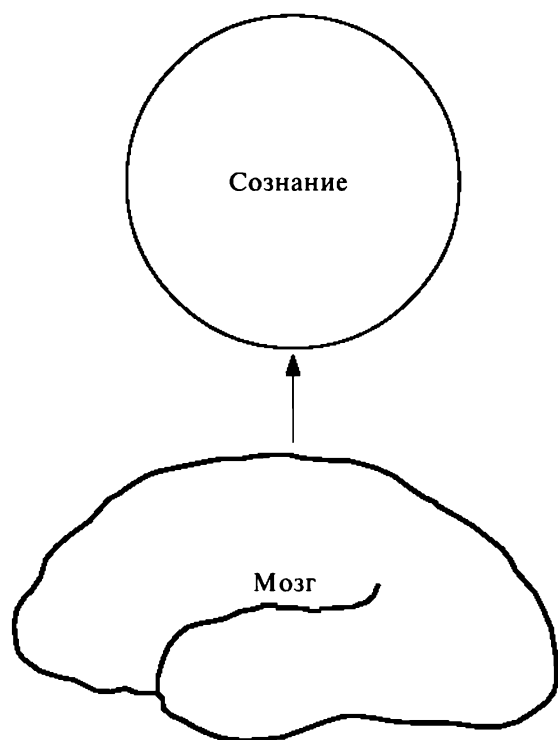

Рис. 7. [Эпифеноменализм: взгляды Павлова, Хаксли]

АНИМИЗМ

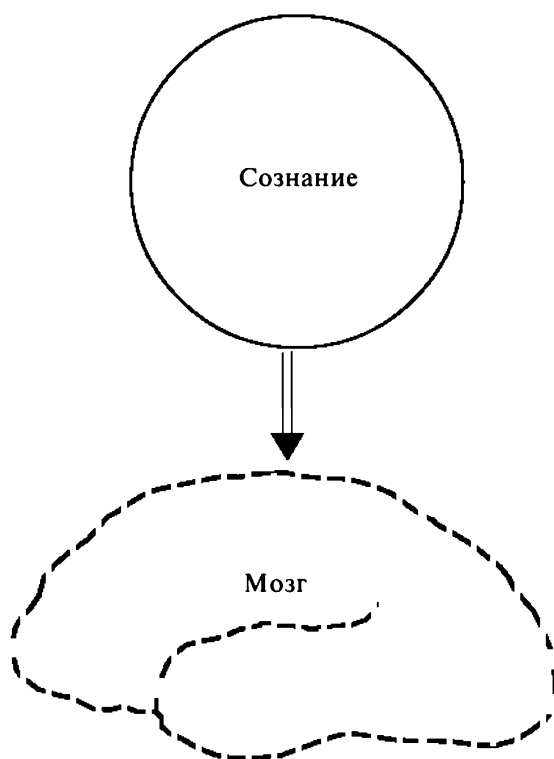

Рис. 8. [Анимизм: взгляды Будды, Платона, Ч. Тарта, Макдугалла]

лизм можно рассматривать как теорию частичного взаимодействия (см. рис. 7). В следующем разделе мы познакомимся с такого типа теорией.

Гиперфеноменализм

Эта теория особенно ярко представлена в индийской философии, например в философии Будды (563—483 до н.э.), а также в ранней греческой философии Платона (427—347 до н.э.). Она рассматривает духовные (*spiritual*) явления как самую существенную составляющую жизни, тогда как материальный мир считается всего лишь «майей», т.е. своего рода химерой или иллюзией. В современном варианте этой теории мозг рассматривается как инструмент, на который воздействует духовный мир или космическое сознание подобно тому, как на телевизионный приемник влияют электромагнитные волны. Таким образом, процессы, происходящие в мозге (или в телевизоре), в значительной степени вызваны чем-то, идущим снаружи (несмотря на то, что структуры мозга естественным образом влияют на сознание индивида). Однако мозг не оказывает

СПИРИТУАЛИЗМ
(ИДЕАЛИЗМ):
весь мир духовный

Рис. 9. [Спиритуализм: взгляды Беркли, Васубандху]

обратного воздействия на душу (psyche). Следовательно, «сознание» — это то, что возникает при взаимодействии головного мозга индивида с духовным компонентом мира, который можно рассматривать как «космическое сознание» или «космическую» душу. Эту теорию (см. рис. 8). можно обнаружить в так называемой *трансперсональной психологии*¹², одним из основных представителей которой является американец Чарлз Тарт¹³.

Идеализм (спиритуализм, феноменализм)

Прямую противоположность материализма часто называют идеализмом. Но было бы более правильно называть ее *спиритуализмом*, потому что эта философия утверждает, что *все* существующее *духовно* или состоит из «духовных элементов». Известным представителем этой философии является Гегель (1770—1831). Крайнюю версию этой философии можно обнаружить у Беркли (1684—1753), который утверждает, что единственное, что мы можем *наблюдать* как несомненный факт — это собственное сознание. Поэтому он называет свою теорию *феноменализмом*. Но поскольку и о других людях можно *мыслить*, как о существующих сознаниях, Беркли полагал, что все эти сознания существуют как элементы «высшего сознания», или Бога (см. рис. 9).

В философских, особенно в идеологических дебатах четыре вышеупомянутые теории нередко грубо делят на материализм и идеализм, рассматривая

¹² *Трансперсональная психология* — отрасль гуманистической психологии, занимающаяся исследованием «высших» состояний сознания и трансцендентальных переживаний. — *Ред.-сост.*

¹³ См.: *Tart Ch. States of Consciousness*. N.Y.: Dutton, 1975; *Tart Ch. (Ed.) Transpersonal Psychologies*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1975.

при этом эпифеноменализм как материализм, а гиперфеноменализм как идеализм. При этом столь же часто дуализм рассматривают как идеализм, а следующую форму психофизиологической теории, нередко (ошибочно) считают материалистической.

Теория тождественности (нейтральный монизм)

Эта теория представляет собой первую попытку *синтеза* материализма и спиритуализма (тогда как параллелизм можно рассматривать как переходную форму от дуализма к теории тождественности). Она появилась в Древней Греции в философии Аристотеля (384—322 до н.э.) и в Новое время была сформулирована голландским философом Спинозой (1632—1677).

Спиноза утверждает, что психика и материя, — это две стороны одной и той же нейтральной реальности. Поэтому данную теорию стали называть *двухаспектной*. Он проводит аналогию с наблюдением полой сферы изнутри и снаружи. Сфера одна и та же, даже если она выглядит с двух разных пунктов наблюдения как две разные вещи. В том же смысле *тождественны мозг и сознание*. На самом деле мы наблюдаем одну и ту же реальность, хотя и с разных точек зрения, объективной и субъективной, или же при помощи двух различных групп методов. Таким образом, нет двух различных форм существования, т.е. психики и материи, а есть только одна нейтральная форма существования, или реальности, не являющаяся ни материальной, ни духовной. Поэтому эту теорию называют также *нейтральным монизмом* (см. рис. 10).

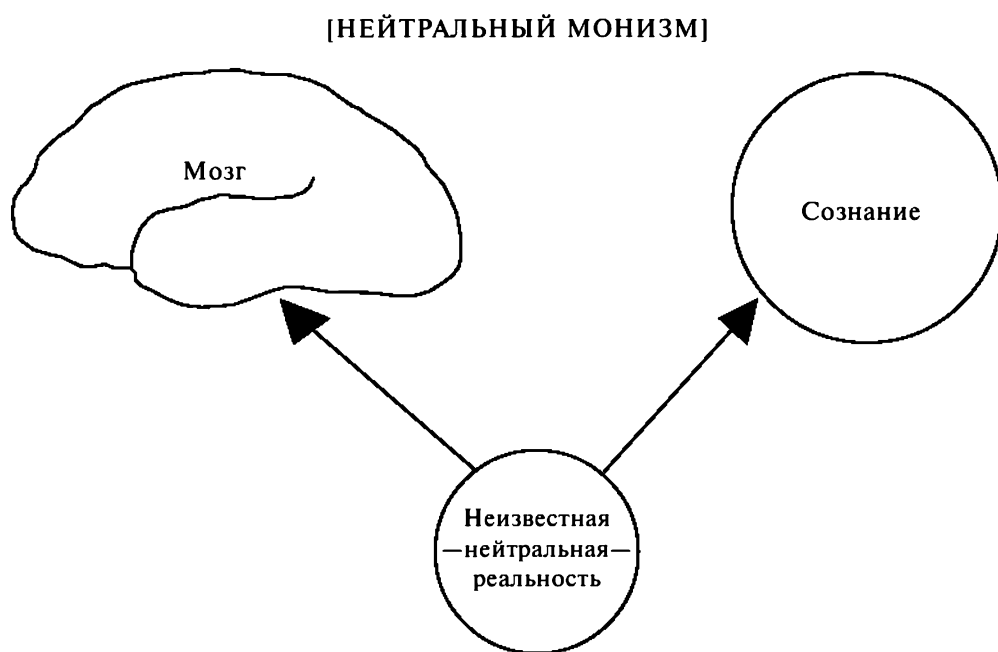

Рис. 10. [Нейтральный монизм: взгляды Спинозы]

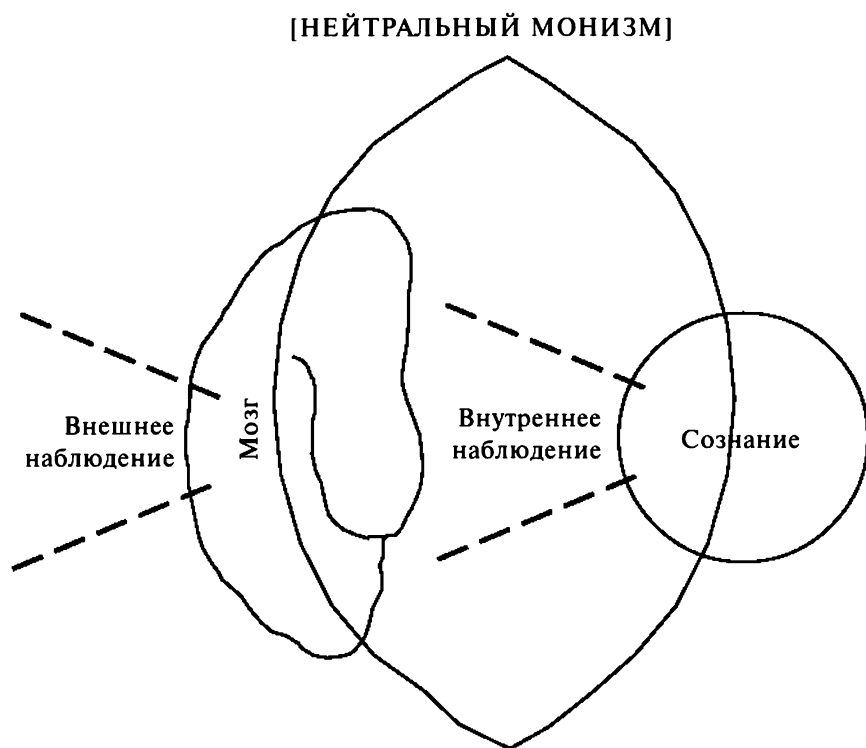

Рис. 11. [Нейтральный монизм: взгляды Рассела, Спинозы, Марри¹⁴]

Позже под этим названием теорию тождественности сформулировал знаменитый английский философ Бертран Рассел (1872—1970), основоположник неопозитивизма, или логического эмпиризма. Данная теория приобрела широкую известность, особенно в англо-саксонском мире, и с 1930-х по 1970-е гг. она доминировала среди целого поколения американских психологов (см. рис. 11 и 12).

Философия систем

Этот термин использован в качестве единого названия нескольких философских учений и теорий, которые в историческом плане развивались независимо друг от друга, но несмотря на это имеют много общего. Сюда входят *диалектический материализм* (особенно «Диалектика природы» Энгельса¹⁵), французский *структурализм* (в который внес свой вклад психолог Жан Пиаже¹⁶),

¹⁴ Марри (Мюррей) (Murray) Генри Александр (1893—1988) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

¹⁵ Энгельс (Engels) Фридрих (1820—1895) — немецкий мыслитель и общественный деятель, один из основоположников марксизма. — *Ред.-сост.*

¹⁶ Пиаже (Piaget) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ; см. его текст на с. 560—562 наст. изд. — *Ред.-сост.*

НЕЙТРАЛЬНЫЙ МОНИЗМ:
теория «центрального состояния»

*Рис. 12. [Нейтральный монизм:
теория Фейгла, диалектический «материализм» Рубинштейна¹⁷]*

американская *кибернетика* (Норберт Винер¹⁸), *информационная теория* и *общая теория систем* (разработанная биологом Людвигом фон Берталанфи¹⁹).

Согласно этой философии, мир постоянно развивается, и в процессе этого развития возникают все более и более сложные вещи, объекты или системы, т.е. атомы, молекулы, кристаллы, одноклеточные организмы, растения, животные, люди, общества и культуры.

Поэтому мир можно рассматривать как состоящий из систем, находящихся на различных уровнях развития, а теорию систем назвать плюрализмом.

Система — это целое, состоящее из элементов, которые организованы (структурированы) определенным образом. Например, человек — это система, состоящая из органов (мозг, нервная система, мышцы и так далее). Эти органы состоят из клеток, которые, в свою очередь, состоят из молекул, составленных из атомов.

Каждую систему можно рассматривать как элемент более крупной (супер-) системы. Например, люди — это элементы групп (семей, рабочих партий и т.д.), которые являются элементами организаций (фирм, институтов и т.д.) как элементов сообществ (например, Дании), составляющих культурную группу (например, культуру Запада) (см. рис. 13).

Система может обладать свойствами (состояниями), которые отсутствуют у ее элементов. Например, жизнь — это системное свойство, которое возникает у клеток и организмов и отсутствует у молекул и атомов, из которых они состоят. Живые системы (растения, животные, люди) являются *саморегулирующимися* (как сложные машины) и *саморазмножающимися* (в отличие от машин).

¹⁷ Рубинштейн Сергей Леонидович (1889—1960) — отечественный психолог и философ.

¹⁸ Винер (*Wiener*) Норберт (1894—1964) — американский математик, основоположник кибернетики. — *Ред.-сост.*

¹⁹ Берталанфи (*Bertalanffy*) Людвиг фон (1901—1972) — австрийский биолог-теоретик; с 1949 г. жил и работал в США и Канаде. — *Ред.-сост.*

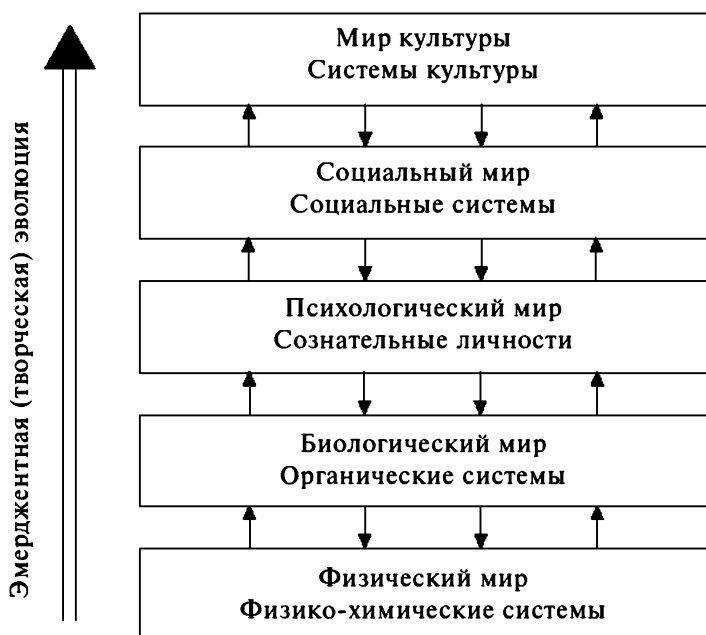

Рис. 13. [Философия систем: взгляды Бераланфи, Ласзло, Прибрама]

*Сознание — системное свойство (состояние), которое появляется у сложных организмов, обладающих нервной системой (т.е. у высших животных и людей). Сознание — это дальнейшее развитие саморегуляции, обнаруживаемой во всех живых системах. Это развитие состоит в том, что организм, обладающий сознанием (особенно человек), управляется не только «заранее запрограммированными» процессами (такими как рефлексy и инстинкты), но и *пластичными, самоизменяющимися, сверху обволакивающими процессами* (такими как мышление, разрешение проблем и планирование). У людей эти пластичные обволакивающие процессы развиваются в рефлексию, т.е. в *самосознание*, которое, по всей вероятности, отсутствует у других видов животных (может быть за исключением высших приматов), потому что предполагает наличие языка²⁰.*

Свойство системы нельзя объяснить, основываясь только на знаниях о ее элементах; объяснение должно опираться на изучение как взаимодействия между элементами, так и взаимодействия между системой в целом и суперсистемой, в которую эта система входит как элемент.

Например, сознание невозможно объяснить только с помощью знаний о процессах головного мозга. Такое знание *необходимо, но недостаточно*, потому что хотя сознание и может быть вызвано или детерминировано процессами головного мозга, оно может быть детерминировано и его взаимодействием с

²⁰ См.: Hildebrandt S. Om Systemer og Systemtoenkning. Kobenhavn: Samfundslitteratur, 1981.

[ФИЛОСОФИЯ СИСТЕМ]

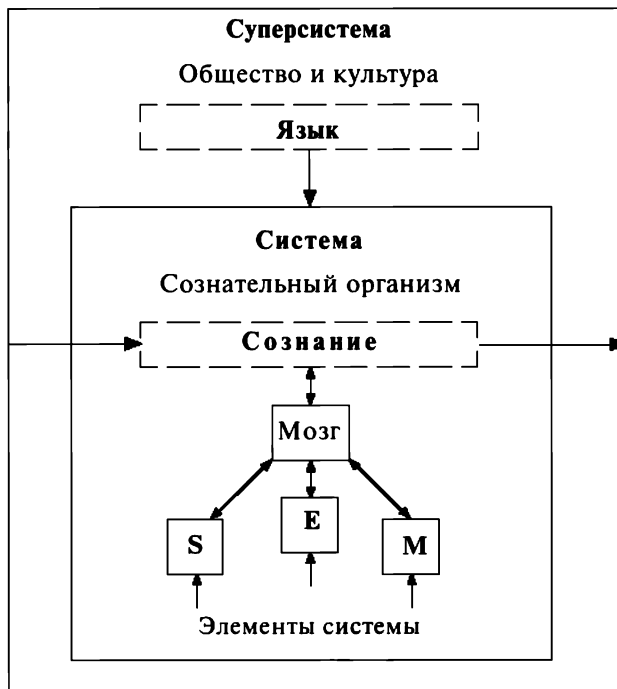

Рис. 14. Сознание как системное свойство

другими органами, особенно с органами чувств [S], мышечной системой [М] и системой желез внутренней секреции [Е] (рис. 14). Кроме того, сознание определяется и взаимодействием индивида с его окружением, особенно с другими людьми, обществом и культурой. Среди элементов культуры для человеческого сознания особое значение имеет *язык*; это значение столь велико, что Маркс²¹ говорит о сознании как об интериоризованном языке (т.е. языке, который индивид использует, когда мысленно говорит с самим собой).

Следовательно, сознание, как и другие системные качества, определяется как факторами «снизу», т.е. органическими процессами, в особенности головного мозга, так и факторами «сверху», т.е. социальными и культурными факторами и в особенности языком. Итак, сознание можно полностью объяснить и понять, только включая в объяснение и биологические, и социальные, и культурные факторы (см. рис. 14).

²¹ Маркс (*Marx*) Карл (1818—1883) — мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма. — *Ред.-сост.*

К. Мадсен

Обзор психологических дисциплин*

[Четыре раздела] психологической науки — психология научения, психология мотивации, психология личности и когнитивная психология — <...> включаются в то, что мы обычно называем *общей психологией*. Но кроме общей психологии, естественно, существуют и другие фундаментальные психологические дисциплины, в частности: 1) *психология развития*, которая частично пересекается с общей психологией (Пиаже¹ является как возрастным, так и общим, когнитивным психологом), и 2) *дифференциальная психология*, изучающая индивидуальные различия, которые «игнорируются» общей психологией, интересующейся только общими законами сознания и поведения. Дифференциальная психология пересекается с одним из направлений общей психологии — психологией личности. Психология, использующая метод факторного анализа², не образует особой разновидности дифференциальной психологии.

Кроме трех *фундаментальных теоретических дисциплин* — общей психологии, психологии развития и дифференциальной психологии — существуют *пограничные дисциплины*, где психология пересекается со смежными науками, а также ряд *прикладных дисциплин*, в которых психология используется в практике. Ниже представлен перечень всех психологических дисциплин.

А. Фундаментальные теоретические дисциплины

1. Общая психология:

- а) метадисциплины: систематика, метатеория, методология, история психологии и др.;

---

* *Madsen K.B. A History of Psychology in Metascientific Perspective. North-Holland, Amsterdam etc.: Elsevier Science Publ. Com. Inc., 1988. P. 548—549. (Перевод В.В. Петухова.)*

¹ Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ; см. его текст на с. 560—562 наст. изд. — *Ред.-сост.*

² *Факторный анализ* — ряд процедур статистической обработки данных, применяемых с целью определения небольшого количества измерений, групп или факторов в большом множестве независимых переменных или элементов. — *Ред.-сост.*

- б) психология мотивации: мотивы (потребности, влечения) и эмоции;
- в) психология научения: научение, память и забывание;
- г) когнитивная психология: восприятие, мышление, воображение и др.;
- д) психология личности. — *Ред.-сост.*].

2. Дифференциальная психология:

- а) исследование интеллекта и способностей;
- б) разделы психологии личности;
- в) психология развития (детская психология, развитие личности и др.).

Б. Пограничные дисциплины

1. Биологические:

- а) физиологическая психология;
- б) зоопсихология (этология и сравнительная психология).

2. Социальные:

- а) социальная психология;
- б) этнопсихология;
- в) экономическая психология;
- г) политическая психология.

3. Гуманитарные:

- а) историко-биографическая психология;
- б) психология литературы;
- в) психология искусства и музыки;
- г) психолингвистика;
- д) психология религии;
- е) психология науки.

В. Прикладные дисциплины

1. Педагогическая психология.

2. Клиническая психология.

3. Индустриальная психология: индустриальная психология, психотехнология, психология маркетинга и рекламы.

4. Военная психология.

5. Судебная психология: психология свидетелей и заключенных.

6. Транспортная психология.

Ж. Годфруа

Чем занимаются психологи?*

Введение

Название «психология» все еще окутано завесой тайны для тех, кому не приходилось соприкасаться с этой наукой. Однако число студентов, впервые приступающих к изучению психологии с целью приподнять эту завесу, достаточно велико. Они надеются таким образом глубже познать себя, а главное — овладеть методами, позволяющими лучше понимать других людей и в конечном итоге воздействовать на них.

<...> [Выше] мы показали, по каким направлениям развивалась психология в XX в., и обрисовали трудности, с которыми приходится сталкиваться при попытках понять природу человека и происхождение различных форм его поведения. Кроме того, мы старались устранить или по крайней мере сгладить представление о психологе как о врачевателе души, умеющем глубоко проникать в мысли и чувства людей, способном ясно понять их тайные замыслы, а прежде всего — помочь им изменить свою судьбу.

Этот портрет очень мало соответствует действительности. Несомненно, есть люди, как женщины, так и мужчины, изначально обладающие особым «даром» контактности и непринужденного общения, что позволяет им выслушивать других и оказывать им известную моральную поддержку или подводить их ближе к ответам на те или иные вопросы. Но как объективно установить, можно ли считать удовлетворение, получаемое «клиентом» от такого общения, показателем какого-то реального, а не воображаемого успеха? Сколько приходится на одного психолога, достойного этого звания, шарлатанов в этом деле, чья «профессия» находится под защитой закона лишь в немногих странах?

Психология, как мы видели, может продвигаться вперед только при условии методичного исследования механизмов, лежащих в основе поведения;

---

* Годфруа Ж. Что такое психология: В 2 т. М.: Мир, 1992. Т. 1. С. 102—110.

только применение научного метода позволяет получить такие сведения и объективно оценить результаты того или иного воздействия. А единственную гарантию серьезного проведения такой работы дает солидная подготовка психолога. Эта подготовка может, однако, осуществляться разнообразными способами, подчас весьма далекими от того, каким они должны быть по представлениям широкой публики.

Психологи, как и представители других наук, делятся на две категории: одни заняты поисками новых знаний, а другие — их приложением. Первых интересуют теоретические аспекты; они наблюдают изучаемые явления в естественной обстановке или в лаборатории, стараются интерпретировать полученные результаты и систематизировать их, с тем чтобы создать схемы, объясняющие поведение. Именно к ним относится главным образом все то, что говорилось до сих пор.

Психологи второй категории более многочисленны. Это к ним непосредственно обращаются люди, которые с трудом приноравливаются к различным сторонам повседневной жизни, как интеллектуальным, так и эмоциональным. Некоторые из этих психологов, кроме того, призваны помогать своими советами при организации управления различными видами человеческой деятельности. В своих действиях они опираются на накопленные теоретические знания и в своей повседневной практике проверяют обоснованность этих знаний и выявляют в них слабые места.

Психология и ее разделы

Прежде чем приступить к рассмотрению теоретической психологии и используемых в ней методов исследования, мы остановимся на той категории психологов, с которой чаще всего можно встретиться в повседневной жизни, то есть на психологах-практиках.

Прикладные области

Среди психологов, непосредственно обслуживающих своих ближних, одни занимаются проблемами отдельных людей в случаях эмоциональных или социальных кризисов, другие стремятся помочь решению проблем, возникающих в области образования или производственной деятельности, третьи создают программы для привлечения внимания людей к различным общественным мероприятиям или непосредственно участвуют в таких мероприятиях.

Некоторые работают в собственных частных кабинетах, а другие — в школьных управлениях, в общественных, правительственных или частных учреждениях. Кроме того, нельзя забывать о всех тех, кто преподает психологию в средних специальных учебных заведениях, институтах и университетах, иногда совмещая это с научно-исследовательской работой или с помощью обществу.

Мы вкратце опишем функции некоторых из этих профессиональных психологов.

Клинический психолог. Его роль не следует путать с ролью *психиатра*. *Клинические психологи* работают главным образом в больницах и центрах психического здоровья или в консультационных кабинетах. Чаще всего они имеют дело с людьми, которые жалуются на состояние тревоги, выражающееся в функциональных расстройствах эмоционального или сексуального плана, или же на трудности в преодолении неурядиц повседневной жизни. Психолог должен уяснить себе проблему путем бесед с пациентом или психологического обследования, с тем чтобы выбрать и в конечном счете применить наиболее подходящую терапию <...>.

Психолог-консультант. Главная задача психолога-консультанта состоит в том, чтобы помочь людям, не нуждающимся в психотерапии¹; к нему в основном обращаются с проблемами, касающимися отношений между людьми, чаще всего супружеских или семейных. В таких случаях он должен облегчить налаживание конструктивного диалога между супругами или между родителями и детьми, с тем чтобы они могли разрешить свои проблемы <...>.

Сексолог пытается оказать помощь людям, озабоченным сексуальными проблемами. В зависимости от серьезности этих проблем он может либо просто помочь клиенту осознать какие-то психологические барьеры, либо — в случае более сложных дисфункций психологического происхождения — предложить соответствующее лечение.

Большую работу проводят и *психологи-консультанты*, участвующие в работе различных центров по предупреждению самоубийств и разного рода организаций по борьбе с наркоманией или преступлениями против личности, жертвами которых чаще всего оказываются женщины и дети. Роль такого психолога состоит в том, чтобы помочь обществу осознать возникшие проблемы, нацелиться на них и постараться решить.

Школьный и промышленный психолог. Эти психологи-консультанты, работающие в двух разных областях, выполняют в сущности довольно сходные функции: помогают учащимся или служащим выбрать специальность или работу, наиболее соответствующую их интересам и способностям. Чаще всего их рекомендации бывают основаны на результатах собеседований или психологических тестов² <...>.

Школьному психологу иногда приходится оказывать психологическую поддержку учащимся, у которых возникают трудности, связанные с процессом адаптации; психолог либо помогает учащемуся разрешить свои проблемы, либо рекомендует соответствующую психотерапию.

¹ *Психотерапия* — лечение расстройств психики при помощи психологических методов. — Ред.-сост.

² *Тест* — в широком смысле — любая процедура или задание, предназначенная для измерения влияния какого-либо фактора на поведение человека или для оценки его способностей. — Ред.-сост.

Что же касается *промышленного* психолога, то ему иногда поручают организацию программ обучения, направленных на повышение производительности труда и чувства сопричастности к делу предприятия у служащих и рабочих. Он может выступать также в роли консультанта как рабочих, так и предпринимателей и играть важную роль в разрешении конфликтов между ними.

В будущем его все чаще и чаще будут привлекать к пробуждению добросердечия у людей при распределении работы и разделении времени, связанных с реорганизацией деятельности предприятий.

С другой стороны, накопление знаний о мотивациях потребителей приводит к тому, что управляющие предприятиями по производству и торговле потребительскими товарами обращаются к психологам за помощью в стремлении создать оптимальные условия для продвижения товаров на рынок, для рекламы и наилучшего использования торговых площадей.

Педагогический психолог и психолог-эргономист. Если роль школьного или промышленного психолога состоит главным образом в том, чтобы помочь индивидууму приспособиться к школьной или производственной среде, то в функции педагогического психолога и психолога-эргономиста, напротив, входит улучшение условий обучения или труда, с тем чтобы они как можно лучше соответствовали потребностям и способностям учащихся или рабочих.

Педагогический психолог занимается разработкой наиболее эффективных методов обучения; в частности, он использует при этом открытия когнитивных психологов и теоретиков, занимающихся исследованием процессов обучения.

В последнее время некоторые педагогические психологи стали специализироваться в области «управления классом», помогая преподавателям выработать в себе такие психологические и социальные навыки, которые позволяют создать в школе приятную и продуктивную атмосферу.

Со своей стороны *психологи-эргономисты* на основе накопленных знаний о поведении людей дают рекомендации конструкторам машин и иных устройств, с которыми будут иметь дело рабочие. В этом смысле психолог-эргономист должен одинаково хорошо судить о наилучшем расположении как рычагов управления ротационной машиной, так и кнопок и циферблатов на приборной доске в кабине пилота, или же уметь оценивать интенсивность шума и освещенность, приемлемые для человека в данных условиях. <...>

Другие разделы практической психологии. В различные области человеческой деятельности все больше и больше проникают и психологи других специальностей.

Психология рекламы занимается оценкой нужд или ожиданий потребителей, создавая, если представится случай, спрос на подлежащий сбыту продукт, будь то зубная паста или избирательная программа политического деятеля <...>.

Юридическая психология стремится гуманизировать взаимоотношения между исправительными учреждениями и заключенными или между последними и их семьями. Знания о поведении человека, которыми владеют специа-

листы, дают им возможность помогать судам назначать преступникам такие меры наказания, которые способствовали бы их возврату в общество.

Военная психология разрабатывает главным образом способы совершенствования методов командования или укрепления связей между разными группами. Она занимается также изучением методов, применяемых партизанами, и способов внедрения в войска агентов противника.

Психология религии пытается понять и объяснить поведение верующих в целом или представителей различных сект. <...>

Экологическая психология занимается изучением наиболее эффективных способов улучшения условий в населенных пунктах и различных местах, где протекает деятельность человека. Особое внимание она уделяет проблемам шума, загрязнения среды токсичными веществами и накопления отходов, характерных для нашего общества потребления.

Существуют также специалисты по *психологии творчества*, стремящиеся понять опыт художника и его формирование у индивидуума.

Во всех этих областях трудно отделить теоретиков от практиков: нередко одни и те же люди изменяют и свои взгляды на данную проблему, и используемые методы в зависимости от получаемых результатов.

Область научных поисков

Каждый день выявляются новые факты, применяются новые методы, создаются и испытываются новые способы оценки результатов. Из них лишь немногие сразу находят себе применение, тогда как другие остаются в тени или же вообще забываются в зависимости от моды или потребностей общества. Назначение науки — накапливать факты независимо от того, как их можно будет использовать. Пути познания неисповедимы.

Психологические исследования могут проводиться в рамках ряда типичных тем: психическое развитие индивидуума, базовые свойства личности и ее эволюция, социальные и межличностные взаимодействия. Все это вполне четко очерченные разделы, знание которых будет обогащаться данными исследований, проводимых по большей части «в естественной обстановке».

Проводятся также фундаментальные исследования, не относящиеся к какой-либо конкретной области психологии. Их проводят чаще всего в лаборатории, используя обычно экспериментальный метод <...>. Разнообразие изучаемых тем и новизна гипотез определяются при этом любознательностью, воображением и изобретательностью исследователей, а также свободой, которую предоставляет руководитель своим сотрудникам.

Генетическая психология. Ученые, занимающиеся *генетической психологией*, пытаются понять, как происходит психическое развитие человека с первых часов его жизни и до смерти <...>.

До недавнего времени главное внимание уделялось детству и отрочеству, которые казались основными этапами в развитии человека. Однако постепен-

но центр тяжести все больше перемещался на аспекты жизни, связанные со зрелостью, старостью и приближением смерти — этапами, которые в меньшей мере порождают кризисы и напряженность у людей соответствующих возрастов. Вскоре появился также целый ряд исследований, показавших, что девять месяцев внутриутробной жизни — очень важный этап психологического развития; значительная часть восприятий младенца и его связей с миром зарождается еще в утробе матери. <...>

Психология личности. Представители этой области психологии чаще всего относят себя к тому или иному из направлений <...>. В зависимости от того, будет ли это бихевиоризм³, психоанализ⁴ или гуманистическое направление, роль каждого конкретного фактора в становлении различных свойств личности оценивается по-разному.

Так, например, развитие жестокости у ребенка одни считают результатом подражания «моделям» — взрослым людям или персонажам телевизионных передач, тогда как по мнению других это «разрядка» накапливаемых напряжений или же синдром «трудного» ребенка, психическое развитие которого тормозится средой <...>.

Число таких примеров, касающихся принятия мужских или женских ролей, сексуальных ориентаций, отклоняющихся форм поведения или любых других аспектов личности, можно умножить. <...>

Социальная психология. Область социальной психологии уже была нами ранее очерчена. Чтобы дать представление о сложности взаимоотношений, складывающихся между людьми, достаточно добавить, что социальная психология выработала целый ряд своих собственных методов, для применения которых нередко требуется немалая изобретательность. <...>

Фундаментальные исследования. Узнав о психологах, занятых фундаментальными исследованиями, люди, озабоченные проблемой рентабельности, всегда задают себе вопрос: зачем это нужно?

Наиболее многочисленные исследования касаются главным образом таких явлений, как научение и его законы, действие мотивационных факторов, развитие таких когнитивных процессов, как восприятие, память, мышление, речь или решение задач. Некоторая доля (5—10 %) исследований проводится исключительно с целью углубить наши знания о поведении.

Для некоторых исследований необходимо применение особых методов или высокая квалификация, и поэтому ими занимаются более узкие специалисты.

Так, *психофизиология* изучает физиологические и биохимические изменения, происходящие в нервной системе. Она пытается установить связь между ними и различными аспектами человеческой активности: функционировани-

³ *Бихевиоризм* (от англ. *behavior* — поведение) — подход, в котором единственно возможным объектом психологического исследования считается поведение. — *Ред.-сост.*

⁴ *Психоанализ* — ряд теорий и методов психотерапии, в которых акцент ставится на процессах и механизмах бессознательного. — *Ред.-сост.*

ем памяти, регуляцией эмоций, сном и сновидениями. Методы исследований здесь весьма разнообразны — от вживления электродов в головной мозг до использования приборов, измеряющих частоту сердечных сокращений, регистрирующих электрическую активность головного мозга или кожные реакции и т.п.

Психофармакология призвана испытывать лекарственные вещества и активные факторы, синтезируемые в фармакологических лабораториях, с тем чтобы описать их воздействия на поведение подопытных животных. Лишь после проведения бесчисленных испытаний и анализа полученных результатов то или иное вещество может быть передано для испытаний на людях и только затем выпущено в продажу <...>.

Зоопсихология использует методы, принятые в психологии, чтобы дополнить данные этологов о поведении различных видов животных. Она старается лучше понять то, что составляет специфику человеческой природы, устанавливая родственные связи человека с животным миром.

Что касается *парапсихологии*, то здесь исследователь слишком часто бывает вынужден работать на самой границе официально признаваемой науки. Цель его состоит в том, чтобы проверить, существуют ли в действительности те психологические явления, которые невозможно объяснить на современном уровне наших знаний. Если есть возможность, он пытается выявить элементы, позволяющие найти место этих проявлений в рамках нормальной жизнедеятельности организма, и установить условия, в которых они возникают. При проведении экспериментов в области парапсихологии следует тщательнейшим образом выверять методологию и проявлять крайнюю осторожность в интерпретации результатов <...>.

В этих специализированных разделах фундаментальных исследований все чаще и чаще можно встретить психологов, занятых проблемой *искусственного интеллекта*. Они пытаются методом моделирования на вычислительной машине лучше понять, как происходит процесс мышления у человека, а также использовать машину для развития у работающих на ней детей новых навыков мышления и исследования задач <...>.

Р.Р. Хок

Этика проведения исследований с участием людей или животных*

Без конкретного предмета изучения проведение научных исследований было бы практически невозможным. В физике предметом исследования являются субатомные частицы; в ботанике — растения; в химии — элементы периодической таблицы; а в психологии — люди, выступающие в качестве испытуемых. Иногда характер используемых процедур или изучаемых форм поведения не позволяет привлекать в качестве испытуемых людей, поэтому вместо людей используются животные.

Тем не менее целью исследований, проводимых на животных, является более глубокое понимание людей, а не животных самих по себе. <...> Описания некоторых <...> исследований могут вызвать у вас вопросы, касающиеся соблюдения исследователями этических норм при проведении определенных процедур с испытуемыми. В большинстве случаев, когда частью обсуждаемого исследования являлись болезненные или стрессовые процедуры, вопросы этики будут рассмотрены в нашем изложении. Однако поскольку дело касается в высшей степени тонкого и важного вопроса, мы приводим здесь краткую характеристику этических правил, которыми руководствуются современные психологи, планируя исследования... <...>

Исследования с участием людей

Американская психологическая ассоциация (АПА) сформулировала строгие и ясные правила, которые должны соблюдать исследователи при проведении экспериментов с участием людей в качестве испытуемых. Ниже приводится фрагмент введения к своду этих правил.

---

* Хок Р.Р. 40 исследований, которые потрясли психологию. Секреты выдающихся экспериментов. — СПб.: «Прайм—ЕВРОЗНАК», 2003. С. 10—14.

Психологи уважают достоинство индивидуума и ценность человеческой жизни и стремятся обеспечить сохранность и защиту фундаментальных человеческих прав. Они обязуются служить целям преумножения знаний о человеческом поведении и понимания людьми себя и других, а также цели использования этих знаний на благо процветания человечества. Преследуя эти цели, они предпринимают все усилия, чтобы защитить благополучие <...> участников исследований, которые могут являться предметом изучения¹.

Для того чтобы следовать этим принципам, исследователи должны соблюдать ряд базовых правил, имеющих силу при проведении любых исследований с участием людей в качестве испытуемых.

1. *Информированное согласие.* Исследователь обязан объяснить потенциальным испытуемым, в чем состоит эксперимент и какие процедуры будут использоваться, так чтобы индивидуум был способен принять решение, касающееся своего участия в эксперименте, учитывая всю имеющуюся информацию. Если индивидуум соглашается участвовать, его решение называется *информированным согласием*. <...> Бывают случаи, когда истинные цели эксперимента не могут быть обнародованы, поскольку это вызвало бы изменения в поведении испытуемых и сделало бы недействительными результаты эксперимента. В случаях, когда используется обман, испытуемым все же необходимо предоставить информацию, достаточную для информированного согласия, а утаивание отдельных деталей эксперимента должно быть оправдано важностью потенциально получаемых результатов.

2. *Свободное право выйти из эксперимента в любое время.* Все люди, участвующие в качестве испытуемых во всех исследовательских проектах, должны знать о том, что они могут свободно отказаться от дальнейшего участия в эксперименте в любой момент. Данное правило может показаться излишним, поскольку очевидно, что любой испытуемый, переживающий слишком сильный дискомфорт при проведении экспериментальных процедур, может просто уйти. Однако ситуация не всегда настолько проста. В частности, студентам-выпускникам часто начисляются дополнительные баллы за изучаемые курсы в случае участия в психологических экспериментах. Студенты могут считать, что выход из эксперимента повлияет на оценку, которую они получают, а потому не чувствовать себя свободными выйти из него. В случаях, когда за участие в эксперименте полагается денежное вознаграждение и экспериментаторы создают у участников впечатление, что завершение эксперимента является условием его выплаты, это может рассматриваться как неэтичное побуждение участников отказаться от выхода из эксперимента, даже если бы они хотели сделать это. Во избежание подобных проблем испытуемым должны начисляться баллы или выплачиваться вознаграждение в самом начале прохождения процедур только за то, что *они явились* для участия в эксперименте.

¹ American Psychological Association. Ethical principles of psychologist // American Psychologist. 1981. Vol. 36. P. 633—638.

3. *Разбор эксперимента и техника безопасности.* Экспериментаторы несут ответственность за защиту испытуемых от любого физического и психологического ущерба, который могут повлечь за собой экспериментальные процедуры. Большинство психологических экспериментов проводится методами, не способными оказать какое-либо вредное воздействие как во время, так и после завершения эксперимента. Однако даже, казалось бы, совершенно безобидные процедуры иногда оказывают такие негативные воздействия, как фрустрация², неловкость или озабоченность. Наиболее распространенным методом предотвращения подобных эффектов является соблюдение этического правила, обязывающего проводить разбор эксперимента. После своего завершения любой эксперимент, в особенности предполагавший обман участников, должен подвергнуться разбору. Во время разбора испытуемым должны быть объяснены истинные цели и задачи эксперимента и предоставлена возможность задать любые вопросы, касающиеся своих ощущений, связанных с экспериментом. Если существует вероятность появления долговременных эффектов, являющихся следствием эксперимента, исследователи должны предоставить испытуемым номера телефонов для обсуждения этих эффектов в случае возникновения такой необходимости.

4. *Конфиденциальность.* Все данные, полученные с участием испытуемых в ходе эксперимента, должны носить исключительно конфиденциальный характер, за исключением случаев, когда с испытуемыми была достигнута специальная договоренность. Это не означает, что результаты эксперимента не могут сообщаться или публиковаться, однако это должно быть сделано в форме, не позволяющей идентифицировать личные данные участников. Во многих случаях испытуемых даже не просят сообщать личную информацию, и все собранные данные объединяются для получения усредненных различий между экспериментальными группами.

В исследованиях с участием детей требуется родительское согласие, а также соблюдение всех перечисленных выше этических требований. <...>

Исследования, проводимые на животных

Одним из вопросов, вызывающих наиболее горячие споры, как в рамках, так и за пределами научного сообщества, является вопрос об этической стороне исследований, проводимых на животных. Число общественных группировок, выступающих в защиту животных, постоянно растет, а их члены становятся все более активными и воинственными.

Сегодня участие животных в экспериментах порождает больше полемики, чем участие людей, вероятно потому, что животные, в отличие от людей, не мо-

---

² *Фрустрация* — 1) блокировка или помеха текущему целенаправленному поведению; 2) мотивационное и/или аффективное состояние, вызванное этой блокировкой или помехой. — *Ред.-сост.*

гут защитить себя требованиями информированного согласия, права на выход из эксперимента или его разбора. Кроме того, наиболее радикальные активисты движения за права животных считают, что ценность жизни всех живых существ может быть проранжирована в соответствии с их способностью испытывать боль. Согласно данной концепции, по ценности своей жизни животные приравниваются к людям, а потому любое использование животных людьми рассматривается как нарушение этики. К этим неэтичным формам использования животных относится, в частности, употребление в пищу цыплят, ношение кожаной одежды и содержание домашних животных (которое, согласно представлениям борцов за права животных, является формой рабства).

Итак, крайнюю точку зрения представляют многие люди, считающие, что исследования, проводимые на животных, антигуманны и неэтичны, а потому должны быть запрещены. Однако почти все ученые, включая большинство американских, считают, что ограниченное и гуманное использование животных в научных целях является необходимым и полезным. Многие спасшие немало человеческих жизней лекарственные препараты и медицинские процедуры были разработаны благодаря использованию в экспериментах подопытных животных. Животные нередко использовались в психологических экспериментах при изучении таких явлений, как депрессия, перенаселенность или процессы научения.

Основной причиной, по которой в этих случаях используются животные, является то, что проведение аналогичных исследований на людях было бы однозначно неэтичным. Допустим, например, что вы хотите изучить, как влияет на развитие мозга и интеллекта младенцев их воспитание в богатой возможностями среде, где им предоставлены множество форм активности и игрушек, в противовес обедненной среде с ограниченным выбором возможностей. Распределить по соответствующим экспериментальным группам человеческих младенцев было бы просто невозможно. Однако большинство людей согласятся с тем, что подобный эксперимент безо всякого нарушения этических требований можно провести на крысах и при этом получить результаты, имеющие потенциальную ценность и по отношению к людям...

Помимо правил, касающихся людей, Американская психологическая ассоциация сформулировала строгие правила, которыми следует руководствоваться при проведении исследований на животных с целью обеспечения гуманного обращения с ними. Эти правила требуют, чтобы подопытным животным были обеспечены соответствующие условия содержания, кормления, чистоты и санитарного ухода. Нанесение какой-либо не вызванной необходимостью боли запрещается. Раздел изданного АПА свода этических правил, озаглавленный «Уход за животными и их использование», гласит:

Психологи прикладывают все усилия к тому, чтобы минимизировать дискомфорт, болезни и болевые ощущения животных. Процедуры, подвергающие животных боли, стрессу или лишениям, используются только в тех случаях, когда

проведение альтернативных процедур невозможно, а их цель оправдана их потенциальной научной, образовательной или практической ценностью³.

<...> Помимо этических соображений, касающихся данных исследований, существуют также трудности, связанные с распространением полученных на животных результатов на людей. <...> Каждый индивидуум, будь то исследователь или студент психологического вуза, должен принять самостоятельное решение, касающееся исследований, проводимых на животных, в целом, а также об оправданности использования животных в каждом отдельном случае. Если вы допускаете, что использование животных приемлемо при определенных обстоятельствах, то для каждого исследования, включающего эксперименты над животными <...> вы должны решить, обоснованы ли используемые методы ценностью результатов исследования.

Последний вопрос, который мы рассмотрим в этой связи, касается одного из нововведений в области исследований, проводимых на животных, явившегося реакцией на озабоченность общественности по поводу потенциальных нарушений этики обращения с животными. В городе Кембридже, штат Массачусетс, являющемся одним из крупнейших в мире исследовательских центров и включающем такие научно-исследовательские учреждения, как Гарвардский университет и Массачусетский Технологический институт (*MIT*), была учреждена должность Комиссионера по лабораторным животным в рамках Отдела здравоохранения и госпиталей (*Comissioner of Laboratory Animals, Department of Health and Hospitals*). Это первая в истории правительственная должность такого рода, которую в настоящее время занимает ветеринар — доктор Джулия Медлей. В Кембридже находятся 22 исследовательские лаборатории, располагающие приблизительно 60-ю тысячами животных. В задачи комиссионера входит обеспечение гуманного и целевого обращения со всеми подопытными животными, включающее все аспекты проведения исследований, начиная от обеспечения жилья для животных и заканчивая методами осуществления процедур, входящих в программы исследований. Если лаборатория признана нарушающей строгие законы Кембриджа, касающиеся гуманного обращения с животными, комиссионер уполномочен взыскать штраф в размере до трехсот долларов в день⁴.

---

³ American Psychological Association. Ethical principles of psychologist // American Psychologist. 1981. Vol. 36. P. 633—638.

⁴ People. 1991. 27 may. P. 71.

9 *Наука и псевдонаука: научная психология и парапсихология*

Б.Г. Дауден

Как опознать псевдонауку*

Термин «наука» вызывает положительные ассоциации, а слово «псевдонаука» — отрицательные. Наука получает денежные субсидии, а псевдонаука не получает. Эпитет «псевдонаучные» в отношении каких-либо утверждений или теорий подразумевает, что они иррациональные, а применительно к программам исследований — то, что время на их реализацию будет потрачено впустую. Псевдонаучным, например, является утверждение, что расположение планет в момент рождения человека определяет его личность и основные события его жизни. Также псевдонаучно заявление, что во время спиритических сеансов духи умерших посредством медиумов устанавливают связь с живыми людьми. Астрология и спиритизм могут быть полезными в налаживании социальных связей, но науками они не являются.

Если исключить немногие примеры псевдонаук, подобные вышеуказанным и очевидные большинству людей, точно определить псевдонауку нелегко. Можно попытаться сначала дать определение *науки*, а затем, опираясь на него, привести доводы в пользу того, что та или иная псевдонаука наукой не является. Но мы возьмем на вооружение другой, прямой подход, попытавшись определить *псевдонауку* непосредственно. Большинство методологов согласились бы с тем, что псевдонауку можно квалифицировать как таковую, ответив на следующие вопросы.

1. Располагают ли эти «ученые» *проверяемой теорией*?
2. Располагают ли эти «ученые» *воспроизводимыми* данными, которые их теория должна объяснить?

Если вы получили ответ «нет» на любой из этих вопросов, то вы имеете дело с псевдонаукой. С псевдонаукой вы сталкиваетесь и в тех случаях, когда получаете ответ «да» на любой из следующих вопросов.

---

* *Dowden B.H. Logical Reasoning. Belmont (CA): Wadsworth Publ. Co., 1993. P. 391—393. (Перевод Ю.Б. Дормашева.)*

3. Создается ли у вас впечатление, что основное содержание деятельности этих «ученых» сводится к повсеместному поиску явлений, которые трудно объяснить с позиций современной науки, т.е. не занимаются ли они *погоней за таинственным*?
4. Прибегают ли эти «ученые» сразу же, не задумываясь, к *сверхестественным объяснениям* или они предпочитают начинать с объяснений естественных?
5. Используют ли эти «ученые» метод *ad hoc rescue*?¹

Программу исследований, направленную на изучение паранормальных феноменов, называют парапсихологией. Эта программа — псевдонаучная, несмотря на то, что большинство ее участников считают себя учеными. Давайте посмотрим, почему эта программа заслуживает характеристики «псевдонаучная». В ряд паранормальных явлений, о которых в данном случае пойдет речь, включают астральное путешествие², ауры³, психокинез (перемещение чего-то без физического контакта), сознание растений, психическое врачевание, общение с духами, колдовство и экстрасенсорное восприятие (ЭСВ), т.е. телепатию (чтение мыслей), ясновидение (видение независимо от расстояния) и предвидение (знание будущего). Большинство парапсихологов верит в существование этих феноменов. Кроме того, они считают, что современная наука не в состоянии их объяснить. Объяснить эти явления сможет только та наука, которая признает сверхъестественные силы и экстраординарные способности психики.

Парапсихология является псевдонаучной согласно пунктам 1, 2 и 3 вышеприведенного списка. Во-первых, по пункту 2 зададим вопрос: может ли парапсихолог указать человека, которому удалось бы повторно вылечить рак в контролируемых условиях, установленных учеными-скептиками? Добросовестной проверки не выдержало ни одно из заявлений парапсихологов о том, что они обнаружили случаи излечения рака, чтения мыслей или предсказания будущего. Парапсихологи не могут по требованию проверяющих в качестве доказательства повторить хотя бы один из этих феноменов. Они могут предоставить только отдельные случаи, в которых произошло нечто удивительное. Парапси-

---

¹ *Метод ad hoc rescue* — буквально «метод спасения в данном случае». Автор определяет его как «ошибку, совершаемую теми, кто столкнувшись с фактами, явно противоречащими какому-то утверждению, пытается спасти это утверждение, обращая внимание на то, можно ли устранить это противоречие, если ввести некоторое новое допущение. Когда единственным основанием для принятия этого допущения, является то, что оно успешно спасает данное утверждение, такое спасение называется *ad hoc rescue*» (р. 396). — *Ред.-сост.*

² *Астральное путешествие* — один из феноменов так называемого опыта внетелесных переживаний, при котором человек чувствует себя отделенным от своего тела и как бы способным путешествовать и видеть отдаленные местности на Земле или неземные сферы. — *Ред.-сост.*

³ *Аура* — мнимые излучения тела человека, якобы видимые другими людьми, обладающими достаточной для этого чувствительностью. — *Ред.-сост.*

хологам никогда не удавалось повторно воспроизвести феномены, которые, по их мнению, требуют революционного объяснения.

Парапсихологи очень редко создают собственные теории и занимаются их проверкой. Вместо этого почти все они стараются разнести в пух и прах науку, разыскивая таинственные явления, которые, как они считают, явно не доступны современному научному объяснению. Возможно, тщательный сбор этих данных необходим на преднаучной стадии какого-то направления, которое надеется революционизировать науку, но практика парапсихологии показывает, что это направление пока еще ненаучно. Значит, парапсихологию можно осудить по пункту 3.

Что касается пункта 1, то ученые критикуют парапсихологов за то, что у них нет исследовательской программы, опирающейся на теорию. Допустим, что паранормальные явления существуют и парапсихологи не гонятся за тайнами, но все равно у них нет даже ни приблизительной, ни тем более точной теории о том, каким образом эти феномены происходят. Они пользуются только примитивными теориями, например, ссылаясь на таинственную психическую энергию, вызывающую данное явление, или на то, что данный субъект получил доступ к демоническим силам, или на то, что психика, подобно радио, может посылать и получать сигналы по неведомому каналу. У парапсихологов нет более или менее разработанной теории, которая давала бы предсказания, доступные проверке. Но там, где нет достаточно зрелой теории, которая позволяет сделать предсказание, доступное проверке, нет и науки.

А. Поулинг,
Г. Шлингер,
С. Старин,
Э. Блейкли

Наука и псевдонаука*

Достоинства научного анализа становятся совершенно очевидными при сопоставлении с другими подходами к пониманию поведения. Там, где отсутствует наука, процветает бессмыслица. Особенно отчетливо это наблюдается в парапсихологии и родственных ей псевдонауках. Мы рассмотрим эту область не потому, что псевдонауки объясняют поведение человека, они этого не делают, а как хорошие примеры нелогичного и ненаучного анализа.

Парапсихология изучает такие феномены поведения, которые невозможно объяснить известными законами природы. Парапсихологи заявляют о существовании множества явлений такого рода. Последние пять лет в центре их внимания находятся четыре феномена: телепатия, ясновидение, предвидение и психокинез. Хансел определяет эти явления следующим образом:

Телепатия [курсив наш. — *Ред.-сост.*] — узнавание одним человеком мыслей другого при отсутствии какой-либо коммуникации по сенсорным каналам. *Ясновидение* — знание о каком-то объекте или событии, приобретаемое без участия органов чувств. *Предвидение* — знание одним человеком будущих мыслей другого человека (*предвидящая телепатия*) или предстоящих событий (*предвидящее ясновидение*). *Психокинез* — способность человека мысленно воздействовать на физические объекты или события, например, на выпадение игровой кости¹.

---

* Poling A., Schlinger H., Starin S., Blakely E. Psychology: A Behavioral Overview. N.Y.; L.: Plenum Press, 1990. P. 40 — 45. (Перевод Ю.Б. Дормашева, С.А. Капустина.)

¹ Hansel S.E.M. ES Pan Parapsychology: A Critical Re-evaluation. Buffalo (NY): Prometheus, 1980. P. 3—4.

За исключением психокинеза, каждый из этих феноменов связан с восприятием и в то же время не зависит от сенсорной активности. Поэтому телепатию, ясновидение и предвидение можно объединить как разновидности *экстрасенсорного восприятия* (ЭСВ). Этот термин ввел Д.Б. Райн², эксперименты которого в университете Дьюка в 1930-е гг. положили начало повальному увлечению ЭСВ, продолжающемуся вплоть до настоящего времени³. Термин «психические феномены», или «пси-феномены», широко используется для обозначения ЭСВ и любых других парапсихологических случаев.

Парапсихологию интересует только часть *паранормальных* феноменов, к которым обычно относят сверхъестественные или экстрасенсорные способности и события⁴. Как отмечает Хайнз, «паранормальные феномены включают в себя экстрасенсорное восприятие (ЭСВ), телекинез, привидения, полтергейст⁵, реинкарнацию⁶, жизнь после смерти⁷, исцеление верой⁸, ауры человека и т.д.»⁹. Астрология¹⁰ и уфология¹¹ (убеждение в существовании неопознанных летающих объектов (НЛО), пилотируемых пришельцами из космоса) также имеют дело с паранормальными явлениями. Многие люди считают существование паранормальных явлений реальным фактом. Например, в 1984 г. в результате опроса по телефону 506 американских подростков в возрасте от 13 до 18 лет было обнаружено, что 59 % верят в ЭСВ и 55 % — в астрологию; 28 % верят в ясновидение, 24 % — в снежного человека, 20 % — в привидения и 18 % — в Лох-Несское чудовище¹². Круг паранормальных явлений, принимаемых на веру в данной

² Райн (*Rhine*) Джозеф Банкс (1895—1980) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

³ См.: *Gordon H. Extrasensory Deception*. Buffalo (NY): Prometheus, 1987.

⁴ См.: *Randi J. The Truth about Uri Geller*. Buffalo (NY): Prometheus, 1982.

⁵ *Полтергейст* — явления передвижения, падения, исчезновения предметов, происходящие в домашней обстановке и объясняемые проделками духов, домового, «барабашек». — *Ред.-сост.*

⁶ *Реинкарнация* (перевоплощение, олицетворение) — термин, выражающий веру в способность богов, духов и святых появляться среди людей в облике человека, животного, растения и даже неодушевленного предмета. — *Ред.-сост.*

⁷ *Жизнь после смерти* — представление о том, что душа покидает тело в момент смерти, на какое-то время задерживается около бездыханного тела, как бы видит все происходящее со стороны и затем удаляется чаще всего по какому-то темному тоннелю к свету, основанное на показаниях некоторых людей, переживших состояние клинической смерти. — *Ред.-сост.*

⁸ *Исцеление верой* — выздоровление, достигаемое благодаря убеждению или вере в силу целителя, психотерапевта или психотерапевтической процедуры. — *Ред.-сост.*

⁹ *Hines T. Pseudoscience and the Paranormal*. Buffalo (NY): Prometheus, 1988. P. 7.

¹⁰ *Астрология* — учение о связи между движением небесных тел и земными событиями. — *Ред.-сост.*

¹¹ *Уфология* (англ. UFO, *unknown flying object* — неопознанный летающий объект) — область, занимающаяся изучением неопознанных летающих объектов и предположительно связанных с ними явлений. — *Ред.-сост.*

¹² См.: *Frazier K. Gallup Youth Poll Finds High Belief in ESP, Astrology // The Skeptical Inquirer*. 1984—1985. № 9. P. 113—114.

культуре, со временем меняется. Бермудский треугольник¹³, энергия пирамид¹⁴, космические пришельцы Эриха фон Деникена¹⁵ уже устарели, тогда как восприятие информации от духов посредством медиумов¹⁶ и уфология в моде и сейчас. <...> Сторонники остаются и у астрологии: в США едва ли найдешь ежедневную газету без гороскопа¹⁷ на текущий день.

Несмотря на то, что вера в паранормальные явления широко распространена и уходит корнями в древность, многие люди относятся к ним скептически. Как видно из статьи Пола Куртца, помещенной в Приложении, их сомнения вполне обоснованы. Философ Куртц является председателем Комитета научного изучения заявлений о паранормальных явлениях (CSICOP)¹⁸, цель которого заключается «в поддержке критического исследования свидетельств паранормальных и околonaучных явлений с ответственной, собственно научной точки зрения, а также в сообщении документальной информации о результатах таких проверок научному сообществу и публике»¹⁹.

Относительно парапсихологических свидетельств скептики обычно выделяют два рода замечаний.

Во-первых, это аналитические и логические возражения против теоретических основ парапсихологии, которые противоречат твердо установленным принципам здравого смысла и естественных наук. Аргумент Юма²⁰ против чудес выдержал проверку временем и до сих пор остается в силе. Если какое-то свидетельство попирает закономерности, установленные опытным путем, тогда мы должны взвесить все возможности и принять наиболее вероятное объяснение. Скептики настаивают по меньшей мере на том, чтобы необычные явления сторонников существования паранормальных явлений были под-

---

¹³ *Бермудский треугольник* — область в Атлантическом океане, ограниченная линиями, соединяющими г. Майями (штат Флорида, США), Бермудские острова и острова Пуэрто-Рико, в которой, по мнению некоторых авторов, произошло необычно много случаев таинственного исчезновения людей, кораблей и самолетов. — *Ред.-сост.*

¹⁴ *Энергия пирамид* — существует мнение, что египетские пирамиды — это устройства для фокусировки оздоравливающей, космической или духовной, энергии. — *Ред.-сост.*

¹⁵ Деникен (*Daniken*) Эрих фон (р. 1935) — швейцарский писатель, путешественник и публицист, активно пропагандирующий гипотезу о пришельцах из космоса, когда-то посещавших Землю. — *Ред.-сост.*

¹⁶ *Медиум* — посредник между людьми и миром духов, способный вызывать духи умерших. — *Ред.-сост.*

¹⁷ *Гороскоп* — таблица взаимного расположения планет и звезд на определенный момент времени (например, на момент рождения человека), служащая для предсказаний о чьей-либо судьбе или об исходе какого-либо события. — *Ред.-сост.*

¹⁸ Committee for the Scientific Investigation of Claims of the Paranormal (CSICOP). — *Ред.-сост.*

¹⁹ The Skeptical Inquirer. 1988, задняя обложка.

²⁰ Юм (*Hume*) Дейвид (1711—1776) — шотландский философ, историк и экономист. — *Ред.-сост.*

креплены столь же исключительными доказательствами. Если пси-феномены существуют, то должны быть предложены логически непротиворечивые гипотезы или теории, объясняющие их. На начальных стадиях науки это, возможно, маловероятно, но все же такова ее конечная цель. В этом направлении парапсихология не продвинулась. Хотя она и постулировала несколько теоретических положений — например, относительно экстрасенсорного восприятия и психокинеза, какой-либо развитой теории не существует, а то, что предлагается, противоречит физике.

Во-вторых, еще более весомой критике подвергаются сами данные. Решающий вопрос заключается в степени фактического подтверждения заявлений парапсихологов о существовании ЭСВ, психокинеза и других пси-феноменов. Парапсихологи утверждают, что такие доказательства существуют, скептики их отрицают. Таким образом, ключевая проблема состоит в том, существуют ли адекватные данные, объективно полученные и повторно воспроизводимые в лаборатории беспристрастными и независимыми учеными. Прежде чем мы сможем убедиться в существовании пси-феноменов, нам необходимо очень внимательно изучить соответствующий источник опытных и экспериментальных данных. Здесь-то и разгораются споры, так как скептики отрицают, что эти свидетельства обладают достаточной силой и утверждают, что там, где обнаружены аномалии, их можно объяснить обычным образом²¹.

Куртц идет дальше, предлагая обсудить мошенничество как особенно серьезную для парапсихологии проблему. Большинство людей, якобы обладающих сверхестественными силами, в действительности были фокусниками, искусными обманщиками, способными с равным успехом одурачивать как простаков, так и ученых. Ури Геллер — один из них²². Однако в круг обманщиков попадают не только обычные прохвосты; в этой области обвинения в жульничестве и лжи были предъявлены также ряду исследователей. В этом смысле интересен случай У.Дж. Леви младшего²³. В начале 1970-х гг. Леви сообщил об удивительной серии успехов в парапсихологическом исследовании. По этой теме с 1969 по 1974 г. он опубликовал двадцать работ, и в 1973 г. Д.Б. Райн назначил его директором Института парапсихологии при университете Дьюка. Помимо других замечательных открытий Леви продемонстрировал предвидящее ясновидение у мышей; по несенсорным каналам они могли узнавать о предстоящем ударе электрическим током и пытались избежать его. Другой впечатляющей демонстрацией был психокинез у зародышей цыплят. ПсихокINETические силы были обнаружены у оплодотворенных яиц, помещенных в инкубатор, отопление которого включалось и выключалось специальным устрой-

²¹ См.: Kurtz P. Is parapsychology a science? // A Skeptic's Handbook of Parapsychology / P. Kurtz (Ed.). Buffalo (NY): Prometheus, 1985. P. 503—518.

²² См.: Randi J. The Truth about Uri Geller. Buffalo (NY): Prometheus, 1982.

²³ См.: Rogo D.S. J.B. Rhine and the Levy scandal // A Skeptic's Handbook of Parapsychology / P. Kurtz (Ed.). Buffalo (NY): Prometheus, 1985. P. 313—326.

ством случайным образом так, чтобы инкубатор обогревался около половины всего времени. Согласно данным Леви, отопление инкубатора оказывалось включенным значительно большее время, чем отключенным. Отсюда он сделал вывод о том, что эмбрионы цыплят посредством психокинеза воздействовали на устройство, регулирующее случайным образом время обогрева, научившись управлять им благодаря подкреплению теплом. В контрольной группе, состоящей из яиц, сваренных вкрутую, никаких свидетельств психокинеза обнаружено не было. (Вам смешно, но тогда это стало сенсацией.)

После 1973 г. возникло подозрение, что Леви обманывает. Через год сотрудники поймали его с поличным при подтасовке данных, говорящих о том, что крысы используют психокинез для получения подкрепления посредством стимуляции головного мозга. Разразился скандал. Исследователям этого института не удалось воспроизвести ни одного из полученных Леви результатов, и масштабы его мошенничества стали очевидными. Это разоблачение, правда в более мягкой форме, было обнародовано, в результате чего интерес к психическим феноменам у животных резко упал. Забавно, что этот скандал не завершил карьеру Леви как исследователя. Роуго пишет: «Доктор У.Дж. Леви не ушел, как все ожидали, в медицинскую практику. Он закончил интернатуру²⁴ в Джорджии и приступил к трудовой деятельности в качестве исследователя в области медицины, специализируясь в неврологии. В настоящее время он ведет исследовательскую работу в области нейрохирургии на Среднем Западе и там же публикует результаты своих исследований»²⁵.

Разумеется, Леви — лишь один из исследователей в этой области, и было бы несправедливо закрывать ее целиком из-за одного или даже кучки мошенников. Однако стоит отметить, что в истории парапсихологии обман стал делом настолько обычным, что Генри Гордон пришел к следующему пессимистичному заключению: «Экстрасенсорное восприятие (*perception*), т.е. так называемая способность воспринимать или общаться без использования обычных органов чувств, было бы лучше называть экстрасенсорным жульничеством (*deception*). История парапсихологии и пси-феноменов насыщена обманами и экспериментальными ошибками»²⁶.

Скажем честно и откровенно — обзоры полученных к настоящему времени данных²⁷ не находят никакого основания считать телепатию, ясновидение, предвидение и психокинез реальными феноменами. Вас это может удивить. Разве не проведено множество экспериментов, демонстрирующих эти феноме-

---

²⁴ *Интернатура* — форма последиplomной стажировки врачей при клиниках или больницах. — *Ред.-сост.*

²⁵ *Rogo D.S.* J.B. Rhine and the Levy scandal // *A Skeptic's Handbook of Parapsychology* / P. Kurtz (Ed.). Buffalo (NY): Prometheus, 1985. P. 324.

²⁶ *Gordon H.* Extrasensory Deception. Buffalo (NY): Prometheus, 1987. P. 13.

²⁷ См.: *Hansel S.E.M.* ES Pan Parapsychology: A Critical Re-evaluation. Buffalo (NY): Prometheus, 1980; *Hines T.* Pseudoscience and the Paranormal. Buffalo (NY): Prometheus, 1988; *Kurtz P.* (Ed.). *A Skeptic's Handbook of Parapsychology*. Buffalo (NY): Prometheus, 1985.

ны? Действительно, такие эксперименты есть. Пси-феномены изучаются более ста лет и за это время опубликованы результаты сотен экспериментов, множество рассказов и сообщений об отдельных случаях. И все-таки достоверно воспроизвести эти феномены в контролируемых условиях никогда не удавалось.

Подобной оценки заслуживает большинство, если не все парапсихологические явления. Например, астрология не может служить средством предсказания поведения человека или событий, которые с ним произойдут в будущем. В ней отсутствуют правдоподобные представления о механизме, посредством которого расположение небесных тел во время рождения человека могло бы повлиять на его судьбу, и нет никаких данных, свидетельствующих о том, что астрологические прогнозы дают точные и конкретные предсказания событий в жизни человека. Куртц подчеркивает, что астрология абсолютно ненаучна²⁸. Она, подобно парапсихологии, является *псевдонаукой*. Данный термин применим к исследованиям, в которых «(а) не используются строгие экспериментальные методы, (б) отсутствуют согласованные теоретические положения, доступные опытной проверке и/или (в) утверждается, что достигнуты положительные результаты, несмотря на то, что их надежность весьма сомнительна, а делаемые обобщения не подтверждаются непредвзятыми наблюдателями»²⁹.

Псевдонауки оказываются несостоятельными в определении факторов, действительно влияющих на поведение человека, и не предоставляют никакой рациональной основы для изменения поведения в желаемом направлении. Конечно, верно, что нетрадиционные идеи, первоначально не получившие широкого одобрения среди ученых, могут в конце концов оказаться правомерными и войти в состав научного знания. Например, теория дрейфа континентов, разработанная Альфредом Вегенером³⁰ в начале нашего столетия, была принята только в 1960-е гг. Но так же верно и то, что нетрадиционные идеи будут признаны только в том случае, если найдут мощное эмпирическое подтверждение. Как отмечает Стоукс, подавляющий перевес соответствующих геологических доказательств в конце концов заставил ученых согласиться с этой теорией³¹. Если когда-нибудь в будущем подобные надежные доказательства получит какая-то идея парапсихологов, то официальная наука будет к ней относиться серьезно. Пока же ее скептицизм вполне оправдан.

В настоящее время психологам представляется более интересным и полезным изучение не самих паранормальных явлений, а того, *почему* люди верят в их существование. Основное преимущество этой стратегии заключается в том, что вера в паранормальные явления, в отличие от них самих, безусловно реальна.

---

²⁸ См.: Kurtz P. Introduction: More than in century of psychical research // A Skeptic's Handbook of Parapsychology / P. Kurtz (Ed.). Buffalo (NY): Prometheus, 1985. P. XI—XXIV.

²⁹ Kurtz P. Is parapsychology a science? // A Skeptic's Handbook of Parapsychology / P. Kurtz (Ed.). Buffalo (NY): Prometheus, 1985. P. 506.

³⁰ Вегенер (Wegener) Альфред (1880—1930) — немецкий геофизик. — *Ред.-сост.*

³¹ См.: Stokes D.M. Parapsychology and its critics // A Skeptic's Handbook of Parapsychology / P. Kurtz (Ed.). Buffalo (NY): Prometheus, 1985. P. 379—424.

Приложение

П. Куртц. Есть ли на Земле разумная жизнь?³²

В последние месяцы мы стали свидетелями резкого роста неподтвержденных заявлений о паранормальных явлениях — роста, достаточно большого для того, чтобы вызвать тревогу у скептиков, которые думали, что в этой области они уже расчистили дорогу для разума. Уровень легковерия, по всей видимости, снова повысился.

Словоохотливые излияния Ширли Маклейн вновь соблазнили миллионы людей обратить на нее внимание как на переживание когда-то ампутированной скептиками, а теперь фантомной конечности. Ее опыты уже виденного или слышанного (*deja vu*)³³, возвращения к прежним жизням, предсказывающие видения, общение с духами, посещения неопознанных летающих объектов (НЛО) и астральные прогнозы усиленно и повсеместно рекламируются в массовых печатных изданиях и по телевидению. Широкие слои населения очарованы «глубокой духовностью» ее рассказней.

После десятилетнего периода зимней спячки вновь вылез из своей берлоги Ури Геллер для того, чтобы двигать стрелку компаса спрятанным магнитом, заявляя об этом как о «психокинезе», и незаметно подсматривать рисунки, которые он просил нарисовать различных субъектов, заявляя о своей способности в точности воспроизводить эти рисунки благодаря дару «ясновидения».

Может показаться невероятным, но Геллер провел секретные переговоры в Вашингтоне с председателем Комитета международных отношений — сенатором Клайберном Пеллом, и с председателем Комитета иностранных дел — конгрессменом Дантом Фасцеллом, с целью убедить их, и не без определенного успеха, что Советский Союз обогнал США в «гонке психического вооружения», утверждая при этом, что американские скептики выполняют задание КГБ³⁴ по прекращению подобных разработок правительством США. Комитет научного изучения заявлений о паранормальных явлениях отреагировал шутливо, заявив, что в США задействованы «скептические силы быстрого развертывания», потому что если, как утверждают сторонники существования пси-феноменов, скептики действительно способны задерживать реальную «психическую энергию» своими отрицательными воздействиями, то в таком случае они смогут защитить западную демократию от неприятельского вторжения!

³² Kurtz P. Is there intelligent life on earth? // The Sceptical Inquirer. 1987. Vol. 12. P. 2—4.

³³ Уже виденное или слышанное (*deja vu*) — иллюзия или ошибка памяти, заключающаяся в том, что происходящее в настоящем воспринимается как нечто уже бывшее в прошлом; иногда сопровождается чувством предвосхищения того, что произойдет в следующий момент; чаще всего встречается в юношеском возрасте и в состоянии утомления. — *Ред.-сост.*

³⁴ КГБ (Комитет государственной безопасности) — в 1954—1991 гг. служба правительства Союза Советских Социалистических Республик, которая действовала как на своей территории, так и во всем мире. — *Ред.-сост.*

Недавнее широко освещаемое в средствах массовой информации путешествие Геллера, совершенное по наущению издателя его книги «Эффект Геллера» с целью широкой ее распродажи, включило в себя поездки не только по США, но и во Францию, где он выступал фактически без всякой критики в течение двух часов на национальном телевидении, а также в Великобританию, Канаду и другие страны.

Вдобавок ко всему этому шутовству возрождается давно разоблаченный и потерявший доверие спиритизм³⁵ XIX столетия в форме «транс-каналлизации» (*trance-channeling*). Канализаторы (*channelers*) заявляют, что могут входить в состояние транса и общаться с духами «потустороннего мира», снабжающих их такой информацией, которую «они никогда не смогли бы узнать из других источников».

«Рамтха», которому исполнилось 35 тысяч лет, вещает посредством женщины, известной под именем Дж.З. Кнайт; другие же канализаторы вызывают «Доктора Пиблза» (Уильям Рейнан)³⁶ или других бестелесных духов, стимулируя низкопоклонство у тысяч или, возможно, у миллионов доверчивых людей Нового времени. *Канализация* (*channeling*) — это всего лишь новое название спиритизма, но сегодня он обходится без декораций, когда-то используемых для пущей убедительности. Теперь нет темных совещательных комнат, нет парящих в воздухе столов и нет проявлений нисхождения духов, а есть одни лишь заявления о мгновенной коммуникации с духовным миром без какого-либо объективного подтверждения.

Последним, но не менее важным событием является внезапное оживление уфологии после периода относительного покоя. Выпущены в свет три новые книги об НЛО: «Общение: правдивая история» Уитли Стрибера, «Незванные гости» Бадда Хопкинза и «Светлые годы» Гэри Киндера.

«Общение» продержалась в списке бестселлеров несколько месяцев. Уитли Стрибер, написавший множество жутких фантастических рассказов, заявляет о контакте с полубожественными внеземными существами. «Незванные гости» Бадда Хопкинза основаны на авторском «тщательном анализе» показаний 125 напуганных «похищенных» людей, которые в присутствии этого художника-скульптора-писателя в состоянии гипноза вспоминали о том, что с ними произошло (сейчас он заявляет, что беседовал со 140). Некоторые истеричные женщины из числа его собеседников заявляли, что внеземные существа занимались генной инженерией и оплодотворяли яйцеклетки, извлеченные из их тел. А Стрибер даже намекает, что его изнасиловали. Издатель этой книги Хауард Камински так увлекся «Незванными гостями», что поместил со-

---

³⁵ *Спиритизм* — вера в посмертное существование душ умерших и возможность непосредственного контакта с ними людей-медиумов. — *Ред.-сост.*

³⁶ «Доктор Пиблз» (Уильям Рейнан) — Пиблз (Peebles) Чарлз-Джеймс Эндрю (?—1902) — врач, духовный просветитель, медиум. Рейнан (*Rainen*) — ясновидящий, медиум, связанный с Пиблзом; активно выступает в средствах массовой информации. — *Ред.-сост.*

ответствующую рекламу на целую страницу в «Нью-Йорк Таймс», лично рекомендуя эту книгу всем «людям с незашоренным умом» (*all open-minded people*).

Современная уфология ссылается главным образом на неподтвержденные события, описываемые, как правило, во время сеансов гипноза. Недостаток доказательств не приводит ее в смущение: скала, поздний час, какие-то яркие огни на небе и — ой! — человек заявляет, что был похищен пришельцами из другого мира. Обычно люди не помнят своего похищения до тех пор, пока воспоминание о нем не всплывет со всеми ужасными подробностями в состоянии гипноза. В апреле, выступая по радио в Буффало в программе Тома Бойрла, я призвал Уитли Стрибер предоставить свои данные для научного анализа. Он решительно отказался, заявив, что наш комитет слишком «пристрастен».

В телепередаче ABC «Доброе утро, Америка» от 19 мая я попросил Бадда Хопкинза дать нам список имен «похищенных», но он сказал, что большинство из них «боятся насмешек» и поэтому предпочитают остаться неизвестными. Однако он пообещал мне незамедлительно прислать список «ученых, которые поддерживают» его работу. Прошло довольно много времени, но никаких известий от него я пока не получил.

Гипноз — ненадежный метод выявления истины. Как указывает Мартин Орн, ведущий авторитет в данной области, гипноз может вызвать множество ранее неосознаваемых грез и фантазий, смешанных с реальностью. Кроме того, «содержание воспоминаний» испытуемого нередко определяется внушающими вопросами гипнотизера.

Что касается «похищенных» Хопкинза, то многие из тех, кого он гипнотизировал, прочли его более раннюю книгу «Потерянное время», что и могло повлиять на тематику их сообщений. Комитет научного изучения заявлений о паранормальных явлениях, разумеется, допускает возможность существования разумной жизни где-то еще во Вселенной. На конференции в Пасадене в апреле 1987 г. мы посвятили целое заседание этому вопросу. Но *возможность* не превращается в *проверяемую действительность* и не означает, что нас посещают пришельцы из других миров, занимающиеся похищением людей и насилием.

Очевидно, что в наше время основную ответственность за распространение потока бессмыслицы должны взять на себя средства массовой информации. Сегодня они явно отказываются от любых разумных критериев правдоподобия ради того, чтобы красиво упаковать и продать свидетельства о паранормальных явлениях; едва ли можно сомневаться в том, что они больше заинтересованы в получении высоких прибылей, чем в поиске истины. На очередном ежегодном съезде Американской книготорговой ассоциации, состоявшемся в Вашингтоне в мае 1987 г., пятьдесят два издателя заявили о создании Союза современных издателей с целью поддержки продажи и распространения литературы оккультного, паранормального и духовного содержания.

В настоящее время неподтвержденные субъективные заявления преподносятся как чистая правда. О транс-канализации, гипнотической ре-

грессии³⁷ и альтернативных состояниях сознания³⁸ говорится как об особых путях к другой реальности. Квазирелигиозная природа канализации поразительно похожа на классические состояния мистического транса, посредством которого провидцы и пророки получали откровения от богов и ангелов. В случае с НЛО-похищениями этими существами являются научно-фантастические пришельцы, и мы едва ли ошибемся, если сравним их с древними богами классических религий, которые оплодотворяли смертных. Любое требование подтверждающих доказательств от таких истинно верующих наталкивается на глухоту или вызывает у них ярость.

Скептиков высмеивает Джером Кларк, большой знаток НЛО, один из редакторов журнала «Судьба» и редактор «Международного репортера НЛО». В первом выпуске «Репортера» за 1987 г. он бранит меня в связи с моим вопросом: «Есть ли разница между заявлением о том, что вы изнасилованы пришельцем, и заявлением, что вы видели розового слона?». Кларк нападает на скептиков, обвиняя их в узости мышления и догматизме. Сам же он легко попадает в плен сомнительных доказательств. Поскольку необычные свидетельства требуют основательных доказательств, скептики имеют право на осторожность. Индивидуальные отчеты о субъективном опыте сами по себе едва ли достаточны, но как данные, полученные из первых рук, они представляют собой определенную ценность, и никто не может и не должен их отбрасывать. Спорный вопрос заключается в том, как *интерпретировать* такие субъективные отчеты. Интерпретация, согласно которой эти люди были похищены пришельцами из космоса, весьма сомнительна. Существуют альтернативные возможные объяснения. Можно было бы подумать, что здравый смысл должен подтолкнуть к тщательной проверке этих заявлений. Но большинству непробиваемых уфологов, оседлавших средства массовой информации, здравый смысл ни к чему.

Скептики отправились в трудное плавание. Каждый раз, когда мы думаем, что продвинулись вперед, нас накрывает новая волна бессмыслицы. Возможно, «трансцендентальный соблазн» (т.е. тенденция магического мышления) настолько мощный, что преодолеть его нельзя, но неужели, опираясь на разум, его невозможно хотя бы умерить? Говоря словами У. Блейка³⁹ о наказании, посланном в свое время скептикам, мы «бросаем песок против ветра, и ветер отбрасывает его обратно».

---

³⁷ *Гипнотическая регрессия* — возвращение на ранний период развития в состоянии гипноза, когда человек начинает себя вести соответствующим этому периоду образом, например, как маленький ребенок. — *Ред.-сост.*

³⁸ *Альтернативные состояния сознания* — состояния сознания, обычные для представителей одной культуры, но измененные с точки зрения представителей других культур. — *Ред.-сост.*

³⁹ Блейк (*Blake*) Уильям (1757—1827) — английский поэт и художник, представитель раннего романтизма. — *Ред.-сост.*

Должен признаться, что в последние месяцы я неоднократно задумывался о том, выполнима ли задача повышения уровня разумности, поставленная Комитетом научного изучения заявлений о паранормальных явлениях (CSICOP) и «Скептическим вопрошателем»? Все же эту статью я пишу после только что проведенной CSICOP в Пасадене, штат Калифорния, чрезвычайно успешной конференции, в которой участвовало свыше тысячи пятисот человек, и которая получила широкое освещение в мировой печати. Кроме того, местные и национальные союзы скептиков, разделяющие цели CSICOP, переживают сейчас период небывалого роста. Мы четко сформулировали свою позицию, и все больше ученых, студентов и других скептиков оказывают нам мощную поддержку.

Возможно, недавний всплеск непроверенных заявлений о паранормальных явлениях вызван усилиями средств массовой информации с целью сенсации и прибыльного использования этого материала. Тем не менее, как это и должно быть, научные исследования внеземной жизни продолжают учитывать всю массу неподтвержденных мнений. Правда, иногда у нас возникает вопрос, существует ли — и в какой степени — разумная жизнь на Земле?

Л. Крафтс,
Т. Шнейрла,
Э. Робинсон,
Р. Гилберт

Изучение установок по отношению к мистицизму у студентов университета*

Введение

Хорошо известно, что большой интерес широких слоев населения к оккультным темам¹, таким как спиритизм² и телепатия³, существовал во все времена. Также хорошо известно, что этот интерес, как правило, заметно усиливается в условиях социальной напряженности, когда люди испытывают страх и неуверенность, например, во время войны или в периоды крупных экономических кризисов. Объяснять его невежеством людей было бы неправильным. Для психолога термин «невежество» зачастую является столь же неопределенным и смутным, как «лень». Дело в том, что верить в оккультизм могут с одинаковой степенью некритичной доверчивости люди самого разного профессионального и социального статуса, как образованные так и необразованные. В этот круг входят знаменитые физики и врачи, иногда даже университетские профессора, а также множество других как обычных, так и выдающихся людей.

---

* *Crafts L.W., Schneirla T.C., Robinson E.E., Gilbert R.W. Recent Experiments in Psychology. N.Y. etc.: McGraw Hill Book Co. Inc., 1950. P. 1—13. (Перевод С.А. Канустина.)*

¹ *Оккультные темы* — т.е. имеющие отношение к оккультизму — мистическим учениям, признающим существование в мире таинственных, сверхъестественных сил, недоступных рациональному познанию, но якобы доступных познанию «избранными» или «посвященными». — *Ред.-сост.*

² *Спиритизм* — вера в возможность общения с душами умерших при помощи различных приемов и через посредство медиумов. — *Ред.-сост.*

³ *Телепатия* — экстрасенсорная способность передавать мысли и чувства на расстоянии; подробнее об этом см. в тексте А. Поулинга и др. на с. 605—615 наст. изд. — *Ред.-сост.*

В настоящей работе мы не претендуем на объяснение причин живучести этих верований в «просвещенном современном мире» или наблюдаемого времени от времени увеличения их распространенности до масштаба повального увлечения. Мы только хотели бы обратить внимание на тот факт, что «доказательства» в пользу существования оккультного (т.е. мистического, непознаваемого) часто преподносятся как «научные», хотя условия их получения едва ли можно сравнить с контролируемыми условиями научного исследования. Нас также интересует частота, с которой «мистикам» удается внушить своей аудитории веру в то, что наблюдаемые ими события, сбивающие людей с толку и бросающие вызов любым попыткам рационального объяснения, являются воистину оккультными и «выходят за рамки любого объяснения». Такие известные исполнители «наиболее впечатляющих мистических демонстраций» как Гудини, Терстон, Маккомас и Данниджер не ссылались на сверхъестественные силы. Они, напротив, были заинтересованы в разоблачении обмана в этой области и писали книги просветительного характера⁴. То же самое делали и многие психологи⁵. В своих публикациях честные мастера оккультного ремесла предельно ясно описывают, каким образом ловкачам-обманщикам удается сбить с толку публику своими экстравагантными заявлениями о сверхъестественных силах и ошарашить ее демонстрациями «необъяснимых» чудес. Благодаря таким объективным описаниям подобных случаев читатели получают возможность более адекватного понимания многих практических приемов медиумов и других оккультистов. Например, во время «материализации духов» эти искусные исполнители всегда выступают в темноте или при очень слабом свете, но не потому, что духи предпочитают слабый свет, а для создания условий, при которых они могут незаметно совершать определенные «решающие» действия, такие как манипулирование микрофоном с целью перемещения голосов «духов» или предъявление ликов «духов» с помощью ловкого использования длинного складного стержня.

Несмотря на это, для многих людей оккультные явления весьма притягательны. За этим стоит ряд различных мотивов или желание человека удовлетворить какую-то сильную потребность (например, пообщаться с умершим сыном или мужем и убедиться, что они счастливы). В нашей культуре общераспространенную доверчивость людей к оккультному поддерживают и усиливают разнообразные группы лиц и отдельные индивиды. Как указывает Маккомас, широкому распространению оккультизма способствуют различные общества парапсихологических исследований (*psychic research societies*). Они укрепляют веру в спиритизм благодаря своей обычной установке, идущей, как правило, от

---

⁴ См.: *Dunninger J.* Inside the Medium's Cabinet. N.Y.: Kemp and Co., 1935; *Houdini H.* A Magician among the Spirits. N.Y.: Harper, 1924; *McComas H.C.* Ghosts I Have Talked With. Baltimore: Williams and Wilkins, 1935; *Thurstone H.* 400 Tricks You Can Do. Garden City: Blue Ribbon Books, Inc., 1940.

⁵ См. например: *Jastrow J.* Fact and Fable in Psychology. Boston: Houghton Mifflin, 1900; *Jastrow J.* The Betrayal of Intelligence. N.Y.: Greenberg, 1938.

чистого сердца, публиковать только те наблюдения, которые они считают «положительными» доказательствами оккультных явлений. Однако гораздо больший вклад в укрепление этой веры вносят субъекты, которые наживаются на интересе многих людей к темному и таинственному. Ли Стайнер в своей популярной книге «В каких местах люди решают свои проблемы?» выводит на чистую воду и описывает всю многоликость этих действительно бессовестных ловкачей, а также показывает, каким образом им удается заманивать в ряды своих «клиентов» или «пациентов» огромное множество невежественных или эмоционально неустойчивых людей⁶.

Эти чтецы мыслей, вызыватели духов и им подобные нередко прибегают к практике возбуждения массового интереса и доверия к своим заявлениям, устраивая публичные выступления, производящие сильное впечатление на большинство присутствующих на них людей. В качестве примера такого представления, которое может быть разыграно как перед одним человеком, так и перед большой аудиторией, а также с целью публикации данных об установках студентов университета по отношению к оккультным объяснениям происходящих на сцене событий, мы рассмотрим результаты публичной демонстрации «оккультных феноменов» в аудитории, состоявшей из студентов-психологов старшего курса.

Демонстрация «парапсихологических феноменов» в аудитории

Несколько лет тому назад в рамках курса лекций по психологии в одном известном американском университете было проведено интересное исследование⁷. Это исследование спланировали и провели два преподавателя, которые однажды с удивлением узнали о большом количестве студентов, слушателей их начального курса, сообщивших со всей серьезностью, что они посещали медиумов, пытались решить свои проблемы с помощью спиритической планшетки или просто верили в существование оккультных явлений, хотя и не принимали участия в оккультных практиках. Кроме того, преподавателям показалось, что среди студентов, сообщивших только о сильном интересе к оккультизму, найдутся многие, кому потребуется, чтобы перейти в категорию «верящих», всего лишь небольшое число дополнительных «фактов». Когда в аудитории провели опрос мнений, только несколько студентов решительно высказали скептическое отношение к оккультным верованиям. При этом обоснования своего неверия, хотя и давались с апломбом, были как правило туманными и расплывчатыми.

---

⁶ См.: *Steiner L.R.* Where Do People Take Their Troubles? Boston: Houghton Mifflin, 1945.

⁷ См.: *Marcuse F.L., Bitterman M.E.* A classroom demonstration of «psychical phenomena» // *Journal of Abnormal and Social Psychology.* 1944. Vol. 39. P. 238—243.

Преподаватели решили провести со своими студентами занятия по специальной программе, которая предусматривала: (1) обсуждение общей проблемы оккультных верований и их причин; (2) демонстрацию силы воздействия группового внушения на признание показанных действий как оккультных (как это бывает на эстраде или на спиритических сеансах); и (3) занятие, посвященное обсуждению необходимости тщательной проверки фактов, лежащих в основе так называемых «пси-феноменов», прежде чем принимать эти феномены в качестве доказательства правомерности мистических верований. Иначе говоря, преподаватели надеялись, что в результате знакомства с методами ведущих профессиональных разоблачителей обмана (таких как Терстон, Гудини, Данниджер и Маккомас) студенты займут более объективную позицию по отношению к таким явлениям и придут к лучшему пониманию разницы между действительными и мнимыми доказательствами. По существу, конечная цель этой программы состояла в том, чтобы студенты лучше разобрались в техниках обмана и в будущем им никто не мог морочить голову в подобных ситуациях.

По этой программе в начале учебного года были проведены специальные занятия со студентами старшего курса, изучающими общую психологию (всего присутствовали 171 человек). Студенты приходили на эти занятия как обычно, без каких-либо предварительных разъяснений о действительных целях программы и попадали в ситуацию, которая будет описана ниже.

Лекция

Лекция начиналась с того, что преподаватель, читавший по расписанию курс психологии, намеренно и со всей серьезностью сообщал о существовании пси-феноменов. Для «подготовки почвы» основной демонстрации, он в течение 10 мин, медленно диктуя в тех местах, где предполагалась подробная запись лекции студентами, формулировал ряд псевдонаучных заявлений и предположений. Лектор говорил, что когда-то ему посчастливилось работать вместе с первопроходцами в области изучения пси-феноменов докторами *A* и *B*, которые первые поставили эту область на действительно научную основу. Он сетовал на отсутствие понимания и недооценку их работы большинством современных психологов-исследователей и подчеркивал, что в науке любые нововведения неминуемо сталкиваются с оппозицией. Затем лектор в качестве примера специально останавливался на проблеме телепатии. Он утверждал, что неразбериха, существующая в настоящее время в данной области психологии, обусловлена главным образом недостаточным пониманием важности индивидуальных различий в способности «воспринимать» телепатические излучения и общим пренебрежением к доказательствам того, что телепатические способности имеют действительную физиологическую основу.

Последнее заявление было затем развернуто в процессе обсуждения (мнимых) данных записей биотоков головного мозга и усилено подробным рассмотрением предполагаемого значения индивидуальных различий в толщине слоев коры головного мозга для телепатической восприимчивости. С целью иллюстрации сказанного приводился пример, взятый из области измерения слуховой чувствительности, поясняемый с помощью сложных рисунков. Затем, завоевав доверие аудитории, лектор предлагал в качестве общей гипотезы рассматривать телепатические способности по аналогии с электрическими цепями. Он заявлял, что у «индукторов» сообщений регистрируются более интенсивные «мозговые волны», и что по сравнению с испытуемыми, не обладающими способностью к телепатии, «индукторы» и «реципиенты» телепатических сообщений обладают более толстыми слоями коры и, как следствие, сопротивление прохождению этих волн в них меньше. Сразу после этого лектор записывал на доске физическую формулу, связывающую сопротивление с диаметром электрического проводника. Кроме того говорилось, что у людей, обладающих телепатическими способностями, более высокий показатель интеллекта, как и следовало ожидать, учитывая большее количество у них вещества коры головного мозга.

Наконец подчеркивалось, что скептики в общей массе являются людьми нерелигиозными, и среди них нередко встречаются атеисты и агностики. Эта последняя реплика предназначалась специально для того, чтобы создать атмосферу, в которой студенты, склонные прерывать лектора критическими замечаниями, не могли этого делать, опасаясь быть причисленными к социально неодобряемой группе.

Таким образом студенческая аудитория была психологически подготовлена для демонстраций.

Демонстрации

Лектор завершал вступительную лекцию объявлением о своем намерении провести эксперименты с различными пси-феноменами «в контролируемых лабораторных условиях» и просил студентов решать самим, насколько адекватны представленные доказательства. Единственное, о чем он просил, чтобы студенты вели себя тихо и не задавали вопросов до тех пор, пока не закончится эксперимент.

Опыты, посвященные телепатическому общению

Перед началом демонстрации «телепатии» лектор скромно заявил, что сам обладает способностями «индуктора», и затем представил мистера С как одного из двух жителей студенческого городка, известных своими способностями «реципиента».

После того как С вышел из аудитории, наугад выбирались четыре студента, каждого из которых просили написать на доске какое-нибудь число от 1 до 25. На доске вычислялось среднее этих четырех чисел, после чего все числа и записи были тщательно стерты. Все это время никто из присутствующих не произнес ни одного слова. После окончания этой процедуры опять наугад выбрали одного студента и попросили его привести С («реципиента») обратно в аудиторию.

Лектор («индуктор»), держал в одной руке предмет, названный им «психическим сосудом». Он встал лицом к лицу с С («реципиентом») на виду у всей аудитории на расстоянии около полуметра от первого ряда студентов. Затем они оба намеренно направили и пристально зафиксировали свои взоры на «психическом сосуде». Через несколько секунд С назвал то число, которое было вычислено как среднее на доске.

В следующей демонстрации телепатических способностей лектора отобранным наугад студентам раздали пустые конверты и белые карточки с просьбой написать на этих карточках вопросы о своем будущем и аккуратно, никому не показывая, вложить их в конверты и заклеить их. Теперь в качестве «реципиента» выступал лектор. Он объявил, что попытается прочитать вопросы и ответить на них, не вскрывая конверты. С собрал конверты и на виду всей аудитории передал их лектору. Затем лектор брал один за другим конверты и старался «прочитать», не распечатывая, содержание каждого из них. Он это делал, прикладывая каждый из запечатанных конвертов по очереди ко лбу и держал его так до тех пор, пока не «прочитывал» вопрос. Затем он открывал этот конверт, чтобы убедиться в правильности прочтения, и кроме того, просил подтверждения у автора вопроса. Таким образом были правильно прочитаны все вопросы и дан «ответ» на каждый из них. Затем всем желающим предоставили возможность проверить карточки и конверты и убедиться, что в данном случае, как подчеркивал лектор, не было никакого мошенничества.

В эксперименте, посвященном «телепатии на большие расстояния», группе студентов, сформированной из присутствующих в аудитории, предложили выбрать любую карту из стандартной колоды в 52 игральные карты. После сообщения о сделанном выборе лектор несколько секунд стоял сосредоточившись, как если бы он мысленно передавал информацию об этой карте находящемуся на большом расстоянии «реципиенту», и затем просил уже другую группу студентов позвонить «мисс Дуайт» (представленной ранее в качестве известного «реципиента») по определенному номеру и спросить ее о названии карты. Эта группа студентов отправилась выполнять данное поручение и возвратилась с сообщением о том, что Дуайт правильно назвала отобранную карту — восьмерку бубен.

Пока эта группа студентов ходила звонить Дуайт, лектор попросил одного из студентов задумать фамилию своего друга и затем написать список из девя-

ти фамилий, «спрятав» среди них задуманную. Когда список передали лектору, он внимательно посмотрел на него, на какое-то время сосредоточился и затем правильно назвал фамилию друга.

Попытка материализации духов

Наконец, лектор объявил о последнем и наиболее трудном эксперименте — попытке материализовать (т.е. вызвать в зрительно наблюдаемой форме) одного из ведущих духов, которые обычно появляются для того, чтобы помочь медиумам установить контакт с умершими. Сначала студентов просили сосредоточиться на лекторе, который должен был осуществить попытку материализации. Затем свет в аудитории выключался. После полутораминутного интервала лектор спрашивал, видит ли кто-нибудь что-либо. Несколько человек сообщили о том, что увидели «что-то, похожее на призрак». Затем лектор предположил, что тем, кто ничего не увидел, может помочь добавочная «энергетика» и попросил аудиторию спеть «Боевой гимн республики». И действительно, во время пения несколько других студентов воскликнули что теперь они тоже видят «лик призрака». Несколько секунд спустя включался свет и на этом демонстрации заканчивались.

Реакции аудитории на демонстрации

Сразу после завершения «экспериментов» лектор задавал аудитории следующий вопрос: «Кто из вас, на основе предъявленных доказательств, убедился теперь в реальности существования пси-феноменов?» Судя по поднятым рукам, 70 % из 171 находившихся в аудитории студентов ответили на этот вопрос утвердительно. Кроме того, им дали специальный опросник «до и после», данные которого будут представлены несколько позже.

После того, как все студенты сообщили о своей позиции по вышеуказанному общему вопросу и письменно заполнили опросные листы, лектор сообщил, что все демонстрации построены на обмане и так называемые «эксперименты» — это всего лишь трюки. Наступила «гнетущая тишина», за которой последовал взрыв смеха. На все просьбы студентов рассказать о способах выполнения различных трюков, лектор отвечал отказом, пояснив это тем, что собирается их использовать и в дальнейшем. Затем, чтобы подчеркнуть, что успех подобных демонстраций всегда достигается путем обмана, лектор провел краткое обсуждение общей проблемы пси-феноменов, эпизодического (*anecdotal*) характера доказательств, приводимых большинством очевидцев таких феноменов, роли предубеждений и «веры» в искажении их наблюдений, и некоторых техник обмана, наиболее часто используемых жуликами и мошенниками. В то же время студентам предлагали самостоятельно, опираясь на соб-

ственные ресурсы, объяснить, какие специальные приемы использовались в проведенных демонстрациях.

Постдемонстрационное исследование установок «до и после»

Во избежание появления у студентов подозрений относительно действительной цели демонстраций и сомнений в «подлинности экспериментов» никакого предварительного (до лекции и демонстраций) тестирования установок не проводилось.

Как уже было сказано, с целью получения дополнительной информации относительно эффективности «экспериментов», по окончании демонстраций и до сообщения лектора о мистификации каждого из присутствующих просили заполнить специальный опросник. В этом опроснике студент должен был указать, была ли его установка по отношению к «пси-феноменам» установкой веры в их существование, неверия или неопределенной до лекции и «экспериментов» и сразу после «экспериментов» (т.е. до того, как лектор сообщил об обмане). Результаты опроса 171 студента представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, после лекции и «экспериментов» произошло статистически значимое увеличение количества «верящих» и статистически значимое уменьшение количества «не определившихся», а количество «неверящих» хотя и уменьшилось, но не значимо. Как указывалось выше, когда студентов попросили путем голосования определить в своем мнении сразу по окончании «экспериментов», у 70 % из них была обнаружена установка веры. Однако подобный способ опроса, как правило, не дает надежных показателей мнения человека, поскольку на его ответ может повлиять мнение группы. Вероятно,

Таблица 1

Установки студентов по отношению к пси-феноменам до и после лекции и «экспериментов» (N = 171)

Установка	До лекции и «экспериментов» (%)	После лекции и «экспериментов» (%)	Критическое число*
Вера	15,8	42,7	5,7
Неопределенность	56,1	37,4	3,6
Неверие	28,1	19,9	1,8

* Если критическое число, вычисленное по специальной формуле, ≥ 3 , то различия между результатами опроса до и после являются статистически значимыми при $p < 0,001$.

Таблица 2

Изменение установок (после демонстраций) у студентов, придерживавшихся разных установок до начала занятий по программе

Установка до лекции и демонстраций	Установка после демонстраций							
	Вера		Неопределенность		Неверие		Общее изменение	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
Вера (N = 27)	21	77,8	4	14,8	2	7,4	6	22,2
Неопределенность (N = 96)	44	45,8	39	40,7	13	13,5	57	59,3
Неверие (N = 48)	8	16,7	21	43,8	19	39,5	29	60,5
Итого	73	...	64	...	34	...	92	...

многие из тех студентов, которые проголосовали за наличие у них установки «веры», позже в опроснике дали «неопределенный» ответ. Однако представленные в табл. 1 результаты говорят о том, что демонстрации существенно увеличили число студентов с установкой веры в реальность пси-феноменов.

В табл. 2 показано изменение исходных установок трех групп студентов после демонстраций, которые в графе опросника «до лекции» ответили: «верил», «не верил» или «не определился». Прежде всего заметим (о чем говорят и результаты предыдущей табл.), что основные изменения в установках произошли в ожидаемом направлении, т.е. 45,8 % указавших себя как изначально не определившихся, после демонстрации ответили «верю», и 60,5 % из тех, кто указал, что он исходно не верил, изменили свое мнение либо на неопределенное (43,8 %), либо на веру (16,7 %). Вместе с тем небольшие сдвиги наблюдаются и в противоположном направлении. Из тех, кто указал, что до демонстрации они верили, 14,8% изменили свое мнение на неопределенное и 7,4 % — на «не верю»; а в группе исходно «не определившихся» 13,5 % в графе «после демонстрации» ответили «не верю».

Это смещение к более скептической установке экспериментаторы объясняют тем, что несколько первоначально верящих или не определившихся студентов стали менее доверчивыми, поскольку оказались довольно проницательными для того, чтобы усомниться в истинности цели, заявленной лектором. Кроме того, 39,5 % из тех, кто входил в группу неверящих, остались при своем первоначальном мнении. Быть может, эти студенты или догадались о цели де-

монстраций, или когда-то прежде убедились в мошенническом характере телепатических и других родственных им явлений, так что «доказательств», показанных лектором, для изменения их установки оказалось недостаточно.

Обсуждение

Отмеченное увеличение в количестве «верящих» за счет не только «не определившихся», но и «не верящих», можно объяснить убедительностью лекции и демонстраций. Как социальная группа студенты университета вероятно обладают по сравнению с общей популяцией довольно высоким уровнем критичности в отношении к новым данным, и все-таки результаты говорят о том, что на этих занятиях авторам исследования удалось обмануть значительное число студентов. Этот результат указывает на важную роль группового внушения и авторитета (в данном случае лектора-психолога) в изменении установок по отношению к вере в оккультные явления.

Не вызывает удивления тот факт, что группа исходно верящих изменила свои установки в меньшей степени, чем две другие группы. Происходящее в аудитории большинство из них воспринимало с удовлетворением и в соответствии с уже существующими некритичными установками — факт, хорошо известный в социальной психологии⁸. В этой группе подозрения возникали лишь у немногих. В группе изначально не верящих исходная установка сменилась (на «не определившуюся» и даже «верящую») у гораздо большего числа студентов. В данном исследовании установки веры в существование пси-феноменов оказались более стабильными и устойчивыми, чем установки неверия.

Весьма вероятно, что установки неверия изменить гораздо труднее в тех случаях, когда они основаны на достоверном знании и понимании способов выполнения трюков такого рода. Человек может знать, что «чтецы мыслей» часто располагают превосходной и обширной картотекой, содержащей сведения относительно известных членов общества, которые твердо верят в оккультизм и регулярно посещают медиумов, гадателей с помощью «магического кристалла», предсказателей судьбы, астрологов и т.д. Кроме того, ему может быть известно, что «пси-джентльмены» нередко нанимают проницательных «сыщиков», подслушивающих разговоры в кулуарах до выступления и во время антрактов. Когда такой человек попадает на подобные представления и если, например, со сцены слышится фамилия его друга и сообщается поразительно личная информация о нем, он уже обладает своего рода защитой и скорее всего подумает не о «телепатических флюидах», а о каких-то иных объяснениях происходящего. Если он знает, что медиумы владеют множеством очень сложных и отработанных приемов «материализации духов», незаметных для неискушенных наблюдателей и неспециалистов и ревностно оберегаемых как важные профессиональные сек-

---

⁸ См.: *Murphy G.L., Murphy L.B., Newcomb T.M. Experimental Social Psychology*. N.Y.: Harper, 1937; *Sherif M. An Outline of Social Psychology*. N.Y.: Harper, 1948.

реты, он будет менее легковерным в ситуации спиритического сеанса, проходящем в атмосфере полумрака, тихой музыки и «голосов духов».

Тенденция к умозаключению о том, что не объяснимое на основе имеющихся знаний, не объяснимо никогда, довольно отчетливо выражена у людей, незнакомых с научными методами, но иногда встречается и среди ученых, в особенности в тех случаях, когда они сталкиваются с проблемами, выходящими за пределы области их специализации. Большинству людей фактическая сторона и психологические законы «оккультизма» неизвестны, и они не могут заметить уловки, используемые мастерами обмана в своих номерах. Читатель данной статьи в полной мере сможет оценить весомость сказанного, если подобно участникам этого эксперимента сам попытается объяснить, как выполнялся каждый из этих трюков.

Необходимо упомянуть еще об одном важном следствии проведенных демонстраций. Спустя несколько дней после завершения исследования экспериментаторы узнали о распространившихся по университетскому городку слухах, что преподаватели провели эти занятия с целью обнародования своей подлинной веры в существование пси-феноменов — веры, которую администрация университета никогда не разрешила бы им выразить публичным образом. Несмотря на то, что данная история была от начала и до конца выдуманной, это не помешало ее разрастанию и распространению — феномен, хорошо известный студентам, знакомым с психологией слухов. В связи с этим возникает интересный вопрос, какая из групп студентов, различающихся по типам установок, с наибольшей вероятностью могла отреагировать таким образом на постдемонстрационное «оглашение обмана» и какая психологическая мотивация за этим скрывается.

Использованные в этих демонстрациях трюки были отобраны как самые простые из обширного репертуара таких специалистов, как Терстон и Данниджер. Эффективность каждого из этих приемов зависела от степени выраженности установки на некритичное восприятие, сформированной у части студентов благодаря лекции.

Наша версия трюка с «психическим сосудом» основывалась на способности лектора произвольно двигать ушами. Шевеля ухом на невидимой для аудитории стороне головы он сигнализировал о правильном числе *C* («реципиенту»), наблюдавшем за этими движениями во время фиксации взора на «психическом сосуде» с помощью периферического зрения⁹. Если навык движения ушами не освоен, эта демонстрация может быть осуществлена с помощью любых других малозаметных условных знаков, которые, после определенной тренировки, приобретают ключевое значение в передаче и приеме сообщений. Примерами таких знаков могут служить различные вербальные коды, звуки музыки играющего на сцене пианиста и тому подобное.

---

⁹ Возможность и факт видения «краешком глаза» давно известны и описаны психологами и к настоящему времени изучены экспериментально. После определенной тренировки любой человек может развести линию взора и направление зрительного внимания. У. Джеймс отмечал, что эта способность особенно развита у женщин. — *Ред.-сост.*

Различными способами может быть выполнен и трюк с конвертами. Для его выполнения в том виде, в каком он был реализован в поведенной демонстрации, необходим один помощник, находящийся в аудитории, который задаст заранее известный «реципиенту» вопрос. С оставляет конверт с этим вопросом *снизу* собираемой им пачки конвертов. Свою работу лектор начинает с неизвестного ему по содержанию конверта, расположенного *сверху* этой пачки. Этот верхний конверт он прижимает ко лбу, но в то же время оглашает и отвечает на вопрос, находящийся в нижнем конверте. Потом он открывает конверт, который взял сверху и только что прижимал ко лбу, якобы для подтверждения прочитанного, но в действительности для того, чтобы заучить то, что он объявит в качестве следующего вопроса. Затем, после прикладывания следующего конверта ко лбу, он оглашает и отвечает на вопрос, который был перед этим извлечен из предыдущего конверта, прочитан им про себя и запомнен. Работая таким образом со всей пачкой конвертов, лектор в каждом случае на самом деле *читал* про себя следующий вопрос перед его повторным «мысленным» прочтением вслух.

В трюке с телефоном кодовым словом была фамилия девушки (мисс Д.), которой звонили студенты. По кодовой таблице, она быстро находила соответствующее название одной из 52 карт колоды. Например, фамилия Дафортс могла означать четверку бубен, фамилия Кон — девятку треф и так далее. Понятно, что можно придумать коды для сообщения информации намного более сложной, чем в данном случае.

Трюк со спрятанной в списке фамилией основан на наблюдении за малозаметными особенностями поведения и на одном из хорошо известных законов психологии внимания. Когда человек пишет список фамилий, критическую фамилию своего друга он напишет без колебаний, но, как правило, проявит нерешительность или обнаружит какие-то другие изменения в поведении перед тем, как напишет любую из других придуманных фамилий. В этой демонстрации, когда студент писал фамилии, лектор разговаривал с аудиторией и одновременно незаметно, но очень внимательно наблюдал за поведением писавшего и потому уже знал наверняка *позицию* фамилии друга в этом списке еще до того, как получил этот список для «сосредоточения».

Материализация духов проводилась последней, поскольку она требует легковерия аудитории в гораздо большей степени, чем любая другая демонстрация. Даниджер и особенно детально Маккомас описали ряд способов, посредством которых создаются условия восприятия «призрачных» фигур. В данном эксперименте накануне демонстрации на проекционном экране, расположенном фронтально перед аудиторией, раствором антрацена окрашивался отдельный его участок, имеющий форму вертикально ориентированного овала. Эта овальное пятно была совершенно незаметно при обычном освещении, но в темноте оно начинало флюоресцировать в результате попадания на него ультрафиолетовых лучей (невидимых при обычном дневном свете), испускаемых мощным мерцающим источником света через ультрафиолетовый фильтр. Читатели, зна-

комые с личностными тестами наподобие чернильных пятен Роршаха¹⁰, понимают, почему в таких условиях многим наблюдателям представляется, что они видят лицо «призрака», или они интерпретируют пятно света неопределенных очертаний как лицо знакомого человека. Даже в менее легковверных аудиториях, чем те, которых обычно собираются на сеансах медиумов, всегда найдется несколько человек, которые скажут, что они видят или слышат духов при таких неопределенных объективных условиях восприятия.

---

¹⁰ *Тест Роршаха* — методика исследования личности, предложенная и разработанная швейцарским психиатром Германом Роршахом (1884—1922). Испытуемому предъявляют изображения чернильных пятен и просят в свободной форме сообщить, что он видит в целом или в каких-то частях данного изображения. Поскольку этот стимульный материал неоднозначен и слабоструктурирован, предполагается, что его восприятие будет во многом зависеть от эмоционального состояния субъекта, его ожиданий, потребностей и желаний, в том числе и даже преимущественно неосознаваемых. — *Ред.-сост.*

У.Р. Болш

Проверка валидности астрологии в аудитории*

Согласно данным недавно проведенных исследований предрассудков у студентов, большинство студентов последних курсов, приступающих к изучению вводного курса психологии, вовсе не являются «чистыми дощечками» (*blank slates*). Например, Вон обнаружил целый ряд предрассудков, широко распространенных среди слушателей вводного курса¹. Они представляют собой общеизвестные мифы или старомодные клише типа: «высокий лоб является признаком интеллекта». Такое предварительное «знание» может отрицательно сказываться на результатах обучения².

Кроме того, многие студенты верят в сверхъестественные силы. Шепард провел опрос 400 первокурсников Южного методистского университета³. Из этой выборки 40 % сообщили о том, что верят в колдовство, и 36 % — в астрологию. В нашем Алтунском отделении Пенсильванского государственного университета Дженсен выявил 53 % студентов, верящих в астрологию, и 33 % — в колдовство⁴. Роулл отмечает недавно начавшийся рост популярности иррациональных верований вообще, в особенности среди молодых людей⁵. Он счита-

---

* Balch W.R. Testing the validity of astrology in class // Teaching of Psychology. 1980. Vol. 7. № 4. P. 247—250. (Перевод С.А. Капустина.)

¹ См.: Vaughan E. Misconceptions about psychology among introductory psychology students // Teaching of Psychology. 1977. Vol. 4. P. 138—141.

² См.: Gutman A. Misconceptions of psychology and performance in the introductory course // Teaching of Psychology. 1979. Vol. 6. P. 159—161.

³ См.: Shepard D.L. Psychology: The Science of Human Behaviour (Instructor's Guide). Chicago: Science Research Associates, 1977.

⁴ См.: Jensen P. Beliefs of today's college student: Where has science gone? Unpublished manuscript. The Pennsylvania State University at Altoona, 1979.

⁵ См.: Roll W.G. Science looks at the occult // Psychic. 1973. Vol. 4. P. 50—55.

ет это реакцией на обезличивание, ощущаемое молодежью в технократическом западном обществе.

Независимо от причин, трудно отрицать сам факт предрасположенности значительной части студентов к ненаучным способам мышления. Более того, предрассудки студентов могут быть глубоко укоренившимися. Например, Вон и Гутман обнаружили, что после прохождения вводного курса психологии психологические заблуждения остаются практически на прежнем уровне⁶. Тем более не следует надеяться, что студенты перестанут верить в колдовство и астрологию только потому, что «не велел преподаватель».

Исходя из этих соображений, я разработал беспристрастный аудиторный тест, направленный на наиболее устойчивый предрассудок студентов — веру в астрологию. В этом тесте студент, абсолютно уверенный в том, что имеет дело с обычным «личностным тестом», должен оценить степень своего соответствия двенадцати различным «типам» личности. Каждый тип описывается тремя прилагательными. После заполнения теста студентам говорят о его подлинной цели. В качестве характеристик, определяющих каждый тип, мы взяли те, которые наиболее часто используют астрологи для описания зодиакальных типов личности [т.е. типов, которые, как они считают, свойственны родившимся под тем или иным знаком зодиака. — *Ред.-сост.*]. Вопрос заключался в том, насколько студенты оценивают описание, соответствующее их знаку зодиака, как присущее им самим. Результаты тестирования оценивались как подтверждающие точку зрения астрологии, если свыше половины его участников согласились с тем, что они принадлежат к своему зодиакальному типу личности. Эти 12 типов личности представлены в табл. 1.

В левой колонке табл. 1 указаны 12 знаков зодиака и соответствующие им периоды рождения. В соседней колонке — три наиболее часто встречающиеся характеристики личности, соответствующие каждому знаку зодиака. Нормативные частоты, представленные в правой колонке, подсчитаны на основании анализа одиннадцати книг по астрологии⁷. В скобках указаны близкие по значению и также учитываемые при расчете определения, которые встречаются в астрологических книгах в качестве синонимов слов, напечатанных курсивом.

---

⁶ См.: *Gutman A.* Misconceptions of psychology and performance in the introductory course // *Teaching of Psychology*. 1979. Vol. 6. P. 159—161; *Vaughan E.* Misconceptions about psychology among introductory psychology students // *Teaching of Psychology*. 1977. Vol. 4. P. 138—141.

⁷ См.: *Chambertin D.* Astro Analysis. N.Y.: Lancer, 1970; *Cooper M., Weaver A.* An Astrological Index to the World's Famous People. Garden City: Doubleday, 1975; *Gettings F.* The Book of the Zodiac. L.: Triune, 1972; *Goodman L.* Sun Signs. N.Y.: Taplinger, 1968; *King F.* The Cosmic Influence. N.Y.: Doubleday, 1976; *Lee D.* Dictionary of Astrology. N.Y.: Coronet, 1968; *Leek S.* How to Become Your Own Astrologer. N.Y.: Cowles, 1970; *Lynch J.* Table Book of Astrology. N.Y.: Viking, 1969; *MacNiece L.* Astrology. N.Y.: Doubleday, 1964; Octopus Books (Eds.) Understanding Astrology. L.: Octopus, 1973; *Sakoran F., Acker L.* The Astrologer's Handbook. N.Y.: Harper and Row, 1973.

Таблица 1

**Характеристики зодиакальных типов личности,
использованные в зодиакальном «личностном тесте»**

Знаки зодиака	Характеристики	Нормативная частота
Овен 21 марта — 19 апреля	1. <i>Инициативный</i> (предприимчивый) 2. <i>Полный энтузиазма</i> 3. <i>Отважный</i> (бесстрашный, смелый, храбрый)	10 7 7
Телец 20 апреля — 20 мая	1. <i>Стойкий</i> (непоколебимый, надежный) 2. <i>Упрямый</i> (своевольный) 3. <i>Собранный</i> (организованный, систематичный)	6 6 4
Близнецы 21 мая — 21 июня	1. <i>Разумный</i> 2. <i>Гибкий</i> (непостоянный, переменчивый) 3. <i>Находчивый</i> (изобретательный)	7 6 4
Рак 22 июня — 22 июля	1. <i>Чувствительный</i> 2. <i>Чуткий</i> (заботливый) 3. <i>Отзывчивый</i> (жалостливый)	9 9 7
Лев 23 июля — 22 августа	1. <i>Общительный</i> (дружелюбный) 2. <i>Щедрый</i> (великодушный) 3. <i>Авторитарный</i> (властный, ведущий)	5 5 5
Дева 23 августа — 22 сентября	1. <i>Разборчивый</i> (анализирующий) 2. <i>Строгий</i> (старательный, взыскательный, аккуратный) 3. <i>Разумный</i> (изобретательный)	10 8 7
Весы 23 сентября — 22 октября	1. <i>Умиротворяющий</i> (примиряющий, сотрудничающий) 2. <i>Справедливый</i> (законопослушный, беспристрастный) 3. <i>Компанейский</i> (доступный, располагающий, дружелюбный)	6 5 5
Скорпион 23 октября — 21 ноября	1. <i>Скрытный</i> 2. <i>Энергичный</i> (сильный, влиятельный) 3. <i>Страстный</i> (романтический, эротичный)	7 5 5
Стрелец 22 ноября — 21 декабря	1. <i>Честный</i> (искренний, правдивый, прямой) 2. <i>Импульсивный</i> (неугомонный) 3. <i>Оптимистичный</i>	8 6 5
Козерог 22 декабря — 19 января	1. <i>Амбициозный</i> 2. <i>Трудолюбивый</i> (усердный) 3. <i>Осмотрительный</i> (консервативный)	8 6 5
Водолей 20 января — 18 февраля	1. <i>Оригинальный</i> (нетрадиционный, творческий, нешаблонный) 2. <i>Непредубежденный</i> (широко мыслящий) 3. <i>Независимый</i>	7 5 4
Рыбы 19 февраля — 20 марта	1. <i>Сердечный</i> (любящий, теплый) 2. <i>Чувствительный</i> 3. <i>Творческий</i> (артистичный)	5 5 5

Примечание. Указанные нормативные показатели получены по данным одиннадцати книг по астрологии. В скобках указаны слова, встречающиеся в астрологических книгах в качестве синонимов слов, напечатанных курсивом.

Максимальная частота встречаемости той или иной характеристики во всех этих книгах соответственно равна одиннадцати. <...>

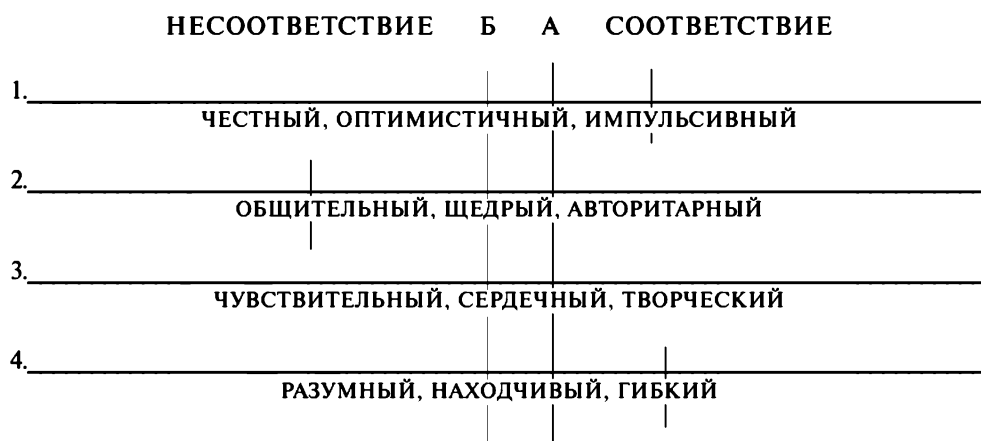
Методика

Испытуемыми были студенты первого и второго года обучения, слушавшие два разных раздела введения в психологию, ни один из которых мной не читался. На одном курсе было 76 студентов (39 юношей и 37 девушек) и на другом — 92 студента (36 юношей и 56 девушек). В первый день занятий я пришел на тот и другой курс, представился как преподаватель психологии того же университета и попросил студентов принять участие в научном исследовании. Я пояснил, что недавно разработал новый личностный тест и хотел бы протестировать их прямо сейчас в аудитории. Всем, кто согласится, было обещано несколько дополнительных баллов к зачету. Участвовать в тестировании захотели все студенты.

Затем им раздали буклеты. На первой странице буклетов был заголовок «Личностный тест Алтунского университета». Там же пояснялось, что для оценки результатов теста необходимы определенные биографические сведения: фамилия, пол, дата рождения, перечень штатов, в которых проживал, нелюбимые учебные предметы, увлечения, количество братьев и сестер. Дополнительно студентам было сказано, чтобы в графе «фамилия» они ставили прочерк, поскольку в данном исследовании они участвуют в качестве «предварительных, или пробных испытуемых».

После заполнения биографических данных студенты переходили ко второй странице, озаглавленной «Инструкция». На этой странице давалась инструкция оценить степень соответствия каждого из двенадцати типов личности самому себе. Описание каждого типа состояло из трех прилагательных, напечатанных под горизонтальной линией, служащей графической шкалой. Левый конец шкалы означал полное несоответствие, а правый — полное соответствие. Испытуемые должны были оценить степень соответствия своей личности каждому из типов вертикальной чертой на соответствующей графической шкале. Их просили давать оценки в разумных пределах быстро и не задумываясь, стараясь использовать весь диапазон оценок по всем двенадцати шкалам. В конце инструкции указывалось, что поскольку не все прилагательные, описывающие один тип, могут им соответствовать в одинаковой степени, они должны оценивать набор из трех прилагательных как единое целостное описание. То есть они должны были оценить, насколько тот или иной тип в целом соответствует их личности.

После этого их просили перейти к следующей, последней странице буклета, на которой в случайной последовательности располагались описания и шкалы двенадцати личностных типов. Студентов спрашивали, есть ли у них

Рис. 1. Примеры графических оценочных шкал, использованных в астрологическом тесте. Короткие вертикальные отметки соответствуют ответам гипотетического испытуемого. Линии А и Б представляют собой подсчеты результатов теста (объяснения даны в тексте)

какие-нибудь вопросы (вопросов не было), после чего давалась команда о начале тестирования.

Фрагмент оценочного бланка теста представлен на рис. 1. Здесь показаны только четыре шкалы из двенадцати (см. табл. 1, в которой приведены все двенадцать типов). Каждая из шкал была обозначена только номером. На рисунке изображены вертикальные отметки, сделанные гипотетическим испытуемым. Линии А и Б на бланке теста отсутствуют и наносятся уже в процессе обработки результатов.

После заполнения бланка студентам давалась инструкция на его обработку. Каждый студент должен был провести медиану через все шкалы так, чтобы она разделяла его ответы на две части — по шесть с каждой стороны. Например, линия А разделяет ответы испытуемого на две части по два с каждой стороны. Обратите внимание, что медиана не обязательно является средней линией по всем шкалам, которая обозначена как линия Б.

И, наконец, перед студентами раскрывалась подлинная цель астрологического теста. Им зачитывались знаки зодиака с датами рождения, которые соответствовали каждому типу личности. Я попросил, чтобы каждый студент поставил звездочку около номера той шкалы, которая соответствует его знаку зодиака. Затем они определяли, «соответствовал» ответ по этой шкале их зодиакальному типу личности (если он находится справа от медианы) или «не соответствовал» (если он находится слева от медианы). Опрос студентов посредством поднятия рук показал, что в каждую из этих категорий попало примерно равное количество студентов.

С целью проверки обработки результатов и их статистического анализа были собраны все буклеты. Результаты и обсуждение представлены ниже.

Результаты

На обоих курсах распределение ответов о соответствии или несоответствии типов личности студентов зодиакальным типам было приблизительно одинаковым. Из 164 студентов у 88 было отмечено соответствие (у 39 студентов первого и у 49 студентов второго курса). Случаев несоответствия было примерно столько же — всего у 76 студентов (35 на первом курсе и 41 на втором)⁸. Поскольку протоколы обрабатывались посредством проведения медианы (см. рис. 1 линия А), то гипотетическое случайное распределение этих типов ответов должно быть одинаковым. Однако количество ответов о соответствии превысило 50%, но это увеличение оказалось незначимым ($\chi^2_{(1)} = 0,88, p > 0,20$). Таким образом, у студентов не выявлена тенденция признавать соответствие типов их личности зодиакальным.

Хотя никакого значимого «зодиакального эффекта» обнаружено не было, наблюдалось одно удивительное явление. Независимо от принадлежности студентов к тому или иному знаку зодиака, их ответы по всем шкалам были в целом смещены к положительным полюсам. По отношению к *средней линии* (на рис. 1 линия Б) в среднем в 8,29 случаев из 12 оценки были смещены к полюсу «соответствует». Если бы испытуемые относились к своим ответам безразлично, то только половина ответов (т.е. 6) должна была находиться на положительной половине шкал. Эта тенденция согласия со всеми описаниями личности оказалась высоко значимой $t(164) = 14,126; p < 0,0001$. Таким образом была обнаружена явная установка на ответ «безмолвного согласия». Этот факт общей приемлемости для себя многих зодиакальных типов личности вне всякого сомнения должен рассматриваться в качестве одной из важнейших причин широкой распространенности доверия людей к заявлениям астрологов⁹.

Обсуждение

При чтении курса психологии, в зависимости от целей преподавателя, данную демонстрацию можно использовать различными способами. На своих занятиях я обычно объединял ее с вводной лекцией-дискуссией о значении научного метода в психологии. Во вступительной части этой лекции говори-

---

⁸ Четыре оценочных листа пришлось исключить из анализа, так как ответы на них были расположены настолько близко, что провести медиану было невозможно.

⁹ Известно, что испытуемые склонны соглашаться с любыми общими описаниями личности (см.: Snyder C.R., Larson G.R. A further look at student acceptance of general personality interpretations // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1972. Vol. 38. P. 384—388; Ulrich R.E., Stachnik, T.J., Stainton N.R. Student acceptance of generalized personality interpretations // Psychological Report. 1963. Vol. 13. P. 831—834).

лось о сомнительности ссылок на «здравый смысл» и «широко распространенное мнение» и приводились обычные аргументы в пользу научного психологического исследования. Затем я давал «личностный тест» как пример «собственного исследования». Последующее раскрытие подлинной цели теста и голосование проводились таким образом, чтобы вызвать у студентов состояние напряженной заинтересованности. Этому способствовало то, что количество испытуемых, «соответствующих» и «не соответствующих» своим зодиакальным типам личности, всегда оказывались приблизительно одинаковым¹⁰.

С помощью коротких провоцирующих реплик преподаватель может вызвать в аудитории по меньшей мере оживленную дискуссию. Это удастся особенно легко, если в группе найдутся ярые сторонники астрологии, которые не потерпят критики своих убеждений. Они могут привести целый ряд на удивление достойных методических аргументов против данной демонстрации. Например, они скажут, что люди правильно судят о своей личности далеко не всегда. Поэтому зодиакальные описания для таких людей могут быть в действительности истинными, но не признаваться таковыми. Так, Силверман и Уитмер использовали оценки особенностей личности людей их друзьями¹¹. Они не обнаружили значимой связи между зодиакальными типами личности и особенностями личности испытуемых, установленными таким более объективным образом. Валидность астрологии проверялась в целом ряде различных исследований. Студентам, желающим взять эту тему для курсовой работы, можно рекомендовать ряд статей и книг¹².

Любая проверка широко распространенных предрассудков в студенческой аудитории может стать эффективным способом выявления и обсуждения склонности большинства студентов к ненаучному мышлению. Проверка с по-

---

¹⁰ В небольших группах (менее 30 человек) это разделение может оказаться не столь равным. Но даже в маленьких группах я никогда не обнаруживал соотношения в пользу соответствия зодиакальным типам личности, значимо превышающего случайное. И все-таки интересно, что число таких соответствий обычно слегка превышало число несоответствий. Подчеркнем, что данный тест не исключает возможность влияния на студентов их предшествующих знаний утверждений астрологов. Например, «рыбы» могли неоднократно слышать о своей «чувствительности» и это могло повлиять на их восприятие самих себя.

¹¹ См.: *Silverman B.J., Whitmer M.* Astrological indications of personality // *Journal of Psychology*. 1974. Vol. 87. P. 89—95.

¹² См.: *Delaney J.G., Woodyard H.D.* Effects of reading an astrological description on responding to a personality // *Psychological Reports*. 1974. Vol. 34. P. 1214; *Illingworth D. J., Syme G.J.* Birthdate and femininity // *Journal of Social Psychology*. 1977. Vol. 103. P. 153—154; *Hume N., Goldstein G.* Is there an association between astrological data and personality? // *Journal of Clinical Psychology*. 1977. Vol. 33. P. 711—713; *Jerome L.E.* Astrology Disproved. Buffalo : Prometheus, 1977; *Pellegrini R.J.* The astrological theory of personality: An unbiased test by a biased observer // *Journal of Psychology*. 1973. Vol. 85. P. 21—28; *Shaffer J.W., Nurco D.N., Bonito A.J.* Is there a relationship between astrology and addiction? // *Drug Forum*. 1977—1978. Vol. 6. P. 137—141; *Tyson G.A.* Astrology or reason of birth : A «split-sphere» test // *Journal of Psychology*. 1977. Vol. 95. P. 285—287.

мощью астрологического теста, представленного в данной статье, имеет ряд преимуществ: а) студенты сами принимают участие в решении вопроса о достоверности предрассудков; б) результаты теста не известны заранее, что порождает у студентов состояние напряженной заинтересованности; в) эта демонстрация может послужить в качестве первого наглядного примера объективных методов исследования; г) последнее слово в принятии решения «за» или «против» данного предрассудка предоставляется самим студентам. Разве мы не говорим студентам постоянно, что результаты одного исследования нельзя рассматривать как окончательные?

**Р.А. Бьёрк,
Д. Дракман**

Самоодурачивание вокруг самосовершенствования*

Многие из тех, кому никогда бы не пришло в голову купить автомобиль, не прошедший проверку на складе поставщика, становятся удивительно легкомысленными, когда выбирают методики, предназначенные для совершенствования деятельности человека.

Так, американцы ежегодно тратят более 50 млн долларов на аудиокассеты с «подпороговым научением»¹, претендующие на оказание помощи слушателям в решении ряда проблем, начиная от сбрасывания лишнего веса и кончая приобретением чувства уверенности для того, чтобы стать чемпионом по боулингу. С целью уменьшения стресса предлагаются курсы обучения медитации, а для принятия решений о карьере — тесты самопознания.

Опираясь на результаты исследования, проведенного по прямому распоряжению Национального научно-исследовательского совета² с целью оценки разнообразных техник улучшения деятельности, мы советуем читателям быть более разборчивыми в своих увлечениях.

Нет ни теоретического обоснования, ни эмпирических доказательств, например, того, что аудиокассеты для подпорогового самообучения могут изменить сложное поведение человека. Многие считают, что такие кассеты им

---

* Bjork R.A., Druckman D. Fooling ourselves about improving ourselves // *Headline News, Science Views II* / D. Jarmul (Ed.). Washington (DC): National Academy Press, 1993. P. 35—37. (Перевод Н.С. Паниной, Ю.Б. Дормашева.)

¹ Подпороговое научение (subliminal learning) — научение, происходящее без осознания, т.е. имплицитным, или скрытым, образом. — *Ред.-сост.*

² Национальный научно-исследовательский совет (National Research Council) — совет, созданный при Национальной академии наук США в 1916 г. с целью укрепления связей между различными научными и технологическими дисциплинами, их дальнейшего развития, а также консультирования федерального правительства. — *Ред.-сост.*

помогают, однако данные исследований говорят о том, что любые изменения к лучшему являются следствиями определенных процессов вроде «эффекта ожидания» — человек настолько готов к изменению, что оно происходит независимо от подпороговой записи на кассете.

Нет убедительных доказательств и того, что медитация обладает какими-то особыми преимуществами для снятия стресса и уменьшения напряженности. Отдых и упражнения на расслабление оказываются столь же эффективными. Регулярно медитирующие люди могут [независимо от медитации. — *Ред.-сост.*] изменить свой образ жизни на более спокойный и поэтому, определяя причины уменьшения стресса или напряженности, необходимо различать влияние практики медитации и изменения стиля жизни.

Также неоправданна популярность тестов самопознания как инструмента прогноза карьеры. Один из таких тестов, *Индикатор типов Майерса—Бриггса*³, классифицирующий людей на определенные «личностные типы», в США ежегодно применяют около двух миллионов человек. Однако наша комиссия так и не смогла найти никаких убедительных доказательств корреляции типов личности по Майерсу—Бриггсу с продуктивностью в конкретных видах трудовой и профессиональной деятельности.

Поэтому необходима осторожность. Но в то же время в отношении некоторых техник мы обнаружили твердое основание для оптимизма. Например, мы пришли к заключению, что люди могут освоить психологические методики, помогающие уменьшить страдание. В этом помогают все испытанные техники управления стрессом (например, упражнения на расслабление), которые предоставляют информацию о том, чего следует ожидать, и повышают чувство самоконтроля.

Кроме того, доказана эффективность некоторых техник мысленной подготовки и повторения. Мысленная тренировка может оказаться полезной при выработке моторных навыков, а мысленное повторение уже заученного умения может усилить готовность к действию. Простые ритуалы, вроде определенного числа постукиваний мячом перед подачей, могут замедлить сердцебиение игрока и вызвать другие физиологические изменения, коррелирующие с последующим хорошим ее выполнением.

Традиционные методики тренинга⁴ также требуют более пристального изучения. Так, большинство тренинговых программ, предлагаемых компаниям,

---

³ *Индикатор типов Майерса—Бриггса* (Myers—Briggs Type Indicator) — тест, предназначенный для классификации индивидов согласно их выборам контрастирующих альтернатив определенных категорий личностных черт. В список этих категорий входят рассуждение—восприятие (*judgment—perception*), мышление—чувствование (*thinking—feeling*), экстраверсия—интроверсия (*extraversion—introversion*) и ощущение—интуиция (*sensing—intuition*). Испытуемого относят к тому или иному типу в зависимости от общей картины выборов. — *Ред.-сост.*

⁴ *Тренинг* (training) — специальное систематическое обучение и практика с целью приобретения определенных навыков и умений. — *Ред.-сост.*

проводятся в сжатые сроки и в строго определенных условиях, обеспечивая участников непрерывной обратной связью. Во время тренинга они могут улучшить деятельность обучающихся, но приобретенные таким образом умения не сохраняются надолго и не применимы в новых условиях.

Улучшить положение дел можно, если разнести сессии тренинга во времени, варьировать его условия и давать обратную связь прерывистым образом. Эти меры вызовут определенные трудности во время тренинга, но в итоге после его окончания сформируются более прочные и гибкие умения. Кроме того, прочности умений способствует такой тренинг, в котором обучающихся побуждают к активному участию и к пониманию происходящего.

Почему же компании, ежегодно расходуящие миллионы долларов, чтобы обучить работников управлять механизмами, пользоваться компьютерами и решать другие задачи, применяют неэффективные методы? И почему опытные инструкторы используют эти методы? Ответ отчасти заключается в том, что обычно инструкторы наблюдают действия обучающихся только *во время* тренинга, оценивая его эффективность по продуктивности этих действий. Главным же критерием эффективности программ тренинга должна стать продуктивность сформированных действий на рабочем месте.

Наше стремление к самосовершенствованию достойно восхищения, но менее похвальна наша склонность верить в существование легких решений трудных проблем. Настало время прекратить дурачить самих себя. Впечатляющих заявлений и многообещающих рекомендаций, даже если они даются с благими намерениями, совершенно недостаточно. Мы должны ориентироваться на строго установленные факты. Да, совершенствование способов научения и деятельности возможно. Оно даже может быть впечатляющим, однако, как правило, требует усилий.

Учебное пособие

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тексты

В трех томах

Том 1

Введение

Книга 1

Редактор *М.И. Черкасская*

Корректор *Т.П. Толстова*

Верстка *О.В. Кокорева*

Дизайн обложки *В.Д. Ентинзон*

Издательство «Когито-Центр»

129366, Москва, ул. Ярославская, 13, корп. 1

Тел.: (495) 682-61-02

E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru

www.cogito-centre.com

Подписано в печать 08.10.12

Формат 70 × 100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная

Печ. л. 40,0. Усл. печ. л. 51,85

Тираж 500 экз. Заказ

Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука“»

121099, Москва, Шубинский пер., 6